SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XI-й. № 9-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

61110.

Коммунистич. Университет им. Я. М. Свердлова
I-я Библиотека

СЕНТЯБРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Printed in Soviet Union

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го августа 1902 года.

A130
M47
1909
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАН.

1. СОВРЕМЕННЫЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРОБЛЕМАМИ ВОСПИТАНІЯ. Евг. Лозинскаго 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. Галиной 24
3. ДУРАКЪ. (Повѣсть). (Продолженіе). И. Потапенко 25
4. О ВРАЧАХЪ. (По поводу «Записокъ врача» *В. Вересаева*). (Окончаніе). Врача Д. Жбанкова 70
5. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Очеркъ VIII. Марксъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго. 98
6. «КАКЪ ХОРОШИ, КАКЪ СВѢЖИ БЫЛИ РОЗЫ»... Разсказъ. А. Крандіевской. 135
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА. О. Чюминой. 146
8. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго. 148
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. НА ДАЧѢ. Петра Вейнберга.. 186
10. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Ром. м-рсъ Гёмпфри Уордъ. Перев. съ англійскаго З. Журавской (Продолженіе) 188
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. КОНДОРЪ. (Сонетъ). Ив. Бунина.. . . . 211
12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА. С. Чулока. 212
13. СЕМЕЙСТВО БЕСТУЖЕВЫХЪ. (Историко-литературный очеркъ). В. Богучарскаго. 245

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. О ВОЛЬНОНАЕМНОМЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОМЪ ТРУДѢ ПРИ КРѢПОСТНОМЪ ПРАВѢ. (Отвѣтъ г. Семевскому). Н. Рожкова. 1
15. МАТЕРИНСТВО И УМСТВЕННЫЙ ТРУДЪ. (По поводу одной книги). Ф. Л.-Л.. 7
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Въ усадьбѣ Некрасова.— Къ вопросу о грамотности среди рабочихъ.—Въ житницѣ Сибири.—«Запрещенная» книга.—Къ тихорѣцкой исторіи.— За мѣсяцъ.—Некрологъ. 17

884351

стран.

17. За границей. Происхожденіе и развитіе народныхъ университетовъ во Франціи.—Борьба съ алкоголизмомъ.—Демонстрація дѣтей въ Миланѣ.—Общественныя владѣнія и дома для рабочихъ.—Американское исправительное заведеніе.—Выставка дѣтей въ Лондонѣ. 29
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Около Толстого».—Къ психологіи великихъ людей.—Послѣдствія трансваальской войны. 39
19. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О вулканической катастрофѣ на о. Мартиникѣ. Проф. Ф. Левинсонъ-Лессинга 46
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Изслѣдованія атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ.—Выдѣленіе подчелюстной железы.—Дѣйствіе синильной кислоты на сѣмена. В. А.. . . . 56
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая.—Соціологія.—Психологія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 61
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 92
23. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Двѣ знаменательныя годовщины: столѣтіе смерти Радищева и пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Льва Толстого.—Значеніе Радищева «На зарѣ русской общественности» (изъ сборника г. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества»).—Міровое значеніе Толстого.—Общій взглядъ на его литературную дѣятельность. А. Б.. . 95
24. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Д. Коропчевскаго. 102

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна.(Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 231
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СОВРЕМЕННЫЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРОБЛЕМАМИ ВОСПИТАНІЯ.

(Обзоръ новѣйшей иностранной литературы по женскому вопросу).

«*Liebe und Liebesleben im XIX Jahrhundert*», von D-r Ernst Gystrow. (Berlin, 1902, Verlag «Aufklärung»).—«*Geistiges Proletariat und Frauenfrage*», von Clara Zetkin (Berlin, 1902, Verlag Th. Glocke).—«*Das Weib und der Intellectualismus*», von Oda Olberg (Berlin, 1902. Akademischer Verlag für sociale Wissenschaften).

Подобно тому, какъ Сократы и Фаусты, по мѣрѣ ихъ все болѣе глубокаго погруженія въ загадки человѣческаго міра и знанія, приходили къ печальному заключенію, что «все, что они знаютъ, есть лишь то, что они ничего не знаютъ»,—такъ и всѣ тѣ, которые mit heissem Bemüh'n слѣдили за литературой по такъ называемому женскому вопросу, за всѣми произведеніями послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій, трактовавшими за и противъ женской «эмансипаціи», должны были, при искреннемъ отношеніи къ дѣлу, придти, въ концѣ концовъ, къ тому же заключенію и сказать себѣ, подобно Фаусту:

Da steh'ich nun, ich armer Thor!
Und bin so klug, als wie zuvor...

Лишь въ самые послѣдніе годы обнаружился поворотъ въ теоретическомъ отношеніи къ женскому вопросу и, вмѣсто болѣе или менѣе звонкихъ фразъ, неубѣдительныхъ аргументовъ à-priori и предвзятыхъ точекъ зрѣнія, стали появляться безпристрастныя изслѣдованія, опирающіяся на твердый фундаментъ объективныхъ данныхъ и научныхъ методовъ. Казавшіеся раньше столь простыми, столь несложными вопросы женскаго внѣсемейнаго труда, женскаго образованія и т. п., по мѣрѣ все болѣе и болѣе разносторонняго и глубокаго ихъ разсмотрѣнія, оказались необычайно трудными проблемами, затрогивающими не только насущные интересы женской личности, но и судьбы какъ подрастающихъ поколѣній, такъ и всего общества. Эпоха апріорнаго рѣшенія женскаго вопроса, господство методовъ à la Дж.-Ст. Милль, апеллированіе къ справедливости и свободѣ на одной сторонѣ, къ «законамъ природы» и «здравому смыслу» на другой уступаютъ свое мѣсто болѣе убѣдительной аргументаціи статистики, біологіи и другихъ положительныхъ знаній. Друзья женской эмансипаціи поняли,

наконецъ, что красивыми и даже благородными фразами не рѣшить столь сложной проблемы, и отложивъ на второй планъ—поскольку это, конечно, возможно—свои идеалы, они принялись за азбуку. Благодаря такому счастливому повороту въ современной теоріи женскаго вопроса, послѣдніе годы подарили намъ цѣлый рядъ выдающихся изслѣдованій, бросающихъ совершенно новый свѣтъ на старую уже, въ сущности, тему и затрогивающихъ, въ связи съ женскимъ движеніемъ, много другихъ, весьма близкихъ къ нему вопросовъ, оставшихся до сихъ поръ въ болѣе или менѣе полномъ пренебреженіи. Въ теоріи женскаго вопроса, по выраженію одной изъ новѣйшихъ поборницъ женскихъ правъ, Оды Ольбергъ, оказался вдругъ цѣлый непочатый уголъ «неизвѣстныхъ величинъ», отъ того или иного опредѣленія которыхъ будетъ зависѣть все наше принципіальное отношеніе къ женскому движенію. Неудивительно, если на опредѣленіе такихъ «иксовъ» и «игрековъ» набросились въ послѣдніе два—три года самыя свѣжія и наиболѣе выдающіяся силы современнаго женскаго движенія на Западѣ, рѣшившіяся исправить крайности и ошибки, а также пополнить пробѣлы всей «женской» литературы второй половины XIX-го вѣка. Ближайшее знакомство съ этой новой литературой по женскому вопросу представляетъ, поэтому, глубокій интересъ, ибо въ ней затрогиваются, со всей подобающей имъ серьезностью и осторожностью, самые близкіе, такъ сказать, и *интимные* вопросы нашей повседневной жизни—вопросы семьи и воспитанія. Какъ рѣшаетъ эти вопросы новая литература? что думаютъ сами женщины, стремящіяся къ внѣсемейному труду, о конфликтѣ материнскихъ и общественныхъ задачъ, о ближайшихъ судьбахъ воспитанія? въ какомъ смыслѣ надо понимать глубокій кризисъ современной семейной жизни и чѣмъ онъ обѣщаетъ разрѣшиться? Такіе и подобные имъ вопросы поставлены теперь ребромъ самой жизнью, и ихъ приходится рѣшать уже не легкомысленными фразами и не партійною полемикой, а, какъ и всякую другую соціальную проблему, позитивнымъ методомъ, во всеоружіи современныхъ знаній. Наши субъективныя желанія, симпатіи и антипатіи должны отойти на задній планъ. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить не то, куда намъ *хотѣлось бы* направить современную дѣйствительность, а то, куда она направляется сама собой, безъ вмѣшательства нашихъ сознательныхъ стремленій, чтобы затѣмъ въ эволюціи этой дѣйствительности отыскать ея цѣль и смыслъ. Такая *первая ступень* изслѣдованія дастъ намъ положительныя данныя и познакомитъ съ законами развитія той соціальной среды, часть которой составляетъ коллективная жизнь женщины и семьи. Въ связи съ изученіемъ соціальной среды, какъ фактора первичнаго и опредѣляющаго, должны быть затѣмъ разсмотрѣны факторы индивидуальные, психологическіе, такъ называемая «природа женской личности», а также, наконецъ, и наши идеалы, задачи семьи и воспитанія. Въ такомъ духѣ, по крайней мѣрѣ,

составлены труды извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ авторовъ, посвятившихъ свои силы болѣе глубокому изслѣдованію «иксовъ» и «игрековъ» современнаго женскаго вопроса. Въ числѣ этихъ трудовъ первое, безспорно, мѣсто занимаютъ опубликованныя въ прошломъ году и разсмотрѣнныя уже нами въ другомъ мѣстѣ *) работы Лили Гижицкой-Браунъ, Адели Гергартъ и Елены Симонъ, а также вышедшія недавно сочиненія Клары Цеткинъ и Оды Ольбергъ—все представительницъ германскаго женскаго движенія. Сочиненія этихъ двухъ послѣднихъ авторовъ, равно какъ краткій историческій обзоръ Эрнста Гистрова, посвященный судьбамъ «любви въ девятнадцатомъ столѣтіи» и имѣющій близкое отношеніе къ нашей темѣ, являются послѣдними наиболѣе интересными «новинками» иностранной литературы по женскому вопросу. Въ частности, историческій этюдъ Эрнста Гистрова затрогиваетъ наиболѣе интимную сторону этого вопроса, а именно *эволюцію любви въ девятнадцатомъ столѣтіи*, тѣ ея колебанія и пертурбаціи, которыя служатъ, по мнѣнію автора, знаменіемъ предстоящихъ важныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ половъ другъ къ другу. Понять характеръ и направленіе этой эволюціи, сознается авторъ, необычайно трудно, такъ какъ тутъ приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ крайне перепутанныхъ между собою факторовъ, не только чисто экономическихъ и соціальныхъ, но и духовныхъ, вліяющихъ самымъ различнымъ образомъ какъ на семейную, такъ и досемейную жизнь всѣхъ членовъ общества. Но чѣмъ труднѣе тема, тѣмъ интереснѣе ея развитіе, въ особенности если, приступая къ ней, авторъ будетъ строго придерживаться фактовъ и не подтасовывать ихъ подъ тѣ или иные моральные или неморальные рецепты. «Задача, которую я себѣ поставилъ,—говоритъ Гистровъ,—заключается не въ томъ, чтобы изобразить любовь (Liebesleben), какою она *должна быть* или *могла бы* когда-либо быть, а въ томъ, чтобы показать, какія формы она за послѣднія сто лѣтъ приняла и въ какомъ общемъ направленіи она развивается въ настоящую минуту». При всемъ томъ, нашъ авторъ имѣетъ въ виду лишь западно-европейскія государства, главнымъ образомъ, Германію и, отчасти, Францію, вообще тѣ страны, гдѣ кризисъ семьи и традиціонныхъ началъ морали принялъ особенно острый характеръ.

Идеалы любви и семейной жизни имѣютъ свою исторію, какъ и всѣ вообще идеалы. Въ Германіи первой четверти XIX-го вѣка, т.-е. въ «романтическій» періодъ ея исторіи, идеалы любви и семейной жизни складывались подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, двухъ факторовъ: 1) національнаго движенія студенческой молодежи и 2) зарожденія классового самосознанія въ средѣ крѣпнущей буржуазіи. Учащаяся молодежь носилась въ то время съ идеями «свободной и единой Германіи», т.-е. національной независимости и государственнаго объ-

*) См. «Вѣстникъ Воспитанія», 1901 г., ноябрь.

единенія. Политическіе идеалы и общественныя стремленія подчинили себѣ молодыя сердца въ такой степени, что моральному легкомыслію не было тутъ болѣе мѣста. Веселіе и попойки уступили мѣсто политическимъ дебатамъ; стали возникать повсюду гимнастическія общества, причемъ гимнастика была не только средствомъ физическаго укрѣпленія молодыхъ силъ, но и факторомъ нравственнаго развитія. Гимнастическія упражненія, по идеѣ того времени, должны были служить «великой нравственной цѣли» подготовлять къ борьбѣ за національное освобожденіе отъ наполеоновской гегемоніи, пріучать молодежь къ мужеству, самообладанію, дисциплинѣ и т. п. На всемъ этомъ лежала печать аскетизма, принявшая вполнѣ опредѣленный характеръ еще подъ вліяніемъ философскихъ идей того времени—провозглашеннаго Кантомъ категорическаго императива «*Du sollst!*» и морального абсолютизма Готлиба Фихте. Безнравственный образъ жизни придворныхъ и аристократическихъ круговъ—прежде во Франціи, а затѣмъ, по подражанію, и въ Германіи—возбуждалъ въ демократически настроенной молодежи чувства моральнаго отвращенія, питалъ ея аскетическія тенденціи. Не послѣднюю роль играло также то обстоятельство, что большинство университетскихъ центровъ тогдашней Германіи носило чисто провинціальный, мелко-буржуазный характеръ, въ силу чего студенчество поневолѣ принуждено было вести строгій и трезвый образъ жизни. Въ Іенѣ, напримѣръ, главномъ очагѣ національно-демократическаго движенія, господствовали въ то время, во всей своей неприкосновенности, старые, патріархальные нравы. Всѣ эти моменты настраивали молодежь на аскетическій ладъ и привели къ соотвѣтственнымъ идеаламъ любви и семейной жизни. На вартбургскомъ торжествѣ, устроенномъ буршеншафтами, студенты торжественно сжигаютъ корсетъ, какъ символъ вырожденія французской женщины. Послѣдней былъ противопоставленъ образъ нѣмецкой женщины, какъ идеалъ: образъ нѣмецкой бюргерской дѣвушки и нѣмецкой домохозяйки (Hausfrau). Подобное настроеніе питалось еще соотвѣтственнымъ образомъ германской классической литературой: Эмилія Лессинга, типы Гретхенъ, Ифигеніи и Доротеи въ произведеніяхъ Гете, типъ шиллеровскій «домохозяйки» въ «Пѣснѣ о колоколѣ», всѣ эти поэтическія фигуры не мало содѣйствовали укрѣпленію цѣломудренныхъ идеаловъ въ сердцахъ передовой молодежи. Идеаломъ женщины для самаго радикальнѣйшаго студента того времени была Гретхенъ; самыя смѣлыя мечты его дальше этого типа не простирались.

Параллельно этимъ идеальнымъ моментамъ въ жизни наиболѣе передовой части тогдашняго германскаго общества совершался другой важный процессъ—*зарожденіе и ростъ классового самосознанія* въ бюргерскихъ слояхъ этого общества. Буржуазія проникалась сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, своей принадлежности къ одной солидарной группѣ. Каждый «бюргеръ» сталъ инстинктивно чувствовать ве-

ликую классовую отвѣтственность своихъ индивидуальныхъ поступковъ, и студентъ, покусившійся на честь бюргерской дѣвушки, тѣмъ самымъ бросалъ нравственное пятно на честь своего класса, а слѣдовательно, и на свою собственную. Отъ дѣвушки требовалось лишь одно—цѣломудріе, отъ жены—вѣрность. Супружеская жизнь не строилась на почвѣ «родственныхъ взглядовъ», общихъ идеаловъ: обо всемъ этомъ не было рѣчи ни до, ни послѣ замужества. Мужчины были заняты въ своихъ лабораторіяхъ, банкахъ, женщины—въ своихъ кухняхъ, спальняхъ, дѣтскихъ. Всякое нарушеніе этого строя жизни каралось коллективнымъ презрѣніемъ, насмѣшками, изгнаніемъ изъ среды. «Падшей» бюргерской дѣвушкѣ нечего было искать состраданія,—ея жизнь отравлена, ея будущее погублено. Воспитаніе дѣтей носило такой же патріархальный характеръ. Идиллическое спокойствіе тогдашней семейной жизни, ея равномѣрное теченіе, строгій режимъ труда не могли не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на дѣтяхъ въ ихъ первый, младенческій періодъ развитія, когда чисто физическое воспитаніе значительно еще перевѣшиваетъ надъ умственнымъ и моральнымъ. Что касается дѣтей болѣе старшаго возраста, то ихъ духовный ростъ много страдалъ отъ узости семейныхъ интересовъ и отъ невѣжества матери. Ни взаимныя бесѣды родителей, вертѣвшіяся лишь вокругъ матеріальныхъ заботъ и мелочей жизни, ни непосредственное вліяніе матери не способны были пробудить у дѣтей новые запросы, заронить въ нихъ мысль о существованіи иной жизни, болѣе широкихъ стремленій и идеаловъ.

Казалось, такъ должно было продолжаться «до скончанія вѣковъ» и ничто, повидимому, не могло поколебать твердыню филистерскаго, мелко-буржуазнаго существованія. Въ семьяхъ царили миръ и спокойствіе, нарушенные лишь было временно къ концу сороковыхъ годовъ, когда идеологи третьяго сословія выступили на историческую сцену. Политическій конфликтъ отразился и на семейной жизни: жены, сестры и матери отнеслись безучастно и даже враждебно къ «вздорнымъ идеямъ», взбаламутившимъ головы ихъ мужей, братьевъ и сыновей. Близкіе по крови люди стали вдругъ говорить на разныхъ языкахъ; гармонія замѣнилась взаимнымъ непониманіемъ и домашнимъ раздоромъ. Но такъ продолжалось не долго. Волна идеалистическихъ увлеченій смѣнилась вскорѣ реакціонной прозой; въ семьяхъ вновь послышались обычные разговоры, болѣе доступные пониманію добродѣтельныхъ и прилежныхъ домохозяекъ. Буря прошла, и все успокоилось. Но не надолго. Новая и далеко уже болѣе серьезная опасность стала грозить сложившимся отношеніямъ, и на сей разъ уже не со стороны какихъ-либо идей, а отъ естественнаго развитія самой общественной, въ особенности—экономической жизни. Обострившаяся борьба за существованіе, съ одной стороны, съ другой—болѣе строгія требованія, предъявляемыя внѣшней жизнью къ умственному и профессіональному

развитію личности, стали вліять на сокращеніе числа браковъ. Въ то же время самое вступленіе въ бракъ стало пріурочиваться ко все болѣе позднему возрасту. *Любовь* вступила въ періодъ самаго острого кризиса; внутренніе конфликты стали расшатывать семейные устои. Аскетическіе идеалы учащейся молодежи стали подвергаться тяжкому испытанію; практика цѣломудрія въ добрачный возрастъ, дѣлавшійся все болѣе продолжительнымъ, стала уже невозможной. Потребность въ добрачной любви, спросъ на нецѣломудренныхъ женщинъ стали усиливаться въ небывалой еще до сихъ поръ степени. Параллельно этому росли кадры проституціи, участились внѣбрачныя связи. Идеальный типъ Гретхенъ сталъ блѣднѣть, спросъ на него сталъ падать. Идеаломъ французскаго студента стала «гризетка», идеаломъ нѣмецкаго—«Verkäuferin», вообще—дѣвушка, зарабатывающая свой хлѣбъ какимъ-либо внѣсемейнымъ трудомъ. Имя же такимъ дѣвушкамъ теперь—легіонъ. Надежды на замужество—единственную карьеру прежнихъ дѣвушекъ—стали теперь сомнительными; строить на нихъ свое будущее уже есть верхъ безумія. И вотъ цѣлые десятки и сотни тысячъ хрупкихъ молодыхъ существъ появляются на огромный рынокъ общественнаго труда въ поискахъ заработка. Найти работу, хотя бы самую неприглядую и скудно оплачиваемую, теперь уже счастье. Прежде Гретхенъ не выходила одна за порогъ своего дома, теперь *современная* Гретхенъ работаетъ цѣлый день въ конторѣ, въ магазинѣ, среди цѣлой массы чуждыхъ ей личностей, и не отдаетъ никому отчета въ своемъ поведеніи. Удастся ли еще выйти замужъ,— кто знаетъ? сколько лѣтъ придется еще ждать замужества, опять-таки кто знаетъ? губить же свои лучшіе годы въ тяжкомъ трудѣ, убѣгая отъ свѣта и радости—не безразсудно ли?

Такъ складываются стихійно, непрочно, провизорно любовныя отношенія среди молодежи. «Дѣти»—обоего пола—устраиваются, какъ могутъ, какъ выпадетъ случай, а случай, какъ извѣстно, почти всегда безжалостенъ и суровъ, почти всегда чреватъ гибельными послѣдствіями. Много въ этомъ мутномъ стихійномъ потокѣ пропадаетъ силы, свѣжести, чистоты, много развивается легкомыслія, цинизма, грубости. Но спрашивается: гдѣ выходъ?

Кризисъ любви охватилъ собою не только подрастающія поколѣнія. Грѣшатъ и страдаютъ не только дѣти, но и родители. Лишь только наступаетъ пора (и возможность!) брачной жизни, мы говоримъ здѣсь спеціально о средѣ зажиточныхъ классовъ, въ особенности—буржуазіи, мотивы корысти, разсчета играютъ рѣшающую роль. Отъ женщины, если она богата или имѣетъ связи, не требуется даже добродѣтели. О любви тутъ не можетъ быть никакой рѣчи, такъ какъ и возрастъ уже для этого неподходящій (теперь вступаютъ въ бракъ въ 35—45 лѣтъ), да и сладостями ея уже пересыщены обѣ стороны. Въ семьяхъ, образованныхъ такимъ образомъ, мы не замѣчаемъ особенно острыхъ кон-

фликтовъ; въ большинствѣ случаевъ, въ нихъ царятъ миръ и взаимное пониманіе, несмотря на «грѣхи» прошлаго. Но само собою разумѣется, что такіе браки не могутъ служить ни образцомъ для молодежи, ни средствомъ разрѣшенія поставленной нами выше загадки: *идъ выходъ изъ царящаго нынѣ кризиса любви и семейной жизни?* Болѣе или менѣе сознательно этотъ вопросъ ставила и ставитъ передъ собою каждая современная личность, все равно женщина или мужчина, ибо нѣтъ въ современномъ обществѣ человѣка, который бы не страдалъ—хотя бы кратковременно—отъ невозможности его удовлетворительнаго разрѣшенія. Какъ любить, когда жизнь такъ безпощадно сурова къ этому чувству? какъ дать волю своимъ самымъ законнымъ потребностямъ, не оскорбляя своихъ лучшихъ чувствъ и не попирая ногами свою и женскую личность?

Эти и другіе, родственные имъ, вопросы не оставались до сихъ поръ безъ отвѣта. Надъ загадкой, поставленной самой жизнью, ломали свои головы выдающіеся мыслители современности; практически разрѣшить ее пытались, въ послѣднее время, цѣлыя группы и теченія въ обществѣ. И спрашивается: каковы результаты? Не продолжаетъ ли *сфинксъ любви* попрежнему стоять передъ духовнымъ взоромъ современной человѣческой личности, съ неумолимой своей угрозой: разгадай меня или гибни!? Не продолжаютъ ли современные романисты (вспомнимъ хотя бы «Плодородіе» Эмиля Золя) раскрывать передъ нами дикія сцены полнаго вырожденія материнскихъ инстинктовъ, страданія дѣтей, разврата, болѣзней?

Нѣтъ, проповѣди и совѣты нашихъ лучшихъ людей не привели ни къ чему, не дали никакихъ результатовъ. И по одной весьма важной причинѣ: они не считались съ законами и тенденціями самой жизни, они оставались слѣпы къ ея знаменіямъ и урокамъ. Что сообщилъ намъ Левъ Толстой? что говорилъ намъ Бьенстьерне-Бьернсонъ? Проповѣдь Льва Толстого велась въ духѣ старыхъ аскетическихъ идеаловъ, въ корнѣ протирѣчащихъ всѣмъ лучшимъ теченіямъ современности. Аскетизмомъ не замаришь современныя поколѣнія, тѣмъ болѣе поколѣнія грядущія. Считать половую любовь *вообще зломъ* значитъ отрицать жизнь и ея самые святые законы. Будущее же принадлежитъ утвержденію жизни во всѣхъ ея естественныхъ проявленіяхъ.—«Нѣтъ, не воздерживайтесь, а *плодитесь*», говорилъ Эмиль Золя въ противоположность Толстому, и какъ ни баналенъ этотъ совѣтъ, въ основѣ его лежитъ міросозерцаніе, гораздо ближе стоящее къ будущему, чѣмъ ученье Толстого. Половая любовь, въ ея естественномъ проявленіи, есть одно изъ величайшихъ жизненныхъ благъ, котораго, однако, лишено современное человѣчество. Противъ этого, по существу, ничего не хочетъ возразить Бьернсонъ, но онъ требуетъ отъ молодежи полнаго воздержанія *до брака*, поучая ее, что не должно быть *двоякой морали* для мужчины и женщины, и что цѣломуд-

ріе, обязательное для послѣдней, должно быть также обязательнымъ для мужчинъ. Тутъ мы уже ближе къ правдѣ, и, какъ извѣстно, Бьернсонъ нашелъ въ своей странѣ на первыхъ порахъ не мало адептовъ, особенно среди женщинъ. Въ умахъ молодыхъ дѣвушекъ возникла уже было рѣшимость требовать отъ своихъ будущихъ мужей такого же строгаго цѣломудрія, какое требовалось до сихъ поръ отъ нихъ. Казалось уже, что нравственное сознаніе нашло выходъ изъ сложнаго лабиринта современныхъ половыхъ отношеній, что идеалъ былъ уже найденъ, и оставалось лишь осуществить его въ жизни. Но тутъ-то и оказалось, что великій норвежскій драматургъ и его послѣдователи рѣшали вопросъ черезчуръ ужъ идеологически, совершенно не считаясь съ дѣйствительностью, даже не зная ея. Они проглядѣли то обстоятельство, что на Западѣ, въ силу указанныхъ уже нами выше причинъ, какъ «дѣти», такъ и «отцы» рѣдко когда рѣшаются нынѣ предъявлять къ дамамъ своего сердца наивное требованіе цѣломудрія. Въ жизни и тѣхъ и другихъ, дѣтей и отцовъ, этотъ пресловутый моментъ пересталъ играть прежнюю, первостепенную роль; на Западѣ теперь рѣдко кто спрашиваетъ объ этомъ. И чѣмъ болѣе прямоты и деликатности въ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе затрогивается эта тема. Не наивно ли, при подобныхъ условіяхъ, вести цѣлую широкую пропаганду среди молодежи, рекомендуя невѣстамъ требовать цѣломудрія отъ жениховъ въ то самое время, когда послѣдніе сплошь и рядомъ «забываютъ» требовать того же самаго отъ невѣстъ,—забываютъ не только по деликатности, но и въ силу необходимости, такъ какъ въ противномъ случаѣ число браковъ на Западѣ сократилось бы вдвое, за отсутствіемъ дѣвицъ, которыя могли бы удовлетворить этому требованію. Все это «бьернсоновцы» игнорировали и постановили свою, въ сущности, здоровую пропаганду на ложную почву. Но и помимо того, какъ рѣшиться требовать цѣломудрія у мужчинъ въ добрачный періодъ, если этотъ періодъ становится все болѣе продолжительнымъ и переходитъ все болѣе за черту 30-ти лѣтъ? Не предоставить ли ужъ тогда лучше наслаждаться любовью однимъ старикамъ? И *естественный* ли былъ бы фактъ—существованіе тридцатилѣтнихъ мужчинъ (да и женщинъ), свято хранящихъ свое цѣломудріе въ ожиданіи грядущаго брака?

Все это вопросы слишкомъ ужъ сложные, чтобы можно было рѣшить ихъ однимъ лишь чтеніемъ морали да дѣвичьими угрозами провинившимся женихамъ. Ни голосъ, раздавшійся съ сѣвера, съ норвежскихъ фіордовъ, ни лозунгъ, проникшій на Западъ съ востока, изъ «Ясной Поляны», не помогли европейскому обществу найти выходъ изъ одолѣвающаго его кризиса любви и семейныхъ устоевъ. На смѣну этимъ апостоламъ цѣломудрія появились другіе. Въ большихъ городахъ континента все громче стала раздаваться религіозная проповѣдь «аггресивнаго христіанства»; солдаты и офицера *арміи спасенія*,

молодыя дѣвушки и мужчины, съ неимовѣрнымъ самоотверженіемъ, подъ градомъ насмѣшекъ и бранныхъ словъ, проникали въ самыя зачумленныя морально трущобы городскихъ центровъ, призывая людей къ *нравственному усилію*, къ *покаянію*. Были такіе, что «каялись», особенно среди падшихъ дѣвушекъ, находившихъ не только моральную, но и матеріальную поддержку среди «салютистовъ». Но авторитетомъ послѣдніе пользуются лишь среди «нищихъ духомъ», измученныхъ жизнью. Рабочій классъ, интеллигенція и другіе общественные слои относятся къ этому движенію съ ироніей и презрѣніемъ. Въ Германіи нѣкоторое время энергично работало въ томъ же направленіи такъ называемое общество «Бѣлаго креста», въ составъ котораго вошли «христіанскіе ферейны молодыхъ людей», «евангелическіе ферейны юношей», «христіанско-конфессіональные студенческіе кружки»—все организаціи, преслѣдующія цѣли національно-религіозно-монархическаго воспитанія молодежи. «Бѣлый крестъ» присоединилъ сюда еще задачу моральнаго самовоспитанія. Былъ моментъ—первая половина 90-хъ годовъ, когда казалось, что наступилъ серьезный поворотъ въ нравственной жизни современной молодежи. Миссія «Бѣлаго креста» встрѣтила поддержку въ средѣ ученыхъ. И здѣсь первый починъ сдѣлала Норвегія. Университетъ въ Христіаніи отъ имени своего медицинскаго факультета торжественно провозгласилъ всему міру, что полное воздержаніе не только возможно, но и не вредно. Крафтъ-Эбингъ, Фарель, Рубнеръ, а также выдающіеся спеціалисты по половымъ болѣзнямъ стали высказываться въ подобномъ же смыслѣ. Такъ, въ частности, Рубнеръ писалъ въ своемъ учебникѣ гигіены, что половая жизнь должна быть начинаема только въ бракѣ, но что она вовсе не есть conditio sine qua non человѣческаго здоровья и счастья. Профессора-спеціалисты по половымъ болѣзнямъ стали читать публичныя лекціи, студентамъ раздавались листки, съ подписями тридцати первостепенныхъ медицинскихъ авторитетовъ, гдѣ убѣдительно и краснорѣчиво разсказывалось объ опасностяхъ венерическихъ заболѣваній и т. д. Можно было думать, что начинается дѣйствительно нѣчто новое, великое, *жизненное*... Но дѣйствительность и на сей разъ горько посмѣялась надъ апостолами воздержанія. Послѣ мимолетнаго увлеченія, «Бѣлый крестъ» сталъ быстро терять своихъ членовъ, а также свои упованія на моральное возрожденіе общества. На порогѣ двадцатаго вѣка голоса, призывавшіе еще недавно молодежь къ цѣломудрію, затихли, и движеніе, начатое съ такимъ блескомъ и шумомъ, изсякло. Дѣйствительная жизнь, непознанная и неразгаданная, продолжаетъ свой путь въ прежнемъ, все томъ же направленіи, опрокидывая безъ жалости картонные барьеры, воздвигаемые передъ ней учеными, но узкими, талантливыми, но односторонними проповѣдниками нравственности. И сбылось предсказаніе Георга Брандеса, иронизировавшаго надъ Бьернсономъ, «вздумавшимъ моралью исправить мораль». Дѣй-

ствительность слишкомъ сложна, чтобы можно было ее осуждать безъ разбора, не отдѣляя дѣйствительно разлагающіеся, гнилые элементы ея отъ другихъ, быть можетъ и мутныхъ пока, но обѣщающихъ вылиться въ новыя и здоровыя формы. Къ числу гнилыхъ элементовъ современной дѣйствительности слѣдуетъ отнести, напримѣръ, проституцію. Общество, заставляющее молодыхъ дѣвушекъ искать внѣсемейнаго заработка и не дающее имъ соотвѣтственнаго честнаго труда, жестоко карается въ самыхъ своихъ жизненныхъ функціяхъ. Прежде чѣмъ призывать мужчинъ къ высшей ступени нравственнаго развитія и читать имъ проповѣди о цѣломудріи, не слѣдовало ли бы лучше искать средствъ для защиты элементарнаго «цѣломудрія» цѣлыхъ милліоновъ молодыхъ *женщинъ*, дать имъ возможность честной и естественной жизни. Уничтожьте, прежде всего, продажу любви, помогите женщинѣ стать самостоятельно на ноги, не прибѣгая къ самымъ крайнимъ и сомнительнымъ средствамъ, и уже однимъ этимъ вы спасете мужчину отъ физическаго и нравственнаго вырожденія. Проблема мужского «цѣломудрія» есть, прежде всего, проблема *женскаго труда*. Эта послѣдняя проблема рѣшаетъ вопросы какъ мужской, такъ и женской морали наиболѣе разумнымъ и рѣшительнымъ образомъ. Затѣмъ, улучшеніе условій и *мужского* труда способно значительно повліять на пониженіе брачнаго возраста, увеличеніе числа браковъ и оздоровленіе семейной жизни. Если присоединить сюда еще разумное *физическое воспитаніе* подрастающихъ поколѣній, то загадочный сфинксъ современной любви уже наполовину разгаданъ. Какъ станутъ устраиваться грядущія поколѣнія въ своихъ интимныхъ сношеніяхъ, разгадать трудно; но какъ бы они ни устроились, пятно продажности, насилія, принужденія исчезнетъ изъ міра любви. А это-то и есть самое важное въ проблемѣ цѣломудрія...

Къ такимъ заключеніямъ приходимъ, по крайней мѣрѣ, мы лично, при чтеніи интересной штудіи д-ра Эрнста Гистрова. Что же касается заключеній этого послѣдняго, формулированныхъ имъ въ послѣдней главѣ: «Das sexual-ethische Vermächtnis des XIX Jahrhunderts», то они нѣсколько отличаются отъ нашихъ. Гистрова интересуютъ здѣсь, главнымъ образомъ, не реформы, какими можно пособить горю, а тѣ пути, по какимъ современная дѣйствительность обѣщаетъ двигаться въ ближайшемъ будущемъ, т.-е. тѣ формы любви и семейной жизни, къ какимъ придется—волей или неволей—приспособляться ближайшимъ поколѣніямъ. Прежде всего, говоритъ онъ, можно считать достовѣрнымъ, что, поскольку мы въ состояніи прозрѣть будущее, брачный возрастъ останется на прежней высотѣ. Браки будутъ заключаться поздно. Всѣ попытки побудить молодежь къ цѣломудренной жизни до брака потерпѣли крушеніе и будутъ терпѣть его всякій разъ, если суждено имъ возобновиться. Добрачная половая любовь является, такимъ образомъ, фактомъ, съ которымъ слѣдуетъ серьезно и разумно считаться. Кому?

Прежде всего, тѣмъ моралистамъ, которые ожидаютъ спасенія отъ нравственнаго усилія человѣчества, отъ этической пропаганды. Затѣмъ, всѣмъ педагогамъ, вліяющимъ на нравственное воспитаніе молодежи. «Сексуальная педагогика (die Sexualpädagogik),—говоритъ Гистровъ,—поступитъ разумнѣе всего, если станетъ заранѣе подготовлять молодыхъ людей къ неизбѣжной для нихъ добрачной любви». Наконецъ... всѣмъ врачамъ, которымъ придется позаботиться о томъ, чтобы такая любовь не приводила къ естественнымъ результатамъ: въ этомъ будетъ состоять одна изъ важнѣйшихъ (авторъ говоритъ даже: eine der vornehmsten!) общественныхъ задачъ, которую придется выполнить врачебному сословію. Нашъ авторъ, увлеченный своимъ объективнымъ методомъ изслѣдованія, заходитъ даже такъ далеко, что въ такомъ искусственномъ регламентированіи половой жизни не усматриваетъ ничего неестественнаго, шокирующаго естественное чувство здороваго человѣка. Въ сложномъ лабиринтѣ современной половой жизни нашъ авторъ теряется, въ концѣ концевъ, до того, что рекомендуетъ человѣчеству подобный исходъ *какъ идеалъ*: съ одной стороны добрачная любовь съ практичными совѣтами врачей, съ другой—позднее вступленіе въ бракъ, но уже безъ врачей, въ цѣляхъ рожденія и воспитанія потомства. Этимъ «идеаломъ» онъ такъ восхищенъ, что посвящаетъ ему въ концѣ своего труда не мало прекрасныхъ словъ, не мало заманчивыхъ указаній, производящихъ все же, даже при самомъ строгомъ объективизмѣ читателя, отталкивающее впечатлѣніе. Что любовь въ настоящее время принимаетъ сплошь и рядомъ тѣ формы, какія рекомендуетъ намъ д-ръ Эрнстъ Гистровъ, это внѣ всякаго сомнѣнія, равно какъ и то, что, по скольку можно разгадать ближайшее будущее, эти формы любви получатъ еще большую распространенность. Но въ то же время Гистровъ не замѣчаетъ, что современная сложная дѣйствительность не исчерпывается одной этой тенденціей, что въ современныхъ нравахъ обнаруживается противъ нея глубокая реакція, теперь пока еще слабая, но въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ обѣщающая привести насъ къ болѣе свѣтлымъ и къ болѣе естественнымъ формамъ любви, чѣмъ тѣ, о какихъ мечтаетъ нашъ авторъ. При всей своей симпатіи къ добрачной любви съ дружескими совѣтами докторовъ, авторъ не можетъ не отдать дани «глубочайшаго уваженія» тому мужчинѣ, который рѣшился бы свято хранить свое цѣломудріе до брака. Ахъ, если бы это было возможно, повидимому, хочетъ сказать онъ, какъ бы это было хорошо!.. Итакъ, возводя дѣйствительность въ идеалъ, онъ самъ все же невольно вздыхаетъ о нравственной красотѣ иной жизни, иныхъ, болѣе цѣломудренныхъ отношеній.

Неудивительно, если бокъ-о-бокъ съ нимъ существуютъ цѣлыя массы личностей, для которыхъ этотъ послѣдній идеалъ еще ближе, еще дороже. Даже вступая, по необходимости, въ компромиссы съ современною дѣйствительностью, они все же свято хранятъ въ глубинѣ души

преданность этому идеалу и мечтаютъ о лучшемъ будущемъ. Меньше всего мы имѣемъ, при этомъ, въ виду тѣхъ апостоловъ цѣломудрія, о которыхъ было говорено выше. Эти люди апеллируютъ исключительно къ нравственному усилію и, оставляя насъ въ той же житейской обстановкѣ, требуютъ отъ насъ невозможнаго. Въ этомъ—утопизмъ ихъ пропаганды. Но рядомъ съ этимъ, замирающимъ уже, теченіемъ, сыгравшимъ скорѣе роль «знаменія», симптома, чѣмъ фактора общественнаго возрожденія, мы замѣчаемъ другое, обѣщающее дать болѣе осязательные результаты и оздоровить нравственную атмосферу обществъ. Это—такъ называемое *женское движеніе*. Никто другой не страдаетъ такъ глубоко, такъ обидно въ дикомъ хаосѣ современныхъ половыхъ отношеній, какъ именно женская человѣческая личность. И страдаетъ она одинаково какъ мать, какъ жена и какъ дѣвушка. Существующія отношенія и условія жизни топчутъ безъ жалости самыя святыя чувства женщины, ея самые глубокіе инстинкты. Неудивительно, поэтому, если современное женское движеніе имѣетъ, прежде всего, въ виду не требованіе цѣломудрія у мужчинъ, какъ это рекомендовалъ норвежскій писатель, а прежде всего—измѣненіе положенія самой женщины въ современномъ обществѣ, обезпеченіе ея матеріальнаго существованія и предоставленіе ей болѣе широкаго вліянія на теченіе общественной жизни. Въ этомъ движеніи усматривали до сихъ поръ угрозу семейной жизни; боялись, какъ бы не потерпѣли отъ него наши нравы, какъ бы не пострадала сама женская личность. Противъ этого движенія выступили, между прочимъ, тѣ самые моралисты и ученые, которые такъ ревностно заботились о нравственности учащейся молодежи, и тѣмъ лишь доказали, какъ далеки они отъ истиннаго пониманія проблемъ современной дѣйствительности.

Непосредственная цѣль женскаго движенія—улучшеніе матеріальнаго и общественнаго положенія женщины; его конечная цѣль и естественные результаты—оздоровленіе семьи, поднятіе нравовъ мужчины и подрастающихъ поколѣній. Развитію этого тезиса посвященъ новѣйшій трудъ одной изъ наиболѣе выдающихся представительницъ германскаго женскаго движенія, Клары Цеткинъ, озаглавленный: «Умственный пролетаріатъ и женскій вопросъ». Разсмотрѣвъ въ первой главѣ этого труда «важнѣйшіе экономическіе причины разложенія современной семьи», гдѣ мы не узнаемъ въ сущности ничего новаго, она во второй главѣ переходитъ къ разсмотрѣнію «этико-психической стороны» современнаго женскаго движенія. Съ этико-психологической точки зрѣнія,—говоритъ она,—женское движеніе есть внѣшнее выраженіе внутренняго стремленія женщины къ всестороннему развитію и упражненію своихъ силъ, къ полному расцвѣту своей личности. Въ своихъ начаткахъ это стремленіе выразилось въ смыслѣ протеста противъ семьи и возлагаемыхъ ею обязанностей, т.-е. носило характеръ чисто-индивидуалистическій. На первомъ мѣстѣ новая женщина поставила свое *я*,

его духовно-нравственные интересы. Типъ этой женщины въ такой первый періодъ ея сознательнаго существованія есть *Нора*. Въ этотъ періодъ, крайности обѣихъ сторонъ—сторонниковъ и противниковъ «эмансипаціи»—были неизбѣжны. Защитники старины отказывали женщинѣ во всякой дѣятельности, которая не связана такъ или иначе съ ея «естественнымъ назначеніемъ», т.-е. съ функціей матери. Материнской функціей исчерпывалось, по ихъ мнѣнію, все назначеніе женщины. Противъ такой «Nichts als-Weibchen» новѣйшая литература стала было выставлять другой типъ, другую крайность, «Nur-Mensch», т.-е. женщину, какъ «лишь-человѣка», подавившую въ себѣ свою специфически-женскую индивидуальность. Эти послѣднія крайности послужили въ значительной степени виною тому, что новую женщину стали изображать въ каррикатурномъ видѣ, какъ мужеподобное, безполое существо, и ошибки признали за сущность. Цѣльный типъ новой женщины, по мнѣнію Клары Цеткинъ, не дала намъ до сихъ поръ ни одна литература, и по той простой причинѣ, что такой женщины еще нѣтъ, такъ какъ нѣтъ еще соотвѣтственныхъ условій. Дѣйствительная жизнь показываетъ намъ этотъ типъ не въ его законченности, а лишь въ процессѣ его образованія: отсюда его несовершенство, угловатость, подчасъ—курьезность. Наиболѣе близки къ идеалу тѣ типы новой женщины, какіе намъ дала русская литература, говоритъ Цеткинъ, но, къ сожалѣнію, не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію этого явленія, т.-е. того удивительнаго факта, что русской женщинѣ удалось опередить своихъ товарокъ изъ самыхъ передовыхъ странъ Европы и Америки. Правда, нашъ авторъ ссылается на «взаимодѣйствіе различныхъ историческихъ условій», позволившихъ русской женщинѣ наиболѣе полно и всесторонне развить свою индивидуальность, но подробнѣе на этомъ обстоятельствѣ она не останавливается. И неудивительно: мы сами, русскіе, не объяснили себѣ достаточно даннаго явленія...

Протестъ противъ женскаго движенія въ западно-европейскихъ странахъ, особенно въ Германіи, вызванъ былъ не столько его крайностями, сколько болѣе глубокими соображеніями, съ которыми, по мнѣнію автора, слѣдуетъ считаться болѣе серьезно, чѣмъ это дѣлалось до сего времени. Если взять, напримѣръ, тѣ формы «der Frauenbewegung», которыя сложились въ Германіи, то нельзя не признать, что есть вопросы, есть сомнѣнія, на которыя это движеніе и до сихъ поръ не дало вразумительнаго отвѣта. Такъ, германскія «Frauenrechtlerinnen» стремятся къ допущенію женщины къ общественнымъ должностямъ и усматриваютъ въ этомъ конечную цѣль всего движенія. Но спрашивается: не усилитъ ли женскій внѣ семейный трудъ и безъ того уже тяжкую конкуренцію? не обострить ли онъ и безъ того уже трудную борьбу за существованіе, оставляющую многихъ безъ хлѣба и заработка? Взять, напримѣръ, хотя бы ту же Германію. Въ этой странѣ имѣется уже цѣлая армія интеллигентнаго мужского пролета-

ріата, не имѣющаго, несмотря на свое высокое образованіе, никакого опредѣленнаго заработка. Пять съ половиною процентовъ берлинскихъ дипломныхъ врачей не имѣютъ практики. Не меньшая нужда царитъ и среди юристовъ. Моментъ полученія диплома является началомъ суровой и обидной борьбы за самое скудное существованіе. Допущеніе женщинъ къ общественнымъ функціямъ не приведетъ ли къ острому экономическому конфликту? не ухудшатся ли отъ этого еще болѣе взаимныя отношенія мужчины и женщины? не пострадаютъ ли семейныя связи?

Но есть еще и другія соображенія, во имя которыхъ раздается протестъ противъ новѣйшихъ женскихъ стремленій: совмѣстимы ли они съ обязанностями женщины, какъ матери и жены? Вѣдь это движеніе имѣетъ своей цѣлью не призрѣніе старыхъ дѣвъ, оставшихся за штатомъ семейнаго счастья, какъ это полагалъ, напр., Эдуардъ Гартманъ, сказавшій, что женскій вопросъ есть «Alte-Jungfernfrage». Дѣйствительность намъ показываетъ, что къ общественной и, вообще, внѣсемейной дѣятельности стремятся теперь не однѣ «незамужницы», но и замужнія женщины, и матери многоголовыхъ семействъ. Въ рабочемъ классѣ это уже давно стало общимъ правиломъ; но и въ средѣ такъ называемой интеллигенціи стремленіе женъ и матерей къ внѣсемейному заработку все болѣе входитъ въ обычай. Побуждаетъ ихъ къ этому не одинъ только голодъ, но и стремленіе къ болѣе разностороннему развитію своей личности. Такимъ образомъ, женскій вопросъ не есть лишь вопросъ незамужнихъ, бездѣтныхъ и вдовъ, а есть вопросъ *женской личности вообще*, рѣшившей быть *еще кое-чѣмъ*, а не только матерью и женой. Въ этомъ-то и должно заключаться, главнымъ образомъ, равноправіе женщины съ мужчиной, который вѣдь тоже является въ жизни не только отцомъ и мужемъ, но еще представителемъ той или иной соціальной профессіи. И вотъ тутъ-то возникаетъ новый вопросъ: *можно ли гармонически сочетать естественныя обязанности матери и жены съ ея новыми, общественными задачами?* Если мы спросимъ объ этомъ дѣйствительность, то получимъ отвѣтъ отрицательный: жизнь полна самыхъ трагичныхъ конфликтовъ между этими двумя сферами женской дѣятельности, отражающихся самымъ тяжкимъ образомъ какъ на судьбѣ самой женщины, такъ и на подростающихъ поколѣніяхъ. Сердце и умъ женщины разрываются на двѣ части, и вся жизнь ея носитъ характеръ вѣчной раздвоенности и борьбы. Это ли является идеаломъ нѣмецкихъ поборницъ женскихъ правъ, спрашиваетъ Клара Цеткинъ,—и если нѣтъ, не это, то какъ онѣ думаютъ разрѣшить настоящій конфликтъ? «Das ist die Frage...»

Но этотъ вопросъ оказывается еще сложнѣе, если поближе вникнуть въ самый характеръ современной женской внѣсемейной работы. «Какое горькое разочарованіе!—восклицаетъ нашъ авторъ.—Не ради одного только хлѣба насущнаго и матеріальной самостоятельности хватается

современная женщина за профессіональный трудъ. Нѣтъ, она ищетъ въ немъ болѣе глубокаго, болѣе богатаго содержанія для своей жизни. Но въ настоящее время она находитъ въ немъ лишь новую односторонность на мѣсто стараго ограниченія. Была она раньше ничѣмъ инымъ, какъ лишь домохозяйкой (Nichts-als-Hausfrau),—теперь она дѣлается ничѣмъ, какъ лишь профессіональной работницей (Nichts-als-Berufsarbeiterin)». И почему такъ? Да потому, что въ нашемъ обществѣ не работа служитъ человѣку, а человѣкъ работѣ, все равно возьмемъ ли мы черный, физическій трудъ или сферу такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. Вездѣ мы встрѣчаемъ людей, какъ бы насильно прикованныхъ къ свою дѣлу, не находящихъ въ нихъ никакого нравственнаго удовлетворенія. Общественный трудъ, физическій или умственный, всюду имѣетъ тенденцію обратить человѣка въ машину, или, вѣрнѣе, въ маленькій винтикъ машины, съузить его умъ, изсушить его сердце. И вотъ въ эту сферу вступаетъ новая женщина съ цѣлью расширить свой горизонтъ, развить свои общечеловѣческія способности! Не иллюзія ли это? не самообманъ ли? «Если сравнить,—читаемъ мы далѣе у того же самаго автора,—прежнюю дѣятельность «домохозяйки» съ какой-либо современной внѣсемейной женской работой, то по своей узости первая едва ли превосходитъ послѣднюю. Домохозяйка добраго стараго времени вращалась, правда, въ довольно ограниченной сферѣ одной только семейной жизни, но зато въ этой ужъ сферѣ ея дѣятельность была самой разносторонней. Въ то время, когда семья представляла еще собой особую экономически-производительную единицу, женщина была въ ней универсальнымъ мастеровымъ (Universalhandwerker), на ней лежали многочисленнѣйшія обязанности. Различныя ея способности упражнялись полнѣе, разностороннѣе, чѣмъ, положимъ, у современной фабричной работницы или телеграфистки». Но въ тѣхъ случаяхъ даже, когда женщина находитъ работу, доставляющую ей нравственное удовлетвореніе, когда она начинаетъ чувствовать нѣкоторый подъемъ своей личности благодаря исполняемой ею извѣстной общественной функціи, сплошь и рядомъ заглушается въ ней параллельно другая значительная часть ея существа, а именно ея женская личность, ея *специфически-женскія* черты, инстинкты, стремленія. Находитъ она время быть «гражданиномъ»,—не хватаетъ ей времени быть матерью и супругой, или, если хватаетъ, то лишь «мимоходомъ», in Nebenamt, поскольку это позволяетъ «дѣйствительная служба».

Таковъ конфликтъ, котораго не уничтожить изъ современнаго общества никакими обходами и экивоками. Слѣдуетъ ли отсюда, что женское движеніе утопично, что цѣли его недостижимы и вызываемые имъ конфликты неустранимы при всякихъ условіяхъ? Нашъ авторъ этого, конечно, не думаетъ. Всѣ его возраженія имѣютъ въ виду, во-первыхъ, указать на необыкновенную сложность «женской проблемы» и, во-вторыхъ, подчеркнуть тѣ моменты послѣдней, которые не нашли

еще удовлетворительнаго рѣшенія въ соотвѣтственной литературѣ Германіи. Удары Клары Цеткинъ направляются лишь на то узкое направленіе въ современномъ женскомъ движеніи, къ которому она пріурочиваетъ эпитетъ «seichte Frauenrechtelei», и которое въ уравненіи женскихъ правъ съ мужскими усматриваетъ свой высшій идеалъ. Доля мужчины въ современномъ обществѣ кажется представительницамъ этого теченія столь завидной, что онѣ не хотятъ замѣчать всѣхъ темныхъ сторонъ этой доли и наивно думаютъ, что лишь бы добиться мужскихъ правъ, а тамъ ужъ все остальное устроится. Противъ подобныхъ воззрѣній нашъ авторъ выдвигаетъ ту точку зрѣнія, что женскій вопросъ есть лишь *часть* современной соціальной проблемы и что лишь въ связи съ этой послѣдней онъ можетъ быть рѣшенъ надлежащимъ образомъ. Солидарно-кооперативныя начала общежитія должны устранить конкуренцію между женщиной и мужчиной и сдѣлать ихъ въ сферѣ общественнаго труда *товарищами*, а не соперниками. Съ другой стороны, улучшеніе условій труда дастъ какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ болѣе свободнаго времени, чтобы быть не только работникомъ, но и членомъ семейства. Наконецъ, общій прогрессъ соціальной жизни сдѣлаетъ каждый трудъ менѣе механическимъ, болѣе осмысленнымъ, болѣе способнымъ дать нравственное удовлетвореніе трудящимся. Такимъ образомъ, болѣе широкая, а именно общественная точка зрѣнія даетъ намъ ключъ къ разрѣшенію упомянутыхъ выше конфликтовъ. Искать этого рѣшенія въ движеніи вспять, въ изгнаніи женщины изъ сферы общественнаго труда было бы безразсудно, да и не возможно. *Невозможно* по той причинѣ, что общественная жизнь имѣетъ свои непреложные законы, противъ которыхъ напрасно было бы бороться нашей индивидуальной волѣ: большинство женщинъ противъ ихъ воли, подъ давленіемъ необходимости, выбрасывается на общественный рынокъ труда; что касается меньшинства, то ихъ гонитъ туда же внутреннее, *тоже непобѣдимое* стремленіе къ разностороннему и свободному развитію своей индивидуальности. *Безразсудно*, такъ какъ отъ такого движенія вспять пострадали бы прежде всего высшіе интересы самихъ мужчинъ. Этотъ послѣдній моментъ превосходно освѣщаетъ нашъ авторъ. Никто, говоритъ онъ, не страдаетъ такъ глубоко отъ отсталости и узости женщины, какъ современный мужчина. Чѣмъ болѣе художникъ, ученый, вообще интеллигентъ развили въ себѣ эту современную, легко-вибрирующую, многотонную, сложную личность, тѣмъ многочисленнѣе тѣ преграды, которыя препятствуютъ полному проявленію (Ausleben) его индивидуальности въ общественной жизни; тѣмъ глубже и мучительнѣе его потребность въ собственномъ очагѣ, гдѣ онъ могъ бы вполнѣ быть самимъ собою, но не въ горделивомъ уединеніи, а въ интимномъ идеальнымъ общеніи съ женщиной и ребенкомъ. Богатая, глубоко дифференцированная личность современнаго интеллигентнаго человѣка предъявляетъ къ любви и семейной жизни цѣлый

рядъ такихъ требованій, которыхъ никогда не удовлетворить женщинѣ, воспитавшейся въ старой, патріархальной обстановкѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти тотъ фактъ, что наибольшій процентъ бракоразводныхъ дѣлъ приходится на художниковъ и ученыхъ. Чѣмъ менѣе духовно-нравственнаго родства между женою и мужемъ, тѣмъ гибельнѣе ихъ сожительство для послѣдняго: жена дѣлается препятствіемъ его собственнаго духовнаго роста и парализуетъ всякій взмахъ его ума и сердца. «Кто изъ насъ,—говоритъ Клара Цеткинъ,—не имѣлъ дорогого друга, который въ своемъ стремленіи къ солнцу хотѣлъ было подняться орлинымъ полетомъ на самыя высокія вершины? Но вотъ онъ соединился съ какой-либо гусыней (mit einer Gans), и, послѣ быстраго превращенія, гордый орелъ сдѣлался трусливымъ гусакомъ, не рѣшающимся переступить порогъ родного двора и успокоившимся въ безмятежной сферѣ доходнаго мѣста»... Сущность такой жизни «вдвоемъ» превосходно опредѣлена ѣдкой критикой Фридриха Ницше, который по адресу подобныхъ, «слишкомъ многихъ», сожительствъ писалъ:

«Ach, diese Armuth der Seele zu Zweien! Ach, diese Schmutz der Seele zu Zweien! Ach, diese erbärmliche Behagen zu Zweien!» *) (Also sprach Zarathustra).

Но отсталость женщины губитъ не только мужчину, но и ребенка. «Какая вопіющая нелогичность! Призваніе матери провозглашается величайшимъ и труднѣйшимъ изъ всѣхъ призваній, и въ то же время зрѣлымъ для такого призванія и способнымъ къ нему оказывается каждая «Gänschen» (гусыня), вчера еще игравшая въ куклы,—зрѣлой и достойной призванія—*создавать и формировать человѣка*!». Къ счастью, современная женщина-мать начинаетъ уже сознавать великую отвѣтственность такого призванія. Не няней и служанкой своему ребенку она хочетъ теперь быть, а истинной *воспитательницей*. Она стремится выработать изъ себя свободную, сильную, критически-мыслящую индивидуальность, для того, чтобы умѣть формировать подобныя же индивидуальности изъ своихъ дѣтей. «Она хочетъ учиться, жить и работать, какъ дома, такъ и на широкомъ поприщѣ общественной жизни, чтобы быть затѣмъ въ состояніи воспитывать не только сильныя и здоровыя *личности*, но и великодушныхъ, сознательныхъ *гражданъ*». Лишь въ томъ случаѣ, когда любовь связываетъ двѣ развитыя и сильныя личности, мы находимъ одно изъ первыхъ условій нормальнаго воспитанія ребенка; лишь такой союзъ будетъ истинно-нравственнымъ, ибо и мать, и отецъ захотятъ сдѣлать изъ своего ре-

*) Въ переводѣ это мѣсто, какъ, впрочемъ, и большинство стилистическихъ «перловъ» Ницше, значительно теряетъ. Дословный его смыслъ таковъ: «Ахъ, эта бѣдность души вдвоемъ! Ахъ, эта грязь души вдвоемъ! Ахъ, это жалкое довольство вдвоемъ!» («Такъ говорилъ Заратустра»).

бенка не *равнаго* имъ, а *высшаго*, чѣмъ они, или—какъ это превосходно выразилъ Ницше—ихъ бракъ «wird zu dem Willen zu Zweien, das Eine zu schaffen das mehr ist, als die es schufen...» *)

Противъ такого воззрѣнія выступили въ послѣднее время два новыхъ выдающихся противника женскаго движенія: профессоръ Moebius, написавшій книгу о «Физіологическомъ слабоуміи женщины», и Laura Marholm, авторъ извѣстнаго труда о «Психологіи женщины». Оба они затронули интересный вопросъ *о физіологическомъ значеніи духовнаго развитія женщины для ея материнства.* Теперь уже прошло время, когда противники женскаго движенія старались доказать *неспособность* женщины къ умственному труду, ея болѣе низкое интеллектуальное развитіе. Въ послѣднее время пытаются уже доказать иное, а именно, что интеллектуальный трудъ женщины вредно отражается на ея физіологическихъ и психологическихъ особенностяхъ, а слѣдовательно, и на материнствѣ. Противъ такихъ доводовъ, представленныхъ съ особенной настойчивостью въ трудахъ Moebius'a и Лауры Маргольмъ, и направлена, главнымъ образомъ, книга Оды Ольбергъ: «Das Weib und der Intellectualismus». Тутъ мы тоже встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ новыхъ моментовъ, представляющихъ для женскаго вопроса и грядущихъ судебъ женщины первостепенный интересъ.

Какіе аргументы выдвигаетъ проф. Moebius противъ женскаго движенія? Прежде всего онъ указываетъ на умственную переутомленность современныхъ поколѣній и вытекающее отсюда физическое вырожденіе. Единственный противовѣсъ такому вырожденію служила до сихъ поръ умственная, такъ сказать, нетронутость женщины. Чрезмѣрная умственная культура мужской половины человѣческаго рода должна быть уравновѣшиваема «естественностью» женщины, въ противномъ случаѣ человѣчеству грозитъ вымираніе. Прогрессирующая цивилизація «подкапывается подъ самые источники жизни»; интенсивная умственная дѣятельность ведетъ къ безплодію. Чѣмъ лучше женскія школы, тѣмъ хуже женскія болѣзни, труднѣе роды, слабѣе выдѣленіе молока... «Ученыя дамы плохія родильницы и дрянныя матери; ихъ дѣти слабы, и имъ не достаетъ молока». Въ подобномъ же смыслѣ высказывается и Лаура Маргольмъ—женщина, возстающая противъ женскаго движенія. Современная женщина стремится къ разностороннему развитію своей индивидуальности; она хочетъ быть не только женщиной, но и человѣкомъ, интересующимся всѣми явленіями окружающаго его міра, хочетъ стоять au courant современныхъ знаній и идти шагъ за шагомъ съ современнымъ обществомъ. Дешево все это не обходится,

*) «Also sprach Zarathustra». Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Фр. Ницше высказывался въ менѣе возвышенномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, стремленіе нѣкоторыхъ женщинъ къ высшему образованію онъ приписывалъ ихъ половой ненормальности: «Wenn ein Weib gelehrte Neigungen hat, so ist gewöhnlich etwas an seiner Geschlechtlichkeit nicht in Ordnung...»

говоритъ Лаура Маргольмъ: много силъ теряетъ женщина на этомъ новомъ своемъ пути въ ущербъ здоровью потомства. Не эгоизмъ ли это отымать у своихъ дѣтей силы для преслѣдованія своихъ чисто личныхъ цѣлей? Не эгоизмъ ли заботиться о своемъ *я* въ ущербъ интересамъ *вида*? О дѣвушкахъ, стремящихся къ умственному усовершенствованію, Лаура Маргольмъ пишетъ: «Онѣ пускаютъ въ оборотъ свой собственный капиталъ и проживаютъ его одновременно. Когда же приходитъ моментъ ихъ полной зрѣлости и материнства, то много ли дремлющихъ дарованій, много ли нетронутаго капитала въ состояніи онѣ дать своимъ дѣтямъ? Нѣтъ, все уже использовано, пущено въ обращеніе, обмѣнено на звонкую монету». Вся бѣда въ томъ-де и состоитъ, что «женщина желаетъ теперь сама пользоваться и наслаждаться тѣмъ, что раньше она охотно передавала своему потомству».

Такія и подобныя имъ рѣчи находятъ въ наше время охотныхъ и благодарныхъ слушателей, такъ какъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ: что представляетъ собою, въ этомъ отношеніи, современная дѣйствительность? Не видимъ ли мы теперь на каждомъ шагу тощихъ, малокровныхъ, слабогрудыхъ дѣвушекъ, надрывающихъ остатокъ своихъ силъ въ школахъ, надъ книгами, въ библіотекахъ, наконецъ, въ редакціяхъ, ученыхъ и литературныхъ обществахъ и т. д.? Много ли нетронутыхъ, здоровыхъ силъ передадутъ эти женщины своему потомству? Не страшно ли подумать, въ самомъ дѣлѣ, объ участи, предстоящей грядущимъ поколѣніямъ, если «истощеніе женщины умственнымъ трудомъ и несоотвѣтствующими ей стремленіями» будетъ не только продолжаться, но еще и усиливаться въ будущемъ, по мѣрѣ роста женскаго движенія?

Таковы сомнѣнія, таковы вопросы... Что отвѣчаетъ на нихъ Ода Ольбергъ?

Она указываетъ, прежде всего, справедливо на то обстоятельство, что какъ проф. Moebius, такъ и Лаура Маргольмъ не постарались достаточно показать намъ необходимую связь между умственнымъ трудомъ и физическимъ ухудшеніемъ породы. Не виноваты ли въ такомъ ухудшеніи другіе факторы, помимо умственной культуры? Слѣдуя аргументаціи этихъ авторовъ, мы должны были бы признать, что и физическій трудъ ведетъ къ вырожденію расы, ибо женщины и дѣти въ рабочемъ классѣ страдаютъ тѣлесно не менѣе, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи. Post hoc non est propter hoc, гласитъ логическая аксіома, съ которой недостаточно считались наши авторы. Не логичнѣе ли было бы заключить, что подобно тому, какъ физическое переутомленіе родителей тяжко отражается на здоровьѣ нисходящихъ, такъ и эксцессы интеллектуальнаго труда приводятъ къ безплодію и вырожденію? Теперь уже, къ счастью, наступило время, когда здоровые глаза цѣнятся дороже, чѣмъ хорошо выдержанный экзаменъ, и когда съ каждымъ днемъ растетъ сознаніе нашей отвѣтственности передъ

грядущими поколѣніями. Все это здоровая реакція противъ вчерашняго школьнаго фанатизма. Но спрашивается: чему мы обязаны этой реакціей какъ не растущему общественному сознанію, какъ не прогрессу нашихъ знаній? Проф. Moebius усматриваетъ въ умственной культурѣ факторъ человѣческаго вырожденія, мы же, говоритъ Ода Ольбергъ, видимъ въ ней неистощимый источникъ самыхъ полезныхъ указаній въ видахъ человѣческаго возрожденія. Необходимо лишь, чтобы мы исцѣлились отъ соціальной близорукости и воспользовались разумно благотворными уроками двухъ важнѣйшихъ дисциплинъ: 1) соціальной политики и 2) педагогики. «Реформа жилищъ, дѣтскія площадки для игръ, общественные сады, дѣтскія колоніи на берегу моря, въ горахъ и другія столь же тривіально-практическія мѣропріятія заключаютъ въ себѣ безконечно болѣе оздоровительной силы, чѣмъ въ сентиментальныхъ призывахъ «назадъ», къ тѣмъ культурнымъ условіямъ, куда возвратиться мы уже не въ состояніи». Лозунгъ *«назадъ къ природѣ»* есть только пустая болтовня, словесное выраженіе нервнаго истощенія, интеллектуальной отсталости, тогда какъ въ формулѣ *«впередъ къ гигіенѣ»* (vorwärts zur Hygiene) скрывается цѣлая программа.

Но мало того, не странно ли звучитъ требованіе отъ женщины умственнаго воздержанія по той лишь причинѣ, что мужчины изволятъ предаваться интеллектуальнымъ эксцессамъ? Женщина, говорятъ наши противники, должна въ интересахъ потомства своей «естественностью» или «интеллектуальной невинностью» возстановлять равновѣсіе, нарушаемое мозговымъ истощеніемъ мужчинъ. Какъ исключительный случай, возражаетъ на это Ольбергъ, такой «искусственный подборъ» какого-либо ученаго съ дурой могъ бы, пожалуй, имѣть до извѣстной степени свой raison d'être. Но какъ общее правило это требованіе заключаетъ въ себѣ вопіющую несправедливость. Потому лишь, что мужчины образованныхъ классовъ, предаваясь интеллектуальнымъ эксцессамъ, истощаютъ свою нервную организацію, требовать отъ женщинъ отказа отъ умственнаго самосовершенствованія и обрекать ихъ на вѣчную ограниченность, значило бы жертвовать вполнѣ законные интересы одного пола, а именно женщинъ, въ пользу крайне ненормальнаго образа жизни другого пола, т.-е. мужчинъ. Не разумнѣе ли прибѣгнуть къ посредничеству гигіены и, освободивъ мужчинъ отъ мозгового переутомленія, дать тѣмъ самымъ возможность женщинамъ преслѣдовать свои умственные интересы? Кромѣ того, требовать отъ женщинъ интеллектуальнаго цѣломудрія при условіи постояннаго прогресса мужчинъ, не значитъ ли все болѣе расширять духовную пропасть между первыми и вторыми и усиливать ихъ взаимное непониманіе? Не привело ли бы это къ тому, что въ концѣ концовъ, жены не понимали бы своихъ мужей и, наоборотъ, мужья своихъ женъ,—не «понимали» бы не въ смыслѣ *идейномъ* этого слова, а въ смыслѣ прямо-таки *грамма-*

тическомъ? Не слѣдовало ли бы, наконецъ,—также въ интересахъ потомства,—установить для брачущихся такое общее правило, что чѣмъ умнѣе, «интеллигентнѣе» мужъ, тѣмъ «наивнѣе» должна быть жена, такъ что самые геніальные мужи принуждены были бы сочетаться ужъ прямо таки съ готтентотками—для возстановленія равновѣсія?..

Къ такимъ явнымъ несообразностямъ, въ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ, приводитъ насъ аргументація противниковъ умственной культуры женщины. Но проф. Moebius и Лаура Маргольмъ это—принципіальные враги современнаго женскаго движенія, ожидающіе отъ него всякихъ золъ и бѣдствій. Кромѣ нихъ, критикѣ приходится считаться еще съ лозунгами и взглядами, стоящими, повидимому, близко къ современному міросозерцанію, но въ своей сущности скорѣе вредными, чѣмъ полезными женскому движенію. Такова напримѣръ, цѣлая соціальная программа Эмиля Золя, гласящая: «Плодородіе» и усматривающая свой идеалъ въ *женщинѣ-родильницѣ*. Для Золя женщина тѣмъ выше, чѣмъ болѣе дѣтей она произвела на свѣтъ, и по отношенію къ писателю-французу, страдающему вырожденіемъ своей родины, такой взглядъ кажется вполнѣ естественнымъ и законнымъ. По своему же существу, говоритъ Ода Ольбергъ, этотъ взглядъ *реакціоненъ*. Въ наиболѣе оригинальной и интересной главѣ своего труда, озаглавленной «Fruchtbarkeit und Kultur», эта писательница подробно развиваетъ два основныхъ положенія, относящихся къ данному вопросу, а именно: 1) съ прогрессомъ культуры уменьшается плодовитость и 2) между индивидуальнымъ развитіемъ и плодовитостью существуетъ антагонизмъ. Въ подтвержденіе своего перваго положенія она ссылается на «Принципы біологіи» Герберта Спенсера, опредѣляющіе общіе законы размноженія живыхъ существъ. Чѣмъ ниже стоитъ индивидъ на ступени животнаго царства, чѣмъ примитивнѣе условія его жизни, чѣмъ жесточе борьба за существованіе, тѣмъ выше его плодовитость. И наоборотъ. Природа автоматически возмѣщаетъ большіе уроны усиленнымъ дѣторожденіемъ, въ цѣляхъ сохранія вида. Чѣмъ менѣе данному виду угрожаетъ опасность, тѣмъ болѣе падаетъ его плодовитость. Такимъ образомъ, даже въ предѣлахъ одного и того же вида плодовитость усиливается или слабѣетъ смотря по условіямъ его жизни. То же самое мы встрѣчаемъ и въ человѣческой жизни. Не только въ разныя эпохи культуры человѣческая плодовитость бываетъ различна, но даже въ одинъ и тотъ же періодъ она не во всѣхъ классахъ общества бываетъ одинакова. *Чѣмъ культурнѣе условія жизни какого-либо класса, тѣмъ менѣе его смертность и тѣмъ слабѣе его плодовитость.* Ода Ольбергъ приводитъ интереснѣйшія данныя изъ статистическаго изслѣдованія извѣстнаго Бертилліона («La natalité selon le degré d'aisance»), показывающія, между прочимъ, что въ европейскихъ столицахъ существуетъ огромная разница между плодовитостью бѣдныхъ и зажиточныхъ кварталовъ. Въ Берлинѣ, напр., на тысячу женщинъ

въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ приходилось рожденій въ наиболѣе бѣдныхъ частяхъ города 157, въ наиболѣе богатыхъ всего 47. Строгая закономѣрность этого явленія ярче всего освѣщается слѣдующей схемой того же Бертилліона, опредѣляющей число рожденій въ четырехъ важнѣйшихъ европейскихъ городахъ соотвѣтственно различной степени благосостоянія:

	Берлинъ.	Парижъ.	Вѣна.	Лондонъ.
Во всемъ городѣ (средняя цифра).....	102	79	153	109
» самыхъ бѣдныхъ кварталахъ.....	157	108	200	147
» бѣдныхъ кварталахъ.....	129	95	167	140
» зажиточныхъ.....	114	72	155	107
» еще болѣе зажиточныхъ.....	96	65	153	107
» богатыхъ.....	63	53	107	87
» очень богатыхъ.....	47	34	77	64.

Такимъ образомъ, очевидно, что въ дѣйствительности господствуетъ тотъ всеобщій законъ (допускающій, конечно, единичныя исключенія), по которому *чѣмъ выше культурное положеніе женщины, тѣмъ ниже ея плодовитость, и наоборотъ*. «Всеобщій культурный прогрессъ,—говоритъ Ода Ольбергъ,—ослабляющій постепенно факторы разрушенія и смертности, тѣмъ самымъ освобождаетъ женщину отъ бремени постояннаго рожанія и вскармливанія потомства», т.-е. даетъ ей въ то же время болѣе досуга для заботъ о собственномъ развитіи. Таковъ законъ культурнаго прогресса, стоящій въ полномъ противорѣчіи съ идеаломъ того писателя, который хотѣлъ бы превратить женщину въ одно рождающее тѣло, въ идеальную родильницу, едва успѣвающую вскармливать своихъ птенцовъ...

Но спрашивается: не ведетъ ли такое систематическое сокращеніе плодовитости, въ концѣ концовъ, къ вымиранію? не правы ли тѣ, кто въ безграничномъ прогрессѣ культуры усматриваютъ угрозу самому существованію человѣчества?

Нѣтъ, не правы, ибо они забываютъ, что въ приведенныхъ выше данныхъ мы имѣемъ дѣло не съ упадкомъ плодовитости вообще, *а съ ея приспособленіемъ къ смертности*. Природа зорко слѣдитъ за равновѣсіемъ между этими двумя основными моментами органической жизни, въ интересахъ сохраненія даннаго вида, и приспособляетъ приходъ къ расходу. Соотвѣтственно этому и культура, въ своемъ нормальномъ развитіи, ведетъ насъ не къ вымиранію, а къ равновѣсію между жизнью и смертью, между смертностью и плодовитостью. Въ строгомъ смыслѣ мы даже не можемъ сказать, что культура есть врагъ плодовитости: она превращаетъ лишь физическую плодовитость въ духовную. Материнство надо цѣнить не по числу рожденныхъ, а по числу *разумно взрощенныхъ* дѣтей. Культура дѣлаетъ мать болѣе плодовитой въ этомъ, нравственномъ, смыслѣ слова, она удѣляетъ ей высокое мѣсто въ величайшей отрасли творчества—въ формированіи людей и гражданъ. Между такой, нравственной, плодовитостью и физическимъ «плодоро-

дѣмъ» существуетъ, однако, непримиримый антагонизмъ. Силы женщины ограничены, и чѣмъ болѣе у нея дѣтей, тѣмъ менѣе она въ состояніи позаботиться о развитіи ихъ индивидуальности. Она сама съ каждымъ днемъ все болѣе отстаетъ отъ жизни окружающаго ее общества, ея кругозоръ съуживается, сердце бѣднѣетъ. Можетъ ли она, при такихъ условіяхъ, быть истинной воспитательницей своихъ дѣтей, подготовлять ихъ къ все болѣе усложняющимся жизненнымъ проблемамъ, формировать ихъ нравственно и духовно? Выиграютъ ли отъ такого «плодородія» дѣти, выиграетъ ли общество? Во всякомъ случаѣ, проигрываетъ много *сама мать*. Ея самочувствіе и ея гордость продолжаются, обыкновенно, лишь до того времени, когда дѣти находятся подъ ея исключительнымъ вліяніемъ, когда они не стали еще самостоятельно думать и разбираться въ мірѣ. Съ дальнѣйшимъ ихъ ростомъ теряется духовная связь между матерью и дѣтьми. Въ ихъ взаимныя отношенія вкрадывается непониманіе, неискренность, дисгармонія. Мать все болѣе проникается чувствомъ невольной обиды, сиротской отчужденности. Зачѣмъ всѣ ея муки, заботы, лишенія? гдѣ награда за безсонныя ночи, безпокойства, тревоги? Не успѣли подрасти дѣти, и женщина-мать чувствуетъ уже себя какъ бы за штатомъ, безъ цѣли жизни, безъ дѣла. Общественныхъ теченій и треволненій своего времени она не понимаетъ: замкнутая семейная жизнь, продолжавшаяся долгіе годы, убила въ ней всякіе высшіе интересы, сдѣлала ее «невѣжей» въ буквальномъ смыслѣ этого слова. И вотъ пустота существованія по необходимости заполняется всякимъ вздоромъ, сплетнями, интригами, дрязгами, «мелочами, тягучими, липкими мелочами, опутывающими всю жизнь». Обидное, жалкое существованіе...

Единственное спасеніе отъ него—въ умственномъ и соціальномъ прогрессѣ женщины. Другого выхода наша цивилизація не даетъ. Возвращенье вспять невозможно. Остается, значитъ, лишь подумать о томъ, чтобы облегчить муки и конфликты настоящаго переходнаго времени, тяжко отражающіеся на всей нашей жизни,—на жизни женщинъ и *мужчинъ* одинаково.

Евг. Лозинскій.

I.

Мнѣ наскучили книги людей—
Я читаю одну только сказку природы,
На родномъ языкѣ красоты и свободы—
Сказку солнца, цвѣтовъ и вѣтвей...

* * *

Нѣтъ конца этой книги живой,
Все въ ней просто, велико и ясно...
Даже смерть въ ней нужна и прекрасна,
Какъ эпиграфъ надъ новой главой.

II.

Какая-то неясная печаль
Въ душѣ моей отъ вешнихъ дней осталась:
Какъ будто я чего-то не дождалась,
Какъ будто мнѣ чего-то страстно жаль...

* * *

Зной первыхъ лѣтнихъ дней меня ужъ утомилъ,
И жаль деревьевъ мнѣ съ ихъ юной красотою—
Съ полупрозрачною, трепещущей листвою,
Съ разцвѣтомъ радости и новыхъ свѣжихъ силъ...

* * *

Нѣтъ ландышей давно—и нѣтъ мечты моей...
Осыпалась она съ черемухой отцвѣтшей,
И спитъ глубокимъ сномъ, и о веснѣ прошедшей
Поетъ, грустя надъ ней, послѣдній соловей...

Галина.

ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

(*Продолженіе* *).

V.

Домой Петръ Любарцевъ пошелъ пѣшкомъ. Сегодня онъ и такъ слишкомъ много истратилъ на извозчика. А вѣдь надо экономить, экономить.

Онъ пришелъ домой съ необыкновенно радостнымъ лицомъ. Къ его удивленію онъ засталъ Владиміра дома. Двоюродный братъ его сидѣлъ за маленькимъ столикомъ, страшно согнувшись надъ нимъ и что-то торопливо писалъ. Локоть его руки висѣлъ на воздухѣ и ему очевидно было очень неудобно. На столикѣ были разбросаны разгонисто исписанные листы. Онъ даже не замѣтилъ, что въ комнату вошелъ Петръ.

— Какъ? Ты не рыскаешь? — воскликнулъ Петръ насмѣшливо-удивленнымъ тономъ и, вытерши рукавомъ свой цилиндръ на манеръ того, какъ вытиралъ его швейцаръ въ домѣ родственницы, бережно уложилъ его въ картонку. Потомъ началъ столь же бережно и осторожно снимать пальто.

— А визитеръ! — промолвилъ Владиміръ, положивъ перо и обернувшись къ нему.—Какъ видишь, нисколько не рыскаю.

— Это удивительно. Какая же причина? Ты развѣ изучилъ всѣ примѣчательности столицы?

— Ихъ никогда нельзя изучить, мой другъ. Въ этомъ городѣ все примѣчательно. Сколько ни изучай, все будетъ новое.

— А я нахожу, что и изучать нечего. Все такое же, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Право, я не нашелъ ничего такого, что меня удивило бы.

— А видѣлъ ты на Казанской площади памятникъ Барклаю-де-Толли?

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1902 г.

— Да, видѣлъ какіе-то памятники... Развѣ онъ чѣмъ-нибудь замѣчателенъ?

— Нѣтъ, ничѣмъ. Плохой памятникъ. Но замѣтилъ ты, какое у него лицо: бронзовое, братъ! И оно всегда одинаковое, оно никогда ничему не удивляется: вотъ совершенно такъ, какъ ты. Ну, какъ же твой визитъ? Произвелъ ты столь желанное хорошее впечатлѣніе?

— Конечно, произвелъ.

— То-есть не ты, а твой сюртукъ?

— Разумѣется, и сюртукъ. Въ такомъ сюртукѣ, какъ у тебя, понятно, ничего бы не вышло... Родственница приняла меня очень любезно. Да кстати, замѣть пожалуйста, что она намъ не тетка, а кузина... И мужъ ея былъ,—очень важный господинъ. Только онъ былъ не въ духѣ. Вообрази, онъ недоволенъ, что какой-то чиновникъ Валежневъ, котораго ему рекомендовала жена, оказался слишкомъ уменъ. Онъ говоритъ, что чиновникъ не долженъ быть уменъ...

— А, значитъ у тебя большіе шансы... Ну, что-жъ, тебя приглашали посѣщать ихъ гостиную?

— А какъ же! Не только меня, но... впрочемъ, ты надъ этимъ конечно посмѣешься... и тебя звали.

— Меня? Да зачѣмъ же я имъ? Развѣ ты такъ хорошо обо мнѣ отозвался?

— Я тебя не бранилъ. Но я, разумѣется, сказалъ, что ты не придешь, потому что ты...

— Неосновательный и несолидный? Да?

— Да. И къ тому же еще странный... И вообрази, когда я это сказалъ, кузина вдругъ оживилась и заявила: „Ради Бога, приведите его, я обожаю неосновательность и странность“.

— Вотъ какъ! Ну, а что жъ изъ себя представляетъ кузина?

— Женщина, какъ и всѣ. Ничего особеннаго... Маленькая, худенькая, блѣдная.

— И больше ничего?

— Что-жъ еще? Разумѣется, больше ничего.

— Ну, я тебѣ не вѣрю, и чтобъ удостовѣриться, приму приглашеніе и пойду къ ней.

— Ты пойдешь туда?

— А почему же нѣтъ? Вѣдь ты же говоришь, что она звала меня.

— Да, но... Но я никакъ не думалъ, что ты... Зачѣмъ же тебѣ туда идти?

— Какъ зачѣмъ? Я изучаю жизнь. Я все изучаю, меня все интересуетъ. А я такихъ людей, какъ они, еще не видалъ.

— Но послушай, въ чемъ же ты пойдешь туда? У тебя нѣтъ подходящей одежды.

— Какъ? Развѣ сюртукъ тамъ считается неприличной одеждой?

— Конечно нѣтъ, но... Но ты его носишь всегда, онъ у тебя несвѣжій...

— Послушай, Петръ... Да неужели тамъ всѣ такіе свѣжіе?

— О, да. Ужъ это-то навѣрно. Но во всякомъ случаѣ тамъ тебя примутъ, конечно, любезно...

— Мерси.

— А что это ты пишешь? Неужели такое длинное письмо отцу?

— Нѣтъ, это не письмо, а статья для печати.

— Какъ? Ты хочешь сдѣлаться писателемъ?

— Ну, нѣтъ, это слишкомъ много. Чтобъ сдѣлаться писателемъ, надо еще много учиться... А это просто небольшая статейка для газеты.

— Почему же ты думаешь, что ее напечатаютъ?

— Почему же ее не напечатать? Она не глупая. Я пишу о фактахъ, которые знаю и которые могутъ интересовать общество. Я надѣюсь, что напечатаютъ. А если нѣтъ, напишу другую, третью... буду добиваться. Вотъ сейчасъ и снесу въ редакцію.

И Владиміръ началъ собирать листы и складывать ихъ по порядку.

— О чемъ же ты пишешь? — спросилъ его Петръ, съ видомъ священнодѣйствія стягивавшій съ себя сюртукъ, жилетъ и другія принадлежности туалета.

— А пишу я, милый мой кузенъ, о провинціальныхъ чиновникахъ. Объ ихъ формализмѣ и мертвечинѣ, которая царитъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ. Пишу о томъ, что, благодаря имъ, провинціальная жизнь отстала отъ столичной на пятьдесятъ лѣтъ...

— Вотъ какъ! Откуда же ты все это знаешь?

— Какъ откуда? Я очень близко видѣлъ такихъ маленькихъ чиновниковъ, какъ ты, и такихъ выдающихся представителей провинціальныхъ канцелярій—какъ дядя.

— Мой отецъ?

— Ну, да. У меня только одинъ дядя.

— Какъ? Такъ ты рѣшаешься писать о моемъ отцѣ?—воскликнулъ Петръ, застывшій въ положеніи человѣка, снявшаго съ себя только одну половину брюкъ.

— Не о немъ лично, а о томъ типѣ чиновника, какой онъ изъ себя представляетъ...

— Но вѣдь это все равно: ты значитъ порицаешь такой типъ.

— Порицаю, конечно.

— Какъ же ты на это рѣшаешься?

— Но не могу же я, мой другъ, хвалить формализмъ и мертвечину.

— Но, однако... Какъ же такъ? Мы родственники и ты вдругъ...

— Но я вовсе не родственникъ съ типомъ провинціальнаго чиновника. Я родственникъ съ дядей, но я говорю не о дядѣ, а о типѣ...

— Да, но порицая типъ, ты можешь повредить и ему...

— Весьма вѣроятно. Но это ужъ неизбѣжно.

— Ну, знаешь, Владиміръ, я отъ тебя этого не ожидалъ...

— Я думаю, ты вообще отъ меня ничего не ожидалъ, Петръ. Ты ожидалъ и ожидаешь отъ петербургской родственницы, что она тебя устроитъ на какомъ-нибудь хорошемъ мѣстѣ; а я же не могу тебя устроить. Ну, такъ когда же ты возьмешь меня съ собой къ великосвѣтской кузинѣ?

— Ну, нѣтъ ужъ, ты самъ иди... Я тебя не возьму на свою отвѣтственность. Ты тамъ Богъ знаетъ чего наговоришь...

— А я все-таки уцѣплюсь за тебя. Вотъ увидишь... А пока прощай. Понесу статью; авось и вывезетъ...

Владиміръ, конечно, не собирался во что бы то ни стало „уцѣпиться“ за двоюроднаго брата. Онъ только хотѣлъ слегка разстроить его: очень ужъ раздражало его безконечно удовлетворенное лицо, съ какимъ онъ вернулся отъ родственницы. Но посѣщеніе родственницы все-таки входило въ его программу.

Тотъ міръ, который Петръ называлъ „высшимъ свѣтомъ“, хотя и едва ли былъ высшимъ, но все же ему невѣдомъ, а все невѣдомое страшно манило его къ себѣ. Это былъ молодой человѣкъ, исполненный глубокаго интереса къ жизни. У него было стремленіе, доходившее почти до болѣзненности, все знать, что дѣлается на свѣтѣ. Не было такой вещи, которая разъ сдѣлалась бы предметомъ его вниманія, хотя бы и случайно, была бы пропущена имъ мимо себя.

И одно только мучило его, это то, что міръ такъ огроменъ и у него не хватитъ жизни и силъ, чтобы познакомиться съ нимъ. Поэтому онъ, конечно, не могъ оставить внѣ своей программы петербургскую родственницу. Это былъ такой удобный пунктъ для созерцанія совершенно новаго для него уголка жизни. Но онъ не думалъ дѣлать это сейчасъ же. У него были въ Петербургѣ болѣе яркія точки, привлекавшія его вниманіе.

Вчера вечеромъ онъ былъ у одного стараго знакомаго его отца и попалъ какъ разъ на маленькую вечеринку. Здѣсь онъ встрѣтилъ интересное общество, слышалъ живые разговоры и самъ нечаянно втянулся въ споръ, которому можетъ быть суждено было сыграть важную роль въ его жизни.

Разговоръ шелъ о провинціи, о земствѣ, о чиновникахъ. Владиміръ сперва внимательно слушалъ. Но у него былъ свой взглядъ и онъ счелъ долгомъ высказать его. Ему возразили, онъ не простилъ и втянулся въ споръ, который былъ прерванъ ужиномъ.

За ужиномъ онъ оказался сосѣдомъ какого-то благообразнаго и молчаливаго старика. Старикъ не принималъ участія въ спорахъ, но Владиміръ видѣлъ, что къ нему всѣ относились съ уваженіемъ.

Старикъ заговорилъ съ нимъ и оказалось, что онъ далеко не лишенъ дара слова. Онъ разспрашивалъ Владиміра о провинціи и даже какъ бы выпытывалъ у него его взгляды. Потомъ онъ перешелъ на споръ о чиновникахъ, объявилъ его взглядъ интереснымъ и оригинальнымъ и наконецъ сказалъ:

— А отчего вы не напишите объ этомъ?

— Какъ? Гдѣ?—спросилъ Владиміръ.

— Ну, какъ же гдѣ? Гдѣ угодно! Напримѣръ, въ газетѣ. Статья съ такимъ взглядомъ, тѣмъ болѣе, что у васъ есть факты, могла бы заинтересовать общество... Теперь какъ разъ въ высшихъ сферахъ поговариваютъ о реформѣ канцеляріи и чиновничества...

— Но я никогда не писалъ... то-есть,—поправился Владиміръ,—не печаталъ...

— Ага, вотъ вы и поймались... Вы не печатали! Это понятно, вы еще очень молоды; но вы писали... и навѣрно писали, потому что у васъ есть писательскій духъ, это я вижу по вашимъ глазамъ.

— Да, это правда,—сказалъ Владиміръ, у котораго дѣйствительно не мало времени и бумаги было потрачено на писаніе.

— Ну, такъ вы и напишите... А я посмотрю. Выйдетъ что, возьму съ удовольствіемъ. Не выйдетъ—въ другой разъ... Вамъ некуда торопиться. А я вѣдь редакторъ газеты...

И онъ назвалъ газету, писать въ которой Владиміръ всегда считалъ для себя честью.

И вотъ подъ впечатлѣніемъ этого разговора Владиміръ все утро обдумывалъ свою тему, а потомъ сѣлъ и залпомъ написалъ статью.

Теперь онъ, забравъ исписанные листы и уложивъ ихъ въ карманъ, пошелъ къ вчерашнему знакомому редактору. Быстро идя по улицѣ, онъ не замѣчалъ, какая была погода и на этотъ разъ уже не останавливался ни передъ какими памятниками и сооруженіями. Онъ испытывалъ ту легкую лихорадку, какою сопровождается приготовленіе ко всякому дебюту.

Когда онъ былъ въ гимназіи, то почти всѣ свободные часы

занимался тѣмъ, что исписывалъ клочья бумаги. Случалось ему заниматься этимъ и на урокахъ и даже вступать въ борьбу съ учителями, когда они замѣчали это. Товарищи называли это бумагомараніемъ, а онъ самъ былъ почти такого же мнѣнія. На этихъ клочьяхъ онъ излагалъ свои взгляды на то, что происходило въ окружающей его жизни, но такъ какъ никакихъ взглядовъ въ сущности тогда у него не было, то ничего дѣльнаго и не выходило.

Огромное самолюбіе заставляло его скрывать свои исписанные клочки отъ всѣхъ и онъ тогда былъ страшно одинокъ и до окончанія гимназіи онъ не зналъ, есть ли какой-нибудь смыслъ въ его писаньи.

Когда онъ сдѣлался студентомъ, нашлись товарищи, которымъ онъ могъ довѣриться. Кое-что было прочитано и безпощадно забраковано. Тутъ у него стали вырабатываться взгляды на жизнь и на людей, и всѣ прежнія его работы теперь показались ему дѣтскимъ бредомъ. Но это не охладило его. Старые листы были уничтожены, но на мѣстѣ ихъ стали появляться новые, уже толстыя тетради, сохранившіяся у него и донынѣ.

То, что было въ этихъ тетрадяхъ, столь же мало годилось для печати, какъ и прежніе клочки, но работа эта не пропала даромъ. Онъ научился выражать свои мысли на бумагѣ и выработалъ себѣ стиль, нѣсколько странный—грубоватый и рѣзкій, но это былъ его собственный стиль.

Сегодня, сѣвъ за работу, онъ вдругъ убѣдился, что ему дается это легко, что мысли, которыя онъ вчера высказалъ въ спорѣ, облекаются въ красивую ясную форму, и съ каждой новой строкой чувствовалъ, что это ему удается. И отъ всего этого его била лихорадка.

Онъ ѣхалъ въ Петербургъ съ неяснымі планами. Одно только твердо онъ зналъ, что служить нигдѣ не будетъ. Противъ обязательной службы протестовалъ весь его душевный складъ. Карьера писателя казалась ему слишкомъ отвѣтственной и трудной и онъ не смѣлъ называть ее своей ближайшей цѣлью. Но въ то же время въ душѣ его жило неясно сознанное высокое мнѣніе о своихъ способностяхъ и онъ рѣшилъ, что будетъ стремиться и добиваться.

И теперь, когда онъ встрѣтился съ редакторомъ, онъ видѣлъ, что ему этотъ путь значительно облегчается. Будетъ ли успѣхъ сегодняшней его работы или нѣтъ, все равно, ужъ ему теперь не придется ждать по недѣлямъ и мѣсяцамъ и получать обратно статьи съ сомнѣніемъ въ томъ, что ихъ прочитали.

Онъ отыскалъ четырехъ-этажный домъ и вошелъ въ подъѣздъ. Въ нижнемъ этажѣ была редакція, но онъ поднялся выше и

позвонилъ въ квартиру редактора. На мѣдной дощечкѣ было написано: Григорій Никифоровичъ Бронниковъ. Это и было имя редактора.

Его провели въ кабинетъ, заваленный книгами, газетами, корректурами и рукописями, и самъ Григорій Никифоровичъ, сидѣвшій за столомъ, поднялся и, прищуря глаза, присматривался къ вошедшему молодому человѣку. Повидимому, въ первую минуту онъ не узналъ его, но потомъ вдругъ вспомнилъ вчерашнее знакомство и принялъ его привѣтливо.

— Ну, что-жъ, работаете?—спросилъ онъ Владиміра Любарцева, усадивъ его на диванѣ.

— Не только работаю, а уже сработалъ... Написалъ статью и принесъ вамъ,—отвѣтилъ Любарцевъ, запуская руку въ боковой карманъ сюртука и вытаскивая оттуда статью.

— Да что вы? Такъ уже скоро? — недовѣрчиво спросилъ Бронниковъ.

— А развѣ скоро нельзя?

— Запрещенья нѣтъ. Но это всегда вредитъ качеству... Однако, давайте, давайте... Вчера вы заинтересовали меня. Охъ, въ какомъ она у васъ видѣ...

— Я прямо начисто писалъ, Григорій Никифоровичъ.

— Писали начисто, а вышло грязно... Но вы прежде всего скажите мнѣ по чистой совѣсти,—говорилъ Бронниковъ,—вы такъ стремительно взялись за это потому, что вамъ нужны деньги и скорѣе хочется получить гонораръ, или...

— Нѣтъ, Григорій Никифоровичъ, деньги мнѣ сейчасъ не нужны, у меня еще есть небольшой запасъ...

— А! Значитъ, васъ потянуло... Кипѣло въ васъ...

— Да, кипитъ и тянетъ, Григорій Никифоровичъ.

— Ну, это васъ извиняетъ... Что-жъ, давайте сейчасъ и прочитаемъ.

Редакторъ переселился къ письменному столу, сѣлъ въ кресло и вооружился очками.

— Можетъ быть, вы позволите, чтобы я прочиталъ вамъ?— предложилъ Любарцевъ.

— Это будетъ безполезно... ничего не пойму. За двадцать пять лѣтъ редакторской дѣятельности привыкъ воспринимать статьи про себя; ужъ вы поскучайте полчасика... Вотъ вамъ сегодняшній номеръ газеты, почитайте; навѣрное были такъ запяты вашей статьей, что ничего не читали?

Владиміръ взялъ предложенную газету, помѣстился на краюшкѣ дивана, развернулъ ее передъ собой и началъ слѣдить глазами за строчками первой попавшейся статьи. Но онъ не читалъ. Каждую минуту онъ подымалъ глаза на редактора и взглядывалъ на его лицо.

Но лицо редактора было безстрастно. Иногда онъ подымалъ руку съ толстымъ краснымъ карандашемъ и ставилъ черту на поляхъ, и у Владиміра тогда было такое ощущеніе, какъ будто эту черту онъ проводилъ острымъ ножомъ по его спинѣ. Это были довольно мучительные полчаса, такъ какъ въ теченіе ихъ въ сущности вѣдь рѣшался вопросъ о годности его для литературной карьеры.

Редакторъ кончилъ, отложилъ статью и снялъ очки.

— Ну, вотъ что я вамъ скажу: если бы вы писали не такъ стремительно, то статья была бы лучше. Но тѣмъ не менѣе это все-таки хорошая статья; она свѣжая и можетъ захватить.

— Неужели вамъ понравилась?—съ живостью воскликнулъ Владиміръ.

— А вамъ развѣ не нравится?—спросилъ редакторъ и разсмѣялся.—Вотъ только просмотрите мѣста, которыя я отмѣтилъ краснымъ карандашомъ. Это повторенія или ненужныя рѣзкости. Такъ мнѣ показалось. Но если вы со мной не согласитесь, то я ихъ, разумѣется, оставлю. Словомъ, вы ее прокорректируйте теперь, уже съ новой точки зрѣнія: какъ статью одобренную и принятую... О, это совсѣмъ, совсѣмъ новая точка зрѣнія.

Владиміръ сѣлъ по другую сторону стола, вооружился тѣмъ самымъ толстымъ карандашемъ, которымъ пять минутъ тому назадъ редакторъ проводилъ кровавыя черты по его спинѣ и началъ читать свою статью съ новой точки зрѣнія.

Да, въ самомъ дѣлѣ, и статья и самъ онъ казались ему теперь иными. Тогда, дома, онъ дорожилъ каждой фразой, боясь, что недостаточно ясно выразилъ свои мысли. Тогда онъ не былъ увѣренъ въ доказательности своихъ доводовъ и потому старался привести ихъ какъ можно больше. Теперь у него явилась увѣренность и оттого рельефно выступали передъ нимъ главное и важное, а лишнее и ненужное тотчасъ блѣднѣло и само себя уничтожало. И онъ смѣло зачеркивалъ слабыя мѣста, не всегда однако, сходясь съ отмѣтками редактора, испещрялъ поля вставками и все это дѣлалъ съ увлеченіемъ, страстно, и это чувство отражалось въ его глазахъ.

Бронниковъ смотрѣлъ на него и думалъ: „Вотъ, кажется, случай натолкнулъ меня на настоящаго журналиста. Давно я не видѣлъ у моихъ сотрудниковъ этой страстности, которая придаетъ газетнымъ строкамъ жизнь“.

Онъ просмотрѣлъ исправленную Владиміромъ статью и съ выраженіемъ искренняго одобренія сказалъ:

— Benissimo! Еще не смѣю сказать съ увѣренностью, но подозрѣваю, молодой человѣкъ, что вы родились журналистомъ. У васъ хорошій слогъ, вамъ легко дается форма и есть страст-

ность. Первыя двѣ вещи останутся вамъ навсегда, а вотъ третью надо беречь и не растрачивать ее на пустяки. Позвольте же вамъ дать совѣтъ человѣка, умудреннаго журнальнымъ опытомъ. У васъ молодая голова и потому вы на каждомъ шагу будете встрѣчать явленія, побуждающія васъ къ статьямъ. Но не хватайтесь за все. Не растрачивайте вашей энергіи на что попало. Останавливайтесь только на важномъ. Наши журналисты оттого и потеряли три четверти своего вліянія, которое могли бы имѣть, что они съ одинаковымъ жаромъ занимаются важнымъ и ничтожнымъ. Свободный талантъ поступаетъ на добровольную службу ежедневности. Онъ долженъ во что бы то ни стало въ каждый номеръ дать столько то строкъ, и такъ какъ значительныя явленія въ жизни обыкновенно родятся на каждый день, то ему приходится браться за все,—что попало. И публика, читая горячія статьи о пустякахъ, привыкаетъ къ ихъ жару. Пишите только важное, а повседневное оставьте тѣмъ, кому Богъ не далъ огня. Пусть они жуютъ эту обязательную и неизбѣжную жвачку. Погодите, погодите... вы хотите сказать, что тогда матеріальной обезпеченностью будутъ пользоваться только „жующіе жвачку“; а обладатели божественнаго огня будутъ питаться колбасой и чаемъ?..

— Нѣтъ, я этого вовсе не собирался говорить,—горячо возразилъ Владиміръ.

— Ну, можетъ быть, и не собирались, только это по молодости, но все равно это возраженіе было бы правильно. Да вотъ во избѣжаніе-то колбасы съ чаемъ, обладатели божественнаго огня и поступаютъ на службу ежедневности. Но я все-таки стараюсь отводить отъ нихъ эту чашу. Вѣдь они такъ рѣдко попадаются, что не приходится особенно ломать голову. Вотъ у меня въ газетѣ, напримѣръ, есть свободный отдѣлъ, правда маленькій и совсѣмъ не отвѣтственный, но вамъ еще рано гоняться за большимъ. Отдѣлъ „мелочей“. Онъ называется: „Смѣсь“. Тутъ печатаются разныя курьезныя извѣстія, случаи, какіе попадаются въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ. Вы языки знаете?

— Нѣмецкій знаю хорошо, а по-французски только читаю.

— Ну, этого вполнѣ достаточно, хотя въ англійскихъ бываетъ много интереснаго.

— Я уже далъ себѣ слово выучиться и англійскому.

— Ну, вотъ видите. Такъ этотъ отдѣлъ я вамъ и поручу. Вы будете приходить въ редакцію часа на два, пробѣгать газеты и журналы, кое-что вырѣзывать и переводить, здакъ строкъ тридцать-сорокъ-пятьдесятъ... За это вы будете получать семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. Для перваго времени отличная плата... Вы довольны?

— О, даже слишкомъ. Ужъ это мнѣ черезчуръ везетъ.

— Это правда. Вамъ повезло. Иные, съ бо́льшимъ талантомъ и съ бо́льшими свѣдѣніями, чѣмъ у васъ, по мѣсяцамъ ищутъ работы и не всегда находятъ. Ну, а за хорошія статьи, вотъ за такія, какъ эта, буду платить вамъ особо. А теперь пойдемте въ столовую пить чай. Въ этотъ часъ ко мнѣ подымаются изъ редакціи нѣкоторые сотрудники, вотъ я васъ и познакомлю съ ними.

Это былъ блистательный день въ жизни Владиміра Любарцева, сразу опредѣлившій его карьеру. Въ столовой за чаемъ семейство редактора не появилось. Владиміръ такъ и не узналъ, есть ли у него семейство. Но явилось нѣсколько сотрудниковъ газеты, съ которыми редакторъ познакомилъ его. О статьѣ Владиміра онъ ничего пока не сказалъ, а представилъ его только какъ новаго завѣдующаго отдѣломъ „смѣси“.

Владиміръ пришелъ домой въ дико восторженномъ настроеніи и, увидѣвъ своего кузена, сидѣвшаго безъ сюртука, за столомъ, надъ почтовой бумагой, на которой онъ ровными основательными красивыми буквами выводилъ письмо къ родителямъ—единственный родъ литературы, который былъ ему доступенъ,—началъ неистово трясти его за плечи.

— О, кузенъ Петръ, кузенъ Петръ! Брось свои сыновнія изліянія и смотри во всѣ глаза на самаго счастливаго человѣка во всемъ Петербургѣ.

— Ахъ, да ну... оставь!.. Ты меня всего разломаешь... Всячески отбивался отъ него Петръ Любарцевъ.—Ты перебилъ меня на самомъ интересномъ мѣстѣ: я описывалъ салонъ петербургской родственницы. Отчего же это ты такъ счастливъ?

— А вотъ видишь, пока ты тамъ еще будешь обивать пороги разныхъ салоновъ, я уже—писатель...

— Какой такой писатель?

— Ну, какой? Разумѣется, не тотъ, который пишетъ письма къ родителямъ... Писатель, настоящій писатель, статья котораго будетъ напечатана въ газетѣ, да еще въ какой вліятельной газетѣ,—которую всѣ читаютъ.

Глубокое разочарованіе выразилось на лицѣ Петра Любарцева.

— Ну, вотъ! Я думалъ, въ самомъ дѣлѣ что-нибудь порядочное!—лѣниво промолвилъ онъ и повернулся лицомъ къ столу съ намѣреніемъ продолжать посланіе къ родителямъ.

— Но развѣ же это не интересно? Ты подумай: завтра мои мысли, которыя до сихъ поръ жили только въ моей головѣ, вылетятъ изъ-подъ типографской машины въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и разлетятся по всей Россіи, залетятъ даже въ Европу... Я ихъ разомъ выскажу сотнѣ тысячъ людей, и сотня

тысячъ людей воспримете ихъ и многіе раздѣлятъ ихъ... Неужели же ты не чувствуешь, какъ это интересно?

— Ничего я тутъ не чувствую... Какое тебѣ дѣло до этихъ сотенъ тысячъ?

— Что за деревянная голова у тебя, Петръ! Знаешь, это даже *въ тебѣ* удивительно.

— Не мѣшай мнѣ писать письмо.

— Не могу не мѣшать, потому что я твое письмо презираю...

— Ну, да, потому что у тебя нѣтъ никакихъ чувствъ родственныхъ. Ты и въ статьѣ этой пишешь противъ родныхъ.

— Да, да, да! Для писателя въ тотъ моментъ, когда онъ пишетъ, не должно быть ни друзей, ни родныхъ, а только одна правда, чистая правда... Ну, что ты тамъ пишешь? Описываешь салонъ петербургской тетушки?..

— Я тебѣ уже сказалъ, что она не тетушка, а троюродная кузина.

— Ну, все равно... Да кому это нужно? Эхъ, ну... Наконецъ, знаешь, что я тебѣ скажу? Вотъ ужъ это, навѣрное, тронетъ тебя: мнѣ поручили завѣдывать отдѣломъ и назначили окладъ—семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ.

— Окладъ?—и Петръ Любарцевъ мгновенно опять всей своей особой повернулся къ нему.

— А, вотъ чѣмъ тебя можно было пронять...

— Да, если окладъ... ну да,—тогда, конечно, это совсѣмъ другое дѣло... Какъ же такъ вдругъ окладъ? За что же тебѣ окладъ?

— Да за то, что я буду работать... Оказалось, что я годенъ для извѣстной работы. Ну, а за работу платятъ. И такъ, видишь, я счастливѣе тебя. Ты тамъ еще будешь долго поклоны бить у кузины, у ея супруга и другихъ тому подобныхъ... А я безъ всякихъ поклоновъ имѣю хлѣбъ и вино.

Петръ задумался, и по мѣрѣ того, какъ онъ обсуждалъ положеніе, лицо его утрачивало недавнюю живость.

— Да, но вѣдь это же не служба...—сказалъ онъ.

— Слава Богу, что не служба; значитъ, я могу во всякое время, когда мнѣ надоѣстъ или не понравится, бросить...

— Да, но тутъ не можетъ быть никакой карьеры, никакого движенія... Какъ же ты не понимаешь,—заговорилъ вдругъ Петръ поучительнымъ тономъ, и въ голосѣ его опять послышалось даже нѣкоторое увлеченіе,—какъ же ты не понимаешь, какая тутъ глубокая разница?—Вотъ мы оба кончили университетъ, положимъ, я раньше, ну тебѣ повезло, и мы получаемъ одинаково по семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. Но ты будешь десять лѣтъ получать эти семьдесятъ пять рублей, потомъ еще десять и еще хоть сто. Ну, положимъ, даже тебѣ прибавятъ; но, все равно, ты

останешься тѣмъ же, чѣмъ былъ, тогда какъ я за это время получу чины, займу видное мѣсто и выслужу пенсію, которая дастъ мнѣ возможность спокойно и пріятно проводить старость. Неужели же ты не видишь разницы?

— Вижу, только не ту, которую видишь ты, а другую, именно: я всю жизнь буду заниматься тѣмъ, что люблю и чѣмъ хочу, а ты будешь корпѣть надъ работой, до которой тебѣ нѣтъ никакого дѣла. Я всю жизнь буду свободнымъ—настолько, разумѣется, насколько это допускается законами Россійской имперіи, а ты будешь подчиненъ рѣшительно всякому, у кого чинъ старше твоего. И, наконецъ, я принесу какую-нибудь пользу людямъ, а ты только напрасно потратишь нѣсколько пудовъ бумаги, бутылокъ чернилъ и сотенъ перьевъ и умрешь безслѣдно, какъ червякъ.

— Ну, все это глупости, которыхъ я даже не понимаю.

— Ну, ладно. Пиши письмо къ родителямъ и поклонись имъ отъ меня.

— Ну, ужъ это извини. Ты пишешь статьи противъ моего отца...

— Боже мой! ты съ каждой минутой глупѣешь... Скажи пожалуйста, неужели такая голова, какъ твоя, можетъ заслужить какіе-то чины, оклады и повышенія? Нѣтъ, въ слѣдующей статьѣ я займусь тобой.

— Это будетъ уже подлость.

— Ну, и что-жъ: я сдѣлаю эту подлость! Вѣдь для литератора нѣтъ ничего святого...

— Я тебя не слушаю,—сказалъ Петръ Любарцевъ, углубляясь въ свое писаніе.

— А мнѣ невыносимъ видъ твоего затылка, и я удаляюсь.

— Самое лучшее, что ты можешь сдѣлать...

— Прощай!

Владиміръ Любарцевъ въ самомъ дѣлѣ опять одѣлся и пошелъ на улицу. Ему не сидѣлось, въ особенности въ обществѣ кузена, который никакъ не могъ понять и раздѣлить его торжественное настроеніе.

Онъ вышелъ и принялся бродить по городу безъ всякой цѣли. Была у него мысль зайти на телеграфъ и послать отцу извѣстіе о своей побѣдѣ. Но онъ удержался. Лучше онъ пошлетъ ему статью, когда она выйдетъ.

Теперь онъ весь превратился въ ожиданіе того дня, когда появится его статья.

VI.

Такъ какъ Петръ Любарцевъ дорожилъ временемъ въ Петербургѣ, то онъ пропустилъ только нѣсколько дней и то собственно ради хорошаго тона. Но на этотъ разъ онъ отправился къ родственникамъ не утромъ, а часа въ четыре, разсчитывая, что, на правахъ родственника, онъ получитъ приглашеніе обѣдать.

„За обѣдомъ люди сближаются", рѣшилъ онъ мысленно.

Опять нарядился онъ въ свой парадный сюртукъ и пошелъ на Конногвардейскій бульваръ. На этотъ разъ швейцаръ сразу призналъ его, и Петръ, оставивъ ему пальто, взлетѣлъ наверхъ съ увѣреннымъ видомъ своего человѣка.

— А, кузенъ!—съ чуть замѣтной усмѣшкой произнесла, увидѣвъ его, родственница.

Петръ подошелъ къ ней, поцѣловалъ у нея руку и только тогда разглядѣлъ, что въ будуарѣ родственницы было нѣсколько мужчинъ и двѣ дамы, что у всѣхъ въ рукахъ и на маленькихъ столикахъ около нихъ были чашки съ чаемъ.

— Познакомьтесь, господа! Это Петръ Николаевичъ Любарцевъ, мой кузенъ изъ провинціи,—промолвила Анна Михайловна.

Петръ Любарцевъ пожалъ руки четыремъ мужчинамъ, изъ которыхъ каждый назвалъ свою фамилію, но такъ невнятно, что онъ ни одной не разслышалъ, и поклонился дамамъ.

Дамы обратили на себя его вниманіе. Это, очевидно, были мать и дочь или, по крайней мѣрѣ, хоть тетка съ племянницей. Онѣ очень походили другъ на друга, обѣ чрезвычайно длинныя,—по крайней мѣрѣ, по сравненію съ хозяйкой онѣ казались великанами,—худощавыя и какія-то костлявыя. Узкія и длинныя лица ихъ напоминали отраженіе въ неправильномъ зеркалѣ, точно ихъ нарочно вытянули и сплюснули по бокамъ. Головы ихъ были украшены необыкновенными шевелюрами черныхъ волосъ, надъ которыми, должно быть, очень долго возилась рука горничной или парикмахера. И эти двѣ некрасивыя головы были водружены на высокихъ кружевныхъ пьедесталахъ, потому что обѣ дамы были точно окутаны кружевами, должно быть очень драгоцѣнными, какъ мысленно рѣшилъ Петръ Любарцевъ. Поверхъ волосъ у младшей торчала пышная шляпа съ перьями, а у старшей маленькій, точно игрушечный, токъ. На шеѣ, на груди, на пальцахъ у нихъ всюду играли самоцвѣтные камни, крупные и въ большомъ количествѣ. Все это заставило Петра Любарцева, послѣ того, какъ онъ сѣлъ, внимательно разсмотрѣть ихъ и вообще не выпускать ихъ изъ виду.

Петръ помѣстился на свободномъ креслѣ, получивъ отъ лакея

чашку чаю, и началъ присматриваться къ обществу и прислушиваться къ разговору. Мужчины ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ обыкновенныхъ приличныхъ мужчинъ. Трое были въ партикулярныхъ одеждахъ и имѣли видъ людей не занятыхъ и никуда не спѣшащихъ. Но одинъ — высокій, тяжеловѣсный, съ лицомъ упитаннымъ и начисто выбритымъ, былъ въ вицъ-мундирѣ, каждую минуту смотрѣлъ на часы и все говорилъ: „Ахъ, мнѣ пора; ахъ меня ждутъ!“ и потомъ прибавлялъ по-французски: „Ah, c'est embêtant comme tout...“

Страннымъ показалось Петру Любарцеву, что всѣ мужчины, хотя были разныхъ возрастовъ, одинъ даже совсѣмъ молодой — лѣтъ двадцати пяти — были лысы, и лысины всѣхъ ихъ не только не портили, а даже какъ бы украшали. У нихъ и лица были такія, къ которымъ требовалась лысина и если бы у кого-нибудь изъ нихъ было много волосъ на головѣ, то это вышло бы грубо и некрасиво.

Слушая же ихъ разговоръ, Петръ Любарцевъ рѣшительно никакъ не могъ уловить, въ чемъ тутъ дѣло. Они говорили по-русски, но постоянно употребляли такія слова, которыхъ онъ не понималъ, слыша ихъ въ первый разъ, а между тѣмъ, этимъ словамъ никто изъ нихъ не удивлялся.

— Онъ все еще упорствуетъ въ своемъ лючинизмѣ,—съ шутливымъ укоромъ говорилъ высокій и плечистый обладатель лысины, указывая на обладателя лысины коренастаго, съ одутловатыми щеками.

— Неужели?—какъ-то глядя поверхъ ихъ обоихъ, воскликнула хозяйка съ выраженіемъ лица, которое говорило, что она принимаетъ участіе въ этомъ разговорѣ какъ бы только по обязанности любезной хозяйки.—Но вѣдь это такъ смѣло съ его стороны...

— Смѣло! Вы правы! потому что я рискую, потому что я почти одинокъ!—съ горячностью заявилъ коренастый, очевидно касаясь какого-то священнаго предмета, такъ какъ глаза его при этомъ метали молніи, и голосъ прерывался.—Они всѣ помѣшались на этихъ кордонеліевскихъ фуетэ... Но позвольте, развѣ это искусство? Всѣ эти ваши фуетэ — не болѣе, какъ гимнастическіе фокусы, которымъ можно научить любую обезьяну!..

— А позвольте освѣдомиться, что же по вашему искусство?— скромно вмѣшался молодой обладатель лысины, вообще вступавшій въ разговоръ съ разными почтительными оговорками.

— Искусство, это—красота, пластика, художественная мѣра во всѣхъ подробностяхъ...

— Ха-ха-ха!—саркастически разсмѣялся высокій:—художественная мѣра... А у нея ноги коротки...

— И шеи вовсе нѣтъ...

— Нѣтъ, господа, главный недостатокъ ея, это—слишкомъ широкія плечи.

„Они говорятъ о какой-нибудь знаменитой лошади", подумалъ Петръ Любарцевъ.

Въ это время господинъ въ вицъ-мундирѣ нервнымъ движеніемъ руки вынулъ въ сотый разъ часы, взглянулъ на нихъ и сказалъ:

— Если бы меня не ждали въ канцеляріи,—о, проклятье!—я доказалъ бы вамъ, что у вашей Лючини колѣнки висятъ, какъ у аиста...

— Это недостатокъ школы,—возразилъ лючинистъ;—у всѣхъ итальянокъ висятъ колѣнки. У вашей Кордонели не только висятъ, а выступаютъ, какъ два нарыва...

— О, Боже!—съ брезгливой миной воскликнула хозяйка.

„Нѣтъ, не о лошади. Тутъ что-то совсѣмъ другое", рѣшилъ Петръ Любарцевъ.

— А вы, m-r Любарцевъ,—вдругъ обратилась къ нему длинная дама, которая была старше,—вы лючинистъ или кордонелистъ?

Петръ взглянулъ на нее, на хозяйку и на всѣхъ остальныхъ и на лицѣ его выразилось глубокое замѣшательство. Я, право... я еще...—началъ онъ растерянно, но за него заступилась хозяйка.

— Кузенъ только что пріѣхалъ изъ провинціи и еще не успѣлъ испортиться, господа,—замѣтила она. Онъ еще—дѣвственная почва...

— А, это интересно!.. Вами надо заняться, m-r Любарцевъ... Васъ надо испортить!—сказала старшая дама.

— Я къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Петръ и наклонилъ голову въ сторону длинной дамы, которая послѣ этого поднялась и заявила, что ей пора. То же сдѣлали и обладатели лысинъ, всѣ вдругъ начавъ прощаться.

Петръ тоже поднялся и не зналъ, что ему дѣлать: неужели тоже попрощаться? А онъ сегодня разсчитывалъ пообѣдать у родственниковъ... И, должно быть, это было написано у него на лицѣ, потому что, когда онъ подошелъ, чтобы поцѣловать руку хозяйкѣ, она сказала ему:

— Вы, кузенъ, останетесь обѣдать, не правда ли?—и онъ остался.

Длинныя дамы протянули ему руки.

— Помните же, m-r Любарцевъ,—сказала ему старшая съ очаровательной улыбкой, которая обнаружила всѣ ея неровные, страшно перепутанные зубы,—помните, что я взялась испортить васъ... Только пожалуйста,—прибавила она,—запросто,—мы обѣдаемъ въ семъ часовъ...

Петръ благодарно наклонилъ голову. Гости всѣ исчезли, и онъ остался вдвоемъ съ хозяйкой. Анна Михайловна поднялась съ своего мѣста и проводила гостей до портьеры, сквозь которую они безшумно проскользнули, и Петръ внимательно осмотрѣлъ ее, такъ какъ въ первый разъ видѣлъ ее не сидящей.

Она теперь уже не казалась ему такой маленькой. Она была сложена удивительно стройно. Походка у нея была легкая, безшумная, движенія мягкія и красивыя.

— Ну, вотъ, кузенъ, можно поздравить васъ съ успѣхомъ у дамъ...—сказала Анна Михайловна, возвращаясь отъ дверей къ своей софѣ.—Впрочемъ, не заблуждайтесь: у нихъ имѣетъ успѣхъ всякій мужчина, котораго онѣ подозрѣваютъ въ томъ, что онъ еще не женатъ.

— А кто эти дамы?—спросилъ Петръ.

— Вермутовы. Мать и дочь. Онѣ очень богаты, кузенъ; вы можете жениться на дочери и сдѣлаться тоже богатымъ.

— Она вдова, эта госпожа Вермутова?

— Не совсѣмъ. Мужъ ея очень важный чиновникъ, женился на ней ради ея большого состоянія. Ея состояніе помогло ему сдѣлать карьеру; послѣ этого онъ сошелся съ другой женщиной. Но она не даетъ ему развода, и потому онъ принужденъ жить съ нею въ одномъ домѣ, ненавидя ее.

— Значитъ, ея состояніе уже ему не нужно?—допытывался Петръ.

— Да, теперь уже у него есть свое...

„Непремѣнно пойду обѣдать къ этимъ Вермутовымъ“, мысленно рѣшилъ Любарцевъ.

— А кто эти господа, которые были у васъ?—спросилъ онъ.

— Разные. Но у нихъ есть общее званіе: они балетоманы.

— Развѣ есть такое званіе?

— Да, кузенъ, оказывается, что есть. Они всѣ состоятъ при театрѣ—только безъ жалованья. Но все равно, большинство изъ нихъ получаетъ казенное жалованье на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ служатъ.

— Что же это за званіе?—продолжалъ любопытствовать Петръ Любарцевъ.

— Они постоянно посѣщаютъ балетъ, апплодируютъ танцующимъ, а иногда шикаютъ имъ; встрѣчаютъ ихъ на вокзалѣ, когда они пріѣзжаютъ, провожаютъ ихъ, когда они уѣзжаютъ; подносятъ имъ подарки въ дни бенефисовъ, платятъ за торжественные ужины.

— Такъ это совсѣмъ невыгодно...—замѣтилъ Петръ Любарцевъ.

— Но, должно быть, это пріятно. Притомъ же это даетъ положеніе въ обществѣ.

— Какое же это положеніе?

— А какъ же? Положимъ, вы чиновникъ, биржевикъ или что-нибудь въ такомъ родѣ... Ну что такое чиновникъ? Ихъ страшно много въ Россіи. Чиновникъ можетъ быть большой, а можетъ быть и ничтожный, а все равно чиновникъ. То же и биржевики... Есть львы, а есть и маленькіе зайчики, — а все биржевики. А какъ только онъ дѣлается балетоманомъ, сейчасъ это выдвигаетъ: онъ близокъ къ искусству, это придаетъ ему особое благородство и вѣсъ. Прежде, когда спрашивали—кто это? отвѣчали: ну, одинъ тамъ чиновникъ или биржевикъ... А теперь отвѣчаютъ: а вы не знаете? это извѣстный балетоманъ. А извѣстный потому, что они всѣ извѣстны.

— Значитъ, они всѣ богаты?

— Отчего вы такъ думаете, кузенъ?

— Да вѣдь за ужины надо платить дорого.

— Ну, не думаю, чтобъ дорого... А впрочемъ, многіе дѣлаютъ это въ долгъ!

— Какъ? Ужины въ долгъ?

— Да, кузенъ, въ долгъ ужины, въ долгъ фракъ у моднаго портного, даже въ долгъ собственныя лошади...

— Вотъ этого я никакъ не предполагалъ.

— А я вамъ совѣтую поближе познакомиться съ ними. Если вы сдѣлаетесь балетоманомъ...

— А развѣ это всякій можетъ?

— Ну, тамъ у нихъ есть какія-то стадіи, вотъ какъ бываетъ въ мастерской у ремесленниковъ: сперва ученикъ, котораго посылаютъ за кипяткомъ въ трактиръ и бьютъ, потомъ подмастерье и мастеръ,—такъ и у нихъ. Но это, говорятъ, помогаетъ по службѣ... Вѣдь они всѣ другъ друга знаютъ и другъ другу помогаютъ...

„Непремѣнно сдѣлаюсь балетоманомъ“, мысленно рѣшилъ Петръ Любарцевъ.

— А что же вы не привели вашего интереснаго кузена?— спросила Анна Михайловна послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Я передалъ ему, что вы... что вы его приглашали...

— Ну и что же? Онъ съ презрѣніемъ отвергъ?

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что ему интересно...

— А, mercі...

— Но привести его я не рѣшился!—замѣтилъ Петръ.

— Почему же?

— Ахъ, онъ такой странный... Вы знаете, онъ человѣкъ не дурной, и я даже его люблю, но... у него не подходящіе взгляды...

— Они не подходятъ къ вашимъ?—съ тонкой усмѣшкой спросила Анна Михайловна.

— И къ моимъ и вообще... вообще къ принятымъ...

— Что же именно?

— Вотъ, напримѣръ: онъ моему отцу родной племянникъ, и отецъ мой очень хорошо къ нему относится, а онъ отплатилъ ему зломъ...

— Да что вы?

— Да, онъ написалъ статью и напечаталъ ее въ газетѣ...

— Какъ? Онъ пишетъ въ газетахъ?

— Онъ только первую статью напечаталъ... только вчера вышла въ газетѣ „Сѣверная Труба“.

— И въ этой-то статьѣ онъ отплатилъ зломъ вашему отцу?

— Да. Я не читалъ статьи, но онъ самъ мнѣ объяснилъ, что въ ней онъ пишетъ противъ провинціальныхъ чиновниковъ. А такъ какъ мой отецъ занимаетъ въ провинціи видное мѣсто, то значитъ онъ и противъ него пишетъ...

— А, вотъ что!—какъ-то странно протянула Анна Михайловна и прислушалась. Изъ отдаленной передней послышался два раза повторенный звонъ.

— Это звонокъ мужа,—сказала она.

И дѣйствительно черезъ минуту въ комнату быстро, даже какъ-то стремительно вошелъ Константинъ Александровичъ Коромысловъ. Онъ прошелъ прямо къ женѣ, поцѣловалъ у нея руку и, замѣтивъ Любарцева, сразу обратился къ нему:

— А, вотъ какъ кстати! Скажите, это вы написали статью въ „Сѣверной Трубѣ“?

— Какъ ты оживленъ сегодня!—съ оттѣнкомъ удивленія произнесла Анна Михайловна.

— Да вотъ благодаря этой статьѣ я и оживленъ. Скажите, это ваша статья?

— Нѣтъ, я... право, я... не пишу статей!—отвѣтилъ Петръ, сильно запинаясь, такъ какъ ему показалось, что его обвиняютъ.

— Нѣтъ? Не ваша? А чья же? Тамъ подписанъ Любарцевъ.

— Это другой кузенъ... — отвѣтила за него Анна Михайловна.—Тотъ... неосновательный...

— Да, это мой двоюродный братъ написалъ,—съ выраженіемъ сожалѣнія и горечи сказалъ Петръ Любарцевъ.

— А что—и статья тоже неосновательная?—иронически спросила Анна Михайловна.

— Статья замѣчательная... замѣчательная статья! Прямо въ точку! Прямо въ цѣль... Статья ходитъ по рукамъ, во всѣхъ департаментахъ ее читаютъ... Скажите, онъ очень молодъ вашъ кузенъ?

— Онъ совсѣмъ молодой: ему двадцать три года!—отвѣтилъ Петръ Любарцевъ и смотрѣлъ на Коромыслова и на Анну Михайловну съ глубокимъ непониманіемъ. Онъ до сихъ поръ еще не постигъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать отзывы чиновнаго родственника о статьѣ Владиміра, въ хорошемъ или въ дурномъ. По смыслу его выраженій, кажется, въ хорошемъ; а между тѣмъ, самъ онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы статья противъ чиновниковъ могла понравиться чиновнику. И всѣ департаменты читаютъ.

— Удивительно мѣтко для такихъ лѣтъ. Онъ очень способный—вашъ двоюродный братъ, и мнѣ хотѣлось бы съ нимъ познакомиться,—говорилъ Коромысловъ.—Ты понимаешь, Анна, онъ пишетъ именно то, что я думалъ. Я всегда говорилъ, что чиновникъ, помимо исполненія обязанностей казенной службы, долженъ еще выполнять въ провинціи культурныя задачи. Онъ, такъ сказать, представитель государственнаго начала; а истинная культура должна входить въ массы подъ эгидой государственности...

— Онъ это пишетъ?—съ нѣкоторымъ выраженіемъ удивленія, расширивъ глаза, спросила Анна Михайловна.

— Онъ пишетъ не это, но его факты могли бы подтвердить этотъ взглядъ... Надѣюсь, Петръ Николаевичъ, вы доставите мнѣ возможность познакомиться съ вашимъ двоюроднымъ братомъ... Да, да, намъ нужны люди со взглядами...

— Но, мой другъ, ты еще на-дняхъ забраковалъ Валежнева...

— Ну, твой Валежневъ имѣетъ взгляды на все, кромѣ своего дѣла... а этотъ молодой человѣкъ именно въ курсѣ дѣла... Теперь этотъ вопросъ стоитъ на очереди, понимаешь ли, и намъ нужны люди со взглядами именно на этотъ вопросъ. Пожалуйста, пожалуйста приведите его къ намъ... Ну, а пока я голоденъ,—прибавилъ Коромысловъ,—меня накормятъ, что ли? У меня въ семь съ половиной коммиссія, гдѣ я предсѣдательствую...

— Я думаю, что обѣдъ готовъ.

Анна Михайловна надавила пуговку звонка. Пришелъ лакей и доложилъ, что обѣдъ готовъ. За обѣдомъ Коромысловъ, который ѣлъ торопливо, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ ему надо было поспѣть въ коммиссію, все время говорилъ о статьѣ Владиміра. Очевидно, эта статья задѣла всѣхъ за живое.

Петръ Любарцевъ недоумѣвалъ. Такой оборотъ дѣла спуталъ всѣ его понятія, бывшія до этого времени твердыми. Онъ совершенно искренно считалъ, что статья противъ чиновниковъ должна быть не одобряема чиновниками. И вдругъ оказывается, что весьма чиновный Коромысловъ находитъ ее замѣчательной, во всѣхъ департаментахъ ее читаютъ; оказывается, что Владиміръ попалъ въ какую-то точку, и что самъ Коромысловъ выражаетъ желаніе

съ нимъ познакомиться. Ничего изъ всего этого не понималъ Петръ Любарцевъ, и все это производило глубокое смущеніе въ его душѣ.

Послѣ обѣда Коромысловъ тотчасъ уѣхалъ, а черезъ пять минутъ послѣ этого, когда Любарцевъ совсѣмъ было собрался благодарить хозяйку и уходить, доложили о приходѣ господина Валежнева.

„А, это тотъ самый, котораго Коромысловъ нашелъ слишкомъ умнымъ для чиновника", мысленно сказалъ самъ себѣ Петръ Любарцевъ. „Надо остаться и посмотрѣть, что это за умная такая птица"... И онъ не сталъ благодарить и прощаться.

Иванъ Сергѣевичъ Валежневъ по внѣшности совсѣмъ не походилъ на четырехъ обладателей лысинъ, съ которыми Петръ познакомился три часа тому назадъ. У него на головѣ были волосы и много волосъ—густыхъ, свѣтло-русыхъ. Весь онъ былъ въ свѣтломъ тонѣ. Отъ его лица съ неправильными простоватыми чертами, съ недлинной круглой бородой, съ сѣрыми глазами, вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ и веселымъ. Но въ умныхъ глазахъ его не было простоты, напротивъ, сейчасъ же было видно, что этотъ человѣкъ себѣ на умѣ, что онъ постоянно наблюдаетъ, и хотя говоритъ много и легко, но ничего не говоритъ зря. На видъ ему было лѣтъ за тридцать. Хорошаго средняго роста, довольно стройный, онъ, какъ казалось, началъ уже чуточку полнѣть, что отражалось главнымъ образомъ на его щекахъ, пріобрѣтавшихъ уже нѣкоторую припухлость.

— Какъ странно, замѣтила ему Анна Михайловна, — мужъ уѣхалъ въ экстренную коммиссію, а вы здѣсь. Вы, кажется, секретарствуете во всѣхъ коммиссіяхъ, гдѣ Константинъ Александровичъ предсѣдательствуетъ, это ваша спеціальность.

— Ахъ, это для меня уже стало потерянымъ раемъ...—сказалъ Валежневъ.—Увы, я чѣмъ-то провинился передъ Константиномъ Александровичемъ... А кстати, можетъ быть, вы знаете, чѣмъ?

— Я, слава Богу, въ департаментскія дѣла еще не вмѣшиваюсь. Но, можетъ быть, я догадываюсь...

— Да? Такъ пожалуйста откройте эту, для меня роковую, тайну. Я вовсе не желаю утрачивать лестное для меня расположеніе Константина Александровича.

— Мнѣ кажется, что вы *проявляетесь* нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ.

— Неужели? Представьте, мнѣ самому такъ начало казаться... Да, да... я теперь вижу, что сдѣлалъ ошибку. Въ первое время мнѣ показалось, что иниціатива должна цѣниться именно потому, что она у насъ вездѣ отсутствуетъ. Но вообразите, въ одномъ

засѣданіи нѣкоторой коммиссіи, когда я замѣтилъ, что одинъ изъ членовъ говоритъ непозволительныя глупости и всѣ его слушаютъ внимательно и даже его мнѣніе, въ виду его чиновничьяго вѣса, должно восторжествовать, я позволилъ себѣ обратиться къ предсѣдательствовавшему Константину Александровичу, конечно, въ самой скромной и почтительнѣйшей формѣ, съ замѣчаніемъ—даже не съ замѣчаніемъ, а, такъ сказать, съ предположеніемъ, что такое мнѣніе и такое рѣшеніе будетъ находиться въ противорѣчіи съ основной задачей самой коммиссіи. Мнѣ казалось, что я выручалъ предсѣдателя. И что же? Константинъ Александровичъ изволилъ окатить меня однимъ изъ самыхъ суровыхъ взглядовъ, какіе когда-либо появлялись въ глазахъ сановника и сухо замѣтить, что обязанности секретаря, молъ, заключаются въ точномъ констатированіи того, что происходитъ въ засѣданіи, не болѣе. Съ этого момента началось мое паденіе. Съ тѣхъ поръ—а прошло уже мѣсяца полтора—меня уже больше не назначаютъ секретарствовать въ коммиссіяхъ.

— И вы скучаете?

— Психологически, разумѣется, нисколько, но, такъ сказать, чиновнически—да, потому что это можетъ отодвинуть меня на задній планъ и порядочно замедлить мое служебное шествіе.

— Ну, вы съ вашими эластическими способностями очень скоро приспособите себя къ...

— Къ выяснившемуся положенію? О, да, надѣюсь. Но надо, чтобы мнѣ дали возможность показать себя съ этой новой стороны.

— Значитъ, Иванъ Сергѣевичъ, вы рѣшили на всѣхъ парахъ дѣлать карьеру?

— Гм... на всѣхъ парахъ!.. Это гораздо болѣе относится къ моимъ желаніямъ, чѣмъ къ возможности.

— Почему же? При вашихъ большихъ способностяхъ, при вашемъ умѣ...

— Не смѣю отрицать ни способностей, ни ума, но это только одна четверть того, что нужно для путешествія „на всѣхъ парахъ“.

— А что же еще нужно?

— Да вѣдь я человѣкъ низкаго происхожденія. Мой отецъ былъ простымъ канцелярскимъ вольнонаемнымъ писцомъ... И если онъ умудрился при этомъ оплачивать мое образованіе, такъ это ужъ его тайна...

— Но вы отлично кончили курсъ, вы кандидатъ...

— Даже магистрантъ...

— Это что же?

— А это значитъ, что мнѣ остается только написать и защитить диссертацію, чтобы сдѣлаться магистромъ...

— Ну, вотъ видите...

— Да, вижу и вижу именно то, что мнѣ не достаетъ съ одной стороны происхожденія, чтобы имѣть право придти къ какому-нибудь властному лицу и сказать: я племянникъ, двоюродный или даже троюродный братъ такого-то—какой-нибудь звонкій имярекъ,—а потому дайте мнѣ такую-то позицію, съ которой я пошелъ бы на крутую служебную гору, какъ бы на фуникюлерѣ... А съ другой стороны, нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы поступить... ну, хотя бы въ балетоманы...

— Поступить? Вотъ какъ? Значитъ, это что то уже въ родѣ особой коллегіи...

— Коллегія и есть. Да вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ за моимъ столомъ появился, нельзя сказать, что бы очень скромный юноша,—по мѣсту службы совсѣмъ на задворкахъ, а теперь онъ уже грозитъ не только съѣсть меня, но и опередить... Смотрю я на него и думаю: отъ какихъ это такихъ причинъ? Фамилія его: Заставкинъ, значитъ никоимъ образомъ не знатная и по справкамъ оказалось, что онъ сынъ какого-то бывшаго подрядчика... Но деньги у него есть, завтракаетъ онъ каждый день въ модномъ ресторанѣ за однимъ столомъ со столпами балетоманства. Ну, завтракалъ онъ, затракалъ съ ними да мало-по-малу и посвятился...

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ помогаетъ?—вдругъ не вытерпѣлъ и спросилъ Петръ Любарцевъ, сидѣвшій въ отдаленіи и такъ тихо державшій себя, что хозяйка о немъ забыла.

— Ахъ, позвольте васъ, господа, познакомить: Валежневъ, Иванъ Сергѣевичъ, и Любарцевъ, мой кузенъ изъ провинціи, спохватившись воскликнула хозяйка.

— М-г Любарцевъ? Вы Любарцевъ, тотъ самый... авторъ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—звонко разсмѣявшись, возразила Анна Михайловна,—не тотъ самый... Вы, конечно, говорите о статьѣ, которую сегодня читаютъ во всѣхъ департаментахъ?..

— И сегодня, и вчера... Эта статья взбудоражила весь чиновничій муравейникъ. Она, положимъ, касается провинціи, но рикошетомъ задѣваетъ и столичныхъ чиновниковъ.

— Вы ее, конечно, читали?—спросила хозяйка.

— Еще бы не читалъ!..

— Ну, скажите же, въ самомъ дѣлѣ эта статья интересна?

— Какъ вамъ сказать? матеріалъ зеленый и односторонній. Но взглядъ свѣжій и главное—жару, жару много...

— Такъ что вы позавидовали ея автору?

— Нѣтъ, знаете ли, люди съ такими способностями и съ такими взглядами... Да, ихъ приглашаютъ на службу, за ними даже ухаживаютъ... Но ихъ карьера эфемерна. Ихъ назначаютъ

на какія-нибудь исключительныя мѣста: ну, чиновниками особыхъ порученій, сажаютъ ихъ за какія-нибудь статистическія изслѣдованія, посылаютъ дѣлать какія-нибудь спеціальныя работы на мѣстѣ, поручаютъ имъ ревизіи... и съ перваго взгляда кажется, что они шагаютъ гигантски и, того и гляди, попадутъ въ министры... Но проходитъ мода на вопросъ, его сдаютъ въ коммиссію на вѣчныя времена и о свѣтильникѣ, изъ котораго изошелъ свѣтъ, болѣе не нужный,—забываютъ. Такъ онъ и остается на своемъ блестящемъ перепутьи. Это въ чиновничьей карьерѣ—кустари... А статья занимательная! Этого отъ нея никакъ нельзя отнять...

Изъ портьеры вдругъ безшумно вынырнулъ лакей и доложилъ:—Карету прикажете къ девяти часамъ, ваше превосходительство?

— Ахъ, да... я совсѣмъ, совсѣмъ забыла... Мнѣ сегодня надо скучать на благотворительномъ базарѣ... Да, къ девяти. Я должна передъ вами извиниться, господа, мнѣ нужно одѣться.

Оба гостя поднялись и начали прощаться.

— Смотрите же, непремѣнно приведите вашего кузена,—сказала Анна Михайловна Петру Любарцеву на прощанье.

Любарцевъ и Валежневъ вышли вмѣстѣ и имъ пришлось до Исаакіевскаго собора идти по одному пути.

— Вотъ вы тогда не отвѣтили на мой вопросъ,—сказалъ Любарцевъ.—Это вотъ... поступленія въ эти... въ балетоманы... Въ самомъ дѣлѣ помогаетъ двигаться по службѣ?

— Да вѣдь какъ вамъ сказать,—отвѣтилъ Валежневъ:—въ этомъ дѣлѣ собственно все помогаетъ, ежели кто съумѣетъ воспользоваться... Ну, пожалуй, балетоманство въ особенности.

— Почему же это въ особенности?

— А вотъ видите ли... представьте себѣ семью: отецъ очень вліятельный человѣкъ, братъ его тоже... и вырастаетъ сынъ, кончаетъ университетъ, получаетъ дипломъ... все какъ слѣдуетъ. Вѣдь если онъ поступитъ на службу, то отецъ и дядя будутъ всячески помогать ему выдвинуться и постараются предоставить ему наилучшія мѣста... А почему? потому что они одна семья, у нихъ общіе интересы. Ну, а балетоманы тоже представляютъ собою одну семью, связанную одними интересами. Такъ естественно, что они членамъ своей семьи покровительствуютъ.

„Непремѣнно, во что бы то ни стало поступлю въ эти самые... балетоманы“, рѣшительно объявилъ самому себѣ Петръ Любарцевъ, и тутъ, около Исаакіевскаго собора, они простились и разошлись въ разныя стороны.

VII.

Владиміръ Любарцевъ теперь каждый день посѣщалъ редакцію, но оставался въ ней не часъ-два, а половину дня. Это происходило, какъ объяснялъ Бронниковъ, отъ молодости и неопытности. Глаза его еще не сдѣлали привычки на лету схватывать то, что могло быть ему полезно.

Но самъ Владиміръ объяснялъ это совсѣмъ иначе. Въ его распоряженіи никогда не бывало такой кучи печатнаго матеріала, сообщавшаго ему извѣстія со всѣхъ концовъ міра. Онъ, правда, на первомъ планѣ ставилъ свои обязанности относительно „смѣси", но онъ не могъ отказывать въ своемъ вниманіи и всему остальному. И такъ какъ его интересовало рѣшительно все, что относилось до жизни людей, то онъ не могъ оторваться отъ чтенія, дѣлаясь поперемѣнно политикомъ, экономистомъ, финансистомъ и такъ далѣе. Онъ съ жадностью проглатывалъ цѣлыя кипы газетъ и журналовъ, изумляя всѣхъ своей усидчивостью. За глаза надъ нимъ даже подсмѣивались, замѣчая, что онъ употребляетъ слишкомъ большія усилія для такого пустячнаго дѣла, какъ „смѣсь".

— Вы, молодой человѣкъ, черезчуръ уже надрываетесь,—сказалъ ему Бронниковъ.—Я этого отъ васъ не требую.

— Да я, признаться, не для васъ это дѣлаю, а для себя,—отвѣтилъ Владиміръ.—Меня все интересуетъ.

— А, это другое дѣло,—сказалъ Бронниковъ и подумалъ: „онъ прирожденный журналистъ".

Когда Петръ Любарцевъ вернулся отъ родственницы часовъ въ девять вечера, Владиміра еще не было дома, но онъ пришелъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Неужели ты до сихъ поръ работалъ въ своей редакціи? спросилъ Петръ.

— Да и кое-что заработалъ. А ты?

— Я не зарабатываю. Я только пообѣдалъ.

— Что-жъ, это тоже чистый барышъ. Ну, что-жъ, въ полномъ ли здоровьи наша очаровательная родственница?

— Да. И я долженъ передать тебѣ кое-что пріятное и... необыкновенное.

— А, значитъ, все,-таки бываетъ на свѣтѣ необыкновенное? А ты до сихъ поръ ни въ чемъ не находилъ ничего особеннаго.

— Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ необыкновенно. Во-первыхъ, его превосходительство...

— Это кто же такой?

— Мужъ кузины, Константинъ Александровичъ Коромысловъ...

Да, такъ онъ принялъ меня за автора статьи, которую ты написалъ...

— Ха-ха! Ну, дѣйствительно, оно наивно, это его превосходительство. Это значитъ, что онъ не достаточно вглядѣлся въ твое лицо...

— Что же такого особеннаго въ моемъ лицѣ?

— Особеннаго ничего. Но на немъ ясно начертано, что ты никогда во всю жизнь не произведешь не только никакой статьи, а даже одной строчки, за исключеніемъ писемъ къ родителямъ... Ну, и такъ, его превосходительство, мужъ кузины...

— Представь себѣ, къ моему изумленію, твоя статья произвела на него сильное впечатлѣніе.

— Неужели? Что же, онъ находитъ, что за статью меня слѣдуетъ выслать изъ Петербурга въ двадцать четыре часа? Это всегда бываетъ, когда въ высшихъ сферахъ статья производитъ сильное впечатлѣніе.

— Совсѣмъ напротивъ. Онъ сказалъ, что статья твоя замѣчательная.

— Ой!

— Да, да... Что ты попалъ въ какую-то точку...

— Ой-ой!

— Что статья твоя ходитъ по рукамъ и читается во всѣхъ департаментахъ.

— Караулъ!

— И это подтвердилъ нѣкій Валежневъ, тотъ самый, котораго Коромысловъ нашелъ слишкомъ умнымъ для чиновника.

— Ну, дальше, дальше. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ все это пріятно слышать.

— А дальше вотъ что: онъ просилъ меня непремѣнно познакомить тебя съ нимъ, иными словами,—чтобы ты пришелъ къ нимъ, и я обѣщалъ.

— Обѣщать этого ты не имѣлъ права; но тѣмъ не менѣе ты сдержишь слово. Все это меня чрезвычайно интересуетъ, и я пойду. Вѣдь ты знаешь, что я собираюсь также писать о столичныхъ чиновникахъ,—такъ повидать ихъ поближе очень интересно.

— Но, послушай, Владиміръ, неужели ты будешь такъ неостороженъ, что станешь писать противъ Коромыслова? Вѣдь ты уже тутъ напортишь не только себѣ, но и мнѣ.

— Успокойся, бѣдный человѣкъ, я ничего тебѣ не испорчу. Ты, вѣроятно, будешь, уже по крайней мѣрѣ коллежскимъ совѣтникомъ, когда я напишу эту свою статью; для этого мнѣ нужно еще слишкомъ много видѣть. Ну, такъ когда же ты поведешь меня къ ея и его превосходительствамъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Только знаешь, Владиміръ, ты бы отдалъ портному твой сюртукъ, пусть бы онъ его почистилъ и выгладилъ...

— Да неужели же онъ такъ ужъ плохъ?

— Очень плохъ, увѣряю тебя.

— Но почему же до сихъ поръ меня ниоткуда, гдѣ я былъ въ немъ, не выгнали? Я и въ гости ходилъ, и въ редакцію.

— Ну, то совсѣмъ другое дѣло. А тутъ всѣ такъ чисто одѣваются... Однимъ словомъ, пожалуйста; ты вотъ что: я самъ это сдѣлаю за тебя. Ты только позволь.

— Хорошо, позволяю. Такъ какъ ты, очевидно, чувствуешь на себѣ отвѣтственность за мою благопристойность, то это—твое право. Если хочешь, можешь даже собственноручно вымыть мнѣ голову, шею, напомадить меня и причесать.

— Теперь никто не помадится,—очень серьезно замѣтилъ Петръ.

— Неужели? И тамъ? Такъ чѣмъ же отличаются свѣтскіе люди отъ простыхъ смертныхъ? Ну такъ когда же?

— Хоть завтра. Кстати, завтра воскресенье, значитъ ты не идешь въ редакцію, а Коромысловъ не ѣдетъ въ канцелярію. Мы пойдемъ къ нимъ часовъ въ двѣнадцать и останемся завтракать.

— Отлично! Экономія.

— А сюртукъ ты сейчасъ сними, и я теперь же отнесу къ портному. Завтра утромъ онъ будетъ готовъ.

И Петръ съ необыкновеннымъ стараніемъ принялся снаряжать двоюроднаго брата „въ свѣтъ“. Онъ стянулъ съ него сюртукъ, отнесъ къ портному. Осмотрѣлъ его воротнички и манжеты и отобралъ на завтра самые эффектные; позаботился даже о носовомъ платкѣ, а горничной приказалъ, чтобы сапоги Владиміра были на завтра вычищены до послѣдней степени блеска.

Въ душѣ его произошелъ уже явный переворотъ. Насколько раньше онъ пренебрегалъ кузеномъ, какъ человѣкомъ неосновательнымъ, настолько теперь, послѣ того, какъ имъ заинтересовался Коромысловъ, онъ почти гордился имъ.

Въ двѣнадцать часовъ они лежали уже въ постеляхъ. Владиміръ собрался уже погасить свѣчу, когда Петръ сказалъ:

— А знаешь ли ты, что я рѣшилъ?

— Разумѣется, не знаю.

— Нѣтъ, ты догадайся!

— Я догадался: ты рѣшилъ тоже написать статью.

— Ну, вотъ глупости. Ты очень хорошо знаешь, что я не умѣю писать статей. Нѣтъ, я рѣшилъ поступить въ балетоманы.

— Что?

— Ну, да, поступить въ балетоманы...

— Что же ты не предупредилъ меня?.. я бы раньше загасилъ свѣчу!

— Это зачѣмъ же?

— Да вѣдь подобныя дикости можно говорить только въ темнотѣ.

— Ну, тамъ дикости или нѣтъ, а я все-таки поступлю, потому что оказывается, что это помогаетъ по службѣ... И потомъ я сдѣлалъ новое знакомство: у кузины были мать и дочь Вермутовы, очень богатыя. И я произвелъ на нихъ впечатлѣніе; онѣ звали меня обѣдать.

— Свѣтскія красавицы?

— Нѣтъ, этого не могу сказать. Скорѣе рожи. Но очень богатыя. Знаешь, я думаю, что мнѣ везетъ.

— Ну, что-жъ вчера мнѣ повезло, а сегодня тебѣ. Спокойной ночи.

На другой день Владиміръ не пошелъ въ редакцію. Бронниковъ еще раньше заявилъ ему, что воскресенья у него свободны. Для „смѣси“ же на понедѣльникъ брался матеріалъ изъ запаса, накопившагося за недѣлю.

Петръ продолжалъ смотрѣть на него, какъ на своего опекаемаго, и потому не переставалъ заботиться о немъ. Въ девять часовъ соскочилъ онъ съ постели и побѣжалъ къ портному. Сюртукъ Владиміра, который онъ принесъ оттуда, разумѣется, не измѣнилъ своей неуклюжей и неказистой формы, но дѣйствительно сталъ чище и приличнѣе.

Затѣмъ онъ заставилъ Владиміра встать и, когда тотъ одѣвался, онъ строго слѣдилъ за его туалетомъ, чтобы все было такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ собственноручно повязалъ ему галстухъ, а когда они часовъ въ одиннадцать вышли на улицу, онъ настоялъ, чтобы Владиміръ зашелъ къ парикмахеру и привелъ въ порядокъ свои волосы. Владиміръ былъ великолѣпно настроенъ и комически во всемъ повиновался ему. Онъ только возмутился, когда парикмахеръ вздумалъ, было, уснащать его волосы чѣмъ-то пахучимъ, и отказался отъ этого.

Черезъ полчаса они были на Конногвардейскомъ бульварѣ. Швейцаръ, по случаю праздника, несмотря на ранній часъ, былъ уже въ ливреѣ. Принимая весьма неудовлетворительное пальто Владиміра, онъ съ нѣкоторымъ недружелюбіемъ и даже недовѣріемъ посмотрѣлъ на Петра. Самого-то его онъ уже призналъ и причислилъ къ лику порядочныхъ господъ, но не могъ одобрить его за то, что онъ приводитъ „Богъ знаетъ кого“.

Лакею Петръ сказалъ:

— Доложите, что я пришелъ съ кузеномъ Владиміромъ Ивановичемъ!

*

Но имъ пришлось съ четверть часа подождать въ гостиной, такъ какъ Анна Михайловна была еще не одѣта, а Константину Александровичу даже не докладывали о ихъ приходѣ.

Наконецъ, она вышла, по обыкновенію въ изящномъ капотѣ, утопающая въ кружевахъ, съ блѣдными щеками, съ грустнымъ выраженіемъ большихъ прекрасныхъ глазъ.

— Вотъ мой кузенъ, Владиміръ,—сказалъ Петръ, цѣлуя ея руку.

— Наконецъ-то вы рѣшились быть любезнымъ. Владиміръ Ивановичъ!—замѣтила ему Анна Михайловна, протягивая руку.

Онъ взялъ ея руку и только теперь у него явился вопросъ, какъ быть ему съ этой рукой? Кузенъ поцѣловалъ ее, а онъ еще никогда въ жизни не цѣловалъ руки женщины, кромѣ руки своей матери. Что это принято въ извѣстномъ кругу, онъ зналъ, но до сихъ поръ сопротивлялся этому обыкновенію.

Съ секунду поколебавшись, онъ вдругъ неожиданно для самого себя наклонилъ голову и поцѣловалъ руку хозяйки и въ эту минуту почувствовалъ, что его обычная самоувѣренность, никогда не покидавшая его, куда-то исчезла. У него даже не явилось въ головѣ сколько-нибудь приличной фразы, чтобы отвѣтить на реплику Анны Михайловны и онъ просто сказалъ:

— Я не считалъ себя въ правѣ безпокоить васъ своей особой. Я считалъ, что довольно съ васъ и одного кузена...

— Ну, вашъ кузенъ Петръ Николаевичъ милѣе!—замѣтила хозяйка.

— Мой кузенъ вообще милъ. Это его призваніе!—сказалъ Владиміръ, и на губахъ его появилась та усмѣшка, которая всегда сопровождала всѣ его мысли и слова по поводу кузена Петра.

— Во всякомъ случаѣ, я рада, что это, наконецъ, случилось, тѣмъ больше, что вы являетесь сюда въ сопровожденіи успѣха...

— Покамѣстъ только въ канцеляріяхъ...

— Но это очень много, если взять во вниманіе, что Петербургъ наполовину состоитъ изъ канцелярій... Ну, пойдемте ко мнѣ, господа, я чувствую себя хорошо только въ моей комнатѣ, на моей софѣ.

Она повела ихъ по знакомому для Петра пути, черезъ рядъ комнатъ, въ будуаръ. Здѣсь она заняла свое обычное мѣсто, усадила Владиміра поближе, а Петру сказала:

— А вы садитесь, гдѣ хотите, и дѣлайте, что вамъ угодно. Мы будемъ знакомиться съ вашимъ кузеномъ.

Потомъ она позвала лакея и сказала ему:

— Доложите Константину Александровичу, что у меня оба Любарцевы. Я вашей статьи не читала, Владиміръ Ивановичъ,—

прибавила она,—но такъ какъ она спеціальная и чиновничья, то, я думаю, вы мнѣ это простите.

— Она не такъ спеціальна, какъ вы думаете,—замѣтилъ Владиміръ,—и я, признаться, жалѣю, что вы ее не видѣли.

— Жалѣете?

— Да, потому что, еслибъ вы съ нею познакомились, то познакомились бы отчасти и со мной, и я въ эту минуту уже былъ бы вамъ нѣсколько извѣстенъ.

— А, въ такомъ случаѣ я ее прочитаю. Но вы и такъ уже мнѣ отчасти извѣстны... Напримѣръ, я знаю, что вы человѣкъ странный, хотя пока не вижу этого..

— Это съ точки зрѣнія моего кузена. Но онъ считаетъ страннымъ все, что не похоже на него самого и на его родителей.

— Потомъ что вы неосновательный...

— Это правда. Но мнѣ только двадцать три года. Мнѣ не на чемъ было основаться. И я это еще успѣю сдѣлать.

— Однако, вашъ кузенъ не старше васъ, а уже основательный.

— Кузенъ взялъ на вѣру готовыя основанія, преподанныя ему моимъ дядей, его отцомъ, а я ничего не хочу брать на вѣру.

— Вы сами хотите для себя выработать?

— Все самъ. Это занимательнѣе.

— Какъ же вы проводите время въ Петербургѣ? Про Петра Николаевича я знаю... онъ бываетъ у насъ.. а вы?

— А онъ рыскаетъ по Петербургу,—отвѣтилъ за него Петръ.

— Да, я знакомлюсь съ городомъ. Кузенъ Петръ уже заранѣе знакомъ со всякимъ мѣстомъ, куда бы онъ ни пріѣхалъ, потому что у него существуетъ убѣжденіе, что всѣ вещи одинаковы и нигдѣ ни въ чемъ нѣтъ ничего особеннаго. Я же наоборотъ—рѣшительно во всемъ нахожу какую-нибудь особенность... и меня интересуетъ все, рѣшительно все.

— И вы постоянно изучаете?

— Постоянно. Мнѣ кажется, что вообще всѣ сколько-нибудь живые люди постоянно изучаютъ, хотя, можетъ быть, не всегда сознательно.

— Значитъ, съ вами надо принимать мѣры осторожности?..

— Зачѣмъ же? Напротивъ, надо облегчать мнѣ возможность изучать. Чѣмъ больше люди знаютъ другъ друга, тѣмъ ближе они становятся другъ къ другу...

— Ну, не всегда. Иногда знаніе отталкиваетъ...

— Что-жъ, и это услуга съ его стороны.

Владиміръ уже вполнѣ овладѣлъ собой, больше не стѣснялся и не запинался. Они сразу заинтересовали другъ друга, и разговоръ у нихъ не смолкалъ.

Петръ сидѣлъ въ отдаленіи у горѣвшаго камина и удивлялся тому, какъ это Владиміръ сразу заговорилъ съ родственницей такъ, какъ будто уже много лѣтъ знакомъ съ нею. И о чемъ они говорятъ? О вопросѣ, который для него не существуетъ.

Вотъ сейчасъ, напримѣръ, у нихъ поднялся уже настоящій споръ. У Владиміра горятъ глаза, а у Анны Михайловны щеки разрумянились, и голосъ ея, обыкновенно слабый, сдержанный, лѣнивый, звенитъ, какъ серебряный колокольчикъ. Спорятъ они о какомъ музеѣ, о какихъ-то двухъ картинахъ какого то художника, помѣщенныхъ въ этомъ музеѣ. Художника зовутъ Коноплянкинымъ. И фамилія какая-то ничтожная. Коноплянкинъ! Что такое Коноплянкинъ? Для него, для Петра Любарцева, это пустой звукъ. Человѣкъ, обладающій такой фамиліей, не можетъ представлять изъ себя что-нибудь интересное. А они оба чуть не становятся на дыбы.

Петръ слѣдилъ за движеніемъ ихъ спора. Сперва Анна Михайловна объявила себя поклонницей Коноплянкина. Владиміръ выслушалъ всѣ ея похвалы съ тонкой иронической усмѣшкой и затѣмъ вдругъ объявилъ, что онъ послѣднія произведенія Коноплянкина считаетъ мазней, обманомъ публики.

— Какъ обманъ? Какой обманъ?—вскипѣла Анна Михайловна.

— Чистый обманъ, потому что этотъ Коноплянкинъ пишетъ не съ натуры, а съ фотографіи.

— Какъ съ фотографіи?

— Очень просто,—развѣ не знаете? Онъ разсаживаетъ натурщиковъ въ позахъ, снимаетъ ихъ и потомъ пишетъ по этой карточкѣ...

— Но почемъ вы знаете? Это голословно...

— Какъ почемъ я знаю? Стоитъ только приглядѣться къ этимъ картинамъ, такъ вы сейчасъ же увидите, что они писаны съ фотографіи. Такія позы, такое выраженіе лицъ могутъ быть только на фотографіи.

И Владиміръ началъ перебирать всѣ детали тѣхъ картинъ, какъ будто онѣ были тутъ, передъ нимъ. А она понимала его, очевидно тоже зная наизусть все это. И такъ убѣдительно доказывалъ Владиміръ свое „обвиненіе“, что не только для Анны Михайловны, но даже для Петра становилось ясно, что онъ правъ. Анна Михайловна сдавалась. Уже она не отрицала того, что Коноплянкинъ прибѣгаетъ къ фотографіи, она теперь только слабо защищала его.

— Но онъ прибѣгаетъ къ фотографіи, только какъ къ пособію; это ему помогаетъ, облегчаетъ...

— Безъ сомнѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ низводитъ его работу на степень ремесла. Позвольте! Представьте себѣ, что писатель,

положимъ, поэтъ, беллетристъ, держался бы такого способа: просилъ бы своихъ знакомыхъ сидѣть и ходить въ тѣхъ позахъ, какія ему нужно описать, далъ бы имъ тему для разговора и заставилъ бы ихъ разсуждать въ извѣстномъ направленіи, записалъ бы это слово въ слово, а потомъ только отдѣлалъ бы, разставилъ лучше слова и пустилъ бы въ свѣтъ. Вы назвали бы это творчествомъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Нѣтъ. Потому что творчество не выноситъ никакихъ пособій и облегченій, потому что творчество—настоящее, не ремесленное, — все идетъ изъ меня, изъ человѣка, изъ его головы. Матеріалъ въ видѣ впечатлѣній входитъ раньше незамѣтно, Богъ знаетъ когда и какъ, а образы цѣликомъ создаются въ душѣ и такими выливаются на полотнѣ, въ книгѣ, на нотной бумагѣ, на сценѣ... Я вотъ теперь бѣгаю по музеямъ и выставкамъ и вижу: прежніе наши художники писали куда слабѣе, а между тѣмъ творчества у нихъ куда больше, чѣмъ у нынѣшнихъ. А почему? Потому что у трехъ четвертей нынѣшнихъ фотографія выглядываетъ своими деревянными формами изъ-за каждаго мазка. Все для облегченія, все въ видѣ пособія. Да зачѣмъ же облегчать? Если тебѣ тяжело творить, не въ моготу, займись другимъ дѣломъ. По моему, художникъ, прибѣгающій къ фотографіи, уже не художникъ, а маляръ, ему вывѣски писать. По моему истинный художникъ долженъ за сто верстъ обходить фотографическій аппаратъ, онъ не долженъ прикасаться къ нему, а долженъ бояться его, какъ зачумленнаго. Его негативъ—въ душѣ. То, что тамъ запечатлѣлось, его матеріалъ, его пособіе. Если что нужно для памяти, онъ записываетъ въ своемъ альбомѣ, но только своей рукой, а не камерой-обскурой...

Въ это время въ комнату вошелъ и остановился на порогѣ съ выраженіемъ удивленія на лицѣ Константинъ Александровичъ. Онъ никогда еще не слышалъ въ будуарѣ своей жены такихъ горячихъ рѣчей; а когда онъ взглянулъ на Анну Михайловну, то еще больше удивился: онъ давно не видѣлъ ее такой оживленной и взволнованной.

— Мы здѣсь чуть не деремся съ Владиміромъ Ивановичемъ,— сказала Анна Михайловна. А Владиміръ, догадавшись, что это и есть самъ Коромысловъ, поднялся.

— Какъ? Уже съ первой встрѣчи?—воскликнулъ Коромысловъ, безъ всякаго представленія подавая ему руку.

— Такая тема попалась,—отвѣтилъ Владиміръ,—ну, мы и поспорили.

Коромысловъ поздоровался съ Петромъ, затѣмъ присѣлъ поближе къ софѣ и сразу началъ расхваливать статью Владиміра о

чиновникахъ. Но разговоръ этотъ былъ прерванъ докладомъ о поданномъ завтракѣ, и всѣ перешли въ столовую.

Здѣсь къ статьѣ не вернулись, а заговорили о родственникахъ. Коромысловъ спрашивалъ Владиміра о его отцѣ и выразилъ сожалѣніе о томъ, что старикъ за цѣлую жизнь не создалъ себѣ ничего прочнаго для старости.

— А представьте себѣ,—воскликнулъ Владиміръ,—что это-то и составляетъ его счастье.

— Въ чемъ же тутъ счастье?—скептически возразилъ Коромысловъ.

— Я не могу доподлинно объяснить это, такъ какъ это его личное ощущеніе. Но, сколько мнѣ удалось уловить, счастье тутъ въ томъ, что онъ всю жизнь чувствовалъ себя свободно дѣйствующимъ человѣкомъ и теперь, въ старости, чувствуетъ себя также. Я это понимаю. Люди, обезпеченные какой-нибудь рентой или пенсіей, совершенно увѣрены за завтрашній день. Они знаютъ, что ихъ завтрашній день гарантированъ чѣмъ-то внѣшнимъ, отъ нихъ не зависящимъ. Если они просидятъ весь день сложа руки, все равно для нихъ все готово. Онъ же сознаетъ, что завтрашній день зависитъ только отъ него самого, отъ его усилій, работы, способностей, энергіи.

— Это хорошо въ вашемъ возрастѣ, когда силы кипятъ. Но въ семьдесятъ лѣтъ это мучительно,—замѣтилъ Коромысловъ.

— Представьте, нѣтъ. Онъ этого никогда не говорилъ мнѣ. Ему тяжело, физически тяжело. Онъ утомляется; но внутренняя радость, происходящая отъ сознанія, что вотъ, молъ, онъ и старъ, и слабъ, а все-таки отъ себя самого зависитъ, даетъ ему силы и способность переносить тяжесть... Впрочемъ, это мои умозаключенія, а достовѣрно знаю только, что отецъ мой никогда не жаловался и всегда, даже во время неудачъ, считалъ себя счастливымъ. Онъ говоритъ такъ: но, мой другъ, если бы не было неудачъ, если бы все шло всегда хорошо, то не о чемъ было бы безпокоиться; тогда не было бы нужно душевныхъ силъ, которыхъ Господь Богъ отпустилъ мнѣ довольно. Тогда я разжирѣлъ бы и изъ человѣка превратился бы въ животное.

— Вашъ отецъ чрезвычайно цѣльный типъ,—замѣтилъ Коромысловъ, все болѣе и болѣе заинтересовываясь молодымъ человѣкомъ и его отцомъ.

Только когда подали кофе и было разрѣшено закурить папиросы, Коромысловъ вернулся къ статьѣ и, еще разъ расхваливъ ее, сказалъ:

— Что же, вы думаете посвятить себя журнальной работѣ или не прочь и послужить?

— Нѣтъ, Константинъ Александровичъ, я хочу прожить жизнь безъ службы,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Но, можетъ быть, хорошо было бы совмѣстить и то, и другое?

— Да зачѣмъ же совмѣщать? Я началъ журнальную дѣятельность довольно удачно, вы сами находите. Такъ ужъ въ этомъ направленіи и буду работать. Отъ совмѣщенія только проиграли бы и то, и другое.

— Это не совсѣмъ такъ,—замѣтилъ Коромысловъ, и въ его, обыкновенно прямомъ, тонѣ послышалась вкрадчивость. Онъ какъ бы старался тихонько подойти къ душѣ молодого человѣка.— Это не совсѣмъ такъ. Дѣятельность журналиста или вообще писателя должна тѣсно соприкасаться съ жизнью. А у насъ въ Россіи, что тамъ ни говорите, казенные департаменты держатъ и еще долго будутъ держать въ своихъ шкафахъ нити всѣхъ основныхъ жизненныхъ дѣятельностей страны. Значитъ, вамъ, какъ журналисту, надо бы поближе стать къ этимъ шкафамъ.

— Я предпочитаю противъ этого бороться,—сказалъ Владиміръ.

— Я самъ не сторонникъ такого сосредоточенія въ шкафахъ... Но и бороться легче, когда врагъ подъ бокомъ...

— Не совсѣмъ это такъ,—съ своей стороны замѣтилъ Владиміръ.—Когда врагъ лицомъ къ лицу, конечно съ нимъ легче бороться, но только если это прямой и равносильный врагъ, который идетъ на тебя съ такимъ же мечомъ, какъ и твой. А тутъ врагъ особенный. Этотъ врагъ будетъ выдавать мнѣ ежемѣсячное содержаніе, награды повышенія, и, значитъ, я долженъ буду умилостивлять его. А такая борьба, согласитесь, едва ли можетъ доставить побѣду...

— Какой вы, однако, сильный діалектикъ! — промолвилъ Коромысловъ.

— Это не діалектика, а убѣжденіе.

— О, полноте. Вамъ только двадцать три года. Въ эти годы не можетъ быть еще убѣжденія. Убѣжденіе выколачивается долгими годами...

— Но иногда его получаютъ по наслѣдству.

— А, это другое дѣло... Да, вашъ отецъ имѣлъ на васъ сильное вліяніе.

— Хотя никогда не вліялъ: просто онъ съумѣлъ внушить мнѣ уваженіе къ нему своей жизнью.

— Все это жаль, это очень жаль... Люди съ такими взглядами и съ такими... ну, прямо скажу, съ такими способностями очень нужны на службѣ.

— Но зачѣмъ? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Для разработки тѣхъ же вопросовъ, какими

вы занимаетесь... Напримѣръ, этотъ вопросъ о нравственномъ подъемѣ провинціальной бюрократіи теперь какъ разъ интересуетъ наши сферы. Онъ на очереди.

— Простите меня, Константинъ Александровичъ, я вамъ замѣчу на это вотъ что: моя статья—я основываюсь только на вашихъ словахъ — моя статья произвела у васъ впечатлѣніе. Можетъ быть, нѣкоторые факты и соображенія, высказанные въ ней, будутъ приняты во вниманіе, ну, помогутъ въ вашей работѣ... Развѣ это не такое же сотрудничество съ вами, какъ если бы я служилъ у васъ? Я скажу даже, что это сотрудничество лучше для васъ, потому что въ журнальной статьѣ я могу высказаться свободнѣе и ширѣ...

— Почему же такъ?

— Потому что я за нее отъ васъ не получаю жалованья и не питаю никакихъ надеждъ... О, что ни говорите, а жалованье и надежды даже самаго добросовѣстнаго человѣка способны сдѣлать осторожнымъ... А осторожность тутъ только можетъ повредить. То, что у меня слишкомъ рѣзко, вы сами смягчите; то, что преждевременно, какъ плодъ моего увлеченія, вы сами отбросите, а все же останется свободно высказанная мысль.

— Такъ что вы рѣшительно отказываетесь поступить на службу, если бы я, напримѣръ, сдѣлалъ вамъ даже чрезвычайно выгодное предложеніе?—уже прямо задалъ Коромысловъ, очевидно, тотъ самый вопросъ, къ которому онъ до сихъ поръ подходилъ.

— Благодарю и отказываюсь безусловно, — твердо отвѣтилъ Владиміръ.

Петръ посмотрѣлъ на все это большими вытаращенными глазами. Онъ видѣлъ своего кузена въ разныхъ положеніяхъ, тысячу разъ выслушивалъ его взгляды на службу, но все считалъ, что это были разговоры, которые никому не возбраняются.

Но у него существовало глубокое убѣжденіе, что если бы Владиміру дѣйствительно представился случай сдѣлать хорошую служебную карьеру, то онъ ухватился бы за это обѣими руками, то-есть сдѣлалъ бы такъ, какъ поступилъ бы въ такомъ случаѣ самъ онъ, Петръ.

Иначе онъ не могъ думать, онъ, мечты котораго всѣ сосредоточивались на этой карьерѣ, внѣ которой онъ не представлялъ себѣ сколько-нибудь приличной жизни. И когда Владиміръ такъ просто отказался отъ выгоднаго предложенія со стороны Коромыслова, Петръ, до сихъ поръ молчавшій, не выдержалъ. У него, почти непроизвольно, вырвалось восклицаніе:

— Ахъ, какую же ты дѣлаешь глупость, кузенъ!..

И Коромысловъ, и Анна Михайловна, и Владиміръ разомъ повернули къ нему головы и взглянули на него, и всѣмъ стало

ясно, до какой степени различны эти два провинціальные родственника. И никто не сдѣлалъ никакого замѣчанія на это восклицаніе.

Послѣ этого разговора Коромысловъ былъ любезенъ съ Владиміромъ, но въ его обращеніи теперь замѣчалась нѣкоторая сухость. Сказать правду, онъ уже переговорилъ кое-гдѣ о Владимірѣ Любарцевѣ и пообѣщалъ сотрудничество автора надѣлавшей въ чиновничьемъ мірѣ шума статьи въ коммиссіи, которой предстояло заняться этимъ вопросомъ.

Послѣ завтрака онъ скоро уѣхалъ.

VIII.

Прошло не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ со времени пріѣзда молодыхъ людей въ Петербургъ, а въ губернскомъ городѣ, въ обѣихъ семьяхъ Любарцевыхъ, были получены отъ нихъ извѣстія, радовавшія каждое семейство въ отдѣльности. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ Любарцевъ получилъ отъ своего сына письмо слѣдующаго содержанія:

„Наконецъ-то,—писалъ Петръ Любарцевъ послѣ обычныхъ сыновьихъ привѣтствій,—я могу сообщить вамъ пріятную новость.

„Вы уже знаете, что я мѣсяцъ тому назадъ былъ зачисленъ по департаменту, но безъ жалованья, съ обѣщаніемъ, однако-жъ, что жалованье мнѣ будетъ назначено тотчасъ по освобожденіи оклада. И вотъ теперь это совершилось. Должность, на которую я опредѣленъ, незначительная, но, при помощи любезной нашей родственницы, Анны Михайловны Коромысловой, и ея достойнаго мужа Константина Александровича, я надѣюсь долго не засидѣться на ней и скоро выдвинуться впередъ.

„Впрочемъ, какъ вы знаете, служу я не въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ такую важную роль играетъ Коромысловъ. Это, какъ объяснила мнѣ Анна Михайловна, Константинъ Александровичъ сдѣлалъ потому, что у него репутація безпристрастнаго человѣка и онъ, дорожа ею, зависящаго отъ него родственника не только не можетъ выдвигать, но, напротивъ, долженъ даже нѣсколько задерживать его по службѣ. Когда же буду служить въ другомъ вѣдомствѣ, то начальство, зная, что я прихожусь Коромыслову родственникомъ и желая сдѣлать ему удовольствіе, будетъ относиться ко мнѣ съ бо́льшимъ вниманіемъ.

„Однако-жъ, такъ какъ я по сыновнему долгу обязанъ сказать вамъ всю правду, то прибавлю, что моему зачисленію на штатное мѣсто съ жалованьемъ тысячу двѣсти рублей въ годъ способствовало еще и другое обстоятельство и чуть ли не самое важное.

„Дѣло въ томъ, что у родственницы нашей, Анны Михайловны,

я познакомился съ семействомъ очень важнаго чиновника Вермутова, съ женою его и дочерью. Они очень богаты и я съ первой же встрѣчи произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣніе, такъ что они пригласили меня бывать у нихъ. Я, разумѣется, воспользовался этимъ успѣхомъ и сталъ ходить къ нимъ.

„Это очень почтенные, хотя и странные люди. Меня они какъ-то ужъ черезчуръ обласкали безъ всякихъ заслугъ съ моей стороны; можно подумать, что я у нихъ первый человѣкъ. И когда я заикнулся у нихъ о своемъ желаніи служить въ Петербургѣ, онѣ обѣ тотчасъ вызвались устроить меня въ канцеляріи, гдѣ начальствуетъ ихъ мужъ и отецъ, то-есть Вермутовъ. И, разумѣется, устроили.

„Итакъ, дорогіе мои папа и мама, вы видите, что я въ Петербургѣ времени даромъ не терялъ. За эти два съ половиною мѣсяца я устроилъ себѣ такіе шансы, о которыхъ вы даже понятія не имѣете, и я просто затрудняюсь, какъ вамъ объяснить это. Но такъ какъ я считаю своимъ первымъ сыновнимъ долгомъ обо всемъ, что случается въ моей жизни, сообщать вамъ, дабы непрестанно пользоваться вашими совѣтами и руководствомъ, то я постараюсь объяснить вамъ и это.

„Въ Петербургѣ есть особый родъ людей, какихъ въ провинціи совсѣмъ нѣтъ. Они называются балетоманами. Вы не подумайте, что эти люди танцуютъ въ балетѣ, Боже сохрани! Они совсѣмъ не танцуютъ и даже не умѣютъ танцовать, и возрастъ у нихъ по большей части такой почтенный, что при одномъ взглядѣ на нихъ ихъ нельзя было бы даже заподозрить въ этомъ. Не думайте также, что это мужья, братья, отцы или вообще родственники танцорокъ и танцоровъ. Совсѣмъ нѣтъ. Люди эти, всѣ принадлежа къ лучшему обществу столицы, занимаются самыми разнообразными дѣлами, какъ-то: служатъ въ департаментахъ въ должностяхъ большею частью не ниже пятаго класса, въ очень рѣдкихъ случаяхъ спускаются до шестого. Управляютъ собственными банкирскими конторами, или просто играютъ на биржѣ.

„Но всѣ они сходятся въ любви къ балету и въ покровительствѣ всему, что относится до этого изящнаго искусства. Они не пропускаютъ ни одного балетнаго представленія и до такой степени изучили языкъ ногъ, что когда танцовщица выдѣлываетъ на сценѣ свои трудныя штуки, они, несмотря на то, что ноги ея обуты въ чулки и туфли, чувствуютъ и понимаютъ движеніе каждаго пальца на ея ногѣ. Впрочемъ, это только относится до танцовщицъ. Движенія же ногъ танцовщиковъ они не понимаютъ.

„Привыкши имѣть дѣло съ ногами, они и сами подъ конецъ своей служебной карьеры начинаютъ уже думать не головой, а,

такъ сказать, ногами. И когда выбираютъ себѣ чиновниковъ, то смотрятъ не на лицо ихъ, а на ноги. Про одного очень извѣстнаго и вліятельнаго балетомана здѣсь разсказываютъ, что онъ, достигнувъ уже старости и вмѣстѣ съ нею должности третьяго класса, вступая на новую должность, уволилъ четырехъ чиновниковъ за то, что у нихъ „колѣнки висѣли“.

„Съ нѣкоторыми изъ балетомановъ я познакомился у нашей любезной родственницы, Анны Михайловны. Какъ только я узналъ, что балетоманы такіе вліятельные люди и что они покровительствуютъ своимъ, то-есть балетоманамъ же, я, конечно, сейчасъ же выразилъ желаніе сдѣлаться балетоманомъ, хотя, какъ вы знаете, ни разу въ жизни не видалъ еще балета.

„Всю предстоящую зиму я посвящу изученію этого искусства, а пока я познакомился уже съ нѣкоторыми словами, которыя знаютъ и понимаютъ, какъ слѣдуетъ, только одни балетоманы. Я, напримѣръ, теперь уже знаю, что такое „фуетэ“ и чѣмъ отличается партія лючинистовъ отъ кардонелистовъ. Партіи эти въ театрѣ враждуютъ и готовы другъ друга уничтожить. Но вечеромъ они ужинаютъ вмѣстѣ и на Новый годъ и Пасху дѣлаютъ другъ другу визиты, какъ полагается.

„Я долженъ вамъ сказать, что важный чиновникъ Вермутовъ, покровительствующій мнѣ начальникъ, тоже оказался балетоманомъ, и это отчасти способствовало моему быстрому назначенію.

„Но относительно Вермутова я это сообщаю вамъ по секрету и прошу васъ при случаѣ не разглашать. Дѣло въ томъ, что Вермутовъ хотя и балетоманъ, но не такой, какъ другіе. Онъ — тайный балетоманъ, тогда какъ другіе — явные. Тайный балетоманъ, это нѣчто особенное. Въ то время, какъ явный балетоманъ занимаетъ мѣсто въ партерѣ и громко апплодируетъ танцовщицамъ, если же танцовщица принадлежитъ къ партіи противной его убѣжденіямъ — то шикаетъ и даже въ экстренныхъ случаяхъ свищетъ; въ то время, какъ явные балетоманы собираются цѣлымъ обществомъ на вокзалѣ, чтобы встрѣтить пріѣхавшую изъ Европы звѣзду или проводить мѣстную звѣзду, когда она отправляется въ Европу; въ то время, какъ явные балетоманы собираются хотя и въ отдѣльномъ кабинетѣ, но обширномъ и общедоступномъ, въ большомъ числѣ, чтобы чествовать какую-нибудь знаменитость ужиномъ и платятъ за ужинъ общими силами, въ складчину; въ то время, какъ явные балетоманы, въ случаѣ какого-нибудь юбилейнаго бенефиса танцовщицы, покупаютъ ей подарокъ на общій счетъ по подпискѣ и подносятъ ей отъ имени всѣхъ, — тайный балетоманъ мѣсто занимаетъ въ ложѣ, гдѣ можно сидѣть въ слабо освѣщенномъ уголкѣ и не быть замѣченнымъ;

если онъ ужинаетъ со звѣздой, то въ маленькомъ отдѣльномъ кабинетѣ и только вдвоемъ, при чемъ доступъ туда разрѣшается только татарину; чествуя юбиляршу, тайный балетоманъ не принимаетъ участія въ подпискѣ, а подноситъ подарокъ одинъ, оплачивая его полностью на свой счетъ.

„Для полноты описанія я рѣшусь прибавить, что тайный балетоманъ, если находится въ любовныхъ отношеніяхъ съ какой-нибудь звѣздой, то также точно одинъ оплачиваетъ для нея квартиру, обстановку, лошадей, счета портнихи и модистки, тогда какъ явные балетоманы иногда для этой цѣли соединяются въ небольшія группы.

„Къ такимъ-то тайнымъ балетоманамъ принадлежитъ мой начальникъ Вермутовъ. Тѣмъ не менѣе, все относящееся къ балету пользуется его сочувствіемъ, и какъ только онъ замѣтилъ во мнѣ склонность къ этому искусству, онъ сейчасъ же сдѣлался ко мнѣ благосклоннымъ. Такимъ образомъ, допуская каламбуръ, моя склонность повела къ его благосклонности. Каламбуръ этотъ, впрочемъ, принадлежитъ не мнѣ, а кузену Владиміру, о которомъ я ниже скажу нѣсколько словъ.

„Изъ предыдущаго вы можете видѣть, что, если я начну усердно посѣщать балетъ, то мое быстрое движеніе по службѣ сдѣлается неизбѣжнымъ. Есть еще нѣкоторое обстоятельство, которое тоже сыграло важную роль въ моей карьерѣ. Но оно еще не выяснилось и потому я не смѣю занимать имъ ваше вниманіе, мои дорогіе родители! Объясню его вамъ тотчасъ, какъ только оно сдѣлается яснымъ. Но, во всякомъ случаѣ, вы можете быть твердо увѣрены, что я, благодаря усвоеннымъ мною драгоцѣннымъ правиламъ, которыхъ вы при моемъ воспитаніи не жалѣли, не сдѣлаю ложнаго шага.

„Теперь, чтобы кончить, я скажу вамъ нѣсколько словъ о нашемъ родственникѣ. Я разумѣю кузена Владиміра. Если я до сихъ поръ считалъ его только чудакомъ, то теперь долженъ признать его сумасшедшимъ, хотя это и больно для моего родственнаго чувства. По крайней мѣрѣ, онъ ведетъ себя, какъ сумасшедшій.

„Вы уже знаете, что онъ отличился на газетномъ поприщѣ. Онъ написалъ нѣсколько статей о провинціальныхъ чиновникахъ. Статьи эти вы читали и, конечно, не одобрили ихъ. Но въ здѣшнихъ сферахъ онѣ произвели впечатлѣніе. И вотъ Коромысловъ, мужъ Анны Михайловны, сдѣлалъ ему, Владиміру, блестящее предложеніе. Онъ пригласилъ его на службу въ коммиссію, которая занимается вопросомъ о реформѣ чиновничества.

„Всякій благоразумный человѣкъ посмотрѣлъ бы на это, какъ на блестящее начало для карьеры, и, конечно, обѣими руками

ухватился бы за предложеніе. Но Владиміръ отказался и какъ отказался: наотрѣзъ! Онъ предпочелъ свою газетную работу за семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ и объясняетъ это какъ-то туманно, непонятно. А какъ могъ бы онъ двинуться быстро, если бы не былъ глупъ! Къ нему благорасположена сама Анна Михайловна (признаюсь, этого расположенія я не понимаю!)—Она любитъ проводить съ нимъ время, и иногда они вдвоемъ просиживаютъ цѣлые вечера.

„Онъ глупъ, нашъ Владиміръ; это только такъ кажется, что онъ уменъ. Онъ, можетъ быть, и уменъ, но этотъ умъ ни на что не годится.

„Мнѣ остается прибавить, что я всегда помню наши наставленія и веду себя во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки. Любящій васъ сынъ Петръ Любарцевъ.

„P. S. Хотя я не имѣю права разсчитывать на вашъ кошелекъ, но если бы вамъ было не трудно удѣлить мнѣ какихъ-нибудь двѣ сотни, я былъ бы вамъ очень благодаренъ. Наступаетъ театральный сезонъ, я долженъ озаботиться посѣщеніемъ балетныхъ представленій. Жалованья же моего, несмотря на мою извѣстную вамъ аккуратность, едва хватаетъ на покрытіе самыхъ необходимыхъ нуждъ".

Это письмо было получено Николаемъ Сергѣевичемъ Любарцевымъ и произвело на него самое благопріятнве впечатлѣніе. Николай Сергѣевичъ и прежде думалъ, что Петръ, не смотря на свой весьма необширный умъ, который не даетъ ему возможности хватать звѣзды съ неба, съумѣетъ устроиться. Теперь же онъ окончательно увѣрился, что Петръ не только не пропадетъ, но еще сдѣлаетъ хорошую карьеру. При томъ же, если онъ и не умѣетъ хватать звѣздъ съ неба, то оказывается, что тамъ, въ Петербургѣ, есть какія-то земныя звѣзды...

И онъ тотчасъ же исполнилъ его скромную просьбу и послалъ ему двѣсти рублей.

Одновременно съ этимъ было получено письмо и въ семействѣ Ивана Сергѣевича Любарцева и тоже изъ Петербурга. Но Владиміръ писалъ кратко.

„Дорогой отецъ, я уже писалъ тебѣ, что мнѣ повезло и я устроился въ газетѣ, которая даетъ мнѣ совершенно достаточно для корма. Ты уже знаешь о моемъ странномъ успѣхѣ въ департаментскихъ сферахъ. Я только ничего не писалъ тебѣ о предложеніи со стороны господина Коромыслова, добраго генія семейства Любарцевыхъ. Онъ предложилъ мнѣ службу въ коммиссіи о реформѣ чиновничества. Но какъ ты знаешь, я безъ службы чувствую себя отлично. Сей хитроумный генералъ просто-на-просто хотѣлъ заткнуть мнѣ ротъ хорошимъ жалованьемъ. Я же пред-

почитаю имѣть свой ротъ свободнымъ, чтобы мой языкъ могъ двигаться въ немъ безпрепятственно. Думаю, что ты, мой великолѣпный старикъ, одобришь это, какъ и моя славная старушка. Обоихъ васъ я цѣлую безмѣрно и предупреждаю, что, если вы ожидаете увидѣть вашего сына когда-нибудь генераломъ, то жестоко ошибаетесь. Лучше и не ожидайте.

„Вотъ нашъ дурандасъ, Петръ Любарцевъ, тотъ, пожалуй, будетъ генераломъ, хотя и неполнымъ. Глупость до извѣстнаго предѣла способствуетъ движенію по службѣ, но все же есть граница, дальше которой она вести не можетъ.

„Въ настоящее же время объявляю вамъ обоимъ, что я доволенъ своимъ положеніемъ и впредь разсчитываю быть еще больше доволенъ. Скажу вамъ по секрету, что немного я запутался, такъ сказать, въ душевной области. Подробностей не изъясняю, ибо ни къ чему это. Все равно, такъ или иначе распутаюсь. Какая интересная и какая славная личность—наша родственница Анна Михайловна Коромыслова!

„Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю тебѣ маленькій чекъ—на сорокъ рублей. Немного, но все же отъ трудовъ моихъ. Недавно помѣстилъ статью и получилъ особый гонораръ. Половину его посылаю тебѣ „за ненадобностью“—сказалъ бы—на орѣхи, если бы у тебя были зубы, но за отсутствіемъ таковыхъ — на табакъ. Покури за мое здоровье. Обнимаю тебя и мать. Владиміръ Любарцевъ“.

По полученіи этихъ писемъ, братья встрѣтились, и у обоихъ были чрезвычайно довольныя лица.

— Получилъ письмо отъ сына! — весело промолвилъ чиновный Любарцевъ:—мой Петръ преуспѣваетъ!

— Получилъ и я,—отозвался Иванъ Любарцевъ,—мой Владиміръ тоже преуспѣваетъ.

Чиновный братъ посмотрѣлъ на неудачника и, вспомнивъ то, что писалъ Петръ о Владимірѣ, пожалѣлъ его, но сожалѣнія своего не высказалъ. Объ этомъ предметѣ у нихъ уже было много разговоровъ, и оба убѣдились, что никогда не сойдутся.

IX.

Зимній сезонъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Въ холодный декабрьскій день на Невскомъ проспектѣ, около одиннадцати часовъ дня, неподалеку отъ публичной библіотеки, встрѣтились два молодыхъ человѣка.

Одного легко было узнать, такъ какъ его ватное пальто было лишено мѣхового воротника и потому лицо его было открыто. Это былъ Владиміръ Любарцевъ.

У другого видны были только носъ и глаза. Остальное лицо было закрыто бобровымъ воротникомъ и надвинутой на лобъ мѣховой шапкой. Владиміръ и не узналъ бы его, если тотъ самъ не остановился и не окликнулъ его.

— Владиміръ! Куда ты?

Владиміръ вглядѣлся въ глубь воротника и узналъ спокойные, ничего не выражающіе глаза Петра Любарцева.

Они уже давно жили на разныхъ квартирахъ. Владиміръ снималъ комнату на Надеждинской, неподалеку отъ своей редакціи, а Петръ поселился на Малой Морской, въ фешенебельныхъ меблированныхъ комнатахъ.

— Мы съ тобой сто лѣтъ не видались!—сказалъ Петръ, откинувъ воротникъ и обнаруживая на лицѣ своемъ радость.—Что же ты подѣлываешь?

— Да все то же: работаю въ редакціи, хожу въ публичную библіотеку, гдѣ, какъ ты, можетъ быть, слышалъ, есть умныя книги...

— И все читаешь, читаешь?.. Ой-ой-ой! Куда это тебѣ все? Ну, я живу совсѣмъ иначе... Послушай, — прибавилъ Петръ, взявъ его за рукавъ пальто.—Я ужасно радъ тебя видѣть... Хотя ты и другого склада человѣкъ, а все же ты мнѣ родственникъ... Забѣжимъ куда-нибудь на полчасика, поболтаемъ... Ну, хоть къ Доминику?

— Да вѣдь ты, должно быть, на службу идешь? Какъ же ты не боишься опоздать?

— О, пустое! У насъ всѣ опаздываютъ... То-есть, разумѣется, не всѣ, а, такъ сказать, избранные... Я обыкновенно прихожу на службу въ половинѣ двѣнадцатаго, а около часу уже ухожу къ Кюба завтракать. Къ двумъ возвращаюсь на службу. Нашъ начальникъ пріѣзжаетъ только въ половинѣ третьяго... А ты, должно быть, сюда? въ это мрачное зданіе, которое всегда наводитъ на меня холодный трепетъ.

Петръ указалъ глазами на публичную библіотеку.

— Да, я хотѣлъ зайти.

— Ну, ты успѣешь потомъ. Забѣжимъ къ Доминику. Я разскажу тебѣ о многихъ перемѣнахъ въ моей жизни.

Владиміръ свободно располагалъ своимъ временемъ. Къ тому же ему было интересно услышать о перемѣнахъ въ жизни кузена. И онъ согласился.

Они прошли рядомъ по Невскому и зашли въ ресторанъ. Тутъ было еще немного народу. Они повернули направо, прошли въ глубину комнаты и заняли столикъ. Лакей почтительно снялъ шубу съ Петра и предоставилъ Владиміру разоблачиться самому.

Петръ, какъ знающій мѣстные порядки, скомандовалъ по кулебякѣ и по чашкѣ кофе. Все это принесли имъ.

— Ну, какъ же ты теперь поживаешь?—спросилъ Петръ,— съ хорошимъ аппетитомъ принимаясь за кулебяку.

— Обо мнѣ говорить не стоитъ, — отвѣтилъ Владиміръ.—У меня вѣдь нѣтъ никакихъ перемѣнъ. А вотъ ты обѣщалъ мнѣ разсказать о своихъ перемѣнахъ.

— Ну, все же что-нибудь же и у тебя есть... Не можетъ же быть все одно и то же. Напримѣръ, квартира. Неужели ты все тамъ же, на Надеждинской?

— А развѣ хорошій тонъ предписываетъ мѣнять квартиру каждые два мѣсяца?

— Нисколько. Но она у тебя такая неказистая. Я вѣдь былъ у тебя однажды. Меня встрѣтила финка, отъ которой такъ несло чухонскимъ масломъ...

— Ну, такъ что-жъ?.. чухонское масло считается самымъ лучшимъ... это ничего. А финка моя добрая и аккуратная.

— Значитъ, все по старому? И семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, и все?

— Но вѣдь ты тоже, надѣюсь, не получилъ уже шеститысячный окладъ и аренду... Должно быть, попрежнему получаешь сто рублей въ мѣсяцъ?

— Ну, да, конечно... Такъ вѣдь это же жалованье... Развѣ въ этомъ дѣло? Развѣ на жалованье можно прожить порядочному человѣку?

— Значитъ, у тебя есть еще другіе доходы?

— Гм... Доходы?... Нѣтъ, это нельзя назвать доходами... Это скорѣе можно назвать гражданскими оборотами...

— Вотъ какъ! Разскажи, разскажи. Это любопытно...

— Да видишь ли, у меня большія потребности. Во-первыхъ, въ моемъ положеніи нельзя жить у финки, которая пахнетъ чухонскимъ масломъ. Вѣдь ты платишь за комнату пятнадцать рублей, а я долженъ платить семьдесятъ пять...

— Семьдесятъ пять изъ ста?

— Да, это изъ ста. Это я дѣйствительно плачу изъ жалованья. Какъ только получу жалованье, тотчасъ плачу въ бюро нашихъ меблированныхъ комнатъ.

— Ну, а затѣмъ?

— А затѣмъ, разумѣется, остальныхъ двадцати пяти на жизнь не можетъ хватить. Мнѣ завтракъ каждый день обходится около двухъ рублей. То-есть собственно завтракъ стоитъ рубль, но иногда возьмешь полъ-бутылки вина (я это дѣлаю рѣдко, всего раза два въ недѣлю) да на чай татарину и швейцарамъ... Всего на кругъ выходитъ два рубля въ день. Вотъ тебѣ уже шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

— А обѣдъ стоитъ еще дороже?

— Обѣдъ, положимъ, почти ничего не стоитъ. Обѣдаю я въ

ресторанѣ три-четыре раза въ мѣсяцъ, остальные дни у знакомыхъ.

— У тебя такъ много знакомыхъ?

— Да, у меня ихъ очень много. Во-первыхъ, всѣ балетоманы, но это не тѣ, у которыхъ я обѣдаю. Балетоманы большею частью обѣдаютъ въ ресторанѣ. Впрочемъ, многіе изъ нихъ, какъ и я, стараются обѣдать у знакомыхъ. А обѣдаю я почти всегда у Вермутовыхъ.

— Ахъ, да, да, я слышалъ, что ты тамъ очень принятъ...

— Ты слышалъ? Отъ кого? Развѣ объ этомъ уже говорятъ?

— На улицѣ не говорятъ. Но я слышалъ отъ Анны Михайловны.

— А... Да. Это возможно. А кстати: почему это я тебя никогда не встрѣчаю у Коромысловыхъ?.. Я у нихъ бываю аккуратно каждое воскресенье. Развѣ ты у нихъ уже не бываешь? Мнѣ казалось, что ты сблизился съ нею...

— То, что тебѣ казалось, совершенно справедливо. Я въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Анной Михайловной.

— Но не бываешь?

— Напротивъ, очень даже бываю, но, очевидно, не въ тѣ дни и часы, когда ты бываешь. Вѣдь ты стараешься бывать на людяхъ, по воскресеньямъ, когда у нея пріемъ. У тебя свои цѣли. А я вѣдь только хожу, чтобъ проводить время съ Анной Михайловной. Притомъ же я терпѣть не могу ея мужа.

— Отчего? Онъ любезный.

— Даже слишкомъ... Но, кромѣ того, онъ негодяй...

— Тсс... Владиміръ... Это могутъ услышать...

— Да вѣдь я не служу и потому могу свободно выражать свое мнѣніе. Я говорю, что этотъ Коромысловъ негодяй, потому что сдѣлалъ карьеру, благодаря состоянію, вліянію, уму и наружности своей жены и, какъ только достигъ прочнаго положенія, тотчасъ отвернулся отъ нея и завелъ себѣ какую-то тамъ иностранку.

— Такъ что-жъ изъ этого? Такъ дѣлаютъ рѣшительно всѣ... Чтобъ судить о порядочномъ человѣкѣ изъ общества, мой другъ, докторальнымъ тономъ замѣтилъ Петръ,—не слѣдуетъ заглядывать въ его домашнюю интимную жизнь.

— Это твое мнѣніе?

— Конечно, это мнѣніе всѣхъ благоразумныхъ людей.

— Ну, хорошо, продолжай.

— Погоди, ты меня спуталъ... Я вѣдь сбиваюсь... О чемъ я говорилъ?

— О гражданскихъ оборотахъ.

— А, да, да... Видишь ли,—продолжалъ Петръ тономъ человѣка, который нашелъ, наконецъ, другого, кому можетъ довѣрить важную тайну:— видишь ли, тутъ цѣлая махинація... Я уже ска-

залъ тебѣ, что я хорошо познакомился съ семействомъ Вермутовыхъ. Они очень, очень богаты... Даже, я думаю, богаче Коромысловыхъ. Коромысловы, говорятъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ еще дѣлалъ карьеру, чуть не каждую недѣлю задавали балы, которые обходились имъ десятки тысячъ каждый. Это, видишь ли, для того, чтобы завоевать вниманіе общества. Ну, они этого достигли, но растрясли свое состояніе. А Вермутовы состояніе сохранили. Ну, слѣдовательно, для нихъ ссуда доброму знакомому, въ какихъ-нибудь сотняхъ или даже тысячахъ, ровно ничего не стоитъ.

— Ссуда? Да кто же тебѣ даетъ эти ссуды? Самъ Вермутовъ, твой начальникъ?

— О, что ты! Это было бы крайне неудобно. Съ Вермутовымъ у меня отношенія почти оффиціальныя... Онъ вѣдь рѣдко бываетъ дома. Нѣтъ это дѣлаетъ мадамъ Вермутова, Ольга Арсеньевна... Я, разумѣется, позволяю себѣ это очень рѣдко, но ты пожалуйста не думай, что я, напримѣръ, прошу или даже намекаю... Боже сохрани! Она сама предлагаетъ мнѣ.

— Но почему же, почему? Съ какой стати?

На лицѣ Петра появилась въ высшей степени двусмысленная усмѣшка и видно было, что въ мозгу у него шевелится что-то юмористическое.

— Да, видишь ли, женщины, когда онѣ уже въ возрастѣ и неравнодушны, бываютъ очень щедры...—промолвилъ онъ, наконецъ, послѣ продолжительной выдержки своей тайны.

— А... вотъ что! Значитъ, она къ тебѣ неравнодушна?

— Я полагаю... Знаешь, въ департаментѣ даже говорятъ о моей связи съ нею...

— Конечно, говорятъ безъ основанія?

— А почему ты думаешь, что безъ основанія?—какъ-то молодецки покручивая свой усъ, промолвилъ Петръ.

— Да потому, что еслибъ это была правда, то ты не позволилъ бы себѣ брать у нея деньги.

— Ну, положимъ, это еще не доказано—не предразсудокъ ли это? Но, во всякомъ случаѣ, я ничего не утверждаю. По моему, порядочный человѣкъ не долженъ играть именемъ женщины, которая... которая ему довѣряетъ...

— Это правда.

— Напримѣръ, я скажу такъ, что если мадамъ Вермутова, Ольга Арсеньевна, иногда заѣзжаетъ ко мнѣ на Морскую, такъ вѣдь добрые знакомые вообще бываютъ другъ у друга... тутъ ничего нѣтъ такого...

— Но деньги ты долженъ же когда-нибудь отдать?—промолвилъ Владиміръ.—Изъ какихъ же суммъ ты это сдѣлаешь?

— Ха-ха! У насъ въ департаментѣ всѣ увѣрены, что рано

или поздно я женюсь на дочери Вермутова и получу въ приданое цѣлое состояніе. Ха-ха!

— Какъ? Тѣ самые люди, которые говорятъ о твоей связи съ мадамъ Вермутовой, говорятъ также и о твоей женитьбѣ на ея дочери?

— Тѣ самые...

— И при этомъ они не презираютъ тебя и продолжаютъ тебѣ протягивать руку?

— Владиміръ... Но кто же посмѣлъ бы? Всѣ отлично знаютъ, что я свой человѣкъ у Вермутовыхъ и родственникъ Коромысловыхъ... Кто посмѣлъ бы?

— Послушай,—вдругъ обратился Владиміръ къ лакею и при этомъ рѣшительнымъ движеніемъ отодвинулся отъ стола вмѣстѣ со стуломъ.—Я съѣлъ кулебяку и выпилъ чашку кофе. Вотъ моя плата!

— Но, Вольдемаръ, оставь... Вѣдь я же пригласилъ тебя... Это я заплачу!—запротестовалъ Петръ. А тѣмъ временемъ лакей забралъ деньги и быстро побѣжалъ къ другому столу.

— Нѣтъ, избавь... Я не хочу завтракать на счетъ неизвѣстной мнѣ госпожи Вермутовой. Да и пора мнѣ.

Онъ поднялся и взялъ свою шапку.

— Но куда же ты? Я тебѣ еще многаго не разсказалъ... Богъ знаетъ, когда еще мы съ тобой встрѣтимся.

— Все равно, все равно...

Владиміръ уже стоялъ у вѣшалки и надѣвалъ свое пальто.

— Это странно!.. Это такъ внезапно! Ты даже не попрощался.

— Ну, прощай...—бросилъ ему Владиміръ на ходу и не подавъ ему руки, быстро вышелъ изъ ресторана.

„Вотъ психопатъ!.. настоящій психопатъ!.. Какъ былъ, такъ и остался“, подумалъ Петръ и, подозвавъ лакея, съ достоинствомъ расплатился.

— Сколько тебѣ далъ на чай мой товарищъ?—спросилъ онъ лакея.

— Всего пятачокъ-съ вышелъ-съ...—съ жалобной миной отвѣтилъ лакей.

— Ну, это онъ торопился, оттого... Вотъ получи это отъ меня и отъ него.

Хотя Владиміръ и обидѣлъ его, все же онъ считалъ своимъ долгомъ возстановить въ глазахъ лакея его репутацію.

Неторопливо поднялся онъ съ мѣста. Лакей почтительно подалъ ему пальто съ мѣховымъ воротникомъ и мѣховую шапку. Спокойно, разсудительно застегнулъ онъ каждую пуговицу пальто, наполовину поднялъ воротникъ и вышелъ, сопровождаемый исполненными уваженія поклонами лакея.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ВРАЧАХЪ.

(По поводу «Записокъ врача» *В. Вересаева*).

Памяти «истиннаго учителя и врача» Вячеслава Авксентьевича Манассеина.

(*Окончаніе* *).

XII.

Въ общемъ положеніе врача напоминаетъ положеніе любого интеллигентнаго работника, но есть цѣлый рядъ особенностей, на нихъ мы и остановимся.

Прежде всего чаще и чаще раздаются голоса о *перепроизводствѣ* и плохомъ матеріальномъ положеніи врачей. Странно слышать о перепроизводствѣ врачей, когда на Западѣ въ разныхъ государствахъ 1 врачъ приходится на 500—1.000 человѣкъ, а у насъ въ среднемъ по всей Россіи 1 врачъ на 6.000; есть впрочемъ, города, гдѣ и у насъ на врача приходится 1.000 жителей, но часто въ деревняхъ врачъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи 15.000—50.000 человѣкъ. Стало быть, вопросъ не въ перепроизводствѣ, а въ *неправильномъ распредѣленіи* врачей и въ условіяхъ вознагражденія за врачебный трудъ. На Пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, когда обсуждался докладъ о бытѣ врачей, одинъ ораторъ буквально началъ свою рѣчь съ перефразировки извѣстнаго стихотворенія Некрасова: «Выдь на Волгу, чей стонъ раздается? То стонъ врачей бѣдняковъ!»

Матеріальное положеніе врачей въ общемъ не хуже остальныхъ интеллигентныхъ работниковъ; если жалованье служащихъ врачей и уступаетъ часто окладамъ другихъ служащихъ лицъ, то это дѣлается въ виду возможности частной практики, которая считается законной не только самимъ врачомъ, но, къ сожалѣнію, и всѣми учрежденіями, приглашающими врачей. Это положеніе—остатокъ допотопной старины, и учрежденія до сихъ поръ не убѣдились еще въ томъ, что нельзя служить двумъ богамъ, и что служба и частная практика не только не совмѣстимы, но по своимъ интересамъ прямо противоположны другъ

*) См. «М. Б.» августъ. 1902 г.,

другу. На основаніи всѣхъ фактовъ и наблюденій можно категорически заявить, что ни одинъ служащій врачъ, занимающійся въ то же время и частной практикой, *не можетъ выполнять*, какъ слѣдуетъ, своихъ служебныхъ обязанностей, если не считать выполненіемъ шаблонное отсиживанье нѣсколькихъ часовъ на указанномъ служебномъ мѣстѣ.

Простое соображеніе указываетъ, что не можетъ человѣкъ направить всѣ свои силы и время на одну службу, если постоянно тянутъ его совершенно въ другую сторону иные интересы и дѣла, требующіе много времени, совершенно иной сноровки, особаго умѣнья. Такой человѣкъ не будетъ идти впередъ и двигать своего дѣла: ему въ пору исполнить шаблонно свои внѣшнія обязанности, а о душѣ—внутреннемъ содержаніи нечего и говорить.

Кромѣ частной практики, многіе служащіе врачи увеличиваютъ свои доходы *совмѣстительствомъ*, т.-е., кромѣ своей основной службы, они набираютъ еще нѣсколько другихъ платныхъ врачебныхъ и даже совершенно постороннихъ должностей. Совмѣстительство, кажется, ни въ одной профессіи не развито такъ, какъ у врачей, формы и размѣры его крайне разнообразны. Въ 1888 г. *) мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о 73 совмѣстителяхъ разныхъ городовъ для представленія доклада Пироговскому съѣзду. Сообщимъ нѣкоторыя данныя, которыя и до сихъ поръ не утратили своего значенія и доказываютъ, какъ *приспособленные* врачи не стѣсняются заѣдать хлѣбъ у своихъ товарищей. Эти 73 врача занимали 209 должностей, отъ двухъ до 7 мѣстъ на каждаго. Мѣста эти были крайне разнообразныя: военный и земскій, профессоръ и больничный, профессоръ и желѣзнодорожный, правительственный и фабричный, больничный и желѣзнодорожный и пр., и пр. Одинъ видный врачъ въ Петербургѣ занималъ 4 мѣста, изъ нихъ два при больницахъ (какъ же онъ успѣваетъ бывать утромъ въ обѣихъ?) и въ обѣихъ больницахъ имѣлъ квартиры, изъ которыхъ одну сдавалъ за приличное вознагражденіе. До какой скаредности и мелочности могъ дойти этотъ богатый врачъ! Профессора служатъ ординаторами и старшими врачами въ больницахъ. Есть уѣздные врачи, служащіе фабричными врачами при 11 фабрикахъ въ разныхъ частяхъ уѣзда. Врачъ, имѣющій полмилліонное состояніе, служитъ при губернской больницѣ, женскомъ институтѣ и фабрикѣ, и въ этомъ же городѣ 30 врачей сидятъ безъ всякихъ должностей.

Жалованье за побочныя должности колеблется отъ 60 до 2.400 р., а именно въ 97 мѣстахъ отъ 60 до 600 руб., въ 18 отъ 600 до 900 руб. и въ 15 мѣстахъ отъ 1.000 до 2.400 руб. И, кромѣ того, всѣ эти врачи имѣютъ частную практику. Положительно не знаешь, кого больше жалѣть: этихъ ли *несчастненькихъ* врачей, не знающихъ ни ми-

*) «Врачъ» 1889 г., № 1.

нуты покоя изъ-за неукротимой любви къ страждущему человѣчеству, или этихъ страждущихъ, которые весьма рѣдко видятъ своихъ измученныхъ излишней любовью врачей. На фабрикѣ несчастный случай, требующій немедленной помощи, а врачъ живетъ за 50 верстъ; роженица мучается, исходитъ кровью, а врачъ уѣхалъ за сотню верстъ навѣщать желѣзнодорожныхъ больныхъ; коечные и амбулаторные больные ждутъ въ больницѣ, а врачъ-профессоръ читаетъ лекцію, или студенты и больные ждутъ, а профессоръ ординаторствуетъ въ больницѣ. Въ дѣйствительности, дѣятельность совмѣстителей часто сводится къ тому, что побочныя ихъ обязанности выполняются или фельдшерами, или никѣмъ не выполняются. Остается только удивляться, какъ у совмѣстителей-врачей достаетъ храбрости являться во всѣ занимаемыя ими мѣста за получкой жалованья... вознагражденія за тотъ *громадный вредъ*, который они приносятъ больнымъ, отказывая имъ въ надлежащей помощи, и всему учрежденію—фабрикѣ, училищу и пр., за санитарнымъ состояніемъ котораго у нихъ не хватаетъ времени наблюдать?

Какъ великъ *заработокъ отъ частной практики?* Усчитать его, конечно, очень трудно, тѣмъ болѣе, что многіе врачи скрываютъ его даже отъ хорошихъ знакомыхъ и всегда склонны показать меньше. Вотъ нѣсколько крупныхъ примѣровъ. Про Захарьина говорили, что онъ зарабатывалъ гораздо болѣе 100.000 руб. въ годъ; наши профессора получаютъ также десятки тысячъ; извѣстные англійскіе врачи зарабатывали въ годъ: *) Radcliffe 350.000, Mead 200.000, Baillie 450.000, Harford 550.000, а Brodie даже 850.000 руб. Одинъ американскій хирургъ составилъ отъ практики состояніе въ 5.000.000 долл. Д-ръ Shelton въ Нью-Іоркѣ за леченіе одного милліонера получилъ 87.000 долл., а другой извѣстный американскій практикъ къ наслѣдникамъ умершаго предъявилъ искъ въ 191.864 р. за 2.200 посѣщеній, по 87 руб. за каждый визитъ. Нечего и говорить, что такіе невѣроятно громадные гонорары развращаютъ не только зарабатывающихъ и ихъ окружающихъ, но и остальныхъ врачей, развивая у нихъ зависть и страсть къ подобной же быстрой наживѣ. Русскіе обычные врачи, по даннымъ д-ра Гребенщикова, зарабатываютъ мало, а именно 77% изъ нихъ получаютъ менѣе 1.000 руб. отъ частной практики. Венгерскіе врачи въ городахъ, гдѣ ихъ приходится по одному на 750 жителей, зарабатываютъ больше: только 22% менѣе 4.000 кронъ (1.000 р.), 53% отъ 4.000 до 8.000 кр. и 25% болѣе 8.000 кронъ. Американскіе врачи, ихъ приходится по одному на 600 жителей, еще счастливѣе, въ среднемъ они зарабатываютъ въ большихъ городахъ 2.000 долл., въ среднихъ—1.500 и въ деревняхъ—1.200 долл.

---

*) «Врачъ», 1884, № 39; 1889, № 25; 1888, № 30; 1891, № 20; 1884 № 9; 1885, № 18; 1900, № 10; 1900, № 23.

При этомъ нужно замѣтить, что какъ у насъ, такъ и за границей на врачебный гонораръ смотрятъ совершенно особо, не такъ, какъ на вознагражденіе другимъ спеціалистамъ: многіе вовсе не считаютъ нужнымъ его платить, и врачамъ приходится начинать иски съ своихъ паціентовъ. Русскіе врачи въ подобныхъ случаяхъ чаще всего машутъ рукой, считаютъ начинаніе этихъ дѣлъ неприличнымъ, и потому у насъ подобные иски еще очень рѣдки и не вошли въ обычай, а на Западѣ они—обычное явленіе, что, между прочимъ, видно изъ отчета за 1883 г. ведущаго такія дѣла берлинскаго союза для защиты правъ врачей: отъ 1882 года осталось исковъ 1.516 на 35.928 мар., въ 1883 г. вновь поступило 6.073 иска на сумму 108.635 мар., изъ нихъ прощено 645 исковъ, по 3.941 получено 71.103 мар. и пр. Многіе иски приходится прекращать по бѣдности паціентовъ, что еще разъ подтверждаетъ всю ненормальность постановки врачебнаго дѣла за границей, гдѣ общественной медицины нѣтъ, а врачамъ приходится расплачиваться за все общество—работать безплатно. Мало того, подобныя дѣла отнимаютъ много времени и доставляютъ массу непріятностей, различныхъ излишнихъ разоблаченій для обѣихъ сторонъ, *) роняютъ врача въ глазахъ публики и вообще все дѣло помощи страдающимъ ставятъ на промышленную почву. Врачъ, вмѣсто друга дома и больного, является врагомъ, котораго стремятся всячески обмануть не только въ уплатѣ вознагражденія, но и въ сообщеніи своихъ тайнъ и пр., необходимыхъ для правильнаго діагноза и леченія: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, довѣрять человѣку, на котораго смотрятъ только какъ на ремесленника, и съ которымъ завтра будутъ тягаться въ судѣ. И дѣйствительно, теперь врачи и публика становятся все болѣе двумя враждебными лагерями, и потому à la guerre comme à la guerre...

Страданіе больного и трудъ врача нельзя выносить на рынокъ и дѣлать ихъ предметами спроса и предложенія, гонораръ, частная практика и вообще всѣ коммерческія сдѣлки между больнымъ и врачомъ должны быть уничтожены, врачебная помощь должна быть безплатной и дѣломъ съ общественной организаціей. Конечно, заранѣе можно сказать, что не только крупные практики, но и средніе врачи отнесутся къ такому предложенію съ презрѣніемъ: въ нихъ такъ въѣлась привычка получать, ощущать послѣ каждаго визита «нѣчто» въ своей рукѣ, что отказаться отъ этого очень трудно, а къ тому же мы недалеко ушли по взглядамъ на вознагражденіе отъ неразвитой части публики, напр., отъ прислуги, которая не такъ дорожитъ своимъ жалованьемъ и правильными прибавками къ нему, какъ всякими наградами, подарками и случайными поступленіями. Такъ и служащіе врачи: при-

*) Замѣтимъ для курьеза, что самоубійцы, вылеченные и возвращенные къ жизни врачами, обыкновенно отказываются платить гонораръ врачамъ за непрошенныя услуги...

бавьте имъ жалованье до необходимой нормы, вызываемой обычными потребностями,—что и наблюдалось не разъ,—и все-таки они не откажутся отъ частной практики, пока не уничтожена будетъ самая возможность ея.

XIII.

В. Вересаевъ мало коснулся вопроса о практикѣ, но, какъ художникъ, онъ далъ двѣ яркихъ картинки указывающихъ на ненормальность существующей системы платы. Получаемые за визитъ къ умершей женѣ чиновника три рубля жгли его карманъ. «Какимъ грубымъ и рѣзкимъ диссонансомъ они ворвались въ ихъ горе! Мнѣ представлялось, что такъ у меня на глазахъ умерла моя жена,—и въ это время искать какіе-то три рубля, чтобы заплатить врачу! Да будь всѣ врачи ангелами,—одно это оплачиваніе ихъ помощи въ то время, когда кажется, что весь міръ долженъ замереть отъ горя,—одно это способно внушить къ нимъ брезгливое и враждебное чувство». «О, эта плата! Какъ много времени должно было пройти, чтобы сколько-нибудь свыкнуться съ нею! Каждый твой шагъ отмѣчается рублемъ, звонъ этого рубля непрерывно стоитъ между тобою и страдающимъ человѣкомъ. Сколько осложненій онъ вызываетъ въ отношеніяхъ, какъ часто мѣшаетъ дѣлу и связываетъ руки...» Далѣе авторъ говоритъ, что вначалѣ всякая плата страшно тяготила его, принижала въ собственныхъ глазахъ, грязнымъ пятномъ ложилась на его дѣло; «плата—это лишь печальная необходимость, и чѣмъ меньше она будетъ замѣшиваться въ отношенія между врачомъ и больнымъ, тѣмъ лучше; она дѣлаетъ эти отношенія неестественными и напряженными и часто положительно связываетъ руки».

Послѣ такихъ горячихъ и глубоко справедливыхъ словъ, естественно было ожидать, что В. Вересаевъ выскажется за уничтоженіе частной практики и видоизмѣненіе способа вознагражденія врачей, но онъ ограничивается только остроумными жалобами на ненормальное положеніе врачей, которые *только одни* обязаны оказывать безплатную помощь другимъ, и заканчиваетъ такими успокоительнымъ словами для врачей: «Да, за свой трудъ, какъ всякій работникъ, врачъ имѣетъ право получать вознагражденіе, и ему нечего стыдиться этого; ему нечего принимать плату тайно и конфузливо, какъ какую-то позорную, не законную взятку».

Этъ *не рѣшеніе* и *не успокоеніе*, а полное противорѣчіе всему сказанному имъ о платѣ: пускай остаются тѣ же неестественныя отношенія, пускай врачъ продолжаетъ поддерживать къ себѣ брезгливое и презрительное отношеніе публики, пускай плата ложится грязнымъ пятномъ на врачебное дѣло и принижаетъ врача въ его собственныхъ глазахъ, пускай эта плата настолько развратитъ врача, что онъ на-

чинаетъ видѣть вмѣсто больныхъ гонорары, пускай, наконецъ, гуманное дѣло леченія больныхъ обращается въ дѣло наживы, которое не останавливается ни передъ какими способами извлеченія денегъ изъ людскихъ страданій! Повторяемъ, это не рѣшеніе вопроса, и уже одинъ тотъ фактъ, что плата врачу и дается и принимается «тайно и конфузливо», указываетъ, что этотъ способъ вознагражденія врачей ненормаленъ: вѣдь всѣ ремесленники и всѣ служащіе, въ томъ числѣ и врачи, получаютъ свое вознагражденіе и жалованье открыто и безъ всякаго стѣсненія. Въ чемъ-же тутъ разница? Когда покупается какая-либо вещь или даже трудъ, реализированный въ формѣ опредѣленной видимой работы, всякій покупатель видитъ и оцѣниваетъ то и другое, рѣшаетъ сознательно, соотвѣтствуетъ-ли покупаемое его желаніямъ и запросамъ. При покупкѣ-же врачебнаго труда, публика не знаетъ, *за что* она платитъ, такъ какъ пріѣздъ и потраченное врачомъ время составляютъ самую неважную часть въ его работѣ,—вся суть въ леченіи, а какъ ведется это леченіе, правильно или нѣтъ, старательно или халатно, ни больной, ни окружающіе оцѣнить не могутъ, и имъ приходится платить врачу даже и въ томъ случаѣ, когда больной умеръ, а вѣдь не платимъ же мы, соображаетъ публика, и даже взыскиваемъ съ портного, когда онъ испортитъ отданную ему для шитья матерію. Другое различіе еще важнѣе: болѣзнь есть несчастіе, и въ этомъ несчастьи больной часто вовсе не виноватъ, а виноваты или явленія природы, съ которыми мы еще не можемъ справиться, или чаще всего все общество, создавшее такую ненормальную обстановку, что массѣ людей приходится жить и работать при вредныхъ болѣзнетворныхъ условіяхъ. Если *болѣзнь каждаго* является такъ или иначе *виной всѣхъ*, то вполнѣ естественно, что всѣ и должны отвѣчать за одного, т.-е. все санитарное и лечебное дѣло должно быть повинностью общей. Безъ общественныхъ врачей *никогда не могутъ быть правильно урегулированы* отношенія врачей и больныхъ; всякіе принудительныя законы и проекты о таксѣ за врачебный трудъ не принесутъ пользы ни больнымъ, ни врачамъ, и всегда легко могутъ быть обойдены обѣими сторонами.

Разсмотримъ подробнѣе, какъ отражается частная практика на врачахъ и обществѣ. Мы выше уже отмѣчали, что ненормальность отношеній публики къ врачамъ и всему врачебному дѣлу обусловливается двумя главными причинами—неточностью и несовершенствомъ медицинской науки и недостаткомъ знаній и опытности у нѣкоторыхъ и особенно у начинающихъ врачей; не менѣе этихъ двухъ причинъ виновата и третья—денежные расчеты больныхъ съ врачами въ такъ называемой *частной практикѣ*.

Каковы настроеніе и интересы врача-практика? Человѣкъ долженъ жить на получаемые непосредственно отъ больныхъ рубли и копейки и, чтобы не умереть съ голоду, долженъ желать, чтобы были больные,

было много больныхъ, и чтобы они предпочитали его другимъ врачамъ, однимъ словомъ—торговля съ ея спросомъ и предложеніемъ. Сразу создается нездоровая, нежелательная обстановка—*строить свое благополучіе на несчастьи и болѣзни другихъ.*

Могутъ возразить, что врачу нечего этого желать, и безъ его зложелательства будутъ больные. Это не такъ: больныхъ, конечно, много, но это—бѣдняки, отъ которыхъ врачу-практику только одни хлопоты, а нужно, чтобы болѣли состоятельные, могущіе платить много. Помню, какъ загорѣлись глаза отъ плохо скрываемаго удовольствія у врача-практика, когда только-что пришедшій товарищъ сообщилъ ему, что его сегодня ночью пригласятъ на консиліумъ къ дочери важнаго и богатаго лица, и какъ пасмуренъ онъ былъ на другой день, когда его помощь оказалась не нужна. Среди городскихъ врачей-практиковъ нерѣдко слышатся жалобы на «глухое время». Публика прекрасно это понимаетъ и, приравнивая частную практику къ всякой торговлѣ, обвиняетъ врачей въ обманахъ и серьезно возводитъ на нихъ весьма распространенныя небылицы, что врачи нарочно затягиваютъ болѣзнь, и это заставляетъ и больныхъ, и окружающихъ относиться къ врачу съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ,—развѣ такое отношеніе желательно и полезно для здоровья больного? А какой вредъ наносятъ себѣ больные, когда, изъ-за боязни расходовъ, обращаются къ врачу не въ самомъ началѣ болѣзни и прекращаютъ посѣщенія врача раньше полнаго выздоровленія! А какъ должны оскорблять врачей подозрѣнія въ томъ, что ихъ можно подкупить, умилостивить хорошей платой,—отсюда постоянныя просьбы поскорѣе и получше полечить, особенно характерныя въ устахъ простолюдиновъ: «Ужъ, ты батюшка, разстарайся, а мы ничего не пожалѣемъ, заложимъ послѣднее, да заплатимъ». Наконецъ, какой разладъ между публикой и врачами вносятъ вышеупомянутыя тяжебныя дѣла изъ-за гонорара!

Эпидеміи публика прямо называетъ «сѣнокосомъ для врачей»; этотъ же взглядъ былъ одной изъ причинъ, почему въ былое время народъ обвинялъ врачей въ вызываніи эпидемій путемъ отравленія колодцевъ и пр. и избивалъ ихъ за это...

Могутъ возразить, что напрасно все сваливать на деньги и забывать о самолюбіи и честолюбіи практиковъ; конечно, имѣютъ значеніе и эти чувства, но они часто побочны и зависимы отъ перваго фактора—денегъ, и почти всѣ честолюбцы въ то же время и корыстолюбцы.

В. Вересаевъ совершенно вѣрно говоритъ, что гонораръ связываетъ руки; благодаря платѣ, врачъ не можетъ быть вполнѣ откровеннымъ и искреннимъ съ больнымъ, плата стоитъ стѣной между ними, и часто обращаетъ ихъ въ два враждебныхъ лагеря, гдѣ царствуетъ обоюдный обманъ. Какое огромное и нездоровое вліяніе оказываетъ практика даже на выдающихся людей, доказываетъ слѣ-

дующій отрывокъ изъ письма С. П. Боткина къ д-ру Бѣлоголовому: «Три недѣли, какъ начались лекціи; изъ всей моей дѣятельности—это единственное, что меня занимаетъ и живитъ, остальное тянешь, какъ лямку, прописывая массу почти ни къ чему не ведущихъ лекарствъ. Это не фраза и даетъ тебѣ понять, почему практическая дѣятельность въ моей поликлиникѣ такъ тяготитъ меня. Имѣя громаднѣйшій матеріалъ хроникозъ, я начинаю вырабатывать грустное убѣжденіе о безсиліи нашихъ терапевтическихъ средствъ. Рѣдкая поликлиника пройдетъ мимо безъ горькой мысли, за что я взялъ съ большей половины народа деньги, да заставилъ ее потратиться на одно изъ нашихъ аптечныхъ средствъ, которое, давши облегченіе на 24 часа, ничего существенно не измѣнитъ. Прости меня за хандру, но нынче у меня былъ домашній пріемъ, и я еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого безплоднаго труда».

Если уже Боткинъ не могъ освободиться отъ засасывающаго вліянія практики и, сознавая всю ея ложь, не могъ освободиться отъ нея, то какъ же она должна вліять на остальныхъ *), которые вовсе не замѣчаютъ всей ненормальности положенія врачебнаго дѣла? Еще два слова о вредномъ вліяніи частной практики на врачей. Врачи, получающіе опредѣленное жалованье, сообразно съ нимъ и устраиваютъ свою жизнь, ограничивая свои аппетиты; у врачей-практиковъ бюджетъ неопредѣленъ и неограниченъ въ то же время, и вся ихъ жизнь напоминаетъ лотерею, въ которой можно выиграть и много, и мало, отсюда надежды на случайность, развитіе аппетитовъ и желаніе получить все больше и больше. Примѣры практиковъ-генераловъ разжигаютъ постоянно зависть и страсть къ наживѣ, которая дѣлаетъ изъ практика игрока, видящаго только рубль и одинъ рубль. Посмотримъ же, какъ врачъ-практикъ устраиваетъ свою судьбу—*приспособляется*, и до чего онъ доходитъ въ погонѣ за наживой.

Желаніе врача-практика, чтобы больные обращались именно къ нему, а не къ другимъ, создаетъ погоню за больными и невозможную атмосферу кругомъ практикующаго врача. Становясь предметомъ спроса-товаромъ, врачъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы «показать товаръ лицомъ», и въ результатѣ являются на сцену различныя средства, какъ и въ торговлѣ,—т. е. *реклама*.

Прежде всего рекламируютъ родственники, знакомые, больные, ста-

*) Бѣлоголовый также не избѣгъ противорѣчія. Онъ хвалитъ Боткина за то, что онъ отдавалъ академіи свои лучшія силы съ такимъ рвеніемъ и съ такой безкорыстной любовью, какія весьма рѣдки въ современныхъ клиницистахъ, всегда отвлекаемыхъ отъ преподавательскаго дѣла частною практикою. А въ другомъ мѣстѣ, говоря о возрастаніи у Боткина частной практики, Бѣлоголовый называетъ это дѣло не столь привлекательнымъ, «тѣмъ не менѣе неизбѣжно связаннымъ съ его долгомъ и спеціальностью». Какъ это невѣрно, Боткинъ самъ доказываетъ это своимъ письмомъ.

рые практики своихъ «послушниковъ»; затѣмъ просятъ *) о томъ же акушерокъ, аптекарей, учителей, ветеринаровъ, хозяевъ гостиницъ, а менѣе брезгливые спускаются до половыхъ и прислуги; услуги этихъ лицъ или безплатныя, или оплачиваются условной суммой за каждаго больнаго. Болѣе назойливые заграничные врачи являются сами на желѣзныя дороги и въ гостиницы съ предложеніемъ своихъ услугъ. Нанимаются особые глашатаи: въ венгерскомъ городкѣ городовой врачъ по условію долженъ былъ лечить дѣтей безплатно; тогда поселившіеся въ этомъ городѣ два новыхъ врача объявили черезъ особое лицо, ходящее по городу съ барабаномъ, что они также будутъ лечить дѣтей безплатно, а взрослыхъ гораздо дешевле городового врача. То же въ одномъ городѣ въ Арханзасѣ: у 12-ти практикующихъ врачей есть глашатаи, по 1—11 на врача, которые ходятъ по улицамъ съ барабаномъ и зазываютъ паціентовъ въ лавочки своихъ патроновъ; они имѣютъ особую бляху и разрѣшеніе на это занятіе. Медицинское общество пробовало бороться съ этимъ зломъ, но, повидимому, безуспѣшно.

А затѣмъ является къ услугамъ врачей печать, общая и медицинская, и различныя афиши; послѣднія у насъ въ Россіи употребляются рѣдко, а за границей обычное явленіе. По врачебной этикѣ объявленія въ газетахъ у насъ не приняты, но это обходится путемъ якобы необходимыхъ извѣщеній: переѣхалъ на новую квартиру, уѣхалъ за границу, вернулся съ курсовъ, изъ-за границы и пр. Но храбрые не стѣсняются и открыто заявляютъ о себѣ въ общихъ газетахъ: докторъ заграничнаго университета, ординаторъ извѣстнаго профессора, проѣздомъ на нѣсколько дней профессоръ остановился и принимаетъ больныхъ, опытный спеціалистъ, мастеръ такихъ-то операцій (точь-въ-точь: «портной изъ Москвы», «сапожникъ изъ Петербурга»); часто многіе титулы оказываются ложными и у врачей, и у ремесленниковъ. За границей прибѣгаютъ и къ курьезамъ: одинъ нѣмецкій врачъ публикуетъ, что конюшня теперь около самой его квартиры, такъ что онъ по каждому приглашенію можетъ явиться сейчасъ же. Спеціалисты же мочеполовыхъ и секретныхъ болѣзней и владѣльцы врачи разныхъ кабинетовъ совершенно заполонили первыя страницы большихъ газетъ, зная, что подобные больные изъ-за стыда ищутъ врачей не черезъ знакомыхъ, а по газетамъ. Эти господа доходятъ до того, что вѣнская коллегія врачей выразила сожалѣніе, что врачи, лечащіе половыя болѣзни, печатаютъ о себѣ такія объявленія, которыя вызываютъ негодованіе среди врачей и публики и роняютъ достоинство врачебнаго сословія. Французскіе врачи пошли еще дальше

---

*) «Врачъ», 1884 г., № 24; 1886 г., № 30; 1890 г., № 8; 1891 г., № 40; 1901 г., № 50; 1900 г., № 36; 1885 г., № 42; 1886 г., № 14; 1885 г., № 30; 1884 г., № 4; 1890 г., № 14; 1885 г., № 24; 1900 г., № 15; 1900 г., № 25; 1900 г., № 51; 1900 г., № 27; 1898 г., № 5; 1885 г., № 13; 1886 г., № 52; 1890 г.. № 14.

и заклеили своими объявленіями внутреннія стѣны многочисленныхъ парижскихъ писсуаровъ.

Кромѣ объявленій реклама ведется и другимъ путемъ: въ общихъ газетахъ помѣщаются *хвалебныя статьи* о профессорахъ и врачахъ въ видѣ благодарности имъ, описанія сдѣланныхъ ими операцій, напечатанныхъ работъ, списка докладовъ, ихъ благотворительной дѣятельности и пр., пр. Наконецъ, въ послѣднее время многіе профессора и врачи, у насъ и за границей, прибѣгаютъ къ «интервьюверамъ», которые потомъ и расхваливаютъ посѣщеннаго подъ тѣмъ или другимъ соусомъ. Нѣкоторыя русскія врачебныя общества протестуютъ противъ подобныхъ восхваленій и саморекламъ, но съ страстью къ наживѣ не такъ легко справиться безъ сочувствія всѣхъ или большинства врачей.

XIV.

Привычка собирать болѣе или менѣе обильную жатву съ паціентовъ развиваетъ аппетиты, — l'appetit vient en mangeant, — и заставляетъ нѣкоторыхъ врачей не довольствоваться гонораромъ, а прибѣгать и къ другимъ способамъ увеличенія своихъ доходовъ на счетъ больныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ способовъ прямо преступные — участіе въ выкидышахъ; другіе же такъ общепризнаны и распространены, что ни со стороны публики и больныхъ, ни даже со стороны лучшихъ представителей медицины не встрѣчаютъ никакого отпора: такъ общество привыкло къ общей лжи и взаимному обману, что считаетъ эти способы только результатомъ свободной конкуренціи, забывая, что болѣзнь и несчастье должны бы стоять внѣ всякаго соперничества. Нужно заранѣе оговориться, что *русскіе врачи пока меньше иностранныхъ практикуютъ наиболѣе вредные способы наживы*; объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что конкуренція и борьба за существованіе въ Россіи далеко не достигли той степени, какъ на Западѣ.

Начнемъ нашъ обзоръ съ *промышленныхъ экскурсій*, которыя совершаются профессорами, врачами городскихъ и, къ прискорбію, даже земскихъ губернскихъ больницъ; впрочемъ, эти больницы вообще составляютъ наростъ на земскомъ тѣлѣ и земскими общественными принципами мало руководятся. Эти экскурсіи бываютъ трехъ родовъ: временныя, по вызову отдѣльныхъ больныхъ, объѣзды цѣлаго ряда городовъ съ соотвѣтственной публикаціей въ газетахъ или даже путемъ афишъ «о пріѣздѣ на нѣсколько дней знаменитаго профессора» и, наконецъ, гастроли на различныхъ курортахъ. Всѣ эти поѣздки, кромѣ вреднаго вліянія—разжиганія страсти къ наживѣ и презрѣнія у богачей къ профессорамъ, бросающимъ ради денегъ свое дѣло, имѣютъ и болѣе существенныя невыгодныя стороны: больницы и клиники съ

ихъ массой больныхъ остаются безъ достаточнаго надзора, а лекціи и преподаваніе совсѣмъ прекращаются. На то единственное возраженіе, что нельзя же оставить безъ помощи извѣстныхъ спеціалистовъ и жителя какой-нибудь Тмутаракани, приходится отвѣтить, что этотъ больной, хотя бы и богатый *(къ бѣднякамъ никто не поѣдетъ)*, стоитъ все-таки гораздо дешевле оставленныхъ сотенъ больныхъ и каѳедры.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ; къ сожалѣнію, всѣ такъ привыкли къ экскурсіямъ профессоровъ, что объ этомъ и не пишутъ — дѣло обычное и достойное,—а больничные врачи ѣздятъ обыкновенно въ тихомолку. Проф. Бильротъ [1]) ѣздилъ въ Александрію къ банкиру за 25.000 фр., проф. Neumann [2]) въ Португалію къ королю за 24.337 р. золотомъ, проф. Склифасовскій [3]) изъ Москвы въ Одессу для операціи у Ралли за 11.000 руб., проф. Грубе [4]) изъ Харькова въ Астрахань къ рыбопромышленнику за 5.000 р., онъ же [5]) въ Курскъ (сумма не обозначена), Бергманнъ [6]) въ Петербургъ къ Боголѣпову, Шарко въ Москву и Петербургъ, берлинскій проф. Sonnenburg [7]) пріѣзжалъ въ Одессу дѣлать операцію врачу, и оттуда поѣхалъ къ больнымъ въ Варшаву, Бухарестъ и Константинополь, проф. Шервинскій [8]) ѣздилъ въ Мстеру къ богатому фабриканту и отказался заѣхать къ больному земскому врачу, хотя проѣзжалъ мимо самаго дома этого больного (ясно, что не любовь къ заброшеннымъ больнымъ влечетъ отхожихъ промышленниковъ!); проф. Leyden пріѣзжалъ въ Харьковъ къ заболѣвшему воспаленіемъ легкихъ богатому купцу Гладкому [9]). Нѣкоторые изъ пріѣзжавшихъ на съѣздъ въ Москву иностранныхъ профессоровъ устроили буквально лавочки. Наконецъ, промышленныя поѣздки проф. Захарьина сдѣлались «притцей во языцѣхъ». Приведенные примѣры достаточно указываютъ, какъ оплачивается любовь профессоровъ къ *заброшеннымъ* (особенно живущимъ въ университетскихъ городахъ!) больнымъ, какія разстоянія они продѣлываютъ ради этой любви, и сколько времени университеты остаются безъ учителей. Больничные врачи довольствуются десятками и сотнями рублей и тоже ради любви къ больнымъ заѣзжаютъ въ другія губерніи и бросаютъ больницы на нѣсколько дней.

Второй способъ наживы—профессора и больничные врачи или открываютъ свои *частныя больницы*, или, что лучше и безопаснѣе, принимаютъ активное участіе въ больницахъ, открытыхъ на чужое имя. Это явленіе очень распространено и считается такимъ невиннымъ и позволительнымъ, что покойный московскій профессоръ С. С. Корсаковъ, считающійся всѣми идеальнымъ учителемъ, участвовалъ очень дѣятельно въ подобной больницѣ: ни ему, ни его окружающимъ и въ голову не при-

---

[1]) «Врачъ», 1886 г., № 12. [2]) «Врачъ». 1889 г. [3]) «Врачъ», 1890 г., № 17. [4]) «Врачъ», 1891 г., № 6. [5]) «Врачъ», 1891 г., № 9. [6]) «Врачъ», 1901 г., № 8, [7]) «Врачъ», 1899 г., № 30. [8]) «Врачъ», 1890 г., № 14. [9]) «Врачъ», 1898 г., № 44.

ходило, что нельзя успѣть быть въ двухъ мѣстахъ, и что профессура слишкомъ важное и отвѣтственное дѣло, исключающее коммерческія предпріятія. Не ради упрека С. С. Корсакову *), котораго я глубоко уважалъ, привожу я этотъ фактъ (какъ и вышеупомянутое письмо С. П. Боткина), а какъ доказательство громаднаго непреодолимаго вреда отъ ложной системы—частной практики, отъ вліянія которой не могутъ ускользнуть даже лучшіе наши учителя,—что же остается дѣлать обычнымъ врачамъ? Вотъ, напр., что пишетъ екатеринославскій хирургъ **) на обвиненіе, что онъ бралъ за операціи въ больницѣ деньги и принималъ въ больницу за плату своихъ частныхъ больныхъ: «Обвиненіе же возникло на основаніи того, что нѣкоторые мои частные больные, которыхъ я, за неимѣніемъ своей лечебницы и ради соблюденія хирургической асептики, оперировалъ въ земской больницѣ, послѣ выписки изъ больницы продолжали пользоваться у меня на дому или я ихъ посѣщалъ у нихъ на дому, иногда довольно продолжительное время, и въ такихъ случаяхъ я не отказывался отъ гонорара, который они мнѣ предлагали за мой трудъ». Вполнѣ вѣря автору, что плата за операціи въ больницѣ не входила въ гонораръ, получаемый только за посѣщеніе на дому, мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ о возможности одновременно съ службой имѣть еще свою частную лечебницу: больничные врачи такъ всегда жалуются на утомленіе отъ занятій въ больницѣ, что остается удивляться, какъ они находятъ и время, и силы работать еще въ частной лечебницѣ. Я зналъ два состава врачей въ одной больницѣ, которые работали въ ней съ 9—10 час. утра до 4—5 часовъ пополудни и ни времени, ни силъ и желанія работать въ частныхъ лечебницахъ или заниматься частной практикой у нихъ не было.

Больные, лечащіеся въ больницахъ, также не ускользаютъ отъ аппетита врачей; въ Парижѣ ***) обычное явленіе, что они платятъ врачамъ и за операціи, и за леченіе. У насъ ****) началъ было продѣлывать то же самое казанскій проф. Кузьминъ, но протестъ студентовъ, поддержанный профессорами, прекратилъ эту эксплуатацію больныхъ; продѣлывалось ли то же и въ другихъ университетахъ, мы не знаемъ,

*) И вообще въ своей статьѣ я имѣлъ въ виду изслѣдованіе общихъ условій врачебной жизни и дѣятельности, а не обличеніе отдѣльныхъ лицъ, почему факты приводилъ я въ подтвержденіе моихъ положеній, а фамиліи русскихъ врачей сообщалъ только тамъ, гдѣ это было безусловно необходимо. Конечно, одни врачи виновнѣе другихъ, но не въ одномъ исправленіи ихъ,—что также очень важно,—суть дѣла, а въ коренномъ измѣненіи общей системы, дѣлающей уродливыя явленія обычными и заставляющей и всѣхъ остальныхъ, какъ смотрящихъ черезъ призму этой ложной системы, удаляться болѣе или менѣе далеко отъ требованій науки и справедливости.

**) «Врачъ», 1902 г., №№ 4 и 12.

***) «Врачъ», 1899 г., № 19.

****) «Врачъ», 1896 г., № 24.

но былъ изданъ министерствомъ циркуляръ, запрещающій профессорамъ брать вознагражденіе съ больныхъ въ клиникахъ. Къ чему приводитъ практика и страсть къ наживѣ: больницы и даже клиники обращаются въ лавочки!

Особенно сильна конкурренція врачей и борьба изъ-за паціентовъ на всевозможныхъ *курортахъ*; сюда съѣзжаются все богатые больные, почва для наживы подходящая, и большіе практики увозятъ отсюда за 2—3 мѣсяца тысячи и даже десятки тысячъ руб.,—есть отчего глазамъ разбѣжаться. Во всѣ лучшіе курорты во время сезона являются десятки профессоровъ, ассистентовъ и мелкихъ практиковъ, и начинается охота, которая хорошо извѣстна всѣмъ бывавшимъ на водахъ и потому ограничимся нѣсколькими примѣрами *). «Новое Время» сообщало, что на русскихъ курортахъ врачи прибѣгаютъ къ наемнымъ хвалителямъ, подкупаютъ служителей и пр.; въ одномъ подобномъ городѣ 7 врачей добились того, что городской голова расклеилъ объявленія по городу и рекомендовалъ въ нихъ только этихъ семерыхъ изъ 60 бывшихъ въ городѣ. Одинъ бывшій на кавказскихъ водахъ врачъ писалъ, что въ гостинницахъ продаются списки практикующихъ врачей съ подчеркиваніемъ «лучшихъ» изъ нихъ.

Правительственный купальный врачъ въ Гапсалѣ распорядился, что всѣ больные должны были являться къ нему и представлять предписанія другихъ врачей съ обозначеніемъ болѣзни и способа леченія, онъ безъ всякой нужды осматривалъ этихъ больныхъ, за осмотръ бралъ деньги и давалъ разрѣшеніе на своей частной карточкѣ, рекламирующей его кабинетъ. То же было и на курьинскихъ водахъ, гдѣ нельзя было купить въ аптекѣ даже касторового масла безъ рецепта завѣдующаго водами врача. За границей дѣло ведется проще и открытѣе. Въ Америкѣ на теплыхъ водахъ въ Арканзасѣ 40 врачей содержатъ особыхъ глашатаевъ, которые на желѣзныхъ дорогахъ, въ гостинницахъ расхваливаютъ искусство и пр. своихъ патроновъ; на плату глашатаямъ уходитъ около половины врачебнаго заработка. Городское управленіе, желая уничтожить эту позорную профессію, обложило зазывателей налогомъ и думало,что они не явятся, но ошиблось: явилось 21 человѣкъ за разрѣшеніемъ. Французскія медицинскія газеты удостовѣряютъ, что эти зазыватели есть и во Франціи, а «Врачъ» прибавляетъ, что у насъ на Кавказскихъ водахъ творится тоже самое: явились особые «корреспонденты», хвалящіе однихъ и ругающіе другихъ врачей.

XV.

Взаимныя отношенія врачей составляютъ любопытную страницу изъ жизни интеллигенціи и еще разъ подтверждаютъ неправильность

*) «Врачъ», 1886 г., № 27, 1886 г., № 34, 1889 г., №№ 25 и 29; 1890 г., № 33.

существующей формы вознагражденія—частной практики. Начать съ того, что по внѣшности отношенія врачей наиболѣе близки и дружественны, разговоръ врачей такъ и уснащенъ ласкающими слухъ «товарищъ», «коллега», но въ дѣйствительности эти слова звучатъ насмѣшкой, и настоящая коллегіальность, если и сохраняется гдѣ-либо, то между не занимающимися практикой служащими и особенно земскими врачами, которымъ не приходится дѣлить рубля. Между прочимъ, вражда многихъ мужчинъ-врачей къ женщинамъ-врачамъ также основана на боязни конкуренціи и притомъ въ самой доходной области—гинекологіи. Вражда врачей-практиковъ и ихъ личныя отношенія другъ къ другу такъ хорошо извѣстны и сдѣлались такой «притчей во языцѣхъ», что много распространяться объ этомъ не стоитъ. Крупные практики и, къ сожалѣнію, даже профессора *) у насъ и на Западѣ нисколько не стѣсняются дѣлать презрительные жесты и мины при больныхъ относительно лечившихъ ихъ провинціальныхъ врачей; затѣмъ многіе и обычные врачи считаютъ возможнымъ болѣе или менѣе рѣзко порицать при больныхъ ранѣе лечившихъ ихъ врачей; менѣе сдержанные прямо-таки поносятъ всѣхъ безъ исключенія бывшихъ до нихъ врачей и въ то же время находятъ возможность продолжать съ ними знакомство, но, что всего страннѣе, и ругаемые жмутъ охотно руку поносителя. Рознь врачей не можетъ удержаться скрытно и прорывается всякими дрязгами и крупными скандалами, главныя причины которыхъ: «не подѣлили практику». Чтобы погубить противника, коллеги не стѣсняются прибѣгать ко всякой клеветѣ въ неправильномъ леченіи и даже отравленіи больныхъ **); болѣе пылкіе ***) не удерживаются и доходятъ до избіеній (записанъ даже случай убійства изъ-за практики), суда чести или общаго суда. Медицинскій журналъ ежегодно сообщаетъ о десяткахъ подобныхъ случаяхъ, а сколько «сору» остается еще дома! На Западѣ борьба врачей принимаетъ еще болѣе острый характеръ; такъ, напр., судья присудилъ къ штрафу двухъ венгерскихъ врачей за постоянныя препирательства и скандалы изъ-за практики и запретилъ имъ поджидать у вокзала для зазыванія къ себѣ больныхъ. Вѣдь это уже совсѣмъ публичная торговля собой и даже со скандалами!

«Коллегіальность» врачей характеризуется еще двумя фактами. По установившемуся изстари обычаю, врачи другъ друга лечатъ безплатно, но въ послѣднее время крупные спеціалисты и профессора все чаще и чаще стали подъ разными предлогами уклоняться отъ этого обычая: лечить безплатно не хочется, а деньги взять стыдно, такъ

*) «Врачъ», 1885. № 8. 1886. № 35. 1899. № 5. 1900. № 16 и 26 1900. № 39. 1900. № 36. 1889. № 32. 1884. № 46. 1884. № 31. 1900. № 6.

) *) «Врачъ», 1885. № 8. 1886. № 35. 1899. № 5. 1900. № 16 и 26. 1900. № 39. 1900. № 36. 1889. № 32. 1884. № 46. 1884. № 31. 1900. № 6.

что поднимаются уже голоса въ медицинскихъ журналахъ о полномъ уничтоженіи этого обычая, такъ какъ больнымъ врачамъ изъ-за него приходится оставаться безъ леченія. Другой фактъ: наши вспомогательная касса и благотворительные капиталы, въ силу малаго числа участниковъ, влачатъ жалкое существованіе, такъ что бѣдные западные рабочіе и то лучше поддерживаютъ своими кассами нуждающихся! Что враждебныя отношенія между врачами преимущественно обусловливаются борьбой изъ-за практики, доказывается также слѣдующими двумя противоположными явленіями. Враждуютъ обыкновенно причастные къ охотѣ за больными профессора и городскіе врачи, а земскіе участковые врачи живутъ обыкновенно очень дружно. Особенно рѣзко сказывается это на Пироговскихъ съѣздахъ, гдѣ собравшіеся земскіе врачи дѣйствуютъ согласно между собой, и хотя ихъ бываетъ на съѣздѣ только 10—20% всѣхъ членовъ, всѣ вопросы и выборы рѣшаются обыкновенно по ихъ усмотрѣнію. Большинство же членовъ съѣзда, состоящее изъ профессоровъ, городскихъ и вольнопрактикующихъ врачей, выходитъ изъ себя отъ такого вліянія земскихъ врачей, но никакъ не можетъ спѣться между собой, разъединяемое всякими личными счетами и вопросами конкуренціи. Второй фактъ иного рода: врачи-практики, обыкновенно разныхъ спеціальностей, иногда объединяются между собой... и опять-таки для совмѣстной практики. Къ нашему позору, эти сдѣлки разныхъ спеціалистовъ принимаютъ иногда возмутительный характеръ.

На это указывалъ въ 1889 г. проф. Le-Fort. Разбирая причины, почему нѣкоторые современные хирурги прибѣгаютъ къ операціямъ чаще, чѣмъ слѣдовало бы, этотъ авторъ указываетъ на одну причину, существующую во Франціи и справедливо признаваемую имъ позоромъ для врачебнаго сословія: «Торговыя привычки, допустимыя и логическія въ профессіяхъ, законная и признанная цѣль которыхъ заключается въ добычѣ денегъ, проникли и въ медицину. Хирургъ платитъ извѣстный % терапевту, доставляющему ему случай произвести операцію или даже просто быть приглашеннымъ на совѣтъ. Такимъ образомъ терапевтъ получаетъ $^1/_4$—$^1/_3$ и даже $^1/_2$ того гонорара, который хирургъ имѣлъ бы право получить для себя. Изобрѣтено для этого даже и новое слово—дихотомическое дѣленіе. Вслѣдствіе этого, терапевтъ ищетъ уже не того хирурга, который могъ бы дать ему наилучшій совѣтъ, предложить и примѣнить наилучшее леченіе, а того, который сдѣлаетъ ему наибольшую скидку. Но такъ какъ операція оплачивается гораздо дороже, чѣмъ неоперативное леченіе, какъ бы хорошъ ни былъ результатъ послѣдняго, то и терапевтъ, и хирургъ заинтересованы сообща въ томъ, чтобы предложить и убѣдить больного принять операцію, безъ которой, быть можетъ, и можно было бы обойтись. Изъ такихъ печальныхъ сдѣлокъ естественно вытекаетъ подчасъ невѣроятное повышеніе гонораровъ хирурга». Дальше прива-

вляетъ авторъ, «это зло сдѣлалось настолько гласнымъ, что торговцы цинически предлагаютъ намъ особыми циркулярами скидку съ приборовъ, машинъ и пр., которые мы назначаемъ больнымъ» *). «Новое Время» (1902, № 85) указываетъ, что и русскіе хирурги очень часто стали прибѣгать къ операціямъ, назначая за нихъ большіе гонорары отъ 500 до 2.000 руб. самой «знаменитости» и 50—60% съ этой суммы ассистенту и на другіе расходы. Газета полагаетъ, что для обузданія хирурговъ необходимо ввести такой порядокъ, что въ случаѣ печальнаго исхода операціи гонораръ долженъ возвращаться родственникамъ или идти на благотворительныя дѣла. Всѣ подобныя предложенія не приведутъ ни къ чему, пока между врачомъ и больнымъ существуютъ денежные разсчеты.

Повидимому, то же практикуется и въ Америкѣ **). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ соглашеніи врачей, практикующемся за границей, особенно во Франціи ***); городскіе и деревенскіе вольнопрактикующіе врачи, переѣзжая въ другое мѣсто, продаютъ практику въ первомъ кому-либо изъ молодыхъ товарищей; какъ относится населеніе къ такой продажѣ несуществующихъ правъ на ихъ леченіе, намъ не пришлось встрѣтить указаній, но, во всякомъ случаѣ, для населенія это едва ли желательный обычай.

Мнѣніе публики о *сдѣлкахъ врачей съ аптекарями* имѣетъ свое основаніе: хотя и вступаютъ въ такія сдѣлки немногіе врачи, но они создаютъ этимъ славу и для остальныхъ. Сдѣлка обыкновенно состоитъ въ томъ, что врачъ направляетъ свои рецепты только въ извѣстную аптеку, пишетъ часто свои рецепты условными знаками, понятными только для этой аптеки, безъ нужды прописываетъ болѣе дорогія средства, а аптекарь въ свою очередь расхваливаетъ этого врача и выплачиваетъ ему $^1/_4$—$^1/_3$ стоимости прописанныхъ рецептовъ. Въ просмотрѣнныхъ №№ «Врача» ****) мы нашли подобныя указанія на канадскихъ врачей, французскихъ, берлинскихъ, московскихъ и петербургскихъ. Что не безъ изъяна въ этомъ отношеніи и въ другихъ мѣстахъ, доказываютъ протесты врачебныхъ обществъ противъ такихъ сдѣлокъ. Въ Берлинѣ заняты вопросомъ о мѣрахъ, которыми можно было-бы предотвратить эти сдѣлки; выступило противъ нихъ и медицинское общество въ Калифорніи. Въ Австріи была даже внесена въ новый проектъ уголовныхъ законовъ статья, присуждающая къ штрафу и врача, берущаго подарки отъ аптекъ, и аптекаря, дающаго эти подарки.

Еще болѣе распространена, или по крайней мѣрѣ объ ней болѣе

*) «Врачъ», 1889. № 25.

**) «Врачъ», 1900. № 13.

***) «Врачъ», 1885. № 42.

****) «Врачъ» 1889 г. №№ 47 и 51; 1889, № 14; 1889, № 32; 1889, № 47; 1890, № 15; 1886, № 10; 1891, № 26; 1889, № 45.

извѣстно, дѣятельность врачей по обиранію публики путемъ *патентованныхъ и тайныхъ средствъ*. Нѣкоторые врачи берутъ патенты на изобрѣтенные имъ приборы, лекарства и даже тайныя средства. Особенно характерно, что вещи, входящія въ составъ этихъ средствъ, стоятъ гроши, а изобрѣтатели берутъ за нихъ въ 10—100 и болѣе разъ дороже; это уже одно должно бы указать публикѣ на главную цѣль этихъ изобрѣтеній, но страдающая публика неудержимо покупаетъ ихъ и расходуетъ на нихъ громадныя средства: въ Англіи доходъ государства отъ налога на патентованныя средства съ 1890 г. былъ 1.423.270 руб. *), а сколько милліоновъ переплатила за нихъ публика! Изобрѣтатели, конечно, не гнушаются никакими рекламами и средствами для обмана публики и сбыта своихъ продуктовъ; чтобы уловить болѣе легковѣрныхъ больныхъ, изобрѣтаютъ главнымъ образомъ средства противъ длительныхъ и неизлечимыхъ болѣзней: чахотки, рака и особенно противъ секретныхъ болѣзней. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ медицинскихъ газетахъ и еще болѣе въ общей прессѣ **) появляется масса объявленій о патентованныхъ, вновь открываемыхъ и иныхъ средствахъ; разсылается также масса всевозможныхъ объявленій и брошюръ главнымъ образомъ отъ заграничныхъ изобрѣтателей и аптекарскихъ фирмъ, причемъ онѣ, для лучшаго успѣха, содержатъ не рѣдко восторженные отзывы профессоровъ и врачей: обоюдное одолженіе—реклама средства, реклама и профессора. Французская врачебная печать пошла еще дальше, и яркія рекламы о всякихъ средствахъ помѣщаетъ подъ видомъ научныхъ статей. Не безъ того и въ Германіи, такъ какъ нѣмецкій съѣздъ естествоиспытателей и врачей въ 1900 г. высказался опредѣленно противъ рекламированія новыхъ средствъ, и дѣйствительно пора давно начать борьбу съ этимъ зломъ. Нѣсколько примѣровъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сильно нашумѣвшихъ въ свое время Феррана, Коха и Адамкевича. Въ 1885 г. испанскій врачъ Ферранъ во время холеры въ Испаніи изобрѣлъ тайное средство противъ холеры и, пользуясь огромнымъ бѣдствіемъ населенія, заработалъ большія деньги. Цѣль своего изобрѣтенія и скрыванія его въ секретѣ Ферранъ высказывалъ открыто, когда къ нему явилась французская коммиссія изъ профессоровъ, онъ прямо заявилъ имъ, что не ознакомитъ ихъ съ своимъ «секретомъ, могущимъ принести ему хорошія деньги. «Если-бы меня наградили такъ, какъ въ Германіи Коха, а во Франціи Пастера, то я описалъ бы свое открытіе, ибо никакая слава въ мірѣ не въ состояніи обезпечить безбѣднаго существованія моимъ дѣтямъ». У всѣхъ еще въ па-

*) «Врачъ» 1891 г. № 30.

**) «Врачъ» 1885 г. № 27 и др. 1899, № 11; 1899, № 12; 1891, № 9; 1889, № 29; 1889, № 32; 1899, № 33; 1890, № 18; 1890, № 8; 1891, № 32; 1891, № 36; 1884, № 40; 1886, № 28; 1886, № 30; 1899, № 29; 1900, № 37; 1900, № 39; 1898, № 12.

мяти не менѣе прискорбная исторія Koch'a съ его пресловутымъ туберкулиномъ, принесшимъ такъ много вреда больнымъ и такъ много дохода изобрѣтателю и его приспѣшникамъ. Менѣе нашумѣлъ Вѣнскій проф. Адамкевичъ съ своимъ тайнымъ средствомъ противъ рака, и, несомнѣнно, что, не смотря на свой провалъ, онъ также остался не въ убыткѣ. Но что особенно печально для первыхъ двухъ исторій, что не только публика и больные, хватающіеся за всякую соломинку, но многіе представители науки, профессора и врачи также легкомысленно увлеклись этими открытіями и во очію доказали всю шаткость нашей науки и недостаточность нашихъ познаній по леченію больныхъ: паломничества профессоровъ и разныхъ коммиссій изъ всѣхъ странъ въ Испанію и Берлинъ, къ Феррану и Коху, широкіе опыты надъ больными и проклятія всѣхъ протестующихъ противъ увлеченія этими пуфами. Не можемъ не вспомнить здѣсь, какъ справедливо и научно относился къ этимъ тайнымъ открытіямъ великій знатокъ науки и врачей, Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ, подвергавшійся за это насмѣшкамъ и ругательствамъ со стороны многихъ профессоровъ и печати! Нѣсколько мелкихъ примѣровъ изъ многихъ сотенъ эксплуатированія публики: парижскій проф. Potain прописываетъ патентованыя средства, дублинскій врачъ взялъ патентъ на новое обеззараживающее средство, американскій врачъ на приборъ леченія чахотки горячимъ воздухомъ, проф. Тарханъ-Моуравовъ на препараты изъ тота-бѣлка, два врача въ Бельфастѣ на приборъ для остановки кровотеченій послѣ родовъ, два Берлинскихъ врача продаютъ свое имя торговцамъ всякими тайными и патентованными средствами, вѣнскій врачъ Schaffer въ врачебной газетѣ расхваливаетъ тайное средство, лондонскій врачъ Roberts лечилъ больныхъ пресловутымъ средствомъ Mattei, а у насъ, по словамъ «Врача», этимъ средствомъ лечили, съ согласія врача, ректора одного университета и т. д. и т. д. безъ конца.

Какими путями распространяются эти средства? Обычнымъ путемъ уступокъ и говорара. Французскій врачъ предлагаетъ товарищамъ распространять его патентованыя средства за 25% уступки въ пользу рекомендующихъ. Германскій врачъ Oidtmann свое патентованное слабительное разсылаетъ въ гостинницы, предлагая хозяевамъ 25% уступки за распространеніе ихъ среди путешественниковъ. Но дальше всѣхъ пошелъ одинъ французскій врачъ, который предлагаетъ католическому духовенству распространять среди города три патентованныхъ средства, за что 30% съ выручки будетъ отдаваться на открытіе католической школы среди протестантскаго населенія,—для большаго успѣха игра на почвѣ религіозной нетерпимости, гдѣ же граница для духа наживы и обмана публики?

Раздаются и протесты, хотя довольно рѣдко. Англійская врачебная газета находитъ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ врача брать патенты. Нью-іоркское медицинское общество исключило одного врача

за распространеніе своего патентованнаго средства, «а у насъ въ Россіи,—говоритъ «Врачъ»,—честные люди не гнушаются пожимать руки берущимъ патенты на свои изобрѣтенія! Мало того: по добродушію даже подписываютъ свои фамиліи подъ ихъ рекламами!» Дѣйствительно, мы такъ опутаны сѣтью всякой наживы она такъ пропитываетъ всѣ наши отношенія, а духъ ласково такъ овладѣваетъ всѣми, что безъ строгаго наблюденія за своими поступками очень легко попасть въ просакъ!

Остается сказать еще объ одномъ наиболѣе позорномъ способѣ обиранія публики—*о соглашеніи врачей съ шарлатанами* и *самозванными лечителями*. Безсиліе во многихъ случаяхъ медицины, малое развитіе не только народа, но и культурнаго общества, установившіяся на почвѣ частной практики, неправильныя отношенія врачей къ больнымъ и публикѣ заставляютъ многихъ больныхъ, не только неизлечимыхъ, но и вполнѣ излечимыхъ лечиться помимо врачей у всевозможныхъ *благодѣтелей*, имъ же нѣсть числа. Лечится у знахарей и бабокъ не только нашъ русскій народъ—ему это простительно, но представители нашего высшаго общества и интеллигенція,—вспомнимъ Гачковскаго, Вревскаго, Кузьмича, Mattei, Кнейппа и др., и что еще страшнѣе, Западъ въ этомъ отношеніи нисколько не уступаетъ намъ и ведетъ даже счетъ своимъ шарлатанамъ *). Въ Саксоніи въ 1900 г. было 1.578 шарлатановъ, почти столько же, сколько и врачей; по даннымъ д-ра Alexander'a, въ Германіи насчитывается 12.000 шарлатановъ, изъ нихъ въ Шлезіи 412, въ Саксоніи 950, въ Баваріи 1.168, въ одномъ Берлинѣ 476, причемъ въ этомъ городѣ за послѣднія 20 лѣтъ населеніе увеличилось на 61%, а число шарлатановъ на 1.600%, слѣдовательно, съ развитіемъ народа число этихъ лечителей не уменьшается, а возрастаетъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить важное благотворное вліяніе нашей безплатной земской медицины, незнакомой Западу: по общимъ наблюденіямъ, число знахарей у насъ въ народѣ значительно уменьшилось и они сдѣлались менѣе вредоносны, а на Западѣ шарлатанство увеличивается. Вредъ отъ этихъ шарлатановъ, по даннымъ того же Alexander'a, очень великъ: за семь лѣтъ въ прусскихъ судахъ разбиралось 177 дѣлъ и въ Шлезіи 164 дѣла о смерти и поврежденіяхъ, причиненныхъ леченіемъ шарлатановъ; въ Пруссіи въ послѣднее время поднятъ даже вопросъ о необходимости законодательной борьбы съ возрастающимъ шарлатанствомъ.

Борьба борьбой, а прежде всего слѣдуетъ обезпечить всему населенію безплатную медицинскую помощь, безъ которой всякая борьба будетъ безплодна. Успѣхъ шарлатановъ обусловливается, между про-

*) «Врачъ», 1902 г., № 11; 1901 г., № 17; 1902 г., № 4; 1899 г. № 2; 1896 г. №№ 1 и 7; 1891 г., № 19; 1899 г., № 25; 1899 г., № 46; 1886 г., № 10; 1886 г. №№ 30 и 52; 1900 г., № 13; 1898 г., № 22; 1898 г., № 15; 1899 г., № 1.

чимъ, и массой выпускаемыхъ ими объявленій, рекламъ съ приношеніемъ благодарностей отъ всевозможныхъ и иногда не маленькихъ по положенію лицъ; за границей эти рекламы и брошюры расходятся десятками и сотнями тысячъ, да и у насъ о кузьмичевой травѣ разошлись, вѣроятно, многія тысячи рекламъ. Хотя шарлатанство и практикуется вездѣ болѣе или менѣе свободно, но во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, суда и для вящей рекламы нѣкоторые шарлатаны считаютъ необходимымъ держать при себѣ... настоящихъ врачей, а эти врачи не считаютъ для себя позорнымъ прикрывать этихъ знахарей и еще болѣе ронять въ глазахъ публики значеніе медицины. Формы этихъ соглашеній разнообразны; приведемъ нѣсколько примѣровъ. Во Франціи профессоръ и врачи прикрываютъ своимъ именемъ ортопедическій институтъ, гдѣ въ дѣйствительности лечатъ хозяева этого заведенія: аббатъ и его сестра. Гипнотизеру Фельдману сотрудничаютъ врачи, а въ Москвѣ и другихъ городахъ его даже приглашаютъ сами врачи къ больнымъ. Въ Парижѣ одна сомнабулистка лечила валомъ валившую къ ней публику, врачъ былъ при ней помощникомъ и получалъ по 2 фр. за часъ; то же продѣлывалъ одинъ врачъ въ Вѣнѣ. Въ Берлинѣ у шарлатана Becker'a, лечившаго черезъ письма, на жалованьи было три врача, подписывавшихъ его рецепты и получавшихъ по 6.000 мар. въ годъ. Въ одной изъ южныхъ русскихъ газетъ одинъ врачъ расхваливалъ какого-то Кондораки, какъ знаменитаго окулиста, вылечивающаго даже такихъ больныхъ, отъ которыхъ отказались извѣстные спеціалисты. Въ Кіевѣ другой врачъ лечилъ вмѣстѣ съ знахаремъ Немировымъ, но рецептъ подписывалъ не своей фамиліей. У всякихъ Кнейпповъ, Mattei и пр. есть также на содержаніи врачи. Конечно, врачей, продающихъ себя знахарямъ, еще немного, но важенъ самый фактъ такой самопродажи. Какое же право имѣютъ врачи порицать публику за леченіе у знахарей, когда къ нимъ на службу идутъ врачи? и когда сами врачи совѣтуютъ больнымъ обратиться къ тому или другому самозванному лечителю? А развѣ вышеописанныя исторіи Коха и Феррана и торговля врачей патентованными и тайными средствами тоже не шарлатанство?

И вотъ пока между больными и врачами будутъ непосредственныя денежныя отношенія, до тѣхъ поръ нечего и думать о настоящей борьбѣ со всѣми видами рекламы и шарлатанства и о побѣдѣ науки. Всякая торговля собой, будь то тѣломъ или головой, неизбѣжно ведетъ за собой всякія извращенія и злоупотребленія.

XVI.

Покончивъ съ «практикой» и вызываемыми ею вредными условіями для врачей, больныхъ и всего общества, посмотримъ на другую форму врачебнаго дѣла, форму, существующую только въ Россіи, которая въ

этомъ отношеніи, благодаря земству, превзошла Западъ. Русскихъ врачей нужно строго раздѣлять на двѣ группы: *врачей общественныхъ* и *врачей-практиковъ*; къ послѣднимъ нужно отнести также большинство больничныхъ и, къ сожалѣнію, очень, очень многихъ профессоровъ; между этими двумя группами есть переходныя ступени; вторая группа пока гораздо больше первой, знакомѣе городскому населенію, и потому когда говорятъ о врачахъ, то имѣютъ въ виду врачей-практиковъ.

Говорить много объ общественныхъ врачахъ мы не думаемъ, имъ слѣдуетъ посвятить особую статью, а здѣсь постараемся только указать на особенности, отличающія ихъ отъ врачей-практиковъ. Общественная медицина дѣло недавняго времени, она явилась съ основаніемъ земства т.-е. менѣе 40 лѣтъ; земство впервые сознало необходимость общей врачебной помощи, основанной на принципѣ взаимнаго страхованія позже устроено это дѣло, по образцу земскаго, въ неземскихъ губерніяхъ, и только въ послѣднее время послѣдовали этому же примѣру города, пока еще очень немногіе. Итакъ, не считая фабричныхъ и заводскихъ врачей, въ настоящее время группу общественныхъ врачей составляютъ земскіе, сельскіе и думскіе. *Сельскіе* врачи въ неземскихъ губерніяхъ составляютъ сколокъ съ земскихъ врачей, но ихъ дѣятельность пока не можетъ развиться вполнѣ въ виду строго опредѣленныхъ штатовъ, отсутствія гласности, критики и общей организаціи; сельская медицина сравняется по своему значенію съ земской только при учрежденіи земства, какъ общественнаго начала, дѣйствующаго сообразно съ мѣстными нуждами, а не съ однообразными административными указаніями. *Думская* медицина также есть подражаніе земской, но она пока еще не есть вполнѣ общественная медицина, такъ какъ большинство думскихъ врачей, прежде всего, практики, а потомъ уже общественные врачи; вынуждаютъ ихъ заниматься практикой вѣковыя традиціи, недостаточное вознагражденіе и зараза отъ остальныхъ городскихъ товарищей, собирающихъ большіе гонорары. Наши думы на столько недальновидны и такъ убѣждены въ необходимости для каждаго врача частной практики, что назначаютъ своимъ врачамъ небольшое жалованье, предоставляя все остальное добирать погоней за практикой, которая, въ концѣ концовъ, становятся погоней за таковой и главнымъ дѣломъ, а думская работа отходитъ на второй планъ, какъ досадная необходимость, мало занимающая врача. Между тѣмъ санитарная служба совершенно несовмѣстима съ практикой, ибо санитарный врачъ долженъ быть независимъ и вести борьбу съ фабрикантами, домовладѣльцами и пр., а можетъ ли это дѣлать врачъ, жаждущій, чтобы эти состоятельныя лица лечились у него, и тутъ трудно разобрать, гдѣ кончается гонораръ и начинается взятка. Думскіе же санитарные врачи часто практики; одинъ примѣръ: въ одномъ крупномъ и требующемъ массы санитарной работы городѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ санитарный врачъ, который, несмотря на вполнѣ доста-

точное жалованье въ 2.000 или 2.400 руб., ухитрился быть врачомъ большого учебнаго заведенія, имѣющаго больницу, преподавалъ гигіену въ одномъ или двухъ учрежденіяхъ и былъ однимъ изъ крупныхъ практиковъ города. И когда дума, вѣроятно, желая избавить его отъ такой чрезмѣрной изнурительной работы, уволила этого врача, то онъ былъ очень обиженъ, а другіе врачи и нѣкоторые изъ общества сочли его невинно пострадавшимъ,—таковъ городской взглядъ на задачи общественнаго и къ тому санитарнаго, а не лечащаго врача.

Поэтому настоящими общественными врачами пока являются только *земскіе врачи* и изъ нихъ преимущественно санитарные и участковые, живущіе въ деревняхъ; больничныхъ же въ уѣздныхъ, о губернскихъ больницахъ мы уже и не говоримъ,—также нерѣдко заѣдаетъ практика, въ участкахъ же она очень незначительна и составляетъ неизбѣжное зло, отъ котораго настоящіе земскіе врачи всячески отбиваются, стараясь и состоятельныхъ жителей своего участка обратить въ обычныхъ безплатныхъ паціентовъ, т.-е. чтобы они посѣщали земскія амбулаторіи и не требовали выѣздовъ къ себѣ, кромѣ экстренныхъ случаевъ. Есть, конечно, практики pur sang и среди земскихъ участковыхъ врачей, но это печальное исключеніе.

Что же такое общественный врачъ, вылившійся въ лицѣ земскаго врача? Земскій врачъ явился на Руси тогда, когда среди народа и для народа не было интеллигентныхъ работниковъ; народъ, кромѣ полиціи и помѣщиковъ, видѣлъ и зналъ только уѣздныхъ врачей, пріѣзжавшихъ «потрошить мертвыя тѣла»; *земскій врачъ сталъ первымъ народнымъ работникомъ, живущимъ среди народа.* Не будучи связанъ съ отдѣльными лицами какими-либо разсчетами и являясь представителемъ принципа взаимопомощи или общаго страхованія, единственно цѣлесообразнаго и раціональнаго во всякихъ бѣдствіяхъ, земскій врачъ съ первыхъ шаговъ взглянулъ совершенно правильно на свои задачи, что онъ врачъ не отдѣльныхъ больныхъ, а врачъ всего общества своего участка, и что онъ долженъ не только лечить отдѣльныхъ больныхъ, но, главнымъ образомъ, бороться со всѣми условіями, вызывающими болѣзни. Дореформенная Россія была крайне невѣжественна и полна предразсудковъ, и земскіе врачи обратили особое вниманіе на просвѣщеніе народа, устройство школъ, народныя чтенія, бесѣды, распространеніе гигіеническихъ свѣдѣній черезъ амбулаторіи и больницы. Самые первые врачи доказывали необходимость близкаго общенія съ народомъ, участія въ сходахъ, гдѣ врачъ долженъ былъ разъяснять значеніе санитарныхъ мѣръ, правильнаго отношенія къ больнымъ, эпидеміямъ, вредъ отъ знахарства и всевозможныхъ предразсудковъ и т. д. Также широко и справедливо смотрѣлъ на дѣло нашъ великій учитель Н. И. Пироговъ, сказавшій при учрежденіи земской медицины такія пророческія слова: «Земской медицинѣ придется бороться съ невѣжествомъ народныхъ массъ и видоизмѣнить цѣлое ихъ міровоззрѣніе!» Мало того:

земство въ началѣ своей дѣятельности крайне затруднялось, какъ поставить и вести земское дѣло; земскіе врачи явились самыми дѣятельными помощниками, а иногда и учителями земцевъ не только относительно выработки основъ и устройства врачебной, но и другихъ отраслей земскаго дѣла. Между прочимъ, это высказалъ на смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный, бывшій предсѣдатель Новгородской губернской управы А. Н. Поповъ, искренне благодарившій врачей за это содѣйствіе и порицавшій нѣкоторыхъ изъ нихъ за то, что они злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ и заботятся только объ улучшеніи своего врачебнаго дѣла, забывая о другихъ земскихъ нуждахъ. Если это и справедливо, то только относительно нѣкоторыхъ земскихъ врачей и опять-таки, главнымъ образомъ, служащихъ въ уѣздныхъ и губернскихъ больницахъ, которые, искусившись практикой, видятъ все только въ лечебной медицинѣ. Большинство земскихъ врачей до сихъ поръ не забываетъ, что они не только лечители, но и проводники санитаріи и земскіе люди, обязанные заботиться о просвѣщеніи и благосостояніи народа, безъ которыхъ не можетъ идти хорошо и врачебное дѣло. Возьмите любые протоколы съѣздовъ земскихъ врачей, чуть ли не вся крестьянская жизнь развертывается передъ вами: школьное дѣло съ чтеніями, бесѣдами и продажей книгъ, ясли, эпидеміи, сифилисъ, оспопрививаніе, водоснабженіе, врачебно-продовольственное дѣло, санитарное состояніе фабрикъ и заводовъ, изслѣдованіе и описаніе селеній, тѣлесныя наказанія, движеніе народонаселенія, заболѣваемость, рабочій день, отхожіе заработки, питомническій промыселъ и пр. Все, что составляетъ деревенскую жизнь и отъ чего зависитъ здоровье населенія, близко врачу, и онъ по мѣрѣ своихъ силъ борется съ окружающимъ его зломъ.

И не одними словами и рѣчами на съѣздахъ ограничиваются земскіе врачи; они во всемъ перечисленномъ принимаютъ самое активное участіе, отдаютъ свое время, здоровье и часто свои небольшія средства на школы, волшебные фонари и книги, ясли, помощь голодающимъ. Если пока сдѣлано мало, то и работниковъ-то на всю Россію немного, да и зло слишкомъ велико, чтобы справиться съ нимъ въ теченіе 30 лѣтъ, но важно то, что земскіе врачи стоятъ на правильномъ пути. Не упускаютъ они и лечебной части,—это доказывается переполненіемъ земскихъ больницъ, успѣхами земской хирургіи и тысячами больныхъ являющихся въ амбулаторіи, а вѣдь еще 30 лѣтъ назадъ крестьянинъ боялся врача и видѣлъ въ немъ чиновника и «потрошителя». Вотъ въ немногихъ штрихахъ типъ земскаго врача—онъ общественный дѣятель въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, видитъ зло не въ болѣзни отдѣльнаго лица, а во всей окружающей болѣзнетворной обстановкѣ, съ устраненіемъ которой и ведетъ борьбу; его интересы и въ личномъ отношеніи тѣсно связаны съ интересами населенія: получая опредѣленное жалованье (часто весьма недостаточное),

онъ не долженъ ничего выжимать изъ больныхъ; его работа будетъ тѣмъ меньше и плодотворнѣе, чѣмъ здоровье будетъ населеніе и лучше его обстановка. У земскаго врача нѣтъ ни повышеній, ни наградъ, ни погремушекъ, которыми полна жизнь многихъ служащихъ, поэтому всѣ его помыслы и надежды направлены на его дѣятельность и работу; въ развитіи дѣла и успѣхѣ дѣятельности—его высшая и единственная награда. Большинство городскихъ служащихъ и чиновниковъ обыкновенно недовольны своей службой, она для нихъ только *средство* для жизни, а занятіе земскаго врача составляетъ для него *цѣль*; не стѣсненный рамками и не увлекаемый внѣшностями, земскій врачъ влагаетъ въ дѣло свою душу, не ограничиваетъ своей работы часами и всѣ свои силы прилагаетъ для развитія своего дѣла. Чиновнику не нужно бороться, онъ плыветъ по разъ установленному руслу, а земскій врачъ есть иниціаторъ и борецъ, онъ долженъ расщищать дорогу и бороться съ массой всякихъ препятствій. Земскій врачъ есть истинный другъ деревни и населенія, чѣмъ должны быть и всѣ врачи; многіе земскіе врачи пользуются искренней любовью населенія, каковая рѣдко достается на долю практиковъ и только тѣхъ изъ нихъ, которые по духу врачи общественные, врачи бѣдняковъ.

XVII.

Статья кончена. Не на все въ ней отвѣчено В. Вересаеву, и далеко не исчерпано все, что интересно публикѣ и что слѣдовало бы сказать ей о врачахъ и врачебномъ дѣлѣ. Въ нашей статьѣ приведено несравненно больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго о врачахъ, и читатели могутъ подумать, что врачебное сословіе, дѣйствительно, наихудшая часть по своей дѣятельности и убѣжденіямъ изъ всего остального интеллигентнаго общества. Но этотъ выводъ положительно невѣренъ. «Записки врача» и во многомъ дополняющая ихъ наша статья съ очевидностью указываютъ, что *говорить о врачебномъ дѣлѣ значитъ говорить вообще о нашей жизни*, такъ какъ намъ неизбѣжно приходится касаться чуть ли не всѣхъ сторонъ общественной и личной жизни. Связь, зависимость и взаимодѣйствіе между всей жизнью и ея отраслью—врачебнымъ дѣломъ несомнѣнны во всѣхъ отношеніяхъ; врачи живутъ не внѣ общей жизни, не на необитаемомъ островѣ, и потому все, что есть ложнаго, грязнаго, несправедливаго, жестокаго, сомнительнаго и противорѣчиваго во врачебной жизни, составляетъ *непосредственный отпечатокъ общей лжи всей нашей жизни*.

Врачи едва ли въ чемъ либо виновнѣе остальныхъ, только, можетъ быть, ихъ недостатки виднѣе и ощутительнѣе для всѣхъ. Если же о врачахъ говорятъ и пишутъ больше, чѣмъ о другихъ, то это вполнѣ понятно: медицина близко касается всѣхъ, и едва ли кому-либо удается избѣжать тѣхъ или другихъ сношеній съ врачами, а сношеній съ дру-

гами спеціалистами—инженерами, архитекторами, судейскими, военными, акцизными очень многіе не имѣютъ во всю свою жизнь; съ врачами въ этомъ отношеніи могутъ сравняться только педагоги, но они народъ служилый и защищены твердой броней цензуры, а врачи люди свободной профессіи и подлежатъ свободной критикѣ. Врачи у всѣхъ всегда на виду, къ нимъ всегда обращаются въ лучшихъ и худшихъ событіяхъ нашей жизни, съ ними устанавливаются болѣе интимныя отношенія, имъ повѣряютъ всѣ свои тайны болѣе, чѣмъ кому-либо, отъ нихъ ждутъ помощи въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ, врачи не гости, а хозяева дома, и отъ ихъ совѣта часто зависитъ перемѣна всей жизни,—отсюда понятно, что *врачей и благословляютъ, и еще чаще проклинаютъ болѣе, чѣмъ другихъ*. Затѣмъ врачи на съѣздахъ, въ печати свободно говорятъ и пишутъ о недостаткахъ своей науки и изъянахъ своей профессіи, а представители остальныхъ профессій крайне рѣдко обнажаютъ своя сокровенная. Врачъ ближе, знакомѣе всѣмъ, отъ него зависитъ самое дорогое—здоровье и жизнь,—какъ же не благословлять или не ругать его! Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ особенномъ, имъ только свойственномъ, виноваты врачи?

Повторимъ главныя прегрѣшенія ихъ. Преступные опыты, а развѣ опыты, продѣлываемые педагогами надъ дѣтьми, менѣе вредны, развѣ они не коверкаютъ часто всю жизнь людей и даже не во имя науки, а совершенно для посторонниихъ цѣлей? Участіе въ смертной казни и тѣлесныхъ наказаніяхъ, а развѣ не судьи и администраторы назначаютъ и исполняютъ эти позорные остатки старины? Преступные выкидыши, новомальтузіанство, а развѣ не ложь всей нашей соціальной и половой жизни вызываетъ эти выкидыши, и неизвѣстно даже, врачамъ ли принадлежитъ честь первыхъ шаговъ въ этомъ дѣлѣ? Несоблюденіе врачами правилъ гигіены, а развѣ духовенство и многіе другіе проповѣдники слѣдуютъ своимъ проповѣдямъ и даютъ должные примѣры примѣнимости ихъ къ жизни? Совмѣстительство и кусочничество, а развѣ профессора, юристы и другіе не совмѣщаютъ должностей директоровъ банковъ и другихъ должностей, совершенно не идущихъ къ наукѣ, но приносящихъ большіе куши, чѣмъ кусочничество врачей? Торговля собой, а развѣ не то же дѣлаютъ адвокаты и другіе представители свободныхъ профессій, и если ради успѣха и практики создано особое врачебное «кокетство», то еще болѣе и открытѣе «позируютъ» съ этой цѣлью адвокаты. Полученіе генералами отъ медицины большихъ кушей, а развѣ не то же дѣлаютъ генералы отъ литературы, и особенно отъ адвокатуры и инженерныхъ искусствъ, а также разные артисты Фигнеры, Шаляпины, Патти, Мазини и другіе представители изящныхъ искусствъ? Черствость, безсердечіе, а развѣ судьи и прокуроры, постоянно отправляющіе въ тюрьму и каторгу, адвокаты, защищающіе и всѣхъ и вся, всевозможные предприниматели, эксплуатирующіе до нельзя своихъ рабочихъ и служащихъ,

болѣе отзывчивы? Притворство, разыгрываніе роли авгуровъ, а развѣ не то же продѣлывается всѣми поголовно, и развѣ не сами больные требуютъ лжи отъ врачей?

Наконецъ, безсиліе медицины, но въ этомъ врачи такъ же виноваты, какъ инженеры въ томъ, что мы не летаемъ, метеорологи въ томъ, что мы не знаемъ завтрашней погоды, химики въ томъ, что изъ азота воздуха не могутъ приготовить пищи. Мы перебрали, кажется, все и, можетъ быть, только въ торговлѣ собой, врачи превосходятъ другихъ. Бросающимъ камни во врачей слѣдуетъ оглянуться на самихъ себя: ложь жизни, пронизывающая врачей, всецѣло охватила и всѣхъ остальныхъ отъ мала до велика; нужно призывать къ самоисправленію врачей, но не менѣе это необходимо и для остальныхъ интеллигентныхъ профессій. Повторяемъ, всѣ мы должны работать для измѣненія всѣхъ общихъ ненормальныхъ условій нашей жизни, но должны прежде всего помнить объ исправленіи самихъ себя; интеллигенція, считающая себя *свѣтомъ* для народа, должна устранить свои *пятна*, ибо получается совсѣмъ неправильное *освѣщеніе*.

Врачи имѣютъ *большой плюсъ* передъ многими другими спеціалистами: они постоянно идутъ на борьбу съ заразными болѣзнями, являются авангардомъ и главнымъ войскомъ въ этой жестокой безпощадной войнѣ, часто заражаются и нерѣдко гибнутъ или дѣлаются калѣками (низшій медицинскій персоналъ страдаетъ отъ этого еще больше); наконецъ, никто не оказываетъ такой массы *безплатной помощи*, не тратитъ такъ много времени и силъ на облегченіе страданій бѣдныхъ больныхъ. Имѣются ли у насъ безплатныя булочныя и столовыя, безплатныя учрежденія для подачи совѣтовъ по постройкамъ, по юриспруденціи *), обученію, много ли *личныхъ* безплатныхъ школъ, а безплатныя амбулаторіи есть почти во всѣхъ городахъ, и въ нихъ врачи работаютъ безъ всякой мзды отъ кого бы то ни было. А отдѣльные врачи, развѣ мало тратятъ они времени и средствъ на пріемъ безплатныхъ больныхъ (говорятъ, даже Захарьинъ изрѣдка давалъ безплатные совѣты), но всю эту колоссальную работу нельзя учесть: много незамѣтныхъ врачей—истинныхъ благотворителей—работаетъ въ уголкахъ нашего отечества, и узнаютъ объ ихъ дѣятельности—и то не всегда—только изъ некролога. Могутъ возразить, что безплатная практика многимъ нужна для рекламы, но другіе-то и для рекламы не дѣлаютъ этого. Не нужно также забывать, что *только одни врачи имѣютъ привилегію*, установленную закономъ,—оказывать безплатную помощь и *никогда* не отказывать въ помощи другимъ, подвергаясь въ противномъ случаѣ взысканіямъ.

Наконецъ, мы уже не разъ указывали, что спеціальность врача, заставляющая его вѣчно имѣть дѣло съ людскими страданіями, го-

*) Кажется, таковыя безплатныя консультаціи есть только въ столицахъ?

ремъ и смертью, вноситъ много безрадостнаго, мрачнаго въ жизнь врача. Къ тому же существуютъ спеціальные медицинскіе «Дамокловы мечи», которые могутъ опуститься ежеминутно надъ всѣми, даже самыми опытными и знаменитыми врачами, потому что наша наука не знаетъ еще многаго и не можетъ предусмотрѣть самыхъ печальныхъ случайностей: смерть при хлороформированіи, смерть отъ обычнаго, хорошо испытаннаго и сравнительно безобиднаго средства (вслѣдствіе такъ называемой идіосинкразіи), смерть подъ ножомъ хирурга отъ не могущей быть предусмотренной анатомической аномаліи. Все это бываетъ въ практикѣ самыхъ знаменитыхъ врачей. Оставляя уже въ сторонѣ осужденія публики, гамъ и крикъ газетъ, эти несчастные *неизбѣжные* случаи производятъ удручающее впечатлѣніе на врача, и нерѣдки случаи, что этотъ несчастный врачъ кончаетъ съ собой самоубійствомъ. Вѣроятно, у всѣхъ еще въ памяти случай проф. Коломнина; онъ впрыснулъ больной признанную опытомъ дозу кокаина, и она умерла. Несчастный профессоръ не перенесъ этого несчастья и покончилъ съ собой, и подобныя жертвы *безсилія науки* производятъ буквально оглушающее впечатлѣніе и на остальныхъ врачей. Еще болѣе ужасны случаи, когда врачу приходится терять больныхъ изъ-за своего *личнаго* безсилія и неумѣнья сдѣлать ту или другую операцію, буквально спасающую жизнь больному! Такія ужасныя минуты безсилія приходится переживать особенно деревенскимъ врачамъ, отъ которыхъ ближайшій товарищъ находится въ 30—60-ти и болѣе верстахъ. Я зналъ одного земскаго врача, желавшаго всю жизнь посвятить деревнѣ; онъ заболѣлъ нервной формой, и въ результатѣ явилась кровебоязнь, полная невозможность дѣлать операціи. Хотя хирургическіе случаи въ той мѣстности были довольно рѣдки, но онъ все-таки потерялъ нѣсколькихъ больныхъ; эти случаи такъ угнетали его и отравляли всю жизнь... у каждаго привезеннаго тяжелаго больного ему мерещилась брызжущая кровь... и онъ, промаявшись недолго съ своей кровебоязнью, бѣжалъ изъ деревни, а между тѣмъ, населеніе его очень любило и упрашивало остаться. Представителямъ другихъ профессій не приходится переживать подобныхъ тяжелыхъ минутъ, не приходится испытывать безсильной тоски, убивающей всякую жизнерадостность, какъ это вылилось въ слѣдующіихъ удачныхъ строкахъ В. Вересаева, описывающаго состояніе врача послѣ опустившагося надъ нимъ Дамоклова меча: «Я ѣхалъ назадъ. Надъ росистыми полями лежало тихое, радостное утро, небо звенѣло трелями жаворонковъ, въ нѣжно-зеленой тѣни рощи бѣлѣли стволы березъ,—такіе чистые и спокойные... Неужели мнѣ нигдѣ и никогда не суждено уже испытывать этотъ радостный, ничѣмъ не смущаемый покой?»

Вся тяжесть профессіи врача отзывается, конечно, тяжело на здоровьи и продолжительности жизни врачей. О частомъ самоубійствѣ среди русскихъ врачей и особенно земскихъ сообщено В. Вересае-

вымъ; дополнимъ это статистическими данными объ англійскихъ врачахъ: по Ogle («Врачъ», 1886 г., № 5) въ Англіи изъ 1.000 духовныхъ умираетъ ежегодно 15,9, ученыхъ вообще 19,9, юристовъ 20,2 и изъ врачей 25,5, слишкомъ въ 1½ раза больше, чѣмъ изъ духовныхъ. Ясно, что врачамъ въ общемъ живется не легко.

Нѣтъ, *врачи не хуже другихъ.*

Но *правы и тѣ,* которые недовольны настоящими врачами: *кому много дано, съ того много и спросится.* Врачамъ же дано больше другихъ; уже тотъ одинъ фактъ, что только для однихъ врачей существуютъ обязательныя статьи закона, доказываетъ, какъ высоко цѣнится значеніе врачей и безотлагательной помощи отъ нихъ. Затѣмъ, ничья дѣятельность не обставлена большей свободой, чѣмъ у врачей; они одни работаютъ *почти безконтрольно*; они держатъ въ своихъ рукахъ самое дорогое для людей: здоровье и жизнь; ихъ участіе неизбѣжно въ многихъ сторонахъ общественной жизни и во всѣхъ сторонахъ частной жизни отъ A до Z. Наконецъ, врачи должны считаться и съ тѣмъ, что ихъ профессія, не какъ нѣкоторыя другія, никогда не можетъ исчезнуть, какъ бы ни измѣнились условія всей нашей жизни; наоборотъ, участіе врачей въ устройствѣ правильной жизни будетъ становиться все болѣе и болѣе необходимымъ и желательнымъ, причемъ выдвинется, главнымъ образомъ, санитарная дѣятельность. Все это создаетъ *огромное вліяніе* врачебнаго дѣла и врачей, вліяніе на отдѣльныхъ людей и почти на всѣ стороны общественной и частной жизни. Но для того, чтобы имѣть это вліяніе и пользоваться имъ, врачи должны стоять на высотѣ своего призванія, свято выполнять гуманныя задачи своей науки и не пользоваться своимъ вліяніемъ для личныхъ и своекорыстныхъ цѣлей, быть «рыцарями безъ страха и упрека».

Это возможно только тогда, когда въ основѣ отношеній врачей къ публикѣ не будутъ лежать корыстные интересы, когда врачамъ не нужно будетъ *желать* больныхъ и *торговать собой,*—для этого всѣ врачи должны быть *общественными*—земскими, сельскими, городскими, групповыми, у которыхъ не должно быть никакихъ разсчетовъ съ отдѣльными больными. Только общественный врачъ можетъ быть истиннымъ блюстителемъ здоровья своего участка, такъ какъ *его интересы будутъ всецѣло совпадать, а не противорѣчить интересамъ населенія.* Вотъ только этотъ путь и даетъ тотъ выходъ, о которомъ мечтаетъ В. Вересаевъ, только у общественнаго врача можетъ явиться сознаніе, что мы, врачи, «лишь небольшая часть одного громаднаго, неразъединимаго цѣлаго, что исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу и успѣхъ».

Врачъ Д. Жбанковъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Марксъ.

*(Продолженіе *).*

Приступая къ критикѣ экономической теоріи Маркса, мы должны, прежде всего, остановиться на его своеобразной теоріи цѣнности. Какъ мы уже указывали, своеобразіе послѣдней заключается въ томъ, что цѣнность для Маркса есть не абстрактная основа конкретнаго явленія цѣны, а нѣчто совершенно иное—человѣческій трудъ, овеществленный въ товарѣ. Именно этотъ центральный пунктъ теоріи цѣнности Маркса и долженъ, прежде всего, привлечь наше вниманіе.

Быть можетъ, нововведеніе Маркса только терминологическаго свойства? Другіе экономисты именуютъ цѣнностью одну экономическую категорію, авторъ «Капитала»—другую. Всякій ученый свободенъ въ выборѣ терминологіи—во всякомъ случаѣ, при оцѣнкѣ терминологіи можетъ быть рѣчь о ея большей или меньшей цѣлесообразности, но отнюдь не объ ея объективной истинности или ложности.

Нѣтъ, дѣло тутъ совсѣмъ не въ терминологіи. Положивъ въ основу своей теоріи цѣнности совершенно иную категорію—трудовой стоимости—Марксъ сдѣлалъ чрезвычайно важный и многозначительный шагъ въ построеніи своей научной системы. Именно это принципіальное отожествленіе двухъ различныхъ экономическихъ категорій—цѣнности и стоимости—есть первородный грѣхъ экономической системы марксизма.

Чтобы понять ошибку Маркса, нужно, прежде всего, уяснить себѣ содержаніе и смыслъ экономической категоріи стоимости. Для русскаго читателя это тѣмъ необходимѣе, что, благодаря крайне неудачной экономической терминологіи перваго русскаго перевода «Капитала», въ нашей литературѣ прочно воцарилась совершенная путаница понятій цѣнности и стоимости. Многіе русскіе экономисты видятъ въ обоихъ терминахъ просто синонимы. На самомъ же дѣлѣ это не синонимы, а совершенно различныя и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположныя экономи-

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ, 1902 г.

ческія понятія, столь же противоположныя, какъ понятія получки и затраты, дохода и расхода.

Подъ *стоимостью* какого-либо хозяйственнаго предмета слѣдуетъ разумѣть *хозяйственную затрату*, совершонную для пріобрѣтенія этого предмета. Подъ *трудовой стоимостью* нужно понимать *трудъ*, затраченный на производство хозяйственнаго предмета. Напротивъ, *цѣнностью* мы называемъ *хозяйственное значеніе* даннаго предмета. Понятіе *мѣновой цѣнности* совершенно совпадаетъ съ понятіемъ *покупательной силы*. Оно обозначаетъ собой возможность пріобрѣсть, въ обмѣнъ на данный предметъ, то или иное количество другихъ хозяйственныхъ предметовъ. Мѣновая цѣнность есть абстрактное понятіе, конкретнымъ выраженіемъ котораго является *цѣна* предмета—конкретное количество предметовъ опредѣленнаго рода, отдаваемое въ обмѣнъ на данный предметъ. Цѣна обыкновенно выражается въ деньгахъ, такъ какъ въ денежномъ хозяйствѣ деньги являются орудіемъ обмѣна.

Хозяйственная дѣятельность человѣка стремится къ возможно полному удовлетворенію его потребностей. Но наши ощущенія распадаются на два класса—пріятныя и непріятныя ощущенія, ощущенія наслажденія и страданія. Страданіе и наслажденіе являются двумя противоположными полюсами человѣческой жизни. Хозяйственная дѣятельность всецѣло заключена между этими двумя полюсами—ея задача состоитъ въ томъ, чтобы довести до максимума наслажденіе и до минимума страданіе.

Элементъ наслажденія пріурочивается въ хозяйственной жизни къ предметамъ потребленія, создаваемымъ нами для удовлетворенія нашихъ потребностей. Именно въ силу этого, предметы хозяйства пріобрѣтаютъ для насъ *цѣнность*. Какъ мы видѣли въ одномъ изъ предшествовавшихъ «очерковъ» (при разборѣ ученій австрійской школы), цѣнность хозяйственнаго предмета устанавливается не чѣмъ инымъ, какъ предѣльной полезностью послѣдняго. Но наслажденіе, вытекающее изъ потребленія, не исчерпываетъ собой всей задачи хозяйства,—это только одна половина ея. Другая половина задачи состоитъ въ уменьшеніи страданія, сопутствующаго человѣческой дѣятельности, въ экономизированіи самого человѣка. Хозяйственный трудъ, какъ и всякій другой трудъ, отнюдь не всегда доставляетъ непріятныя ощущенія работнику, не всегда есть страданіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что всякій трудъ, какъ бы онъ ни былъ пріятенъ, становится страданіемъ, если продолжается дольше извѣстнаго срока. Быть можетъ, слѣдуетъ согласиться съ Джевонсомъ, что трудъ, какъ общее правило, требуетъ въ первыя минуты послѣ начала работы извѣстнаго болѣе или менѣе непріятнаго усилія съ нашей стороны для приведенія нашихъ органовъ въ дѣятельное состояніе; затѣмъ наступаетъ моментъ, когда трудъ можетъ доставлять положительное удовольствіе; но чѣмъ продолжительнѣе работа, тѣмъ меньше удовольствія получаемъ мы отъ нея. Наконецъ,

за извѣстнымъ пунктомъ, трудъ становится тягостнымъ и непріятнымъ, и его тягостность, при дальнѣйшемъ увеличеніи продолжительности работы, возрастаетъ чрезвычайно быстро. Первыя минуты физическаго труда обыкновенно непріятны, затѣмъ часъ, другой работы можетъ доставлять удовольствіе, но шестой или восьмой часъ работы не бываютъ уже пріятны, а 12-й или 14-й часъ причиняютъ положительное страданіе *).

Теперь спрашивается, на какомъ пунктѣ долженъ останавливаться хозяйственный трудъ человѣка, т.-е. долженъ ли онъ переходить за границу, за которой пріятная работа превращается въ тягостную и непріятную, или же нѣтъ? Вопросъ этотъ превосходно разъясненъ Джевонсомъ, который иллюстрируетъ его въ своей замѣчательной книгѣ «Theory of Political Economy» графически, изображая на схематическомъ рисункѣ кривую труда. Горизонтальная ось отдѣляетъ лежащую внизу область страданія отъ вышележащей области наслажденія. Кривая начинается внизу въ области страданія, затѣмъ переходитъ на нѣкоторое время выше, въ область наслажденія, но затѣмъ опять возвращается внизъ, въ область страданія. Гдѣ же долженъ остановиться хозяйственный трудъ?

Простое соображеніе показываетъ, что прекратить хозяйственный трудъ до того момента, когда онъ становится непріятнымъ, несогласно съ хозяйственнымъ разсчетомъ. Результатомъ хозяйственнаго труда является созданіе полезныхъ предметовъ, увеличивающихъ наше благополучіе; пока и трудъ, самъ по себѣ, остается пріятнымъ и полезнымъ упражненіемъ нашихъ силъ, до тѣхъ поръ, очевидно, нелѣпо его прекращать, ибо, благодаря ему, мы выигрываемъ вдвойнѣ—создаемъ полезные для насъ предметы и заняты пріятной дѣятельностью. Остановить трудъ на томъ пунктѣ, гдѣ онъ безразличенъ, не доставляетъ намъ ни пріятнаго, ни непріятнаго ощущенія, было бы также неразумно, такъ какъ, если трудъ безразличенъ и въ то же время создаетъ полезные продукты,—значитъ, наше благополучіе въ результатѣ труда возрастаетъ. Мы должны, очевидно, продолжить трудъ въ область непріятныхъ ощущеній, и притомъ должны тѣмъ болѣе углубиться въ эту область, чѣмъ выше полезность продуктовъ труда. Полезность послѣднихъ, согласно основному закону предѣльной полезности, должна падать по мѣрѣ увеличенія ихъ количества—иначе говоря, продолжительности труда; страданіе же отъ чрезмѣрнаго труда должно соотвѣтственно возрастать. На извѣстномъ пунктѣ полезность продуктовъ труда

*) Дѣло здѣсь, разумѣется, не только въ тѣхъ непосредственныхъ ощущеніяхъ, которыми сопровождается процессъ работы, но и въ общемъ вліяніи труда на наше здоровье и состояніе организма. Чрезмѣрный умственный трудъ можетъ непосредственно доставлять огромное наслажденіе; но если такая форсированная работа разстраиваетъ наши силы и здоровье, то она, въ окончательномъ итогѣ, причиняетъ намъ страданіе.

должна сравняться съ непріятными ощущеніями, получаемыми нами отъ труда. Именно здѣсь мы должны прекратить трудъ; если бы мы прекратили его раньше этого пункта, то мы потеряли бы нѣкоторый избытокъ наслажденія, получающійся отъ превышенія пріятныхъ ощущеній, доставляемыхъ продуктами труда, сравнительно съ непріятными ощущеніями самого труда; наоборотъ, если бы мы продолжили трудъ далѣе этого пункта, то непріятныя ощущенія или вредъ самого труда перевѣсили бы пользу отъ продуктовъ послѣдняго. Слѣдовательно, хозяйственный принципъ требуетъ пріостановить трудъ на томъ самомъ пунктѣ, не раньше и не позже, гдѣ непріятныя ощущенія процесса работы (или ущербъ для нашего организма отъ самой работы) какъ разъ равны пріятнымъ ощущеніямъ отъ трудового продукта (или пользѣ отъ послѣдняго для нашего организма).

При капиталистическомъ способѣ производства дѣло, однако, значительно усложняется и указанный хозяйственный принципъ не можетъ получить осуществленія. Въ приведенномъ анализѣ Джевонсъ исходитъ изъ предположенія, что продуктъ труда принадлежитъ тому же, на комъ лежитъ и трудъ производства. Но въ капиталистическомъ хозяйствѣ рабочему нѣтъ дѣла до полезности продукта, ибо продуктъ труда принадлежитъ капиталисту, а не рабочему—капиталисту же нѣтъ дѣла до утомительности труда, ибо трудъ падаетъ на рабочаго, а не на капиталиста. Затѣмъ, при крупномъ производствѣ продолжительность труда каждаго отдѣльнаго рабочаго не можетъ измѣняться въ зависимости отъ индивидуальныхъ соображеній участниковъ производства, а должна быть, по техническимъ условіямъ, одна и та же для обширныхъ группъ рабочихъ. Всѣ рабочіе на данной фабрикѣ должны работать, напр., 10 или 12 часовъ,—этого требуетъ техника фрабричнаго производства. Быть можетъ, многіе рабочіе согласились бы пожертвовать значительной долей своего заработка, лишь бы сократить продолжительность рабочаго дня; но и они принуждены подчиниться господствующему на данной фабрикѣ распредѣленію работы, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, фабрикантъ совсѣмъ не станетъ ихъ держать. Въ каждомъ индивидуальномъ рабочемъ договорѣ продолжительность рабочаго дня является для отдѣльнаго рабочаго фиксированной величиной и рабочему предоставляется на его усмотрѣніе—совсѣмъ отказаться отъ работы или же работать столько времени, сколько принято на данной фабрикѣ. А такъ какъ отказаться отъ работы рабочій обыкновенно не можетъ (ибо неимѣніе работы было бы для него равносильнымъ голодной смерти), то продолжительность рабочаго дня можетъ достигать, при капиталистическомъ способѣ производства, крайнихъ предѣловъ работоспособности рабочаго. Рабочій прекрасно сознаетъ губительность для своего организма чрезмѣрнаго труда, но онъ не обладаетъ силой для защиты своихъ интересовъ. Для капиталиста же утомительность чрезмѣрнаго труда рабочаго такъ же мало ощутима,

какъ и работа лошади. Поэтому, тенденція къ удлиненію рабочаго дня далеко за его нормальные предѣлы, устанавливаемые вышеуказаннымъ хозяйственнымъ принципомъ, заложена въ самомъ существѣ капиталистическаго способа производства.

Рабочій день въ капиталистическомъ хозяйствѣ углубляется въ область страданія несравненно больше, чѣмъ этого требуетъ хозяйственный принципъ. Вотъ почему борьба за сокращеніе рабочаго дня играетъ такую выдающуюся роль въ современномъ рабочемъ движеніи всего міра. Весьма часто рабочіе охотно соглашаются на уменьшеніе своего скуднаго заработка, лишь бы ограничить продолжительность чрезмѣрнаго труда, не только до крайности утомляющаго и изнуряющаго рабочаго физически, но и уродующаго его организмъ, притупляющаго рабочаго умственно, препятствующаго участію рабочаго класса въ политической и общественной жизни страны, разрушающаго семейный очагъ рабочаго, дѣлающаго изъ рабочаго въ полномъ смыслѣ слова рабочую машину, существующую для тягостнаго и безсмысленнаго труда въ пользу капиталиста, и непригодную не для чего, кромѣ этого труда. Однако, самъ рабочій никакъ не можетъ стать на эту точку зрѣнія и признать себя за такую машину: онъ чувствуетъ себя человѣкомъ, который работаетъ, чтобы жить, а не живетъ, чтобы работать. Отсюда вытекаютъ соціальные конфликты нашего времени и, прежде всего, борьба за освобожденіе рабочаго отъ тягостей чрезмѣрнаго труда. Главнымъ содержаніемъ соціальнаго законодательства капиталистической эпохи являются разнаго рода законодательныя нормы, ограничивающія и регулирующія продолжительность рабочаго дня. Но не подлежитъ сомнѣнію, что предѣлъ сокращенію рабочаго дня еще далеко не достигнутъ, и что рабочій день, господствующій даже въ передовыхъ странахъ капиталистическаго міра, далеко переходитъ нормальныя границы, устанавливаемыя вышеуказаннымъ хозяйственнымъ принципомъ, почему сокращеніе рабочаго дня продолжаетъ, съ полнымъ основаніемъ, занимать первое мѣсто въ ряду требованій рабочаго класса.

Итакъ, хозяйственный трудъ даже при самыхъ идеальныхъ условіяхъ долженъ переходить за черту непосредственнаго удовольствія отъ процесса работы и не пріостанавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ болѣе или менѣе тягостнымъ. Хозяйство—не игра и не забава, а тяжелое бремя, лежащее на человѣкѣ. Что же касается до капиталистическаго способа производства, то при этомъ строѣ хозяйства чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня становится огромнымъ, подавляющимъ соціальнымъ зломъ, съ которымъ борятся какъ сами рабочіе, такъ и государство.

Во всякомъ случаѣ, ясно, что хозяйственная дѣятельность человѣка есть процессъ, заключенный между двумя полюсами—наслажденіемъ и страданіемъ. Положительнымъ полюсомъ хозяйственнаго процесса

является наслажденіе и польза, доставляемыя намъ потребленіемъ хозяйственныхъ продуктовъ, отрицательнымъ—страданіе и затрата силъ нашего организма, неизбѣжно сопровождающія хозяйственный трудъ. Экономическая категорія цѣнности располагается на первомъ, положительномъ, полюсѣ, экономическая категорія стоимости—на второмъ, отрицательномъ, полюсѣ.

Соотвѣтственно этому, основной хозяйственный принципъ требуетъ не только возможнаго увеличенія наслажденія, но и возможнаго уменьшенія страданія—достиженія наибольшаго удовлетворенія нашихъ потребностей съ наименьшей затратой силъ.

Въ чемъ же заключается эта затрата силъ, къ уменьшенію которой до минимума стремится хозяйство? Если мы будемъ разсматривать хозяйственный процессъ абстрактно, независимо отъ его исторической формы, то единственнымъ абсолютнымъ элементомъ затраты мы должны будемъ признать хозяйственный трудъ.

Родбертусъ былъ безусловно правъ, утверждая, что «всѣ блага стоятъ труда и только труда». Но понятіе стоимости было недостаточно выработано у этого геніальнаго экономиста, благодаря чему въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ идей онъ самъ уклонился отъ истиннаго пути и оказался не въ силахъ построить законченную теорію стоимости и цѣнности, какъ двухъ самостоятельныхъ экономическихъ категорій. Рѣшеніемъ именно этой задачи мы и заняты въ настоящее время.

Мы видѣли, что хозяйственный процессъ заключенъ между двумя полюсами—наслажденіемъ и страданіемъ. Хозяйственный принципъ требуетъ какъ увеличенія наслажденія, такъ и уменьшенія страданія. Наше благополучіе зависитъ въ равной мѣрѣ отъ обоихъ этихъ моментовъ. По справедливому замѣчанію остроумнаго, хотя и неглубокаго Эффертца «человѣкъ, принужденный работать 18 часовъ въ сутки, такъ же несчастенъ, какъ и человѣкъ, которому нечего ѣсть, какимъ бы богатствомъ ни обладалъ первый и сколько бы свободнаго времени ни было въ распоряженіи второго» («Arbeit und Boden», 1897. B. I, S. 64). Категорія *цѣнности* является показателемъ нашего благополучія, поскольку послѣднее зависитъ отъ предметовъ нашего хозяйства, которыми мы владѣемъ. Какая же экономическая категорія располагается на противоположномъ, отрицательномъ, полюсѣ хозяйства? Категорія *стоимости*.

Къ предметамъ, имѣющимъ цѣнность, мы стремимся, стоимости же мы избѣгаемъ. Если называть цѣнностью положительные элементы хозяйства, а стоимостью—отрицательные, то единственной абсолютной стоимостью можно будетъ признавать человѣческій трудъ, ибо только въ трудѣ заложенъ въ хозяйственной жизни элементъ страданія, которое хозяйство стремится свести къ минимуму. «Только человѣкъ можетъ что-либо стоить». Работа лошади такъ же необходима для земледѣльца, какъ и его собственный трудъ. Почему же не призна-

вать стоимостью также и лошадиную работу? Потому, что субъектомъ хозяйства въ человѣческомъ хозяйствѣ является человѣкъ, а не лошадь—наша собственная работа есть трата силъ нашего организма, затрата насъ самихъ, свою работу мы чувствуемъ, какъ усиліе или даже положительное страданіе, а работа лошади не есть затрата нашего организма и столь же мало ощущается нами, какъ и паденіе воды, двигающей мельничныя колеса. Въ обществѣ лошадей единственной стоимостью была бы работа лошадей, а человѣческій трудъ не былъ бы стоимостью. Точно также въ обществѣ людей единственной абсолютной стоимостью можно считать человѣческій трудъ—и ничего больше.

Противъ этой точки зрѣнія можно сдѣлать слѣдующее возраженіе. Человѣкъ долженъ относиться хозяйственнымъ образомъ не только къ своему труду и къ продуктамъ своего труда, но и ко многимъ предметамъ, которые не стоили ему никакого труда. Возьмемъ, напр., землю, тамъ, гдѣ ея мало. Земля можетъ пріобрѣтать въ этомъ случаѣ очень высокую цѣну, и хозяинъ принужденъ очень бережливо расходовать естественныя производительныя силы земли, хотя бы въ созданіи ихъ его трудъ не принималъ ровно никакого участія. Или, напр., возьмемъ дико растущій лѣсъ. Развѣ при пользованіе имъ (если лѣса мало) человѣкъ не соблюдаетъ такой же экономіи, какъ и при пользованіи лѣсомъ, выращеннымъ его собственнымъ трудомъ? Родбертусъ признаетъ «хозяйственными благами» только блага, созданныя человѣческимъ трудомъ *). Но развѣ дикій лѣсъ въ нашемъ примѣрѣ не есть хозяйственное благо (т.-е. благо, къ которому мы относимся хозяйственнымъ образомъ) совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ и лѣсъ, искусственно разведенный?

Да, конечно, Родбертусъ неправъ, и къ числу хозяйственныхъ благъ относятся далеко не одни продукты нашего труда. Но это возраженіе относится къ Родбертусу, а не къ намъ; развиваемая нами здѣсь теорія *стоимости* отнюдь не совпадаетъ съ теоріей *цѣнности* Родбертуса. Для автора «Соціальныхъ писемъ» трудъ есть единственная субстанція не только *стоимости*, но и *цѣнности*. Именно поэтому Родбертусъ не могъ признавать *хозяйственными* благами (т.-е. благами, имѣющими цѣнность — оцѣнка блага есть выраженіе хозяйственнаго отношенія къ нему) предметы, не созданные человѣческимъ трудомъ. Мы же категорически отрицаемъ, чтобы трудъ былъ субстанціей *цѣнности*; но тѣмъ рѣшительнѣе мы настаиваемъ, что единственной субстанціей *стоимости* въ ея абсолютной формѣ является человѣческій трудъ.

Отсюда ясно, что приведенное возраженіе, уничтожающее для теоріи

*) «Только блага, стоющія труда, суть хозяйственныя блага». Rodbertus. «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände», 1842, S. 6.

Родбертуса (какъ и Маркса), совершенно не затрогиваетъ нашей теоріи. Мы признаемъ, что объектомъ хозяйственнаго отношенія съ нашей стороны являются какъ продукты нашего труда, такъ и многія естественныя блага природы (если запасъ ихъ въ нашемъ распоряженіи ограниченъ). Мы далеки отъ мысли отождествлять *хозяйственныя* блага съ продуктами человѣческаго труда. Первое понятіе шире второго — хозяйственныя блага суть, во-первыхъ, естественныя блага природы, количество которыхъ въ нашемъ распоряженіи недостаточно для покрытія нашихъ потребностей въ нихъ, и, во-вторыхъ, продукты нашего труда. Но, несомнѣнно, только трудовые продукты требуютъ для своего возникновенія извѣстной жертвы, лишенія со стороны человѣка. Предметы, не созданные человѣческимъ трудомъ—естественныя блага природы—суть, съ человѣческой точки зрѣнія, *даровыя блага*.

Противъ этого трудно возражать. Очевидно, между метеоритомъ, упавшимъ изъ небесныхъ пространствъ на наше поле, и желѣзной рудой, добытой трудомъ человѣка изъ рудника, существуетъ, съ экономической точки зрѣнія, глубокое и принципіальное различіе. Оба предмета могутъ имѣть совершенно одинаковую *цѣнность* — оба они могутъ быть одинаково пригодны для добыванія желѣза, но *стоимость* ихъ глубоко различна.

Метеоритъ есть въ полномъ смыслѣ слова даровое благо природы—его стоимость равна нулю. Желѣзная же руда стоила труда человѣка—она обладаетъ абсолютной трудовой стоимостью. Метеоритъ только съ одной стороны входитъ въ составъ нашего хозяйства—онъ есть хозяйственное благо и, слѣдовательно, увеличиваетъ сумму хозяйственныхъ предметовъ въ нашемъ распоряженіи, увеличиваетъ сумму пользы, извлекаемой нами изъ хозяйства. Желѣзная же руда, кромѣ этого, входитъ въ составъ нашего хозяйства и съ совершенно иной стороны: она выражаетъ собой извѣстное лишеніе, пожертвованіе своими силами, своимъ благосостояніемъ и досугомъ, которое требуется отъ работника для того, чтобы своимъ трудомъ добыть изъ рудника руду. Метеоритъ обладаетъ только цѣнностью, а желѣзная руда какъ цѣнностью, такъ и стоимостью. Точно также дѣвственная почва обладаетъ только цѣнностью, а хлѣбъ — кромѣ того, и стоимостью.

Итакъ, мы видимъ, что хозяйственныя (цѣнныя) блага распадаются по двѣ группы: блага, имѣющія стоимость (продукты человѣческаго труда) и не имѣющія ея, даровыя блага (предметы, не произведенные трудомъ человѣка). Ошибка Родбертуса заключалась въ томъ, что онъ отожествилъ понятіе даровыхъ благъ съ понятіемъ нехозяйственныхъ благъ; на самомъ же дѣлѣ даровыя блага могутъ обладать цѣнностью и требовать къ себѣ хозяйственнаго отношенія съ нашей стороны.

Человѣческій трудъ является, такимъ образомъ, единственной субстанціей абсолютной стоимости. Но отъ этой абсолютной стоимости нужно отличать относительную стоимость. *Абсолютная* стоимость есть экономическая категорія, противоположная цѣнности, подобно тому, какъ страданіе противоположно наслажденію. Напротивъ, *относительной* стоимостью является всякая цѣнность, разсматриваемая не какъ цѣль, а какъ средство для пріобрѣтенія другой цѣнности. Возьмемъ, напр., процессъ производства; въ чемъ заключается для общества абсолютная стоимость произведеннаго продукта (т.-е. какого абсолютнаго пожертвованія производство требуетъ отъ общества)? Изъ предыдущаго видно, что только затраченный на производство общественный трудъ образуетъ искомую абсолютную стоимость продукта. Но относительная стоимость продукта можетъ выражаться также и въ матеріалахъ, затраченныхъ при изготовленіи продуктовъ. Такъ мы можемъ разсчитывать (и, дѣйствительно, разсчитываемъ), сколько пудовъ руды, каменнаго угля, вспомогательныхъ матеріаловъ необходимо затратить для выплавки одного пуда желѣза. Стоимость пуда желѣза можетъ быть выражена въ пудахъ руды, каменнаго угля и пр. Но, очевидно, категорія стоимости имѣетъ въ этомъ случаѣ совершенно иной смыслъ, чѣмъ тогда, когда она выражаетъ собой затрату рабочей силы человѣка. Затрата труда есть абсолютное пожертвованіе силами человѣческаго организма; человѣческая работа—это расходованіе самого человѣка, т.-е. субъекта хозяйства. Напротивъ, расходованіе руды, каменнаго угля и пр. отнюдь не составляетъ расходованіе человѣческихъ силъ. Каменный уголь или руда—это объекты, а не субъектъ хозяйства. Правда, уголь и руда обладаютъ цѣнностью, и, слѣдовательно, непроизводительное уничтоженіе этихъ предметовъ должно уменьшить благосостояніе общества. Именно по этой причинѣ мы относимся бережливо къ объективнымъ средствамъ производства, стараемся утилизировать ихъ возможно полнѣе. Но все же средства производства не представляютъ собой части человѣка, и, расходуя ихъ, человѣкъ не расходуетъ самого себя.

Мы выражаемъ стоимость продукта въ средствахъ производства лишь постольку, поскольку послѣднія обладаютъ *цѣнностью*. Вода или воздухъ не обладаютъ цѣнностью, и потому они игнорируются при разсчетѣ стоимости продукта. Отсюда видно, что когда мы выражаемъ стоимость одного продукта въ другихъ продуктахъ, то понятіе стоимости разсматривается нами не какъ самостоятельная экономическая категорія, противоположная категоріи цѣнности, а какъ производная категорія цѣнности. Относительная стоимость (т.-е. стоимость, выражаемая въ продуктахъ, а не въ человѣческой рабочей силѣ) есть, слѣдовательно, не что иное, какъ та же категорія цѣнности, разсматриваемой не какъ цѣль, а какъ средство.

Напротивъ, при выраженіи стоимости продукта въ трудѣ, мы со

вершенно отвлекаемся отъ категоріи цѣнности. Продуктъ труда можетъ не имѣть никакой цѣнности—напр., вода, добытая путемъ химическаго синтеза изъ водорода и кислорода—но трудовую стоимость онъ все же будетъ имѣть, онъ *стоилъ* намъ труда и усилій, фактъ трудовой затраты остается. Многіе научные опыты требуютъ огромныхъ хозяйственныхъ затратъ; хотя бы они и не приводили къ созданію какихъ-либо хозяйственныхъ цѣнностей, мы разсчитываемъ хозяйственную *стоимость* этихъ опытовъ. Мы цѣнимъ свой трудъ не потому, (или не только потому), что при его помощи мы можемъ пріобрѣсти хозяйственные предметы. Нѣтъ, нашъ трудъ—это мы сами, наша бережливость по отношенію къ своему труду имѣетъ такой же первичный, а не производный характеръ, какъ и наша бережливость по отношенію къ предметамъ нашего удовольствія и удобства. Трудовая стоимость есть такой же важный и самостоятельный моментъ нашего хозяйства, какъ и цѣнность.

Поэтому, необходимо строго различать абсолютную (трудовую) стоимость отъ относительной стоимости (выраженія стоимости одного цѣннаго предмета въ цѣнности другихъ цѣнныхъ предметовъ). Различіе этихъ обѣихъ категорій выступаетъ особенно ярко въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ. При господствѣ обмѣна всякая цѣнность можетъ быть средствомъ для пріобрѣтенія другой цѣнности. На деньги можно все купить; и мы видимъ, что въ современномъ хозяйствѣ стоимость любого предмета обычно выражается въ деньгахъ, которыя расходуются при покупкѣ этого предмета.

Дико растущій лѣсъ или дѣвственная почва не заключаютъ въ себѣ ни атома человѣческаго труда. Человѣчество и то, и другое получаетъ отъ природы даромъ. Но и земля и лѣсъ могутъ имѣть цѣнность—слѣдовательно, могутъ быть и проданы за опредѣленную цѣну. Для лица, купившаго лѣсъ или землю, эти цѣнные объекты отнюдь не являются даровыми благами природы: онъ заплатилъ за нихъ деньги, пожертвовалъ для ихъ пріобрѣтенія вполнѣ реальными цѣнностями. Денежная сумма, заплаченная за землю, есть *стоимость* послѣдней въ глазахъ пріобрѣтателя земли. Такимъ образомъ, съ частно-хозяйственной точки зрѣнія, даровыя блага пріобрѣтаютъ въ мѣновомъ оборотѣ, стоимость, подобно благамъ, созданнымъ человѣческимъ трудомъ. Но эта стоимость есть относительная, частно-хозяйственная, а не абсолютная, общественная, стоимость, такъ какъ она имѣетъ условное значеніе и производный характеръ, представляя собой лишь иное выраженіе категоріи цѣнности. Съ точки зрѣнія всего общества, земля остается и въ мѣновомъ хозяйствѣ даровымъ благомъ, лишеннымъ стоимости, ибо общество, какъ цѣлое, ничего не затратило для пріобрѣтенія земли. И только съ частно-хозяйственной точки зрѣнія можно приписывать стоимость землѣ, подобно тому, какъ только съ частно-хозяйственной точки зрѣнія долговой документъ есть богатство.

Характерная для капиталистическаго строя категорія «издержекъ производства» есть одна изъ формъ выраженія относительной стоимости. «Истинная стоимость товара (т.-е., по нашей терминологіи, абсолютная стоимость. *М. Т—Б.*) измѣряется затратой труда, капиталистическая же стоимость—затратой капитала». («Die kapitalistische Kost der Waare misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost der Waare an der Ausgabe in Arbeit». «Das Kapital» III[1] S. 2).

Издержки производства представляютъ собой капиталистическій способъ опредѣлять относительную стоимость товара. Такъ какъ самъ капиталистъ не принимаетъ участія въ трудѣ производства, то, понятно, абсолютная, трудовая стоимость его нисколько не интересуетъ. Для капиталиста совсѣмъ не важно знать, сколько труда заключено въ товарѣ, такъ какъ этотъ заключенный въ товарѣ трудъ есть не его, капиталиста, а чужой трудъ. Съ точки зрѣнія капиталиста, трудъ рабочаго ничѣмъ не отличается отъ работы лошади или машины.

Англичане очень мѣтко и характерно называютъ нѣкоторые способы капиталистической эксплуатаціи рабочаго sweating system—системой выжиманія пота. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ господствуетъ эта система, (преимущественно, домашнее производство разныхъ мелкихъ издѣлій по заказамъ капиталистовъ-торговцевъ) поставляютъ весьма дешевые продукты, дешевизна которыхъ основывается на крайне низкой оплатѣ труда. Въ продуктахъ этихъ содержится чудовищное количество человѣческаго пота. Рабочій день при господствѣ sweating system необычайно продолжителенъ и переходитъ всѣ нормальныя границы, но, несмотря на огромную трудовую стоимость продуктовъ sweating system, капиталистъ можетъ продавать ихъ по ничтожной цѣнѣ, такъ какъ цѣна, заплаченная имъ самимъ за трудъ производства, еще ниже. Понятно, что свои собственныя усилія, свой собственный потъ, капиталистъ, какъ и всякій другой человѣкъ, не могъ бы цѣнить низко. Но вѣдь это потъ и усилія рабочаго, столь же мало ощущаемыя капиталистическимъ заказчикомъ, какъ и усилія лошади, которую гонятъ, чтобы она бѣжала скорѣе. Единственное, что близко знакомо капиталисту и что ему важно знать—это затрата капитала, которой потребовало производство, затрата, исходя изъ которой нашъ капиталистъ устанавливаетъ продажную цѣну товара. Категорія трудовой стоимости совершенно отсутствуетъ въ сознаніи капиталистическаго предпринимателя и подмѣняется въ этомъ сознаніи иной категоріей—издержекъ производства.

Остановимся на этой своеобразной категоріи капиталистическаго способа производства. Ея характерная особенность заключается въ томъ, что она совершенно скрываетъ основное и глубочайшее хозяйственное различіе — различіе субъекта и объекта хозяйства — человѣка и предметовъ его дѣятельности. Въ издержкахъ производства фигурируютъ рядомъ и безъ всякаго различія, какъ моменты оди-

наковаго порядка, стоимость рабочей силы (заработная плата) и стоимость сырого матеріала, инструментовъ, построекъ и прочихъ объективныхъ средствъ производства. Это приравниваніе человѣка вещи вытекаетъ изъ самаго существа капиталистическаго способа производства—изъ работы по найму. Трудъ (рабочая сила) въ капиталистическомъ хозяйствѣ такой же товаръ, какъ и всѣ остальные; поэтому, при подсчетѣ стоимости производства, капиталистическій предприниматель не имѣетъ никакого основанія проводить различіе между человѣкомъ и орудіемъ труда—субъективнымъ и объективными факторами производства. Для капиталиста рабочій есть такой же хозяйственный объектъ, какъ и машина. Выраженіемъ этого является столь ирраціональная, съ точки зрѣнія общества, категорія издержекъ производства, въ которой трудящійся человѣкъ фигурируетъ наравнѣ съ машиной и каменнымъ углемъ, въ которой координируются субъектъ и объектъ хозяйства.

Издержки производства представляютъ собой присущую капиталистическому сознанію форму стоимости производства. Именно по этой причинѣ современная экономическая мысль такъ отвращается отъ идеи, что только трудъ есть стоимость въ своей абсолютной формѣ. Но трудъ остается единственной абсолютной стоимостью и въ капиталистическомъ хозяйствѣ, какъ и во всякомъ иномъ, ибо капиталистическое хозяйство есть все же человѣческое хозяйство. Отвлечемся отъ интересовъ частнаго хозяина-капиталиста и посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія всего общества въ его цѣломъ. Въ чемъ состоитъ затрата общества въ процессѣ общественнаго производства? Очевидно, она состоитъ не въ «издержкахъ производства»—не въ суммахъ, уплачиваемыхъ одними членами общества другимъ членамъ того же общества за тѣ или иныя полезныя дѣйствія или за тѣ или иные товары. Вѣдь то, что есть для одного уплата, есть для другого получка—то, что составляетъ расходъ для однихъ, есть приходъ для другихъ. Вся сумма, образующая собой «издержки производства» и израсходованная нашимъ предпринимателемъ, вошла въ чей-либо валовой или чистый приходъ. Слѣдовательно, издержки производства отнюдь не представляютъ собой чистой затраты общества.

Изъ чего же слагается эта затрата? Быть можетъ, изъ матеріальныхъ предметовъ, уничтоженныхъ въ процессѣ производства—изъ сожженныхъ дровъ, каменнаго угля, израсходованнаго сырья, потребленныхъ машинъ, инструментовъ, вспомогательныхъ матеріаловъ, производительныхъ силъ земли и пр.? Опять-таки нѣтъ—потребленіе всѣхъ этихъ элементовъ богатства не есть расходованіе общественныхъ силъ. По мнѣнію Эффертца, стоимость производства слагается изъ затратъ двоякаго рода—затратъ самого человѣка и затратъ матеріальныхъ вещей, иначе говоря, затраты труда и затраты зѣмли. Но мы уже говорили, что «затрата земли» (Bodenkosten) есть нѣчто совершено иное, чемъ затрата труда

Земля и въ капиталистическомъ хозяйствѣ остается, съ общественной точки зрѣнія, въ полномъ смыслѣ слова даровымъ благомъ. Земля ничего не стоила обществу—не обладая стоимостью, она не можетъ быть, съ общественной точки зрѣнія, и элементомъ стоимости, не можетъ входить въ составъ стоимости затраты. Правда, земля обладаетъ для всего общества, какъ и для частнаго лица, цѣнностью. Но вѣдь цѣнность не есть стоимость. Даровое благо, войдя въ составъ другого блага, все же остается даровымъ благомъ. Если дико растущій лѣсъ не обладаетъ никакой стоимостью, то нѣтъ основанія приписывать этому даровому матеріалу стоимость въ томъ случаѣ, если онъ пошелъ на постройку дома. Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что единственной чистой затратой общества въ процессѣ общественнаго производства (будетъ ли это капиталистическое производство или какое-либо иное) является затраченный на производство общественный трудъ. Лишь въ относительномъ смыслѣ слова можно говорить о стоимости земли, какъ и другихъ предметовъ внѣшняго міра, не созданныхъ человѣкомъ. Но абсолютной стоимостью является только самъ человѣкъ, а слѣдовательно, и его трудъ, безъ котораго мы не можемъ себѣ представить хозяйства.

Итакъ, и при капиталистическомъ способѣ производства трудовая затрата есть единственная стоимость въ абсолютномъ смыслѣ. Эта абсолютная (трудовая) стоимость скрывается, однако, отъ капиталистическаго сознанія подъ совершенно иной специфически-капиталистической категоріей—издержекъ производства. Трудовая затрата столь же реальна въ капиталистическомъ обществѣ, какъ и во всякомъ иномъ: и при господствѣ капиталистическаго способа производства общество принуждено затрачивать трудъ для поддержанія своей жизни. Но, благодаря тому, что часть общества—капиталисты, ведетъ хозяйство не своимъ, а чужимъ трудомъ, абсолютная трудовая стоимость теряетъ для этой части общества всякое значеніе и замѣняется въ сознаніи капиталистовъ категоріей издержекъ производства. Если бы все общество состояло только изъ капиталистовъ, въ такомъ случаѣ капиталистическая точка зрѣнія была бы и общественной точкой зрѣнія. Но въ составъ общества входятъ, кромѣ капиталистовъ, также и рабочіе. Съ точки зрѣнія всего общества, какъ цѣлаго, рабочіе суть такіе же полноправные субъекты хозяйства, какъ и капиталисты. И съ этой общественной точки зрѣнія, человѣческій трудъ остается, при господствѣ капиталистическаго способа производства, какъ и при всякой другой формѣ хозяйства, единственной абсолютной формой стоимости.

Какая же изъ двухъ названныхъ категорій—абсолютная (трудовая) стоимость или же капиталистическая стоимость (затрата капитала—издержки производства) должна регулировать въ капиталистическомъ хозяйствѣ товарную цѣну? Изъ вышесказаннаго ясно, что трудовая

стоимость есть фактъ, стоящій внѣ капиталистическаго сознанія и, съ капиталистической точки зрѣнія, совершенно безразличный; а такъ какъ цѣны устанавливаются на основѣ сознательныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ лицъ, руководящихъ производствомъ, въ данномъ случаѣ капиталистовъ, то, очевидно, трудовая стоимость не можетъ быть регуляторомъ товарныхъ цѣнъ. Такимъ регуляторомъ является въ капиталистическомъ хозяйствѣ капиталистическая стоимость—издержки производства.

Мы приводили выше остроумныя соображенія Джевонса, доказывающія, что хозяйственный принципъ требуетъ отъ рабочаго пріостанавливать хозяйственный трудъ на томъ самомъ пунктѣ, гдѣ непріятныя ощущенія отъ процесса работы какъ разъ равны предѣльной полезности трудового продукта. Иными словами, трудовая стоимость продукта должна регулировать его предѣльную полезность, а слѣдовательно и цѣнность. Продукты съ одинаковой трудовой стоимостью должны имѣть и одинаковую цѣнность—этого требуетъ хозяйственный принципъ. Но все это вѣрно только при одномъ предположеніи, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ разсужденій подобнаго рода—при предположеніи, что продуктъ труда принадлежитъ трудящемуся. Если трудящійся человѣкъ свободно располагаетъ своимъ трудомъ и своимъ трудовымъ продуктомъ, то, будучи человѣкомъ разумнымъ, онъ долженъ прекратить трудъ на томъ пунктѣ, на которомъ цѣнность (предѣльная полезность) продукта сравняется съ трудовой стоимостью послѣдняго. Но пусть руководитъ производствомъ не самъ трудящійся, а третье лицо, отъ котораго зависитъ продолжить или сократить трудъ рабочаго и которому принадлежитъ производимый продуктъ. Трудовая стоимость совершенно потеряетъ въ этомъ случаѣ свою роль регулятора цѣнности, ибо это третье лицо участія въ трудѣ не принимаетъ, а, слѣдовательно, исчезнетъ и необходимость для совпаденія цѣнности съ трудовой стоимостью продукта. Поэтому трудовая цѣнность (т.-е. цѣнность, устанавливаемая на основѣ трудовой затраты) есть не что иное, какъ хозяйственный идеалъ, для осуществленія котораго требуется упраздненіе капиталистическаго способа производства. Когда человѣкъ перестанетъ быть *средствомъ* въ рукахъ другого человѣка, а будетъ *цѣлью* самъ по себѣ, тогда абсолютная стоимость (т.-е. затрата человѣческаго труда) должна стать верховнымъ регуляторомъ и цѣнности. Но при капиталистическомъ способѣ производства, при которомъ руководителемъ производства является не трудящійся, а собственникъ капитала, цѣнность регулируется затратой капитала, а не затратой труда.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что затрата капитала управляетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ товарной цѣной. Цѣна же есть господствующій моментъ въ жизни товарнаго хозяйства. Все вертится въ этомъ мірѣ вокругъ цѣны—цѣна устанавливаетъ размѣръ обществен-

наго производства, регулируетъ потребленіе, господствуетъ въ обмѣнѣ и опредѣляетъ участіе каждаго общественнаго класса и каждаго отдѣльнаго члена послѣдняго въ общемъ національномъ продуктѣ.

Одинъ остроумный представитель классической политической экономіи предлагалъ даже назвать эту науку «каталлактикой» — наукой объ обмѣнѣ. Все, что стоитъ внѣ непосредственной связи съ товарной цѣной, кажется для капиталистическаго сознанія стоящимъ и внѣ хозяйства. Вотъ почему буржуазная политическая экономія, установивъ категорію издержекъ производства, могла совершенно оставить безъ вниманія категорію трудовой стоимости. Эта послѣдняя категорія совсѣмъ не видна на поверхности капиталистическаго міра; она не вліяетъ непосредственно на цѣну и не входитъ въ сознаніе капиталистическаго предпринимателя. Она совершенно непригодна для изслѣдованія и объясненія вопросовъ товарнаго обращенія, которые являются главнѣйшимъ предметомъ изученія буржуазныхъ экономистовъ.

Это объясняетъ намъ, почему категорія трудовой стоимости до настоящаго времени игнорируется экономической наукой. Тѣмъ не менѣе, категорія эта столь же реальна, какъ и всѣмъ знакомая категорія цѣны (цѣнности). Но въ то время, какъ цѣнность, благодаря товарному фетишизму, природа котораго такъ геніально раскрыта Марксомъ, объективируется въ товарѣ—истинномъ предметѣ изученія господствующей политической экономіи—трудовая стоимость не находитъ себѣ объективнаго выраженія въ мірѣ товаровъ и потому ускользаетъ отъ вниманія огромнаго большинства экономистовъ. Чтобы увидѣть эту послѣднюю категорію и уяснить себѣ ея великое значеніе для пониманія жизни общества, нужно оставить шумный, хотя и лишенный жизни міръ товаровъ и вернуться къ тому, кто создаетъ товары—человѣку, рабочему. Для рабочаго категорія трудовой стоимости выражается, прежде всего въ продолжительности труда, который рабочій долженъ затрачивать на производство единицы продукта. Продолжительность рабочаго дня находится въ непосредственномъ соотношеніи съ трудовой стоимостью продуктовъ, вырабатываемыхъ рабочимъ; ибо чѣмъ ниже производительность труда (чѣмъ больше трудовая стоимость единицы продукта), чѣмъ больше времени долженъ работать рабочій для изготовленія даннаго количества продуктовъ, тѣмъ продолжительнѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ (т.-е. при равенствѣ реальной платы и уровня прибавочнаго труда) долженъ быть рабочій день.

Затѣмъ, производительность труда непосредственно вліяетъ и на высоту заработной платы. Чѣмъ меньше продуктовъ производитъ рабочій въ единицу времени, тѣмъ ниже должна быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ (т.-е. при одинаковой продолжительности рабочаго дня и равенствѣ уровня прибавочнаго труда) его заработная плата. Категорія трудовой стоимости является, такимъ образомъ, ключемъ къ пониманію экономическихъ условій жизни работающаго человѣка.

Исключительное значеніе категоріи трудовой стоимости для пониманія соціальной жизни въ ея совокупности основывается на томъ, что въ трудовой стоимости выражается отношеніе обоихъ основныхъ моментовъ хозяйства—субъекта и объекта хозяйства—человѣка и внѣшняго предмета его дѣятельности. Разсматриваемая категорія непосредственно характеризуетъ успѣшность хозяйственной дѣятельности человѣка. Она имѣетъ болѣе основной характеръ, чѣмъ категорія мѣновой цѣнности. Трудовая стоимость отнюдь не есть переходящая, историческая категорія хозяйства. Какъ хозяйство немыслимо безъ труда, такъ оно немыслимо и безъ трудовой стоимости. Среди всѣхъ экономическихъ категорій, трудовая стоимость есть соціальная категорія по преимуществу, такъ какъ въ ней наиболѣе ярко и непосредственно выражается участіе въ хозяйственной жизни *человѣка*. Въ этой категоріи присутствуетъ какъ бы самъ человѣкъ, со своимъ трудомъ, а слѣдовательно, и со своими страданіями, своей борьбой съ природой, своими соціальными отношеніями, возникающими на фонѣ этой борьбы. Напротивъ, мѣновая цѣнность есть историческая категорія, свойственная только одной исторической формѣ хозяйства—мѣновому хозяйству. Она есть вещная, товарная категорія, ей присущъ фетишистическій характеръ, она скрываетъ отношенія людей надъ обманчивой оболочкой отношеній *товаровъ*. За цѣной товара товаропроизводителя совсѣмъ не видать, не видать того рабочаго, который билъ тяжелымъ молотомъ раскаленную сталь, напряженно слѣдилъ за жужжаніемъ безчисленныхъ веретенъ, рубилъ топоромъ крѣпкій дубъ, подбрасывалъ уголь въ горячую печь паровой машины, обливался потомъ и напрягалъ всѣ силы своего организма, чтобы произвести этотъ самый безмолвный и мертвый товаръ.

Вотъ почему не цѣнность, а стоимость въ ея абсолютной формѣ, трудовая стоимость, должна быть исходнымъ пунктомъ экономической науки, освободившейся отъ товарнаго фетишизма и изучающей общественныя отношенія людей, прикрытыя отношеніями товаровъ. Напротивъ, политической экономіи, находящейся во власти товарнаго фетишизма, категорія трудовой стоимости должна казаться безполезной фикціей, ибо цѣны товаровъ, дѣйствительно, управляются не трудомъ. Теорія абсолютной трудовой стоимости раздѣлила экономистовъ на два лагеря. Буржуазная политическая экономія игнорируетъ трудовую стоимость, но зато противоположное экономическое направленіе съ тѣмъ большимъ упорствомъ стремится уже многіе десятки лѣтъ построить экономическую науку на базисѣ трудовой стоимости.

Быть можетъ, слѣдующій гипотетическій примѣръ поможетъ намъ понять значеніе категоріи трудовой стоимости для соціальнаго изученія хозяйства. Допустимъ, что, по той или иной причинѣ, производительность труда во всѣхъ отдѣлахъ общественнаго хозяйства значительно возросла—трудовая стоимость всѣхъ продуктовъ значительно

понизилась. Эта перемѣна можетъ совершенно не отразиться на товарныхъ цѣнахъ. Она можетъ первоначально мало повліять и на сумму общественнаго богатства, если повышеніе производительности труда сопровождалось соотвѣтствующимъ сокращеніемъ продолжительности рабочаго дня. Такимъ образомъ, политическая экономія, игнорирующая категорію трудовой стоимости, можетъ совершенно не замѣтить происшедшей перемѣны. Между тѣмъ, эта перемѣна, и съ экономической и съ соціальной точки зрѣнія, громадна, и богата неисчислимыми соціально-экономическими послѣдствіями первенствующей важности. Болѣе короткій рабочій день знаменуетъ собой всесторонній подъемъ рабочаго класса, увеличеніе его благосостоянія и досуга, повышеніе образовательнаго уровня рабочихъ, ростъ политическаго вліянія рабочаго класса и пр., и пр. Весь соціальный, а слѣдовательно, и экономическій строй страны можетъ, въ результатѣ, претерпѣть глубокое измѣненіе, благодаря экономической причинѣ, совершенно не захватываемой категоріей цѣнности. А такъ какъ повышеніе производительности труда составляетъ собой въ исторіи человѣчества одну изъ главныхъ движущихъ силъ соціальнаго прогресса, то, слѣдовательно, и соціальное изученіе хозяйства не можетъ не основываться на категоріи трудовой стоимости.

Марксизмъ представляетъ собой геніальнѣйшую и, безъ сомнѣнія, далеко вліятельнѣйшую изъ попытокъ соціальнаго изученія хозяйства. Послѣ всего сказаннаго выше, намъ не трудно видѣть, въ чемъ заключается сила и слабость марксизма, какъ теоріи капиталистическаго хозяйства. Его сила въ томъ что, избравъ своимъ исходнымъ пунктомъ понятіе трудовой стоимости, марксизмъ бросилъ ослѣпительно-яркій свѣтъ на соціальное содержаніе капиталистическаго способа производства. Его слабость въ совершенно неправильномъ отожествленіи двухъ принципіально различныхъ экономическихъ категорій—цѣнности и стоимости; благодаря этому, вся экономическая конструкція системы страдаетъ кореннымъ порокомъ. Критика буржуазныхъ экономистовъ до такой степени расшатала крайне непрочные экономическіе лѣса, которыя потребовались Марксу для его стройнаго соціологическаго зданія, что эти лѣса давно бы рухнули, если бы опорой имъ не служило само зданіе. Но такъ какъ зданіе заключаетъ въ себѣ нѣкоторые элементы, не боящіеся никакихъ ударовъ, то и расшатанные лѣса продолжаютъ стоять, хотя имъ давно пора рухнуть.

Мы уже говорили, что ошибка Маркса не терминологическаго свойства—она заключается не въ томъ, что Марксъ неправильно называетъ *цѣнностью* стоимость. Въ концѣ концовъ, все равно, какъ бы ни называть то или иное научное понятіе—лишь бы самое понятіе было правильно образовано. Но неудачная терминологія Маркса есть только послѣдствіе непониманія авторомъ «Капитала» глубокаго и принципіальнаго различія двухъ основныхъ экономическихъ категорій—цѣнности и

стоимости. Отожествивъ стоимость съ цѣнностью, Марксъ долженъ былъ безсознательно для самого себя включить въ понятіе стоимости чуждые послѣднему элементы цѣнности, что должно было внести и, дѣйствительно, внесло неразрѣшимую путаницу во все экономическое ученіе «Капитала».

Этимъ объясняются безчисленныя и всѣмъ извѣстныя противорѣчія абстрактной теоріи «Капитала». Обладая блестящимъ діалектическимъ искусствомъ, Марксъ сдѣлалъ все возможное, чтобы соединить несоединимое—построить теорію цѣнности на базисѣ категоріи стоимости Получился «въ высшей степени искусно задуманный, выстроенный съ удивительной силой къ комбинированію, съ безчисленными этажами мысли, поддерживавшійся при помощи вызывающей изумленіе силы интеллекта—карточный домъ» (Бёмъ-Баверкъ. «Теорія Карла Маркса и ея критика», стр. 127). Несмотря на свою неустойчивость, карточный домъ марксизма все еще держится. Правда, окончательное паденіе близко, но оно еще не совершилось. Причина этой долговѣчности экономической теоріи Маркса, которая по произвольности своего основного тезиса и по остроумію дальнѣйшихъ выводовъ ближе всего напоминаетъ систему физіократовъ, коренится въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ томъ, что въ неудачной экономической оболочкѣ этой теоріи содержится здоровое и жизнеспособное соціальное ядро, и, во-вторыхъ, въ отсутствіи, до настоящаго времени, иной законченной соціально-экономической системы, которая, представляя тѣ же соціальные интересы, какъ и марксизмъ, давала бы болѣе правильное, въ смыслѣ объективной истины, и болѣе логическое стройное объясненіе соціально-экономическимъ фактамъ капиталистическаго хозяйства, чѣмъ это въ силахъ сдѣлать отживающій марксизмъ. Построеніе такой системы есть величайшая задача соціальной мысли нашего времени, и мы уже не далеки отъ ея рѣшенія. Но пока новая экономическая система не приметъ наслѣдства отъ устарѣлаго марксизма, до тѣхъ поръ марксизмъ будетъ пользоваться сочувствіемъ того огромнаго большинства, которое предпочитаетъ завѣдомо плохое, но систематическое объясненіе фактовъ отсутствію всякаго систематическаго объясненія послѣднихъ.

Итакъ, въ корнѣ теоріи цѣнности Маркса лежитъ основной порокъ—смѣшенія понятія стоимости съ понятіемъ цѣнности. Отожествивъ стоимость съ цѣнностью, Марксъ очутился передъ вопросомъ—каково отношеніе того, что онъ назвалъ цѣнностью, къ цѣнѣ. Авторъ «Капитала» былъ слишкомъ хорошимъ экономистомъ, чтобы не понимать невозможности совпаденія товарныхъ цѣнъ (какъ рыночныхъ, такъ и среднихъ) съ трудовыми стоимостями товаровъ. Оставалось, слѣдовательно, признать, что мѣновая цѣнность не есть центръ тяготѣнія цѣнъ товаровъ. Но если цѣна независима отъ мѣновой цѣнности—то

*

что же такое мѣновая цѣнность? Какой смыслъ имѣетъ мѣновая цѣнность, не выражающаяся въ цѣнѣ? *)

Сознавая нелѣпость понятія *мѣновой* цѣнности, не находящей себѣ выраженія въ *обмѣнѣ*, Марксъ въ то же время не могъ признать мѣновой цѣнности абстрактной основой мѣноваго отношенія, цѣны. Передъ нимъ стояла слѣдующая дилемма: или цѣны управляются мѣновой цѣнностью—въ такомъ случаѣ трудовая затрата, овеществленная въ товарѣ, не можетъ быть мѣновой цѣнностью, такъ какъ не трудовыя затраты, а затраты капитала (издержки производства) управляютъ цѣнами; или же цѣны не управляются мѣновой цѣнностью—въ такомъ случаѣ понятіе мѣновой цѣнности утрачиваетъ опредѣленный смыслъ, лишается связи съ товарнымъ обращеніемъ и мѣновымъ хозяйствомъ, перестаетъ быть специфической категоріей товаро-хозяйственнаго строя. Цѣнность внѣ связи съ цѣной также мало пригодна для объясненія явленій товарнаго обращенія, какъ цѣнность внѣ связи съ трудовой затратой не пригодна для объясненія соціальныхъ отношеній капиталистическаго общества. А задача Маркса состояла въ томъ, чтобы объяснить, во взаимной связи, и то и другое—объяснить соціальныя отношенія капитализма на основѣ законовъ товарнаго обращенія Для этой, по существу, двойственной задачи нужно было найти исходный пунктъ, и Марксъ призналъ этимъ пунктомъ трудовую теорію цѣнности. Но вышеуказанная дилемма неразрѣшима,—теорія цѣнности должна или перестать быть трудовой теоріей (въ абсолютной формѣ) или же перестать быть теоріей цѣнности.

Марксъ не понялъ этой дилеммы и отождествилъ цѣнность съ трудовой стоимостью, овеществленной въ товарѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явились внутреннія противорѣчія, характеризующія экономическую теорію «Капитала». Отсюда возникло и представленіе многихъ критиковъ Маркса, будто III томъ «Капитала» противорѣчитъ первому. Представленіе это, по существу, неправильно—ибо и въ первомъ томѣ «Капитала» содержится то же логически противорѣчивое ученіе о цѣнности, которое мы находимъ и въ III томѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе о противорѣчіи I и III тома «Капитала» возникло совершенно естественно: читатели перваго тома предполагали, что Марксъ понимаетъ подъ цѣнностью то же, что понимаютъ и всѣ остальные экономисты—абстрактную основу цѣны; исходя изъ этого, тѣ же читатели истолковали теорію абсолютной трудовой цѣнности Маркса въ томъ смыслѣ, что только трудъ регулируетъ среднія цѣны товаровъ. Найдя въ III томѣ отрицаніе этого послѣдняго положенія, они заключили, что ученіе о цѣнности I тома противорѣчитъ

*) Понятіе *цѣнности* и *мѣновой цѣнности* Марксъ обыкновенно употребляетъ, какъ синонимы, хотя въ чисто логическомъ смыслѣ онъ и устанавливаетъ нѣкоторое тонкое различіе между ними, которое для насъ въ данномъ случаѣ значенія не имѣетъ.

ученію о цѣнности III тома. На самомъ же дѣлѣ, уже и въ первомъ томѣ Марксъ поставилъ себѣ ту же неразрѣшимую задачу—объединить однимъ понятіемъ два совершенно независимыхъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположныхъ понятія—цѣнности и стоимости.

Теорія цѣнности должна, по мысли Маркса, служить основаніемъ для объясненія какъ соціальныхъ отношеній участниковъ капиталистическаго хозяйства, такъ и процессовъ товарнаго обращенія въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Но мы постарались показать, что капиталистическое хозяйство, какъ и всякое иное хозяйство, можетъ и должно быть изучаемо съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія—стоимости и цѣнности. Теорія стоимости также недостаточна для объясненія всѣхъ явленій капиталистическаго хозяйства, какъ и теорія цѣнности. Теорія цѣнности (какъ основы цѣны) не объясняетъ намъ общественнаго производства и распредѣленія труда между различными классами общества—она не пригодна для изслѣдованія соціальныхъ отношеній капитализма; теорія же стоимости не пригодна для объясненія явленій товарнаго обращенія, а слѣдовательно, и распредѣленія между общественными классами *народнаго дохода*. Ибо это послѣднее распредѣленіе совершается всецѣло при посредствѣ *цѣны*, которая отнюдь не совпадаетъ, и не можетъ совпадать, со стоимостью.

Между тѣмъ, Марксъ попытался построить законченную теорію распредѣленія народнаго дохода, исходя изъ понятія абсолютной трудовой стоимости. Авторъ «Капитала» не могъ не понимать, что *цѣна* есть основной агентъ распредѣленія богатства въ мѣновомъ хозяйствѣ. Весь капиталистическій міръ, все обращеніе товаровъ, въ цѣломъ и частностяхъ, вертится вокругъ товарной цѣны. Если бы цѣны были лишены закономѣрности, то нельзя было бы найти закономѣрности и во всемъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Но теорія цѣны показываетъ, что кажущаяся непонятность движенія товарныхъ цѣнъ исчезаетъ при научномъ анализѣ явленій цѣны, и что, несмотря на огромныя колебанія рыночныхъ цѣнъ, существуютъ центры тяготѣнія цѣнъ. Эти центры тяготѣній товарныхъ цѣнъ устанавливаются мѣновыми цѣнностями товаровъ. Распредѣленіе народнаго дохода совершается при посредствѣ цѣны и мѣновой цѣнности (понимая подъ мѣновой цѣнностью центръ тяготѣнія цѣнъ—иначе говоря, абстрактную основу цѣны), но отнюдь не при посредствѣ абсолютной стоимости—трудовой затраты.

Всего этого, повторяемъ, не могъ не видѣть Марксъ. Между тѣмъ, въ основу своей экономической системы онъ положилъ не теорію цѣнности, а теорію стоимости, овеществленной въ товарѣ. Изъ этой основы онъ долженъ былъ исходить при объясненіи явленій распредѣленія народнаго дохода. При такомъ положеніи дѣла, Марксу оставалось одно—разсматривать стоимость, какъ абстрактную основу цѣны, къ чему онъ и пришелъ. И это было для Маркса тѣмъ легче, что онъ имѣлъ въ

этомъ отношеніи великаго предшественника—Рикардо. Послѣдній также призналъ цѣнность пропорціональной труду и на этой основѣ развилъ свою геніальную теорію распредѣленія.

Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, сходство между методологическимъ пріемомъ Рикардо и Маркса оказывается только поверхностнымъ и, по существу, совершенно мнимымъ. Великій англійскій экономистъ былъ всего менѣе доктринеромъ; обладая могучей силой абстрактнаго мышленія, онъ въ то же время былъ одаренъ удивительнымъ практическимъ смысломъ и ясностью пониманія живой дѣйствительности. Доказавъ на опытѣ свои блестящія коммерческія способности, Рикардо былъ всего менѣе склоненъ игнорировать реальные факторы, управляющіе рыночной цѣной. Мы уже указывали раньше, что Рикардо былъ совершенно чуждъ мысли, будто трудъ есть единственная субстанція цѣнности. Принимая цѣнность пропорціональной трудовой стоимости, Рикардо дѣлалъ методологическое допущеніе, условное значеніе котораго ему было вполнѣ ясно. Въ своихъ позднѣйшихъ письмахъ къ Макъ-Куллоху онъ сомнѣвался въ цѣлесообразности даже и этого допущенія и находилъ болѣе правильнымъ разсматривать цѣнность, какъ производный моментъ не только труда, но и капитала.

Поэтому, Рикардо никогда не согласился бы, что въ созданіи прибыли капиталиста средства производства и рабочая сила человѣка играютъ различную роль, что единственнымъ реальнымъ источникомъ капиталистической прибыли является неоплаченный трудъ рабочаго. Методологическое сближеніе цѣнности и трудовой стоимости, къ которому прибѣгнулъ Рикардо, отнюдь не привело его къ отрицанію возможности возникновенія цѣнности изъ иныхъ элементовъ, кромѣ труда. То, что мы назвали абсолютной трудовой теоріей цѣнности, было совершенно чуждо ясному и практическому уму великаго экономиста. Абсолютная трудовая теорія цѣнности, замѣчательнѣйшими представителями которой являются Родбертусъ и Марксъ, тѣмъ отличается отъ теоріи Рикардо, что для послѣдняго трудъ есть одинъ изъ нѣсколькихъ моментовъ цѣнности, методологически и условно принимаемый за единственный моментъ, между тѣмъ какъ для творцовъ такъ называемаго научнаго соціализма трудъ есть самая субстанція цѣнности.

Мы видѣли, что абсолютная трудовая теорія цѣнности сыграла злую шутку съ Родбертусомъ приведши его къ экономическому абсурду—къ его знаменитой теоріи земельной ренты. Этотъ экономическій абсурдъ былъ неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ признанія труда субстанціей цѣнности. Марксъ былъ менѣе послѣдователенъ и прямолинеенъ, нежели Родбертусъ; поэтому онъ избѣжалъ тѣхъ явно несостоятельныхъ экономическихъ построеній, къ которымъ былъ приведенъ его великій

предшественникъ. Но избѣгнуть явнаго абсурда онъ могъ только пожертвованіемъ логической стройности своихъ взглядовъ.

На всемъ протяженіи трехъ томовъ «Капитала» Марксъ колеблется между двумя взаимноисключающими точками зрѣнія: между признаніемъ и отрицаніемъ способности труда регулировать мѣновыя отношенія товаровъ. Смотря по потребностямъ аргументаціи авторъ «Капитала» становится то на ту, то на другую точку зрѣнія. Онъ опредѣляетъ цѣнность, какъ общественно необходимый трудъ, овеществленный въ товарѣ. Уже въ этомъ опредѣленіи коренится зародышъ двойственности, которая необходима Марксу, чтобы, съ одной стороны, не слишкомъ грубо разойтись съ фактами, а съ другой не пожертвовать теоретическими основами своей системы. Общественно необходимый трудъ производства продукта образуетъ собой общественную трудовую стоимость послѣдняго. Понятіе это вполнѣ ясно. Но оно не имѣетъ никакого отношенія къ обмѣну. И вотъ Марксъ вводитъ въ свое опредѣленіе цѣнности чрезвычайно важное добавленіе: общественно необходимый трудъ, *овеществленный въ товарѣ*. Товаръ же есть продуктъ, предназначенный для обмѣна и участвующій въ немъ. Цѣнность есть, такимъ образомъ, не просто трудъ, но трудъ, обнаруживающійся какимъ-то, пока еще неяснымъ, образомъ въ процессѣ обмѣна. Оказывается, что обмѣнъ представляетъ собой специфически свойственный товарному производству способъ измѣрять потраченное на производство продукта общественно необходимое рабочее время не непосредственно, въ единицахъ рабочаго времени, а посредственно, путемъ приравниванія одного трудового продукта другому трудовому продукту.

Вмѣсто того, чтобы опредѣлять рабочимъ временемъ общественный трудъ, заключенный въ аршинѣ сукна, мы опредѣляемъ этотъ трудъ, выражая цѣну сукна въ другомъ товарѣ, служащимъ для измѣренія цѣнности. Приравнивая сукно золоту, мы приравниваемый трудъ, заключенный въ суконѣ, труду заключенному въ золотѣ, опредѣляемъ трудовую стоимость сукна, выражая ее въ вѣсовыхъ единицахъ золота.

На этомъ базисѣ Марксъ строитъ свое геніальное ученіе о товарѣ фетишѣ. Ученіе это мы считаемъ истиннымъ шедевромъ Маркса, глубочайшей философіей товарнаго хозяйства, какую только знаетъ исторія экономической мысли. Какъ смѣло и оригинально задумано это ученіе и какъ блестяще, какъ ярко и образно оно изложено! Въ ученіи о товарномъ фетишизмѣ Марксъ достигъ высшей точки своего научнаго творчества, той точки, гдѣ могучій полетъ философской мысли и сила научнаго воображенія пріобрѣтаютъ прямо художественную красоту. Для многихъ это великое ученіе непонятно. Находились критики, не боявшіеся заявлять объ этомъ печатно. Такихъ критиковъ остается только пожалѣть, такъ какъ они не поняли того, что есть самаго цѣннаго въ экономической теоріи «Капитала».

Однако, и ученіе о товарномъ фетишизмѣ пострадало отъ коренной ошибки Маркса—смѣшенія цѣнности со стоимостью. Цѣнность есть, по словамъ Маркса, только особенный, свойственный товарному хозяйству, косвенный способъ выражать общественно необходимое время, заключенное въ трудовомъ продуктѣ. Обмѣнивая одинъ трудовой продуктъ на другой трудовой продуктъ, мы приравниваемъ трудъ, заключенный въ одномъ продуктѣ, труду, заключенному въ другомъ продуктѣ. Таково центральное положеніе теоріи цѣнности Маркса. Но не ясно ли, что это положеніе находится въ неустранимомъ противорѣчіи съ признаніемъ самого Маркса, что мѣновыя отношенія товаровъ не соотвѣтствуютъ относительнымъ количествамъ труда, заключеннымъ въ каждомъ товарѣ. Вѣдь обмѣнивая одинъ товаръ на другой, мы обмѣниваемъ *не равныя, а различныя количества труда*, какъ это съ полной ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній, и съ полной категоричностью, не допускающей никакихъ колебаній, признано Марксомъ въ III томѣ «Капитала».

Если же такъ, то какимъ образомъ можно утверждать, что обмѣнъ есть косвенный способъ опредѣлять количество *труда*, заключеннаго въ товарѣ? Капиталистическому обмѣну нѣтъ никакого дѣла до трудовой стоимости товара; въ капиталистическомъ обмѣнѣ, дѣйствительно, происходитъ приравниваніе, но не труда, а *капитала*, потребнаго для производства товара. Капиталистическій обмѣнъ, по разъясненію самого Маркса, *не можетъ* происходить на основѣ равной трудовой стоимости; слѣдовательно, *не трудъ* есть то неизвѣстное, которое опредѣляется мѣновымъ уравненіемъ.

Отсюда ясно, что ученіе Маркса о цѣнности, какъ общественно-необходимомъ трудѣ, *овеществленномъ* въ товарѣ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо трудъ отнюдь не овеществляется въ товарной цѣнѣ, а, кромѣ своей цѣны, товаръ не обладаетъ никакимъ свойствомъ, объективирующемъ общественныя отношенія. Средняя цѣна товара не даетъ никакого указанія относительно количества труда, заключеннаго въ товарѣ; но она, дѣйствительно, является, по отношенію ко всѣмъ свободно воспроизводимымъ продуктамъ, довольно точнымъ показателемъ того, какая затрата *капитала* требуется для производства товара, какъ велики издержки производства этого товара. Слѣдовательно, въ средней цѣнѣ свободно воспроизводимыхъ товаровъ овеществляется не трудъ, а сложныя общественныя отношенія, выраженіемъ которыхъ является капиталъ, отношенія, отнюдь не сводимыя къ простой затратѣ общественнаго труда.

Итакъ, попытка Маркса придти къ цѣнности, исходя изъ трудовой стоимости, неудачна въ самомъ корнѣ. Смѣшеніе цѣнности со стоимостью исказило и глубокое ученіе о товарѣ-фетишѣ. Искаженіе заключается въ томъ, что въ основѣ товарнаго фетишизма лежитъ не то, что называетъ цѣнностью Марксъ—овеществленіе въ товарѣ труда (ибо

такого овеществленія не происходитъ въ дѣйствительности), а то, что называютъ цѣнностью остальные экономисты—овеществленіе въ товарѣ общественныхъ отношеній обмѣнивающихся людей. Цѣна земли есть такая же категорія, ведущая къ фетишизму, какъ и цѣна любого трудового продукта. Въ цѣнѣ земли, какъ и въ цѣнахъ другихъ товаровъ, подъ матеріальной оболочкой отношенія двухъ вещей—земли и денегъ,—скрыто опредѣленное общественное отношеніе. Въ категоріи цѣнности обнаруживаются не только отношенія общественнаго труда, но и отношенія соціальнаго господства и зависимости. Цѣна земли не есть мнимое выраженіе, каковымъ ее признаетъ Марксъ, а вполнѣ реальное вещное выраженіе соціальнаго могущества землевладѣльческаго класса. Поэтому, цѣнность, какъ основа цѣны, какъ вещное выраженіе общественныхъ отношеній участвующихъ въ обмѣнѣ лицъ, а не цѣнность, какъ овеществленный въ товарѣ трудъ, есть основная категорія товарнаго фетишизма.

Если *мѣновой цѣнности* присущъ характеръ фетиша, то *трудовая стоимость* совершенно чужда этого характера. Какъ мы уже указывали выше, стоимость и цѣнность въ этомъ отношеніи вполнѣ противоположны другъ другу. Въ трудовой стоимости человѣкъ фигурируетъ безъ всякаго вещнаго покрывала, въ мѣновой цѣнности же за вещнымъ покрываломъ не видно человѣка. Поэтому, положить въ основу ученія о товарномъ фетишизмѣ преобразованную категорію стоимости было глубокой ошибкой со стороны Маркса.

Логическія противорѣчія, лежащія въ основѣ теоріи цѣнности Маркса, проходятъ красной нитью сквозь всю его экономическую систему. Мы уже видѣли, какой мостъ сооружаетъ Марксъ, чтобы соединить въ одно цѣлое стоимость и цѣнность. Этимъ мостомъ является тезисъ, будто стоимость овеществляется въ мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ, въ то время, какъ, по признанію самого Маркса, мѣновыя отношенія товаровъ не управляются стоимостью. Хотя мостъ этотъ есть, такимъ образомъ, только мнимая связь двухъ несоединимыхъ категорій, Марксъ благополучно перебирается по нему отъ стоимости къ цѣнности и исходитъ въ своей теоріи распредѣленія народнаго дохода изъ понятія стоимости, какъ будто оно тожественно съ цѣнностью. На этой совершенно несостоятельной основѣ творецъ «Капитала» строитъ свою знаменитую теорію прибавочной цѣнности.

Въ своей полемической книгѣ противъ Дюринга Энгельсъ объявилъ эту теорію однимъ изъ двухъ великихъ открытій, которыми мы обязаны Марксу (другимъ великимъ открытіемъ Маркса Энгельсъ называлъ матеріалистическое пониманіе исторіи. «Anti-Dühring», S. 13). Утвержденіе это, однако, такъ расходилось съ истиной, что самъ Энгельсъ долженъ былъ взять его обратно. Послѣ появленія въ печати писемъ Родбертуса, въ которыхъ послѣдній обвинялъ Маркса въ плагіатѣ, въ виду полнаго тожества, въ основной идеи, теоріи при-

бавочной цѣнности «Капитала» и теоріи ренты, развитой въ болѣе раннихъ работахъ Родбертуса, Энгельсъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ и въ предисловіи ко второму изданію «Das Elend der Philosophie» заявилъ, что идея прибавочной цѣнности, задолго до Родбертуса и Маркса, была высказана англійскими соціалистами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Это послѣднее утвержденіе Энгельса гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ первое—теорія прибавочной цѣнности можетъ считаться оригинальнымъ созданіемъ Маркса въ еще гораздо меньшей степени, чѣмъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Если искать, кто первый «открылъ» прибавочную цѣнность, то честь этого открытія (если вообще тутъ есть открытіе) слѣдуетъ, повидимому, приписать, скорѣе всего, ученику Оуэна Вилліаму Томпсону. Мы вполнѣ согласны съ Антономъ Менгеромъ, что, «если отвлечься отъ математическихъ формулъ, которыя вводитъ въ свое изложеніе Марксъ, и которыя больше затемняютъ, чѣмъ поясняютъ суть дѣла, то вся теорія прибавочной цѣнности—понятіе прибавочной цѣнности, ея наименованіе, взгляды относительно высоты прибавочной цѣнности—окажется заимствованной въ своихъ существенныхъ чертахъ изъ работы Томпсона», а именно, изъ главнаго сочиненія послѣдняго: «An inquiry into the principles of the distribution of Wealth most conductive to human happiness» вышедшемъ въ 1824 г. и выдержавшемъ три изданія. Та же идея развивалась до Томпсона, хотя въ очень неясной формѣ, англійскими соціалистами Годвиномъ и Голлемъ и, послѣ него, цѣлымъ рядомъ писателей, въ томъ числѣ сенъ-симонистами и Прудономъ. Въ виду всего этого, не можетъ быть и рѣчи объ авторскихъ правахъ Маркса на идею прибавочной цѣнности. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Марксъ много сдѣлалъ для систематическаго развитія ея и ея превращенія въ стройную научную теорію.

Теорія прибавочной цѣнности цѣликомъ покоится на абсолютной трудовой теоріи цѣнности, которую мы признали ложной. Она столь же ложна, какъ ложна, напр., теорія физіократовъ, объяснявшая «чистый доходъ» общества производительной силой земли. Прибыль капиталиста (на которой преимущественно останавливается Марксъ) есть моментъ, соотносительный съ цѣной товара, а такъ какъ товарная цѣна регулируется отнюдь не трудомъ, а капиталомъ, то, слѣдовательно, и прибыль создается не только той частью капитала, которая затрачивается на заработную плату, но и той частью капитала, которая выражается въ средствахъ производства; однимъ словомъ, прибыль создается всѣмъ капиталомъ въ совокупности. Не существуетъ постояннаго и перемѣннаго капитала, не существуетъ той противоположности рабочей силы и средствъ производства, въ дѣлѣ созданія цѣнности изъ предположенія которой исходитъ Марксъ. Вся утомительная схоластика трехъ толстыхъ томовъ «Капитала», имѣющая цѣлью привести теорію прибавочной цѣнности въ хотя бы отдаленное соотвѣтствіе съ реальными фактами

капиталистическаго хозяйства, ни къ чему не нужна и должна быть выброшена наукой за бортъ, ибо сама теорія, въ самомъ своемъ основаніи, не вѣрна.

Несостоятельность теоріи прибавочной цѣнности чувствуется уже изъ необыкновенной запутанности и сложности ея конструкціи при объясненіи фактовъ дѣйствительной жизни. Ежедневный опытъ говоритъ, что прибыль, получаемая каждымъ индивидуальнымъ капиталистическимъ предпріятіемъ, а также и каждымъ родомъ капиталистической промышленности (напр., хлопчатобумажной, земледѣльческой, чугуноплавильной, керамической и пр., и пр.) не находится ни въ какомъ соотношеніи съ распредѣленіемъ капитала на заработную плату и средства производства. Въ нѣкоторыхъ родахъ капиталистическаго производства въ затратахъ капитала преобладаютъ средства производства, въ другихъ—заработная плата. Въ разнообразныхъ видахъ капиталистической кустарной промышленности затрата капитала выражается преимущественно въ заработной платѣ, въ то время, какъ въ крупныхъ машиностроительныхъ заводахъ средства производства играютъ главную роль. Несмотря на это, отнюдь нельзя сказать, чтобы прибыль въ кустарной промышленности была выше, чѣмъ въ машиностроительной. Для объясненія этого факта Марксъ прибѣгаетъ къ слѣдующей фикціи: прибавочная цѣнность, создаваемая всей капиталистической промышленностью, образуетъ собой, по его объясненію, какъ бы общій резервуаръ, изъ котораго прибыль распредѣляется между отдѣльными капиталистическими предпріятіями пропорціонально не перемѣнному капиталу (заработной платѣ), а всему капиталу, какъ перемѣнному, такъ и постоянному, занятому въ производствѣ.

Объясненіе это было бы прекрасно, если бы оно не страдало однимъ, но очень существеннымъ недостаткомъ: оно совершенно произвольно выдумано Марксомъ и не имѣетъ подъ собой ни тѣни реальнаго основанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ III тома «Капитала» Марксъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ процессъ выравниванія капиталистической прибыли. Первоначально отрасли промышленности, въ которыхъ преобладаетъ перемѣнный капиталъ, даютъ болѣе высокій процентъ прибыли, чѣмъ тѣ, въ которыхъ постоянный капиталъ играетъ большую роль. Неравенство процента прибыли вызываетъ приливъ капиталовъ въ болѣе доходныя предпріятія перваго рода и отливъ капиталовъ изъ вторыхъ, менѣе доходныхъ предпріятій. Это передвиженіе капиталовъ не можетъ остаться безъ вліянія на цѣны соотвѣтствующихъ продуктовъ. Цѣны товаровъ перваго рода, благодаря увеличенію ихъ предложенія, падаютъ, цѣны товаровъ второго рода, по обратной причинѣ, возрастаютъ, вслѣдствіе чего процентъ прибыли въ первыхъ отрасляхъ промышленности понижается, во вторыхъ повышается, и въ результатѣ получается и въ тѣхъ и въ другихъ отрасляхъ про-

мышленности приблизительное равенство средняго процента прибыли и соотвѣтствіе его затратѣ капитала.

Нужно ли говорить, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не наблюдается? Весь этотъ процессъ отлива капитала изъ отраслей промышленности съ преобладаніемъ постояннаго капитала и прилива его въ отрасли промышленности съ преобладаніемъ перемѣннаго капитала измышленъ Марксомъ ad hoc—для того, чтобы какъ-нибудь затушевать противорѣчіе своей теоріи прибыли съ всѣмъ извѣстными фактами. Реальная, а не воображаемая, исторія хозяйства показываетъ совершенно обратное. Среди крупныхъ отдѣловъ общественнаго производства земледѣліе характеризуется особеннымъ преобладаніемъ перемѣннаго капитала; несмотря на это, именно земледѣліе всего менѣе привлекаетъ къ себѣ капиталы и потому сохраняетъ до настоящаго времени, среди другихъ отраслей общественнаго производства, наименѣе капиталистическій характеръ. Капиталъ отливаетъ изъ странъ старой капиталистической культуры и направляется въ болѣе молодыя страны. Въ какія же отрасли производства направляется этотъ потокъ капитала—въ тѣ ли, гдѣ преобладаетъ перемѣнный капиталъ, или же въ производства съ обратнымъ строеніемъ капитала? Опытъ показываетъ, что именно отрасли промышленности съ преобладаніемъ постояннаго капитала (желѣзныя дороги, металлургическіе заводы, крупныя фабрики и пр.) особенно притягиваютъ къ себѣ капиталы. Металлургическое производство юга Россіи, характеризующееся чрезвычайно высокими затратами на техническое оборудованіе заводовъ, развилось у насъ на глазахъ. По теоріи Маркса, процентъ прибыли въ нашей южной металлургической промышленности долженъ бы быть вначалѣ низкимъ, а затѣмъ постепенно повышаться и сравняться, наконецъ, со среднимъ процентомъ прибыли для Россіи. Дѣйствительность дала совершенно обратную картину: металлургическіе заводы, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, давали вначалѣ огромные дивиденды, которые затѣмъ, по мѣрѣ роста промышленности, значительно понизились.

Впрочемъ, для опроверженія измышленій Маркса можно и не прибѣгать къ фактамъ. Измышленія эти опровергаются его собственной теоріей цѣны. Онъ самъ призналъ, въ другихъ частяхъ своего труда, что цѣны товаровъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ не имѣютъ тяготѣнія къ трудовымъ стоимостямъ и регулируются издержками производства, а не трудомъ. То, что Марксъ называетъ органическимъ строеніемъ капитала, т.-е. распредѣленіе его на постоянную и перемѣнную часть, не оказываетъ никакого вліянія на товарную цѣну. Даже предметы, которые совсѣмъ не имѣютъ трудовой стоимости, какъ, напр., земля, могутъ имѣть цѣну. Слѣдовательно, ни о какомъ тяготѣніи цѣнъ къ трудовымъ затратамъ не можетъ быть и рѣчи. А если такъ, то для всей этой длинной исторіи—прилива капитала въ отрасли промышленности съ преобладаніемъ постояннаго капитала и

отлива ихъ изъ производствъ съ противоположнымъ органическимъ строеніемъ—нѣтъ рѣшительно никакого повода: цѣны въ среднемъ и такъ соотвѣтствуютъ относительнымъ затратамъ капитала, и процентъ прибыли (опять-таки въ среднемъ) и такъ приблизительно одинаковъ для отраслей промышленности съ самымъ различнымъ строеніемъ капитала. Все это сложное построеніе было придумано Марксомъ для того, чтобы спасти свою теорію прибавочной цѣнности; но оно находится въ основномъ противорѣчіи съ *теоріей цѣны* того же Маркса, теоріей, вполнѣ совпадающей съ общепринятой въ экономической наукѣ. Чтобы избавить теорію абсолютной трудовой цѣнности отъ очевиднаго противорѣчія съ фактами, Марксъ разорвалъ ея связь съ теоріей цѣны. Теорія цѣны «Капитала» вполнѣ реалистична, теорія цѣнности до послѣдней степени фантастична. При такомъ положеніи дѣла, неудивительно, что всѣ крайне искусственныя и замысловатыя построенія Маркса, измышленныя имъ въ интересахъ согласованія съ фактами своей теоріи цѣнности (вхѣстѣ съ вытекающей изъ послѣдней теоріей прибавочной цѣнности), расходятся съ его собственной теоріей цѣны.

По ученію Маркса, прибыль *всего класса* капиталистовъ опредѣляется поступающей въ ихъ распоряженіе долей прибавочной цѣнности, выкачиваемой ими изъ рабочихъ; но прибыль каждаго *отдѣльнаго* капиталиста не находится ни въ какомъ соотношеніи съ присваиваемой имъ долей прибавочной цѣнности. Прибавочная цѣнность изъ всѣхъ отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій сливается какъ бы въ общій резервуаръ, чтобы затѣмъ опять распредѣлиться, по инымъ основаніямъ, между отдѣльными предпріятіями. Ученіе это нѣсколько напоминаетъ, по своей конструкціи, пресловутое ученіе объ общемъ фондѣ заработной платы. Послѣднее ученіе было оставлено наукой въ виду того, что самое представленіе объ общемъ фондѣ, изъ котораго каждый рабочій черпаетъ свою плату, оказалось фикціей. То же слѣдуетъ сказать и объ общемъ резервуарѣ прибавочной цѣнности, который предполагается Марксомъ. Никакого общаго резервуара прибавочной цѣнности не существуетъ—прибыль отдѣльнаго капиталиста не есть частное, происходящее отъ дѣленія общей суммы прибыли капиталистическаго класса на число единицъ капитала, а, наоборотъ, общая прибыль капиталистическаго класса есть величина производная, есть результатъ сложенія прибылей всѣхъ отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій.

Какъ прибыль отдѣльнаго капиталиста не находится ни въ какомъ соотношеніи съ тѣмъ, что Марксъ называетъ прибавочной цѣнностью даннаго предпріятія, такъ и прибыль всего капиталистическаго класса отнюдь не опредѣляется поступающей въ его распоряженіе долей общей суммы прибавочной цѣнности. Прибыль какъ отдѣльнаго капиталиста, такъ и всѣхъ капиталистовъ въ совокупности, есть моментъ, соотносительный *цѣнѣ*, а не трудовой стоимости.

Марксъ часто говоритъ о ненасытной жаждѣ прибавочной цѣнности, которой объятъ капиталъ. Но къ какой же цѣнности стремится капиталистъ, къ цѣнности, какъ къ воплощенію человѣческаго труда (цѣнность въ смыслѣ Маркса), или же къ цѣнности, какъ къ абстрактной основѣ цѣны (цѣнность въ общепринятомъ смыслѣ)? Никакого сомнѣнія на этотъ счетъ быть не можетъ. Капиталисту совершенно безразлична трудовая стоимость продукта, но крайне важна цѣна послѣдняго. Если предпріятіе даетъ много прибавочной стоимости, но немного прибыли, то капиталистъ никогда не признаетъ этого предпріятія выгоднымъ.

Такъ, напр., въ домашней промышленности, при господствѣ системы «выжиманія пота», капиталистъ выкачиваетъ изъ рабочаго огромное количество прибавочнаго труда—значительно большее количество, при равныхъ затратахъ капитала, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ капиталистической промышленности. Но такъ какъ продукты этого рода промышленности продаются по очень низкимъ цѣнамъ, то нѣтъ основанія думать, что прибыль капиталиста именно въ этихъ отрасляхъ производства всего выше и потому нельзя сказать, чтобы капиталъ съ особенной энергіей притекалъ именно въ домашнюю промышленность. Капиталисту вообще нѣтъ дѣла до уровня прибавочнаго труда, если этотъ уровень расходится съ уровнемъ прибыли; капиталистъ выжимаетъ потъ изъ рабочаго вовсе не изъ жестокосердія и не изъ вражды къ рабочему, а ради полученія прибыли, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ разницы цѣны выручки и затраты капиталиста. Если, по тѣмъ или инымъ рыночнымъ условіямъ, высокій процентъ прибыли совпадаетъ съ низкимъ уровнемъ прибавочнаго труда (а возможность такого совпаденія отнюдь не отрицается Марксомъ), то капиталистъ найдетъ данное предпріятіе выгоднымъ и охотно помѣститъ въ него свои капиталы. Наоборотъ, если въ томъ или иномъ предпріятіи выжимается огромное количество прибавочнаго труда, но процентъ прибыли остается низкимъ, то капиталистъ не будетъ ни минуты колебаться, выгодно это предпріятіе или нѣтъ. Отсюда ясно, что не цѣнность (въ смыслѣ Маркса), а цѣна есть истинный нервъ капиталистическаго производства. Не стремленіе къ прибавочному труду, а стремленіе къ прибавочной цѣнѣ, къ возможному превышенію цѣны выручки сравнительно съ цѣной затраты—вотъ что управляетъ движеніями капитала.

Если же такъ, то къ чему нужна вся теорія прибавочной цѣнности, вмѣстѣ со своей основой—абсолютной трудовой теоріей цѣнности? Мѣновыя отношенія товаровъ не управляются трудовыми затратами, прибыльность отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій не находится ни въ какомъ соотношеніи съ выкачиваемой въ каждомъ предпріятіи прибавочной цѣнностью. Правда, Марксъ утверждаетъ, что хотя цѣна каждаго отдѣльнаго товара и не совпадаетъ съ его

трудовой стоимостью, зато для всего общества «сумма цѣнъ изготовленныхъ товаровъ равняется суммѣ ихъ (трудовыхъ) цѣнностей» («Das Kapital» III¹, S. 138), и что если прибыль индивидуальнаго капиталиста не совпадаетъ съ извлекаемой имъ долей прибавочной цѣнности, за то общая прибыль всего класса капиталистовъ какъ разъ равна присваиваемой ими долѣ прибавочной цѣнности. Но легко понять безнадежность этой послѣдней попытки Маркса спасти свою теорію. Понятіе суммы цѣнъ всѣхъ товаровъ (включая сюда и деньги) есть понятіе логически нелѣпое*). Цѣна есть выраженіе мѣноваго *отношенія*, отношенія въ обмѣнѣ одного товара къ другому товару. Сумма членовъ этихъ отношеній ничего не выражаетъ, ибо понятіе отношенія предполагаетъ два члена, а отношеніе съ однимъ членомъ, отношеніе, ни къ чему не относящееся, есть абсурдъ. Цѣна показываетъ, что одинъ товаръ въ извѣстномъ отношеніи обмѣнивается на другой товаръ; если же мы возьмемъ всѣ товары въ совокупности (т.-е. включая сюда и деньги) и спросимъ себя, каково ихъ мѣновое отношеніе, какова ихъ общая цѣна, то единственно возможный на это отвѣтъ долженъ быть слѣдующій: вся совокупность товаровъ, какъ цѣлое, ни на что не обмѣнивается (обмѣнъ происходитъ внутри этой совокупности) и, слѣдовательно, никакой цѣны не имѣетъ.

Поэтому, ни о какой *цѣнѣ* всей общественной суммы товаровъ (включая сюда и деньги) не можетъ быть и рѣчи. Но, разумѣется, ничего нѣтъ нелѣпаго въ понятіи трудовой стоимости общественнаго продукта. Нелѣпость утвержденія Маркса заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что Марксъ признаетъ возможнымъ выразить стоимость всего общественнаго продукта въ трудовыхъ единицахъ; а въ томъ, что онъ пытается установить равенство между трудовой стоимостью общественнаго продукта и цѣной (мѣновымъ отношеніемъ) послѣдняго.

Такимъ образомъ, абсолютная трудовая теорія цѣнности не можетъ быть спасена разсмотрѣніемъ всего общественнаго хозяйства въ совокупности. То же слѣдуетъ сказать и о частномъ выводѣ изъ трудовой теоріи цѣнности—теоріи прибавочной цѣнности. Мы всего менѣе склонны отрицать или ослаблять значеніе факта прибавочнаго труда. Теорію прибавочнаго труда и прибавочной (трудовой) стоимости мы не только не считаемъ ложной, но полагаемъ, что эта теорія есть одинъ изъ очевиднѣйшихъ выводовъ экономическаго мышленія, не подпадающаго иллюзіи товарнаго фетишизма и не ослѣпленнаго капиталистическими классовыми интересами. Но вѣдь прибавочный трудъ и прибавочная цѣнность далеко не одно и то же. Отожествленіе двухъ этихъ понятій было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы трудовая стоимость совпадала съ мѣновой цѣнностью. А такъ какъ этого на самомъ дѣлѣ

*) Ср. разсужденія г. Франка въ его интересной книгѣ «Теорія цѣнности Маркса». Стр. 66.

нѣтъ, то и никакое суммированіе прибыли капиталистовъ не можетъ повести къ совпаденію присваиваемой капиталистами прибавочной стоимости съ прибылью.

Будемъ разсматривать весь классъ капиталистовъ, съ одной стороны, и весь классъ рабочихъ—съ другой. Наблюдается ли въ этомъ случаѣ соотвѣтствіе между присваиваемой капиталистами трудовой стоимостью и прибылью? Отнюдь нѣтъ, и по слѣдующей причинѣ. Органическое строеніе всего общественнаго капитала иное, чѣмъ строеніе капитала, занятаго въ производствѣ элементовъ самого капитала—средствъ производства и предметовъ потребленія рабочаго класса. Отсюда слѣдуетъ, что отношеніе трудовой стоимости капитала (средствъ производства и заработной платы) къ трудовой стоимости всего общественнаго продукта отнюдь не должно совпадать съ отношеніемъ денежной цѣны капитала къ денежной цѣнѣ общественнаго продукта. Капиталъ можетъ, напр., равняться по своей трудовой стоимости $^6/_7$ всего общественнаго продукта, а по своей денежной цѣнѣ составлять лишь $^5/_6$ послѣдняго. Доля капиталистовъ можетъ равняться по своей трудовой стоимости $^1/_7$ всего общественнаго продукта, а по денежной цѣнѣ—$^1/_6$. Такъ какъ процентъ прибыли устанавливается цѣной, а не трудовой стоимостью, то, слѣдовательно, реальная прибыль всего класса капиталистовъ составитъ, при данныхъ условіяхъ, значительно большую долю всего общественнаго продукта, чѣмъ прибавочная цѣнность (прибавочная стоимость), поступающая въ пользу капиталистическаго класса. Капиталисты въ нашемъ примѣрѣ получаютъ, при разсчетѣ по труду, $^1/_7$ долю стоимости общественнаго продукта, а при разсчетѣ по денежной цѣнѣ, $^1/_6$ часть цѣны общественнаго продукта. По теоріи прибавочной цѣнности, капиталисты (предполагая, для простоты анализа, что все общество слагается лишь изъ двухъ классовъ—капиталистовъ и рабочихъ) должны были бы въ этомъ случаѣ получать $16^2/_3\%$ прибыли на затраченный капиталъ ($^1/_7$: $^6/_7$), а въ дѣйствительности они получатъ 20% прибыли на тотъ же капиталъ ($^1/_6$: $^5/_6$). Слѣдовательно, безусловно невѣрно, будто прибыль всего класса капиталистовъ устанавливается на основѣ прибавочной цѣнности; это столь же невѣрно по отношенію ко всему классу капиталистовъ, какъ и по отношенію къ отдѣльному капиталисту. Прибавочная цѣнность только въ томъ случаѣ могла бы устанавливать реальную прибыль, если бы органическое строеніе капитала во всѣхъ отдѣлахъ общественнаго производства было одинаковымъ. А такъ какъ это предположеніе противорѣчитъ дѣйствительности, то и вся теорія прибавочной цѣнности, какой бы смыслъ ей ни придавать, разсматривать ли ее, какъ теорію прибыли отдѣльнаго капиталиста или какъ теорію дохода всего класса капиталистовъ, класса землевладѣльцевъ и пр.—противорѣчитъ дѣйствительности.

Признавъ, что среднія цѣны товаровъ не совпадаютъ съ трудовыми стоимостями, Марксъ нанесъ смертельный ударъ своей теоріи цѣн-

ности, а слѣдовательно, и теоріи прибавочной цѣнности. Объ теоріи превратились въ совершенно ненужный и крайне сложный научный аппаратъ, ничего не объясняющій въ фактахъ дѣйствительной жизни и только затемняющій ихъ. Разорвавъ связь цѣнности съ цѣной, Марксъ лишилъ содержанія свое понятіе цѣнности. Дѣйствительно, что это за странная *мѣновая* цѣнность, которая никогда не проявляется въ обмѣнѣ! Въ чемъ же она, въ такомъ случаѣ, проявляется? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ, самый естественный, казалось бы, вопросъ мы напрасно стали бы искать у Маркса.

Экономическія построенія «Капитала» относятся къ какому-то фантастическому міру, не имѣющему ничего общаго съ реальнымъ міромъ. Категорически заявляя, что цѣна товара *не тяготѣетъ* къ трудовой затратѣ, Марксъ съ неутомимымъ усердіемъ нанизываетъ одну формулу на другую, вводитъ новыя и новыя усложненія въ свою систему, строитъ одну запутанную теорему на другой, дѣлаетъ все болѣе темной свою хитроумную и крайне искусственную теоретическую конструкцію, въ основѣ которой лежитъ молчаливое допущеніе, что... цѣны *тяготѣютъ* къ трудовымъ затратамъ! Весь II томъ «Капитала» (кромѣ III отдѣла) представляетъ собой удивительнѣйшій образчикъ экономической схоластики, въ которой чисто словесныя построенія разрастаются до чудовищныхъ размѣровъ; понятіе трудовой цѣнности переворачивается Марксомъ на всѣ лады, изъ него извлекаются самые замысловатые выводы, а изслѣдованіе объективныхъ фактовъ не подвигается ни на шагъ *). Мысль вращается все время въ кругу понятій, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. И вся эта схоластика — въ родѣ глубокомысленныхъ разсужденій, создаетъ ли прибавочную цѣнность рабочій, занятый въ торговомъ предпріятіи—или бухгалтеръ и кассиръ — покоится на тезисѣ, который опровергается самимъ авторомъ! Реальныя явленія—въ родѣ цѣны земли—объявляются «мнимыми», «ирраціональными», а мнимыя понятія—въ родѣ таинственной мѣновой цѣнности, не проявляющейся въ обмѣнѣ — признаются единственной реальностью. Марксъ, конечно, геніаленъ, и многія его мысли войдутъ навсегда въ сокровищницу человѣческаго знанія; но достигая предѣловъ глубины пониманія, авторъ «Капитала» достигалъ и предѣловъ логической безвкусицы, отъ которой такъ пострадало его великое твореніе.

Послѣ всего сказаннаго, намъ не трудно понять, въ чемъ заключается правда и ложь теоріи абсолютной трудовой цѣнности. Ея правда въ томъ, что трудовая стоимость есть, дѣйствительно, основная категорія экономическаго мышленія, не останавливающагося на поверхности товарнаго міра, но проникающаго въ его глубины; ея

*) На схоластичность построеній «Капитала» уже давно справедливо указалъ въ своей критикѣ Маркса г. Слонимскій.

ложь въ отожествленіи трудовой стоимости съ цѣнностью. Разсматриваемая теорія безусловно несостоятельна, какъ теорія цѣнности, но она содержитъ въ себѣ элементы, безъ которыхъ соціологическое пониманіе капиталистическаго общественнаго строя было бы невозможно. Поэтому, и друзья, и враги этой теоріи одинаково правы и неправы—теорія абсолютной трудовой цѣнности не есть полная истина, но она не есть и полная ложь. Оффиціальная экономическая наука имѣла основаніе игнорировать эту теорію, такъ какъ для всей группы явленій, связанныхъ съ категоріей цѣнности и цѣны (а именно эти явленія изучаются господствующей политической экономіей), названная теорія совершенно безполезна; но не менѣе правъ и Марксъ, болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, понявшій, что только категорія трудовой стоимости можетъ быть исходнымъ пунктомъ соціальной науки, изслѣдующей общественныя отношенія капиталистическаго строя съ точки зрѣнія интересовъ работающаго человѣка.

О теоріи прибавочной цѣнности нужно сказать то же, что и о теоріи абсолютной трудовой цѣнности, съ которой она составляетъ неразрывное цѣлое. Въ ней также скрыта подъ оболочкой ложной теоріи прибыли и нетрудового дохода вообще нѣкоторая глубокая истина—признаніе наличности прибавочнаго труда, какъ основы капиталистическаго, какъ и всякаго иного классоваго общественнаго строя. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что прибыль капиталиста, вопреки теоріи Маркса, *не есть* неоплоченный трудъ рабочаго. Только въ этическомъ смыслѣ, исходя изъ этически-правового принципа права рабочаго на весь продуктъ производства, можно поддерживать этотъ основной тезисъ Маркса. Конечно, капиталистъ получаетъ свою прибыль безъ соотвѣтствующаго трудоваго эквивалента съ своей стороны. Рабочій работаетъ въ пользу капиталиста болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которое требуется для воспроизведенія получаемой рабочимъ платы. Отрицать это значило бы отрицать, что рабочій извлекаетъ свой доходъ изъ своего труда, а капиталистъ изъ своего капитала, т.-е., что рабочій есть рабочій, а капиталистъ есть капиталистъ. Но прибавочный трудъ не есть прибавочная цѣнность, не есть, слѣдовательно, и прибыль. Признавъ фактъ прибавочнаго труда, мы еще далеко не объяснили, откуда берется прибыль капиталиста.

Проблема прибыли есть проблема нетрудового дохода вообще. Объяснивъ происхожденіе прибыли, мы легко поймемъ происхожденіе и всѣхъ другихъ видовъ нетрудового дохода. Итакъ, откуда берется прибыль капиталиста?

Чтобы дать вполнѣ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно его подраздѣлить на два подвопроса. Проблема прибыли (какъ и другихъ видовъ нетрудового дохода) есть, одновременно, проблема производства и распредѣленія. Чтобы капиталистъ получалъ прибыль, для этого требуется, во-1-хъ, чтобы соотвѣтствующая цѣнность производилась въ хозяйствѣ и, во-2-хъ, чтобы эта цѣнность, въ силу тѣхъ или иныхъ

условій, поступала въ полное распоряженіе капиталиста. Первый вопросъ относится къ области производства цѣнностей, второй—къ области ихъ распредѣленія.

Что касается до перваго вопроса—о возникновеніи цѣнности, составляющей прибыль капиталиста, то отвѣтить на него не трудно. Прибыль есть такая же цѣнность, какъ и всякая другая. Возникаетъ она такимъ же образомъ, какъ и другія цѣнности. Что же требуется для того, чтобы возникла цѣнность? Цѣнностью обладаютъ предметы, удовлетворяющіе нашимъ потребностямъ и имѣющіеся въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что утрата хотя бы малой доли запаса причиняетъ намъ извѣстное лишеніе. Для, того чтобы произвести цѣнность, нужно произвести полезный продуктъ, удовлетворяющій этому послѣднему условію.

Производство всегда направлено на созданіе именно такихъ продуктовъ. Мы не производимъ воды или воздуха, такъ какъ воды и воздуха и такъ больше, чѣмъ намъ нужно. Въ результатѣ производства получается цѣнный продуктъ. Какой же факторъ производства создаетъ цѣнность продукта? Быть можетъ, цѣнность продукта создается исключительно трудомъ?

Мы знаемъ, что это не такъ. Цѣнностью могутъ обладать предметы, въ которыхъ не заключено ни атома труда. Съ другой стороны, цѣнность трудовыхъ продуктовъ отнюдь не соотвѣтствуетъ заключенному въ нихъ труду. Слѣдовательно, никакъ нельзя приписывать созданіе цѣнности исключительно труду.

Правда, затрата труда, при идеальныхъ условіяхъ хозяйства (т.-е. тогда, когда трудящійся человѣкъ станетъ полнымъ хозяиномъ общественнаго хозяйства), должна стать верховнымъ регуляторомъ производства, а, слѣдовательно, и цѣнности. Но даже и въ этомъ идеальномъ хозяйствѣ, цѣнность не будетъ *создаваться* трудомъ, а будетъ лишь *пропорціональной* труду. Человѣкъ будетъ такъ регулировать количество производимыхъ продуктовъ, что ихъ цѣнность будетъ соотвѣтствовать трудовой стоимости. Но все же основной законъ цѣнности, согласно которому цѣнность непосредственно опредѣляется двумя условіями: во-1-хъ, способностью предмета удовлетворять нашимъ потребностямъ и, во-2-хъ, количествомъ этихъ предметовъ въ нашемъ распоряженіи, сохранитъ всю свою силу. Во время сраженія направленія выстрѣловъ сражающихся противниковъ опредѣляются и регулируются положеніемъ и передвиженіями непріятельскихъ войскъ. Но можно ли сказать, что непріятель *создаетъ* выстрѣлы, направленные противъ него? Очевидно, нѣтъ. Такъ и сопротивленіе природы, преодолѣваемое трудомъ человѣка, не создаетъ само по себѣ цѣнности, хотя, при идеальныхъ условіяхъ производства, цѣнность должна регулироваться этимъ сопротивленіемъ.

Все это, однако, относится къ идеалу—къ тому времени, когда обще-

ственное хозяйство подчинится волѣ трудящагося человѣка, утратитъ свой стихійный характеръ и станетъ продуктомъ планомѣрной и сознательной дѣятельности людей. Теперь же трудъ не является даже регуляторомъ цѣнности, ибо для капиталистическаго хозяйства такимъ регуляторомъ, по общему признанію, служатъ затраты не труда, а *капитала*, капиталистическія издержки производства. Поэтому, относительно капиталистическаго хозяйства не можетъ быть никакого сомнѣнія, что капиталъ есть такой же самостоятельный факторъ цѣнности (какъ основы цѣны), какъ и трудъ.

Лошадь, которая тащитъ плугъ, нисколько не меньше участвуетъ въ созданіи мѣновой цѣнности земледѣльческаго продукта, обращающагося въ капиталистическомъ хозяйствѣ, чѣмъ рабочій, которой идетъ вслѣдъ за плугомъ. Точно также ткацкая машина, замѣщающая ручного ткача, создаетъ не менѣе мѣновой цѣнности, какъ основы капиталистической цѣны, чѣмъ вытѣсненный ею ручной ткачъ.

Относительно всего этого спора, по существу, быть не можетъ,—во всякомъ случаѣ, не можетъ быть спора при ясномъ пониманіи дѣла. Можетъ быть только чисто словесный споръ — напр., если называть мѣновой цѣнностью не покупательскую силу, не абстрактную основу цѣны, а затраченный на производство товара трудъ. Но такое словесное возраженіе легко отвести, указавъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о трудовой цѣнности (до которой капиталисту, получающему прибыль, нѣтъ никакого дѣла), а о капиталистической цѣнѣ.

Итакъ, средства производства принимаютъ такое же участіе въ созданіи цѣнности, образующей прибыль капиталиста, какъ и рабочая сила человѣка. Вопросъ о томъ, какой факторъ производства—трудъ или капиталъ—играетъ бо́льшую роль въ созданіи капиталистической цѣнности, совершенно аналогиченъ вопросу, какая половина ножницъ—верхняя или нижняя—рѣжетъ бумагу. Обѣ половины ножницъ одинаково участвуютъ въ произведеніи этого полезнаго результата—точно также и прибыль капиталиста одинаково производится какъ объективными, такъ и субъективными факторами производства.

Но эти соображенія еще не объясняютъ намъ, откуда берется прибыль. Производство требуетъ извѣстныхъ затратъ. Рабочій, чтобы работать, долженъ жить и обладать работоспособностью; средства производства, чтобы функціонировать, должны быть возобновляемы и поддерживаемы въ исправномъ видѣ. Если общественное производство даетъ лишь столько продуктовъ, сколько технически необходимо для его поддержанія въ томъ же размѣрѣ, то никакого избытка въ пользу неработающаго класса возникнуть не можетъ. Слѣдовательно, для возможности капиталистической прибыли требуется, чтобы общественное производство было технически въ силахъ создать большее количество продуктовъ, большую цѣнность, чѣмъ то количество продуктовъ, та цѣнность, которыя технически необходимы для поддержанія общественнаго производства въ неуменьшенномъ видѣ. Поэтому, какъ

правильно указалъ Родбертусъ, нетрудовой доходъ возникаетъ лишь на опредѣленной ступени развитія общественнаго производства.

Отчего же зависитъ образованіе этого избытка цѣнности—отъ занятаго въ производствѣ труда или отъ капитала? Конечно, капиталъ созданъ людьми, а не люди созданы капиталомъ. Поэтому, мы можемъ съ полнымъ правомъ сказать, что поднятіе производительности общественнаго труда есть созданіе самого общества, а не мертвыхъ орудій труда. Но общество отнюдь не совпадаетъ съ классомъ производительныхъ рабочихъ. Поэтому, было бы явнымъ абсурдомъ утверждать, что высокая производительность труда современнаго фабричнаго рабочаго есть дѣло рукъ этого самаго рабочаго. Рабочіе строятъ машины, но для возникновенія машины требуется нѣчто большее, чѣмъ мускулистыя руки. Безъ науки, безъ творческой работы человѣческаго ума хозяйственный трудъ былъ бы такъ же безпомощенъ, какъ птица безъ крыльевъ. А носителями цивилизаціи и науки являются въ современномъ обществѣ далеко не одни рабочіе. Конечно, мы не имѣемъ права утверждать и обратнаго—что двигателями промышленнаго прогресса являются только капиталисты. Многіе сторонники такъ называемой производительной теоріи прибыли (напр., Рошеръ, Кэри и др.) представляютъ капиталиста въ образѣ благодѣтеля человѣчества, изобрѣтающаго новые методы производства и этимъ настолько повышающаго производительность общественнаго труда, что получаемая капиталистомъ прибыль составляетъ лишь ничтожную долю возрастанія общественнаго производства, которымъ общество обязано всеобщему благодѣтелю — капиталисту. Такое изображеніе капиталиста есть очевидная фальсификація дѣйствительности. Большинство великихъ изобрѣтателей умерло въ бѣдности, многіе изъ нихъ были простыми рабочими; очень немногіе—въ родѣ Аркрайта или Уатта—обогатились отъ своихъ изобрѣтеній. Но если и согласиться, что милліоны Аркрайта были созданы его собственнымъ геніемъ, то это оправданіе капиталистической прибыли, очевидно, непримѣнимо къ доходамъ многихъ тысячъ капиталистовъ, которые пользовались, пользуются и будутъ пользоваться изобрѣтеніями Аркрайта, не принимая въ нихъ ровно никакого участія. Классъ капиталистовъ столь же мало совпадаетъ съ группой изобрѣтателей, какъ и классъ рабочихъ. Изобрѣтенія, какъ и научныя открытія, великія произведенія искусства, творящія эпоху идеи, и вообще все то, что мы объединяемъ понятіемъ цивилизаціи, суть созданіе не какого-либо одного общественнаго класса, а всего общества въ совокупности. Поэтому, высокая производительность труда, составляющая одно изъ условій возникновенія капиталистической прибыли, столь же мало можетъ быть отнесена на счетъ занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, какъ и на счетъ капиталистовъ, въ пользу которыхъ работаютъ рабочіе. Промышленный прогрессъ неотдѣлимъ отъ общаго соціальнаго прогресса, творцомъ котораго является все человѣчество.

Итакъ, мы отвѣтили на первый изъ двухъ вопросовъ, изъ которыхъ слагается проблема прибыли. Теперь намъ ясно, что цѣнность, образующая капиталистическую прибыль, есть столь же мало созданіе одного труда, какъ и одного капитала. Все общество, какъ носитель духовной и матеріальной культуры, принимаетъ участіе въ созданіи чистаго общественнаго продукта, избытка общественнаго производства, сравнительно съ потребностями самого производства. Органами же общественнаго производства являются какъ рабочіе, такъ и орудія труда. И тѣ и другіе въ равной мѣрѣ необходимы для техническихъ процессовъ, изъ которыхъ слагается производство. Выяснивши это, мы можемъ перейти ко второму вопросу—почему эта избыточная цѣнность поступаетъ въ распоряженіе капиталиста.

Отвѣтъ на этотъ второй вопросъ уже данъ Родбертусомъ и притомъ съ ясностью, не оставляющей желать ничего лучшаго. Собственники земли и капитала имѣютъ возможность присвоить себѣ часть продуктовъ, часть цѣнности, создаваемыхъ обществомъ. На этой гранитной основѣ прочно покоится соціальное могущество имущихъ классовъ, пользующихся своей экономической и соціальной мощью для обезпеченія себѣ возможно большей доли въ общественномъ продуктѣ.

Доля общественнаго продукта, поступающая въ пользу капиталистовъ, опредѣляется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, соціальной мощью капиталистическаго класса. И капиталисты, и рабочіе стремятся захватить въ свою пользу возможно большую часть общественнаго продукта. Но какимъ бы подавляющимъ перевѣсомъ ни пользовались капиталисты, доля рабочихъ въ общественномъ продуктѣ не можетъ, очевидно, спуститься ниже опредѣленной границы, устанавливаемой минимумомъ средствъ къ существованію рабочаго, ибо общественное производство не можетъ совершаться безъ рабочихъ. Напротивъ, нельзя указать опредѣленной границы паденію капиталистической прибыли.

Итакъ, *соціальное* содержаніе теоріи прибавочной цѣнности Маркса, мы должны признать совершенно вѣрнымъ; но *экономическая* оболочка этой теоріи явно несостоятельна и не выдерживаетъ критики. И мы постарались показать, что можно сохранить здоровые соціальные элементы той теоріи нетрудового дохода, начало которой восходитъ къ Вилліаму Томпсону, лучшимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ которой былъ Родбертусъ, а наиболѣе вліятельнымъ распространителемъ — Марксъ, поставивъ ее въ то же время на совершенно иное экономическое основаніе, порвавъ ея связь съ теоріей абсолютной трудовой *цѣнности*, мѣсто которой должна занять, съ одной стороны, теорія предѣльной полезности, а съ другой—теорія абсолютной трудовой *стоимости*.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы"...

Это было ночью... очаровательною бѣлою ночью... Они долго бродили по улицамъ, по набережнымъ, по парку, облитые бѣлымъ сіяніемъ бѣлаго неба, очарованные сказочною красотою деревьевъ, воды и тумана, который окутывалъ всѣ предметы прихотливыми бѣлыми клочьями, обрывками кружевъ, волнами газа, прозрачнаго и легкаго. Небо и звѣзды, деревья и зданія съ тысячами электрическихъ огней отражались въ водѣ; вода и земля отражались въ туманѣ... И все какъ-то странно перепуталось между собою, сливалось, теряло ясность очертаній, казалось не живымъ, не дѣйствительнымъ, призрачнымъ и фантастическимъ, какъ на картинѣ, на декораціи, или во снѣ, или въ сказкѣ...

Онъ держалъ ее подъ руку, и они шли медленнымъ беззвучнымъ шагомъ, какъ лунатики, шли все впередъ, все впередъ и оба молчали. Говорить имъ обоимъ не хотѣлось, хотя каждому хотѣлось заглянуть въ душу другого какъ можно глубже, хотѣлось понять другъ друга и почувствовать еще сильнѣе. Они знакомы были всего лишь два дня. Онъ зналъ когда-то въ юности ея мужа, но ее самое видалъ впервые. Она же только слышала о немъ много занимательнаго и увлекательнаго и тоже видѣла его впервые. И стыдно ей было идти рука объ руку съ этимъ чужимъ человѣкомъ, идти, близко прильнувъ къ нему, чувствуя теплоту его тѣла, біеніе его сердца... Стыдно, жутко до тоски и въ то же время отрадно какъ то по новому, легко и весело до восторга. Кто онъ? Откуда взялся? Что несъ въ ея молодую, еще неокрѣпшую жизнь, полную смутной тревоги, неясныхъ запросовъ, порывовъ и мечтаній? Кто онъ? Откуда?.. Она не знала. И въ эту ночь, облитая бѣлымъ сіяніемъ бѣлаго неба, зачарованная окружающей сказкою, фантастическою грезою, блѣдными призраками, воздушными, неясными и странными, она даже и не хотѣла знать—кто онъ и что связываетъ ее съ нимъ, что толкаетъ ихъ другъ къ другу съ такою страшною, непреоборимою силою. Она только чувствовала, что невидимыя руки, которыя удерживали ее подлѣ него, сильнѣе всего,

что было въ ней въ эту минуту, сильнѣе разума, чувства долга, чести, стыда и смущенія, сильнѣе ея самой... И хорошо ей было въ безуміи своемъ, въ этой сладостной стихійности, съ которою она шла все впередъ, все впередъ къ чему-то новому, невѣдомому, таинственному и жуткому и обольстительному, увлекательному до восторга.

Онъ былъ много выше ея ростомъ, сильный, статный, мужественный, съ большою, умною головою, съ нѣжнымъ и мягкимъ, проникновеннымъ взглядомъ маленькихъ, голубыхъ глазъ, блестящихъ и свѣтлыхъ. Рука его безъ перчатки, мускулистая, твердая и горячая держала ея тоненькую ручку выше локтя легко, нѣжно и бережно, какъ любящая мать держитъ ребенка своего. И онъ смотрѣлъ на нее въ бокъ, сверху внизъ взглядомъ глубокаго, взволнованнаго восхищенія, умиленія и состраданія. Ему было жаль ее какою-то странною жалостью, восторженною и благоговѣйною, его очаровывало, умиляло, трогало въ ней рѣшительно все: то, что она такъ молода, такъ робка и застѣнчива, что у нея прекрасное, блѣдное личико, темныя кудри, тоненькая шейка, большіе, восторженные и мечтательные глазки, узкій бѣлый носикъ съ крошечными, милыми веснушками. Когда она смѣялась, у нея странно двигалось, сверкало и вздрагивало все лицо, и чудные, темные глаза ея заволакивались слезами. Голосъ у нея былъ звонкій, неровный и вздрагивающій, какъ у подростковъ, хотя она была уже 4 года замужемъ, имѣла ребенка. Вся она была такая нѣжная, изящная, съ тонкимъ и гибкимъ дѣвическимъ станомъ. И одѣта по-дѣвичьи, просто и мило: бѣлое батистовое платьице, бѣлая шляпка—пастушка съ полевыми цвѣтами, легонькая, свѣтлая суконная кофточка. Отъ всего, что было въ ней и на ней—отъ голоса ея, взгляда, жестовъ, фигуры и костюма, отъ всего вѣяло на него весною, молодостью, красотою и поэзіей...

Когда онъ наклонялся къ ней и заглядывалъ въ ея маленькое личико, она вся слегка вздрагивала, блѣднѣла, а потомъ вспыхивала. Глаза ея и безъ того огромные, глубокіе и темные еще больше темнѣли, углублялись и увеличивались. Улыбнувшись ему смущенною, стыдливою улыбкою, она быстро отворачивалась отъ него, наклоняла голову и шла такъ минуть пять, шесть. Тогда онъ начиналъ разглядывать ея милую шляпку съ бѣлыми ромашками и нѣжною зеленью, ея оголенную тонкую шейку съ короткими, золотистыми завитками... И все существо его, пронзенное ею, воспламененное ею, околдованное, опьяненное, тянулось къ ней, какъ растеніе тянется къ солнцу. Страстная жажда схватить ее всю, какъ ребенка, на руки, прижать къ груди, осыпать поцѣлуями, задушить бурными объятіями зажигала всю

кровь въ немъ, кружила голову, знойными волнами ходила по всему тѣлу. И, однако, онъ шелъ подлѣ нея сдержанный, тихій, безмолвный и почти такой же, какъ и она, робкій, стыдливый и застѣнчивый...

Такъ бродили они уже давно, нѣсколько часовъ, чувствуя дыханіе другъ друга, теплоту тѣла, біеніе сердца другъ друга... шли все впередъ, все впередъ, безъ мысли, безъ ясныхъ опредѣленныхъ чувствъ и съ однимъ только острымъ, слѣпымъ и страшнымъ въ своей слѣпотѣ ощущеніемъ близости другъ друга, близости волнующей, отъ которой въ груди было тѣсно и жарко и голова кружилась, какъ отъ вина. Въ особенности у ней кружилась голова... до того кружилась, что одолѣвала дремота, клонило ко сну. И она передвигала маленькія ножки свои съ трудомъ, еле-еле, точно въ гипнозѣ, или въ сомнамбулическомъ снѣ...

Они не замѣтили, какъ очутились на островахъ... По широкому, пыльному шоссе промчалась мимо нихъ куда-то коляска съ влюбленной парочкой, потомъ другая, третья... Наконецъ, откуда-то изъ-за купы темныхъ деревьевъ вынырнула фигура торговца цвѣтами.

— Баринъ, купите цвѣты... отличныя розы!

Онъ молча сунулъ торговцу монету, взялъ букетъ и протянулъ ей. Она взглянула на цвѣты и ахнула въ дѣтскомъ восхищеніи: розы были такъ свѣжи, такъ нѣжны и душисты! Густокрасныя, почти черныя, какъ черный съ краснотою бархатъ, блѣдно-розовыя, бѣлыя и желтыя, только что обрызганныя водою, онѣ сверкали алмазными каплями и струили нѣжный, спокойный и ровный, сладостный ароматъ. Но что въ нихъ было самое главное, самое восхитительное, такъ это то, что это были *его* розы, *его* подарокъ ей, первый подарокъ, поэтическій, неизъяснимо-очаровательный...

— Ну, что-же вы не берете?—спросилъ онъ, глядя ей въ глаза, въ зрачки, въ самую душу взглядомъ восторженнаго обожанія, любуясь ея дѣтскимъ восхищеніемъ.

Тогда она порывисто, обѣими руками схватила букетъ и поднесла его къ лицу, къ сверкающимъ глазамъ, къ горячимъ, трепещущимъ устамъ... Стала дышать ихъ спокойнымъ, сладостнымъ ароматомъ часто-часто, жадно и неотрывно и цѣловать холодные, влажные лепестки ихъ тайными, скрытыми поцѣлуями, долгими и беззвучными...

А онъ все глядѣлъ на нее сверху внизъ, тихо посмѣивался, въ то время, какъ глаза его наливались слезами умиленія и поклоненія. И опять они молчали и все шли, шли, шли...

На взморьѣ они остановились и оглядѣлись по сторонамъ. „Стрѣлка“ была безлюдна, ни души кругомъ. Тихо шумѣли зе-

леною, росистою листвою деревья, рокотали и плескались о каменный берегъ волны, чуть-чуть поскрипывалъ песокъ подъ ногами.

Легкій вѣтеръ набѣгалъ порывами, колыхалъ темную воду, которая у берега отливала жесткимъ металлическимъ блескомъ, а вдали желтѣла и сливалась съ бѣлымъ горизонтомъ, съ бѣлымъ туманомъ, съ призрачными далями, со странными, фантастическими кустами и деревьями.

Онъ усадилъ ее на деревянномъ диванчикѣ и самъ сѣлъ рядомъ съ ней. Облокотившись рукой на спинку дивана, онъ продолжалъ все смотрѣть на нее, точно прикованъ былъ къ ней, ни на мгновеніе не способенъ былъ оторваться отъ нея, смотрѣлъ и думалъ о томъ, какое счастье любить ее, ласкать, нѣжить, жить и дышать ею... Вѣтеръ тихо шевелилъ ея черный локонъ, выбившійся изъ подъ шляпки, предутренняя свѣжесть дѣлала личико ея еще блѣднѣе, утомленнѣе, милѣе и трогательнѣе для него. Медленно блуждая по ней влюбленнымъ взглядомъ, онъ остановился на розахъ, которыя лежали теперь у нея на колѣняхъ, между руками, брошенными по обѣимъ сторонамъ безсильнымъ, утомленнымъ жестомъ. Пышная зелень букета была смята, а бѣлые, желтые и блѣдно-розовые лепестки цвѣтовъ слегка свернулись по краямъ, потемнѣли и поблекли, обожженные ея жаднымъ дыханіемъ, ея тайными поцѣлуями.

— А розы ваши начинаютъ уже увядать, — сказалъ онъ тихо, неловко протянувъ большую руку, чуть-чуть дотронулся до ея колѣнъ, взялъ одинъ цвѣтокъ и поцѣловалъ его такъ, что она сразу же догадалась, что онъ не розу поцѣловалъ, а ее... Голова у нея еще сильнѣе закружилась, и она закрыла глаза.

— Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!—сказалъ онъ вдохновеннымъ звукомъ, словно стихи продекламировалъ.—Помните у Тургенева—„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы?“ И еще есть статуя... какого-то русскаго скульптора молодая дѣвушка или женщина въ миломъ, простомъ нарядѣ, съ простою прическою, со взоромъ разсѣяннымъ, мечтательнымъ. На колѣняхъ у нея розы, а внизу подъ статуей „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“. Чудная статуя эта на васъ похожа... вотъ на такую, какъ сейчасъ.

— Да?—спросила она, широко открывая глаза и стыдливо вспыхивая, нервно кашлянула, опять собрала съ колѣнъ цвѣты, поглядѣла на нихъ долгимъ, раздумчивымъ взглядомъ и повторила, какъ эхо:

— Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!.. Прелестныя слова!.. Знаете?—обратилась она къ нему уже живо и непринужденно, быстрымъ, граціознымъ движеніемъ поворачиваясь къ

нему всѣмъ своимъ легкимъ корпусомъ.—Знаете... мнѣ кажется все это ужасно страннымъ... не правда ли? Ужасно, ужасно странно!.. Вѣдь вотъ мы совсѣмъ не знаемъ другъ друга, ни вы меня, ни я васъ, а между тѣмъ...

Она не договорила и потупилась.

— А между тѣмъ,—договорилъ онъ за нее,—насъ вотъ тянетъ другъ къ другу съ такою силою, съ какой меня, напримѣръ, никогда не тянуло ни къ одной женщинѣ... Ни къ одной!.. А я женщинъ зналъ, любилъ и влюблялся много разъ... Но теперь что-то особенное, исключительное... что-то дѣйствительно странное, непостижимое... Вы завладѣли мной съ перваго момента встрѣчи, съ перваго взгляда. Вотъ вы говорите, что я васъ не знаю, а мнѣ кажется наоборотъ: что именно я-то васъ знаю такъ, какъ никто въ мірѣ васъ не зналъ никогда и не узнаетъ. Никто, никто такъ не чувствуетъ васъ всю, какъ я чувствую и ощущаю... и, слѣдовательно, знаю васъ всю.

Она удивленно поглядѣла на него и весело разсмѣялась.

— Вотъ это ужъ совсѣмъ непонятно... какимъ же образомъ вы узнали меня? Когда?

— Когда вы еще на свѣтъ бѣлый не родились,—продолжалъ онъ совершенно серьезно.—Понимаете ли, какая тутъ штука... это, какъ два куска магнита: приблизьте одинъ кусокъ къ другому, и они потянутся другъ къ другу всѣми атомами. Какъ самое слабое насѣкомое тянется къ цвѣтку, съ силой и настойчивостью, которая ни передъ чѣмъ не оставливается, такъ и любовь находитъ дорогу къ сердцу, которое принадлежитъ ей. Тутъ, видите ли тайна... такая же красивая обольстительная и въ то же время жуткая и непостижимая, какъ тайна смерти и рожденія.

— Вотъ вы сказали „тайна“ и красивое слово это васъ успокоило—молвила она глухо.—А я минутами думаю, что это—голый инстинктъ самаго низшаго порядка, безъ искры божества, одухотворенности. И отъ мыслей этихъ мнѣ такъ больно, оскорбительно!

На эти слова ея, сказанныя голосомъ, полнымъ тоски и печали, онъ засмѣялся короткимъ, горестнымъ смѣхомъ.

— Инстинктъ,—протянулъ онъ угрюмо, съ ѣдкою насмѣшкою,—да еще самый низшій... прекрасно! Ну, а вотъ то, напримѣръ, что съ инстинктомъ этимъ я борюсь... сегодня я весь вечеръ уродую себя, насилую. Вѣдь если бы тутъ только одинъ „голый“ инстинктъ былъ, я бы давно уже зацѣловалъ васъ на смерть, задушилъ въ объятіяхъ, замучилъ ласками. А выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Я вотъ, сижу подлѣ васъ, какъ самый благонравный мальчикъ, и только гляжу на васъ, только млѣю и сгораю неви-

димымъ для васъ огнемъ... Это что же по вашему? Какъ назовете вы эту борьбу съ самимъ собою? отчаянную, уродскую, проклятую схватку съ собственной природой своей?

— Искрою Божества,—сказала она съ дѣтскимъ простодушіемъ и сама же первая разсмѣялась надъ этимъ простодушнымъ объясненіемъ.

И онъ засмѣялся громкимъ, веселымъ смѣхомъ. И ни съ того, ни съ сего имъ стало сразу легко и безпечно-весело, какъ двумъ школьникамъ, убѣжавшимъ отъ взрослыхъ и тайно напроказившимъ. Захотѣлось еще большей шалости, большаго озорства и веселья... Она смѣялась безъ всякой причины, отъ совершенныхъ пустяковъ, механически обрывала губами лепестки розъ, жевала ихъ и проглатывала.

— Э, да вы такъ всѣ розы скушаете, точно салатъ,—сказалъ онъ съ комическою тревогою и озабоченностью.

— И скушаю!—шаловливо отвѣчала она,—розы войдутъ въ меня, въ мою кровь, въ сердце, въ мозгъ, а съ ними вмѣстѣ войдетъ все... эта бѣлая ночь и туманъ и деревья и... и все, все!..

И она уже съ преувеличенною торопливою жадностью начинала откусывать нижніе лепестки, самые крупные. Онъ смотрѣлъ на ея мелкіе и бѣлые, какъ у мышки, зубы, любовался каждымъ движеніемъ ея, каждою гримасскою. И совершенно уже просто, безъ мучительной робости, онъ, наконецъ, взялъ ея маленькую холодную ручку въ обѣ свои большія и горячія и сталъ цѣловать по очереди каждый палецъ, каждый ноготокъ.

— Не искра Божества въ томъ, что мы не можемъ упиться другъ другомъ, потонуть въ блаженствѣ, равнаго которому ничего нѣтъ на землѣ,—началъ онъ серьезно,—не искра Божества, а діавольскій предразсудокъ, тупой и ужасающій въ своей тупости. Все человѣчество добровольно заковало себя въ желѣзный корсетъ и задыхается въ немъ. Надѣло на себя вериги и называетъ эти вериги нравственностью, долгомъ, честью, вообще добродѣтелью...

Говоря это, онъ все продолжалъ цѣловать ея руку частыми, короткими поцѣлуями, пожимать и гладить и перебирать ея бѣлые, тонкіе пальчики. А она полузакрыла глаза, сидѣла неподвижно и радовалась всему, что было въ ней и вокругъ нея: своему очарованію, томному и сладостному волненію, его поцѣлуямъ, звукамъ его голоса, бѣлому туману ночи, таинственной тишинѣ и уединенію...

Но вдругъ озаренное счастьемъ лицо ея содрогнулось, разомъ омрачилось. Она что-то вспомнила... что-то огромное, сложное и важное, больное и горестное.

— А у меня есть мужъ,—сказала она какимъ-то мертвымъ звукомъ, — чудный человѣкъ, умный, благородный, любящій и нѣжный... Есть ребенокъ...

Въ одно мгновеніе онъ отодвинулся отъ нея, поникъ головою и, тихо покачиваясь изъ стороны въ сторону, сталъ думать о чемъ-то напряженно и сосредоточенно. И она задумалась и сидѣла какъ-то вся вдругъ измѣнившаяся, опущенная, пришибленная, дѣтски-безпомощная и жалкая. На блѣдномъ, усталомъ личикѣ ея блуждала грусть, глаза уныло смотрѣли вдаль, и тонкіе пальцы нехотя перебирали увядающія розы. Погасъ ея внутренній огонь, и ощущеніе не только душевнаго, но и физическаго холода тихо сотрясало ея жалкую, поникшую фигурку.

— Вамъ холодно? —спросилъ онъ, не столько увидавъ, сколько чутьемъ почуявъ ея состояніе. И не дожидаясь отвѣта, быстро сорвалъ съ себя коротенькое, сѣрое пальто и сталъ любовно и бережно укутывать ее. Нѣжно прикасался онъ неловкими руками къ ея вздрагивающимъ плечамъ, къ груди, заглядывалъ въ глаза и говорилъ:

— Ну, что-жъ, пусть мужъ... чудный человѣкъ, умный и благородный... Пусть онъ любитъ васъ. И я буду любить... любить молча, издали, безъ взаимности, безъ надежды на счастье. Узнать васъ и не полюбить—невозможно!

И отъ этихъ трогательныхъ словъ его, отъ взглядовъ и нѣжныхъ прикосновеній опять она вся оживала, согрѣвалась, исполнялась безымяннымъ восторгомъ, подмывающимъ и сладостнымъ.

— О, Боже мой, Боже мой! — сказала она, смотря куда-то передъ собою снова загорѣвшимся взглядомъ.—Что-то входитъ въ мою душу, во всю жизнь мою... что-то невѣдомое!.. И все во мнѣ переворачиваетъ, разоряетъ... Какъ страшно!

Она схватилась руками за лобъ, точно защищаясь отъ этого „страшнаго“, отъ мыслей и чувствъ, непрошенныхъ, нежданныхъ и негаданныхъ, идущихъ на нее откуда-то помимо воли ея, вопреки желанію.

— Не надо печалиться преждевременно... Не надо печалиться! —сказалъ онъ умоляюще, тихо, а у самого голосъ задрожалъ, какъ передъ слезами.

Теперь онъ сидѣлъ къ ней еще ближе, всей своей сильной, широкой грудью прикасаясь къ ея плечу, къ рукѣ, къ головкѣ, которую она инстинктивно склонила въ его сторону, словно отдавалась ему съ довѣрчивостью ребенка, съ грустною нѣжностью женщины, впервые идущей на страданіе любви, на тоску и муки страсти.

Бѣлая ночь еще больше побѣлѣла, медленно таяли клочья

тумана, яснѣли очертанія далей, причудливыхъ кустовъ и деревьевъ. Влажный вѣтеръ сильнѣе зашумѣлъ зеленою листвою, мятежнѣе зарокотали черныя волны. Запахъ воды и росистыхъ зацвѣтающихъ травъ, пронзительный и острый, заглушилъ томный и нѣжный запахъ розъ, которыя лежали теперь уже не на колѣняхъ у нея, а рядомъ, на диванѣ.

— Пора домой, — сказала она, не глядя на него, какъ бы просыпаясь отъ сладостнаго оцѣпенѣнія.

— О, погодите!.. Не надо домой!.. Смотрите, какъ здѣсь очаровательно!

— Пора домой, — повторила она съ короткимъ, грустнымъ вздохомъ и поднялась.

Онъ тоже всталъ и умоляюще взялъ ее за обѣ руки.

— Завтра... или вѣрнѣе сегодня вечеромъ я уѣзжаю изъ Петербурга, — сказала она, попрежнему не глядя на него.

— Это невозможно!

Все лицо у него дрогнуло, брови угрюмо нахмурились, взглядъ сталъ строгій, почти суровый.

— Это невозможно!

— У меня мужъ, котораго я люблю... ребенокъ, котораго обожаемъ мы оба, я и отецъ.

— Это невозможно!

И жестомъ безсилія, тоски и отчаянія уронивъ ея руки, онъ отвернулся и громко хрустнулъ всѣми своими крупными пальцами.

Она стояла передъ нимъ, какъ виноватая, въ убитой позѣ. Наконецъ, вздохнула протяжно, собрала свои розы и тихо побрела куда-то вправо, на-обумъ. Онъ быстро рванулся за нею, и они пошли рядомъ. Опять онъ держалъ ее подъ руку и опять они оба молчали. Взволнованныя души ихъ были соединены и въ то же время разъединены. Соединены, тѣсно сплочены тѣмъ, что было самаго очаровательнаго въ природѣ: молодостью, здоровьемъ, красотою другъ друга и всего окружающаго. И разъединены тѣмъ, что было самаго условнаго въ жизни людей: долгомъ, честью, нравственностью, добродѣтелью. И терзаемые этими двумя противоположными силами, они какъ бы ждали, которая же преодолѣетъ изъ нихъ. И попрежнему молчали, погруженные въ самихъ себя и другъ въ друга, въ то, что происходило въ нихъ.

На поворотѣ аллеи они встрѣтили соннаго извозчика, тащившагося откуда-то порожнякомъ. Онъ остановилъ извозчика, бережно усадилъ ее въ пролетку и, сѣвъ рядомъ съ нею, обвилъ ея станъ рукою. И теперь въ тѣсной пролеткѣ, ощущеніе близости другъ друга чувствовалось еще острѣе, еще нестерпимѣе.

И не владѣя уже собою, онъ сталъ сжимать ее въ объятіяхъ и цѣловать ее всю: лицо, грудь, плечи, шею порывистыми, бурными поцѣлуями. Отъ наплыва страсти онъ обезумѣлъ, себя не помнилъ, плакалъ и смѣялся въ одно и то же время и бормоталъ какія-то безсвязныя, смѣшныя и странныя слова, которыя понятны только влюбленнымъ. Она отмахивалась отъ него розами и тоже смѣялась и плакала слезами полнаго опьяненія и наслажденія...

Домой привезъ онъ ее часовъ въ пять утра, когда столица уже просыпалась, на улицахъ загромыхали тяжелыя телѣги, задребезжали пролетки, зашагали по тротуарамъ пѣшеходы.

Остановившись у подъѣзда дома, въ которомъ она поселилась на время пріѣзда у родственниковъ мужа, она протянула ему на прощанье обѣ руки и спросила:

— Будете помнить меня?

Вопросъ этотъ показался ему до того невѣроятнымъ, ненужнымъ и жестокимъ что онъ даже отшатнулся отъ нея.

— Буду ли я помнить!—вскрикнулъ онъ отчаянно и горестно.— Буду ли я помнить! Это вы меня забудете... вы, вы!.. уѣдете къ чудному мужу своему, къ обожаемому ребенку и забудете меня!

— Никогда! — сказала она твердо, съ оттѣнкомъ какой-то торжественности, точно клятву давала.—Никогда!.. До конца дней моихъ я буду помнить эту странную, бѣлую ночь... милыя розы, милую тишину, уединеніе... ваше лицо, глаза, голосъ вашъ, горячія руки, ласки ваши безумныя, поцѣлуи...

Она пробормотала послѣднія слова точно въ забытьи, закрывъ глаза и вся вздрагивая отъ воспоминаній, быстро пожала его протянутую руку и исчезла.

А онъ постоялъ съ секунду, подумалъ и затѣмъ побрелъ куда-то одинокій, осиротѣлый, пронзенный ею, околдованный, весь потерявшійся, опустошенный, какъ будто все, что было въ немъ, что скопилъ онъ въ душѣ своей, въ мозгу и въ сердцѣ за многіе годы жизни, — все вдругъ вынула изъ него эта маленькая, тоненькая женщина, вынула тоненькими, нѣжными ручками и унесла съ собою навѣки... Онъ шелъ, понуривъ голову, не зная куда, и думалъ о томъ, какъ же онъ теперь будетъ жить безъ нея, безъ ея прелестнаго, блѣднаго личика, большихъ, мечтательныхъ глазъ, застѣнчивой улыбки, милаго дѣтскаго голоса? Какъ жить? Какъ? Какъ?..

А вечеромъ она уже уѣзжала навсегда изъ столицы, въ которой пробыла всего нѣсколько дней, уѣзжала къ себѣ домой, на

югъ, къ своему чудному мужу, къ обожаемому ребенку. Провожали ее родственники, безучастные и равнодушные къ ней люди. *Его* между ними не было: она не захотѣла. Кто-то изъ мужчинъ подарилъ ей на дорогу букетъ красивыхъ, пышныхъ левкоевъ. Она машинально поднесла левкои къ лицу и тотчасъ же отдернула и бросила на картонку со шляпками...

Когда же поѣздъ тронулся, и она осталась въ вагонѣ съ людьми еще болѣе чуждыми ей, чѣмъ тѣ, что провожали ее, и говорить съ которыми для нея теперь было уже не обязательно,— она взяла пышные и красивые левкои, съ секунду поглядѣла на на нихъ и рѣшительно бросила за окно. Потомъ раскрыла маленькій кожанный сакъ и бережно достала оттуда розы... бѣдныя, грустныя, мертвыя розы! Прильнула къ нимъ губами и вся потонула въ воспоминаніяхъ того, что было... Бѣлая ночь... бѣлыя клочья тумана, прихотливые, странные... сказочныя дали, огни и деревья... И шопотъ росистой листвы, и шумы, и всплески черной волны... И онъ, онъ, онъ!.. Его слова, взгляды, поцѣлуи знойные, объятія тѣсныя, жуткія...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..“

О, да неужели же все это только промелькнуло передъ нею, какъ дивная грёза, какъ сладкій сонъ, и не вернется, не повторится никогда... никогда? Неужели нужно сказать „прости“ всему, всему, что было? Да, да, нужно... Нужно забыть, вырвать изъ памяти этотъ грѣхъ, это сплошное безуміе, тягостное, стыдное, посланное ей судьбою, какъ грозное предостереженіе на будущее. Она честная женщина, добродѣтельная женщина, интеллигентная, вдумчивая, она любитъ чуднаго мужа своего, любитъ ребенка, у нея есть долгъ, обязанности, которыя она должна нести свято, ненарушимо до конца дней своихъ!.. Нужно забыть, не думать!..

Но обольстительныя, безумныя воспоминанія все плыли и плыли передъ нею, знойными волнами обжигали всю ее и душу и тѣло, сладко кружили голову, опьяняли увлекали...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..“

Какая грусть, какая тоска и жалость, жалость безграничная, бездонная, безкрайняя!

И выйдя на площадку вагона, она стала у окна и заплакала... Заплакала не потому только, что жаль ей было безконечно бѣлой ночи и всего, что было въ ней, но и еще почему-то... Потому ли, что она такъ молода, такъ мятежна душою, мечтательна, безразсудна, полна необузданной, головокружительной жажды чего-то необычайнаго, захватывающаго, остраго, яркаго... Что она такъ хороша собою, соблазнительна, мила и нѣжна и

обаятельна неотразимымъ обаяніемъ полуребенка, полуженщины. Что въ жизни ея, только еще начинающейся, произойдутъ бури и грозы... будетъ страданіе безумное, ужасное, будетъ тоска, съ ума сводящая, и будутъ восторги, экстазы, которыхъ она еще не знала и которые теперь впервые предчувствовала въ перетревоженномъ до дна, въ смятенномъ, въ взволнованномъ сердцѣ...

Поѣздъ мчалъ ее по безлюднымъ зеленымъ полямъ, подернутымъ туманомъ надвигающейся ночи. Колючій вѣтеръ трепалъ ея волосы, рѣзалъ лицо и грудь, мелкая, черная пыль больно ударяла ее по глазамъ... А она все стояла подлѣ окна неподвижно, плакала неудержимыми, беззвучными слезами и глядѣла въ убѣгающую даль взоромъ, полнымъ тоски и отчаянія, точно посылала этой уходящей отъ нея навсегда дали послѣднія, прощальныя привѣтствія... Въ рукахъ ея были мертвые цвѣты. Время отъ времени она подносила ихъ къ залитому слезами лицу, и губы ея, блѣдныя, увядшія послѣ безсонной ночи, шептали слова, которыя не выходили изъ ума:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..“

А. Крандіевская.

ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА.

Дворецъ въ Алупкѣ.

Гдѣ сѣрой тучею надъ уровнемъ долинъ
Надвинулся Ай-Петри исполинъ,
Въ тѣни платановъ, розъ и лавровъ,
Которые сплелись въ чарующій вѣнецъ,
Подобіе Альгамбры древнихъ мавровъ—
Бѣлѣетъ сказочный дворецъ.

Надъ входной аркою арабской тонкой вязью
Начертаны слова—входящему привѣтъ.
Все дышетъ здѣсь таинственною связью
Съ волшебнымъ вымысломъ и былью дальнихъ лѣтъ.
Гдѣ бѣлыя изъ мрамора ступени
Оберегаютъ мраморные львы,
У моря и въ тѣни узорчатой листвы
Порой въ лучахъ луны мнѣ грезилися вы,
Свободы рыцарей, халифовъ славныхъ тѣни.
Мнѣ чудились пиры и въ окнахъ блескъ огней,
Оружья звонъ и ржаніе коней...

Но тихъ и пустъ дворецъ, какъ пышный мавзолей,
Повсюду плющъ обвилъ чугунныя рѣшетки,
И лунные лучи, задумчивы и кротки,
Скользятъ, какъ призраки въ безмолвіи аллей.

Передъ отъѣздомъ.

Вверхъ тропинками тѣнистыми
Въ гору медленно идемъ;
Пахнетъ соснами смолистыми,
Освѣженными дождемъ.
Капли искрятся прозрачныя,
И акаціи стоятъ
Всѣ въ цвѣту, какъ новобрачныя,
Разливая ароматъ.
Величавые, спокойные,
Потянулись съ двухъ сторонъ
Кипарисы дивно стройные,
Вознесясь, какъ рядъ колоннъ.
Вся расцвѣчена узорами
Яркой зелени канва;
Ниже—моря синева
Развернулась передъ взорами.
Изъ воды у береговъ
Выступаютъ кручи смѣлыя—
Одалара скалы бѣлыя,
Словно группа жемчуговъ.
Ропотъ моря обольстительный,
Грозно плещущій прибой,
Куполъ неба голубой,
Отблескъ солнца ослѣпительный—
Вашу свѣтлую красу,
Какъ мечту благоуханную,
Я съ собой въ страну туманную
Въ сердцѣ свято унесу.

О. Чюмина.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(*Продолженіе* *).

XI.

Наша комедія до Гоголя; ея малая художественная стоимость и въ очень рѣдкихъ случаяхъ большая стоимость общественная.—«Недоросль» Фонъ-Визина и «Ябеда» Капниста среди безцвѣтной комедіи XVIII вѣка.—Водевиль и легкая комедія александровскаго царствованія; Крыловъ, Хмѣльницкій, кн. Шаховской и Загоскинъ.—Малая идейная стоимость этихъ комедій. — Вѣрность и глубина сатирическаго взгляда на современную жизнь въ сатирѣ Грибоѣдова.—Паденіе театра въ концѣ двадцатыхъ годовъ.—Общественные вопросы, затронутые въ ненапечатанныхъ драмахъ Лермонтова и Бѣлинскаго.—Комедіи Квитки: «Дворянскіе выборы» и «Пріѣзжій изъ столицы».

Въ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія, театръ—сила, съ которой необходимо считаться. Отдавая, однако, должное нѣкоторымъ выдающимся памятникамъ нашей драматургіи, нужно признать, что въ общемъ наша комедія и драма влачили существованіе достаточно жалкое и были въ огромномъ большинствѣ случаевъ разобщены съ тѣмъ историческимъ моментомъ, когда возникали. Большое, конечно, значеніе имѣли въ данномъ случаѣ чисто внѣшнія стѣсненія, какими всегда было обставлено появленіе на нашей сценѣ болѣе или менѣе серьезной пьесы. Власть всегда ревниво оберегала театральнаго зрителя отъ всякихъ искушеній, считаясь съ его необычайной воспріимчивостью къ зрѣлищамъ: а русскій человѣкъ, какъ извѣстно, театралъ очень страстный. Но одними внѣшними условіями едва ли можно объяснить бѣдность и безсиліе нашей драматической литературы того времени. Нужно, прежде всего, считаться со случайностью, т.-е. съ отсутствіемъ истинныхъ драматическихъ талантовъ и, кромѣ того, съ отсутствіемъ подготовительной литературной школы.

Такой школы не было въ тѣ годы, о которыхъ говоримъ мы; ее надлежало создать и Гоголь былъ первымъ настоящимъ драматическимъ талантомъ, который положилъ ей основаніе. У своихъ предшественниковъ онъ не многому могъ научиться, и на его долю выпало созданіе настоящей русской комедіи, т.-е. такой, которая удовлетворяла бы одно-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

временно двумъ требованіямъ,—и художественнымъ, какъ извѣстное литературное произведеніе, и требованіямъ идейнымъ, какъ вѣрное изображеніе переживаемой дѣйствительности. Такая гармонія формы и содержанія была дѣйствительно достигнута Гоголемъ и притомъ самостоятельно и сразу. Были, конечно, недостатки и въ его комедіяхъ, но съ момента ихъ созданія должны мы начинать исторію нашего самобытнаго «народнаго» театра.

Какъ художникъ-драматургъ нашъ авторъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Онъ былъ рожденъ драматическимъ писателемъ: комическое положеніе, имъ созданное, всегда вѣрно схваченное и художественно переданное наблюденіе, а не придуманный, хотя бы и очень смѣшной, эффектъ; всѣ лица его комедій и главныя, и самыя второстепенныя, живутъ и дѣйствуютъ сами по себѣ, какъ люди, а не ради той или другой идеи автора; наконецъ, и рѣчь ихъ—рѣчь простая и естественная, а не собраніе разныхъ оборотовъ и сентенцій, заранѣе заготовленныхъ. Все это достоинства, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни у предшественниковъ Гоголя, ни и у его современниковъ, и только объ одномъ можемъ мы пожалѣть, что нашъ авторъ не обнаружилъ достаточной смѣлости въ выборѣ своихъ сюжетовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что Гоголь сознавалъ себя и смѣлымъ, и сильнымъ, и одно время работалъ надъ комедіей «правдивой и злой», которую не окончилъ, а, можетъ быть, и окончилъ, но сжегъ, убоявшись цензуры. Авторъ имѣлъ, конечно, основаніе ея бояться, но идти наперекоръ ей и вынуждать ее на уступки онъ, однако, не рѣшился и уступилъ самъ. Такимъ образомъ, нашъ первый драматургъ-бытописатель, опережая всѣхъ, и предшественниковъ, и современниковъ, какъ художникъ—отсталъ отъ нихъ, какъ сатирикъ, въ смѣлости и вѣскости своихъ ударовъ.

Все это сейчасъ намъ станетъ ясно при болѣе подробномъ сравненіи комедій Гоголя съ тѣми лучшими «опытами» комедій и драмъ, которые до него и въ его время появились на сценѣ или остались въ рукописи.

Какъ мы уже замѣтили, появленіе на нашей сценѣ выдающейся пьесы съ общественнымъ смысломъ было явленіемъ очень рѣдкимъ. За семьдесятъ лѣтъ, если считать со времени «Бригадира» (1766) до «Ревизора» (1836), мы можемъ похвалиться лишь двумя-тремя дѣйствительно замѣчательными театральными новинками; остальныя пьесы, хотя бы и имѣвшія успѣхъ у современниковъ, не оказали никакого вліянія ни на развитіе нашего художественнаго вкуса, ни на приростъ нашего общественнаго сознанія. Эти старыя комедіи и драмы какъ картины нравовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не переступали за черту посредственнаго, или, если переступали, то, при всей силѣ и правдѣ обличенія, оставляли въ художественномъ отношеніи желать многаго.

Если взять въ цѣломъ всю нашу комедію XVIII вѣка, то невольно поразишься малой ея художественной, и общественной стоимостью. О пьесахъ того времени принято впрочемъ говорить съ уваженіемъ, и какъ «зачатки» театра, онѣ, конечно, такое уваженіе заслуживаютъ. Но гдѣ найдемъ мы истинно-комическій взглядъ писателя на «комичное» его эпохи или серьезный, прикрытый смѣхомъ, взглядъ на то, что дѣйствительно было достойно обличенія и осужденія? Если съ такими требованіями подойти къ старой комедіи, то вся ея мнимая смѣлость и откровенность покажется намъ невинной шуткой, ребячествомъ, не говоря уже объ очень низкой ея художественной стоимости. Невинной шуткой покажутся, напр., и комедіи самой императрицы, обличительной откровенностью которыхъ такъ гордились ея вѣрноподданные, возмущенные всѣми мелкими людскими пороками и убаюканные пороками крупными. Всѣ громы другихъ комиковъ противъ своего времени мы признаемъ также наивными и бьющими поверхъ головъ истинно виновныхъ. Чѣмъ общѣе былъ грѣхъ и порокъ, тѣмъ онъ казался тогда достойнѣе осмѣянія, и сатирикъ кончалъ тѣмъ, что боролся не съ людьми, а съ безтѣлесными призраками. Такъ любилъ обобщать свои типы, напр., лучшій по техникѣ драматургъ того времени—Княжнинъ. Кто смотрѣлъ на его «Хвастуна», тотъ много смѣялся на всѣ забавныя выходки Верхолета; но зритель могъ быть спокоенъ, и зналъ, что этотъ Хлестаковъ XVIII-го вѣка въ его довѣріе не вотрется: слишкомъ неестественно и неправдоподобно было вранье этого лгуна, доведенное авторомъ до колоссальныхъ размѣровъ лишь затѣмъ, чтобы показать порокъ во всей его наготѣ, въ какой онъ никогда не гуляетъ на свѣтѣ. Комедія «Чудаки» *), въ которой выступали «недавно вышедшій въ дворянство господинъ Лентягинъ, весьма богатый и по своему философствующій человѣкъ»; Улинька—смиренная вѣтренница»; «весьма романическій дворянинъ» Пріятъ; «пріятель всемірный» Трусимъ, поэты Тромпетинъ и Свирѣлкинъ, и главный рычагъ всего дѣйствія — слуга Пролазъ, — эта комедія обѣщала нѣчто, тѣмъ болѣе, что авторъ хотѣлъ изобразить въ ней простого человѣка, мѣщанина, который вмѣсто того, чтобы чваниться своимъ дворянствомъ, наоборотъ удивляетъ всѣхъ своими демократическими симпатіями. Но этотъ «философствующій» человѣкъ обратился подъ перомъ Княжнина въ настоящаго «чудака», почти что шута, и, вмѣсто картины нравовъ мѣщанской семьи во дворянствѣ, получился забавный водевидь съ масками вмѣсто лицъ и буффонадой вмѣсто комическихъ положеній.

Тѣмъ большей неожиданностью было появленіе комедій Фонъ-Визина.

Съ этихъ пьесъ начинаютъ обыкновенно исторію нашей художественной комедіи—но вѣрнѣе было-бы начинать исторію нашей общественной сатиры. Фонъ-Визинъ—сатирикъ по преимуществу, писатель,

*) И «Хвастунъ» и «Чудаки»—передѣлка съ французскаго

для котораго ударъ, нанесенный врагу, былъ цѣннѣе того оружія, какимъ этотъ ударъ наносится. Вмѣстѣ съ Новиковымъ и Радищевымъ самый смѣлый человѣкъ своего вѣка, онъ хорошо понималъ, въ какую цѣль надо мѣтить, если хочешь сказать своему вѣку въ глаза всю правду. Нападать на общечеловѣческіе недостатки онъ считалъ дѣломъ праздным, и— оградивъ себя нѣсколькими комплиментами, сказанными по адресу бдительнаго правительства и благомыслящихъ людей въ родѣ Добролюбова, Стародума, Правдина и Милона, — онъ произвелъ свою безпощадную расправу съ тѣмъ сословіемъ, за которымъ власть тогда такъ ухаживала, считая его лучшимъ проводникомъ и просвѣщенія и гуманности. Осмѣять какого-нибудь петиметра, выставить въ смѣшномъ видѣ педанта, простодушнаго глупца, хвастуна, враля, вертопраха, интригана или жеманницу, модницу, сплетницу, кокетку, какъ это дѣлала въ большинствѣ случаевъ тогдашняя комедія—значило вызвать въ зрителѣ пріятную улыбку; но показать ему полное вырожденіе цѣлой дворянской семьи,—значило заставить его смѣяться именно тѣмъ смѣхомъ, который могъ вызвать озлобленіе и желаніе *расправиться* съ авторомъ; и если Фонъ-Визинъ избѣгъ этой расправы, которая много лѣтъ спустя угрожала Гоголю за гораздо болѣе скромнаго «Ревизора», то потому, что Фонъ-Визина, какъ Бомарше, вѣроятно не вполнѣ поняли.

Пока дѣло шло о семейномъ любовномъ водевилѣ, разыгравшемся въ домѣ Бригадира (1766), можно было смѣяться безъ гнѣва. Сынокъ, который говорилъ, что тѣло его родилось въ Россіи, а духъ принадлежитъ коронѣ французской, который отца вызывалъ на дуэль, потому что во французской книжкѣ «Les sottises du temps» прочиталъ о таковомъ случаѣ, который говорилъ, что онъ пренесчастный человѣкъ, потому что въ двадцать пять лѣтъ имѣетъ еще отца и мать, двухъ животныхъ, съ которыми, чортъ его возьми, онъ долженъ жить,— этотъ оригинальный молодой человѣкъ могъ своимъ цинизмомъ развеселить, какъ вообще всякая остроумная каррикатура, какъ могъ заставить смѣяться и его родитель, который утверждалъ, что не у всѣхъ людей волосы на головѣ сосчитаны, что Господь Богъ, знающій все, знаетъ и табель о рангахъ и потому считаетъ волосы на людской головѣ, лишь начиная съ пятаго класса...

Пока рѣчь шла о смѣшныхъ пререканіяхъ такихъ оригиналовъ, къ смѣху зрителей не примѣшивалось никакихъ посторонніхъ чувствъ; но совсѣмъ иная картина развернулась въ «Недорослѣ» (1782). Кто умѣлъ читать между строками или понимать намеки, могъ призадуматься. Дѣйствительно, чуть ли не каждое явленіе этой комедіи можно было расширить до цѣлаго трактата на самую серьезную общественную тему.

Полный умственный мракъ въ семьѣ, которой довѣрена опека надъ массою людей; ослабленіе въ этомъ дворянскомъ гнѣздѣ всѣхъ семейныхъ узъ, свободное развитіе и удовлетвореніе всѣхъ животныхъ ин-

стинктовъ, порожденныхъ обезпеченнымъ положеніемъ и праздностью, полное презрѣніе ко всякому ученію, отрицаніе за человѣкомъ, стоящимъ ниже тебя, всякаго достоинства личности, кулачная расправа, какъ доказательство своей правоты, и, наконецъ, самый открытый цинизмъ въ отношеніи къ крестьянамъ—вотъ какой перечень дворянскихъ грѣховъ развернулъ сатирикъ передъ зрителемъ, въ то время какъ носители этихъ грѣховъ пользовались самымъ привилегированнымъ положеніемъ.

Все это было сказано авторомъ очень умѣло, почти мимоходомъ, при пересказѣ довольно скучной и ординарной любовной интриги, безъ которой комедія того времени была немыслима; мимоходомъ же было брошено и нѣсколько замѣчаній, вызывающе-смѣлыхъ, которыя можно было бы сравнить со знаменитыми репликами Фигаро, если бы тогдашнее общество не пропустило ихъ мимо ушей; взять хотя бы возгласъ нашей дворянки, когда ей докладываютъ, что захворала Палашка: «захворала! лежитъ! Ахъ, она бестія! лежитъ! Какъ будто она благородная!» Одна эта строка стоитъ многихъ обличительныхъ комедій того времени.

Но какъ бы ни было велико значеніе «Недоросля», какъ сатиры, художественная его стоимость отъ этого общественнаго смысла ничего не выигрываетъ. Скучнѣйшая дидактика въ устахъ добродѣтельнаго Стародума, безцвѣтное поддакиваніе ему Правдина, наивное благомысліе Милона превращаютъ всѣхъ этихъ лицъ въ какихъ-то манекеновъ; любовная интрига ведена безъ намека психологической правды и, что хуже всего, всѣ отрицательные типы — самые реальные по замыслу—выходятъ нереальными и часто карикатурными въ ихъ группировкѣ и рѣчахъ: что ни выходъ, то скандалъ или эффектъ, что ни реплика, то какое-нибудь характерное словцо или цѣлая остроумная тирада. Не развитіе самого дѣйствія разстанавливаетъ дѣйствующихъ лицъ по мѣстамъ, а самъ авторъ по мѣрѣ надобности выпускаетъ ихъ на сцену и прячетъ за кулисы, послѣ того, какъ они проговорили все, что ему нужно. Но то, что ему нужно было сказать, онъ сказалъ неподражаемо и блестяще.

Въ XVIII вѣкѣ Фонъ-Визинъ на сценѣ не имѣлъ соперниковъ и та комедія, которой послѣ «Недоросля» отводятъ обыкновенно второе мѣсто по силѣ обличенія, а именно «Ябеда» Капниста (первое представленіе 1798 г.) лишній разъ подтверждаетъ истину, что плохая комедія можетъ быть очень ядовитой сатирой.

Никогда взяточничество и сутяжничество не были выставлены въ такой наготѣ наружу, какъ въ этомъ драматизированномъ памфлетѣ. Но авторъ, распаленный благороднымъ негодованіемъ, забылъ, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми, у которыхъ всякій порокъ попадается въ извѣстной амальгамѣ съ иными чувствами; Капнистъ хотѣлъ воплотить самый порокъ въ человѣческомъ образѣ и потому исказилъ

этотъ образъ въ угоду призраку. Болѣе живымъ у него вышло то лицо, на которое онъ менѣе всего обращалъ вниманія, т.-е. добродѣтельный простакъ, карманъ котораго отданъ на расхищеніе чиновникамъ, а сердце осуждено на любовныя тревоги и матримоніальные планы, совсѣмъ ненужные въ этой сенсаціонной комедіи. Но зато, когда сцену заполняютъ предсѣдатель гражданской палаты Кривосудовъ, его товарищи, прокуроръ Хватайко и секретарь Кохтинъ, то воздухъ такъ пропитывается насквозь испареніями всевозможныхъ канцелярскихъ пороковъ, что живымъ людямъ дышать въ немъ становится невозможно. Самоуправство, ябедничество, лжесвидѣтельство, сутяжничество и незаконная нажива празднуютъ на сценѣ открыто свою вакханалію—въ прямомъ смыслѣ слова, потому что всѣ эти манекены, изображающіе жрецовъ Ѳемиды, пьютъ, играютъ въ карты и поютъ хоромъ самыя возмутительныя и беззастѣнчивыя нѣсни. Хоть зритель и выходитъ изъ театра нравственно вполнѣ удовлетворенный, такъ какъ въ концѣ концовъ всю эту шайку разбойниковъ сенатскій указъ выметаетъ изъ палаты, но онъ скоро забываетъ объ этихъ фантомахъ, которые не задѣли въ немъ ни одной человѣческой струны. Въ «Ябедѣ» порокъ былъ казненъ, но только in effigie, заочно, въ лицѣ смѣшныхъ куколъ, какъ заочно казнили преступниковъ, которыхъ схватить не удавалось. Но, плохой драматургъ, Капнистъ все-таки держалъ въ рукѣ крѣпко и свою указку моралиста, и свой сатирическій бичъ.

Наступило александровское царствованіе и вызвало рѣзкія измѣненія въ старыхъ общественныхъ условіяхъ, и создало новыя; родились и новые типы. На эту перемѣну комедія и драма совсѣмъ не откликнулись. Новыхъ пьесъ ставилось, правда, много, драматическая литература обогатилась двумя-тремя талантливыми комедіями, но между новой эпохой и всѣми этими театральными новинками никакой связи не было.

Крыловъ былъ первоклассный сатирикъ и, какъ баснописецъ и отчасти журналистъ, онъ обладалъ удивительно острымъ взглядомъ, который смѣшное и порочное умѣлъ выслѣживать до самого тайника человѣческаго сердца. При внѣшней наивности своей и хитромъ добродушіи, при явномъ консерватизмѣ міросозерцанія, онъ могъ быть строгимъ судьей своего времени, и былъ имъ, хотя какъ осторожный человѣкъ часто не договаривалъ своей мысли. О чемъ же, однако, говорилъ онъ въ своихъ комедіяхъ, столь живыхъ и остроумныхъ? Въ концѣ XVIII-го вѣка, когда онъ писалъ своихъ «Проказниковъ» и «Сочинителя въ прихожей» онъ высмѣивалъ метромановъ и неудачныхъ сочинителей, болтуновъ и легкомысленныхъ, взбалмошныхъ женщинъ. Онъ продолжалъ охоту за этими невинными типами и тогда, когда могъ бы поговорить о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ. Но двѣ самыхъ популярныхъ его комедіи—«Модная лавка» (напечатана 1807 г.—первое представ-

леніе 1816 г.) и «Урокъ дочкамъ» (напечатана 1807 г.—первое представленіе 1816 г.) были, въ сущности, два смѣшныхъ водевиля ловко написанные. Публику всегда очень смѣшилъ простодушный дворянинъ Сумбуровъ, степной помѣщикъ, его тяжеловѣсная жена, которая гонялась за французской модой, и дочка которая устраивала любовныя свиданія въ модной лавкѣ подъ покровительствомъ бойкой француженки, содержательницы магазина и русской крѣпостной Маши, ея помощницы. Смѣшонъ былъ и крѣпостной дворовый, пьяный и глупый, который толкался на сценѣ для того, чтобы получать головомойки, впрочемъ довольно мягкія. Въ общемъ, было много шутокъ, смѣха, острыхъ словъ и чисто водевильныхъ положеній. Водевилемъ была и комедія «Урокъ дочкамъ»—удачная переливовка Мольера, въ которой Крыловъ потѣшался надъ несчастными русскими барышнями Лукерьей и Феклой, влюбленными во все французское, жеманницами, которыхъ дурачитъ слуга Семенъ, разыгрывающій передъ ними роль эмигранта-маркиза.

Только однажды позволилъ себѣ Крыловъ написать въ драматической формѣ нѣчто болѣе злое и смѣлое. Это была его комедія «Трумфъ», общественный и политическій смыслъ которой до сихъ поръ не разгаданъ.

Весь театръ Хмѣльницкаго—въ тѣ годы очень популярнаго драматурга — былъ также собраніемъ водевилей или передѣланныхъ съ иностраннаго комедій. Не говоря о тѣхъ пьесахъ, которыя самъ авторъ озаглавилъ «водевилями», даже его «комедіи» какъ, напр., «Воздушные замки» (1818 г.), «Нерѣшительный» (1819) «Взаимныя испытанія» (1819) и «Свѣтскій случай» (1826) были простыми анекдотами въ драматической формѣ. Легкая любовная интрига, хорошій салонный разговоръ, много удачныхъ остротъ—вотъ всѣ ихъ достоинства и ихъ безспорныя права на названіе талантливыхъ театральныхъ пустячковъ, прослушать которые всегда пріятно.

Несравненно большую стоимость имѣли тоже очень ходкія въ началѣ вѣка комедіи кн. Шаховского и Загоскина.

Князь А. А. Шаховской былъ плодовитый драматургъ, но отъ этой плодовитости наше общественное самосознаніе ничего не выиграло, а наше искусство выиграло очень мало. Почти въ самомъ началѣ своей дѣятельности онъ написалъ удачный «анекдотическій водевиль «Казакъ стихотворецъ» (1812)—съ недурно обрисованными типами изъ малороссійскаго и ростонароднаго быта; и затѣмъ, уже въ концѣ своей карьеры, онъ создалъ одну изъ лучшихъ пьесъ нашего романтическаго репертуара «Двумужницу» (1832)—разбойничью мелодраму, очень занимательную и кровавую. Эти двѣ пьесы сохранились въ нашемъ репертуарѣ, все остальное забылось. Въ свое время, однако, помимо многихъ его водевилей съ музыкой и пѣніемъ или безъ оныхъ, нравились очень три его комедіи: «Новый Стернъ» (1805)—остроумная, нѣсколько каррикатурная, пародія на русскихъ «чувствительныхъ» лю-

дей начала вѣка, на тогдашнихъ праздныхъ дворянъ - сентименталистовъ, которые отъ нечего дѣлать искали въ своихъ усадьбахъ идиллическаго настроенія столь плѣнительнаго на страницахъ иностраннаго романа; затѣмъ—«Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» (1815)—длинное и довольно скучное изобличеніе женскаго кокетства, въ сѣтяхъ котораго готовы погибнуть нѣсколько комическихъ представителей того, что называется курортной публикой—комедія съ патріотическими сентенціями, сатирическими выходками противъ высшаго свѣта и неизмѣнными благородными рѣчами благомыслящихъ резонеровъ; и, наконецъ, «Пустодомы» (1819)—самое интересная по идеѣ комедія князя. Это довольно жестокое и каррикатурное осмѣяніе какого-то домашняго Вольтера, у котораго мужички пошли по міру—прожектера, желающаго въ своемъ имѣніи поставить все на европейскую ногу, прогорѣвшаго и въ конецъ обобраннаго своимъ управляющимъ. Любопытно, что этотъ помѣщикъ, отъ практическихъ прожектовъ котораго разсудительный мужикъ Ѳома приходилъ въ ужасъ, обнаруживалъ большое пристрастіе къ теоретической философіи. Въ его сумбурной головѣ, увѣряетъ насъ Шаховской, умѣщался «Зенона стоицизмъ, Пиррона скептицизмъ, Спинозы реализмъ, Фихтевъ ихтеизмъ, Берклея идеализмъ, Сократа-платонизмъ, антропофилеизмъ, суперъ-натурализмъ, перипатетизизмъ, доризмъ, пиоизмъ, кантизмъ, фиксизмъ и фатализмъ». Такъ аляповато было чуть ли не первое по времени, и потомъ столь распространенное, издѣвательство русскаго литератора надъ философіей, о которой онъ не имѣлъ никакого понятія.

Рядомъ съ именемъ Шаховского блестѣло въ тѣ времена и имя Загоскина, который въ двадцатыхъ годахъ только готовился къ своей роли археолога и воинствующаго патріота, какимъ явился въ «Юріи Милославскомъ». Патріотизмъ въ разныхъ видахъ—главная пружина почти и всѣхъ его комедій. Изъ нихъ обратила на себя особенное вниманіе комедія «Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» (1817), въ которой авторъ призывалъ наше дворянство вернуться въ деревню и не влѣзать въ долги въ Петербургѣ, разоряясь на игры, балы и любовныя шашни. Тема, какъ видимъ, очень старая, да и выполненіе ея было также не ново: все тѣ же пріемы французской комедіи и та же ходячая любовная интрига. Стилемъ болѣе живымъ и съ большимъ драматическимъ движеніемъ написано продолженіе этой комедіи—«Богатоновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ» (1821). Комедія не характеровъ, а водевильныхъ положеній, въ какія становится по своей глупости нашъ дворянинъ, вернувшійся послѣ раззоренія въ свою усадьбу и приступающій къ разнаго рода хозяйственнымъ и инымъ реформамъ, эта пьеса была пропитана насквозь какой-то враждой къ нововведеніямъ. Положимъ, что всѣ нововведенія Богатонова въ его деревнѣ въ достаточной мѣрѣ безразсудны и глупы: помѣщикъ надъ своей фабрикой строитъ греческій куполъ и пристраиваетъ къ ней рим-

скій портикъ, ломаетъ старую кухню, чтобы перестроить ее на голландскій манеръ и вмѣсто кухни остаются однѣ развалины, хочетъ на саксонскій манеръ разселить мужичковъ, чтобы была не деревня, а все фермы, управленіе деревней довѣряетъ депутатамъ, которые засѣдаютъ въ сборный избѣ, пока ихъ не выгоняютъ оттуда дубиной, рубитъ рощу, чтобы получить хорошій «пуанъ де вю» и т.-д., но во всѣхъ острогахъ автора по поводу такихъ чудачествъ звучитъ ясно не столько неодобреніе неумѣлаго реформатора, сколько собственное сердечное желаніе «какъ хорошо было-бы, еслибы все оставалось по старому».

Надъ дворянскимъ чудачествомъ посмѣялся Загоскинъ и въ пьесѣ «Благородный театръ» (1829) гдѣ выведенъ баринъ, помѣшанный на домашнихъ спектакляхъ и мнящій себя великимъ актеромъ. У него подъ носомъ разыгрывается любовная интрига его дочери съ однимъ изъ исполнителей; передъ самымъ спектаклемъ влюбленная пара бѣжитъ и вѣнчается противъ воли родителя, который однако, чтобы не отмѣнять спектакля, соглашается бѣглецовъ простить, если только они вернутся и исполнятъ свои роли.

Наряду съ этой страстью къ театру Загоскинъ высмѣиваетъ и метроманію, въ особенности женщинъ, покровительницъ словесности, которыхъ морочатъ разные литераторы Шмелевы, Змѣйкины, Тиранкины («Вечеринка ученыхъ» 1817) Хорошій типъ плута и краснобая съ ноздревскими наклонностями, фата, умѣющаго втереться въ женское довѣріе, изображенъ въ пьесѣ «Добрый малый» (1820) и не безъ комическихъ сценъ и относительно реальнымъ языкомъ написана комедія «Урокъ матушкамъ», въ которой описаны всякія ухищренія одной мачихи, желающей пристроить свою падчерицу такъ, чтобы сохранить за собою управленіе ея имуществомъ; наконецъ, много дѣйствительно недурно схваченныхъ типовъ изъ міра чиновничьяго и купеческаго дано нашимъ авторомъ въ маленькой пьесѣ «Новорожденный», въ которой разсказано, какъ одинъ мелкій чиновникъ въ честь всѣхъ своихъ начальниковъ называлъ своего новорожденнаго сына Андреемъ.

Какъ видимъ, все сюжеты очень невинные и незатѣйливые, типы довольно блѣдные и общіе, которые, однако, нравились благодаря, главнымъ образомъ, умѣнію автора запутать нехитрую интригу и писать иногда живымъ и остроумнымъ языкомъ. Загоскинъ зналъ хорошо сцену и это знаніе спасало его комедіи, которыя хотя и могли назваться пріятными новинками, но неимѣли никакого общественнаго значенія, такъ какъ ни одинъ сколько нибудь важный вопросъ того времени не оставилъ на нихъ и бѣглаго слѣда. Даже въ послѣдней, самой зрѣлой своей комедіи (написанной, правда въ годы, неблагопріятные для открытаго обсужденія общественныхъ вопросовъ), въ которой онъ открыто заговорилъ о нашей самобыт-

ности и успѣхахъ нашей культуры, а именно, въ комедіи «Недовольные» (1835), онъ не вышелъ за предѣлы ординарныхъ патріотическихъ параллелей между своимъ и западнымъ, истрепанныхъ нападокъ на людей, заимствующихъ у запада лишь внѣшній лоскъ, и патетическихъ возгласовъ на тему о томъ, «какъ мы впередъ шагнули и какъ насъ уважаетъ Европа». Комедію спасала лишь довольно смѣшная фабула и легкій стихъ, кое-гдѣ поддѣланный подъ грибоѣдовскій.

Надъ всѣми комедіями александровскаго времени возвышалась одна только сатира Грибоѣдова, которую авторъ—большой театралъ—облекъ въ драматическую форму. Сатира была геніальная по вѣрности и мѣткости своего удара; она била одновременно и по старшему поколѣнію, и по младшему, и въ этомъ сказалась вся глубина ея общественнаго смысла. Дѣйствительно, истинному сатирику того времени нужно было показать безъ прикрасъ ту старину, которой при новыхъ вѣяніяхъ не не должно было быть мѣста, и нужно было показать также, сколько неустойчиваго, противорѣчиваго и неяснаго было въ этихъ новыхъ вѣяніяхъ. Борьба остановившихся въ своемъ развитіи отцовъ съ дѣтьми, поспѣшившими развитіемъ, была однимъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ явленій александровскаго царствованія, и въ «Горе отъ ума» эта борьба была необычайно мѣтко схвачена. Ее можно было, конечно, изобразить и какъ трагическое столкновеніе, и какъ комическое. Грибоѣдовъ попытался освѣтить ее одновременно съ этихъ двухъ сторонъ, почему и поставилъ трагическую фигуру Чацкаго въ комическое положеніе. Отживающая старина екатеринская и павловская воплотилась въ лицѣ Фамусова и Скалозуба—этихъ представителей оппортунистической философіи карьеристовъ и безыдейной выправки фронтовиковъ. Отъ лица молодыхъ говорилъ Чацкій, и о нихъ болталъ Репетиловъ. И Чацкій, конечно, не вполнѣ выразилъ думы и стремленія молодежи, и Репетиловъ представилъ въ каррикатурномъ видѣ то, что заслуживало бы иного, болѣе серьезнаго отношенія, и самъ Грибоѣдовъ слишкомъ погнался за остротами—но настроеніе молодыхъ умовъ и напряженіе молодыхъ чувствъ было все-таки очерчено вѣрно: любовь къ родинѣ и тяготѣніе къ Западу, либерализмъ и нетерпимость, рѣшеніе серьезныхъ вопросовъ при малой подготовкѣ, неопредѣленное чувство протеста безъ яснаго міросозерцанія—всѣ эти отличительные признаки молодого движенія были въ общихъ очертаніяхъ выставлены на показъ. Если вспомнить къ тому же, что сатира была написана въ концѣ царствованія Александра, когда борьба между самоувѣреннымъ новымъ и старымъ которое готово было воскреснуть, обострилась и разгорѣлась, то приходится удивляться смѣлости писателя, занявшаго среди двухъ спорящихъ силъ такое независимое положеніе.

Но какъ бы высоко мы ни ставили эту сатиру, едва-ли мы признаемъ въ ней хорошую комедію. Неоднократно говорилось объ ея недостаткахъ, какъ сценическаго произведенія—о слѣдахъ французской

комедіи, которые остались на ея построеніи и на характеристикѣ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, именно Лизы; на малую правдоподобность въ развитіи дѣйствія, на языкъ, который почти у всѣхъ лицъ одинъ и тотъ же, т.-е. сжатый, острый, грибоѣдовскій; на старый пріемъ именами обозначать главную черту характера человѣка и называть людей *Молчалиными*, *Скалозубами*, *Репетиловыми*; на отсутствіе жизненности въ такихъ характерахъ какъ Чацкій и Софья. Всѣ эти упреки справедливы и они, нисколько не умаляя историко-общественнаго значенія комедіи, не позволяютъ признать ее за образецъ вполнѣ художественнаго воспроизведенія жизни на сценѣ.

Послѣ «Горе отъ ума» пришлось дожидаться цѣлыхъ десять лѣтъ, когда наконецъ пьесы Гоголя дали понятіе о такой художественной бытовой комедіи, съ чисто русскими дѣйствующими лицами, лицами живыми, съ рѣчью каждому изъ нихъ присущей и съ очень естественной группировкой ихъ на сценѣ.

Новый николаевскій режимъ былъ очень неблагопріятенъ для всякаго публичнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, и на сценѣ этотъ режимъ отозвался особенно вредно: на театрѣ игралось старое, уже потерявшее свой ароматъ, за исключеніемъ комедіи Грибоѣдова, которую съ величайшимъ трудомъ удалось наконецъ поставить (въ 1831 г.). Новинокъ не было, мелодрама и водевиль забили и комедію, и драму. Ни о какомъ отраженіи русской жизни на сценѣ не было и рѣчи. Но если молчала сцена, то писатели все-таки не молчали, и въ первые же годы новаго царствованія, въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ были сдѣланы попытки заговорить на сценѣ о нѣкоторыхъ весьма острыхъ современныхъ вопросахъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти опыты на подмостки не попали, хотя авторъ имѣлъ иногда наивную смѣлость представлять ихъ въ цензуру. Попытки эти были сдѣланы Лермонтовымъ и Бѣлинскимъ.

Еще въ самые ранніе годы—въ бытность свою студентомъ (1830—1831)—Лермонтовъ написалъ нѣсколько драмъ, въ которыхъ, какъ въ интимномъ дневникѣ, стремился выяснить себѣ нѣкоторыя свои мысли и чувства, ему самому тогда не вполнѣ ясныя. Онъ задумывался надъ той меланхоліей, которую ощущалъ въ себѣ, надъ своимъ нелюдимымъ отношеніемъ къ окружающимъ, надъ вызывающей смѣлостью своихъ мыслей о Богѣ и людяхъ, надъ своей влюбчивостью и недовѣріемъ къ женщинѣ, наконецъ, вообще надъ той тяготой бытія, которая очень рано стала его тревожить. Поэтъ самъ для себя былъ психологической загадкой и въ своихъ раннихъ драмахъ пытался рѣшить эту загадку, создавая разные образы разочарованныхъ, влюбленныхъ и озлобленныхъ молодыхъ людей, которые всѣ кончали очень трагично.

Драмы Лермонтова написаны хоть и съ малой сценической опытностью, но съ большимъ талантомъ и жаромъ, и для біографа—источникъ перво-

степенной важности. Какъ отголоски русской жизни, онѣ не имѣли бы ровно никакого значенія, если бы авторъ мимоходомъ не коснулся крестьянскаго вопроса. Этотъ вопросъ попалъ, однако, въ его драмы случайно, не потому, что Лермонтовъ хотѣлъ быть обличителемъ соціальныхъ недуговъ русскихъ, а потому, что заинтересовался одной любопытной общей нравственной проблемой, а именно вопросомъ—до какихъ степеней человѣкъ можетъ быть для другого человѣка волкомъ. Ничего особенно характернаго въ этихъ сценахъ помѣщичьяго произвола Лермонтовъ не сказалъ, но нѣкоторые виды его перечислилъ; ему было не трудно это сдѣлать, такъ какъ въ жизни своихъ близкихъ родственниковъ онъ имѣлъ передъ глазами примѣры такого деспотизма, попавшаго даже на страницы исторіи. Вотъ почему эти двѣ-три сценки въ его юношескихъ драмахъ—этотъ типъ старухи помѣщицы, у которой для слугъ нѣтъ другого слова, кромѣ угрозы и брани (въ драмѣ «Menschen und Leidenschaften»), эта сцена, въ которой одинъ мужикъ на колѣняхъ проситъ молодого вертопраха, чтобы онъ купилъ ихъ у помѣщицы, которая сѣчетъ ихъ, вывертываетъ руки на станкѣ, колетъ ножницами дѣвокъ, выщипываетъ бороду волосокъ по волоску (въ драмѣ «Странный человѣкъ»)—конечно, не выдумка, не эффектный эпизодъ, а страничка изъ воспоминаній... Но голова Лермонтова была въ тѣ годы занята иными воспоминаніями чисто семейнаго и личнаго характера, и потому его драмы—не исключая и «Маскарада» (1835)—имѣютъ безспорную цѣну художественную и автобіографическую, но какъ картины русской жизни слишкомъ общи и субъективны.

Очень общую картину нашей помѣщичьей жизни далъ и Бѣлинскій въ своей юношеской драмѣ «Дмитрій Калининъ» (1831), за которую поплатился исключеніемъ изъ университета. Идея драмы была навѣяна не жизнью, а чтеніемъ и размышленіемъ. Бѣлинскій также пытался разрѣшить одинъ изъ важнѣйшихъ этическихъ вопросовъ, а именно вопросъ о нравственномъ достоинствѣ человѣка и о свободѣ личности, и только попутно, въ видѣ поясненія основной мысли, нарисовалъ ужасающія картины помѣщичьей расправы съ крѣпостными. Политической мысли въ комедіи не было *), а была лишь защита одного общаго принципа, защищая который, нельзя было, однако, уберечься отъ нападокъ на то, что въ русской жизни бросалось въ глаза каждому моралисту.

Образы, а иной разъ и цѣлыя тирады, нашъ авторъ заимствовалъ у западныхъ громителей деспотизма, преимущественно у Шиллера, а обстановку взялъ русскую и притомъ помѣщичью, въ которой трудно было и предположить возможность такихъ типовъ, какъ Дмитрій Калининъ.

---

*) Смтр. *С. А. Венгеровъ*. «Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго», I, 128—132. Примѣчанія къ «Дмитрію Калинину».

Воспитывается этотъ Калининъ — крѣпостной человѣкъ безъ роду и племени — въ дворянской семьѣ, на правахъ всѣхъ прочихъ ея членовъ, двухъ сыновей и дочери Софіи; онъ любимецъ старика помѣщика, который заботится о немъ, какъ о родномъ сынѣ, и онъ счастливъ среди общей ненависти къ нему и жены и сыновей его благодѣтеля... счастливъ потому, что пользуется взаимностью Софьи... Онъ самъ любитъ ее до безумія и, повинуясь голосу любви и свободѣ страсти, онъ становится ея тайнымъ любовникомъ. Первое дѣйствіе драмы застаетъ его въ Москвѣ: онъ отправилъ старику письмо, въ которомъ просилъ руки его дочери. «Неужели я не имѣю права любить дѣвушку только потому, что отецъ ея носитъ на себѣ пустое званіе дворянина и что онъ богатъ, а я безъ имени и бѣденъ?» разсуждаетъ нашъ мечтатель.

Наконецъ, приходитъ и письмо, но оно не отъ отца, а отъ его сына Андрея. Въ самыхъ циничныхъ выраженіяхъ сынъ извѣщаетъ Дмитрія о смерти отца, о томъ, что отпускная, которую старикъ далъ Дмитрію уничтожена, что сестра Софья выходитъ замужъ за какого-то князя, и что, такъ какъ у нихъ недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ, то онъ и проситъ Дмитрія поскорѣе къ нимъ пожаловать. «Я—рабъ!», восклицаетъ Калининъ, и этотъ возгласъ—возгласъ отчаянія и мести. Дмитрій долженъ ѣхать, и онъ ѣдетъ. Вмѣстѣ съ другомъ, который сопровождалъ его изъ Москвы, они готовятъ планъ похищенія Софьи. Но пылкая натура Дмитрія не выдерживаетъ: тревога, злоба и ревность туманятъ его разсудокъ, онъ пріѣзжаетъ самъ требовать свою Софью, попадаетъ въ усадьбу на званый вечеръ, и при всѣхъ родныхъ и знакомыхъ даетъ понять, что̀ онъ для Софьи, и что̀ она для него... Братъ Софьи въ неистовствѣ бросается къ нему съ роковымъ словомъ «рабъ» и схватываетъ его за грудь, но Дмитрій выхватываетъ изъ кармана пистолетъ и убиваетъ Андрея.

Драма запутывается; отношенія Дмитрія и Софьи должны естественно измѣниться послѣ этого убійства, и единственнымъ выходомъ для обоихъ является смерть... Дмитрій, отданный въ руки правосудія, успѣваетъ какъ-то бѣжать изъ тюрьмы, ему удается еще разъ прижать къ своей груди Софью и, по ея просьбѣ, онъ ее закалываетъ. Уже послѣ этого второго убійства узнаетъ онъ, что его возлюбленная—его сестра, что онъ—незаконный сынъ своего благодѣтеля. Онъ закалывается.

Такова канва этой ультра романтической драмы. Герой намъ хорошо знакомъ еще по образцамъ западной романтики. Это все тотъ же защитникъ правъ человѣка, котораго натолкнула на преступленіе несправедливость людей и соціальная неурядица. Только герой этотъ дѣйствуетъ теперь на русской почвѣ и ему нужна, поэтому, реальная русская обстановка. Эту обстановку Бѣлинскій ему и придумалъ, воспользовавшись частью традиціонными типами въ родѣ постылаго жениха

или вѣрнаго друга, частью общими образами злодѣевъ, а частью типами изъ простонародья, которые выведены на сцену лишь затѣмъ, чтобы служить живымъ укоромъ для всѣхъ тѣхъ, кто ихъ такъ безсердечно измучилъ. На изображеніе этихъ мучителей Бѣлинскій не пожалѣлъ красокъ. Это не люди, это поистинѣ звѣри, которые изощряются въ изобрѣтеніи всякихъ жестокостей, начиная съ побоевъ, кончая даже презрѣннымъ грабительствомъ, и все затѣмъ, чтобы показать свое преимущество и силу, которыхъ никто не оспариваетъ. Такія густыя краски были нужны автору, чтобы лучше оттѣнить основной нравственный вопросъ, который онъ рѣшалъ въ своей драмѣ, и оправдать, хоть отчасти, неистовство и кровожадность самого героя, который былъ не борецъ за торжество святой идеи, а мститель за ея поруганіе. «Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу?—спрашиваетъ Калининъ передъ тѣмъ, какъ покончить съ собой.—Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?» и Дмитрій отомстилъ за этихъ несчастныхъ...

Чтобы нѣсколько смягчить тяжелое впечатлѣніе такихъ сценъ и словъ, авторъ въ своей рукописи сдѣлалъ такую приписку: «Къ славѣ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства, подобныя тиранства уже начинаютъ совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священною обязанностью пещись о счастьи каждаго человѣка, ввѣреннаго его отеческому попеченію, не различая ни лицъ, ни состояній».

Неизвѣстно, что сказало бы попечительное правительство, если бы оно прочитало эту драму; но цензурный комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ, призналъ ее безнравственной и позорящей университетъ.

Среди выдающихся театральныхъ новинокъ того времени слѣдуетъ отмѣтить и три комедіи Квитки-Основьяненка: «Дворянскіе выборы» (1829), «Дворянскіе выборы, часть вторая, или выборъ исправника» (1830) и «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ» (1828). Авторъ ихъ—малороссійскій писатель, подвизавшійся на томъ же поприщѣ, что и Гоголь—пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, главнымъ образомъ, своими разсказами и водевилями изъ малороссійскаго народнаго быта. Его комедіи пользовались меньшей славой; на сцену

онѣ, кажется, не попали, но были одобрены цензурой къ печати въ 1828—9 году.

Двѣ изъ нихъ, а именно, «Дворянскіе выборы» и «Пріѣзжій изъ столицы» удовлетворяютъ всѣмъ тогдашнимъ требованіямъ бытовой комедіи; комедія же «Выборъ исправника», какъ въ большинствѣ случаевъ всѣ «продолженія» и «вторыя части» удачныхъ пьесъ—слаба, растянута и ничего не прибавляетъ новаго къ тому, что было авторомъ сказано въ его «Дворянскихъ выборахъ». Лучшее въ ней—простонародныя сцены, въ которыхъ появляется любимецъ автора—волостной писарь Шельменко—типъ остроумца-малороссіянина, созданный Квиткой и съ тѣхъ поръ сохранившійся въ литературѣ. Но эти народныя сцены эпизодичны, смахиваютъ на водевиль и лежатъ внѣ поля нашего зрѣнія...

Для историка русской общественной мысли, поскольку она находила себѣ выраженіе въ комедіи, наибольшій интересъ представляетъ пьеса «Дворянскіе выборы», въ которыхъ наше дворянство изображено въ одну изъ очень характерныхъ минутъ своей уѣздной жизни.

Комедія написана съ пріемами старыми, какъ мы сказали. Неизбѣжная любовная интрига, совсѣмъ лишняя, заполняетъ почти половину дѣйствія всѣхъ трехъ актовъ, резонеры не упускаютъ случая поговорить о сущности разныхъ общественныхъ добродѣтелей и о благодѣтельномъ правительствѣ, которое своими заботами сдѣлаетъ скоро совершенно излишнимъ подобное обличеніе, какое себѣ разрѣшаетъ благомыслящій авторъ; всѣ лица, наконецъ, еще до начала дѣйствія знакомятъ зрителя со своимъ кондуитнымъ спискомъ, рекомендуясь ему, кто—Староплутовымъ, Заправилкинымъ, Кожедраловымъ, Выжималовымъ, Драчугинымъ и Подтрусовымъ, кто Благосудовымъ и Твердовымъ. «Дворянскіе выборы» при всѣхъ художественныхъ недостаткахъ были, однако, очень смѣлымъ памфлетомъ на наше высшее сословіе. Квитка подобралъ удивительную коллекцію разныхъ плутовъ, негодяевъ, поддѣлывателей документовъ, грабителей, пьяницъ и болвановъ, передъ которыми всѣ взяточники гоголевской комедіи—невинныя дѣти. Всю эту дворянскую свору, для надлежащаго посрамленія и для торжества истиннаго дворянскаго принципа, авторъ загналъ въ губернскій городъ для выбора предводителя. Все было пущено въ ходъ, чтобы эта должность досталась Кожедралову, но передъ баллотировкой прежній губернскій предводитель предложилъ разобрать, кто имѣетъ право класть шаръ и кто нѣтъ, и тогда открылось, что этотъ Кожедраловъ соститъ подъ судомъ за взятки. Произошла, какъ говоритъ дворянинъ Староплутовъ, заинтересованный въ выборѣ Кожедралова, «ужасная революція», т.-е. всю банду дворянъ-авантюристовъ выгнали, и предводителемъ былъ избранъ Твердовъ, который въ придачу къ новой должности получилъ и руку m-lle Тихиной—племянницы Староплутова; сердце же ея ему давно принадлежало.

Такова завязка; но въ ней попадается одна деталь, очень оригинальная и истинно курьезная: это—описаніе одного изъ способовъ, какимъ заинтересованная дворянская партія стремилась на выборахъ гарантировать себѣ большинство голосовъ.

Подбирались неимущіе дворяне, родъ которыхъ размножился. Случалось, что болѣе десятка такихъ дворянъ владѣли однимъ крестьяниномъ и двумя десятинами земли, которая и называлась деревней. Вотъ такихъ-то дворянъ собралъ—какъ разсказываетъ Квитка—плутъ Кожедраловъ и на повозкахъ привезъ въ городъ, на выборы. На сей случай была имъ отпущена приготовленная амуниція, и пока баллотировка продолжалась, они всѣ жили на его харчахъ, ѣли безъ устали, пили безъ просыпу, но зато обязались класть свой шаръ, кому имъ прикажутъ. Всѣмъ этимъ подставнымъ дворянамъ на сценѣ производятъ смотръ; ихъ подсчитываютъ, причемъ оказывается, что одинъ едва ли будетъ годенъ, потому что наканунѣ на ночлегѣ прибитъ до полусмерти, да и другіе ненадежны, такъ какъ съ перепоя ничего не понимаютъ. Ихъ тѣмъ не менѣе обучаютъ, какъ себя держать на выборахъ, потому что всѣ они новаго набора, а старыхъ прошлогднихъ нѣтъ. Изъ этихъ прошлогднихъ трое сосланы по уголовному суду на поселеніе, четвертый отданъ вѣчно въ солдаты, пятый впьянѣ умеръ, а шестой служитъ ямщикомъ на станціи.

Всѣ тѣ сцены, въ которыхъ выступаетъ эта благородная голтепа—образецъ очень веселой буффонады, которая резонерамъ пьесы даетъ удобный случай высказать свои мнѣнія объ истинномъ призваніи дворянина.

Въ комедіи говорится и о крестьянскомъ вопросѣ. Сентиментальная дѣвица Тихина-героиня комедіи — при всей тихости своего темперамента, возмущена обращеніемъ Кожедралова съ крестьянами и потому не принимаетъ его сватовства. Ея опекунша, наоборотъ, проповѣдуетъ систему плетки и пощечинъ и гордится тѣмъ, что она вела себя «не подло» и не отставала отъ другихъ. «Дѣвки у меня духа моего трепещутъ,—говоритъ она,—все работаютъ, я только погоняю. И коли у меня дѣвка выдержитъ пять лѣтъ, такъ ужъ похвалится своимъ холопскимъ здоровьемъ». Такія и подобныя имъ реплики, равно какъ и откровенное глумленіе надъ дворянствомъ, заставляютъ насъ причислить комедію Квитки къ памятникамъ обличительной литературы, въ которыхъ, какъ мы уже замѣчали неоднократно, серьезность и глубина содержанія почти никогда не совпадала съ художественнымъ выполненіемъ. И «Дворянскіе выборы» также—плохая комедія и недурная сатира.

Вторая комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ» въ художественномъ отношеніи стоитъ выше первой, но по содержанію она менѣе характерна. Для насъ она имѣетъ, однако, совсѣмъ особое значеніе въ виду однако случайнаго обстоятельства: фабула комедіи очень похожа на фабулу «Ревизора»; и су-

ществуетъ предположеніе, что Гоголь заимствовалъ свой сюжетъ у Квитки.

Городничій уѣзднаго города Ѳома Ѳомичъ Трусилкинъ получаетъ отъ одного изъ служащихъ въ губернаторской канцеляріи извѣщеніе, что черезъ его городъ поѣдетъ важная и знатная особа, кто—неизвѣстно, но только очень уважаемая губернаторомъ. Городничій предполагаетъ, что эта особа—ревизоръ. Это извѣстіе вызываетъ большую тревогу и въ семьѣ городничаго, и среди его знакомыхъ и въ чиновныхъ кругахъ города. Заинтересованы очень прежде всего дамы—сестра городничаго—старая дѣва лѣтъ сорока; разбитная и весьма глупая жена одного стряпчаго, ея дочь Эйжени—по-русски Евгаша—воспитанница трехъ французскихъ пансіоновъ, помѣшанная на французской рѣчи, пустая вертушка; и одна только благонравная дѣвица, племянница городничаго, принимаетъ извѣстіе о пріѣздѣ ревизора хладнокровно.

Всего больше конечно заинтригованъ чиновный міръ: флегматичный Тихонъ Михайловичъ Спалкинъ — уѣздный судья; Лука Семеновичъ Печаталкинъ—почтовый экспедиторъ и Афиногенъ Валентиновичъ Ученосвѣтовъ, большой театралъ и смотритель уѣздныхъ училищъ. Городничій потерявшій голову начинаетъ придумывать разныя мѣры для достойной встрѣчи ревизора, предлагаетъ снять заборы на нижней улицѣ и положить доски по большой, гдѣ ревизоръ поѣдетъ, лицевыя стороны фонарныхъ столбовъ подмазать сажей и чтобы во время пребыванія ревизора не произошло пожара—вездѣ у бѣдныхъ запечатать печи. Приставъ Шаринъ отъ себя предлагаетъ набрать кое-кого зря да посадить въ острогъ, такъ какъ арестантовъ мало и могутъ подумать, что они распущены... Наконецъ рѣшено посадить порасторопнѣе человѣка на колокольню, чтобы онъ, чуть увидитъ экипажъ, сломя голову летѣлъ бы къ городничему.

Когда всѣ чиновники въ мундирахъ собрались у городничаго и онъ разставилъ ихъ въ залѣ по порядку, настаетъ страшная минута, и является пріѣзжій изъ столицы Владиславъ Трофимовичъ Пустолобовъ, который входитъ важно и, пройдя всѣхъ безъ вниманія, останавливается посреди комнаты. Городничій подаетъ ему рапортъ и начинаетъ представлять сначала чиновниковъ, затѣмъ дамъ. Ученосвѣтовъ узнаетъ въ Пустолобовѣ своего стараго знакомаго, выгнаннаго изъ университета студента и идетъ къ нему съ распростертыми объятіями, но тотъ отступаетъ отъ него и до особенной аудіенціи велитъ ему наблюдать строжайшую скромность. Наконецъ, городничій рѣшается обратиться къ ревизору съ вопросомъ о томъ, въ какомъ онъ чинѣ, чтобы не ошибиться въ титулѣ, и Пустолобовъ отвѣчаетъ ему развязно, что «онъ уже достигъ до той степени, выше которой подобные ему не восходятъ». Всѣ заключаютъ изъ этихъ словъ, что онъ превосходительный, и дѣйствіе кончается общимъ шествіемъ въ столовую.

«Не угодно ли послѣ дороги отдохнуть?» спрашиваетъ городничій своего гостя. «Мнѣ отдыхать? что же было бы тогда съ Россіей, еже ли бы я спалъ послѣ обѣда?»—отвѣчаетъ Пустолобовъ и проситъ къ себѣ на пріемъ чиновниковъ. Оказывается, что Пустолобовъ разыгрываетъ всю эту комедію съ цѣлью найти богатую невѣсту и достать хоть какую-нибудь сумму денегъ, такъ какъ онъ безъ копѣйки. Первымъ онъ вызываетъ къ себѣ на ауденцію Ученосвѣтова, выговариваетъ ему за неумѣстную фамильярность при встрѣчѣ, по секрету объявляетъ ему, что это фамильярность чуть не нарушила равновѣсіе Европы и велитъ соблюдать впредь строжайшую тайну. Между прочимъ, онъ ловко выспрашиваетъ его о невѣстахъ и узнаетъ, что племянница городничаго невѣста съ достаткомъ и что самое близкое лицо къ этой дѣвицѣ—ея тетка... Проводивъ смотрителя училищъ, онъ вызываетъ городничаго и проситъ представить ему казначея; оказывается однако, что казначей у пріятеля въ деревнѣ и ключи отъ кладовой у него. Набѣгъ на казенную кладовую, такимъ образомъ, не удается и приходится изыскивать другія средства. При разговорѣ съ почмейстеромъ, Пустолобовъ освѣдомляется, сколько у него въ почтамтѣ на лицо денегъ, и узнавъ, что 28 руб. 80 коп.—приходитъ въ уныніе. Но ему мелькаетъ другая мысль. Онъ говоритъ почмейстеру, что пришлетъ ему нѣкоторыя бумаги, которыя тотъ вскорѣ долженъ ему принести, какъ бы полученныя на его имя съ эстафетой...

На нѣкоторое время сцену заполняютъ домашніе городничаго, и зрителю выясняется, что сердце племянницы городничаго, на которое нацѣлился ревизоръ, не свободно и уже отдано маіору Милову... Пустолобовъ, который этого не подозрѣваетъ, открываетъ компанію и признается сестрѣ городничаго въ своей любви, очень осторожно, намеками, говоря, что яснѣе объясняться не можетъ изъ опасенія заставить смѣяться весь дипломатическій корпусъ Европы. Старая дѣва, не разслышавъ, кого любитъ Пустолобовъ, принимаетъ все на свой счетъ и отвѣчаетъ, что, уважая критическое положеніе, или яснѣе сказать, состояніе дѣлъ Европы и изъ почтенія къ дипломатическому корпусу, она согласна... Она очень разочарована и обозлена, когда узнаетъ, что предметъ воздыханій Пустолобова ея племянница, но беретъ на себя порученіе содѣйствовать этой интригѣ, имѣя впрочемъ свои виды... Наконецъ городничій и почмейстеръ приносятъ Пустолобову имъ же написанныя бумаги, какъ бы полученныя съ нарочной эстафетой. Въ этихъ бумагахъ значится, что иностранное министерство возлагаетъ на Пустолобова произвести тонкую хитрость и назначаетъ для этого десять тысячъ. Деньги Пустолобовъ можетъ получить, гдѣ вздумаетъ... Нашъ ревизоръ, однако, мирится и на пяти. Но казначей уѣхалъ, и городничему остается раздобыть гдѣ-нибудь эти деньги въ городѣ; на первый случай онъ предлагаетъ свои 500 р., которые Пустолобовъ и принимаетъ «на эстафеты». «Я уже пріученъ

издерживать свои— говоритъ онъ—начальникъ подъ видомъ шутки относитъ все къ пожертвованіямъ, но я благодаренъ; такихъ пожертвованій набираются сотни тысячъ...»

Пустолобову тутъ же приходитъ въ голову и еще новая мысль—запереть городъ, чтобы никто не узналъ объ его проказахъ и не помѣшалъ ему жениться; для этого онъ приказываетъ городничему не впускать и не выпускать безъ его вѣдома никого за заставу... Этимъ онъ самъ себѣ, какъ оказывается впослѣдствіи, ставитъ ловушку. Дѣйствіе оканчивается выходомъ пристава, который приноситъ полученную отъ губернатора бумагу на имя городничаго, но этого городничаго пока розыскать невозможно: онъ куда-то исчезъ, на время спрятался, сказавъ, что отправляется въ секретную экспедицію. «Ахъ,—говоритъ приставъ,—кабы городничій позволилъ ночью поджечь избенку какого-бѣднаго обывателя. Тутъ бы крикъ, тревога, суматоха. Ревизоръ бы взбѣгался: гдѣ полиція? гдѣ полиція? А я бы, давъ погорѣть, тутъ изъ-за угла на него трубою, трубою, которую на первый случай изряднехонько исправили. Тутъ, навѣрное, пошло бы обо мнѣ представленіе... орденъ! Здѣсь въ глуши нашему брату только фальшивой тревогой и взять...»

Интрига начинаетъ близиться къ развязкѣ. Старая дѣва доводитъ до свѣдѣнія своей племянницы о пламени, какимъ къ ней пылаетъ Пустолобовъ. Желая занять ея мѣсто, она уговариваетъ племянницу на время скрыться, а Пустолобову говоритъ, что племянница отъ его предложенія въ восторгѣ, согласна бѣжать съ нимъ и вѣнчаться въ ближайшемъ селѣ. Она предупреждаетъ его только, чтобы онъ не удивился, если невѣста будетъ молчать не только всю дорогу, но и подъ вѣнцомъ. Пустолобовъ на все согласенъ, въ благодарность обѣщаетъ этой тетушкѣ сдѣлать ее знатной дамой и записать имя ея въ исторію. Немедленно нашъ ревизоръ спрашиваетъ себѣ шестерку добрыхъ почтовыхъ лошадей съ надежными ямщиками и подъ вечеръ укатываетъ вмѣстѣ со старой дѣвой, принимая ее за племянницу...

Наконецъ, появляется городничій, который пропадалъ, отыскивая для Пустолобова деньги по всему городу. Ему докладываетъ приставъ, что ревизоръ уѣхалъ въ каретѣ и, какъ ему показалось, съ его племянницей. Городничій озадаченъ, зачѣмъ ревизору понадобилось бѣжать, когда онъ открыто могъ сдѣлать честь всей семьѣ своимъ предложеніемъ. Все объясняется, когда тотъ же приставъ подаетъ городничему бумагу отъ губернатора. Въ ней сказано, что высшее начальство, узнавъ, что откомандированный въ нѣкоторыя губерніи титулярный совѣтникъ Пустолобовъ осмѣлился выдавать себя за важнаго государственнаго чиновника, производящаго изслѣдованія по какой-то секретной части, и чрезъ то надѣлавшій большихъ безпорядковъ и злоупотребленій, предписываетъ схватить его и прислать за строгимъ карауломъ въ Петербургъ.

Общее смятеніе на сценѣ, и затѣмъ развязка: ревизора ловятъ у заставы, за которую его не пропустили по собственному его же предписанію. Вмѣстѣ съ нимъ вытаскиваютъ на сцену и закутанную даму, которая въ обморокѣ лежитъ у двухъ солдатъ на рукахъ. Съ нея срываютъ покрывало, и окунфуженная и разсерженная тетушка начинаетъ ругаться. Пустолобова уводитъ приставъ; племянница появляется, маіоръ Миловъ протягиваетъ ей руку, и городничій доволенъ, что все это такъ хорошо кончилось и что онъ отдѣлался 50-ю рублями, такъ какъ 450 были взяты у Пустолобова при обыскѣ...

Комизмъ развязки совершенно не удался Квиткѣ. Никто изъ дѣйствующихъ лицъ не знаетъ, что сказать и какъ отнестись къ этому скандалу; всѣ отдѣлываются шутками или ничего не значущими возгласами. Самъ городничій принимаетъ всю развязку необычайно хладнокровно и спѣшитъ поскорѣе дать согласіе на бракъ своей племянницы съ маіоромъ. Лучше всѣхъ ведетъ себя Пустолобовъ, который спокойно покоряется своей участи и благодаритъ Бога, что не обвѣнчался со старой дѣвой...

Во всякомъ случаѣ, не съ этой комедіи списывалъ Гоголь своего «Ревизора».

Таковъ въ самыхъ общихъ очертаніяхъ ходъ развитія сюжетовъ въ нашей комедіи до Гоголя.

Несмотря на количественный ростъ пьесъ, ихъ качественная стоимость оставалась приблизительно одна и та же. Въ художественномъ отношеніи ни комедіи, ни драмы не возвышались надъ среднимъ литературнымъ уровнемъ. По содержанію большинство было безцвѣтно, и историческая эпоха не находила въ нихъ своего отраженія. Исключеніе составляли лишь единичныя явленія, очень рѣдкія. Но это были сатиры, въ которыхъ глубина содержанія не покрывалась художественностью выполненія.

Настоящей бытовой комедіи мы пока еще не имѣли, и Гоголь былъ первый, который намъ ее далъ. Въ его комедіяхъ правда жизни сочеталась съ художественной правдой въ искусствѣ. Сцена стала отраженіемъ жизни: общіе типы, типы заимствованные, условности въ интригахъ, моральная тенденція—все исчезло: художникъ и бытописатель стали однимъ лицомъ. Но зато ни одна изъ комедій Гоголя не поднялась до той высоты смѣлаго обличенія, до какой возвышались нѣкоторыя изъ пьесъ стараго репертуара. Сатира Гоголя была художественна, но того глубокаго общественнаго смысла, какимъ нѣкогда была такъ сильна сатира Фонъ-Визина и Грибоѣдова—она не имѣла: сравнительно съ запросами своего времени она была сдержанна и осторожна.

XII.

Взгляды Гоголя на смѣшное въ жизни; «шутка» и облагораживающій насъ «смѣхъ».— Гоголь, какъ обличитель общественныхъ пороковъ; отсутствіе либеральной тенденціи въ его сатирѣ.—Первыя мысли о комедіи; одновременная работа надъ тремя сюжетами; трудность и длительность этой работы.—«Игроки».—«Женитьба»; обворъ типовъ и общественный смыслъ комедіи.—Остатки отъ неоконченной комедіи «Владиміръ третьей степени»: «Утро дѣлового человѣка»; «Тяжба»; «Отрывокъ» и «Лакейская».—Выведенные въ нихъ типы и затронутые вопросы.

Въ своей «Авторской исповѣди» Гоголь, вспоминая былые годы и чистосердечно разсказывая исторію собственнаго творчества, сдѣлалъ одно очень любопытное признаніе: «Первые мои опыты,— говорилъ онъ,—были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками; въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, то-есть угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самого склада и образа его мыслей и рѣчей». Способность, о которой здѣсь говоритъ Гоголь, была ему дана отъ природы и неизмѣнно проявлялась во всѣхъ его произведеніяхъ, начиная отъ «Вечеровъ», кончая «Мертвыми Душами»: всегда и вездѣ онъ, какъ художникъ, обладалъ способностью перевоплощенія. Въ какихъ цѣляхъ онъ ею пользовался? Отмѣчая въ своей «Авторской Исповѣди» постоянную смѣну настроеній, которыя имъ владѣли, это частое совмѣщеніе глубоко меланхолическаго взгляда на жизнь со способностью оттѣнять въ этой жизни ея комическія стороны, Гоголь признался, что онъ не могъ отдѣлаться отъ охоты «шутить» и «надоѣдать» другимъ этими шутками. Повидимому, онъ своему смѣху придавалъ первоначально значеніе чисто личное—мало серьезное. На самомъ дѣлѣ оно такъ и было, и мы неоднократно могли убѣдиться, что Гоголь шутилъ ради шутки и никакого особенно важнаго значенія своимъ «шуткамъ» не приписывалъ. Такъ отъ души смѣялся онъ въ своихъ малороссійскихъ разсказахъ и въ петербургскихъ повѣстяхъ, ловя на лету все смѣшное, что попадалось, иногда выдумывая это смѣшное, не подбирая типовъ и не направляя своего смѣха на какую-нибудь опредѣленную сторону жизни. Въ этихъ повѣстяхъ и разсказахъ мы смогли подмѣтить только однажды слабые проблески того, что называется общественной сатирой.

Но скоро во взглядахъ Гоголя на смѣшное произошла очень

значительная перемѣна. Смѣхъ получилъ въ его глазахъ значеніе не личное только, но общественное: Гоголь сталъ необычайно серьезно смотрѣть на него, и серьезность эта съ каждымъ годомъ такъ возрастала, что скоро грань между смѣхомъ и слезами начала исчезать и прежнее загадочное противорѣчіе въ настроеніяхъ разрѣшилось въ намъ всѣмъ извѣстный и дорогой «смѣхъ сквозь слезы». Какъ совершилась эта перемѣна, въ подробностяхъ разсказать невозможно: но только эта перемѣна во взглядѣ на смѣшную сторону жизни стала сказываться еще въ 1832 году, т.-е. тогда, когда Гоголь продолжалъ «шутить», такъ, для себя, для домашняго обихода. Въ 1836 году, наканунѣ перваго представленія «Ревизора», этотъ серьезный взглядъ на «смѣшное» нашелъ себѣ уже очень ясное и точное выраженіе въ одной статейкѣ, которую Гоголь набросалъ для пушкинскаго «Современника». Статья называлась «Петербургскія записки 1836 года» и мы съ ней уже знакомы по вышеприведенной параллели между Москвой и Петербургомъ. Во второй части этой статьи Гоголь говорилъ о репертуарѣ нашихъ театровъ въ сезонъ 1835—36 года. По поводу этого репертуара онъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній, сущность которыхъ мы и изложимъ *).

Гоголь жалуется, что балетъ и опера совершенно завладѣли нашей сценой. А между тѣмъ, живетъ еще въ мысляхъ каждаго мнѣніе, что есть высокая драма, что есть и высокая комедія — вѣрный сколокъ съ общества, комедія, производящая смѣхъ глубокостью своей иронія, не тотъ смѣхъ, который производитъ на насъ легкія впечатлѣнія, который рождается бѣглой остротою, мгновеннымъ каламбуромъ, не тотъ пошлый смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для произведенія котораго нужны конвульсія, гримасы природы; но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно и свободно, который разноситъ по всѣмъ нервамъ освѣжающее наслажденіе, рождается изъ спокойнаго наслажденья души и производится высокимъ и тонкимъ умомъ. Такого смѣха на нашемъ театрѣ нѣтъ: мы пробавляемся французской мелодрамой и водевилями, пусть бы еще французскими, но водевилями русскими! Все это происходитъ оттого, что мы гоняемся либо за дешевымъ смѣхомъ, либо за эффектами. А между тѣмъ, нынѣшняя драма показала стремленіе вывести законы дѣйствій изъ нашего же общества. Чтобы замѣмѣтить общіе элементы нашего общества, двигающіе его пружины — для этого нужно быть великому таланту. Но наши писатели, порожденные новымъ стремленіемъ, не были таланты и общихъ элементовъ не замѣтили, а набросились на исключенія. Странность сюжета вы-

*) Взгляды Гоголя мы изложимъ по черновымъ наброскамъ этой статьи, такъ какъ въ нихъ они изложены болѣе полно. Черновые наброски носятъ заглавіе «Петербургская сцена въ 1835—1836 г.». Сочиненія *Н. В. Гоголя*, X-е изданіе. VI, 316—326.

носила ихъ имя и дѣлала извѣстнымъ. Идея созданія нынѣшнихъ драмъ непремѣнно—разсказать какой-либо новый случай, непремѣнно страшный, непремѣнно еще никѣмъ не виданный, неслыханный... Что хуже всего, такъ это отсутствіе національнаго на нашей сценѣ. Кого играютъ наши актеры? Какихъ-то нехристей, людей—не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого, какихъ-то взбалмошныхъ людей—иначе и трудно назвать героевъ мелодрамы, не имѣющихъ рѣшительно никакой точно опредѣленной страсти, а тѣмъ болѣе видной физіогноміи. Не странно ли? Тогда какъ мы больше всего говоримъ теперь о естественности, намъ какъ нарочно подносятъ подъ носъ верхъ уродливости. Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ! Что намъ французы и весь заморскій людъ? Развѣ мало у насъ нашего народа? русскихъ характеровъ! своихъ характеровъ! Давайте насъ самихъ. Давайте намъ нашихъ плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ въ зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые подъ личиной кротости подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ кроткія. Изобразите намъ нашего честнаго, прямого человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, среди потерь и тратъ, чинимыхъ ему, остается непоколебимъ въ своихъ положеніяхъ, безъ ропота на безвинное правительство и исполненъ той же русской, безграничной любви къ царю своему, для котораго бы онъ и жизнь, и домъ, и послѣднюю каплю благородной крови готовъ принесть, какъ назначенную жертву... Бросьте долгій взглядъ во всю длину и ширину животрепещущаго населенія нашей раздольной (родины): сколько есть у насъ добрыхъ людей, но сколько есть и плевелъ, отъ которыхъ житья нѣтъ добрымъ и за которыми не въ силахъ слѣдить никакой законъ. На сцену ихъ! Пусть видитъ ихъ весь народъ! Пусть посмѣется онъ! О, смѣхъ великое дѣло! Ничего болѣе не боится человѣкъ такъ, какъ смѣха. Онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія у виновнаго; но онъ ему силы связываетъ и, боясь смѣха, человѣкъ удержится отъ того, отъ чего бы не удержала его никакая сила... Благосклонно склонится око монарха къ тому писателю, который, движимый чистымъ желаніемъ добра, предпріиметъ уличить низкій порокъ, недостойныя слабости и привычки въ слояхъ нашего общества и этимъ подастъ отъ себя помощь и крылья его правдивому закону. Театръ—великая школа, глубоко его назначеніе: онъ цѣлой толпѣ, цѣлой тысячѣ народа за однимъ разомъ читаетъ живой полезный урокъ и при блескѣ торжественнаго освѣщенія, при громѣ музыки показываетъ смѣшное привычекъ и пороковъ или высокотрогательное достоинствъ и возвышенныхъ чувствъ человѣка. Нѣтъ! театръ не то, что сдѣлали изъ него теперь. Нѣтъ! Онъ не долженъ возбудить тѣхъ тревожныхъ и безпокойныхъ движеній души. Нѣтъ! Пусть зритель выходитъ изъ театра въ счастливомъ

расположеніи, помирая отъ смѣха или обливаясь сладкими слезами, и понесшій съ собою какое-нибудь доброе намѣреніе.

Писатель, который отводилъ смѣху такую карающую и наставническую роль въ обществѣ, былъ, конечно, далекъ отъ всякихъ «шутокъ», и имѣлъ право обидѣться, когда нѣкоторые люди при оцѣнкѣ его комедій, за ихъ шутливой внѣшностью, не поняли скрытаго въ нихъ серьезнаго смѣха.

Переходя къ обзору этихъ комедій, мы должны прежде всего сдѣлать большую оговорку. Всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ объ общественной тенденціи этихъ комедій, надо помнить, что въ представленіи Гоголя эта общественная тенденція не имѣетъ ничего общаго съ «либеральной». Она въ его комедіяхъ—тенденція нравственная, безъ всякой примѣси политическаго элемента. Вотъ почему онъ могъ позднѣе истолковать всего «Ревизора» чисто нравственно и мистически, какъ онъ это сдѣлалъ въ извѣстной «Развязкѣ»; вотъ почему онъ и приходилъ въ такое страшное негодованіе и чувствовалъ себя такъ оскорбленнымъ, когда его называли «либераломъ» или подозрѣвали въ желаніи сказать что-нибудь непріятное правительству.

Гоголь по своимъ политическимъ взглядамъ былъ всегда чистокровнымъ консерваторомъ и вѣрноподданнымъ. Либеральный оттѣнокъ его комедіямъ и его творчеству придалъ не онъ, а условія нашей общественной жизни временъ императора Николая, условія, которыя въ 1852 году заставили само правительство признать Гоголя «опаснымъ» писателемъ и попытаться «замолчать» въ нѣкоторомъ смыслѣ его кончину.

Помимо того, что всякое рѣзкое обличеніе нравственныхъ недостатковъ всегда можетъ быть истолковано въ либеральномъ смыслѣ, т.-е. всегда бросаетъ извѣстную тѣнь на государственный порядокъ, при которомъ такіе недостатки процвѣтаютъ — помимо этого, въ «Комедіяхъ» и въ «Мертвыхъ Душахъ» было, какъ извѣстно, высказано самое безпощадное осужденіе русской бюрократической системы. И это осужденіе, и только оно одно, и подало поводъ всѣмъ нашимъ прогрессивнымъ партіямъ зачислить Гоголя въ разрядъ если не своихъ сотрудниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ число лицъ подготовлявшихъ почву для воспріятія прогрессивныхъ идей. И это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопреки самому Гоголю, его придется признать однимъ изъ отцовъ русскаго либерализма или вѣрнѣе русской прогрессивной общественной мысли, которая, покинувъ общенравственныя точки зрѣнія, переходила къ критикѣ существующаго общественнаго и государственнаго порядка.

Разногласіе между Гоголемъ и его читателями и современниками и потомками—вытекало изъ очень понятныхъ причинъ. Гоголь для Россіи не желалъ лучшаго устройства государственнаго, чѣмъ то, при которомъ жилъ. Не любилъ онъ только «состояній среднихъ» за то, что они слиш-

комъ подвижны и неустойчивы. Такимъ образомъ для большинства силъ, какими приводилась въ движеніе русская общественная и государственная жизнь, Гоголь желалъ отъ всего своего консервативнаго сердца сохраненія существующаго. Ролью одной только силы, и притомъ очень важной, онъ былъ недоволенъ, мало сказать,—онъ былъ оскорбленъ ею. Этой силой была бюрократія, дѣйствительно, всесильная въ николаевское царствованіе. На нее направилъ Гоголь свои удары сатирика и моралиста. Если не считать плутоватыхъ типовъ въ родѣ Хлестакова и Чичикова, особенно облюбованныхъ нашимъ авторомъ, типовъ, съ которыми онъ обошелся, однако, очень милостиво; если оставить въ сторонѣ портреты, списанные съ дворянъ-помѣщиковъ, портреты не лестные, но во всякомъ случаѣ написанные безъ злобы и негодованія, то именно чиновный міръ отъ губернатора и городничаго до квартальнаго, былъ главной мишенью наиболѣе сильныхъ сатирическихъ нападокъ нашего автора. Но и въ этихъ нападкахъ сатирикъ соблюдалъ нѣкоторую осторожность. Въ комедіи «Владиміръ 3-й степени», въ этой первой попыткѣ систематическаго обличенія бюрократіи, Гоголь рѣшился было заговорить о столичныхъ довольно высокопоставленныхъ кругахъ, но что это не совсѣмъ удобно и потому въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ продолжалъ говорить лишь о чиновникахъ губернскихъ и уѣздныхъ.

Въ дѣлѣ обличенія бюрократическихъ сферъ Гоголь имѣлъ, какъ намъ извѣстно, многочисленныхъ предшественниковъ, но никто изъ нихъ не относился такъ страстно къ этому вопросу, какъ онъ; никто не спеціализировался такъ на своей темѣ. Писатели александровской эпохи предпочитали говорить объ аристократіи, столичной и помѣщичьей, и съ достаточной смѣлостью освѣщали невзрачныя стороны свѣтскаго круга. Поэтъ николаевскаго времени былъ призванъ указать на все то зло, какое влекла за собой широко-развившаяся въ это время бюрократическая система. И Гоголь свою задачу выполнилъ какъ настоящій патріотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вѣрноподданный. Онъ не допускалъ даже мысли о томъ, что сама правительственная система могла быть виновата въ томъ бюрократическомъ злѣ, которое онъ такъ вѣрно подмѣтилъ и оцѣнилъ; въ его глазахъ вся вина падала не на укладъ правительственной жизни, ставящій чиновника въ такое положеніе, при которомъ превышеніе власти и злоупотребленіе ею сами собой напрашивались, а на самого чиновника, какъ на отдѣльную нравственную единицу, какъ на личность съ извѣстнымъ нравственнымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ вопросъ съ почвы общественной переводился Гоголемъ прямо на почву нравственную, и затѣмъ уже на религіозную. Все зло проистекало, по мнѣнію автора, изъ природы самого человѣка, а не изъ тѣхъ условій, въ какія онъ былъ поставленъ. Чтобы излечить его не было нужды мѣнять обстановки, въ которой онъ выросталъ и которая пріучала его къ гордынѣ, своеволію, самопоклоненію,

хитростямъ, обманамъ, лѣни и отсутствію понятія о гражданскомъ долгѣ—лечить его нужно было или нравственнымъ воздѣйствіемъ на его душу, или силою кары—силы падающаго на него несчастья, которое должно было непосредственно повліять на его нравственное самосознаніе. Труднѣйшій общественный вопросъ рѣшался, такимъ образомъ, для Гоголя весьма просто. Весь ходъ жизни зависитъ отъ нравственнаго совершенствованія человѣка,—думалъ нашъ моралистъ. Можно поставить человѣка въ какія угодно условія—экономическія, общественныя и политическія, его жизнь будетъ посвящена благу своему и ближняго, если только въ немъ самомъ есть этотъ нравственный регуляторъ. Можно спросить, конечно, не зависитъ ли въ свою очередь это нравственное сознаніе отъ тѣхъ самыхъ условій, на которыя оно должно воздѣйствовать? Но этотъ вопросъ не остановилъ на себѣ вниманія Гоголя.

Въ общественныхъ взглядахъ нашего писателя была, какъ видимъ, большая доза романтизма и еще болѣе сентиментализма. Онъ, этотъ «чувствительный» взглядъ на жизнь и помогъ Гоголю нарисовать ту странную идиллію русской дѣйствительности, которая такъ поразила читателей въ его «Перепискѣ съ друзьями». Тамъ, не колебля не только основъ, но даже второстепенныхъ проявленій русской государственной жизни онъ нарисовалъ цѣлую утопію блаженнаго житія всѣхъ сословій, всѣхъ, и властителей, и подчиненныхъ, и сытыхъ, и голодныхъ, и сильныхъ, и безправныхъ при одномъ единственномъ условіи, что «любовь» будетъ передаваться по начальству, что она будетъ циркулировать по инстанціямъ отъ низшихъ до самой высшей, такъ—какъ циркулируютъ департаментскія бумаги. Все это Гоголь писалъ вполнѣ искренно, не угождая власти, передъ идеей и системой которой онъ преклонялся, требуя только отъ ея носителей и исполнителей нравственной выправки, т.-е. того, что при этой системѣ достигнуть было крайне трудно.

Съ такимъ же сентиментализмомъ отнесся Гоголь и къ самому значительному общественному злу своего времени—къ крестьянскому рабству. Онъ, какъ реалистъ, имѣлъ много случаевъ говорить о немъ и въ своихъ повѣстяхъ, и въ «Мертвыхъ Душахъ». Но онъ касался этого вопроса, гораздо рѣже, чѣмъ его предшественники, романисты и публицисты александровской эпохи. Конечно, это общественное зло отъ его взгляда не укрылось, и нельзя предположить, что онъ рисовалъ себѣ мужицкую жизнь таковой, какой онъ изображалъ ее въ своихъ малороссійскихъ идилліяхъ. Двѣ-три странички въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», и рецензія, которая приведена выше, показываютъ, что онъ далекъ былъ отъ полнаго оправданія существующаго порядка *).

*) Есть даже прямое указаніе на то, что онъ хотѣлъ однажды довольно откровенно поговорить объ этомъ вопросѣ. Въ бумагахъ его сохранился отрывокъ изъ одной неоконченной драмы, надъ которой онъ работалъ, кажется, въ 1833 году

Но и на этотъ вопросъ онъ смотрѣлъ съ чисто нравственной точки зрѣнія, непомѣрно съужая понятіе о нравственности, такъ какъ мысль о «безнравственности» самого положенія крестьянскаго, кажется, не приходила ему въ голову: онъ и въ данномъ случаѣ оправдывалъ систему и говорилъ только о безнравственности самихъ ея выполнителей и тѣхъ, надъ кѣмъ она тяготѣла. Онъ вѣрилъ въ возможность настоящей блаженной идилліи на почвѣ данныхъ соціальныхъ условій и ставя очень строгія требованія господину, говоря ему о великомъ его долгѣ, не желалъ умалять его правъ и среди этихъ правъ признавалъ за нимъ и право рабовладѣнія.

Гоголь былъ, такимъ образомъ, вполнѣ искрененъ, когда въ своей статьѣ «Петербургская сцена» такъ ясно и часто говорилъ о своей благонадежности. На свою сатиру онъ смотрѣлъ какъ на орудіе, которое вполнѣ можетъ и должно дѣйствовать согласно съ цѣлями и видами правительства. Если со временемъ она послужила точкой опоры для тѣхъ, кто былъ несогласенъ не только съ поведеніемъ выполнителей правительственной системы, но и съ самой системой по существу, то Гоголь былъ здѣсь не при чемъ. Шедшее за нимъ поколѣніе увидало въ его творчествѣ—въ этомъ вѣрномъ отраженіи самой жизни—то, чего самъ Гоголь въ немъ не видѣлъ. Писатель гнѣвался на людей, зачѣмъ въ нихъ такъ много зла и пошлости, потомки были болѣе справедливы и спросили, виноваты ли одни люди въ этомъ злѣ и не падаетъ ли доля вины на тѣ условія, въ которыхъ они выросгали и дѣйствовали? Гоголь объ этихъ условіяхъ молчалъ, довольствуясь лишь обличеніемъ внѣшнихъ результатовъ, къ которымъ они приводили.

Первой попыткой такого сознательнаго обличенія, въ общемъ, однако, отнюдь не суроваго, были тѣ комедіи, которыя Гоголь задумалъ еще въ началѣ своей петербургской жизни и частью отдѣлалъ и закончилъ къ 1836 году.

(«Сочиненія *Н. В. Гоголя*». X-ое изданіе. V, 101—104, 554). Въ этомъ отрывкѣ, на вопросъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «Чѣмъ занимается его барыня?» служитель крѣпостной отвѣчаетъ: «какъ, чѣмъ занимается? Извѣстно, дѣло женское. Я вамъ скажу, сударь, что дѣла хозяйственныя идутъ у насъ, Богъ знаетъ какъ. Если бы вы увидѣли, какъ она изволитъ управлять, такъ это курамъ смѣшно. Вообразите, что сама переходитъ по всѣмъ избамъ, и чуть только гдѣ нашла больного, и пошла потѣха: сама натащитъ мазей, тряпокъ,начнетъ перевязывать. Ну, скажите, пожалуйста: боярское ли это дѣло? Какое же послѣ этого будетъ къ ней уваженіе мужиковъ? Нѣтъ, ужъ коли хочешь управлять, то ты сама ужъ сиди на одномъ мѣстѣ; а если что—пошли прикащика: ужъ это его дѣло; онъ уже обдѣлаетъ, какъ ему слѣдуетъ—мужика не балуй! Мужика въ ухо. Народъ простой, вынесетъ. А этимъ-то и держится порядокъ. При баринѣ не такъ было. Ахъ, если бы вы знали, сударь, что это былъ за рѣдкостный человѣкъ!»

Разсказываютъ, что Гоголь однажды читалъ Жуковскому какую-то «трагедію» (вѣроятно, эту) и что Жуковскій задремалъ подъ ея чтеніе. «Когда спать захотѣлось, значитъ можно и сжечь», сказалъ Гоголь и тутъ же бросилъ свою трагедію въ каминъ.

Съ театромъ у Гоголя были родственныя связи. Его отецъ пописывалъ комедійки изъ малороссійскаго быта и онѣ пользовались въ свое время успѣхомъ. Самъ Гоголь еще въ нѣжинскомъ лицеѣ пробовалъ свои силы на сценическомъ поприщѣ и былъ, по общему признанію, очень талантливымъ актеромъ. Товарищи его разсказывали, что отличительной чертой его игры была необыкновенная правдивость и простота, т.-е. то, что въ юные годы артисту дается очень рѣдко. Исполнялъ Гоголь исключительно роли комическія. Такъ, напр., одной изъ лучшихъ его ролей была роль г-жи Простаковой въ «Недорослѣ». Одинъ изъ зрителей, видѣвшихъ его въ этой роли, разсказываетъ, что сколько онъ потомъ ни видалъ актрисъ въ этой ролѣ, ни одна не заставила его забыть шестнадцатилѣтняго Гоголя. Товарищи были убѣждены, что, онъ поступитъ на сцену и онъ однажды дѣйствительно сдѣлалъ эту попытку, которая кончилась, впрочемъ, неудачно. Это было еще въ 1830 году, т.-е. въ первый годъ его грустной и одинокой жизни въ Петербургѣ, Гоголь искалъ тогда, гдѣ пристроиться, и рѣшилъ пойти къ директору Императорскихъ театровъ и просить подвергнуть его испытанію, но странно,—въ роляхъ непремѣнно драматическихъ. Почему именно драматическихъ, когда до сихъ поръ онъ игралъ только комическія роли,—неизвѣстно, можетъ быть, потому что на душѣ у него тогда было не весело и онъ, какъ многіе угрюмые молодые люди думалъ, что достаточно этого угрюмаго вида и тоски на душѣ, чтобы быть датскимъ принцемъ. Испытанію его подвергли и нашли, что читаетъ онъ слишкомъ просто и потому не годится. «Въ случаѣ особенной милости директора,—говорилъ производившій испытаніе,—Гоголь можетъ быть принятъ развѣ только въ качествѣ актера на выхода». Такъ непривѣтливо принялъ Гоголя на первыхъ порахъ тотъ самый театръ, который потомъ былъ ему такъ много обязанъ своей славой.

Отъ надежды стать актеромъ пришлось отказаться, но тѣмъ сильнѣе стала занимать нашего писателя мысль о комедіи. Знакомство съ артистами, какъ, напр., Сосницкій въ Петербургѣ и Щепкинъ въ Москвѣ, и знакомсто съ записными театралами въ родѣ С. Т. Аксакова и М. Н. Загоскина могло въ данномъ случаѣ остаться не безъ вліянія.

Въ 1832 году планъ комедіи уже созрѣлъ въ головѣ Гоголя. «Я не писалъ тебѣ,—говорилъ онъ Погодину въ письмѣ отъ 20-го февраля 1833—я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ (лѣтомъ 1832 г.), въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не писалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени», и сколько злости, смѣха, и соли. Но вдругъ остановился, увидѣвъ, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура низачто не пропуститъ. А что изъ того, когда пьеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ по-

несетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, на который бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости? Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—передъ мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту! и вотъ почему я сижу при лѣни мыслей» *). Изъ этого признанія видно, какъ серьезно взглянулъ нашъ смѣшливый пасичникъ на комедію въ первый же разъ, какъ мысль о ней пришла ему въ голову. Этотъ серьезный взглядъ Гоголя на «смѣшное» въ жизни поразилъ и С. Т. Аксакова при первой ихъ встрѣчѣ въ Москвѣ, въ 1832 г. Рѣчь у нихъ зашла о комедіяхъ Загоскина, которыя очень нравились Аксакову, и Гоголь похвалилъ Загоскина за веселость, но замѣтилъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра. Аксаковъ возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что «даже глупости смѣшной въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой». Гоголь посмотрѣлъ на Аксакова «какъ-то значительно» и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его». Очевидно, что Гоголь успѣлъ не мало подумать о серьезной стоимости того смѣха, для котораго теперь подбиралъ новую литературную форму. Онъ нашелъ, было, и форму, и содержаніе, но оно ему показалось слишкомъ опаснымъ и онъ сталъ искать другого сюжета.

Онъ подыскалъ его скоро; это былъ тотъ самый сюжетъ, который онъ позднѣе разработалъ въ своей «Женитьбѣ». Но мысль о серьезной и злой комедіи не покидала нашего автора, и въ 1834 году мы застаемъ его за работой надъ «Ревизоромъ». Очевидно, что сюжетъ «Ревизора» казался Гоголю менѣе опаснымъ и задорнымъ, чѣмъ фабула первой комедіи: «Владиміръ 3-ей степени», надъ отдѣльными сценами и явленіями которой онъ всетаки урывками продолжалъ работать. Такимъ образомъ, Гоголь одновременно писалъ три комедіи: незаконченную комедію «Владиміръ третьей степени», которую онъ задумалъ въ 1832 году и отдѣльныя части которой (подъ заглавіями: «Тяжба», «Утро дѣлового человѣка», «Лакейская» и «Отрывокъ») окончательно отдѣлалъ въ 1842 году; «Женитьбу», начатую въ 1833 году и оконченную также въ 1842 г., и, наконецъ, «Ревизора», начало котораго относится къ 1834 году и окончательная редакція перваго изданія къ 1835 г. Въ 1836 году были, кажется, начаты «Игроки», законченные въ 1842 г.

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 245.

Впродолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ (1832—1842) работалъ Гоголь надъ своими комедіями. Теперь, когда весь процессъ его работы намъ извѣстенъ *), приходится удивляться этому кропотливому труду генія: не только сценарій мѣнялся часто, но почти каждая реплика передѣлывалась по нѣскольку разъ; то, что въ этихъ комедіяхъ намъ кажется столь естественно и легко сказаннымъ—давалось автору съ необычайнымъ трудомъ, отчасти потому, что онъ самъ придавалъ своей работѣ необычайно важное значеніе и ждалъ отъ нея, какъ онъ говорилъ—«великаго» и «художническаго»; отчасти и тому, что реальное воспроизведеніе дѣйствительности не давалось ему сразу потому, что сентименталистъ и романтикъ, онъ не могъ найти сразу подходящаго тона для бытовой, вполнѣ комедіи.

По серьезности своего содержанія комедіи Гоголя не равнаго достоинства. «Игроки» — простой драматизированный анекдотъ; «Женитьба»—бытовыя сцены, съ виду простая шутка, но на дѣлѣ сатира съ общественнымъ смысломъ; «Владиміръ 3-ей степени» или вѣрнѣе тѣ обломки, которые отъ него остались—попытка очень серьезной и широкой общественной сатиры; и, наконецъ, «Ревизоръ»—осуществленіе этой сатиры въ ея смягченномъ видѣ. Такъ какъ Гоголь надъ своими комедіями работалъ почти одновременно, то намъ нѣтъ необходимости при ихъ разборѣ придерживаться хронологическаго порядка; онъ намъ ничего не объяснитъ и только спутаетъ, и потому мы не поступимъ произвольно, если сгруппируемъ всѣ комедіи нашего автора по широтѣ затронутыхъ ими общественныхъ круговъ и вопросовъ.

Наименьшій интересъ въ данномъ случаѣ представляетъ комедія «Игроки»—одно изъ самыхъ совершенныхъ драматическихъ произведеній по техникѣ. Когда комедія была написана—съ точностью опредѣлить нельзя: набросана она была въ послѣдніе годы жизни Гоголя въ Петербургѣ, а закончена, вѣроятно, уже за границей **). Комедія не выдумана, а создана на основаніи разсказовъ о дѣйствительныхъ продѣлкахъ разныхъ шулеровъ и мошенниковъ. Разсказы о такихъ продѣлкахъ попадались часто въ современной Гоголю литературѣ. Рѣдкій романъ нравовъ обходился безъ нихъ, и всевозможные господа Плутяговичи, Змѣйкины, Шурке стали скоро традиціонными типами. Жертвами ихъ бывали обыкновенно либо вертопрахи, либо довѣрчивые честные люди, либо разоренные дворяне, загнанные нуждой въ игорные дома. Картежный шулеръ попадалъ такимъ образомъ въ свиту многочисленныхъ злодѣевъ, искушающихъ людскую добродѣтель, нерѣдко торжествующихъ надъ нею и все это затѣмъ, чтобы автору дать возможность прочитать подобающее наставленіе. Заслуга Гоголя заключалась въ томъ, что онъ эту шаблонную тему развилъ необы-

*) А онъ выясненъ трудами Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока.

**) *В. И. Шенрокъ.* «Матеріалы для біографіи Гоголя», II, 377.

чайно жизненно и съ неподражаемымъ остроуміемъ, что онъ одинъ общій типъ съумѣлъ представить въ нѣсколькихъ варіаціяхъ, одинаково правдивыхъ, а главное, что онъ избѣгъ всякой морали, исключивъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ прежняго героя—«пострадавшаго», такъ какъ нельзя назвать пострадавшимъ человѣка, который въ компаніи мошенниковъ сплоховалъ, будучи самъ первымъ червоннымъ валетомъ. Въ «Игрокахъ» описано не состязаніе хитрости и слабодушной простоты порока и добродѣтели, а состязаніе семи жуликовъ-артистовъ, которое кончается самоуничтоженіемъ одного изъ самыхъ опасныхъ по мнѣнію Гоголя пороковъ именно—плутовства.

«Женитьба» по замыслу значительно шире «Игроковъ»; въ ней есть даже общественная мысль, хотя она довольно искусно замаскирована. Судьба комедіи «Женихи» или какъ она была позднѣе названа, «Женитьба», очень замѣчательна. Изъ всѣхъ драматическихъ произведеній Гоголя она подверглась наибольшимъ и самымъ продолжительнымъ передѣлкамъ. Начата она была въ 1833 году, когда Гоголь искалъ сюжета, «которымъ бы и квартальный не могъ обидѣться». Авторъ передѣлывалъ комедію въ 1834 и 1835 годахъ, затѣмъ въ 1838, 1839 и 1840 году и только въ 1842 году онъ остался доволенъ ея редакціей. Какъ видно изъ различныхъ редакцій, первоначальный планъ комедіи былъ совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ, который теперь передъ нами. Мѣстомъ дѣйствія ея была Малороссія, и фабула ея напоминала слегка нѣкоторые эпизоды изъ «Сорочинской ярмарки» и «Ночи передъ Рождествомъ». Героиней комедіи была первоначально помѣщица, искавшая жениха и отправившая на розыски такового на ярмарку свою прислугу. Ни Кочкаревъ, ни Подколесинъ (характеръ очень сходный со Шпонькой) въ этой первоначальной редакціи не появлялись *). Въ 1835 году эта фабула была измѣнена, и въ новой передѣлкѣ Гоголь читалъ свою пьесу у Погодина. Мы имѣемъ любопытное свидѣтельство объ этомъ чтеніи одного изъ присутствовавшихъ. «Гоголь,—разсказываетъ С. Т. Аксаковъ,—до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе, понимающіе это дѣло, люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, эта комедія не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно. Но увы! Комедія не была понята. Большая часть говорила, что пьеса — неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ». Можетъ быть, въ этой второй редакціи «комическое», дѣйствительно, граничило съ буффонадой, и слушатели были правы, но только Гоголь принялся за новую

*) Описаніе редакцій и подробная исторія ихъ передѣлокъ дана въ этюдѣ *В. И. Шенрока*, помѣщенномъ въ VI томѣ X-го изданія «Сочиненій Гоголя», стр. 549—575. Срв. также *Н. С. Тихонравовъ*. «Сочиненія». т. III, часть I, статья «М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь», стр. 550 и слѣд.

передѣлку, и когда комедія была закончена, она ни съ какимъ фарсомъ уже ничего общаго не имѣла.

Люди, которые продолжали называть ее фарсомъ, впадали въ крупную ошибку потому, что не умѣли отличить смѣшное въ положеніяхъ отъ смѣшного въ характерахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно взять совсѣмъ безличныхъ, самыхъ безцвѣтныхъ людей и поставить ихъ въ такое смѣшное положеніе, при которомъ они возбудятъ въ насъ самый неудержимый смѣхъ именно своимъ совершенно исключительнымъ положеніемъ, напр., какимъ-нибудь забавнымъ qui pro quo, не во время поданной репликой, неожиданной оговоркой, взаимнымъ непониманіемъ, невѣроятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, однимъ словомъ, рядомъ случайностей, которыя изъ характера самихъ дѣйствующихъ лицъ не проистекаютъ. Такое комическое положеніе можетъ назваться фарсомъ, и этотъ комизмъ можетъ достигать степеней довольно различныхъ: отъ игривой шутки до глупой, отъ безобидной до непристойной; и всегда это будетъ комизмъ низшаго сорта.

Но есть болѣе высокій: это комизмъ самихъ характеровъ и изъ нихъ вытекающій иногда комизмъ положеній. Смѣшонъ можетъ быть самъ человѣкъ по складу своего ума и по своимъ чувствамъ. Все наше отношеніе къ окружающему міру, идеалы наши, требованія, которыя мы ставимъ людятъ—все можетъ быть настолько несерьезнымъ, настолько страннымъ и нелѣпымъ, что можетъ вызвать смѣхъ—опять-таки смѣхъ разный: веселый, беззаботный, а можетъ быть и очень сердитый, раздраженный и желчный.

Комедіи Гоголя—комедіи характеровъ, а отнюдь не положеній только. Присматриваясь къ любому типу, имъ выведеному, мы видимъ, что онъ самъ по себѣ законченъ и комиченъ. Его можно взять изъ той обстановки, въ которой онъ показанъ, взять его порознь, внѣ его столкновенія съ другими типами, и онъ возбудитъ ту же улыбку, тотъ же смѣхъ, какъ рѣдкій оригиналъ и типичный продуктъ нашей жизни. Иногда этотъ гоголевскій типъ возвышается и до типа общечеловѣческаго, которымъ мы такъ удивляемся въ комедіяхъ Мольера. Хотя бы тѣ же Подколесинъ и Кочкаревъ... ихъ можно встрѣтить въ любомъ мѣстѣ и въ любое время: здѣсь они передъ нами въ роли мелкихъ обывателей Петербурга, а сколько такихъ лицъ, лицъ прыгающихъ въ окно въ рѣшительную минуту, и лицъ, вносящихъ въ жизнь сумбуръ и суматоху, сколько ихъ дѣйствовало и дѣйствуетъ на широкой аренѣ, общественной и политической?

Въ «Женитьбѣ» Гоголь слегка пересолилъ въ компоновкѣ положеній, въ какія онъ поставилъ дѣйствующтхъ лицъ своей комедіи. Ихъ, встрѣчающихся въ жизни въ розницу, онъ собралъ въ кучу и въ одномъ мѣстѣ. Но авторъ въ свое оправданіе можетъ сказать, что старый порядокъ смотрины женіховъ или невѣсты—предлогъ вполнѣ законный для разныхъ необычныхъ встрѣчъ. Агафья Тихоновна сама тре-

бовала разнообразія, и потому сваха могла обратить ея гостиную на нѣкоторое время въ выставку всякихъ рѣдкостей.

«Женитьба» была первой по времени художественной «бытовой комедіей». Мы съ этимъ типомъ комедіи теперь—послѣ Островскаго—хорошо знакомы. Но написать такую до Островскаго, значило сдѣлать открытіе въ области искусства.

И въ этомъ заслуга Гоголя какъ драматическаго писателя. Онъ былъ первый, который думалъ, что театръ существуетъ для того, чтобы, прежде всего, изображать жизнь—вѣрно, безъ прикрасъ и натяжекъ, первый, который, сталъ цѣнить въ художественномъ типѣ его оригинальность и жизненость. Мораль должна была сама собой вытекать изъ соблюденія всѣхъ этихъ условій.

Никакой морали нѣтъ и въ «Женитьбѣ», этой правдивой картинѣ изъ жизни русскаго «средняго» сословія. Но при всей невинности своего содержанія «Женитьба» имѣетъ опредѣленный общественный смыслъ.

Комедія много выиграла отъ переноса мѣста дѣйствія изъ Малороссіи въ Петербургъ. Бесѣды съ артистами Сосницкимъ и Щепкинымъ помогли Гоголю въ обрисовкѣ мало ему знакомаго купеческаго быта, а петербургская обстановка, съ своей стороны, позволила ему ввести въ комедію рядъ типовъ, появленіе которыхъ въ малороссійской усадьбѣ было бы мало правдоподобно. Въ общемъ, эта комедія—сборище какихъ-то чудаковъ—цѣлая кунсткамера. Если припомнить, однако, каковъ былъ въ тѣ времена уровень духовныхъ интересовъ и потребностей мелкаго чиновничества, купечества и вообще средняго люда, то такое собраніе не должно поражать насъ своей вычурной внѣшностью. Всѣ эти лица—историческіе документы. Каждый изъ нихъ представитель извѣстнаго сословія, и авторъ съ умысломъ набралъ дѣйствующихъ лицъ изъ разныхъ круговъ общества. Здѣсь и купцы, и чиновники, и военные. Всѣ они, за исключеніемъ гостинодворца Старкова—коренного русака, котораго затѣмъ такъ возвеличилъ Островскій—донельзя смѣшны и нелѣпы въ своемъ міросозерцаніи; всѣ они—люди жалкіе, но не дурные. И Тихонъ Пантелеймоновичъ — отецъ невѣсты, который усахарилъ свою жену и который бывало, ударивъ по столу рукой—съ ведро величиною,—говаривалъ въ сердцахъ: «Плевать я на того хочу, кто стыдится быть купцомъ»; и дочка его, которая помѣшалась на дворянствѣ и не хочетъ идти за купца, потому что у него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ—эта сентиментальная дѣвица, наказанная судьбой за то, что мечтаетъ о лучшей жизни, чѣмъ та, среди которой выросла. Не возбуждаетъ въ насъ никакихъ враждебныхъ чувствъ и экзекуторъ Яичница—представитель необразованной и грубой аккуратности, для котораго женитьба—дѣловая сдѣлка и предлогъ принять по инвентарю движимое и недвижимое, въ его глазахъ болѣе цѣнное, чѣмъ прида-

токъ къ нимъ—невѣста. «А невѣстѣ скажи, что она подлецъ!» кричитъ этотъ кавалеръ, совсѣмъ ошеломленный извѣстіемъ, что домъ несчастной Агафьи Тихоновны заложенъ. Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ—тотъ никогда не позволилъ бы себѣ съ дамой такого неприличнаго обращенія. Онъ—сама сентиментальная деликатность. Идеалъ его—барышня, говорящая по-французски, и никто не объяснитъ, зачѣмъ ему этотъ французскій языкъ, на которомъ самъ онъ не умѣетъ сказать ни слова. Онъ робокъ, даже какъ будто стыдится своей пѣшотной службы, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ все-таки умѣетъ цѣнить обхожденіе высшаго общества. Это не мѣшаетъ ему ругать своего отца мерзавцемъ и скотиной за то, что онъ не обучилъ его французскому діалекту, незнакомство съ которымъ самой невѣсты разбило и всѣ его матримоніальные планы... Онъ отказывается отъ нихъ безъ сожалѣнія, даже безъ гнѣва и уходитъ печальный, какъ будто бы разочаровался дѣйствительно въ чемъ-то очень серьезномъ... Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ—веселый морякъ въ отставкѣ, тотъ защищаетъ упорнѣе другихъ свою позицію. Большой любитель женскаго пола и поклонникъ Сициліи, гдѣ онъ когда-то еще мичманомъ заглядывался на итальяночекъ... круглый невѣжда и набитый дуракъ, какъ его аттестуетъ Кочкаревъ, онъ человѣкъ очень веселаго нрава,и своимъ самомнѣніемъ гарантированный отъ всякихъ даже очень оскорбительныхъ уколовъ самолюбія.

И всѣми этими обиженными Богомъ людьми вертитъ и крутитъ Кочкаревъ—натура, безспорно, энергическая, но съ однимъ очень часто встрѣчающимся недостаткомъ, съ отсутствіемъ мысли о томъ, «что изъ всего этого выйдетъ». Ему лишь бы дѣйствовать и суетиться, а какъ на другихъ его суета отзовется, до этого ему дѣла мало: онъ доволенъ, что вмѣшался, что самъ на виду, и въ этой суетѣ безъ разсчета и плана все его самоудовлетвореніе... и рядомъ съ нимъ его застѣнчивый спутникъ Подколесинъ, этотъ родной братъ Обломова, безъ стремленій, безъ желаній, съ одной лишь мыслью, чтобы скорѣй прошелъ день, который безконечно тянется. Этого человѣка ничѣмъ не побудишь къ дѣйствію, онъ со своей флегмой и пассивностью устоитъ противъ всякихъ доводовъ разума или обольщеній мечты; жизнь для него—дремота въ сумерки, и никто и ничто его отъ этого полусна не пробудитъ. Вскипѣть и заторопиться на мгновеніе онъ можетъ, но лишь затѣмъ, чтобы сейчасъ же впасть въ отчаяніе страха передъ поступкомъ.

Таковы дѣйствующія лица этой веселой комедіи. Насмѣявшись вдоволь, зритель можетъ, однако, задуматься; сколько сѣрыхъ, томительно скучныхъ и глупыхъ людей увидитъ онъ тогда передъ собой, людей, которые не могутъ разсчитывать ни на какое обновленіе, которые осуждены влачить жизнь безъ всякаго смысла и для которыхъ все спасеніе—именно въ отсутствіи сознанія своего духовнаго нищенства. Гоголь, впрочемъ, едва ли желалъ навести своей комедіей зрителя на

такія печальныя мысли; но онѣ сами напрашивались: его комедія была не фарсъ, а вѣрное воспроизведеніе жизни; и если къ тому же подумать, для сколькихъ людей въ Россіи жизнь Жевакиныхъ, Анучкиныхъ, Яичницъ и Подколесиныхъ была существованіемъ нормальнымъ, а, можетъ быть, и неизбѣжнымъ, то могло стать и страшно...

Къ своему смѣху, какъ мы знаемъ, Гоголь на первыхъ же порахъ думалъ примѣшать много «злости». Онъ хотѣлъ написать смѣлую комедію съ рѣзкимъ обличеніемъ, но отъ этого плана отказался, опасаясь, что комедія его съ цензурой не поладитъ. Было ли это опасеніе главной причиной того, что Гоголь свою работу бросилъ, или, какъ думаютъ, онъ отступился отъ нея потому, что планъ былъ слишкомъ широкъ и художникъ не могъ разобраться во всемъ богатствѣ раскрывшагося передъ нимъ содержанія, но только отъ этой комедіи намъ осталось лишь нѣсколько отрывковъ, извѣстныхъ подъ заглавіями «Утро (чиновника или, какъ настояла цензура) дѣлового человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ».

Возстановить по нимъ полностью сценарій утраченной комедіи—невозможно; мы знаемъ только, что это была комедія изъ чиновнаго быта и притомъ классовъ довольно высокихъ, что одному изъ дѣйствующихъ лицъ—такъ хотѣлось получить орденъ Владиміра 3-й степени, что онъ помѣшался и вообразилъ, что онъ-то и есть этотъ желанный Владиміръ третьей степени. Остальныя подробности интриги затеряны, но она была, кажется, очень сложная.

Отрывки комедіи «Владиміръ 3-й степени» могутъ быть, впрочемъ, разсмотрѣны и какъ совершенно самостоятельныя сцены. Гоголь надъ ними работалъ долго и упорно начиная съ 1832 года, закруглилъ ихъ содержаніе и самъ включилъ ихъ въ первое собраніе своихъ сочиненій.

Со стороны художественнаго выполненія, эти отрывки—совершенство. Трудно себѣ представить, какъ такимъ малымъ количествомъ словъ можно достигнуть такой образности. Всѣ лица—живыя лица, рѣчь—простая и художественно-естественная; реализмъ въ выполненіи—поразительный. Какъ живой передъ нами Иванъ Петровичъ—олицетвореніе безчисленнаго количества разныхъ начальниковъ, внушающихъ трепетъ своимъ дѣловымъ видомъ и разносящихъ своихъ подчиненныхъ за то, что у нихъ поля по краямъ бумаги неровны, и за то, что они въ одной строкѣ пишутъ «сі» а въ другой «ятельству»; какъ хорошъ онъ, управляющій однимъ изъ колесъ государственной машины, когда онъ навязываетъ своей Зюзюшкѣ бумажку на хвостъ и, встрѣчая посѣтителя, развертываетъ сводъ законовъ, чтобы сейчасъ же начать разговоръ о вчерашнемъ вистѣ. Но мысль его не о самъ третей дамѣ крестовъ, которую онъ запомнилъ: его мысль вертится вокругъ другого креста, который ему мучительно хочется видѣть на своей шеѣ; и достаточно одного замѣчанія его собесѣдника

о томъ, что его высопревосходительство, услыхавъ фамилію Ивана Петровича, сказалъ многозначительно «гм!», чтобы онъ—эта гроза канцеляріи—утратилъ на цѣлый день спокойствіе духа («Утро дѣлового человѣка») *). Великолѣпенъ и Александръ Ивановичъ, сенатскій оберъ-секретарь, пришедшій въ такое негодованіе при извѣстіи о производствѣ Бурдюкова. Чтобы имѣть возможность уличить этого Бурдюкова въ гадости, самъ Александръ Ивановичъ готовъ выхлебать все, что угодно; и когда наконецъ, наклевывается дѣло о фальшивомъ завѣщаніи, подписанномъ вмѣсто «Евдокія» словомъ «обмокни»—завѣщаніи, въ которомъ Бурдюковъ самъ себѣ отказалъ всѣ угодья, а своему брату три стаметовыя юбки—Александръ Ивановичъ блюститель справедливости—на седьмомъ небѣ. «Постой,—говоритъ онъ по адресу своего партнера въ вистѣ—теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать. А ужъ коли изъ своихъ пріятелей чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнутъ у тебя бока» («Тяжба» окончена въ 1839—1840 г.).

Въ комедіи «Владиміръ 3-ей степени» Гоголь имѣлъ намѣреніе изобразить не одинъ лишь кругъ чиновнаго міра; въ нее должны были войдти также эпизоды изъ жизни свѣтской. Одинъ такой эпизодъ сохранился. Онъ былъ озаглавленъ самимъ Гоголемъ «Сцены изъ свѣтской жизни» и потомъ переименованъ въ «Отрывокъ». Это—извѣстный разговоръ Марьи Александровны съ Собачкинымъ (набросанъ, вѣроятно, въ 1837 г. и отдѣланъ въ 1842 г.).

Семейное объясненіе Маріи Александровны съ ея сыномъ Мишей, которое предшествуетъ появленію Собачкина—остроумнѣйшее повтореніе довольно старой темы. Мамаша хочетъ женить сынка на княжнѣ Шлепохвостовой, которая «вовсе не первоклассная дура, а такая же, какъ всѣ другія», но сердце Миши занято дочерью «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей». Марія Александровна возмущена такимъ «либерализмомъ» и пуще всего тѣмъ, что, кажется, мерзавецъ Собачкинъ виновникъ того, что ея сынъ сталъ вольнодумничать и что-то толкуетъ о сердечной склонности и о душѣ въ дѣлѣ женитьбы... Этотъ Андрей Кондратьевичъ Собачкинъ, вліянія котораго на сына такъ опасается Марія Александровна—большой оригиналъ и одинъ изъ лучшихъ портретовъ въ гоголевской галлереѣ. Онъ изъ семьи Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ—такой же плутъ, но только на мелкія дѣла. Нахалъ, фатъ, кляузникъ, готовый

*) Эта сцена была замѣчена критикой тотчасъ же послѣ ея напечатанія въ «Современникѣ». «Утро дѣлового человѣка»—писалъ Бѣлинскій, представляетъ собою нѣчто цѣлое, отличающееся необыкновенной оригинальностью и удивительной вѣрностью. Если вся комедія такова, то одна она могла бы составить эпоху въ исторіи нашего театра и литературы. «Нѣсколько словъ о «Современникѣ». «Телескопъ», 1836. «Молва», 170.

на клевету и первостепенный враль—онъ типъ настоящаго паразита. Удивляешься, почему его не вытолкаютъ.. но оказывается, что и этотъ человѣкъ, циникъ и спекулянтъ на самыхъ низкихъ чувствахъ, вооруженъ своимъ жаломъ, которое защищаетъ его въ борьбѣ за существованіе. На сплетню и на клевету, которыми онъ промышляетъ—большой спросъ, и въ нѣкоторыхъ кругахъ онъ—доморощенный Фигаро и фактотумъ, безъ котораго не обойдется, можетъ быть, и очень фешенебельная гостиная. Трудно было показать болѣе наглядно, чѣмъ это сдѣлано Гоголемъ въ его «Отрывкѣ», изъ какого мутнаго источника вытекаетъ иной разъ то, что мы называемъ ходячимъ мнѣніемъ, и какъ иногда негодяй можетъ пригодиться. Этотъ «Отрывокъ», съ перваго взгляда столь невинный—образецъ безпощадной и глубокой сатиры... и это всего лишь нѣсколько страницъ изъ неоконченной комедіи... какъ непомѣрно зла должна была бы быть она въ ея цѣломъ!

Кажется, что и «Лакейская» (окончена въ 1839—1840 г.) входила въ составъ этой комедіи, хотя и не въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь передъ нами. Въ настоящей своей отдѣлкѣ это совсѣмъ самостоятельная картинка нравовъ—единственная въ своемъ родѣ, не только въ тѣ годы, но, пожалуй, и въ наши.

Барами наша комедія занималась часто, оставляя въ сторонѣ ихъ ближайшаго сосѣда—слугу. Въ старой комедіи онъ появлялся обыкновенно въ двухъ роляхъ, очень условныхъ, а именно: какъ резонеръ, который жаловался партеру на своего барина и говорилъ передъ зрителями вслухъ то, что не смѣлъ сказать своему господину съ глазу на глазъ; или онъ появлялся на сценѣ затѣмъ, чтобы смѣшить публику своимъ невѣжествомъ, глупостью и тупостью. Онъ былъ одновременно на посылкахъ и у своего господина, и у автора. Гоголь порвалъ сразу съ этимъ шаблономъ, и «Лакейская»—первая, и вплоть до «Плодовъ просвѣщенія» единственная художественно-реальная картина изъ жизни барской дворни. Эта дворня вся на лицо, съ ея тунеядствомъ, зубоскальствомъ и нахальствомъ. Она очень говорлива, пока «медвѣдь не зарычалъ изъ берлоги» и пока не схватилъ кого-нибудь за ухо; она лжетъ или молчитъ, когда передъ ней баринъ; она дерзка съ другимъ бариномъ, когда получила приказаніе не принимать его, она имѣетъ, наконецъ, и своего резонера, который ей читаетъ мораль на тему: «коли слуга—такъ слуга, коли дворянинъ—такъ дворянинъ, а то бы, пожалуй, всякій зачалъ: нѣтъ я не дворецкій, а губернаторъ или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи...»

Мораль въ тѣ годы весьма ходкая и для многихъ очень успокоительная, которую, однако, сама жизнь опровергала, прививая праздному слугѣ всѣ пороки барина и заставляя чуть ли не каждаго барина думать, что онъ губернаторъ или какой-нибудь отъ инфантеріи.

Такъ наглядно проскальзывала злость въ смѣхѣ нашего автора. Если бы онъ не испугался борьбы, комедія «Владиміръ 3-ей степени»

была бы настоящей боевой комедіей, не уступающей, быть можетъ, въ силѣ удара ни «Недорослю», ни «Горю отъ ума». Но этого не случилось. Гоголь отъ борьбы съ цензурой отказался, и, вполнѣ правильно оцѣнивая свою скромность и не ожидая никакихъ усложненій, представилъ на ея одобреніе «Ревизора».

Н. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОПРАВКА. Въ статьѣ «Н. В. Гоголь» («Міръ Божій», августъ 1902 г.) допущены по недосмотру двѣ крупныхъ ошибки.

1) На страницѣ 13-й напечатано: «Въ 1837 году она (мечта Гоголя получить въ Кіевѣ каѳедру) особенно разыгралась. Читать слѣдуетъ: Въ 1834 году.

2) На страницѣ 25-й напечатано: «Изъ всѣхъ этихъ повѣстей только «Басурманъ» (слѣдуетъ ссылка) поднялся выше средняго уровня литературной жизни, главнымъ образомъ, въ виду интереса основной своей идеи: *Загоскинъ* попытался изобразить психологію культурнаго западнаго человѣка, попавшаго въ некультурную русскую среду эпохи Ивана III, и этотъ мало патріотичный романъ—лучшее, что удалось создать нашему тенденціозному патріоту». Все это мѣсто должно быть отнесено на страницу 26-ю передъ новой строкой. Вмѣсто *Загоскинъ* слѣдуетъ читать *Лажечниковъ* и въ текстѣ, и въ ссылкѣ.

НА ДАЧѢ.

I.

Какая тишина!
Хотя-бъ одинъ листокъ
На вѣткѣ зашумѣлъ! Хотя-бъ легко плеснула
Рѣка о берегъ свой!.. Жизнь, какъ дитя, уснула,
И въ мірѣ грезъ вода, и птица, и цвѣтокъ.

—

Вотъ, дѣвственно чиста, сбирается луна
Въ свой одинокій путь; затеплила лампаду
И тихо поплыла надъ этимъ царствомъ сна,
Лучистымъ серебромъ разсыпавшись по саду,
По зеркалу рѣки...
Какая тишина!..

II.

Тучи, тучи, тучи!
Осень, а не лѣто!
Темнотой зловѣщей
Всюду все одѣто.
Только рѣдко-рѣдко
Золотое солнце
Выглянетъ украдкой
Въ узкое оконце;
Точно хочетъ людямъ—
Доброе такое!—
Молвить: „Не тревожьтесь:
Я еще живое!
Это только тучи
Не даютъ проходу,
Злобно посягая
На мою свободу!“

Что жъ! Пусть слуги мрака
Проявляютъ силу,
Преградивъ дорогу
Милому свѣтилу!
Пусть ихъ! Намъ бы только
Знать, что солнце живо,
Что оно сквозь тучи
Пышно, горделиво,
Рано или поздно
Выйдетъ на просторѣ
И врага прогонитъ
Далеко за море,
Смѣнитъ злую осень
Благодатнымъ лѣтомъ
И зальетъ всю землю
Лучезарнымъ свѣтомъ!

III.

На крышѣ надо мною, и днемъ, и вечеркомъ,
Воркуютъ очень нѣжно голубка съ голубкомъ;
И въ холодъ, и въ ненастье, и въ солнечные дни
Немолчнымъ воркованьемъ все заняты они;
И что бы ни случилось, ни дѣлалось вокругъ—
Они себѣ любовно бесѣдуютъ самъ-другъ.

—

Въ квартирѣ подо мною, и днемъ, и вечеркомъ,
Ругаются нещадно супруга съ муженькомъ;
И въ холодъ, и въ ненастье, и въ солнечные дни
Немолчной руготнею все заняты они;
И что бы ни случилось, ни дѣлалось вокругъ—
Имъ все равно: бранятся съ супругою супругъ.

Петръ Вейнбергъ.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ Гёмпфри Уордъ.

Перев. съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе*) *).

Глава VII.

Жюли Ле-Бретонъ сидѣла одна въ своей маленькой гостиной. Было утро вторника, перваго послѣ памятной воскресной сцены, и у нея накопилась куча всякихъ домашнихъ дѣлъ. На столѣ стояла еще не распакованная небольшая корзина цвѣтовъ, только что присланная изъ Суррейскаго имѣнія леди Генри, а рядомъ нѣсколько пустыхъ вазъ и бокаловъ. Жюли провѣряла мѣсячные счета поставщиковъ, только что покончивъ бесѣду съ экономкой, которая приходила поговорить о неотложномъ дѣлѣ—необходимости отдать вылудить большую часть кастрюль.

Комната была просто и бѣдно убрана. Въ прошломъ она служила классной многимъ поколѣніямъ Делафильдовъ. Но внимательный наблюдатель нашелъ бы въ ней многое, бросающее свѣтъ на характеръ и прежнюю исторію ея теперешней обитательницы. Изъ небольшаго книжнаго шкафика у камина выглядывали корешки французскихъ книгъ—классиковъ: Расина, Боссюэ, Шатобріана, на которыхъ Жюли воспитывалась въ монастырѣ, и другихъ: Жоржъ Занда, Виктора Гюго, Альфреда де-Мюссэ, Мадзини, Леопарди, вмѣстѣ съ поэтами и романистами революціонной Россіи, пылкой Польши и мятежной Ирландіи—любимыя книги леди Розы и ея милаго. Ихъ было здѣсь не больше сотни, но для Жюли Ле-Бретонъ онѣ служили мостомъ, по которому память и мечты, по желанію, уносили ее въ далекое прошлое. Сердцемъ, полнымъ жалости, она вновь переживала ту особенную жизнь, какой жили ея родители,—эти странные люди, такіе спокойные и въ то же время столь убѣжденные и страстно вѣрующіе, такіе упрямые и въ то же время столь терпѣливые въ мелочахъ жизни... Въ ея комнаткѣ не видно было ихъ портретовъ. Но на боковомъ столикѣ стояла небольшая рамка-складень изъ трехъ частей. Въ боковыхъ, овальныхъ,

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

помѣщались фотографическіе снимки съ извѣстныхъ статуй музея въ Брюгге. Средняя была закрыта двумя деревянными ставеньками изящной рѣзьбы, плотно сходящимися и запертыми на ключъ. Любопытная горничная, вытирая пыль, попыталась было какъ-то открыть ихъ—напрасно.

На этажеркѣ у камина лежали двѣ-три новыхъ желтенькихъ книжки, все французскія: критическіе опыты, томикъ мемуаровъ, романъ Бурже и т. д. И тутъ же рядомъ «Народное правительство» сэръ Генри Мэна и недавно вышедшій блестящій очеркъ англійской политики въ Египтѣ,—оба съ именемъ Ричарда Монтрезора на заглавной страницѣ. Былъ здѣсь и послѣдній номеръ газеты д-ра Мередита «Новый Бродяга», и дневникъ французскаго путешественника, новѣйшаго изслѣдователя Мокембе, съ заложеннымъ между страницъ разрѣзнымъ ножомъ и маленькими иниціалами «Г. У.» въ правомъ углу на сѣрой обложкѣ.

Жюли окончила подсчетъ и вздохнула съ облегченіемъ, потомъ написала съ полдюжины дѣловыхъ писемъ и приготовила нѣсколько чековъ для подписи леди Генри. Когда она встала, вокругъ нея запрыгали двѣ таксы, до тѣхъ поръ лежавшія на коврѣ, слѣдя за каждымъ ея движеніемъ.

Но Жюли расхохоталась имъ въ лицо.

— Дождь идетъ!—сказала она, указывая на окно,—дождь! Понимаете! Или вы совсѣмъ не пойдете, или пойдете съ Джономъ!

Джонъ былъ второй лакей, котораго собаки ненавидѣли. Онѣ поджавъ хвосты, вернулись на свой коврикъ и снова улеглись. А Жюли взяла письмо въ конвертѣ съ иностранной маркой, полученное ею сегодня утромъ, посмотрѣла на дверь и начала перечитывать мелко исписанные листки. Письмо было отъ англійскаго дипломата, путешествующаго по Египту,—человѣка, на котораго въ тотъ моментъ были устремлены глаза всей Европы. Уже то, что онъ писалъ женщинѣ на такую тему, было само по себѣ выходящей изъ ряда любезностью; но еще замѣчательнѣе было то, что онъ писалъ такъ откровенно, съ такимъ увлеченіемъ. Жюли слегка зарумянилась, читая, но, дойдя до конца, отложила письмо съ огорченнымъ видомъ. «Лучше бы онъ написалъ леди Генри! Она уже нѣсколько недѣль не получаетъ отъ него ни строчки. Меня не удивитъ, если она уже подозрѣваетъ. Когда говорятъ о Египтѣ, я не смѣю рта раскрыть... изъ страха выдать леди Генри, что ея компаньонка имѣетъ самыя подробныя свѣдѣнія объ отсутствующемъ, и притомъ изъ первыхъ рукъ?»

Жюли съ улыбкой пожала плечами и спрятала письмо въ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола, потомъ взяла другое, лежавшее подъ нимъ. Изъ этого новаго конверта, снова предварительно оглядѣвшись вокругъ, она вынула фотографію. На нее глянула сѣдѣющая голова и прикрытые очками глаза д-ра Мередита. Выра-

женіе лица Жюли смягчилось; она слегка приподняла брови, потомъ тихонько покачала головой, какъ человѣкъ, желающій увѣрить, что если здѣсь что-нибудь и неладно, то это не его—*не его* вина. Она нехотя перечла послѣднія строки:

«Такъ помните же—я могу дать вамъ работу, если она вамъ понадобится—и такую, которая хорошо оплачивается. Я предпочелъ бы отдать вамъ свою жизнь и все, что у меня есть, но такія блага вамъ, повидимому, ни на что не нужны. Что дѣлать! Пусть будетъ такъ! Но если вы не позволите мнѣ помочь вамъ тѣмъ путемъ, о какомъ я говорю въ этомъ письмѣ,—это, право, будетъ ужъ полное отсутствіе доброты—я даже готовъ сказать: черная неблагодарность съ вашей стороны!

«Всегда вашъ

«Ф. М.»

И это письмо она заперла въ ящикъ, но долго не могла рѣшиться спрятать послѣдняго.

Она прочла его уже три раза и знала почти наизусть. Поэтому, она даже не вынимала письма изъ конверта, но зато поднесла самый конвертъ къ губамъ и крѣпко прижалась къ нему устами, между тѣмъ какъ глаза ея, полные слезъ, ничего не видя, смотрѣли на заиндевѣвшую улицу за окномъ. И въ глазахъ, и въ лицѣ было то же выраженіе, которое подмѣтилъ въ нихъ однажды сэръ Уильфридъ Бёри,—нѣмое признаніе женщины, которую гнететъ и мучитъ не столько внѣшній міръ, сколько неудержимая сила, живущая въ ея собственной душѣ.

Среди окружающей тишины у наружной двери раздался стукъ почтальона. Жюли Ле-Бретонъ вздрогнула, ибо тотъ, кто живетъ каждый день ожиданіемъ письма, не можетъ слышать равнодушно этого стука,—потомъ грустно улыбнулась своей наивности:

«*Моя* радость насегодня ужъ кончена»!

И она отвернулась, съ письмомъ въ рукѣ,—но не положила его въ одинъ ящикъ съ другими. Она прошла къ маленькому рѣзному складню и, прислушавшись сначала къ звукамъ въ домѣ, отворила его запертыя дверцы золотымъ ключикомъ, висѣвшимъ на цѣпочкѣ отъ часовъ и спрятаннымъ у нея на груди.

Дверцы распахнулись. Внутри, на темномъ бархатѣ висѣли двѣ миніатюры въ легкихъ золотыхъ рамкахъ, соединенныхъ между собой изящнымъ завиткомъ. Миніатюры тонкой французской работы изображали мужчину и женщину. Оба были красивы, молоды, съ благородными, интеллигентными лицами. И тѣмъ не менѣе на эти лица не было пріятно смотрѣть. У обоихъ былъ какой-то странный взглядъ—пристальный и вмѣстѣ разсѣянный,—взглядъ тѣхъ, кто много и пылко любилъ «человѣка» и сравнительно мало—людей.

Миніатюры, видно, не предназначались для складня, ни складень

для нихъ. Ихъ помѣстили туда любящія руки, но въ устланной бархатномъ впадинѣ оставалось еще довольно мѣста и тамъ уже лежала пачка писемъ. Жюли просунула послѣднее письмо подъ резинку, придерживающую пачку, потомъ снова заперла дверцы и спрятала ключикъ на груди.—И замокъ, и петли этого маленькаго тайника были крѣпкой и прочной работы. Въ сложенномъ видѣ онъ представлялъ собою только фотографическое изображеніе брюггской каланчи, въ массивной оправкѣ и на деревянной подставкѣ.

Не успѣла она отойти, какъ за дверью въ корридорѣ раздались шаги.

— Жюли!—послышался легкій шопотъ и тихій смѣхъ.—Это я! Можно войти?

На порогѣ стояла герцогиня, просунувъ въ дверь свое перламутровое личико, вправленное въ рамку мастерского этюда сепіей—очаровательнаго сѣраго костюма.

Удивленная Жюли пошла навстрѣчу гостьѣ, а старый дворецкій, большой другъ Жюли Ле-Бретонъ, поспѣшилъ скромно затворить за ними дверь.

— Ахъ, душка!—сказала герцогиня, бросаясь въ объятія Жюли,—еслибъ вы знали, какъ я бѣжала наверхъ! Я сказала Хеттону, чтобъ онъ не безпокоилъ людей Генри, а сама на цыпочкахъ взбѣжала на лѣстницу, придерживая юбки, чтобы онѣ не шумѣли. Ну развѣ это не геройствѣ съ моей стороны—такъ храбро сунуть свой носикъ въ самую берлогу льва? Но когда сегодня утромъ отъ васъ пришло письмо съ извѣстіемъ, что вы не можете быть, я поклялась, что забѣгу на минутку посмотрѣть, осталось ли отъ васъ хоть что-нибудь,—бѣдненькая вы моя блѣднушечка!

И герцогиня, заставивъ Жюли сѣсть, сама усѣлась рядомъ, не выпуская рукъ пріятельницъ и вглядываясь въ ея лицо.

— Скажите мнѣ, что случилось? Да вы, кажется, плакали! О! стара вѣдьма!

— Вы очень ошибаетесь,—улыбаясь, молвила Жюли.—Леди Генри позволила мнѣ продавать на базарѣ.

— Нѣтъ?—Герцогиня отъ удивленія даже всплеснула руками—Какъ вы это устроили?

— Очень просто: я уступила. Но, Эвелина, я все-таки не приду

— О! Жюли!—Герцогиня откинулась на спинку кресла; ея синіе глазки съ жалобнымъ упрекомъ глядѣли на *mademoiselle* Ле-Бретонъ.

— Нѣтъ. Я не приду. Если ужъ мнѣ оставаться здѣсь, хотя бы на время, такъ не надо дразнить ее. Она сказала, что я могу идти, но это было неискренно,

— Развѣ она можетъ быть искренно мила или любезна! Ну что, какъ она ведетъ себя—съ воскресенья?

Отвѣтъ Жюли звучалъ не увѣренно.

— О! мы заключили вооруженное перемиріе. Вчера вечеромъ она настояла на томъ, чтобъ у меня въ комнатѣ затопили каминъ. За то днемъ Хеттонъ ходилъ гулять съ собаками.

Герцогиня засмѣялась.

— А въ воскресенье бурная была сцена? Вы мнѣ ничего толкомъ не разсказали въ вашемъ письмѣ.

— Слушайте, Жюли, вы что-нибудь ей говорили о Джэкобѣ?

Жюли опустила глаза. Въ лицѣ ея промелькнуло выраженіе горечи.

— Да. Я не могу этого простить себѣ. Она заставила меня сказать ей правду.

— Вы ей сказали! Ну и что же? Тетя Флора, конечно, рѣшила, что вы сами добивались, чтобы онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе, и что съ вашей стороны было дерзостью отказать ему?

— Она все время говорила мнѣ комплименты, — слабо улыбаясь, сказала Жюли. — Но съ тѣхъ поръ... нѣтъ, я не думаю, чтобы она успокоилась.

— Конечно, нѣтъ. Она скорѣе оскорблена!

Наступило молчаніе. Герцогиня смотрѣла на Жюли, но ея мысли были далеко. И, наконецъ, она не выдержала. Съ своей обычной *étourderie*, которая такъ шла къ ней, она воскликнула:

— Я сама этого не понимаю, Жюли! Вѣдь я знаю, что онъ вамъ нравится.

— Ужасно нравится, но мы бы дрались между собой.

Миссъ Ле-Бретонъ весело разсмѣялась. Но герцогиня была какъ будто этимъ недовольна.

— О! Вѣдь не въ этомъ же причина.

— Именно въ этомъ. Я не знаю... Въ м-рѣ Делафильдѣ есть что-то *желѣзное*.—И Жюли какъ-то странно повела плечами, точно вздрагивая отъ холода. — А такъ какъ я не влюблена въ него, — то я его боюсь!

— Это лучшій способъ влюбиться, — воскликнула герцогиня. — И потомъ, послушайте Жюли,—она помедлила и затѣмъ прибавила наивно, положивъ свои маленькія ручки на колѣни пріятельницы, — развѣ у васъ нѣтъ честолюбія?

— Страшно много. О! Я бы съ удовольствіемъ разыгрывала герцогиню, особенно если бы вы взялись учить меня, — говорила Жюли, гладя эти ручки. — Но я должна найти своего герцога. И покамѣстъ настоящій не явился, я ужъ предпочитаю свою свободу.

— Бояться Джэкоба Делафильда,—задумчиво говорила герцогиня, опершись подбородкомъ на руки.

— Это можетъ казаться страннымъ вамъ,—съ живостью возразила Жюли,—но на самомъ дѣлѣ ничуть не странно. Въ немъ есть то же, что и въ леди Генри, что-то принижающее васъ, пригибающее васъ къ землѣ. Но довольно о м-рѣ Делафильдѣ, право, довольно!

Жюли встала и потянулась всѣмъ тѣломъ, закинувъ назадъ руки и заложивъ за голову, словно морская птица, расправляющая крылья. Въ этомъ жестѣ чувствовалась и сила, и крѣпкая воля.

Герцогиня смотрѣла на нее, но стараясь избѣгнуть ея взгляда.

— Жюли, я слышала вчера такую странную новость.

Жюли обернулась.

— Помните, вы меня разспрашивали объ Эйлинъ Моффотъ?

— Помню.

— Ну, такъ вотъ, я видѣла вчера одного господина, который только что вернулся изъ Симлы. Онъ часто видѣлся съ ней и говоритъ, что ихъ обѣихъ—мать и дочь—въ Индіи просто на рукахъ носили.—Онѣ такія милыя и странныя, не похожи на другихъ, а дѣвочка прехорошенькая, такая, знаете, немножко кисейная барышня. И, какъ вы думаете, кто былъ съ ними все время, неразлучно, сначала въ Пешаверѣ, затѣмъ въ Симлѣ, такъ что всѣ обращали на это вниманіе? Капитанъ Уорквортъ! Мой знакомый думаетъ даже, что они помолвлены.

Жюли наливала воду въ вазы и наполняла ихъ цвѣтами, разбирая корзину. Она стояла спиной къ герцогинѣ, и та не могла видѣть ея лица. Помолчавъ, она отвѣтила съ руками полными нарциссовъ.

— Что-жъ, для него это была бы блестящая партія.

— Еще бы! У нея, говорятъ, полмилліона въ однѣхъ угольныхъ копяхъ, не считая земли. Капитанъ Уорквортъ вамъ что-нибудь говорилъ о нихъ?

— Никогда. Онъ даже имени ихъ не произносилъ.

Герцогиня что-то соображала, вглядываясь въ спину Жюли.

— Теперь всѣ ищутъ денегъ. И военные нисколько не лучше другихъ. Они не женятся спеціально на приданомъ, какъ въ Сити, но все же они и этого не упускаютъ изъ виду.

Жюли не отвѣчала. Герцогинѣ совсѣмъ не было видно ея лица. Но маленькая женщина расхрабрилась и рѣшилась сдѣлать еще шагъ дальше по тонкому льду.

— Жюли, я сдѣлала все, о чемъ вы просили меня. Я послала приглашеніе на 20-е этой ужасной женщинѣ, леди Фрозвихъ, все-таки она ужасная!.. Я очень ловко заставила Берти послушаться меня относительно этого прихода; я говорила съ м-ромъ Монтрезоромъ, но, Жюли, если вамъ не трудно, мнѣ очень хотѣлось бы знать, почему вы объ этомъ хлопочете?

Щеки герцогини пылали. Она питала романтическую привязанность къ Жюли и низачто на свѣтѣ не хотѣла бы оскорбить ее.

Жюли обернулась. Она всегда была блѣдна, и герцогиня не замѣтила въ ней ничего необычнаго.

— Развѣ я такъ ужъ хлопочу?

— Жюли! Вы страшно много сдѣлали для этого человѣка съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся на родину.

— Что-жъ, онъ заинтересовалъ меня, — сказала Жюли, отходя, чтобы полюбоваться эффектомъ вставленныхъ въ вазы цвѣтовъ.— Въ первый же вечеръ, какъ онъ появился здѣсь, онъ дважды спасъ меня отъ леди Генри. Онъ такъ же одинокъ, какъ я, это тоже меня привлекаетъ. Я вѣдь знаю, что это значитъ. Единственный сынъ и сирота—никого, кто бы интересовался его карьерой.

— И вы рѣшились взять на себя подбодрить его. О! Жюли, какая вы милочка!.. А все-таки вы фокусница—другіе точно маріонетки въ вашихъ рукахъ. Правда вѣдь?

Жюли слабо улыбнулась.

— Что-жъ, я люблю иногда почувствовать, что у меня есть маленькая власть. Вѣдь, кромѣ этого, что же у меня есть?

Герцогиня схватила ея руку и прижалась къ ней горячей щекой.

— У васъ есть власть и большая, потому что всѣ васъ любятъ и восхищаются вами. А ужъ я готова дать себя изрѣзать на кусочки, чтобы доставить вамъ удовольствіе!.. Я надѣюсь только, что когда онъ женится на своей наслѣдницѣ—если только онъ на ней женится,—они не забудутъ, чѣмъ они обязаны вамъ!

Чувствовала ли она, какъ дрогнула рука, лежавшая въ ея рукѣ? Во всякомъ случаѣ, рука эта была моментально отдернута, и Жюли уже на другомъ концѣ комнаты рылась въ корзинѣ съ цвѣтами.

— Мнѣ не нужно благодарности—ни отъ кого. Теперь, Эвелина, вы понимаете, что мнѣ неудобно быть на базарѣ. Я хотѣла бы, но не могу!

— Да, я понимаю, Жюли!—Герцогиня порывисто встала и кинулась въ кресло у стола, откуда она могла наблюдать за лицомъ и движеніями mademoiselle Ле-Бретонъ.—Жюли! мнѣ нужно такъ много сказать вамъ... переговорить—*о дѣлахъ*. Только не обижайтесь, Бога ради! Жюли, *если* вы уйдете отъ леди Генри, какъ вы думаете устроиться?

— Вы можете сказать: чѣмъ я буду жить?—переспросила Жюли, улыбаясь той изысканности выраженій, съ какой эта маленькая женщина, съ колыбели утопавшая въ золотѣ и цвѣтахъ, говорила о суровой прозѣ жизни;—эта проза была ей такъ мало знакома, что она подходила къ ней какъ-то необычайно деликатно и таинственно.

— Вѣдь вамъ нужны деньги, Жюли,—робко выговорила герцогиня. Ея умоляюще поднятое кверху личико и парижская шляпка такъ изящно гармонировали съ пышными цвѣтами, усыпавшими столъ.

— Что-жъ, я ихъ заработаю;—спокойно сказала Жюли.

— О Жюли! Неужели же вы опять навяжете себѣ на шею какую-нибудь скучную старуху?

— Нѣтъ. Я больше не продамъ своей свободы. Но д-ръ Мередитъ предложилъ мнѣ работу и обѣщаетъ дать еще.

Герцогиня широко раскрыла глаза.

— Вы хотите писать! Ну, конечно, всѣ мы знаемъ, что вы можете дѣлать все, что захотите... И вы никому не позволите сколько-нибудь помочь вамъ?

— Я ни отъ кого не возьму денегъ, если вы это подразумѣваете,— улыбнулась Жюли. Но улыбка вышла блѣдная и невеселая.

Герцогиня замѣтила это и сказала себѣ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я вошла сюда, она стала другая, совсѣмъ другая!..»

— Жюли, вы страшно горды!

Жюли немножко передернуло.

— Какъ вы думаете, осталось ли бы у меня хоть капля власти или самоуваженія, если бы брала деньги у моихъ друзей?

— Зачѣмъ же непремѣнно деньги? Видите ли, Жюли!.. Вы знаете, сколько у Берти домовъ въ Лондонѣ. Это прямо ужасно имѣть такъ много!.. У него всегда остается на рукахъ нѣсколько штукъ. Если леди Генри поссорится съ вами, мы могли бы предложить вамъ пріютъ на время, *неужели* вы не приняли бы, Жюли?

Въ ея голосѣ были ласкающія, молящія нотки ребенка. Жюли колебалась.

— Только въ томъ случаѣ, если бы самъ герцогъ предложилъ мнѣ это,—сказала она наконецъ суховато и какъ-то вся вдругъ подтянувшись.

Герцогиня вспыхнула и поднялась съ мѣста.

— Ну вотъ и отлично,—сказала она, уже другимъ шопотомъ.— Помните же, вы обѣщали. Мнѣ пора. Ахъ! Этотъ ужасный базаръ! Въ первый разъ въ жизни я взялась что-нибудь устроить для бѣдныхъ и заранѣе знала, что буду раскаяваться!

Пока Жюли закутывала её въ мѣхъ, ея розовыя губки болтали безъ умолку:

— На другой же день послѣ того, какъ Берти сдѣлала мнѣ предложеніе, онъ сказалъ мнѣ: «я надѣюсь, что ты, какъ интеллигентная дѣвушка, заинтересуешься бѣдными!» А я закрыла ему ротъ его же рукой и говорю: «Берти! Я ничего не стану дѣлать для бѣдныхъ, *ничего* конечно, такого, что мнѣ будетъ непріятно, пока мнѣ не стукнетъ сорокъ. Я буду баловать своихъ слугъ, я буду добра къ своимъ дѣтямъ—ну, этого, понятно, я ему не сказала,—но если тебѣ хочется имѣть женой *кувалду*, скажи прямо и мы разойдемся!

— Кувалду? что это такое?—удивилась Жюли и, не имѣя силъ устоять противъ искушенія, поцѣловала хорошенькое личико, наклонившееся такъ близко къ ея лицу.

— Женщина, которая засѣдаетъ въ разныхъ комитетахъ и знаетъ наизусть всѣ правила публичныхъ собраній и одѣвается—да вы сами знаете, какъ онѣ одѣваются,—закончила герцогиня, взявъ со стола очаровательную муфточку изъ шеншилля и крошечныя перчатки.

*

— Наоборотъ, теперь онѣ одѣваются превосходно.

— О! вотъ это-то и худо. Ихъ принимаютъ за настоящихъ женщинъ, а, между тѣмъ, онѣ—кувалды!.. Ну прощайте, Жюли, милочка!.. Кстати, какая я идіотка! я забыла самое главное, то, зачѣмъ пришла. Будете вы сегодня вечеромъ со мною у леди Губертъ? Пріѣзжайте! Берти не будетъ, а я ненавижу ѣздить туда одна!

Жюли слегка вздрогнула.

— Къ леди Губертъ? А что скажетъ леди Генри?

— Скажите ей, что Джэкоба не будетъ!—засмѣялась герцогиня.—Тогда она не станетъ противиться.

— Хотите, я пойду спрошу?

— Ради Бога! дайте мнѣ сначала выбраться отсюда! Скажите ей отъ меня, что я заѣду къ ней завтра утромъ. Берти говоритъ, что намъ необходимо помириться, такъ ужъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Наговорите ей какъ можно больше любезностей и подъ вечеръ позвоните мнѣ по телефону. Если все будетъ хорошо, я заѣду за вами въ одиннадцать.

Герцогиня упорхнула, шурша шелковымъ шлейфомъ. Жюли осталась одна у стола. Лицо ея было спокойно, но глаза сверкали и зубы крѣпко впились въ нижнюю губу. Она безсознательно сжала въ рукѣ нѣжный цвѣтокъ спиреи и совершенно изломала его

— Я поѣду!—говорила она себѣ.—Поѣду!

Въ письмѣ, полученномъ ею сегодня утромъ, были слѣдующія строки:

«Сегодня вечеромъ думаю заглянуть къ Губерту Делафильду, хотя, сознаюсь, ни самый домъ, ни хозяинъ мнѣ не симпатичны. Но онъ, говорятъ, уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, а у леди Губертъ бываютъ люди, которые какъ разъ теперь могутъ пригодиться».

Леди Генри почти съ восторгомъ разрѣшила mademoiselle Ле-Бретонъ сопровождать герцогиню къ леди Губертъ, говоря:

— Тамъ будетъ страшно скучно. Моя belle soeur устраиваетъ пустыню и называетъ это обществомъ. Но если вамъ хочется идти—идите. Что касается Эвелины Кроуборо, завтра утромъ я занята—у меня будетъ дантистъ.

Когда Жюли, вечеромъ, въ каретѣ, передала этотъ отвѣтъ герцогинѣ, та засмѣялась.

— Сколько еще такихъ пилюль придется мнѣ проглотить? Что у насъ завтра? среда? Гм... послѣ обѣда карты; вечеромъ я сажусь на скамеечку у ногъ леди Генри и разсматриваю васъ въ лорнетъ, какъ будто никогда раньше васъ не видала. Въ четвергъ завезу ей французскую книгу, въ пятницу посылаю къ ней бэби. Боже мой, сколько времени это беретъ!—вздохнула герцогиня, поводя бѣлоснѣжными узенькими плечиками.—Надо хоть завтра не упустить случая.

У леди Губертъ они застали очень приличное чтобъ не сказать

веселое общество, совершенно опровергавшее коварный извѣтъ леди Генри. Здѣсь не было того блеска, того напряженнаго оживленія въ самой атмосферѣ гостиной, какіе господствовали на вечерахъ въ Брутонъ-стритѣ. Но здѣсь гости чувствовали себя удобно и легко, какъ и подобаетъ людямъ, не смущаемымъ въ каждый данный моментъ увѣренностью, что міръ смотритъ на нихъ. Завсегдатаи Брутонъ-стрита посмѣивались слегка, какъ подобаетъ благовоспитаннымъ людямъ, слушая, какъ говорили о салонѣ леди Генри, преимущественно люди, не бывавшіе въ немъ. И все же сознаніе, что другіе цѣнятъ его такъ высоко, вносило нѣкоторое принужденіе. У леди Губертъ царила полнѣйшая непринужденность, и милымъ «никто», собиравшимся тамъ, не приходилось краснѣть за свои ничего не стоющіе разговоры.

Леди Губертъ сама не любила стѣснять себя, отчасти, безъ сомнѣнія, потому, что была глупа. Она была блондинка, красивая, сонная и дородная. Мужъ ея прокутилъ ея состояніе и совершенно испортилъ ей характеръ. Тѣмъ не менѣе Губерты теперь жили лучше прежняго; дѣла ихъ поправились, и характеръ леди Губертъ сдѣлался снова такимъ, какимъ ему предназначило быть Провидѣніе. И принимали они теперь чаще прежняго, такъ какъ леди Губертъ твердо рѣшила въ будущемъ сезонѣ выдать замужъ свою дочь, теперь стоявшую возлѣ нея и принимавшую гостей. Это была бѣлокурая, миловидная дѣвушка, какъ говорили, всей душой преданная дѣламъ благотворительности и вовсе не склонная хлопотать о пріисканіи себѣ мужа.

Народу собралось много. Появленіе герцогини и mademoiselle Ле-Бретонъ было однимъ изъ событій вечера, и, при входѣ ихъ, общество замѣтно оживилось. Маленькая фарфоровая герцогиня, съ ея туалетами, брилліантами и улыбками, съ самаго выхода своего замужъ была любимицей большого свѣта. Она выросла въ деревнѣ, въ глухой провинціи, и вышла замужъ восемнадцати лѣтъ. Послѣ шести лѣтъ супружества ей все еще не наскучила ея популярность и связанныя съ ней обязательства. И ея блестящіе глазки, и ея смѣющіяся губки, и все ея существо сочувственно отзывалось на производимое ею впечатлѣніе. Она смутно представляла себѣ самое себя Титаніей и какъ ребенокъ забавлялась, разыгрывая эту роль. И, какъ Титанія, она не разъ съ грустью думала, что ея господинъ и повелитель имѣетъ право бранить ее.

Но въ этотъ вечеръ герцогъ былъ занятъ обсужденіемъ важныхъ вопросовъ въ палатѣ лордовъ, и герцогиня искренно веселилась. Сэръ Уильфридъ Бёри, пріѣхавшій вскорѣ вслѣдъ за своей крестницей, засталъ ее окруженной цѣлымъ штатомъ кузеновъ тѣлохранителей, въ числѣ которыхъ были очень красивые молодые люди, и цѣлой маленькой толпой поклонниковъ и поклонницъ, блаженно улыбавшихся, хоть издали любуясь этой юной и радостной красотой.

Жюли ле-Бретонъ не было возлѣ нея. Но въ сосѣдней комнатѣ

сэръ Уильфридъ скоро замѣтилъ ея высокую фигуру и лицо, въ своемъ родѣ такъ же сильно привлекавшія къ себѣ вниманіе, какъ и наружность герцогини. Жюли говорила со многими заразъ и, какъ всегда, сэръ Уильфридъ невольно слѣдилъ за ней. Никогда еще ея большіе черные глаза не казались ему такими оживленными и блестящими. Но и теперь, какъ при первой встрѣчѣ, онъ не могъ заставить себя назвать ихъ красивыми. А между тѣмъ, все въ нихъ было красиво: и и форма, и цвѣтъ. Должно быть, въ ихъ выраженіи было что-то, оскорблявшее его хорошо выдрессированную натуру.

И разговоры, которые она вела, были ему какъ-то подозрительны. Съ какой стати она такъ щедро расточаетъ улыбки этой несносной леди Фрозвикъ? И что у нея за дружба съ этими старыми военными, которыхъ можно навѣрно разсчитывать встрѣтить у леди Губертъ? Сѣдовласые ветераны одинъ за другимъ подходили къ ней, удостаивались нѣсколькихъ минутъ разговора и уходили, улыбаясь. Важные чиновники относились къ ней не менѣе дружественно. Ея штатъ состоялъ, повидимому, главнымъ образомъ, изъ людей пожилыхъ; молодыхъ она, по крайней мѣрѣ, на сегодняшній вечеръ, предоставила герцогинѣ. И притомъ вокругъ нея было больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Женщины не сторонились отъ нея, выказывали удовольствіе при встрѣчѣ съ ней, были рады, когда она обращала на нихъ вниманіе, но онѣ были сдержаннѣе и не поддавались ея чарамъ такъ беззавѣтно, какъ ихъ мужья.

«Сколько ей можетъ быть лѣтъ? — спрашивалъ себя сэръ Уильфридъ.—Подъ тридцать? Она, навѣрное, однихъ лѣтъ съ Джэкобомъ, даже, пожалуй, чуточку старше».

Потомъ онъ потерялъ ее изъ виду и, увлекшись самъ разговоромъ, позабылъ о ней. Но когда толпа гостей начала уже рѣдѣть, ему вздумалось разыскать знаменитую коллекцію миніатюръ, принадлежавшую леди Губертъ. Семейная исторія англійскихъ знатныхъ родовъ была его слабостью, и всѣ государственные люди и красавицы изъ рода Делафильдовъ были ему гораздо лучше знакомы, чѣмъ ихъ собственнымъ потомкамъ. Коллекція леди Губертъ въ былое время очень плѣняла его и ему захотѣлось возобновить съ ней знакомство.

Но коллекціи перенесли изъ той комнаты, гдѣ она помѣщалась прежде, и сэру Уильфриду пришлось пройти цѣлую анфиладу гостиныхъ, теперь почти опустѣвшихъ. На порогѣ послѣдней гостиной онъ вдругъ остановился.

При появленіи его, дама и господинъ, сидѣвшіе на диванѣ, внезапно поднялись. Капитанъ Уорквортъ остался на мѣстѣ. Mademoiselle Ле-Бретонъ пошла навстрѣчу вошедшему.

— Что теперь ужъ очень поздно?—спросила она, разыскивая свой вѣеръ и перчатки.—Мы любовались миніатюрами леди Губертъ. Вотъ эта леди съ муфтой,—она указала на картину, висѣвшую на видномъ

мѣстѣ посреди комнаты,—прямо очаровательна. Вы можете мнѣ сказать, сэръ Уильфридъ, гдѣ герцогиня?

— Нѣтъ, но я могу помочь вамъ найти ее,—сказалъ сэръ Уильфридъ, забывъ о миніатюрахъ и стараясь не смотрѣть ни на нее, ни на ея кавалера.

— А мнѣ надо спѣшить,—сказалъ капитанъ Уоркуортъ, глядя на часы.—Боже, какъ поздно! А я просилъ одного пріятеля заглянуть ко мнѣ въ двѣнадцать.

Онъ пожалъ руку mademoiselle Ле-Бретонъ и быстро вышелъ.

Сэръ Уильфридъ и Жюли вмѣстѣ двинулись дальше. Сэръ Уильфридъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что онъ прервалъ весьма интимный и серьезный разговоръ. У него было доброе и даже романическое сердце, но эта парочка не внушала ему сочувствія.

— Какъ подвигается біографія?—съ улыбкой спросилъ онъ.

Яркая краска разлилась по щекамъ mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Леди Генри, кажется, оставила это намѣреніе.

— Ну, я думаю, она не пожалѣетъ объ этомъ,—сказалъ онъ сухо.

Жюли не отвѣтила. Онъ мысленно укорилъ себя въ грубости, но скоро нашелъ себѣ оправданіе. Ужъ эту маленькую шпильку она заслужила. Конечно, она не обязана повѣрять ему свои тайны; это ея законное право, какъ сказалъ Делафильдъ. Но когда человѣкъ предлагаетъ вамъ свои услуги, не слѣдуетъ дурачить его сверхъ мѣры.

Она, навѣрное, угадываетъ его мысли! Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее, на ея пышное платье, усѣянное блестящимъ стекляру-сомъ, въ которомъ не чувствовалось ничего дѣвическаго, на красивое старомодное ожерелье изъ жемчуговъ и бриллiантовъ безъ сомнѣнія доставшееся ей отъ матери, стягивавшее ея удивительную стройную шею. Во всякомъ случаѣ она ничѣмъ себя не выдаетъ. Она опять заговорила о миніатюрахъ Делафильдовъ, все время непринужденно обмахиваясь вѣеромъ. Немного погодя, они нашли герцогиню.

«Авантюристка она, или нѣтъ?» думалъ Бёри, возвращаясь домой.—«Вотъ будетъ исторія, если она выйдетъ за Джэкоба!»

Глава VIII.

Простившись съ герцогиней у подъѣзда леди Генри, Жюли одна поднялась по лѣстницѣ. Въ домѣ все спало. Она въ темнотѣ дошла до своей комнаты и, войдя, не зажгла огня. Въ каминѣ еще догорали дрова. Она опустилась въ кресло у камина, обнявъ руками колѣни и откинувъ назадъ голову, словно еще прислушиваясь къ словамъ, звучавшимъ въ ея ушахъ.

«О! она такое дитя! такой милый простодушный ребенокъ! Въ Симлѣ досужіе языки приписывали ей, по крайней мѣрѣ, десять женіховъ. Ея окружала толпа поклонниковъ—я былъ однимъ изъ нихъ. Весь

городъ обожалъ ее и мать ее также. Она прелестное созданіе, но зато и хорошо охраняемое, на заднемъ планѣ стражей сколько угодно!»

Какъ можно было не повѣрить этому взгляду, этой улыбкѣ? Память перенесла ее назадъ къ тѣмъ осеннимъ днямъ, когда они встрѣтились впервые; она мысленно пережила все время ихъ знакомства, всѣ сначала мелкіе, едва замѣтные, потомъ быстрые, неудержимые и роковые шаги приведшіе ее къ тому рабству, въ которомъ она теперь находилась. Она видѣла, какъ молодой человѣкъ въ первый разъ вошелъ въ гостиную леди Генри, слышала отъ слова до слова свой первый разговоръ съ нимъ, ясно видѣла все постепенное развитіе ихъ странныхъ отношеній, слагавшихся изъ столькихъ разнообразныхъ элементовъ. Лестное сознаніе своей власти надъ обществомъ, сказывавшееся и въ поклоненіи этого молодого блестящаго офицера, быстро дѣлавшаго карьеру, и въ тѣхъ услугахъ, которыя она съ своей стороны могла оказать ему; невольная признательность за это поклоненіе въ такой моментъ, когда вся душа ея болѣла отъ презрительной враждебности леди Генри; затѣмъ сладостное развитіе и укрѣпленіе «дружбы», которая должна была соединить ихъ полными и единственными въ своемъ родѣ узами,—дружбы, не имѣвшей ничего общаго съ баналностями любви и брака, союза равныхъ и родственныхъ душъ въ общей борьбѣ съ суровой и злобной судьбой.

«У меня нѣтъ ни семьи, ни вліятельныхъ друзей, — писалъ онъ ей нѣсколько недѣль спустя послѣ первой ихъ встрѣчи;—все, чего я достигъ, взято мной съ бою; никто никогда не интересовался мною, кромѣ васъ. Вы тоже одна на свѣтѣ. Вамъ тоже надо бороться. Давайте, соединимъ свои силы—будемъ ободрять другъ друга, заботиться одинъ о другомъ и хранить нашу дружбу, какъ священную тайну, отъ свѣта, который неспособенъ понять ее. Я не измѣню вамъ. Я буду съ вами вполнѣ откровененъ и постараюсь понять вашу благородную, наболѣвшую душу со всѣми ея горькими воспоминаніями, съ той странной гордостью и отчужденіемъ отъ людей, которыя развили въ ней обстоятельства. Я не говорю: позвольте мнѣ быть вашимъ братомъ—въ этомъ есть что-то банальное; для насъ обоихъ достаточно слово «другъ»; общность нашихъ умственныхъ и духовныхъ интересовъ придастъ новый смыслъ этому святому слову. Я буду писать вамъ каждый день; вы будете знать все, что со мною происходитъ, и все, что признательная преданность можетъ сдѣлать, чтобы скрасить вашу жизнь, будетъ сдѣлано».

Неужели это письмо было написано всего пять мѣсяцевъ тому назадъ?

Хорошо ей памятныя фразы горько отозвались въ наболѣвшемъ сердцѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она получила это письмо, всѣ ея женскія чары, все ея вліяніе, какъ умнаго интеллигентнаго человѣка, были предоставлены въ его распоряженіе.

И вотъ она сидитъ здѣсь въ темнотѣ, мучимая страстью, которой

она стыдится, передъ которой она съ ужасомъ начинаетъ чувствовать себя безсильной. Эта страсть все растетъ и Жюли сама не знала, надолго ли у нея хватитъ силъ сдерживаться. Съ тѣхъ поръ, какъ она сознавала, что добивается награды, которая безмолвно, тайно, унизительно отодвигается все дальше и дальше, она чувствовала себя страшно несчастной. Какъ можетъ бѣдный офицеръ, съ честолюбіемъ Гарри Уоркворта, хотя на мигъ задуматься о бракѣ съ женщиной въ ея двусмысленномъ и зависимомъ положеніи? Здравый смыслъ подсказывалъ ей, что даже мечтать объ этомъ нелѣпо А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ болтовня герцогини облекла въ плоть и кровь ея смутныя безформенныя подозрѣнія, она уже не въ силахъ была успокоиться, совладать съ собой.

Внезапно ей пришла другого рода мысль. У нея болѣло сердце еще и отъ того, что сэръ Уильфридъ, встрѣтившись съ ней у леди Губертъ, говорилъ съ ней и посмотрѣлъ на нее съ такой презрительной усмѣшкой. Когда она впервые обратилась къ нему, какъ къ другу своей матери, она была совершенно искренна: она дѣйствительно дорожила добрымъ мнѣніемъ этого старика. А между тѣмъ она лгала ему. «Я не могла иначе», говорила она себѣ, вздрагивая, точно отъ холода. Про біографію она выдумала совершенно неожиданно для самой себя: но это облегчало объясненіе, притомъ же тутъ была доля правды—леди Генри какъ-то вскользь говорила, что не худо бы воспользоваться письмами капитана Уоркворта для разъясненія—быть можетъ, въ отдѣльной статьѣ въ «Nineteenth Century»—нѣкоторыхъ частностей дѣятельности ея покойнаго мужа въ Индіи.

— И Джэкобъ Делафильдъ тоже. Ей самой было ясно, какъ и сэръ Уильфриду, что она «пересолила». Значитъ правду леди Генри говоритъ о ней, что у нея врожденная склонность къ интригѣ, постоянному усложненію жизни, что она неспособна говорить правду просто, какъ есть?

«Ну что-жъ, именно такъ защищаются подобныя мнѣ»—сказала она, упорно повторяя себѣ самой то, что она уже сказала сэръ Уильфриду.

Она съ гордостью говорила себѣ, что противовѣсомъ всему этому является ея безкорыстіе, извѣстное вполнѣ только ей самой. Она сказала герцогинѣ и сэръ Уильфриду правду. Многіе рады были бы дать ей денегъ и обставить ея жизнь такъ, чтобы не было надобности ежедневно продавать себя въ рабство. Но она этого не хотѣла. Ей стоило пальцемъ шевельнуть, чтобы Джэкобъ Делафильдъ женился на ней, но она не шевельнула. Докторъ Мередитъ сдѣлалъ ей предложеніе—она отвѣтила отказомъ. Ей отрадна была мысль объ этой никому не вѣдомой и никѣмъ не одобренной цѣльности ея натуры. Эта мысль тѣшила ея гордость и врачевала рану, нанесенную ей насмѣшливымъ взглядомъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ сэръ Уильфрида Бёри.

Послѣдней ея мыслью передъ тѣмъ, какъ забыться тревожнымъ сномъ, была мысль, что она все еще находится подъ кровомъ леди Генри. Среди ночного безмолвія ея положеніе казалось ей еще затруднительнѣе, чѣмъ днемъ. Что ей дѣлать? Кому довѣриться?

— Диксонъ, какъ здоровье леди Генри?

— Совсѣмъ нехорошо, барышня, имъ нечего и думать сойти внизъ. Онѣ изъ-за этого ужасно разстроились,—горничная понизила голосъ.— Вы лучше ужъ, барышня, къ нимъ не ходите. Прямо не подступайся. Но онѣ сами говорятъ, что нелѣпо даже и пробовать.

— Хэттонъ получилъ какія-нибудь приказанія?

— Да, барышня; я сейчасъ ходила передавать ему приказъ ея сіятельства. Велѣно говорить всѣмъ, что леди Генри очень жалѣютъ и до послѣдней минуты надѣялись, что онѣ въ состояніи будутъ сойти внизъ.

— Леди Генри все подано, Диксонъ? Вы отнесли ей вечернія газеты?

— О да, миссъ. Но вѣдь вы знаете ея сіятельство: когда къ нимъ входятъ часто, онѣ жалуются, что ихъ безпокоятъ; а не идти— говорятъ, что всѣ ихъ забыли.

— Какъ вы думаете, Диксонъ, пойти мнѣ пожелать ей спокойной ночи.

Горничная колебалась.

— Пойду спрошу, миссъ,—я лучше пойду спрошу.

Дверь затворилась, и Жюли осталась одна въ большой гостиной. Она была приготовлена, какъ всегда по пятницамъ, для пріема гостей. Повсюду были свѣжіе цвѣты, стулья разставлены такъ, какъ это любила леди Генри; вылощенный паркетъ такъ и блисталъ при электрическомъ свѣтѣ; портреты Гэнсборо, казалось, весело и привѣтливо смотрѣли со стѣнъ, поджидая гостей.

Жюли только что обѣдала—одна. Во время обѣда у нея все еще теплилась надежда, что леди Генри въ состояніи будетъ сойти внизъ. Послѣдніе дни погода была очень вѣтреная и это обострило ея хроническій ревматизмъ. Она, несомнѣнно, была больна и очень страдала; но Жюли знала, что она способна на героическія усилія ради того, чтобы не испортить пятницы, и пока Диксонъ не сообщила ей о приказѣ, она не переставала надѣяться.

Итакъ, всѣмъ будутъ отказывать. Жюли одиноко ходила изъ угла въ уголъ по гостиной—такой пустынной и унылой, несмотря на яркое освѣщеніе и цвѣты. Черезъ какіе-нибудь два часа всѣ ея личные друзья постучатся въ эту дверь и она окажется запертой. «Конечно, сегодня вечеромъ я буду», такъ окончилось утреннее письмо. Кромѣ того обѣщали быть нѣсколько человѣкъ, которыхъ ей очень хотѣлось и нужно было повидать. Въ газетахъ въ послѣднее время часто называли фамилію одного полковника, профессора коллегіи генеральнаго штаба, какъ будущаго начальника миссіи, отправляемой въ

Мокембе. Никогда еще не было такъ необходимо держать въ порядкѣ всѣ нити своего вліянія. А по пятницамъ это ей лучше всего удавалось; дома она чувствовала себя и удобнѣе, и свободнѣе, въ особенности, когда леди Генри бывала не совсѣмъ здорова и не выходила изъ сравнительно небольшой сферы своего вліянія, ограничивавшейся задней гостиной.

Да и помимо того, пятничныя собранія у леди Генри развили въ Жюли потребность въ обществѣ и живой интеллигентной бесѣдѣ. Эта потребность сидѣла въ ней даже глубже, чѣмъ въ леди Генри. У леди Генри было десять талантовъ въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ священномъ писаніи,—деньги, имя, высокое положеніе, унаслѣдованныя связи въ обществѣ; у Жюли ле-Бретонъ только этотъ одинъ. Ее инстинктивно влекло къ обществу, и этотъ инстинктъ она обратила въ искусство. Движимая самымъ тонкимъ и интеллигентнымъ видомъ честолюбія, она въ послѣдніе годы тщательно воспитывала и усовершенствовала въ себѣ свои прирожденныя общественныя дарованія. А теперь къ этой ея любви къ обществу присоединилось еще новое тираническое чувство, въ рукахъ котораго общество являлось только орудіемъ.

Нѣсколько времени она волновалось и мучилась молча. Она то ходила по комнатѣ, то останавливалась передъ большимъ зеркаломъ, вглядываясь въ отраженіе своей высокой стройной фигуры, длиннаго атласнаго шлейфа своего платья.

«Совсѣмъ дѣвочка—такая хорошенькая, немножко кисейная барышня...» вспомнились ей слова герцогини, и рядомъ съ ея собственнымъ изображеніемъ ей смутно рисовалась въ зеркалѣ дѣвичья фигурка—свѣтло-золотистые волосы, розовыя щечки, бѣлое платье; и она отворачивалась, чувствуя себя совсѣмъ несчастной отъ сознанія глубокой интеллектуальной разницы между между ними, хотя обыкновенно она радовалась, что не походитъ на обычный типъ англійской дѣвушки.

Вошелъ Хёттонъ, дворецкій, поправить огонь въ каминѣ.

— Вы здѣсь будете сидѣть нынче вечеромъ, миссъ?

— О нѣтъ, Хёттонъ; я пойду въ библіотеку... Въ моей комнатѣ огонь, должно быть, уже потухъ.

— Все-таки свѣчи то лучше погасить, — сказалъ дворецкій, оглядывая ярко освѣщенную залу.

— Ну, конечно,—сказала Жюли и начала помогать ему.

Внезапно ей пришла блестящая мысль.

— Хёттонъ!—Она подошла къ нему и продолжала, понизивъ голосъ:—можетъ быть, сегодня пріѣдетъ герцогиня Кроуборо; мнѣ хотѣлось бы ее повидать, и я знаю, что ей захочется меня видѣть. Вы думаете, это безпокоить леди Генри, если я приму ее—на полчаса—въ библіотекѣ?

Дворецкій задумался.

— Не думаю, чтобъ наверху что-нибудь было слышно. Конечно, я долженъ предупредить, что миледи больна.

— Такъ вотъ что Хёттонъ вы, пожалуйста, попросите ее подняться,—торопливо заговорила mademoiselle ле-Бретонъ.—И еще, Хёттонъ, тамъ пріѣдутъ докторъ Мередитъ и мистеръ Монтрезоръ—вы знаете, какъ они будутъ огорчены, не заставъ леди Генри?

— Да, миссъ, они, конечно, пожелаютъ справиться, что такое съ ея сіятельствомъ; я имъ скажу, что вы въ библіотекѣ. А капитана Уорквортa тоже можно проводить къ вамъ, миссъ? Онъ за сколько недѣль ни одной пятницы не пропустилъ.

— О да, если онъ придетъ—это ужъ вы сами сообразите, Хёттонъ. Мнѣ бы хотѣлось всѣмъ имъ — старымъ друзьямъ—разсказать подробнѣе о здоровьи леди Генри.

Лицо дворецкаго было сама почтительность и скромность.

— Само собой, миссъ. Чай и кофе тоже подавать?

— О нѣтъ!—воскликнула mademoiselle ле-Бретонъ, но подумавъ, прибавила: — впрочемъ, приготовьте на всякій случой, но не думаю, чтобъ кому-нибудь захотѣлось. Тамъ въ библіотекѣ есть огонь?

— О да, миссъ. Я такъ и думалъ, что вы туда придете посидѣть. Можетъ, снести туда эти цвѣты, а то въ комнатѣ пустовато,—на случай, если кто придетъ?

Жюли слегка покраснѣла.

— Пожалуй, не всѣ только. И вотъ что, Хёттонъ, вы увѣрены, что мы не помѣшаемъ леди Генри?

Лицо Хёттона не выражало особенной увѣренности.

— У ея сіятельства очень тонкій слухъ, миссъ, но я закрою двери внизу и буду просить всѣхъ входить потихоньку.

— Благодарю васъ, Хёттонъ, благодарю васъ, это очень мило съ вашей стороны. И вотъ что еще, Хёттонъ...

Да, миссъ,—Дворецкій остановился съ большимъ вазономъ бѣлыхъ лилій въ рукѣ.

— Вы скажете словечко Диксонъ, если кто-нибудь придетъ—объ этомъ нѣтъ надобности докладывать леди Генри. Я сама ей завтра скажу.

— Слушаю, миссъ. Диксонъ сейчасъ пойдетъ ужинать.

Дворецкій ушелъ. Жюли осталась одна въ большой гостиной, освѣщенной теперь одной только лампой и яркимъ огнемъ въ каминѣ. И нея вдругъ захватило дыханіе отъ собственной дерзости. Что она надѣлала? Человѣкъ восемь-десять, навѣрное, захотятъ войти—восемь-десять «интимныхъ друзей» леди Генри. Что если леди Генри дознается? И какъ разъ теперь, когда онѣ только что заключили миръ между собою.

Жюли шагнула къ двери, какъ будто хотѣла кликнуть дворецкому, потомъ остановилась. Мысль, что черезъ часъ Гарри Уорквортъ бу-

детъ въ двухъ шагахъ отъ нея и ей нельзя будетъ его увидать, мучительно жгла ей сердце и мозгъ, отуманивая ея свѣтлый умъ, обыкновенно работающій вполнѣ сознательно. Она сама чувствовала въ себѣ глубокую внутреннюю перемѣну. Жизнь была достаточно тяжела и до того, какъ герцогиня бросила ей свой намекъ. Но ужъ послѣ того!..

Что, если онъ обманулъ ее тогда, у леди Губертъ? И подъ наплывомъ страсти ея проницательность и знаніе людей не измѣняли ей. Въ глубинѣ души она знала, что это вполнѣ возможно, что онъ могъ обмануть ее. Но это только усиливало въ ней сознаніе опасности, которое въ данномъ случаѣ было однимъ изъ элементовъ самой страсти.

— Ему нужны деньги, конечно, ему нужны деньги,—лихорадочно повторяла она сама себѣ, — но я найду средства. Зачѣмъ ему жениться теперь, такъ рано? Это только свяжетъ ему руки.

И опять она остановилась передъ зеркаломъ, и снова воображеніе ея вызвало въ зеркалѣ тотъ же нѣжный и грозный образъ ея собственной кузины, родной племянницы ея матери!

Какъ это странно! Гдѣ теперь эта маленькая кисейная барышня? въ какой тихой пристани, созданной деньгами, семьей и привязанностью къ ней семьи, окруженная баловствомъ, которое даютъ только деньги? Съ крутизны своей собственной трудной борьбы Жюли ле-Бретонъ съ болѣзненнымъ презрѣніемъ смотрѣла на эту барышню. Она слышала, что мать и дочь на обратномъ пути изъ Индіи остались на время погостить за границей, но что барышня стремится домой въ Англію. Жюли не вѣрилось, чтобъ она скучала только о своемъ садѣ, лошади, любимыхъ собакахъ,—нѣтъ она груститъ объ этомъ стройномъ молодомъ офицерѣ, который черезъ нѣсколько минутъ, можетъ быть, постучится въ дверь леди Генри, чтобы увидать ея кузину, невѣдомую и незнакомую ей, Эйлинъ Моффатъ. Отъ этихъ мыслей кровь безумно стучала въ виски Жюли. Сколько это еще ждать, пока онъ придетъ?

— Ея сіятельство проситъ васъ къ себѣ, миссъ.

Голосъ принадлежалъ Диксонъ, и Жюли поспѣшно обернулась, моментально овладѣвъ собою. Она поднялась по крутой старомодной лѣстницѣ въ верхній этажъ, гдѣ находились комнаты леди Генри. Ея спальня находилась на концѣ дома, чтобъ до нея не доносилось никакого шумъ. Это была старомодная комната, убранная въ стилѣ года вступленія на престолъ королевы Викторіи, но ея хозяйка, умѣвшая такъ хорошо подбирать и сохранять драпировки и картины въ гостиной, здѣсь не позволяла ни до чего дотрогиваться. «Это мнѣ нравится нетерпѣливо», говорила она, когда ея толстая невѣстка убѣждала ее выбѣлить потолки и перемѣнить обивку мебели. — Это безобразно ну и пусть,—я вѣдь тоже безобразна.

Въ этотъ вечеръ она дѣйствительно очень была не въ духѣ. Она лежала высоко на подушкахъ, мучимая своимъ обычнымъ бронхитомъ и

ревматической болью въ спинѣ, сдвинувъ брови и крѣпко сжавъ свои сильныя руки, какъ будто ей стоило огромныхъ усилій не пренебречь увѣщаніями служанки, доктора и собственнаго благоразумія.

— Что это вы одѣлись?—сказала она, когда Жюли Ле-Бретонъ вошла въ ея спальню.

— Я узнала о вашемъ рѣшеніи только послѣ обѣда, а одѣлась я до обѣда.

Леди Генри осмотрѣла ее отъ ногъ до головы, какъ кошка готовая броситься.

— Вы не принесли мнѣ писемъ для подписи?

— Нѣтъ, я думала, что это вамъ будетъ трудно.

— Я вѣдь говорила, что ихъ нужно отправить сегодня. Будьте такъ добры принести ихъ сейчасъ же.

Жюли принесла письма. Съ вздохами и стонами, которыхъ она не въ состояніи была подавить, леди-Генри прочла и подписала ихъ, потомъ попросила, чтобы Жюли ей почитала. Та сѣла читать, вся дрожа отъ волненія. Какъ быстро передвигались стрѣлки на часахъ леди-Генри!

Къ счастью, леди Генри уже клонило ко сну, частью отъ слабости, частью благодаря принятой ею дозѣ брома.

— Не слышу ничего—сказала она, нетерпѣливо протягивая руку. Могли бы вычитать по громче. Конечно я не прошу васъ кричать. Благодарю васъ, достаточно. Спокойной ночи. Велите Хёттону позаботиться о томъ, чтобы въ домѣ было тихо. Тамъ вѣроятно будутъ стучать и звонить, но если хорошенько затворить двери, мнѣ не будетъ слышно. Вы идете спать?

— Я посижу еще немного. Мнѣ нужно написать нѣсколько писемъ. Но я не буду сидѣть поздно.

— Еще бы, зачѣмъ же вамъ сидѣть?—колко замѣтила леди Генри и повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

Жюли спускалась съ лѣстницы съ сильно бьющимся сердцемъ, тщательно закрывая за собою всѣ двери. Когда она дошла до швейцарской, было уже половина одиннадцатаго. Она поспѣшила въ библіотеку, большую обшитую панелями комнату, примыкавшую къ столовой. Какая она стала уютная, когда Хёттонъ убралъ ея цвѣтами! Жюли вдругъ сдѣлалось страшно весело. Легкой, скользящей походкой она переходила отъ кресла къ креслу, инстинктивно разставляя ихъ такъ, какъ это дѣлалось обыкновенно въ гостиной. Она по своему переставила цвѣты, зажгла еще лампу, выдвинула одинъ столъ дальше впередъ, а другой отодвинула къ стѣнѣ. Какая это всетаки прелестная старая комната, и какая жалость, что леди Генри такъ рѣдко пользуется ею! Библіотека была обшита темнымъ дубомъ, тогда какъ гостиная была бѣлая, но картины, висѣвшія здѣсь, выдѣлялись на этомъ темномъ фонѣ еще лучше, чѣмъ на верху. Этотъ великолѣпный

Лауренсъ «рыжій мальчикъ» въ блестящемъ атласѣ, эта пара Хёппнеровъ—кто видѣлъ ихъ раньше!

Если прибавить еще нѣсколько свѣчей, картины будутъ выглядѣть еще лучше.

Громкій стукъ и звонокъ. Жюли затаила дыханіе.

А, громкій голосъ въ передней. Она подошла къ камину и стала, съ виду спокойно читая вечернюю газету.

— Капитанъ Уорквортъ спрашиваетъ, не можете ли вы его принять на нѣсколько минутъ, миссъ. Онъ очень желалъ бы лишь спросить васъ о здоровьи ея сіятельства.

— Пожалуйста, попросите его сюда, Хёттонъ.

Хёттонъ стушевался, а молодой человѣкъ вошелъ.

Жюли, возвысивъ голосъ, сказала:

— Помните, пожалуйста, Хёттонъ, что я особенно желаю видѣть герцогиню. Хёттонъ поклонился и вышелъ. Уорквортъ подошелъ къ ней.

— Какое счастье застать васъ здѣсь и одну!

Онъ бросилъ на нее быстрый испытующій взглядъ, потомъ наклонился и поцѣловалъ ея руку.

«Онъ хочетъ знать, разсѣялись ли мои подозрѣнія», пояснила себѣ Жюли этотъ взглядъ. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ думать, что разсѣялись.

— Тссъ...—сказала она приложивъ палецъ къ губамъ.—Самое главное, чтобы леди Генри не услыхала.

Она усадила своего нѣсколько изумленнаго гостя въ кресло у камина и сама сѣла напротивъ, съ необычайнымъ оживленіемъ въ лицѣ и въ движеніяхъ.

— Развѣ это не забавно? Развѣ эта комната не очаровательна? Я думаю, что я могла бы недурно принимать гостей,—она оглядѣлась вокругъ—въ своемъ собственномъ домѣ.

— Вы съумѣли бы принять ихъ на чердакѣ, въ конюшнѣ, —воскликнулъ онъ.—Но что все это значитъ? Объясните!

— Леди Генри больна и лежитъ въ постели. Она очень сердита, бѣдная леди Генри! Она думаетъ, что я тоже легла спать, но вы видите, вы проникли сюда насильно, неправда ли?—для того, чтобы подробнѣе узнать о леди Генри.

Она наклонилась къ нему, глаза ея такъ и прыгали отъ радости.

— Но разумѣется! И что же, за мною послѣдуетъ цѣлая толпа столь же ревностныхъ почитателей леди Генри или...

Онъ, улыбаясь, придвинулъ свой стулъ ближе къ ней. Она, напротивъ, отодвинулась.

— Безъ сомнѣнія, человѣкъ шесть семь пожелаютъ лично узнать о ея здоровьи,—смиренно сказала она.—Но, пока они не пришли—тонъ ея измѣнился,—имѣете вы что-нибудь сообщить мнѣ?

— Кучу новостей,—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана письмо.—

Вашему приказу, моя царица, повинуются въ свѣтѣ такъ же охотно, какъ и вездѣ.—И онъ протянулъ ей конвертъ.

Она покраснѣла.

— Вы получили надѣлъ? Я знала, что вы получите, Леди Фрозвикъ обѣщала.

— И еще какой огромный!—воскликнулъ онъ.—Всѣ мои пріятели завидуютъ мнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ тоже получили небольшіе участки и уже продали ихъ. Я же, послушавшись добраго совѣта, хочу продержать свои еще денька три. Цѣна на нихъ, пожалуй, еще подымется. Но какъ бы тамъ ни было, вотъ здѣсь,—онъ тряхнулъ конвертомъ,—здѣсь свобода отъ долговъ, душевное спокойствіе,—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ школы,—возможность прилично, а не по-нищенски экипироваться при поѣздкѣ въ Африку, если я поѣду! Все это заключается вотъ въ этомъ клочкѣ бумаги, и все это дѣло рукъ одной моей знакомой. Фея крестная! Скажите сами, какъ благодарить васъ?

Молодой человѣкъ понизилъ голосъ. Его голубые глаза, сослужившіе ему не одну службу въ разныхъ частяхъ свѣта, не отрываясь смотрѣли на собесѣдницу; полныя губы вздрагивали, казалось отъ ребяческаго удовольствія. Никогда еще человѣкъ не сознавался такъ искренно и такъ красиво въ томъ, что онъ радуется деньгамъ.

Жюли поспѣшила остановить его. Быть можетъ, она инстинктивно чувствовала, что есть выраженія благодарности, которыя мужчинѣ унизительно вспоминать, какъ бы щедро онъ ни расточалъ ихъ въ данный моментъ,—услуги, которыя со временемъ легко могутъ быть поставлены не въ зачетъ, а на счетъ оказавшему ихъ. Она почти надменно спросила: что же она такого особеннаго сдѣлала?—только мимоходомъ замолвила словечко леди Фрозвикъ. Кому-нибудь надо же раздавать надѣлы. Она рада, конечно, очень рада, если это снимаетъ тяжесть съ его души...

Такимъ образомъ, она освободила и его, и себя отъ тягостной благодарности, и они стали обсуждать, какія у него были шансы на назначеніе начальникомъ миссіи.

Профессоръ академіи генеральнаго штаба былъ, несомнѣнно, опаснымъ соперникомъ. Главнокомандующій, до сихъ поръ благосклонно относившійся къ ходатайствамъ за Уоркворта со стороны многихъ высокопоставленныхъ лицъ завсегдатаевъ леди Генри, въ томъ числѣ генерала Макъ-Джиля, теперь склонялся въ пользу новаго кандидата, за котораго очень хлопотали вліятельные люди въ Египтѣ. У него на совѣсти было два-три недавнихъ назначенія не изъ очень удачныхъ, а профессоръ, помимо блестящей военной репутаціи, былъ человѣкъ безукоризненно честный, дѣльный и бѣдный, безъ знатныхъ родственниковъ, слѣдовательно, его назначеніе должно было произвести во всѣхъ смыслахъ отличное впечатлѣніе.

Нельзя ли еще что-нибудь сдѣлать—найти какіе-нибудь новые пути?

Они стали перебирать имена. Жюли была такъ же хорошо освѣдомлена относительно источниковъ протекціи, какъ и самъ Уоркворть. Ея живой умъ быстро изобрѣталъ новыя уловки, новыя средства воздѣйствія. Но она не болтала о нихъ и не хвасталась ими. А между тѣмъ, когда онъ говорилъ съ ней, каменныя стѣны какъ будто разступались, передъ нимъ открывались радужныя перспективы надежды, и его уныніе проходило безслѣдно. Она умѣла найти нужное слово, шутку, намёкъ, чтобы поострекнуть его къ новому усилію ума или воли. Все время она успокоивала и тѣшила самолюбіе своего собесѣдника, окружая его словно оранжерейной атмосферой, тепла и довольства, съ тѣмъ особымъ, присущимъ ей искусствомъ, которое дѣлало разговоръ съ ней наслажденіемъ для этого честолюбиваго и раздражительнаго человѣка, получившаго на своемъ вѣку больше ударовъ, чѣмъ ласкъ отъ судьбы.

— Не знаю, какъ это выходитъ,—объявилъ Уоркворть, но когда я поговорю съ вами десять минутъ, мнѣ кажется, что весь свѣтъ перемѣнился. Небо было черное, какъ чернила, а теперь стало розовое. Но что, если все это миражъ, а вы волшебница, создавшая его?

Онъ улыбнулся ей отъ избытка восторга. Возлѣ Жюли ле-Бретонъ трудно было оставаться совсѣмъ хладнокровнымъ; она такъ умѣла курить фиміамъ, возбуждать въ человѣкѣ, которой ей нравился, такое довольство самимъ собой, что это невольно отражалось и на ней.

— Это ужъ мой рискъ,—сказала она, слегка пожавъ плечами. Если вы, благодаря мнѣ, увѣруете въ удачу, а потомъ ничего не выйдетъ...

— Надѣюсь, я сумѣю сдержать себя какъ слѣдуетъ,—воскликнулъ Уоркворть. Видите ли, вы сами не понимаете,—простите меня,—какую огромную роль во всемъ этомъ играетъ ваше личное обаяніе. Когда человѣкъ разговариваетъ съ вами, ему хочется нравиться вамъ, и онъ говоритъ то, что вамъ нравится, а потомъ идетъ домой и...

— Рѣшаетъ, что онъ не дастъ себя одурачить,—улыбаясь, докончила она. Но развѣ не въ этомъ все искусство, когда вы угадываете, къ чему клонится дѣло, умѣть перевѣсить въ данный моментъ множество другихъ вліяній?

— Монтрезоръ въ роли океана и надъ нимъ борьба бушующихъ встрѣчныхъ вѣтровъ...—улыбнулся Уоркворть.—Что же, другъ мой, будьте луной для этихъ водъ, а бѣдный смертный будетъ смотрѣть и надѣяться!—Онъ наклонился впередъ и сквозь отблескъ огня взоры ихъ встрѣтились. Она была такъ спокойна, такъ проста, казалось такъ мало податливой въ эту минуту, что, помимо благодарности и польщеннаго тщеславія Уоркворть ощутилъ новое и странное волненіе въ крови. Но тотчасъ же сдержалъ себя. Надо быть на сторожѣ и для себя, и для нея. До сихъ поръ онъ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя.

Ни въ чемъ! Онъ никогда не предлагалъ себя въ любовники, въ будущіе мужья. Оба они были esprits forts, они понимали другъ друга. Что же касается малютки Эйлинъ, мало ли что случилось или можетъ случиться, во всякомъ случаѣ говорить объ этомъ неудобно: это не его тайна. И притомъ женщина въ положеніи Жюли ле-Бретонъ и съ ея умомъ отлично понимаетъ всѣ невыгоды своего положенія. Бѣдная Жюли, будь она леди Генри, какую бы она сдѣлала блестящую карьеру! Его очень интересовали ея происхожденіе и родители, но онъ почти ничего не зналъ о нихъ; съ нимъ она всегда избѣгала этой темы. Онъ зналъ, что ея родители были англичане, жившіе и умершіе за границей; леди Генри встрѣтилась съ ней случайно и привезла ее въ Англію. Но должно быть въ ея прошломъ есть что-нибудь, объясняющее ту рѣдкую свободу и непринужденность, съ которой она умѣетъ держаться и выдѣлиться въ обществѣ, слывущемъ въ Англіи за лучшее.

Встрѣтивъ его взглядъ, такой задумчивый, внимательный и нѣжный, Жюли, должно быть, отчасти угадала его мысли. Она слегка покраснѣла и заговорила о другомъ.

— Сегодня всѣ ужасно запоздали. Какъ будетъ непріятно, если герцогиня не пріѣдетъ.

— Герцогиня очаровательное созданіе, но только не для меня,— со смѣхомъ сказалъ Уорквортъ; она терпѣть меня не можетъ. Ахъ вотъ и она!

Раздался громкій звонокъ и затѣмъ шаги въ швейцарской.

— О, Жюли!—И въ комнату ворвался бѣлый смерчъ, впереди котораго мелькали крошечные бѣлые атласные башмачки.—Какая вы умница! Вотъ ангелъ то! Тетя Флора въ постели, а вы здѣсь, внизу. А я то приготовилась проглотить огромную дозу горькихъ пилюль! Какое облегченіе! А! Какъ вы поживаете?

Послѣднія слова были произнесены уже совсѣмъ другимъ тономъ. Герцогиня въ первый разъ замѣтила молодого офицера, сидѣвшаго въ тѣни у камина, и натянуто, нѣсколько высокомѣрно протянула ему свою маленькую ручку, затѣмъ обратилась къ Жюли.

— Милочка, тамъ цѣлая толпа внизу! Мистеръ Монтрезоръ и какой-то генералъ, и Джэкобъ и д-ръ Мередитъ съ какимъ то французомъ, и старый лордъ Лэкинтонъ и Богъ вѣсть, что тамъ еще. Хѣттонъ сказалъ мнѣ, что я могу войти, а я сказала, что пойду первая на развѣдки. А теперь скажите вы, что дѣлать Хѣттону. Надо какъ-нибудь рѣшить. Кареты все подъѣзжаютъ.

— Я пойду поговорю съ Хѣттономъ—сказала Жюли и поспѣшила въ швейцарскую.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КОНДОРЪ.

Сонетъ.

Громады горъ, зазубренныя скалы
Изъ океана высятся грядой.
Подъ ними берегъ, дикій и пустой,
Надъ ними—кондоръ, тяжкій и усталый.

Померкъ закатъ,—въ ущелья и провалы
Нисходитъ ночь. Гонимый темнотой,
Уродливо-плечистый и худой,
Онъ медленно спускается на скалы.

И дикій крикъ, звенящій крикъ тоски,
Вдругъ раздается жалобно и властно
И замираетъ въ небѣ. Но безстрастно

Синѣетъ море. Скалы и пески
Скрываетъ ночь. И вѣетъ на вершинѣ
Дыханьемъ смерти,—холодомъ пустыни.

Ив. Буниnъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА *).

II.

Противопоставляя прежніе взгляды на органическіе виды господствующему нынѣ трансформистскому взгляду, мы можемъ формулировать это коренное различіе слѣдующимъ образомъ. Ботаники и зоологи стараго толка вѣрили, что при сотвореніи міра появилось на свѣтъ извѣстное количество формъ животныхъ и растеній, рѣзко отграниченныхъ въ своихъ признакахъ и не связанныхъ между собою никакими переходами. А такъ какъ признаки при размноженіи переходятъ къ потомству, то такимъ образомъ извѣстная группа признаковъ, носителемъ которой является данная форма, не претерпѣваетъ измѣненій во все продолжительное время существованія на землѣ данной формы. Правда, и въ предѣлахъ одной и той же формы существуютъ нѣкоторыя различія въ признакахъ, позволяющія намъ распознавать особей. Извѣстно, какимъ наивнымъ способомъ систематики покончили съ происходившимъ отсюда противорѣчіемъ. Признаки, измѣняющіеся отъ особи къ особи, говорили они, суть признаки несущественные, второстепенные. На вопросъ же о томъ, какъ разграничить существенные признаки отъ несущественныхъ, они весьма резонно отвѣчали: существенными признаками должны считаться тѣ, которые не подвержены колебаніямъ или измѣненіямъ.

Скоро, однако, возникъ другой вопросъ, рѣшеніе котораго роковымъ образомъ привело къ признанію извѣстной измѣнчивости, нѣкотораго непостоянства органическихъ формъ; уже бѣглое ознакомленіе съ флорой и фауной любой мѣстности показываетъ, что организмы группируются по большей или меньшей степени сходства въ естественныя группы, обозначаемыя нами, какъ виды, роды семейства и т. д. Въ то время, какъ понятія—семейство, классъ и т. д. суть продукты научной мысли, родовыя различія обращали на себя вниманіе народа еще задолго до возникновенія научной систематики и различные роды

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ, 1902 г.

получили свои народныя названія: такъ народъ отличаетъ иву (salix) отъ тополя (populus) (не подозрѣвая ихъ принадлежности къ одному семейству), березу (betula) отъ ольхи (alnus) и т. д. Въ другихъ случаяхъ народъ снабдилъ отдѣльными именами меньшія группы, соотвѣтствующія нашимъ нынѣшнимъ видамъ; такъ, народъ отличаетъ осину (populus tremula) отъ тополя (populus alba). Передъ систематиками XVII-го вѣка возникалъ вопросъ: какимъ изъ этихъ группъ приписать независимое возникновеніе при сотвореніи міра—большимъ или меньшимъ? Турнефоръ (Tournefort, 1656—1708) давъ извѣстнымъ ему родамъ растеній ихъ научную номенклатуру, этимъ самымъ какъ бы рѣшилъ вопросъ въ пользу бо́льшихъ группъ: родъ выдвигался при этомъ какъ та первичная, самой природой намѣченная, послѣдняя единица системы, которой приписывалось самостоятельное возникновеніе при сотвореніи міра. Виды же являлись съ этой точки зрѣнія второстепенными подгруппами, на которыя въ теченіе времени распались первичныя родовыя группы, путемъ трансмутаціи, т.-е. путемъ постепеннаго частичнаго измѣненія признаковъ. Соотвѣтственно этому виды не получили особыхъ наименованій. Говоря о какомъ-нибудь растеніи, Турнефоръ и его современники называли родъ, а затѣмъ приводили нѣсколько признаковъ, долженствовавшихъ указать, о какой подгруппѣ даннаго рода идетъ рѣчь. По мѣрѣ того, какъ детальное изученіе знакомило ученыхъ со все бо́льшимъ числомъ видовъ одного рода, эта добавочная характеристика все удлинялась, такъ какъ требовалось описаніе многихъ признаковъ (nomen specificum).

Охарактеризованный выше взглядъ, по которому роды были первичными продуктами творческаго акта, виды же произошли изъ нихъ путемъ трансмутаціи, имѣлъ многихъ приверженцевъ среди ученыхъ того времени. Самъ Линней первоначально придерживался его: онъ вѣрилъ, что всѣ органическія формы сотворены были въ раю сразу, но при этомъ предполагалъ, что формы эти соотвѣтствовали нашимъ нынѣшнимъ родамъ (genus), которые уже впослѣдствіи раскололись на виды, отчасти въ силу прямыхъ измѣненій, отчасти вслѣдствіе скрещиванія.

Впослѣдствіи, однако, Линней перемѣнилъ этотъ взглядъ, причемъ перемѣна эта находилась въ связи съ введеніемъ придуманной имъ такъ называемой двойной номенклатуры. Чтобы устранить длинныя видовыя характеристики, загромождавшія собою научные трактаты, когда рѣчь шла о какихъ-нибудь опредѣленныхъ видахъ, Линней снабдилъ каждый видъ особымъ наименованіемъ, которое и стало фигурировать на ряду съ родовымъ именемъ для точной характеристики органическихъ формъ. Эта перемѣна, хотя и чисто формальная, подготовила, однако, и перемѣну въ самыхъ взглядахъ на значеніе отдѣльныхъ систематическихъ группъ; въ двойной номенклатурѣ особенно рѣзко подчеркивался сборный характеръ рода, виды же получали бо-

лѣе индивидуальный отпечатокъ. И чтобъ гарантировать новой номенклатурѣ подобающій авторитетъ, Линней не задумался объявить именно «виды» за послѣднія природныя единицы системы, за группы, обязанныя своимъ происхожденіемъ самостоятельнымъ творческимъ актамъ: «Species tot numeramus, quod diversæ formæ in principio sunt creatæ»— таковъ былъ новый девизъ. Однако, уже во времена Линнея было извѣстно, что и въ предѣлахъ вида часто встрѣчаются групповыя различія, носящія столь постоянный характеръ, что нельзя пренебрегать ими и необходимо признать, что и самые виды являются въ большинствѣ случаевъ сборными единицами, состоящими изъ разновидностей. Тутъ то и возникалъ снова вопросъ: являются ли эти новыя сборныя единицы (виды) послѣдними продуктами творческаго акта, расколовшимися впослѣдствіи на болѣе мелкія группы или разновидности, или же приходится сдѣлать еще одинъ шагъ и приписать этимъ именно разновидностямъ самостоятельное происхожденіе, причемъ видъ превратился бы въ такую же искусственную сборную единицу, созданную нами для облегченія оріентировки, какими являются по всеобщему признанію высшія группы (родъ, семейство)? Прогрессъ описательнаго естествознанія неминуемо долженъ былъ привести къ конфликту между разновидностями и видами; уже самъ Линней, сначала не хотѣвшій и слышать о разновидностяхъ, впослѣдствіе различалъ разновидности нѣкоторыхъ видовъ. Такое разграниченіе обыкновенно носило совершенно произвольный характеръ, чѣмъ и вызывались безконечные споры о «хорошихъ видахъ», т.-е. о достаточныхъ или недостаточныхъ основаніяхъ для возведенія какой-нибудь разновидности въ рангъ «вида», или для разжалованія вида въ разновидность.

Споръ о видахъ и разновидностяхъ принялъ особенно рѣзкую форму, когда французскіе ботаники Годронъ и Жорданъ прибѣгнули къ экспериментальному рѣшенію вопроса о постоянствѣ признаковъ разновидностей путемъ культуръ. При этомъ оказалось, что, напримѣръ, линнеевскій видъ весенняя крупка—Draba verna Z. распадается на двѣсти разновидностей, характерные признаки которыхъ рѣзко разграничены и отличаются полнымъ постоянствомъ при посѣвѣ. Спрашивается, какія основанія существуютъ для такого произвольнаго соединенія двухсотъ «элементарныхъ» или «малыхъ» видовъ въ одинъ сборный линнеевскій видъ?

Правда, противъ такого искусственнаго упрощенія, ради облегченія оріентировки, ничего нельзя имѣть, но нужно постоянно помнить, что установленіе и разграниченіе линнеевскихъ видовъ, какъ *группъ сборныхъ*, подвержено различнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ обширности изслѣдованной области, отъ наличности или отсутствія рѣзкихъ скачковъ между элементарными видами, а часто и отъ того, что принято называть научнымъ тактомъ изслѣдователя. Приведемъ примѣръ: есть на Новой Зеландіи видъ кислицы Oxalis corniculata (попадается

и въ Европѣ). Какъ показалъ Кеннингемъ, этотъ видъ составляется въ Новой Зеландіи изъ семи рѣзко разграниченныхъ формъ, «элементарныхъ» видовъ (или, если угодно, разновидностей); растутъ эти семь формъ отдѣльно, переходныхъ формъ неизвѣстно. И если бы намъ были извѣстны только эти семь формъ, говоритъ Гукеръ въ своей «Флорѣ Новой Зеландіи», то мы не задумались бы признать ихъ за семь самостоятельныхъ видовъ. Такъ какъ, однако, въ другихъ странахъ существуютъ формы, являющіяся связующими звеньями между этими семью формами, то Гукеръ причисляетъ ихъ всѣхъ къ упомянутому коллективному (линнеевскому) виду (Oxalis corniculata). Случись однако, что въ какой-нибудь странѣ переходная форма вымерла бы, тогда въ установленныхъ коллективныхъ видахъ произошла бы перетасовка.

Совсѣмъ иное дѣло установить принадлежность къ тому или иному изъ упомянутыхъ семи элементарныхъ видовъ: виды эти не смѣшиваются между собой и точно воспроизводятъ свои признаки, слѣдовательно, принадлежность къ тому или иному изъ нихъ можетъ быть рѣшена путемъ высѣванія.

Изъ вышеизложеннаго видно, что ближе всѣхъ къ современнымъ трансформистскимъ взглядамъ подошла школа Турнефора (трансмутаціонисты), признававшая возникновеніе видовъ въ предѣлахъ рода. Приверженцы линнеевскаго взгляда,—а ихъ было огромное большинство,—должны были раньше или позже почувствовать непрочность своей точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, допускать возможность постепеннаго развитія разновидностей въ предѣлахъ родоначальнаго вида, и рѣшительно отвергать всякую мысль о возможности развитія видовъ въ предѣлахъ родоначальнаго рода—развѣ это не логическій абсурдъ, разъ всякій можетъ доказать всю шаткость и произвольность разграниченія между видомъ и разновидностью? Вотъ почему Дарвинъ направилъ именно на этотъ слабый пунктъ цѣлую артиллерію вѣскихъ доводовъ, общій смыслъ которыхъ сводился къ тому, что если признавать постепенное образованіе разновидностей, то нужно признать и постепенное образованіе видовъ.

Наиболѣе недоступную позицію занимала школа Жордана, доказывавшая экспериментальнымъ путемъ не только объективное значеніе «элементарныхъ видовъ», но и ихъ неизмѣняемость. Эта реабилитація элементарныхъ видовъ, какъ отвѣчныхъ и неизмѣнныхъ продуктовъ отдѣльныхъ творческихъ актовъ, была для Жордана центральнымъ пунктомъ спора. Можно, однако, и съ точки зрѣнія трансформизма придавать значеніе понятію элементарнаго вида и подчеркивать коллективный характеръ линнеевскихъ видовъ, какъ это дѣлаетъ теперь Де-Фризъ, но съ прямо противоположной цѣлью: найти послѣднія единицы естественной системы, какъ истинные объекты процесса новообразованія

органическихъ формъ, какъ бы эти единицы ни назывались: разновидностью, расой или элементарнымъ видомъ.

Мы увидимъ ниже, что тѣ органическія формы, возникновеніе которыхъ намъ удается непосредственно наблюдать, больше всего подходятъ къ категоріи «элементарныхъ видовъ»; теперь же разсмотримъ самое явленіе измѣняемости. Само собою понятно, что образованіе новаго вида всегда должно брать свое начало съ уклоненій отдѣльныхъ особей. Разумѣется также, что уклоненія не могутъ ограничиваться несущественными признаками, не говоря уже о неосновательности такого дѣленія на существенные и несущественные (признаки). Доказать существованіе и широкое распространеніе такихъ уклоненій, могущихъ послужить исходнымъ пунктомъ для образованія новыхъ видовъ—была первая задача, которой Дарвинъ и Уоллесъ посвятили много труда и времени. Еще въ 1889 году Уоллесъ писалъ въ своемъ «Дарвинизмѣ»: «У всѣхъ до того вошло въ привычку говорить объ измѣняемости, какъ о чемъ-то исключительномъ и сравнительно рѣдкомъ, какъ о ненормальномъ уклоненіи отъ однообразія и постоянства видовыхъ признаковъ, и даже между натуралистами столь немногіе производили тщательное сравненіе большаго числа особей, что представленіе объ измѣняемости, какъ общемъ свойствѣ всѣхъ многочисленныхъ и широко распространенныхъ видовъ, притомъ въ большихъ размѣрахъ и распространяющейся не на немногихъ, а на значительное число особей, входящихъ въ составъ вида, было совершенно новымъ» («Дарвинизмъ», русск. перев., стр. 182).

Вотъ почему Уоллесъ считалъ одной изъ главныхъ задачъ своей книги «доказать, на множествѣ частныхъ случаевъ, что животныя и растенія *дѣйствительно* постоянно *измѣняются* въ требуемомъ направленіи и размѣрѣ, и что это относится какъ къ дикимъ, такъ и къ одомашненнымъ формамъ». Въ этихъ выраженіяхъ чувствуется, что Уоллесъ писалъ значительно позже Дарвина и считался со многими возраженіями, сдѣланными въ сравнительно недавнее время. Однимъ изъ главныхъ спорныхъ вопросовъ являлся въ то время вопросъ о такъ называемой «подборной цѣнности» личныхъ уклоненій. Многіе спрашивали себя: могутъ ли личныя уклоненія достигнуть такого размѣра, чтобы получить рѣшающее значеніе въ вопросѣ быть или не быть особи? И не должно ли предшествовать накопленіе личныхъ уклоненій въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, прежде чѣмъ возникнетъ признакъ, способный стать объектомъ естественнаго отбора? Могла ли большая тонкость осязанія, свойственная кончику языка, по сравненію съ другими частями нашего тѣла, оказать рѣшающее вліяніе на выживаніе одаренныхъ ею особей? спрашивалъ Спенсеръ. Самъ Дарвинъ хотя и признавалъ, что многія уклоненія слишкомъ незначительны, чтобы имѣть жизненное значеніе, но все же категорически заявлялъ, что «въ природномъ состояніи малѣйшее различіе въ строеніи или общемъ

складѣ можетъ перетянуть тонко уравновѣшенную чашку вѣсовъ, доставить преимущество въ борьбѣ и въ силу этого сохраниться» («Происх. видовъ», стр. 56). Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Плате, Дарвинъ не достаточно подчеркивалъ, что измѣненіе лишь тогда имѣетъ значеніе для отбора, если всѣ особи, не обладающія такимъ уклоненіемъ, раньше или позже должны погибнуть.

Уоллесъ въ цитированномъ выше сочиненіи исходитъ изъ того, что всѣ уклоненія имѣютъ подборную цѣнность, но не пытается полнѣе обосновать это свое предположеніе. Болѣе основательно сдѣлалъ это въ послѣднее время Плате. Онъ перечисляетъ цѣлыхъ шесть вспомогательныхъ факторовъ, благодаря которымъ первоначально незначительныя уклоненія могутъ постепенно достигнуть такой величины, при которой они уже имѣютъ подборную цѣнность: съ этого момента естественный обзоръ вступаетъ въ свои права. Съ нѣкоторыми изъ этихъ вспомогательныхъ факторовъ мы еще познакомимся ближе въ послѣдующемъ. Пока напомню только,—споръ о подборной цѣнности привелъ къ категорическому признанію, что «нѣтъ возможности въ данномъ частномъ случаѣ указать размѣръ подборной цѣнности, и часто даже невозможно установить, имѣетъ ли тотъ или иной, повидимому полезный органъ подборную цѣнность» (Plate стр. 38).

Такимъ образомъ скептицизмъ, исходящій изъ вопроса о подборной цѣнности уклоненій, наталкивается на задачу недоступную рѣшенію при помощи наблюденія или опыта; но возможна и другая постановка вопроса. Вмѣсто того чтобы спрашивать: настолько ли выгодно данное уклоненіе, чтобы доставить обладающимъ имъ особямъ монополію размноженія? мы спросимъ: если данная особь пережила и получила возможность размножаться вслѣдствіе обладанія безспорно полезнымъ уклоненіемъ, то всегда ли это полезное уклоненіе перейдетъ въ томъ же самомъ или въ еще большемъ размѣрѣ и на потомство счастливой особи?

Значеніе этого вопроса для теоріи образованія видовъ очевидно. Для этой теоріи измѣнчивость не можетъ трактоваться сама по себѣ, а лишь въ связи съ необходимымъ коррелятивомъ-наслѣдственностью.

Вотъ почему Уоллесъ ставитъ рядомъ съ первой своей задачей вторую: «мы должны доказать, говоритъ онъ, что *всевозможныя* измѣненія могутъ быть усилены и накоплены путемъ подбора и что если какое нибудь измѣненіе сохраняется и поддерживается размноженіемъ, оно можетъ развиваться до *огромныхъ* размѣровъ, что имѣетъ важное значеніе въ вопросѣ о происхожденіи видовъ». («Дарвинизмъ» стр. 17—19; курсивъ мой). Самъ Дарвинъ еще не проводилъ рѣзкой черты между различными типами измѣнчивости, которые всѣ сливались для него въ одинъ непрерывный рядъ (см. ниже), и не ставилъ различныхъ степеней наслѣдственности уклоненій въ зависимость отъ принадлежности этихъ уклоненій къ различнымъ типамъ измѣнчивости. Общій резуль-

татъ былъ для Дарвина тотъ, что «если уклоненія, полезныя для какого нибудь организма, когда нибудь проявляются, то обладающіе ими организмы, конечно, будутъ имѣть всего болѣе шансовъ на сохраненіе въ борьбѣ за жизнь, а въ силу могучаго начала наслѣдственности они обнаружатъ стремленіе передать ихъ потомству». (Происхожд. видовъ стр. 84).

Здѣсь, какъ и вездѣ подчеркивается только полезность уклоненій. Ясно, однако, что въ данномъ случаѣ смѣшивались двѣ совершенно разныя стороны явленія: вопросъ о полезности уклоненія для особи при данныхъ условіяхъ, и вопросъ о томъ, какимъ требованіямъ должны вообще отвѣчать уклоненія, для того чтобы сдѣлаться матеріаломъ для новообразованія органическихъ видовъ.

Сознаніе необходимости изслѣдовать вопросъ именно съ этой стороны постепенно завладѣвало умами естествоиспытателей и въ связи съ болѣе детальнымъ изученіемъ явленій измѣнчивости, содѣйствовавшимъ распознанію различныхъ формъ измѣнчивости и различныхъ законовъ, ею управляющихъ, привела къ той постановкѣ вопроса, которая будетъ охарактеризована въ послѣдующемъ.

Чрезвычайно любопытенъ тотъ фактъ, что наблюденія и размышленія, направленныя къ такому разграниченію различныхъ типовъ измѣнчивости и изученію отдѣльныхъ типовъ въ ихъ значеніи для образованія видовъ, почти одновременно занимали нѣсколькихъ естествоиспытателей, совершенно независимо другъ отъ друга. Такъ ботаникъ *С. И. Коржинскій*, въ лицѣ котораго русская наука недавно понесла такую тяжелую утрату, напечаталъ въ концѣ 1899 года первый томъ сочиненія *), посвященнаго разработкѣ этого вопроса. Спустя годъ начала выходить въ свѣтъ работа амстердамскаго ботаника *Гуго-де-Фриза*, посвященная тому-же вопросу, но подготовлявшаяся втеченіе 14 лѣтъ **). Совершенно аналогичные взгляды проводилъ кембриджскій зоологъ Бэтезонъ ***) въ сочиненіи, появившемся въ 1894 году, и базельскій анатомъ и антропологъ Кольманъ въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ работъ.

Разсмотримъ же прежде всего различныя формы измѣнчивости. Говоря объ измѣнчивости въ обычномъ смыслѣ слова мы разумѣемъ индивидуальныя различія, являющіяся результатомъ того, что «не всѣ особи одного вида отлиты какъ въ одну форму» (Дарвинъ). Эта форма измѣнчивости имѣетъ самое широкое распространеніе, какъ можетъ

*) С. И. Коржинскій. Гетерогенезисъ и эволюція. Къ теоріи происхожденія видовъ. Въ Запискахъ Императ. академіи наукъ. VIII серія, томъ IX, № 2.

**) Die Mutationstheorie. Versuche und Beobachtungen über die Entstehung von Arten im Pflanzenreich», von Hugo-de-vries. Leipzig. 1901. Veit и C°. Вышелъ первый томъ въ 3-хъ выпускахъ.

***) Materials for thes tudy of Variation treated with especial regard to discontinuity in the origin of species, by William Bateson. London. 1894. Macmillan and C°.

убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ тщательно сравнить сотню особей одного вида хотя бы въ одномъ только признакѣ (напр. ростъ сотни людей одной расы).

Чтобы изучить законы этихъ измѣненій удобнѣе всего взять за исходный пунктъ признаки, поддающіеся количественному сравненію: длина, ширина, вѣсъ отдѣльныхъ органовъ или цѣлыхъ особей. При этомъ оказывается, что къ индивидуальной измѣнчивости вполнѣ приложимъ законъ большихъ чиселъ, или какъ называлъ его *Кетле* «законъ случайныхъ причинъ» (la loi des causes accidentelles): тамъ, гдѣ постоянныя причины и случайныя измѣнчивыя воздѣйствія принимаютъ участіе въ произведеніи какого нибудь явленія, при большомъ числѣ наблюденій побочныя воздѣйствія взаимно уничтожаются, такъ какъ онѣ дѣйствуютъ въ различныхъ направленіяхъ и выступаетъ постоянный результатъ, соотвѣтствующій постояннымъ причинамъ.

Представляя результаты подсчета графически, а именно нанося ихъ на систему прямоугольныхъ координатовъ, мы получаемъ биноміальную кривую вѣроятности Ньютона и Гауса. Впервые это соотвѣтствіе реальныхъ результатовъ съ теоретической кривой было констатировано Кетле. Затѣмъ оно перенесено въ область ботаники и зоологіи многочисленными учеными (Людвигъ, де-Фризъ и др.).

Изъ всѣхъ вопросовъ, выдвинутыхъ примѣненіемъ статистическаго метода мы коснемся здѣсь только одного, такъ какъ онъ имѣетъ прямое отношеніе къ нашей темѣ, а именно вопроса о предѣлахъ видовъ и о такъ называемый «трансгрессивной измѣнчивости». Исходя изъ того, что каждый отличительный признакъ вида, вообще поддающійся количественному опредѣленію, долженъ имѣть извѣстную среднюю величину и свои предѣлы измѣнчивости, одинъ американскій ботаникъ произвелъ статистическое изслѣдованіе цѣлаго ряда признаковъ у двухъ близкихъ видовъ рогоза, широколистаго—Typha latifolia и узколистаго — Typha angustifolia, совмѣстно попадающихся по берегамъ рѣкъ и озеръ *). Изъ семи признаковъ, изслѣдованныхъ упомянутымъ авторомъ, привожу только результатъ, касающійся ширины листьевъ, въ виду его наглядности. Беря листья вперемежку и измѣряя ихъ ширину находимъ слѣдующее:

Ширина въ миллиметрахъ	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Число особей	12	26	*39*	25	15	6	5	14	11	16	15	*20*	15	12	7	8	1	1	0	2

Представляя этотъ результатъ графически, получаемъ кривую съ двумя вершинами, чего и слѣдовало ожидать, такъ какъ мы не сортировали измѣряемыхъ экземпляровъ по видамъ и стало быть имѣли матеріалъ неоднородный. Изъ разсмотрѣнія полученной графики мы видимъ, что между двумя видами нѣтъ рѣзкой границы: хотя сред-

*) «A precise criten'on of species» by C. B. Davenport and I. W. Blankinship. Science (New York) 20 May, 1898, p. 691.

няя ширина листьевъ у широколистаго рогоза = 15 мм., узколистаго = 6 мм., но и у того и у другого попадаются крайніе варіанты въ ту и другую сторону, такъ что самый узкій листъ широколистаго рогоза Typha latifolia будетъ уже самаго широкаго листа узколистаго вида—Typha angustifolia. Можно, поэтому, собрать двѣ дюжины листьевъ вперемежку съ обоихъ видовъ и положить ихъ въ рядъ, чтобъ получить совершенно непрерывную цѣпь переходовъ. Тотъ фактъ, что крайніе индивидуальные варіанты одного вида заходятъ за предѣлы индивидуальной измѣнчивости другого вида, мы называемъ трансгрессивной (захватывающей) измѣнчивостью. Трансгрессивная измѣнчивость объясняетъ намъ кажущееся противорѣчіе между широкой измѣнчивостью особей и постоянствомъ систематическихъ группъ при размноженіи, объясняетъ кажущееся отсутствіе рѣзкихъ границъ между основными группами системы (видами, разновидностями или элементарными видами): какъ бы далеко ни ушли нѣкоторыя особи одного поколѣнія въ туили иную сторону, въ слѣдующемъ поколѣніи огромное большинство особей снова будетъ группироваться около средней величины признака и крайніе варіанты снова будутъ попадаться въ сравнительно небольшомъ %. Высѣявъ сѣмена, собранныя хотя бы даже съ самаго широколистаго экземпляра Typha angustifolia, мы получимъ новое поколѣніе, несомнѣнно принадлежащее къ материнскому виду, какъ это можно доказать на основаніи цѣлаго ряда другихъ отличительныхъ признаковъ (разстояніе между мужскимъ и женскимъ початкомъ, форма рыльца и др.). Индивидуальная измѣнчивость, слѣдовательно, постоянно возвращается къ своему исходному пункту и въ то же время непрерывна, т.-е. отдѣльные варіанты примыкаютъ другъ къ другу безъ рѣзкихъ промежутковъ; кромѣ того, она носитъ количественный или линейный характеръ, т.-е. уклоненія каждаго признака движутся по одной линіи въ сторону плюса или минуса (Plus und Minusvariationen).

Наряду съ этимъ существуетъ измѣнчивость другого типа—*гетерогенезисъ*, какъ называлъ это явленіе Кёлликеръ и Коржинскій, или *мутація*, какъ называетъ его Гуго де-Фризъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ измѣненій, изъ которыхъ нѣкоторые описаны были уже у Дарвина какъ «единичныя» (single variations), въ противоположность къ индивидуальнымъ (iudividual differences). Цитирую изъ Коржинскаго:

«Въ Массачусетсѣ въ 1791 году отъ обыкновенной породы овецъ однажды родился ягненокъ съ короткими кривыми ногами и длинной спиной, напоминавшій извѣстную форму нашихъ таксъ. Отъ этого полууродливаго ягненка произошла особая

порода «анконовыхъ овецъ», которую разводили вслѣдствіе того, что онѣ не могли прыгать черезъ изгороди. Эта порода была замѣчательна своей прочной наслѣдственностью. И эта столь характерная порода произошла отъ одного экземпляра, неожиданно появившагося отъ нормальныхъ родителей, но съ цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ отличій отъ типичной формы.

Подобный же примѣръ представляетъ происхожденіе одной разновидности мериносовъ, такъ называемыхъ *шелковистыхъ* или *мошанскихъ*. Эта порода получила свое начало отъ одного тщедушнаго и плохо сложеннаго ягненка, родившагося въ 1828 году на фермѣ Мошанъ (Mauchamp) въ департаментѣ Aisne отъ обыкновенныхъ мериносовъ. Выросши онъ оказался безрогимъ, но главное его отличіе состояло въ длинной и мягкой шелковистой шерсти».

Интересенъ отзывъ Дарвина объ этихъ новыхъ расахъ: «Если бы эти расы возникли одно или два столѣтія раньше,— говоритъ онъ,— то мы не имѣли бы точныхъ данныхъ объ ихъ происхожденіи и многіе естествоиспытатели безъ сомнѣнія утверждали бы (особенно относительно мошанской расы), что каждая произошла отъ неизвѣстной родоначальной формы или же была скрещена съ таковой» («Измѣненія животныхъ и растеній», томъ I).

Приводимъ еще другіе примѣры изъ животнаго царства. По словамъ Феликса Азары въ 1770 году въ Южной Америкѣ среди стада быковъ, принадлежащихъ къ рогатой расѣ родился одинъ бычокъ, совершенно лишенный роговъ. Этотъ признакъ сохранился въ его потомствѣ, и, такимъ образомъ, получилась особая раса, такъ называемая *mocho*, которая завладѣла цѣлыми провинціями.

Такъ называемый *черноплечій* павлинъ (Pavo nigripennis) отличается отъ обыкновеннаго павлина цѣлымъ рядомъ признаковъ, весьма прочно передающихся по наслѣдству. Эта порода иногда такъ размножается, что вытѣсняетъ обыкновенную. Однимъ словомъ, она представляетъ всѣ свойства особаго вида, за который и была описана Sclater'омъ. Однако, дико она нигдѣ не встрѣчается, а Дарвинъ приводитъ пять отдѣльныхъ случаевъ внезапнаго появленія черноплечихъ птицъ среди простой породы, разводимой въ Англіи».

«Едва ли можно желать лучшаго доказательства перваго появленія новой разновидности», говоритъ Дарвинъ.

Перейдемъ къ примѣрамъ изъ растительнаго міра. «Chelidonium laciniatum Miller есть форма близкая къ обыкновенному чистотѣлу (Ch. majus); она отличается отъ послѣдняго своими листьями, сегменты которыхъ глубоко перисто-раздѣльные съ узкими и острыми ланцетовидными долями, а также зубчатыми или надрѣзными лепестками». Возникла она, какъ доказали точныя изслѣдованія, въ 1590 году въ саду одного аптекаря Шпренгера (Sprenger) въ Гейдельбергѣ. Шпренгеръ обратилъ вниманіе на это растеніе, столь отличающееся отъ нормальной формы, и послалъ его образцы многимъ выдающимся ботаникамъ. Ее описывали или упоминали ботаники на протяженіи двухъ столѣтій и всѣ единогласно подчеркивали то обстоятельство, «что описываемая форма съ самаго начала оказалась вполнѣ постоянной при размноженіи сѣменами». Филиппъ Миллеръ прямо говоритъ (1768): «Нѣкоторые авторы разсматриваютъ Chelidonium laciniatum, какъ разновидность перваго вида (т.-е. Chel. majus); но я размножалъ ее сѣменами въ теченіе 40 лѣтъ и постоянно наблюдалъ, что растенія, полученныя такимъ образомъ, были точно такія же, какъ и тѣ, отъ которыхъ произошли», и т. д. *).

---

*) С. Коржинскій. «Гетерогенезисъ и эволюція». Къ теоріи происхожденія видовъ. «Записки Импер. академіи наукъ». VIII серія, томъ IX, № 2, стр. 5—7.

Упомяну кратко еще нѣсколько случаевъ. Наиболѣе достовѣрнымъ является возникновеніе въ 1761 году у Дюшена новой разновидности земляники, у которой въ противоположность тройчатымъ листьямъ типичной формы всѣ листья цѣльные, простые, яйцевидно-сердцевидной формы, съ крупными зазубринами по краямъ. Признаки эти точно воспроизводились при размноженіи сѣменами и возникшая внезапно новая раса сохранилась до сихъ поръ. Отъ земляники же возникла въ 1811 году новая раса, отличающаяся отсутствіемъ ползучихъ побѣговъ, столь характерныхъ для типичной формы. Она появилась въ Нормандіи въ видѣ одного экземпляра среди посѣва обыкновенной земляники и съ тѣхъ поръ точно воспроизводится изъ сѣмянъ.

Такимъ же образомъ, т.-е. гетерогенетически возникли низкорослыя разновидности многихъ травянистыхъ растеній и древесныхъ породъ, плакучія и пирамидальныя разновидности нѣкоторыхъ деревьевъ; разновидности съ пурпуровыми листьями (напр. у барбариса) какъ и вообще пестролистыя разновидности многихъ растеній; такимъ же образомъ возникли у различныхъ садоводовъ новыя разновидности цвѣтовъ съ окраской, подчасъ рѣзко отличающейся отъ типичной; махровыя разновидности многихъ растеній, во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, возникли также путемъ гетерогенезиса.

Насколько значительны могутъ быть гетерогенетическія уклоненія, можно видѣть на слѣдующихъ примѣрахъ. Существуетъ гетерогенетическая разновидность мака со сростнолепестнымъ вѣнчикомъ (Papaver bracteatum monopetalum) (всѣ двусѣменодольныя раздѣляются на 2 подкласса, раздѣльнолепестныхъ и сростнолепестныхъ), существуетъ гетерогенетическая разновидность льнянки (Linaria vulgaris) и львинаго зѣва съ правильнымъ вѣнчикомъ, такъ называемыя пелоріи, между тѣмъ какъ во всемъ семействѣ Scrophulariaceae вѣнчикъ неправильный; существуетъ гетерогенетическая разновидность глоксиніи — Gloxinia speciosa var. Tyfiana, которая имѣетъ прямостоячіе цвѣты, вмѣсто поникшихъ, и правильный вѣнчикъ—признаки, чуждые всему семейству Gesneriaceae, и т. д.

Въ приведенныхъ примѣрахъ гетерогенетическое возникновеніе упомянутыхъ разновидностей наблюдалось прямо. Во многихъ другихъ случаяхъ такое происхожденіе только предполагается, но имѣетъ за собою большую вѣроятность. Это особенно относится къ пестролистнымъ и пирамидальнымъ разновидностямъ древесныхъ растеній, которыя были находимы въ дикомъ состояніи въ видѣ отдѣльныхъ особей. Сущность этого явленія заключается въ томъ, что среди потомства, происходящаго отъ нормальныхъ представителей какого-нибудь вида или расы и развивающагося при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, неожиданно появляются отдѣльные индивидуумы, болѣе или менѣе уклоняющіеся въ одномъ или нѣсколькихъ признакахъ отъ остальныхъ и отъ родителей. Эти новые признаки обладаютъ большимъ постоянствомъ

и неизмѣнно передаются по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такимъ образомъ сразу воникаетъ особая раса, столь же прочная и постоянная, какъ и тѣ, которые существуютъ съ незапамятныхъ временъ» (Коржинскій. «Гетерогенезисъ и эволюція», стр. 12).

Итакъ, въ то время, какъ индивидуальная измѣнчивость, подчиненная законамъ вѣроятности, создаетъ болѣе или менѣе рѣзкія количественныя уклоненія отъ средняго состоянія видовыхъ или расовыхъ признаковъ, гетерогенезисъ или мутація создаетъ новые видовые (или расовые) признаки. Законъ возникновенія этихъ новыхъ гетерогенетическихъ признаковъ намъ еще совершенно неизвѣстенъ, и при сравнительной рѣдкости этого явленія, едвали скоро удастся добыть какія-либо точныя данныя о причинахъ и условіяхъ его. Но одно можетъ считаться установленнымъ: разъ появившись, новые признаки становятся неотъемлемымъ достояніемъ вида, разновидности или расы, хотя, что особенно интересно, они подобно старымъ признакамъ, подвергаются индивидуальной измѣнчивости, со всѣми ея вышеперечисленными аттрибутами. Вотъ эта то индивидуальная измѣнчивость гетерогенетическихъ признаковъ лучше всего можетъ послужить для иллюстраціи коренного различія между двуми видами измѣнчивости. Нѣтъ необходимости предполагать, что гетерогенетическія уклоненія отличаются отъ индивидуальныхъ своимъ большимъ размѣромъ; важна не величина уклоненія, а особенный характеръ его, указывающій на нѣкоторую перетасовку элементовъ въ зародышевой плазмѣ. Иной крайній варіантъ положительнаго ряда можетъ на видъ гораздо сильнѣе отличаться отъ крайняго варіанта отрицательнаго ряда, чѣмъ отъ какой-нибудь гетерогенетической особи, однако лишь эта послѣдняя будетъ носительницей новой комбинаціи зародышевыхъ элементовъ.

Приведенные выше случаи гетерогенезиса имѣютъ всѣ ту общую черту, что они сдѣлались извѣстными случайно. Лишь въ самое послѣднее время это явленіе сдѣлалось предметомъ планомѣрнаго экспериментальнаго изслѣдованія. Амстердамскій ботаникъ *Гуо-де-Фризъ*, перепробовавъ множество растеній, напалъ, наконецъ, на одинъ видъ, который на его глазахъ далъ начало цѣлому ряду новыхъ элементарных видовъ; такимъ образомъ получился матеріалъ для болѣе детальнаго изслѣдованія этого явленія. Растеніе это—*Oenothera Lamarkiana*, видъ завезенный изъ Америки и одичавшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Голландіи. Путемъ 14 лѣтнихъ, планомѣрно предпринятыхъ посѣвовъ и точнаго изслѣдованія десятковъ тысячъ экземпляровъ де-Фризу удалось доказать, что растеніе это находится въ «періодѣ мутаціи», т.-е. производитъ на нашихъ глазахъ цѣлый рядъ новыхъ элементарныхъ видовъ, которые по размѣру и характеру ихъ морфологическихъ особенностей и по прочности, съ которой эти особенности передаются по наслѣдству, не уступаютъ старымъ видамъ изъ этой группы. По крайней мѣрѣ съ десятокъ такихъ новыхъ видовъ

(окрещенныхъ де-Фризомъ въ Oenothera gigas, albida, oblonga, nanella, lata, scintillans и др.) подвергнулись многократному высѣванію при всевозможныхъ условіяхъ и самому тщательному изслѣдованію. Не имѣя возможности изложить здѣсь хотя бы даже въ самой сжатой формѣ результаты этихъ наблюденій, я долженъ ограничится передачей общихъ положеній, выставляемыхъ де-Фризомъ, какъ «законы мутаціи».

I) Новые элементарные виды возникаютъ внезапно, безъ переходовъ. II) Новые элементарные виды по большей части вполнѣ постоянны, съ самаго момента ихъ возникновенія. III) Большинство вновь возникшихъ формъ вполнѣ соотвѣтствуетъ въ своихъ свойдвахъ элементарнымъ видомъ, а не разновидностямъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. IV) Элементарные виды возникаютъ по большей части въ значительномъ числѣ особей одновременно (1—1½ % всѣхъ взошедшихъ растеній или, во всякомъ случаѣ, втеченіе одного періода мутаціи. (Въ этомъ пунктѣ де-Фризъ расходится съ Коржинскимъ, который представлялъ себѣ начало новыхъ формъ въ видѣ одной или очень немногихъ особей). V) Новые признаки не стоятъ ни въ какой связи съ индивидуальной измѣнчивостью. VI) Мутаціи при образованіи новыхъ элементарныхъ видовъ совершаются безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Уклоненія касаются всѣхъ органовъ и совершаются почти во всякомъ направленіи. Нѣкоторые изъ новыхъ типовъ погибаютъ не оставивъ потомства. *Судьбу остальныхъ рѣшаетъ естественный отборъ*, если культура не беретъ ихъ подъ защиту. VII) Мутаціи наступаютъ періодически. (Это послѣднее утвержденіе, по мнѣнію нашего автора, нуждается еще въ дальнѣйшей провѣркѣ путемъ наблюденія).

Послѣ изслѣдованій де-Фриза болѣе чѣмъ когда-либо упрочивается взглядъ, что не только разновидности (отличающіяся однимъ лишь признакомъ), но и элементарные виды возникаютъ гетерогенетическимъ путемъ. Здѣсь будетъ умѣстно напомнить, что въ природѣ имѣются группы элементарныхъ видовъ, отличающихся между собою въ цѣломъ рядѣ признаковъ, на первый взглядъ хотя и трудно различимыхъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ наслѣдственныхъ. Это такъ называемые «полиморфные роды». Всякій разъ, когда они подвергались детальному изслѣдованію при помощи посѣвовъ, элементы этихъ полиморфныхъ родовъ оказывались вполнѣ постоянными, т.-е. наслѣдственными, и притомъ рѣзко разграниченными въ своихъ признакахъ, несмотря на кажущіеся постепенные переходы. *Draba verna*, одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ, упоминался уже выше. Къ этой же категоріи относятся роды *Rubus*, *Rosa* и *Hieracium*, родъ *Achatinella* (наземное мягкотѣлое Сандвичевыхъ острововъ) и др. Какъ объяснить себѣ путемъ сохраненія лучше одаренныхъ особей происхожденіе десятковъ и сотенъ близкихъ формъ, скученныхъ часто на одной небольшой области? Какъ мало подходитъ здѣсь такое объясненіе, показываетъ уже тотъ

фактъ, что Дарвинъ даже классифицируетъ это явленіе невѣрно, приводя его въ связь съ индивидуальной измѣнчивостью. Интересуясь уклоненіями лишь съ точки зрѣнія полезности ихъ, Дарвинъ склоняется къ предположенію, «что въ этихъ полиморфныхъ родахъ мы имѣемъ примѣры измѣнчивости въ направленіяхъ безразличныхъ, т.-е. и не полезныхъ и не вредныхъ для вида, и потому не подхваченныхъ и не закрѣпленныхъ естественнымъ отборомъ».

Неосновательность такого смѣшенія двухъ разныхъ явленій станетъ ясна, если вспомнить, что тотъ же результатъ, какой получили Жорданъ и Де-Пари относительно *Draba verna*, былъ полученъ и для рода *Hieracium*, какъ только были предприняты культуры. Нэгели, собравшій и изучавшій въ теченіе почти 20-ти лѣтъ огромный матеріалъ по этому вопросу (онъ изслѣдовалъ свыше 2.500 формъ), рѣшительно заявляетъ, что, поскольку можно судить по даннымъ опыта высѣванія, всѣ формы рода *Hieracium* должны разсматриваться, какъ вполнѣ постоянныя. Что хотя и «можно изъ экземпляровъ различныхъ мѣстообитаній составить непрерывный рядъ и такимъ образомъ говорить о постепенномъ переходѣ отъ одного вида *Hieracium* къ другому, но мы не имѣемъ права называть это измѣнчивостью, такъ какъ каждый членъ ряда производитъ совершенно сходное потомство и при размноженіи въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній совершенно такъ же постояненъ, какъ и виды, не связанные между собою такими переходами». А если такъ, то въ сущности прямыхъ данныхъ о возникновеніи видовъ въ предѣлахъ полиморфныхъ родовъ у насъ ничуть не больше, чѣмъ данныхъ о возникновеніи видовъ въ другихъ родахъ. Не есть ли это продукты недавно пережитаго періода мутаціи?

Какая же изъ вышеразсмотрѣнныхъ двухъ основныхъ формъ измѣнчивости доставляетъ матеріалъ для образованія новыхъ видовъ? Этотъ вопросъ сильно интересовалъ Дарвина, что видно особенно изъ его переписки. Но систематически разработать этотъ вопросъ ему не удалось, и вотъ почему всякій разъ, когда ему приходилось высказываться, онъ колебался, не зная, какой изъ двухъ формъ отдать предпочтеніе и часто мѣнялъ свой взглядъ подъ вліяніемъ доводовъ разныхъ авторовъ; это тѣмъ болѣе понятно, что Дарвину не могли быть извѣстны нѣкоторые факты, опубликованные уже послѣ его смерти, и имѣющіе коренное значеніе: мы говоримъ о такъ называемомъ гальтоновскомъ «законѣ регрессіи».

Въ 1886 году въ «Cosmos'ѣ» была напечатана небольшая замѣтка *Фрица Мюллера*, вызванная рѣчью *Гальтона* о наслѣдственности индивидуальныхъ уклоненій. Гальтонъ высказалъ положеніе, что индивидуальныя уклоненія не передаются по наслѣдству цѣликомъ, а лишь частью, такъ что потомки особи, сильно уклонившейся въ какую бы то ни было сторону отъ типа, менѣе сильно уклоняются и, слѣдовательно, возвращаются къ типу. Фрицъ Мюллеръ, какъ оказалось, давно уже

пришелъ къ тому же выводу. Желая повысить число зеренъ въ початкахъ маиса, Мюллеръ выбиралъ для посѣва только початки съ наивысшимъ числомъ рядовъ зеренъ. Результаты опыта на первый взглядъ какъ бы доказываютъ могущество подбора: между тѣмъ, какъ въ первоначальномъ матеріалѣ 83,5% початковъ имѣли 12—14 рядовъ зеренъ, а початки съ 16-ю и 18-ю рядами были рѣдкостью, черезъ два года подбора уже 41,8% имѣли 16, и 24,1%—18 рядовъ зеренъ; початки съ 12-ю рядами исчезли совершенно, съ 14-ю стали рѣдки (2,7%), зато съ другой стороны стали появляться початки съ 20 ю (4,8%), 22 и даже 26-ю рядами.

Если, однако, сопоставить дальнѣйшія данныя опыта въ таблицу, какъ это сдѣлалъ Ф. Мюллеръ, то изъ нея всякій выведетъ вышецитированное положеніе Гальтона: дѣти родителей, уклонившихся въ какомъ-нибудь направленіи отъ средняго типа ихъ расы, не продолжаютъ уклоняться дальше въ томъ же направленіи, а наоборотъ, въ среднемъ, снова приближаются къ типу и при этомъ тѣмъ болѣе удаляются отъ родителей, чѣмъ больше эти послѣдніе въ свое время удалились отъ типа. Напомнивъ, что типическій маисъ данной расы до начала подбора имѣлъ въ среднемъ около 12 рядовъ зеренъ въ початкѣ, присмотримся къ нижеслѣдующей таблицѣ:

Число рядовъ у родителей:	Среднее число рядовъ у потомковъ:	Абсолютное уменьшеніе у потомковъ на:
14	12,61	1,39
16	14,08—14,15	1,85—1,92
18	14,90—15,57	2,43—3,10
20	15,76	4,24
22	16,15	5,85

Какой же выводъ мы можемъ сдѣлать изъ этого поучительнаго опыта? Повидимому, только слѣдующій: индивидуальныя уклоненія не могутъ служить матеріаломъ для накопленія крупныхъ различій, имѣющихъ характеръ видовыхъ, родовыхъ и т. д., такъ какъ они не соотвѣтствуютъ двумъ основнымъ требованіямъ: они не могутъ быть фиксированы въ полномъ объемѣ въ потомствѣ, вслѣдствіе регрессіи, и не могутъ быть аккумулированы до необходимыхъ размѣровъ вслѣдствіе отсутствія потребныхъ для этого крайнихъ варіантовъ.

На первый взглядъ такое утвержденіе звучитъ парадоксомъ; извѣстны, вѣдь, примѣры, когда чисто индивидуальныя измѣненія, безъ всякаго содѣйствія гетерогенезиса, были фиксированы и аккумулированы: 50 лѣтъ тому назадъ содержаніе сахара въ корняхъ свеклы не превышало въ среднемъ 7%—8%, теперь эта средняя поднялась до 14—16%; средняя величина признака была увеличина здѣсь ровно вдвое—гдѣ же тутъ регрессія? Присмотримся, однако, ближе къ этому

самому примѣру. Въ 1850 году, когда Вильморенъ началъ свои опыты усовершенствованія сахарной свекловицы, онъ уже во второмъ поколѣніи путемъ подбора довелъ среднюю величину до 7%—14%, между тѣмъ какъ крайніе варіанты въ положительную сторону достигали 21%. Теперь, спустя 50 лѣтъ усовершенствованной техники подбора, средняя величина равна 14%—16%, а максимумъ все еще лежитъ на 21%. Ростъ подбираемаго признака, вначалѣ очень быстрый, все болѣе замедлялся, и все, чего можно было достигнуть путемъ подбора, достигнуто было, собственно говоря, нѣсколькими первыми поколѣніями; всѣ же дальнѣйшія старанія не приносятъ уже ничего новаго, а служатъ лишь для предотвращенія возврата къ первоначальному состоянію, т.-е. регрессіи, которая въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній уничтожаетъ всѣ достигнутые результаты. Вотъ почему хозяева, покупающіе улучшенныя сѣмена злаковъ и др. для посѣва, должны постоянно снова тратиться на покупку оригинальнаго сѣмени взамѣнъ одичавшихъ въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ садовыми разновидностями, являющимся чаще всего продуктами скрещиванія между давно существовавшими разновидностями или между старыми формами и вновь возникшими гетерогенетическими формами, или, наконецъ, чистыми гетерогенетическими разновидностями. Такія «новинки», иногда появляющіяся дюжинами въ каталогахъ крупныхъ садовыхъ заведеній, тотчасъ по своемъ возникновеніи обладаютъ уже полнымъ постоянствомъ, но нуждаются въ нѣкоторомъ уходѣ для очистки отъ примѣсей, атавистовъ и гибридовъ. Какъ только новая форма въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній очищена отъ примѣсей и дала достаточное количество сѣмянъ, эти сѣмена пускаются въ продажу, *съ гарантіей за чистоту и постоянство* и отнынѣ новая форма становится всеобщимъ достояніемъ. Если садоводная фирма была добросовѣстна, то нѣтъ больше никакой необходимости возобновлять запасъ оригинальныхъ сѣмянъ. Всякій, кто имѣетъ въ рукахъ одну особь, обладаетъ новой формой навсегда; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ постоянной разновидностью, не менѣе постоянной, чѣмъ любые виды и разновидности, разводимые съ незапамятныхъ временъ и возникшіе неизвѣстно когда и какъ.

Основываясь на изложенномъ здѣсь коренномъ различіи двухъ формъ измѣнчивости и пользуясь огромной литературной по садоводству, Гуго де-Фризъ снова поднимаетъ рѣчь о принципіальномъ различіи между искусственнымъ подборомъ, съ одной стороны, и естественнымъ, съ другой стороны; искусственный подборъ, поскольку онъ не пользуется скрещиваніемъ и вновь появляющимися гетерогенетическими уклоненіями, а работаетъ исключительно на почвѣ индивидуальныхъ уклоненій, создаетъ расы или улучшенныя породы, весьма непрочныя, вѣчно находящіяся подъ дамокловымъ мечомъ регрессіи и одичанія и нисколько не аналогичныя видамъ въ природѣ. Это впро-

чемъ, еще 18 лѣтъ тому назадъ утверждалъ съ такою же рѣшительностью Нэгели.

Если строго разграничивать индивидуальную измѣнчивость съ одной стороны и гетерогенезисъ, создающій сразу постоянныя формы, съ другой стороны, то не остается мѣста и еще для одного предразсудка, для вѣры въ разницу въ степени постоянства, существующую якобы между видами и разновидностями. Выдвигая на очередь этотъ вопросъ де-Фризъ опять-таки возвращается къ старымъ возраженіямъ Нэгели, указывавшаго еще въ 1884 году на то, что «разновидности въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ видовъ, и если мы приписываемъ первымъ меньшее постоянство, чѣмъ послѣднимъ, то мы это дѣлаемъ въ угоду теоріи, а не потому что располагаемъ фактами, доказывающими такое различіе».

Любопытно слѣдующее сопоставленіе. Систематики старой школы, считавшіе виды абсолютно постоянными, видѣли въ разновидностяхъ единственный измѣнчивый элементъ въ природѣ. Дарвинъ и дарвинисты, блестяще доказавшіе несостоятельность такого различенія между видами и разновидностями, ударились, однако, въ другую крайность и, отожествляя улучшенныя породы (продукты подбора особей) разновидностямъ въ природѣ, уничтожили заодно и рѣзкую границу между индивидуальными варіантами и разновидностями. Дарвинъ выразилъ это въ слѣдующей характерной тирадѣ:

«Не подлежитъ сомнѣнію, что до настоящаго времени не удалось провести ясной пограничной черты между видами и подъ-видами, т. е. формами, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ натуралистовъ, приближаются къ видамъ, но не вполнѣ достигаютъ этой степени, или между подъ-видами и рѣзкими разновидностями, или, наконецъ, между менѣе рѣзкими разновидностями и индивидуальными различіями. Эти различія примыкаютъ одни къ другимъ, нечувствительно сливаясь въ одинъ непрерывный рядъ, а всякій рядъ производитъ на нашъ умъ впечатлѣніе дѣйствительнаго перехода» («Происхожденіе видовъ», стр. 39).

А теперь, почти полъ-вѣка спустя послѣ того, какъ эти строки были написаны, мы, послѣ долгихъ исканій твердой опоры для нашихъ теорій, снова стоимъ передъ неразрѣшенной проблемой образованія видовъ, какъ передъ явленіемъ, не имѣющимъ себѣ аналогіи въ наблюдаемой нами индивидуальной измѣнчивости. Но этотъ возвратъ не означаетъ регресса научной мысли: то, что мы потеряли въ изящной простотѣ и схематичности строго-селекціонистской точки зрѣнія, возмѣщается намъ сторицей ясной постановкой вопросовъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. Настаивая на признаніи элементарныхъ видовъ, на необходимости опытовъ высѣванія для рѣшенія вопроса объ истинныхъ послѣднихъ единицахъ системы, де-Фризъ какъ будто зоветъ насъ назадъ, къ «неизмѣннымъ элементарнымъ видамъ» Жордана, но это только кажущееся сходство, въ дѣйствительности де-Фризъ ищетъ послѣднія единицы системы, какъ точки приложенія экспериментальнаго метода. Различія между линнеевскими видами, обуслов-

ленныя вымираніемъ длиннаго ряда промежуточныхъ формъ, слишкомъ велики, и какъ продуктъ длиннаго историческаго процесса не могутъ быть объектомъ прямого наблюденія, разсуждаетъ онъ; вотъ почему оперируя съ линнеевскими сборными видами мы обречены исключительно на сравнительный методъ; элементарные же виды, какъ послѣднія реальныя единицы системы, могутъ быть предметомъ прямого наблюденія — не удастся ли намъ наблюдать или даже вызывать возникновеніе элементарныхъ видовъ? И огромный трудъ де-Фриза «Mutationstheorie» служитъ наилучшей иллюстраціей плодотворности новой постановки вопроса.

Далѣе, подчеркивая коренное различіе между породами домашнихъ животныхъ и воздѣланныхъ растеній, съ одной стороны, и природными расами и разновидностями—съ другой, де-Фризъ и Коржинскій какъ будто возвращаютъ насъ къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда это различіе между культурнымъ и дикимъ состояніемъ служило однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ теоріи происхожденія вообще, но и это сходство только кажущееся, внѣшнее: и тотъ и другой стоятъ вполнѣ на почвѣ трансформизма, а такое подчеркиваніе различія, дѣйствительно весьма существеннаго, можетъ только содѣйствовать болѣе основательному и критическому использованію накопленнаго матеріала по садоводству и скотоводству и организаціи новыхъ строго-научно обставленныхъ опытовъ искусственнаго подбора. Расы или породы возникаютъ и развиваются на нашихъ глазахъ, происхожденіе же разновидностей намъ въ большей части случаевъ неизвѣстно, и это относится къ постояннымъ разновидностямъ культурныхъ растеній въ такой же мѣрѣ, какъ и къ разновидностямъ ихъ дикихъ прототиповъ; относительно многихъ полиморфныхъ формъ, находящихся въ культурѣ, мы не знаемъ, не происходятъ ли онѣ отъ столькихъ же дикихъ формъ полиморфной дикой группы. Подчеркивая это наше незнаніе и побуждая этимъ къ болѣе основательному изслѣдованію этого вопроса, де-Фризъ лишь говоритъ то же, что говорилъ въ свое время Дарвинъ: «Терминъ «разновидность» такъ же трудно поддается опредѣленію; но здѣсь почти всегда подразумѣвается общность происхожденія, хотя *доказана она бываетъ только очень рѣдко*» («Происхожденіе видовъ», стр. 33. Курсивъ мой).

Но не ведетъ ли дальнѣйшее развитіе теоріи мутаціи къ полному отрицанію роли естественнаго отбора? спроситъ читатель. Таково было въ дѣйствительности мнѣніе Коржинскаго, на мой взглядъ совершенно имъ не обоснованное. Ни де-Фризъ, ни тѣ авторы, которые до сихъ поръ успѣли высказаться въ печати о его новой книгѣ (напр., проф. I. W. Moll въ «Biolog. Centralblatt» и др.), не раздѣляютъ этого мнѣнія Коржинскаго. Если мы вспомнимъ, что естественный отборъ есть факторъ отрицательный, а не созидающій, и что его дѣятельность всегда косвенна, то дѣло станетъ для насъ ясно. Уничтожаетъ ли отборъ

вредныя индивидуальныя уклоненія или неудачныя гетерогенетическія разновидности—не все ли равно? Зато новая точка зрѣнія гораздо лучше объясняетъ намъ тѣ случаи, когда видовые признаки не носятъ характера приспособленій, объясняетъ намъ явленіе полиморфизма, о которомъ самъ Дарвинъ полагалъ, что это есть «примѣръ измѣнчивости въ направленіяхъ безразличныхъ, т.-е. не полезныхъ и не вредныхъ для вида» и т. д. Теорія мутацій, такимъ образомъ, не только открываетъ путь для плодотворнаго изслѣдованія однѣхъ проблемъ, но и обѣщаетъ дать отвѣтъ на другія, до сихъ поръ оставшіяся нерѣшенными. И поэтому эта новая теорія вполнѣ заслуживаетъ того интереса, съ которымъ она была встрѣчена.

III.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ дарвинизма, на почвѣ котораго возникли весьма ожесточенные споры — это вопросъ о такъ называемыхъ «направленіяхъ измѣнчивости». Съ самаго возникновенія теоріи отбора многіе оппоненты подчеркивали то обстоятельство, что, выставляя отборъ, какъ единственный направляющій факторъ эволюціи, дарвинизмъ во всемъ остальномъ допускаетъ полную неопредѣленность. Количество возможныхъ уклоненій огромно, говорятъ эти оппоненты, а потому вѣроятность случайнаго возникновенія именно данныхъ, уже и на первой своей стадіи весьма совершенныхъ и приспособленныхъ, структуръ чрезвычайно мала. Можно ли представить себѣ, что бы, въ силу однихъ лишь законовъ вѣроятности, среди особей вида всегда находились носители признаковъ, способныхъ сдѣлаться объектомъ отбора? говорятъ другіе. И наконецъ: дѣятельность отбора начинается лишь съ того момента, когда двѣ особи, неодинаково совершенно приспособленныя, вступаютъ въ состязаніе; но такъ какъ дарвинизмъ не говоритъ ничего опредѣленнаго насчетъ того, какъ возникли эти различныя степени совершенства, то онъ строитъ свои посылки на дѣйствіи случая.

Чтобы ввести читателя въ самую суть спорнаго вопроса, лучше всего взять наглядный примѣръ, цитируемый самимъ Дарвиномъ. Заставьте архитектора построить домъ изъ неотдѣланныхъ камней, свалившихся со склона горы—говоритъ онъ; форма каждаго обломка можетъ быть названа случайной, хотя она, въ сущности, представляетъ необходимое слѣдствіе естественныхъ условій—силы тяжести, характера данной горной породы, крутизны склона и т. д.; но между этими законами и той цѣлью, для которой строитель употребитъ отдѣльные обломки, нѣтъ никакого соотношенія. И если нашему архитектору удастся возвести величественное зданіе, то мы еще больше будемъ удивляться его искусству, чѣмъ если бы онъ употреблялъ отдѣланные камни. Точно также и неизмѣнные законы, коимъ подчиняется измѣнчивость

каждаго существа, не стоятъ ни въ какомъ соотношеніи къ тому живому строенію, которое создается при помощи отбора.

Въ этомъ-то смыслѣ и можно сказать, что дарвинизмъ въ своей первоначальной формѣ не дѣлаетъ никакихъ утвержденій относительно характера уклоненій. Но долженъ ли онъ дѣлать ихъ? Разъ дѣятельность архитектора начинается лишь съ того момента, когда камни уже сформированы, и сводится лишь къ тому, чтобы рѣшить, какой изъ нихъ годенъ для постройки, какой негоденъ, то въ его задачу не могутъ входить изслѣдованія о факторахъ, подготовляющихъ этотъ матеріалъ, факторахъ, на которыхъ онъ не можетъ имѣть никакого активнаго воздѣйствія. Въ этомъ же смыслѣ можно сказать, что вся предшествующая подготовительная стадія формировки признаковъ безразлична для естественнаго отбора. Это не значитъ, однако, что вся эта стадія отдана во власть случая, какъ уже подчеркнуто Дарвиномъ въ цитированномъ выше примѣрѣ. Да и единственный смыслъ, въ которомъ можно употреблять здѣсь слово случай, это тотъ, что цѣлый рядъ неизвѣстныхъ намъ причинъ содѣйствуетъ произведенію даннаго явленія, что причины эти комбинируются въ своемъ дѣйствіи опять-таки по неизвѣстнымъ намъ законамъ; изслѣдованіе этихъ законовъ и этихъ причинъ, составляющее предметъ физіологіи и біологіи, какъ наукъ, экспериментально изучающихъ процессы обмѣна, роста и развитія въ ихъ связи съ внѣшними факторами, могло идти независимо отъ развитія теоріи отбора, какъ фактора эволюціи.

Ставъ на такую точку зрѣнія, приходится считать вышецитированное возраженіе празднымъ. Почему же, однако, этотъ вопросъ столь пространно трактуется во всѣхъ сочиненіяхъ дарвинистовъ и антидарвинистовъ, почему Плате приводитъ его въ числѣ «существенныхъ» возраженій противъ теоріи отбора?

Дѣло въ томъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, это возраженіе можетъ пріобрѣсти большое значеніе: это зависитъ лишь отъ болѣе или менѣе односторонней формулировки теоріи отбора. А дарвинизмъ съ самаго начала носилъ въ себѣ зачатки такой односторонней формулировки, при которой возраженіе этого рода становится не только законнымъ, но и роковымъ. Чтобы не быть голословнымъ, я сошлюсь все на тотъ же примѣръ съ архитекторомъ; при всей своей наглядности, примѣръ этотъ страдаетъ двумя коренными недостатками: въ немъ недостаточно подчеркнутъ ни косвенный способъ дѣйствія отбора, ни то обстоятельство, что отборъ есть одинъ изъ факторовъ развитія, но не единственный. Введемъ эту поправку, вспомнимъ, что нашъ архитекторъ обладаетъ въ сущности лишь одной способностью—отбрасывать тѣ камни, которые ужъ никоимъ образомъ не могутъ пойти на постройку—и мы тогда съумѣемъ въ должной степени оцѣнить значеніе тѣхъ законовъ, которые, дѣйствуя прямо, создаютъ годные для постройки обломки. Если по отношенію къ дѣятельности есте-

ственнаго отбора эти законы безразличны, то по отношенію ко всему процессу эволюціи] они весьма важны, такъ какъ являются факторами этого процесса. Недостаточная выясненность этого несомнѣннаго положенія очень пагубно отразилась на дальнѣйшемъ развитіи теоріи и сильно содѣйствовала господствующей нынѣ смутѣ. Какъ только физіологическая сторона вопроса объ измѣнчивости стала объектомъ изслѣдованія, и прямые законы измѣнчивости стали разсматриваться съ единственно вѣрной точки зрѣнія — какъ факторы органической эволюціи, представители ультрадарвинизма забили тревогу, видя въ этомъ посягательство на естественный отборъ. Съ другой стороны ясно, что при исключительномъ признаніи естественнаго отбора возникаетъ рядъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, на которые такъ или иначе нужно отвѣтить безъ помощи прямыхъ факторовъ. Какъ развиваются признаки на той ранней стадіи, когда они еще не служатъ объектами естественнаго отбора, или, другими словами, какъ достигаютъ новые признаки своей подборной цѣнности? Какъ объяснить себѣ дегенерацію и атрофію органовъ? Въ тѣсной связи съ этими вопросами стояли два другихъ: можетъ ли упражненіе или неупражненіе органовъ имѣть вліяніе на ходъ развитія новыхъ формъ? Существуютъ ли для каждой группы организмовъ извѣстныя немногія направленія, въ которыхъ предпочтительно совершалась эволюція формъ, и нѐ являются ли такія предпочтительныя линіи измѣнчивости необходимымъ слѣдствіемъ продолжительнаго, суммирующаго воздѣйствія внѣшнихъ факторовъ на организмы? (ортогенезисъ).

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ двухъ коренныхъ ошибокъ, съ самаго начала вкравшихся въ формулировку дѣятельности отбора, изслѣдованіе только что перечисленныхъ вопросовъ приняло сразу характеръ ожесточенной полемики. Въ то время, какъ одни пытались доказать, что эти вопросы либо совершенно несущественны, либо прекрасно объясняются самой теоріей отбора, при помощи нѣкоторыхъ вспомогательныхъ гипотезъ,—другіе доказывали огромную важность этихъ проблемъ, предлагали свои, подчасъ очень подходящія объясненія, но при этомъ доходили до полнаго отрицанія теорій отбора. Эта полоса въ развитіи эволюціонной теоріи, обнимающая послѣднія 15 лѣтъ XIX-го столѣтія и характеризуемая обыкновенно, какъ борьба неоламаркизма съ неодарвинизмомъ, представляетъ для объективнаго наблюдателя любопытное зрѣлище по удивительной спутанности методологической постановки и по тѣмъ огромнымъ дозамъ спекуляціи, которыя проникали при этомъ споръ въ область точной науки. Всякая идея, какъ бы ни была она вѣрна въ своей основѣ, принимала чудовищный характеръ, разъ она попадала въ водоворотъ аргументаціи одной изъ спорящихъ сторонъ. Такъ, мысль о раздѣленіи клѣтокъ организма на соматическія (тѣлесныя) и воспроизводительныя привела въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи къ представленію о самодовлѣющей зародыше-

вой плазмѣ, живущей и развивающейся безъ всякой связи съ организмомъ—ея носителемъ. Перенеся всѣ явленія измѣнчивости исключительно на эту зародышевую плазму, Вейсманнъ этимъ самымъ изъялъ первыя стадіи образованія признаковъ изъ области явленій, подлежащихъ непосредственному наблюденію и опыту, такъ какъ вѣдь къ зародышевой плазмѣ прямо и не подступить. Полная случайность, или, скажемъ, неопредѣленность первоначальныхъ уклоненій была возведена Вейсманномъ въ основной догматъ, какъ это и слѣдовало для доказательства всемогущества естественнаго отбора. Чтобы справиться съ представляющимися при этомъ затрудненіями, Вейсманнъ придумывалъ вспомогательныя гипотезы одну сложнѣе другой, гипотезы, являвшіяся притомъ часто не объясненіемъ, а лишь обходомъ труднаго вопроса.

Особенно ярко сказалось это въ объясненіи явленія атрофіи. Такъ какъ въ системѣ Вейсманна ни аккумулятивное вліяніе внѣшней среды на органы (ортогенезисъ), ни дѣйствіе упражненія и неупражненія (факторъ Ламарка) не пользуется признаніемъ, то для объясненія дегенераціи и атрофіи была придумана вспомогательная гипотеза «панмиксіи». Это значитъ, что если органъ перестаетъ быть полезнымъ и отборъ теряетъ надъ нимъ свою власть (напримѣръ, глаза крота), то всѣ особи, въ какой бы степени онѣ ни обладали данныхъ органомъ безразлично, скрещиваются между собой и содѣйствуютъ произведенію новаго поколѣнія, а такое положеніе вещей, по мнѣнію Вейсманна неминуемо должно вести къ постоянному и неудержимому уменьшенію размѣровъ даннаго органа. Оппонентами было, однако, съ несомнѣнностью доказано, что такое всеобщее скрещиваніе можетъ лишь задержать органъ на данной величинѣ (ибо по теоріи вѣроятностей количество отрицательныхъ и положительныхъ уклоненій будутъ равны между собой), но отнюдь не приведетъ къ неудержимому уменьшенію. Тогда Вейсманнъ сдѣлалъ послѣдній рѣшительный шагъ въ область «невидимаго»: онъ перенесъ и самую борьбу на зародышевую плазму. По ученію Вейсманна, всякій органъ имѣетъ въ зародышевой плазмѣ своего представителя—детерминанта. Стоитъ только представить себѣ, что детерминанты органовъ, находящихся въ стадіи восходящаго развитія (усиленія), сами отличаются большей величиной, силой и прожорливостью, чѣмъ детерминанты органовъ дегенерирующихъ, и что первые отнимаютъ у послѣднихъ необходимый для развитія питательный матеріалъ, и тогда явленіе дегенераціи объяснено безъ содѣйствія неупражненія и ортогенезиса. Вейсманнъ при этомъ считалъ еще необходимымъ, чтобы этому процессу былъ данъ первый толчокъ со стороны отбора особей, т.-е. чтобы хоть въ одномъ поколѣніи пережили особи, съ наименьшей величиной даннаго органа. Послѣдователи Вейсманна (Emery) вычеркнули и это требованіе: этимъ самымъ борьба и отборъ зародышевыхъ элементовъ (Germinalselection) была возведена на степень процесса самодовлѣющаго; внѣшняя среда, неизвѣстными путями

и по неизвѣстнымъ законамъ дѣйствующая на зародышевую плазму, прямо вызываетъ неравномѣрный ростъ отдѣльныхъ детерминатовъ и это неравенство, повторяющееся въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, въ связи съ побѣдой болѣе сильныхъ, ведетъ развитіе признаковъ по извѣстному опредѣленному пути. Здѣсь уже не нужно больше, чтобы особь появилась на свѣтъ и испытала свои шансы въ жизненной борьбѣ, судьба особи была уже рѣшена заранѣе въ борьбѣ детерминантовъ, предшествовавшей ея появленію на свѣтъ. Явленія вырожденія органовъ нашли себѣ очень хорошее «объясненіе»—но теорія «всемогущества естественнаго отбора» дошла въ этой новой версіи до отрицанія самой себя, ибо она признала возможность развитія въ опредѣленномъ направленіи (ортогенезиса), независимаго отъ переживанія наиболѣе одаренныхъ особей.

Между тѣмъ какъ Вейсманнъ подвигаясь все дальше въ лабиринтъ своихъ гипотезъ, неожиданно для самого себя подходилъ къ отрицанію своей исходной точки—полной неопредѣленности измѣнчивости, — одинъ изъ его учениковъ — Эймеръ, всецѣло посвятилъ себя изученію фактовъ, долженствовавшихъ освѣтить ходъ развитія видовъ. Хотя и послѣдователь теоріи Дарвина, онъ исходилъ, однако, изъ того положенія, что факторовъ эволюціи много, что, прежде чѣмъ быть полезными, уклоненія должны вообще осуществиться и что законы и способы осуществленія этихъ уклоненій должны быть изслѣдованы возможно точно, хотя бы на какой-нибудь одной формѣ. Уже въ 1874 году онъ опубликовалъ результаты своихъ наблюденій надъ разновидностью ящерицы *Lacerta muralis coerulea*. Это былъ рядъ наблюденій надъ разновидностью, такъ сказать въ самомъ процессѣ ея образованія, дававшихъ поводъ къ ряду общихъ выводовъ относительно законовъ возникновенія и развитія окрасокъ животныхъ формъ. Эта работа опредѣлила всю дальнѣйшую научную дѣятельность Эймера: онъ сдѣлался отнынѣ проповѣдникомъ теоріи, извѣстной подъ именемъ *ортогенезиса*. Все болѣе устремляя свой взоръ на прямые факторы развитія, онъ терялъ почву для оцѣнки косвеннаго фактора—естественнаго отбора и кончилъ почти полнымъ отрицаніемъ этого фактора.

Ученіе Эймера сводится въ общемъ къ слѣдующему. Изучая факты измѣнчивости на самыхъ послѣднихъ единицахъ естественной системы мы наталкиваемся на процессъ сложнаго взаимодѣйствія между организмами и внѣшними факторами. Воспринимая внѣшнія воздѣйствія, сложный аггрегатъ органическихъ клѣтокъ реагируетъ на эти раздраженія частичнымъ измѣненіемъ своихъ структуръ и отправленій. Воспроизведя себѣ подобныхъ, организмъ передаетъ по наслѣдству вновь пріобрѣтенныя структуры, а когда новое поколѣніе испытываетъ на себѣ воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ, то и оно реагируетъ своеобразно, путемъ дальнѣйшаго опредѣленнаго измѣненія. Такъ какъ опредѣленная реакція организма является необходимымъ слѣдствіемъ

своеобразной структуры организма, то въ результатѣ длиннаго ряда воздѣйствій, или «органическаго роста», какъ выражается Эймеръ, получается рядъ измѣненныхъ формъ, измѣненныхъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи или «ортогенетически». Такъ, для окраски многихъ группъ млекопитающихъ птицъ, гадовъ и рыбъ, также какъ и для мотыльковъ и нѣкоторыхъ другихъ отрядовъ насѣкомыхъ Эймеру и его ученикамъ удалось констатировать одинъ общій законъ измѣненія: переходъ отъ продольной полосатости, черезъ пятнистость и поперечную полосатость къ одноцвѣтности. Тотъ же результатъ — существованіе немногихъ опредѣленныхъ линій развитія, получается по мнѣнію Эймера при сравнительномъ изслѣдованіи другихъ морфологическихъ признаковъ въ болѣе или менѣе обширныхъ группахъ естественной системы. Наряду съ воздѣйствіемъ внѣшней среды важнѣйшимъ факторомъ ортогенетическаго развитія является упражненіе и неупражненіе органовъ, что съ особенной ясностью выступаетъ при сравнительно-анатомическомъ изученіи скелета позвоночныхъ. Если наступившія ортогенетически измѣненія въ то же время полезны, то естественный отборъ будетъ ускорять эволюцію въ этомъ направленіи; если измѣненія будутъ абсолютно вредны, то отборъ будетъ противодѣйствовать этому направленію. Но въ большинствѣ случаевъ отбору нечего будетъ дѣлать, такъ какъ большинство наблюдаемыхъ направленій измѣнчивости не носятъ характера полезности или вреда. Это послѣднее Эймеръ подчеркиваетъ особенно по адресу тѣхъ, которые, какъ Вейсманнъ, пытаются выставить дѣло такъ, что якобы, сами-то эти предпочтительныя направленія измѣнчивости представляютъ результатъ естественнаго отбора. Что касается существующаго расчлененія ряда организмовъ на видовыя, родовыя и т. д. группы, то Эймеръ разсматриваетъ его, какъ результатъ частичнаго застоя: то въ одномъ, то въ другомъ признакѣ группа особей остается на извѣстной стадіи развитія, между тѣмъ какъ остальныя особи идутъ дальше по опредѣленному пути развитія. Этимъ же заодно объясняются и явленія полового диморфизма: въ большинствѣ случаевъ самцы опережаютъ самокъ въ достиженіи извѣстной стадіи окраски, но бываютъ случаи обратнаго явленія. Послѣдовательность отдѣльныхъ стадій сказывается, между прочимъ, и въ томъ, что существуютъ извѣстныя топографическія закономѣрности въ распредѣленіи признаковъ: у насѣкомыхъ прогрессивные признаки появляются сначала на верхней, а потомъ уже на нижней сторонѣ крыльевъ, сначала на заднемъ, а потомъ уже на переднемъ концѣ тѣла и т. д.

Мы видѣли, къ какимъ противоположностямъ привело развитіе основныхъ проблемъ теоріи отбора. Теперь мы ознакомимся со взглядами умѣреннаго дарвиниста нашихъ дней, взглядами, складывавшимися подъ перекрестнымъ воздѣйствіемъ вышеразсмотрѣнныхъ крайнихъ ученій. Мы говоримъ о Платѣ, который самъ категорически

заявляетъ, что онъ далекъ отъ желанія проповѣдывать «всемогущество» естественнаго отбора и усматриваетъ въ разумномъ ограниченіи сферы приложенія принципа отбора и въ синтезѣ разнорѣчивыхъ мнѣній единственную возможность реабилитаціи защищаемой имъ теоріи. Послѣдуемъ за Плате въ изложеніи существенныхъ пунктовъ спора, такъ какъ въ его изложеніи помимо воли автора наиболѣе ярко обрисовывается переходное состояніе, переживаемое этими проблемами.

Какъ развиваются новые признаки отъ перваго ихъ возникновенія до того момента, когда они пріобрѣтаютъ подборную цѣнность? Сдѣлавъ нѣсколько указаній на то, что иногда при исключительныхъ условіяхъ новопріобрѣтенные признаки уже при самомъ своемъ появленіи могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ борьбѣ за жизнь, Плате переходитъ къ перечисленію вспомогательныхъ моментовъ, благодаря которымъ признаки могутъ постепенно наростать. 1) Тутъ прежде всего *корреляція* или *соотношеніе*. Такъ шпоры пѣтуховъ и рога оленей могли зародиться подъ вліяніемъ коррелятивнаго раздраженія, исходящаго отъ половыхъ органовъ, и лишь по достиженіи такой величины, при которой они давали преимущество въ борьбѣ съ соперниками, они сдѣлались объектомъ естественнаго отбора. 2) *Перемѣна функцій*: въ тѣхъ случаяхъ, когда наряду съ главнымъ отправленіемъ органъ имѣетъ еще другое побочное, это второе отправленіе можетъ постепенно приблизиться къ своей подборной цѣнности. Такъ, крылья пингвиновъ сдѣлались веслами, плавательныя перепонки летучей жабы дѣйствуютъ какъ парашюты. 3) Въ другихъ случаяхъ, благодаря *перемѣнѣ въ условіяхъ* органы индифферентные могутъ сразу пріобрѣсти подборную цѣнность, напр. черепные швы, имѣющіеся и у гадовъ и птицъ, но получающіе подборную цѣнность у млекопитающихъ и у тѣхъ изъ гадовъ, у которыхъ выработалось живорожденіе. 4) Есть органы *универсальные*, годные для многихъ функцій—они уже при первыхъ стадіяхъ становятся объектами отбора: таковъ хвостъ млекопитающихъ и др. 5) *Продолжительное употребленіе*, въ связи съ унаслѣдованіемъ функціональныхъ измѣненій, можетъ поднять органъ на необходимую для отбора высоту, напр. защечные мѣшки многихъ грызуновъ и обезьянъ, спеціализированныя конечности разныхъ отрядовъ млекопитающихъ. 6) *Ортогенезисъ, обусловливаемый аккумулятивнымъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ*, могъ содѣйствовать потерѣ волосного покрова китовъ, возникновенію млечныхъ железъ млекопитающихъ и китоваго уса, до тѣхъ размѣровъ, когда эти органы сдѣлались рѣшающими въ борьбѣ за жизнь.

Такимъ же образомъ подходитъ нашъ авторъ и къ рѣшенію второй трудной проблемы—вопроса объ атрофіи органовъ. Онъ перечисляетъ цѣлый рядъ факторовъ, дѣятельностью которыхъ можетъ быть объяснена дегенерація и атрофія органовъ. Во-первыхъ, тутъ наслѣдствен-

ное вліяніе неупражненія, факторъ, приложимый, конечно, лишь къ органамъ и инстинктамъ, являющимся по существу активными. Во-вторыхъ, воздѣйствіе внѣшней среды, суммирующееся вслѣдствіе наслѣдственной передачи (напр., побѣлѣніе кожи у пещерныхъ животныхъ). Въ-третьихъ, экономіи питанія: приливъ питательныхъ соковъ къ органу, находящемуся въ прогрессивномъ развитіи будетъ силенъ, и если тутъ же вблизи будетъ находиться органъ дегенерирующій, то первый будетъ отнимать у послѣдняго необходимый питательный матеріалъ. Это соображеніе, однако, имѣетъ силу только для органовъ, не очень удаленныхъ другъ отъ друга и черпающихъ питательный матеріалъ изъ одного общаго потока. И, наконецъ, въ-четвертыхъ, обратный подборъ, т.-е. переживаніе особей, обладающихъ даннымъ органомъ или инстинктомъ въ наименьшей степени. Самъ Плате, впрочемъ, признается, что этому фактору можно приписать лишь самое малое значеніе, такъ какъ обладаніе нѣсколько меньшими размѣрами даннаго вырождающаго органа едва ли можетъ имѣть подборную цѣнность т.-е. рѣшающее значеніе въ борьбѣ за существованіе. Этихъ четырехъ факторовъ по мнѣнію Плате вполнѣ достаточно для объясненія явленій дегенераціи, такъ что построеніе особой гипотезы панмиксіи является совершенно излишнимъ. Такой выводъ интересенъ еще и съ другой стороны: три первыхъ фактора предполагаютъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ признаковъ, а слѣдовательно совершенно непримиримы съ теоріей Вейсманна.

Что же такое въ сущности всѣ эти «вспомогательные принципы»? Это рядъ прямыхъ факторовъ развитія. Тутъ и дѣйствіе упражненія органовъ, и наслѣдственная передача функціональныхъ раздраженій, и законы соотношенія, и ортогенезисъ въ самой недвусмысленной эймеровской формулировкѣ. И, однако, все это признается не само по себѣ, а лишь какъ воспособленіе отбору. Въ предисловіи авторъ даетъ аннибалову клятву не поддаваться увлеченію теоріей «всемогущества», а въ текстѣ онъ на каждомъ шагу показываетъ, что онъ способенъ трактовать явленія эволюціи лишь подъ угломъ зрѣнія теоріи отбора. Отсюда рядъ противорѣчій: такъ признавая необходимость ортогенезиса, Плате, однако, увѣряетъ, что ортогенетическое развитіе признака скоро достигаетъ своего предѣла, -ибо организмы привыкаютъ къ воздѣйствію среды. Тогда естественный отборъ вступаетъ въ свои права. И тутъ же Плате признаетъ, что нѣкоторыя образованія, развиваясь ортогенетически, достигаютъ такихъ предѣловъ, за которыми они становятся прямо вредными для данной формы и ведутъ къ вымиранію ея. Примѣръ: бивни мамонта, клыки третичныхъ кошекъ (Machairodus), рога вымершихъ гигантскихъ оленей и др. Привычка наступила здѣсь слишкомъ поздно, говоритъ онъ въ утѣшеніе; но зачѣмъ же придумывать «привычку», если она наступаетъ

слишкомъ поздно? И кто рѣшитъ, какая часть китоваго уса развилась ортогенетически, а какая въ силу отбора?

Резюмируя представленную въ настоящей главѣ эволюцію одного изъ самыхъ затруднительныхъ вопросовъ дарвинизма, мы можемъ сказать слѣдующее. Если разсматривать естественный отборъ, какъ единственный факторъ измѣненія органическихъ формъ, то является совершенно непонятнымъ, что управляетъ развитіемъ органовъ на той стадіи, когда они еще не находятся подъ вѣдѣніемъ естественнаго отбора (до достиженія подборной цѣнности) и когда они уже не въ его власти (вырожденіе органовъ, утрировка ихъ). Современный нео или ультрадарвинизмъ пытался распространить власть естественнаго отбора на эти обѣ стадіи развитія, для чего ему пришлось построить цѣлый рядъ вспомогательныхъ гипотезъ (Germinalselection, Panmixie, отрицаніе унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ). Эти вспомогательныя гипотезы, однако, не выдержали и рухнули подъ тяжестью своихъ собственныхъ внутреннихъ противорѣчій. Съ ними вмѣстѣ рухнулъ и самый ультрадарвинизмъ. Въ лицѣ умѣренныхъ дарвинистовъ новѣйшей формаціи (Плате) естественный отборъ добровольно отрекается отъ власти надъ начальными и конечными стадіями развитія, уступая ихъ цѣлому ряду «вспомогательныхъ» факторовъ. Но такая формулировка является половинчатой и полной противорѣчій, и мы увѣрены, что ближайшимъ шагомъ въ развитіи этихъ проблемъ будетъ признаніе самостоятельности другихъ факторовъ эволюціи и возможно ясное разграниченіе сферы дѣйствія отдѣльныхъ факторовъ.

IV.

Изъ вспомогательныхъ теорій дарвинизма я, по недостатку мѣста, могу разсмотрѣть здѣсь лишь одну, да и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ а именно, теорію полового подбора. Эта теорія интересна для насъ потому, что она показываетъ, что даже такіе строгіе эмпирики, какимъ по всеобщему признанію былъ Дарвинъ, не застрахованы отъ крупныхъ ошибокъ и спекулятивныхъ увлеченій, какъ только они поддаются желанію во что бы то ни стало объяснить всѣ явленія, или хотя бы огромное большинство ихъ однимъ излюбленнымъ принципомъ.

Явленія, подлежащія объясненію при помощи этой теоріи, обыкновенно подводятся подъ категорію такъ называемыхъ «вторичныхъ половыхъ различій». У очень многихъ раздѣльнополыхъ животныхъ каждый полъ имѣетъ нѣкоторыя особенности, не стоящія, повидимому въ непосредственной связи съ выработкой половыхъ клѣтокъ того или иного типа. Въ самое послѣднее время Плате попытался раздѣлить

многочисленныя явленія, относимыя къ этой области на нѣсколько категорій, довольно рѣзко различающихся между собой. Первую группу образуютъ органы, полезные для ихъ носителя или для его потомства, но не стоящіе ни въ какой прямой зависимости отъ полового раздраженія. Такъ, самцы многихъ видовъ насѣкомыхъ отличаются большимъ развитіемъ органовъ чувствъ и большей подвижностью нежели самки, что облегчаетъ первымъ нахожденіе послѣднихъ. Къ той же первой группѣ принадлежатъ органы, служащіе для наилучшаго вывода молодого поколѣнія, имѣющіяся въ большинствѣ случаевъ у самокъ (млечныя железы млекопитающихъ, сумка сумчатыхъ и др.). Далѣе, органы защиты и нападенія, свойственные многимъ самцамъ, какъ напримѣръ, рога оленей, сильные клыки многихъ млекопитающихъ, шпоры пѣтуховъ, большая величина самцовъ у многихъ видовъ млекопитающихъ и птицъ. Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случахъ такіе органы переносятся, въ силу наслѣдственной передачи, съ того пола, у котораго они несомнѣнно функціонируютъ, на другой полъ, и млечныя железы и сумка имѣются у многихъ самцовъ, а рога и шпоры у самокъ, но въ зачаточномъ состояніи. Бываютъ случаи, когда другой полъ совершенно приравнивается по силѣ развитія даннаго признака къ первому, тогда конечно этотъ признакъ перестаетъ быть вторичнымъ половымъ признакомъ: такъ у сѣвернаго оленя оба пола обладаютъ одинаковыми рогами.

Вторую группу образуютъ органы и инстинкты, имѣющіе цѣлью вызвать половое возбужденіе, дѣйствуя на органы чувствъ и черезъ нихъ рефлекторно на половые органы. Они принадлежатъ обыкновенно самцамъ, какъ болѣе активной сторонѣ, но иногда попадаются наоборотъ у самокъ. Одни дѣйствуютъ черезъ посредство органовъ зрѣнія, то прелестью красокъ (брачный нарядъ многихъ птицъ, цвѣта самцовъ у мотыльковъ), формой (борода у многихъ обезьянъ), особыми движеніями и повадками (разворачиваніе хвостовыхъ перьевъ, игры и полетъ у птицъ, принимающіе характеръ борьбы и состязанія). Другіе дѣйствуютъ черезъ посредство органа слуха: пѣніе птицъ, звуки, издаваемые лягушками, цикадами, сверчками и т. п. Иные, наконецъ, черезъ посредство органовъ обонянія, какъ мускусныя железы многихъ самцовъ млекопитающихъ и др.

Если предположить, что своевременное спариваніе можетъ имѣть большое значеніе въ произведеніи здороваго потомства, и что обладаніе однимъ изъ органовъ, перечисленныхъ въ первой группѣ, обезпечиваетъ такое своевременное спариваніе, а далѣе и наилучшій уходъ за дѣтенышами, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что при выработкѣ этихъ вторичныхъ половыхъ признаковъ первой группы естественный отборъ игралъ такую же важную роль, какъ и вообще при развитіи полезныхъ признаковъ. Для объясненія этихъ

явленій нѣтъ необходимости въ особой теоріи, что впрочемъ допускалъ и самъ Дарвинъ, говоря, что въ большинствѣ случаевъ этого рода трудно разграничить область естественнаго отбора отъ области полового отбора. При этомъ, конечно, наиболѣе точно можетъ быть доказана полезность органовъ и инстинктовъ, служащихъ для наилучшаго воспитанія дѣтенышей, между тѣмъ какъ по отношенію къ органамъ нападенія и защиты, служащимъ самцамъ для борьбы за обладаніе самками, требуется во всякомъ случаѣ наблюденіе, доказывающее, что такое употребленіе этихъ орудій дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Такъ, относительно многихъ видовъ жуковъ изъ семейства *Lamellicornia*, самцы которыхъ обладаютъ огромными рогообразными выростами, дѣйствительное существованіе состязаній изъ-за самокъ отрицается новыми наблюдателями. Такимъ образомъ, требуется извѣстная осмотрительность при примѣненіи этого объясненія къ отдѣльнымъ случаямъ, но общая основная идея такого объясненія, несомнѣнно, вѣрна.

Къ сожалѣнію нельзя сказать того же относительно объясненія явленій второй группы, и едва ли какая-нибудь часть ученія Дарвина является такъ слабо обоснованной и подала поводъ къ столькимъ сомнѣніямъ даже въ средѣ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ селекціонизма, какъ именно эта часть,—объясненіе происхожденія вторичныхъ половыхъ признаковъ второй группы при помощи полового подбора. Правда, на первый взглядъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что обладаніе яркими красками и другими признаками, возбуждающими половое чувство самокъ, можетъ обезпечить за носителями этихъ признаковъ—самцами болѣе или менѣе исключительное вниманіе зрѣлыхъ самокъ. Но мыслимость этого явленія еще не доказываетъ дѣйствительнаго его существованія. Вспомнимъ, что, въ противоположность естественному подбору, половой подборъ долженъ дѣйствовать не путемъ уничтоженія отрицательныхъ варіантовъ, а путемъ прямого поощренія положительныхъ и мы въ правѣ задать вопросъ: всегда ли самецъ, обладающій менѣе яркой окраской, будетъ исключенъ изъ числа размножающихся особей даннаго поколѣнія? А затѣмъ и вообще: доказано ли въ достаточной мѣрѣ фактами, что самки *выбираютъ* самцовъ, отвергая однихъ и выказывая предпочтеніе другимъ?

Самъ Дарвинъ высказывался очень различно по этому основному вопросу: между тѣмъ какъ въ отдѣльныхъ главахъ его книги, гдѣ собранъ матеріалъ по вопросу о выборѣ самцовъ самками, ему приходится часто сознаваться въ недостаточной силѣ фактическихъ аргументовъ, онъ въ общемъ все таки приходитъ къ тому выводу, что «производимый самками выборъ есть такой же неоспоримый общій законъ, какъ и бо́льшая похотливость самцовъ». Сопоставляя наблюденія новыхъ авторовъ вплоть до послѣдняго времени, Плате указываетъ на то, что ни относительно птицъ, ни относительно насѣкомыхъ не суще-

ствуетъ неоспоримыхъ наблюденій, доказывающихъ активный выборъ самцовъ самками на основаніи сличенія ихъ красотъ, и признаетъ справедливость заявленія К. Э. фонъ-Бэра и Крэмера, говорившихъ, что выборъ самцовъ самками не доказанъ, и что существующими на этотъ счетъ наблюденіями можетъ довольствоваться лишь тотъ, кто помимо этого убѣжденъ въ вѣрности теоріи полового подбора. Что касается косвеннаго довода, щеголянія украшающими перьями во время ухаживанія, послужившаго для Дарвина однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ въ пользу его теоріи, то Уоллесъ говоритъ по этому поводу, что подобныя же привычки принимать удивительныя позы и дѣлать странныя движенія наблюдаются и у такихъ птицъ, у которыхъ вовсе нѣтъ украшающихъ перьевъ для щеголянія, какъ напримѣръ у козодоевъ, гусей, грифовъ, альбатросовъ и др.

Разсмотримъ однако нѣсколько фактовъ, представляющихъ затрудненія для теоріи полового подбора и въ то же время указывающихъ на то, въ какомъ направленіи новые авторы ищутъ разрѣшенія противорѣчій. *Штольцманъ* приводитъ слѣдующія наблюденія. *Schistes personatus*, изъ семейства колибри, водится въ Экуадорѣ, на западной сторонѣ Кордильеръ, на пространствѣ всего въ 4 градуса широты. Этотъ видъ отличается отъ другого близкаго вида Sclistes geoffroyi тѣмъ, что у перваго самцы обладаютъ блестящимъ пятномъ на лбу. Этотъ видовой признакъ перваго вида — Schistes personatus долженъ быть объясненъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго селекціонизма половымъ подборомъ: необходимо предположить, что вслѣдствіе изоляціи у самокъ Schistes personatus выработался особый вкусъ, или особый идеалъ, который и содѣйствовалъ образованію пятна на лбу самцовъ, изъ случайныхъ уклоненій, всегда имѣющихся на лицо. Но если одной только изоляціи достаточно для выработки новаго идеала красоты у самокъ, тогда остается непонятнымъ слѣдующее: вышеупомянутый второй видъ Shistes geoffroyi обитаетъ къ востоку отъ Кордильеръ на обширной полосѣ въ 20 градусовъ широты, раздѣленной долиной Амазонки на двѣ совершенно изолированныя области обитанія и однако на всемъ этомъ пространствѣ самцы совершенно сходны между собою. Если же одной изоляціи недостаточно, а приходится прибѣгнуть къ климатическимъ и другимъ прямымъ воздѣйствіямъ среды, то причемъ тутъ половой подборъ? Еще любопытнѣе другой фактъ приводимый тѣмъ же авторомъ. Чилійскій видъ колибри Eustephanus galeritus, имѣющій въ обоихъ полахъ зеленую окраску, былъ занесенъ съ материка на группу острововъ Жуанъ-Фернандецъ и далъ на каждомъ островѣ этой группы особый, новый видъ: на островѣ Мазатьера онъ превратился въ Eustephanus fernandensis, на островѣ Мазафуэра въ Eusterlanus leyboldi. Самки этихъ двухъ новыхъ видовъ въ своей окраскѣ сходны съ материковымъ видомъ, но самцы получили красное

опереніе, и притомъ нѣсколько различное для каждаго изъ острововъ. На первомъ изъ поименованныхъ острововъ находится между прочимъ и чистая материковая форма Eustephanus galeritus, вѣроятно попавшая сюда значительно позже и еще не успѣвшая измѣниться. Чѣмъ объяснить эту перемѣну въ окраскѣ самцовъ на островахъ? Перемѣной идеала красоты у самокъ, или непосредственными воздѣйствіями новыхъ условій среды, сказывающихся прежде всего на самцахъ, вообще болѣе склонныхъ къ измѣненіямъ? Всякій кто задумывался когда либо надъ смысломъ словъ «объясненіе», «объяснить», легко съумѣетъ найти рѣшеніе этой альтернативы.

Извѣстно, съ какой подробностью Дарвинъ говорилъ въ своемъ сочиненіи о чудныхъ глазчатыхъ пятнахъ фазана—аргуса и павлина; посмотримъ однако къ какимъ выводамъ приходятъ новые авторы, анализируя этотъ примѣръ. Уоллесъ говоритъ, что если самки нѣкоторыхъ животныхъ, особенно птицъ, и чувствительны къ красотамъ самцовъ, то это эстетическое чувство едва ли простирается такъ далеко, чтобъ сдѣлать ихъ способными отличать мелкія различія въ окраскѣ или въ пѣніи, и чтобы такимъ образомъ произвести самыя сложныя образованія путемъ накопленія мелкихъ улучшеній. Повидимому предчувствуя такое существенное возраженіе, Дарвинъ въ свое время говорилъ, что нѣтъ необходимости представлять себѣ, что самка изучаетъ всякую полоску, каждое пятнышко, а что она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія. И однако тутъ же Дарвинъ объясняетъ глазчатыя пятна павлина и фазана-аргуса именно постепеннымъ накопленіемъ *мелкихъ* улучшеній. Въ этомъ лежитъ явное противорѣчіе. Плате вполнѣ правильно ставитъ вопросъ ребромъ: или орнаментъ самцовъ одного и того же поколѣнія подлежитъ измѣненіямъ въ очень широкихъ границахъ, такъ что уже общее впечатлѣніе его на самку было настолько различно, что она выбирала того, а не иного самца, не входя въ изученіе деталей рисунка, или же предѣлы измѣнчивости были очень ограниченны, тогда впечатлѣніе, производимое разными самцами не могло быть настолько существенно различно, чтобъ послужить мотивомъ предпочтенія одного другому. Но вѣдь именно въ примѣненіи къ изумительно правильнымъ рисункамъ павлина и фазана-аргуса первое предположеніе совершенно неумѣстно. Остается лишь одинъ исходъ изъ этой дилеммы «предположить, что у однѣхъ генерацій ортогенетически удерживалось одно и то же направленіе измѣнчивости, между тѣмъ какъ другія генераціи такимъ же образомъ ортогенетически измѣнялись въ другомъ направленіи».

Такимъ образомъ, всякій разъ, какъ мы анализируемъ тѣ или иные частные случаи, мы приходимъ къ признанію безсилія полового подбора и необходимости подведенія явленій половой окраски подъ тѣ или иные ортогенетическіе факторы. Это и было сдѣлано цѣлымъ рядомъ

авторовъ, какъ Уоллесъ, Эймеръ и др. Уоллесъ приписываетъ болѣе яркую окраску самцовъ ихъ большей подвижности, Эймеръ видитъ причину половыхъ различій окраски въ томъ, что разные полы находятся въ различныхъ стадіяхъ одного ортогенетическаго направленія измѣнчивости. Но мы не станемъ разсматривать здѣсь этихъ теорій, это не входитъ въ непосредственную задачу этой статьи; намъ нужно было лишь замѣтить, въ какомъ направленіи идутъ поиски за лучшимъ объясненіемъ данныхъ явленій.

Теорія полового подбора въ ея первоначальной формѣ и особенно въ примѣненіи къ окраскамъ представляется очень характерной съ общей, методологической точки зрѣнія. Если и сама теорія естественнаго отбора есть по существу заключеніе по аналогіи, и страдаетъ всѣми недостатками такового, то все же фактическія основанія ея— перепроизводство жизней и борьба за существованіе, явная полезность многихъ приспособленій, настолько сильны, что эта теорія съ тѣми или иными ограниченіями все же должна была занять прочное мѣсто въ системѣ нашего познанія природы. Но теорія полового подбора не имѣетъ за собой ни одного подобнаго довода, и спустя 40 лѣтъ послѣ ея возникновенія приходится сознаться, что «наблюденіе почти совершенно не подтверждаетъ, чтобы самки выбирали изъ среды самцовъ тѣхъ или иныхъ». «Преобладающее большинство наблюденій явно свидѣтельствуетъ противъ такого представленія» (Плате).

Правда, Плате тутъ же прибавляетъ, что это еще не значитъ, что бы это представленіе было ложно, такъ какъ, молъ, будущія наблюденія еще, быть можетъ, подтвердятъ его для многихъ случаевъ. Но это послѣднее заявленіе не измѣняетъ дѣла: теорія, которая черезъ 40 лѣтъ послѣ своего возникновенія, вмѣсто перечисленія своихъ фактическихъ основъ, выдаетъ только вексель на будущія наблюденія, не можетъ претендовать на очень большое значеніе.

На этомъ я закончу. Мнѣ удалось разсмотрѣть лишь нѣсколько самыхъ существенныхъ пунктовъ. Многіе вопросы были лишь бѣгло затронуты, другіе совсѣмъ оставлены въ сторонѣ. Общій выводъ можетъ быть сдѣланъ, однако, и на основаніи того, что изложено въ настоящемъ очеркѣ. Выводъ этотъ таковъ, что толки о полномъ крушеніи и банкротствѣ теоріи естественнаго отбора такъ же невѣрны, какъ и разговоры о всемогуществѣ ея. Какъ это ни банально, но и тутъ золотая середина окажется наиболѣе правильной точкой зрѣнія. Исчезнутъ сшитыя на живую нитку вспомогательныя гипотезы, созданныя ad hoc, для доказательства «всемогущества» отбора. Умѣрится пылъ черезчуръ горячихъ противниковъ, видящихъ въ дарвинизмѣ «печальное недоразумѣніе», «величайшій конфузъ XIX-го вѣка», и останется то здоровое ядро теоріи, которое основывается на несомнѣнныхъ фактахъ и даетъ истинное удовлетвореніе на запросы пытли-

ваго ума. Намъ припоминаются сказанныя много лѣтъ назадъ слова Карла Фохта, что «въ предѣлахъ зданія, фундаментъ котораго такъ прочно заложенъ Дарвиномъ, найдется еще мѣсто для различныхъ флигелей и пристроекъ, даже и въ нѣсколько иномъ стилѣ».

Тѣмъ, кому жаль стройности теоріи, мы напомнимъ, что теорія есть лишь средство къ познанію природы, а не сама цѣль; а тѣхъ, кого шокируетъ новый стиль пристроекъ, которые стремятся къ единому объясненію, мы спросимъ: гдѣ гарантія того, что въ природѣ все шло по одному шаблону? Правда, объясненіе цѣлаго ряда явленій однимъ факторомъ больше удовлетворяетъ нашу познавательную потребность, но лишь въ томъ случаѣ, когда оно дѣйствительно «объясняетъ». Если же приходится для этого прибѣгать къ большимъ натяжкамъ, то выгоды такого «единаго» объясненія становятся очень сомнительными. А въ такомъ случаѣ, не есть ли такое тяготѣніе къ псевдо-монизму одно изъ наслѣдій раціоналистическаго періода развитія науки, остатокъ вѣры въ предъустановленную гармонію между человѣческимъ разумомъ и міромъ реальныхъ явленій?

С. Чулокъ.

СЕМЕЙСТВО БЕСТУЖЕВЫХЪ.

(Историко-литературный очеркъ).

Въ іюнѣ прошлаго года исполнилось тридцатилѣтіе со времени смерти Михаила Александровича Бестужева, послѣдняго изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ, столь извѣстныхъ какъ своею общественною и литературною дѣятельностью, такъ и трагическою судьбою. Особенною литературною извѣстностью славится имя Александра Бестужева, знаменитаго когда-то романиста и критика, писавшаго подъ псевдонимомъ Марлинскаго. За нимъ слѣдуетъ его братъ Николай, авторъ книги «Разсказы и повѣсти стараго моряка» и другихъ произведеній. Что касается Михаила то и его имя не обойдетъ никогда молчаніемъ, если не историкъ литературы въ узкомъ смыслѣ слова, то историкъ вообще, такъ какъ Михаилу Бестужеву принадлежатъ, быть можетъ, самыя цѣнныя записки о людяхъ и событіяхъ его времени. Сверхъ того имъ написано сочиненіе о буддизмѣ.

Изъ принадлежащихъ Бестужевымъ сочиненій и писемъ, а еще болѣе изъ касающихся ихъ статей, воспоминаній и проч. составилась цѣлая литература и, тѣмъ не менѣе, полныхъ біографій этихъ людей не имѣется и до настоящаго времени. Отнюдь не имѣя въ виду восполнить указанный пробѣлъ, мы ставимъ себѣ, въ настоящемъ очеркѣ задачу несравненно болѣе скромную: мы хотимъ лишь, въ виду только что исполнившагося тридцатилѣтія со дня смерти послѣдняго изъ Бестужевыхъ, подвести кой-какіе итоги всему тому, что уже было написано объ этихъ общественныхъ и литературныхъ дѣятеляхъ первой половины XIX вѣка и подвергнуть критическому разсмотрѣнію нѣкоторые изъ высказанныхъ по этому поводу въ нашей литературѣ взглядовъ.

I.

Четверо старшихъ Бестужевыхъ играли опредѣленную роль въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года, заплативъ за это почти пожизненною утратою личной свободы. Ихъ пятый братъ также нѣсколько поплатился, благодаря тому же событію, хотя и не принималъ въ немъ

никакого участія. Нечего и говорить, что эта сторона дѣла или, правильнѣе, тѣ воззрѣнія Бестужевыхъ, которыя привели ихъ къ катастрофѣ, будутъ нами оставлены почти безъ разсмотрѣнія, но для того, чтобы освѣжить сразу въ памяти читателей умственныя и нравственныя физіономіи братьевъ Бестужевыхъ, мы начнемъ съ воспроизведенія характеристикъ, данныхъ имъ Н. И. Гречемъ въ его книгѣ «Записки о моей жизни», печатавшейся какъ извѣстно, сначала въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова, а затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ. Хотя эти характеристики не только не отвѣчаютъ дѣйствительности, но изобилуютъ прямыми вымыслами, на что указывалось въ печати, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ удобнымъ начать именно съ нихъ, какъ съ показаній ближайшаго современника Бестужевыхъ.

Александръ Александровичъ Бестужевъ. «Добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантовъ, красавецъ собою. Вступленіе въ эту сатанинскую шайку (т.-е. общество декабристовъ В. Б.) и содѣйствіе его могу приписать только заразительности фанатизма, неудовлетворенному тщеславію и еще фанфаронству благородства. Бестужевъ учился въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и, вступивъ въ военную службу, былъ адъютантомъ главноуправляющаго путями сообщенія генерала Бетанкура, а потомъ поступившаго въ туже должность герцога Александра Виртембергскаго. Онъ влюбился было въ прелестную дочь Бетанкура, успѣлъ снискать ея благоволеніе, но отецъ не соглашался на бракъ его. Бестужевъ впалъ въ уныніе и искалъ развлеченій при скучной и безотрадной должности адъютанта докладывать о приходящихъ и отказывать докучливымъ. Познакомившись съ Рылѣевымъ, который былъ несравненно ниже его и умомъ, и дарованіями, и образованіемъ, заразился его нелѣпыми идеями, вдался въ омутъ и потомъ не могъ или совѣстился выпутаться, руководствуясь правилами худо понимаемаго благородства; находилъ, вѣроятно, удовольствіе въ хвастовствѣ и разглагольствіяхъ и погибъ. Вѣроятно, мучило его и желаніе стать выше, подняться до степени аристократовъ, игравшихъ роль въ обществѣ. Мало было ему славы и чести въ русской литературѣ, въ которой онъ явился съ блистательнымъ успѣхомъ и съ нѣкоторыми особенностями въ мысляхъ и оборотахъ, которые одинъ пріятель называлъ «бестужевскими каплями». Повѣсть его «Амалатъ-Бекъ» и нѣкоторыя другія, написанныя имъ подъ гнетомъ тяжкихъ обстоятельствъ среди тундръ якутскихъ или подъ солдатской шинелью въ ущельяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ о его неотъемлемыхъ, своеобразныхъ талантахъ. Въ мятежѣ дѣйствовалъ онъ въ Московскомъ полку, но не онъ, а князь Щепинъ-Ростовскій звѣрски ранилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ начальства, старавшихся образумить ошеломленныхъ солдатъ. Потомъ отправился онъ на площадь впереди увлеченнаго батальона, размахивая саблей и крича. Онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на площади и, когда мятежники разбѣжались, успѣлъ

уйти и гдѣ-то скрыться. На другой день, услышавъ, что забираютъ людей невинныхъ, явился вечеромъ на гауптвахту Зимняго дворца и сказалъ дежурному по карауламъ полковнику: «я Александръ Бестужевъ. Узнавъ, что меня ищутъ, явился самъ». Это было произнесено спокойно, просто... Его отвели къ государю. Бестужевъ просто, откровенно и правдиво изложилъ передъ Государемъ все, что было, и заслужилъ вниманіе прямодушнаго Николая».

Николай Александровичъ Бестужевъ. «Капитанъ-лейтенантъ, старшій братъ Александра, человѣкъ рѣдкихъ качествъ ума, разсудка и сердца, уступалъ Александру въ блистательномъ талантѣ и въ пылкости характера, но замѣнялъ эти качества другими, менѣе великолѣпными, но, тѣмъ не менѣе, достойными обратить на него вниманіе и уваженіе людей. Онъ былъ воспитанъ въ морскомъ корпусѣ и уже гардемариномъ былъ въ дѣйствительномъ сраженіи при взятіи англичанами 14 августа 1808 года корабля «Всеволодъ». Я познакомился съ нимъ въ 1817 году, отправляясь во Францію на кораблѣ «Не тронь меня», на которомъ онъ былъ лейтенантомъ. Бестужевъ занимался и литературою, писалъ умно и пріятно. Главною его слабостью была къ женскому полу, особенно къ порядочнымъ замужнимъ женщинамъ. Но какъ могъ человѣкъ умный, разсудительный принять участіе въ этомъ сумасбродномъ, нелѣпомъ предпріятіи? Я могу растолковать его тѣмъ только, что Николай Бестужевъ вступилъ въ заговоръ позже своихъ братьевъ, которыхъ онъ любилъ глубоко. Направленію его ума содѣйствовало еще другое обстоятельство. Въ 1821 году «ходилъ» онъ, какъ говорятъ моряки, на эскадрѣ въ Средиземное море и нѣсколько дней пробылъ въ Гибралтарѣ. Тамъ видѣлъ онъ съ высоты утеса, какъ испанцы королевскіе разстрѣливали на перешейкѣ взятыхъ ими безоружныхъ либераловъ, сообщниковъ Ріего, разстрѣливали, какъ татей и разбойниковъ, сзади. Это зрѣлище заронило въ душу его ненависть къ деспотическому испанскому правительству; да русское-то чѣмъ было виновато? Николай Бестужевъ обѣдалъ у меня на именинахъ 6 декабря съ братьями своими Александромъ и Павломъ. Николай пришелъ позже, и я ему сказалъ:

«— Пришелъ, спасибо. А я думалъ, что ты измѣнишь.

«— Никогда не измѣню!—сказалъ онъ твердымъ голосомъ, взглянувъ на Александра.

«А я, слухъ, еще пожалъ ему руку.

«Четырнадцатаго числа онъ вывелъ на площадь гвардейскій экипажъ. Въ немъ было нѣсколько матросовъ, служившихъ подъ командою Бестужева на походѣ въ Средиземное море. «Ребята, знаете ли вы меня? Пойдемте же!» И они пошли. Я видѣлъ, какъ экипажъ мимо конногвардейскихъ казармъ шелъ бѣгомъ на площадь. Впереди бѣжали въ разстегнутыхъ сюртукахъ офицеры и что-то кричали, размахивая саблями.

«По прекращеніи волненія Николай Бестужевъ уѣхалъ на извозчичьихъ саняхъ въ Кронштадтъ, переночевалъ у одной знакомой старушки, а на другой день сбрилъ себѣ бакенбарды, подстригъ волосы, подрисовалъ лицо, одѣлся матросомъ и пошелъ на Толбухинъ маякъ, лежавшій на западной оконечности Котлина острова. Тамъ предъявилъ онъ командующему унтеръ-офицеру предписаніе вице-адмирала Спафарьева о принятіи такого-то матроса въ команду на маякъ.

«— Ну, а что ты умѣешь дѣлать?—спросилъ грозный командиръ.

«— А что прикажете,—отвѣчалъ Бестужевъ, прикинувшись совершеннымъ олухомъ.

«— Вотъ картофель, очисти его.

«— Слушаю, государь,—взялъ ножъ и принялся за работу.

«Полиція, не находя Бестужева въ Петербургѣ, догадалась, что онъ въ Кронштадтѣ, и туда послано было предписаніе искать его. Это было поручено одному полицейскому офицеру, который, лично зная Бестужева, заключилъ, что онъ, конечно, направился на маякъ, чтобы оттуда пробраться за границу. Прискакалъ туда, вошелъ въ казарму и перекликалъ всѣхъ людей. «Вотъ этотъ явился сегодня», сказалъ унтеръ-офицеръ. Полицейскій посмотрѣлъ на Бестужева и увидѣлъ самое дурацкое лицо въ мірѣ. Всѣ сомнѣнія исчезли. Здѣсь нѣтъ Бестужева; должно искать его въ другомъ мѣстѣ. Когда полицейскій вышелъ изъ казармъ, провожавшій его деньщикъ, бывшій прежде деньщикомъ у Бестужева, сказалъ ему: «Вѣдь, новый-то матросъ господинъ Бестужевъ, я узналъ его по слѣдамъ золотого кольца, которое онъ всегда носитъ на мизинцѣ», полицейскій возвратился, подошелъ къ мнимому матросу, который опять принялся за свою работу, ударилъ его слегка по плечу и сказалъ:

«— Перестаньте притворяться, Николай Александровичъ, я васъ узналъ.

«— Узнали? Такъ пойдемте.

«Военный губернаторъ отправилъ его въ Петербургъ подъ арестомъ въ саняхъ на тройкѣ. Когда пріостановились передъ гауптвахтой, онъ сказалъ случившимся тамъ офицерамъ:

«— Прощайте, братцы. Ѣду въ Петербургъ. Тамъ ждетъ меня двѣнадцать пуль.

«Дорогою по заливу, поровнявшись съ полыньею, онъ хотѣлъ было выскочить изъ саней, чтобы броситься въ воду, но былъ удержанъ.

«Въ Петербургѣ привезли его къ морскому министру фонъ-Моллеру, который ненавидѣлъ Бестужева (тутъ у Греча слѣдуетъ цѣлый рядъ точекъ. *В. Б.*). Онъ велѣлъ скрутить е у на спинѣ руки и отправилъ днемъ по Англійской набережной и по Адмиралтейскому бульвару въ Зимній дворецъ. Одинъ изъ адъютантовъ накинулъ на него шинель. Во дворцѣ развязали ему руки и привели къ императору.

«— Вы блѣдны, вы дрожите,—сказалъ ему императоръ.

«— Ваше Величество, я двое сутокъ не спалъ и ничего не ѣлъ.

«— Дать ему обѣдать,—сказалъ государь.

«Бестужева привели въ маленькую комнату эрмитажа, посадили на диванъ за столъ и подали придворный обѣдъ.

«— Я не пью краснаго вина,—сказалъ онъ офиціанту,—подайте бѣлаго.

«Онъ преспокойно пообѣдалъ, потомъ приклонился къ подушкѣ дивана и крѣпко заснулъ. Пробудясь часа черезъ два, всталъ и сказалъ: «Теперь я готовъ отвѣчать». Его ввели въ кабинетъ императора. Онъ не только отвѣчалъ смѣло и рѣшительно на всѣ вопросы, но и самъ начиналъ говорить: изобразилъ государю положеніе Россіи, исчислилъ неисполненныя обѣщанія, несбывшіяся надежды и объяснилъ поводы и ходъ замысловъ. Государь выслушалъ его внимательно и нѣтъ сомнѣнія, что не одна истина, дотолѣ неизвѣстная, упала въ его душу.

«Обрядъ лишенія чиновъ и дворянства былъ исполненъ надъ флотскими офицерами въ Кронштадтѣ. Бестужевъ взошелъ на корабль бодро и свободно, учтиво поклонился собравшейся тамъ комиссіи адмираловъ и спокойно выслушалъ чтеніе приговора.

«— Сорвать съ него мундиръ,—закричалъ одинъ изъ адмираловъ, вѣроятно, породнившійся съ Бестужевымъ посредствомъ своей супруги.

«Два матроса подбѣжали, чтобы исполнить приказаніе благонамѣреннаго начальства, Бестужевъ взглянулъ на нихъ такъ, что они остолбенѣли, снялъ съ себя мундиръ, сложилъ его чиннехонько, положилъ на скамью и сталъ на колѣни по уставу для преломленія надъ нимъ шпаги.

«Бестужевъ скоро нашелся въ ссылкѣ, занимаясь чтеніемъ, живописью. Въ первые годы нарисовалъ онъ нѣсколько акварельныхъ портретовъ, въ томъ числѣ и свой, очень похожій; только на лбу шла глубокая морщина, проведенная страданіями. Потомъ занялся онъ механическими работами; придумалъ какую-то повозку, удобную для того края и вообще старался быть сколь возможно полезнымъ въ своемъ кругу. Онъ скончался въ 1854 году, не дождавшись своего освобожденія».

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ. «Человѣкъ простой и недальній, былъ лейтенантомъ во флотѣ и перешелъ потомъ въ Московскій полкъ, полагаютъ, чтобы удобнѣе содѣйствовать въ мятежѣ. Онъ участвовалъ въ бунтѣ безъ сознанія, что поступаетъ дурно. Тоже можно сказать и о четвертомъ, *Петрѣ Бестужевѣ*. Онъ былъ лейтенантъ. Наказаніе сильно подѣйствовало на душу послѣдняго; онъ помѣшался въ умѣ и былъ отданъ матери, чтобы жить у ней въ Новгородской губерніи и тамъ умеръ. Пятый братъ, *Павелъ*, мальчикъ живой и умный, воспитанный въ артиллерійскомъ училищѣ, былъ во время мятежа въ верхнемъ офицерскомъ классѣ. Его не удостоили чести принять въ этотъ гибельный кругъ, но онъ пострадалъ за родство съ несчастными. Въ августѣ 1826 года во время иллюминаціи по случаю коронаціи Павелъ

Бестужевъ проталкивался въ толпѣ народа на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста и за что-то поспорилъ съ однимъ изъ прохожихъ, но безъ всякихъ послѣдствій. Воейковъ, смотрѣвшій иллюминацію изъ окна книжнаго магазина Сленина, донесъ полиціи, что Бестужевъ буянилъ на улицѣ и произносилъ дерзкія рѣчи: его отправили на Кавказъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ боролся въ горахъ съ черкесами, а въ Сухумъ-Кале съ убійственными лихорадками. Онъ прилежно занимался артиллеріей и придумалъ новые превосходные діоптры для прицѣла орудій; на отливку ихъ онъ пожертвовалъ своимъ мѣднымъ чайникомъ. Изобрѣтеніе его было найдено полезнымъ и онъ переведенъ былъ въ бригаду, стоявшую въ Москвѣ. Онъ выслужился и, какъ я слышалъ, женился на любезной и богатой дѣвицѣ. Итакъ, уцѣлѣлъ хотъ одинъ Бестужевъ! Что сталось съ Михаиломъ, не знаю» *).

Характеристики Греча многихъ изъ декабристовъ подвергались въ нашей литературѣ неоднократно серьезной критикѣ, но фактическая сторона его разсказовъ принималась нерѣдко на вѣру, хотя и въ ней заключается въ дѣйствительности гораздо болѣе «Dichtung», чѣмъ «Wahrheit». Сообщеніе, напр., Греча о романическихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ арестъ Николая Бестужева, повторяетъ безъ всякаго критическаго его разсмотрѣнія г. Меньшиковъ въ «Критико-біографическомъ словарѣ» г. Венгерова **), а между тѣмъ сообщеніе это составляетъ, какъ мы увидимъ ниже, плодъ чистѣйшаго вымысла. Или другой примѣръ: такой серьезный писатель, какъ недавно скончавшійся почетный академикъ Максимовъ, перепечатавъ въ своей статьѣ «Николай Александровичъ Бестужевъ» весь вышеприведенный разсказъ Греча о Николаѣ Бестужевѣ, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«*Послѣднія свѣдѣнія*, сообщаемыя Гречемъ, требуютъ пополненія и одного исправленія. Экипажъ, про который говоритъ онъ, есть такъ называемая «сидѣйка», извѣстная въ Восточной Сибири и въ особенности въ Забайкальѣ. Она вошла во всеобщее употребленіе и т. д.» ***). Слѣдовательно, кромѣ поправки о «сидѣйкахъ (и то невѣрной, потому что въ дѣйствительности «сидѣйки» изобрѣтены не Николаемъ, а Михаиломъ Бестужевымъ), всѣ остальныя, сообщаемыя Гречемъ о Николаѣ Бестужевѣ, свѣдѣнія Максимовъ не считаетъ требующими ни «пополненія» ни «исправленія». А между тѣмъ они очень нуждаются и въ томъ, и въ другомъ. Это мы и сдѣлаемъ въ свое время, особенно въ виду того обстоятельства, что прекрасно составленная г. М. біо-

*) Н. И. Гречъ. «Записки о моей жизни», стр. 393—403. (Цитаты взяты нами съ значительными сокращеніями).

**) Бестужевъ, Николай. «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ», стр. 185.

***) С. Максимовъ. — «Николай Александровичъ Бестужевъ». «Наблюдатель». 1883 г. Мартъ. стр. 102—105.

графія Николая Бестужева доведена, къ сожалѣнію, лишь до момента тѣсныхъ отношеній, возникшихъ между нимъ и Рылѣевымъ *).

Послѣ четырнадцатаго декабря 1825 года судьба разбросала всѣхъ братьевъ Бестужевыхъ въ разныя стороны (только Николаю и Михаилу довелось жить вмѣстѣ), но до этого событія мѣстожительствомъ всѣхъ братьевъ былъ Петербургъ. Въ эту эпоху ихъ жизни они находились между собою постоянно въ непосредственномъ общеніи и потому мы будемъ сначала говорить обо всѣхъ братьяхъ вмѣстѣ, а затѣмъ послѣдуемъ за каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Отецъ Бестужевыхъ, Александръ Ѳеодосіевичъ, былъ человѣкъ для своего времени очень образованный и преданный дѣлу просвѣщенія. Онъ служилъ корпуснымъ офицеромъ при учрежденномъ въ 1775 г., такъ называемомъ «артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ греческой гимназіи», а затѣмъ, во время шведской войны, перешелъ въ дѣйствующую армію. Въ бывшей 23-го мая 1790 года близъ острова Секара жестокой битвѣ Бестужевъ былъ тяжело раненъ, находился долго въ состояніи безпамятства и лишь случайность спасла его отъ участи быть заживо погребеннымъ, такъ какъ всѣ считали его убитымъ. Въ это время одна простая добрая женщина, по имени Прасковья Михайловна, неотлучно ухаживала за раненымъ. Поправившись, Александръ Ѳеодосіевичъ женился на ней. Отъ этого брака и произошли Николай (родился въ 1791 г.), Александръ (1797 г.), Михаилъ (1800 г.), Петръ (1806 г.) и Павелъ (1808 г.), а также ихъ три сестры—Елена, Ольга и Марія.

«Военная служба Александра Ѳеодосіевича,—говоритъ біографъ Николая Александровича Бестужева,—продолжалась недолго. Въ царствованіе Павла Петровича, не въ состояніи будучи выносить тяжелаго гнета Аракчеева, Александръ Ѳеодосіевичъ вышелъ въ отставку. Не безынтересно то обстоятельство, что Аракчеевъ до нѣкоторой степени былъ обязанъ своей блестящей карьерой Бестужеву. Дѣло въ томъ, что въ бытность еще корпуснымъ офицеромъ, Бестужевъ отрекомендовалъ кадета ввѣренной ему роты Аракчеева генералу Мелиссино, который, какъ извѣстно, и вывелъ въ люди знаменитаго впослѣдствіи временщика. Извѣстно также, что графъ Алексѣй Андреевичъ отличался всегда черной неблагодарностью,—въ особенности къ тѣмъ людямъ, которымъ онъ былъ наиболѣе обязанъ. И вотъ Бестужевъ,

*) Николай Александровичъ Бестужевъ. «Журналъ «Заря», кн. 7 отд. II. 1869 г. стр. 1—57. Эта статья подписана только буквою М., но, помѣщая въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1881 годъ, «Записки Михаила Александровича Бестужева», редакція указываетъ въ примѣчаніи на рядъ написанныхъ о Бестужевыхъ статей М. И. Семевскимъ. Такъ какъ въ числѣ этихъ статей названа и помѣщенная въ «Зарѣ» статья «Н. А. Бестужевъ», то изъ этого слѣдуетъ, что статья эта принадлежитъ тому же автору.

въ числѣ прочихъ, долженъ былъ испытать на себѣ это свойство характера своего бывшаго подчиненнаго» *).

Забѣгая далеко впередъ, отмѣтимъ тутъ же, что судьба столкнула Аракчеева и съ сыновьями Александра Ѳедосіевича. Извѣстно, что ненависть къ «аракчеевскому» режиму, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ слова, толкнула многихъ изъ дѣятелей декабрьскихъ событій 1825 года, а въ томъ числѣ и Бестужевыхъ, на путь заговора. Въ самый день 14-го декабря, когда Николай, Александръ, Михаилъ и Петръ Бестужевы находились на сенатской площади, очень близко отъ нея находился и Аракчеевъ.

«Четырнадцатаго декабря, когда разнесся во дворцѣ слухъ, что Московскій полкъ взбунтовался,—разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій,—всѣ вышли на сенатскую площадь; одинъ Аракчеевъ остался съ дамами во дворцѣ» **).

Выйдя изъ военной службы, А. Ѳ. Бестужевъ посвятилъ свои силы научно-литературной дѣятельности и съ 1798 года сталъ издавать «С.-Петербургскій Журналъ». Но время царствованія императора Павла, какъ извѣстно, слишкомъ неблагопріятствовало такого рода начинаніямъ и уже черезъ годъ «С.-Петербургскій Журналъ» долженъ былъ прекратиться. Только съ восшествіемъ на престолъ Александра Перваго возобновилъ Бестужевъ свою литературную дѣятельность, но уже не въ формѣ журнала, а отдѣльными книгами, посвященными преимущественно вопросамъ военной педагогіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Ѳ. Бестужевъ собралъ у себя прекрасную библіотеку и нѣчто вродѣ домашняго музея. Вспоминая много лѣтъ спустя своего отца и обстановку своихъ юныхъ лѣтъ, сынъ Александра Ѳедосіевича Михаилъ Александровичъ Бестужевъ писалъ: «Любя науку во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, онъ (А. Ѳ. Бестужевъ) тщательно и съ знаніемъ дѣла занимался собираніемъ полной, систематически расположенной коллекціи минераловъ нашей обширной Руси, самоцвѣтныхъ граненыхъ камней, камеевъ, рѣдкостей по всѣмъ частямъ искусствъ и художествъ; пріобрѣталъ картины нашихъ отличныхъ художниковъ, эстампы граверовъ, модели пушекъ, крѣпостей и знаменитыхъ архитектурныхъ зданій, и безъ преувеличенія можно сказать, что домъ нашъ былъ богатымъ музеемъ въ миніатюрѣ ***). Такова обстановка, среди которой росли юные Бестужевы. Въ довершеніе всего отецъ абсолютно ни въ чемъ не стѣснялъ своихъ дѣтей, былъ имъ истиннымъ другомъ и старшимъ товарищемъ, позволялъ имъ свободно слѣдовать ихъ влеченіямъ. Однажды посѣтилъ

---

*) «Заря» 1869 г., стр. 7.

**) «Вступленіе на престолъ императора Николая Перваго» (изъ записокъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго). «Русская Старина» ноябрь, 1890 г., стр. 499.

***) Михаилъ Бестужевъ. «Дѣтство и юность А. А. Бестужева». Русское Слово. 1860 г. Декабрь стр. 3.

онъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, тогда еще девятилѣтнимъ мальчикомъ, Николаемъ корабль знаменитаго въ свое время моряка-силача Лукина. Корабль и море такъ заинтересовали мальчика, что онъ возымѣлъ сильное желаніе сдѣлаться морякомъ. Отецъ не препятствовалъ, и Николай поступилъ въ морской корпусъ. Тамъ имѣли на него сильное вліяніе инспекторъ корпуса Гамалѣй, научившій молодого Бестужева заниматься съ любовью математикой и тѣмъ пріучивъ его къ логическому мышленію, и учитель исторіи и литературы Василевскій, впослѣдствіи профессоръ московскаго университета, заслужившій доброе слово отъ своихъ слушателей. Въ корпусѣ Бестужевъ шелъ изъ первыхъ, изучилъ основательно иностранные языки и познакомился съ европейскими литературами. Сверхъ того, въ немъ стала развиваться склонность къ живописи и онъ началъ брать частные уроки въ академіи художествъ. Это принесло ему впослѣдствіи много пользы и удовольствія въ его ссыльной жизни. «Въ минуту жизни трудную», живя на поселеніи въ глухомъ городишкѣ Забайкальской области Селенгинскѣ, Николай Александровичъ Бестужевъ зарабатывалъ деньги рисованіемъ иконъ и портретовъ мѣстныхъ жителей. Онъ же нарисовалъ портреты многихъ изъ своихъ соузниковъ по заключенію въ Читѣ и Петровскѣ; эти портреты были впослѣдствіи куплены у сестры Николая Александровича, Елены Александровны Бестужевой, извѣстнымъ московскимъ книгоиздателемъ Солдатенковымъ, а послѣ его недавней смерти должны были перейти, если не ошибаемся, въ московскій румянцевскій музей.

Превосходный математикъ и механикъ, Бестужевъ занимался со страстью своею спеціальностью—морскимъ дѣломъ. Двадцать четвертаго декабря 1809 года онъ окончилъ успѣшно курсъ наукъ и былъ произведенъ въ мичманы. Но едва предъ нимъ открылись двери самостоятельной жизни, какъ судьба приготовила ему новыя, едва посильныя для восемнадцатилѣтняго юноши, заботы. Двадцатаго марта 1810 года скончался Александръ Ѳедосіевичъ, и семья, состоявшая изъ его вдовы, трехъ дочерей и четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшему, Александру, едва минуло тринадцать лѣтъ, осталась всецѣло на попеченіи Николая Александровича.

Но наиъ надо сказать нѣсколько словъ о дѣтскихъ годахъ Александра Александровича, слава котораго, какъ блестящаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Марлинскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ уже гремѣла по всей Россіи.

У отца Александра Ѳедосіевича Бестужева была богатая библіотека. На нее-то и набросился со всею страстью своей натуры маленькій Саша. «Онъ читалъ такъ много и съ такою живостью, — писалъ про него впослѣдствіи его братъ Михаилъ Александровичъ,— что отецъ часто принужденъ былъ отнимать у него на время ключи отъ шкафовъ и осуждалъ его на невольный отдыхъ. Тогда онъ промышлялъ

себѣ книги контрабандой,—какіе-либо романы, сказки, какъ, напр., «Видѣніе въ Пиринейскомъ замкѣ», «Ринальдо Ринальдини», «Тысяча и одна ночь» и подобныя и поглощалъ ихъ тайкомъ, лежа гдѣ-нибудь подъ кустомъ въ нашемъ тѣнистомъ саду» *). Отъ такого чтенія у будущаго романиста развивалась преимущественно фантазія. Будучи отъ природы въ высшей степени впечатлительнымъ, воспріимчивымъ и экспансивнымъ, Александръ Александровичъ весьма отличался отъ своего старшаго брата отсутствіемъ ясной логики мысли и неуклонности въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, но весьма на него походилъ честнымъ направленіемъ ума и сердца. Увлекшись минералогическими коллекціями своего отца, Александръ Александровичъ захотѣлъ сдѣлаться горнымъ инженеромъ и поступилъ въ горный корпусъ. Здѣсь онъ учился хорошо, но много силъ приходилось тратить нетерпѣливому юношѣ на борьбу съ математикой, которая была далеко не изъ числа его любимыхъ предметовъ. Зато страсть къ писательству проснулась въ немъ очень рано и уже въ корпусѣ онъ началъ вести иллюстрированный дневникъ, который наполнялъ описаніями событій корпусной жизни да карикатурами на начальствующихъ лицъ. Однажды Николай взялъ съ собою Александра въ непродолжительное плаваніе. Тутъ Александру показалось, что онъ рожденъ для свободной морской стихіи, возненавидѣлъ предстоявшую ему дѣятельность горнаго инженера, покинулъ корпусъ и началъ готовиться къ экзамену на гардемарина. Но и карьера моряка, о которой сталъ мечтать теперь съ увлеченіемъ Александръ Александровичъ, была также загромождена баррикадами изъ дифференціаловъ и интеграловъ. Онъ столкнулся опять съ тою же ненавистной математикой, боролся, приходилъ въ отчаяніе и кончилъ тѣмъ, что поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ и въ 1818 году былъ произведенъ въ корнеты. Полкъ, въ которомъ служилъ Александръ Бестужевъ, стоялъ недалеко отъ Петергофа, въ мѣстечкѣ Марли, откуда и пошелъ знаменитый псевдонимъ.

Между тѣмъ подростали и два слѣдующіе братья Бестужевы, Михаилъ и Петръ. Надо замѣтить, что, вслѣдствіе отличнаго окончанія курса въ морскомъ корпусѣ Николаемъ Александровичемъ, онъ былъ оставленъ, несмотря на свои восьмнадцать лѣтъ,—«не въ примѣръ прочимъ»,—въ званіи воспитателя того же корпуса. Это дало ему возможность помѣстить въ корпусъ высказавшихъ желаніе служить также во флотѣ Михаила и Петра. Замѣчательны тѣ наставленія, которыя давалъ своимъ братишкамъ-кадетамъ Николай Александровичъ. Встрѣченные, какъ водилось въ доброе старое время, побоями со стороны старшихъ кадетъ, новички стали горько жаловаться на свою судьбу брату и просить его защиты. «Потерпите немного,—говорилъ имъ Николай Александровичъ,—все обойдется. Не давайте себя въ обиду;

*) Ibid., стр. 2.

если подъ силу, бейте сами, а отнюдь не смѣйте мнѣ жаловаться на обидчиковъ. Забудьте однажды навсегда, что я вашъ братъ. Хорошо будете учиться, хорошо вести себя,—я отличу васъ наравнѣ со всѣми. Худо сдѣлаете, станете лѣниться,—я накажу васъ, какъ накажу каждаго шалуна и лѣнивца. Но всего болѣе остерегайтесь выносить соръ изъ избы, иначе васъ назовутъ фискалами, переносчиками—и тогда горька будетъ участь ваша» *).

Такія наставленія глубоко запали въ души Михаила и Петра.

Въ 1814 году Николаю Александровичу представлялся случай ѣхать въ дальнее плаваніе. Онъ сталъ энергично готовиться къ путешествію, но оно не состоялось, и Николай Александровичъ перешелъ на службу въ Кронштадтъ. Тутъ служилъ его самый близкій другъ, товарищъ отъ школьной скамейки до Селенгинска или, правильнѣе, до могилы, Константинъ Петровичъ Торсонъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ сильное вліяніе на Бестужевыхъ. «Самый неизмѣнный другъ брата Николая,—разсказываетъ Михаилъ Бестужевъ,—былъ Константинъ Петровичъ Торсонъ. Онъ только годомъ раньше брата вышелъ изъ корпуса. Они все время пребыванія ихъ въ корпусѣ жили въ одной комнатѣ, спали бокъ-о-бокъ, служили въ одномъ и томъ же Кронштадтѣ, помѣщались на одной квартирѣ и одно или два лѣта служили вмѣстѣ на бранвахтскомъ фрегатѣ. По переводѣ Торсона главнымъ адъютантомъ къ морскому министру Антону Васильевичу Моллеру и братъ вскорѣ переведенъ былъ въ Петербургъ въ должность исторіографа и начальника морского музея,—слѣдовательно, жили въ одномъ городѣ, видѣлись часто, поступили почти одновременно въ тайное общество, вмѣстѣ погибли, вмѣстѣ жили въ казематѣ, въ Селенгинскѣ и, наконецъ, Торсонъ и умеръ на рукахъ брата.

«Торсонъ былъ баярдъ идеальной честности и практической пользы: это былъ рыцарь безъ страха и упрека на его служебномъ и частномъ поприщѣ жизни. Обладая неимовѣрною силою воли въ достиженіи своихъ благородныхъ цѣлей, онъ вмѣстѣ съ симъ владѣлъ огромнымъ запасомъ терпѣнія при неудачахъ... Голова его была постоянно набита проектами о разныхъ преобразованіяхъ, исключительно касающихся флота... Много онъ писалъ и изъ Петропавловской крѣпости къ Николаю Первому, и всѣ его бумаги государь приказалъ сообщить составленному по его волѣ морскому комитету, и много преобразованій, очень полезныхъ, были почерпнуты (оттуда) и введены въ нашъ флотъ» **).

Мѣсто исторіографа и начальника морского музея, о которомъ упоминаетъ въ этихъ строкахъ Михаилъ Александровичъ, Николай Бестужевъ занималъ съ честью. Онъ трудился, не покладая рукъ, надъ

*) «Заря», стр. 30.

**) «Записки Михаила Александровича Бестужева». «Русская Старина» 1881 года, ноябрь, стр. 606.

своимъ дѣломъ, но не замыкался исключительно въ свою спеціальность: вопросы литературные, общественные и политическіе горячо занимали его вниманіе. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Торсономъ пристально вглядывался Бестужевъ въ окружавшую его дѣйствительность; давно начавшая работать критическая мысль сталкивалась на каждомъ шагу съ темными явленіями, порождаемыми всѣмъ крѣпостнымъ строемъ русской жизни; сравненіе съ иными, видѣнными за границей, порядками напрашивалось само собою; все это неудержимо толкало Николая Александровича искать способовъ улучшить положеніе въ дорогой ему родинѣ.

Необходимо замѣтить, что Николай Александровичъ еще до вступленія своего въ тайное общество побывалъ за границей два раза, что, разумѣется, прошло для него далеко не безслѣдно. Первое его путешествіе относится къ 1815 году, т.-е. къ эпохѣ знаменитыхъ наполеоновскихъ «Ста Дней». Батальонъ моряковъ получилъ приказаніе отправиться въ Голландію для содѣйствія русской арміи при переправахъ. Въ составѣ этого баталіона былъ отправленъ и Николай Бестужевъ. Умный, наблюдательный молодой морякъ не тратилъ время даромъ: результатомъ его поѣздки явились «Записки о Голландіи», быстро доставившія автору нѣкоторую извѣстность въ литературѣ.

Второе путешествіе за границу совершилъ Николай Александровичъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ и уже тогда пріобрѣвшимъ извѣстность журналистомъ Гречемъ въ 1817 году. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Михаилъ Бестужевъ:

«Это путешествіе имѣло весьма осязательное вліяніе, какъ на послѣдующую литературную дѣятельность не только брата Николая, но даже и Александра, равно какъ и на ростъ тѣхъ сѣмянъ либерализма, которыя таились въ душѣ нашей. Знакомство съ Гречемъ невольно втянуло насъ, троихъ братьевъ, въ тотъ жидкій кружокъ литераторовъ, который жалко произросталъ на изсушенной цензурою почвѣ русской литературы. Впрочемъ, не надо думать, чтобы *геній* (курсивъ подлинника) Николая Ивановича Греча увлекъ насъ; мы его даже въ то время очень хорошо понимали... Относительно же либерализма вообще этотъ походъ былъ чреватъ послѣдствіями: необходимо вспомнить эпоху нашего похода. Мы шли взять часть войскъ Воронцова, оставленную во Франціи для поддержки власти Бурбоновъ, возстановленныхъ нашей силой и для сбора наложенной на страну контрибуціи. Франція волновалась... Ей нуженъ былъ или Наполеонъ—или свобода! Король въ теплыхъ бархатныхъ сапогахъ — былъ смѣшонъ, а французы не могутъ переносить смѣшного!.. Все это мы скоро замѣтили въ Кале, гдѣ наша эскадра стояла весьма долго въ ожиданіи солдатъ Воронцова... Впрочемъ, самый нашъ рейсъ до Кале и возвращеніе отъ него пролили въ Россію обильную струю благотворной влаги для роста сѣмянъ либерализма. Въ числѣ пассажировъ на кораблѣ «Не тронь меня», кромѣ Греча, находилась жена генерала Жо-

мили съ племянницей и компаніонкой. Генеральша была завзятая республиканка: компаніонка, происходившая изъ плебейскаго рода, была республиканкою еще болѣе пылкою. Дивизіонный генералъ нашъ Огильва, родомъ англичанинъ, въ каютѣ котораго онѣ жили, присутствовали за обѣдомъ и чайнымъ столомъ, не стѣснялся въ своихъ англоманскихъ сужденіяхъ и съ удовольствіемъ вызывалъ споры присутствовавшихъ о политикѣ вообще и о деспотизмѣ Наполеона и о потерѣ французами свободы въ особенности. Самъ Гречъ какъ будто переродился. Сухой, безвкусный на бумагѣ, онъ обладалъ даромъ живого слова и былъ всегда краснорѣчивымъ, внимательнымъ собесѣдникомъ. Забитый литературной и полицейской цензурой въ Петербургѣ, онъ на кораблѣ между моряками, живущими на распашку въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, какъ бы увлекаемый потокомъ, невольно или изъ подражанія, жилъ и болталъ тоже на распашку» *).

Гречъ, разумѣется, только приспособлялся къ средѣ и ничего болѣе. Тотъ же Михаилъ Бестужевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній по этому поводу слѣдующее:

«Знакомство наше съ Гречемъ началось въ 1817 году на кораблѣ «Не тронь меня» и поддерживалось впродолженіи всего времени церемонно-холодно, потому что съ нимъ, какъ величайшимъ эгоистомъ, сближеніе дружеское невозможно. Мы, всѣ братья, посѣщали его домъ, какъ фокусъ нашихъ литературныхъ талантовъ, любили умную болтовню хозяина, временемъ горячую полемику гостей и при прощаніи, переступивъ порогъ, не оставляли за нимъ ничего завѣтнаго. О Булгаринѣ и говорить ничего: это былъ, въ глазахъ нашихъ, балаганный фигляръ, приманивающій людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками» **).

Бестужевы вынесли изъ заграничнаго путешествія тѣ же впечатлѣнія, которыя вынесли раньше изъ походовъ 1812—13 года ихъ старшіе товарищи:

«Пребываніе цѣлый мѣсяцъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, — разсказываетъ И. Д. Якушкинъ, не могли не измѣнить воззрѣній хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи. При такой обстановкѣ каждый изъ насъ сколько нибудь выросъ» ***). Вспомнимъ, въ какое время происходили описываемыя событія, время, когда крѣпостное право стояло устойчиво, какъ гранитная скала, когда Россія была, по знаменитому выраженію Хомякова «въ судахъ черна неправдой черной», когда всею государственною машиною управляла незнавшая пощады рука Аракчеева, вспомнимъ все это и оцѣнимъ слова Николая Бестужева, обрисовавшаго слѣдующими словами ту кар-

*) «Николай Александровичъ Бестужевъ». «Заря». Стр. 40—41.

**) «Записки Мих. Ал. Бестужева». «Рус. Старина». 1881 г. ноябрь. Стр. 610

***) «Записки И. Д. Якушкина», стр. 4—5.

тину, которая предстала предъ глазами молодежи по возвращеніи ея изъ за границы:

«Рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальства съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ, — все это возмущало и приводило въ негодованіе русскихъ и ихъ патріотическое чувство» *).

II.

Ко времени возвращенія Бестужевыхъ изъ заграницы въ Россіи уже дѣйствовалъ извѣстный «Союзъ Благоденствія» или тайное общество съ гораздо болѣе этическимъ, нежели политическимъ характеромъ. По крайней мѣрѣ, близкій участникъ союза князь Евгеній Петровичъ Оболенскій характеризуетъ его такими словами:

«Трудно было устоять противъ обаянія союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственныхъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. *Въ дали туманной, недосягаемой*, виднѣлась окончательная цѣль: политическое преобразованіе отечества, — когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа» **).

Такова была атмосфера, въ которой жила по возвращеніи изъ заграничныхъ походовъ военная молодежь. Въ ея средѣ все кипѣло и волновалось. Не говоря уже о массонскихъ ложахъ, но одно за другимъ возникали и разныя другія общества. Правда, ихъ существованіе было чрезвычайно кратковременнымъ, но они не исчезали безъ всякаго слѣда. Такъ, въ 1817 году генералъ М. Ф. Орловъ, извѣстный экономистъ и впослѣдствіи авторъ книги «La Russie et les Russes» Н. И. Тургеневъ и графъ Мамоновъ устраиваютъ тайное общество «Русскихъ Рыцарей»; Александръ Николаевичъ Муравьевъ организуетъ «Общество военныхъ людей»; князь Е. П. Оболенскій при содѣйствіи коллежскаго ассессора Токарева—«Вольное Общество»; правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новиковъ — «Малороссійское Общество» при одной изъ массонскихъ ложъ и т. д. Но, сколько извѣстно, ни въ одномъ изъ этихъ обществъ Бестужевы

*) «Н. А. «Бестужевъ». «Заря», 1869. стр. 44.

**) «Воспоминанія Оболенскаго», стр. 4.

не принимали никакого участія. Даже въ массонскихъ ложахъ и то только въ одной изъ нихъ былъ членомъ изъ всѣхъ братьевъ одинъ лишь Николай, который былъ введенъ туда... Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ... *). Всѣ они сочувствовали общественному движенію своего времени и его идеаламъ, но до самого 1825 года никто изъ нихъ не былъ членомъ тайнаго общества. Въ этомъ отношеніи судьба ихъ совершенно одинакова, и неособенно основательно, на нашъ взглядъ, противопоставляетъ г. Венгеровъ Николая Бестужева его брату Александру, видя въ первомъ, какъ и въ «значительной части» его товарищей, «черты, дѣлающія вполнѣ понятнымъ, почему они примкнули къ организаціи», а во второмъ «случайнаго участника движенія» **).

Какъ было дѣло въ дѣйствительности?

Составитель шеститомной «Исторіи царствованія Александра Перваго», Богдановичъ, пользовался, какъ это видно изъ его труда, подлиннымъ слѣдственнымъ дѣломъ о декабристахъ (донынѣ не опубликованнымъ). Такой трудъ можно было бы считать, поэтому, вполнѣ авторитетнымъ для провѣрки разнаго рода касающихся декабристовъ данныхъ, если бы Богдановичъ въ то-же время не счелъ нужнымъ, по непонятнымъ причинамъ, ссылаться на такой въ высшей степени мутный источникъ, какъ книга Греча.

Именно со ссылкою на этотъ источникъ, Богдановичъ писалъ въ своей «Исторіи» такія строки:

«Занявъ мѣсто въ думѣ ***), Рылѣевъ нашелъ усерднаго пособника въ другомъ, болѣе себя знаменитомъ, литераторѣ Александрѣ Бестужевѣ. Даровитый, образованный, преисполненный ума, Бестужевъ увлекся желаніемъ играть роль и *увлекъ за собою трехъ своихъ братьевъ*» ****).

Слѣдуя Богдановичу, и г. Венгеровъ считаетъ «очевиднымъ», что Александръ Бестужевъ «попалъ въ заговоръ *только* потому, что всѣ близкіе и пріятели въ немъ участвовали и потому, что подпалъ обаянію, связанному со всякой опасностью» *****).

Однако, данное мнѣніе представляется не обоснованнымъ, такъ какъ и сообщеніе Богдановича не отвѣчаетъ исторической дѣйствительности: Александръ Бестужевъ вовсе не «увлекалъ» въ заговоръ своихъ братьевъ: Николай Бестужевъ былъ принятъ въ общество К. Ф. Рылѣевымъ, Михаилъ К. П. Торсономъ, а Петръ, вопреки желанію *всѣхъ* другихъ братьевъ почти наканунѣ 14-го де-

*) «Записки М. А. Бестужева». «Русская Старина». Ноябрь. 1881, стр. 622.

**) Венгеровъ. «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» Принадлежащая самому г. Венгерову статья «Бестужевъ-Марлинскій», стр. 157.

***) Нѣчто вродѣ комитета общества.

****) «Исторія царствованія Александра Перваго и его времени», томъ VI, стр. 434.

*****) «Словарь», стр 157.

кабря А. П. Арбузовымъ. Но Богдановичъ правъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что Александръ поступилъ въ общество дѣйствительно *раньше* всѣхъ своихъ братьевъ и почти всѣхъ своихъ «близкихъ и пріятелей»; этого обстоятельства не принялъ во вниманіе г. Венгеровъ.

Въ опубликованномъ по Высочайшему повелѣнію въ 1826 году во всеобщее свѣдѣніе «Донесеніи слѣдственной коммиссіи» говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Между тѣмъ, и въ обществѣ петербургскомъ явилась большая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ думу на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого. Онъ и *принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 года* причисленный къ верхнему кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнью, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ... Имъ и Рылѣевымъ, прямо и черезъ другихъ, приняты многіе новые члены; въ томъ числѣ вступили въ общество въ разныя времена нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго декабря: Николай, Михайло, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ» *).

Отсюда видно, сколько «близкихъ и пріятелей» Александра Бестужева вступило въ общество *послѣ* него.

Къ этому обстоятельству, равно какъ и вообще къ характеристикѣ г. Венгеровымъ Александра Бестужева, мы вернемся ниже; напомнимъ сперва въ общихъ чертахъ судьбу Александра Бестужева съ того момента, когда онъ вступилъ въ самостоятельную жизнь.

Мы сказали, что, отчаявшись сдѣлаться морякомъ, Александръ Бестужевъ поступилъ въ гвардейскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Служба его начала протекать чрезвычайно счастливо и уже въ 1818 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ главноуправляющему путями сообщенія генералу Бетанкуру, а по уходѣ послѣдняго, къ заступившему его мѣсто герцогу Александру Виртембергскому. Предъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Но молодого человѣка потянуло скоро къ литературѣ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Рылѣевъ и другіе стали его друзьями, а первоклассный журналистъ Н. А. Полевой рано прозрѣлъ въ немъ большой литературный талантъ и остался на всю жизнь его поклонникомъ. Въ 1824—25 годахъ К. Ф. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ начали издавать альманахи подъ заглавіемъ «Полярная Звѣзда». Эти альманахи составили крупное событіе въ литературахъ жизни Россіи. Въ нихъ участвовали всѣ лучшія силы того времени—Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Баратынскій, Вяземскій, Дельвигъ, Гнѣдичъ, Плетневъ, Корниловичъ и другіе. Тутъ же началъ

*) «Донесеніе слѣдственной коммиссіи», стр. 52.

свою литературную дѣятельность А. С. Хомяковъ. Помимо чисто литературныхъ достоинствъ, «Полярная Звѣзда» должна остаться памятною въ исторіи русской журналистики и еще одною крупною заслугой: ея издатели начали *первые* оплачивать правильно литературный трудъ авторовъ.

Альманахи эти имѣли колоссальный успѣхъ, разойдясь въ теченіе трехъ недѣль въ количествѣ 1.500 экземпляровъ, цифрѣ по тому времени почти неслыханной. Самъ Бестужевъ, помимо многихъ другихъ статей и переводовъ, сталъ помѣщать въ «Полярной Звѣздѣ» обзоры современной ему литературы, которые заинтересовали въ чрезвычайной степени журнальный міръ и читающую публику. Романтизмъ былъ основнымъ принципомъ критическихъ статей Бестужева, но пробѣгая и теперь его «обзоры» и припоминая то время, въ которое они написаны, вполнѣ соглашаешься съ высказаннымъ Шашковымъ мнѣніемъ о Бестужевѣ, какъ о достойномъ предшественникѣ Надеждина и Бѣлинскаго. Извѣстно *), какой переполохъ въ журнальномъ мірѣ произвела «дерзкая» мысль, высказанная Бѣлинскимъ въ его «Литературныхъ Мечтаніяхъ», о томъ, что «у насъ нѣтъ литературы». Эту самую мысль высказывалъ и Бестужевъ. «Исторія, критика и сатира были всегда младшими вѣтвями словесности. Такъ было вездѣ, кромѣ Россіи, ибо у насъ есть критика и нѣтъ литературы». Это явленіе авторъ объясняетъ такимъ образомъ:

«Жизнь необходимо требуетъ движенія, а развивающійся умъ дѣла. Онъ хочетъ шевелиться, когда не можетъ летать; но, не занятый политикой, весьма естественно, что дѣятельность его хватается за все, что попадается, а какъ источники нашего ума очень мелки для занятій важнѣйшихъ, мудрено ли, что онъ кинулся въ кумовство и пересуды! Я говорю не объ одной словесности: всѣ наши общества заражены тою же болѣзнью» **).

Такимъ образомъ, Бестужевъ высказываетъ и развиваетъ важную мысль о взаимодѣйствіи жизни и литературы. Послѣдняя будетъ содержательна лишь въ томъ случаѣ, когда наполнится содержаніемъ первая. Литература есть лишь отраженіе жизни. Ея развитіе тормозитъ отсутствіе въ обществѣ образованности, а «феодальная умонаклонность многихъ дворянъ усугубляетъ сіи препоны. Одни рубятъ гордіевъ узелъ наукъ мечомъ презрѣнія, другіе не хотятъ ученіемъ мучить дѣтей своихъ и для сего оставляютъ невоздѣланными ихъ умы, какъ нерѣдко поля изъ пристрастія къ псовой охотѣ» ***).

Тутъ ужъ ясно замѣтенъ переходъ отъ чисто литературной критики къ публицистикѣ, т.-е. наблюдается явленіе, которое существе-

*) Шашковъ—«А. А. Бестужевъ-Марлинскій». «Дѣло». 1880 г. Ноябрь. стр. 122

**) «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 годовъ» Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго. Часть XI, стр. 121—122.

***) Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи». Ibid., стр. 156.

вало въ русской литературѣ на всемъ пространствѣ XIX вѣка и перешло въ двадцатый.

Другой издатель «Полярной Звѣзды», задушевный другъ Бестужева, Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ, смотрѣлъ именно съ этой точки зрѣнія на свои поэтическія произведенія. Это былъ «поэтъ-гражданинъ». Въ знаменитой поэмѣ «Войнаровскій», составляющей безспорно лучшее изъ стихотвореній Рылѣева, находится такое посвященіе ея Бестужеву:

Какъ странникъ грустный, одинокій
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ—
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.
Прими же плодъ трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства,
Зато найдешь живыя чувства.
Я не поэтъ, а гражданинъ *).

На почвѣ общности именно этихъ «живыхъ чувствъ» и сошлись близко оба издателя «Полярной Звѣзды».

Требуя отъ литератора опредѣленнаго отношенія къ жизни, Бестужевъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ его друзей, писалъ, между прочимъ, злыя эпиграммы на тѣхъ изъ литераторовъ, которые не слѣдовали этому принципу. Такова его эпиграмма на Жуковскаго, долгое время приписывавшаяся Пушкину:

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ.
Съ указкой втерся во дворецъ,
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!.. **).

*) Послѣ появленія этого стихотворенія еще при жизни Рылѣева оно явилось затѣмъ въ печати первоначально въ статьѣ М. И. Семевскаго «Александръ Александровичъ Бестужевъ» («Отечественныя Записки» 1860 г., май, стр. 135—136), затѣмъ въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» за 1871 г. (стр. 486), гдѣ появилась полностью поэма «Войнаровскій» и, наконецъ, вошло въ собраніе сочиненій Рылѣева.

**) «Русская Старина», іюнь. 1870 г., стр. 521.

Впечатлительный, экспансивный, хотя и уступавшій въ благородствѣ характера своему брату Николаю,—Александръ Бестужевъ, тѣмъ не менѣе, не только не былъ равнодушенъ къ «соціальнымъ и политическимъ темамъ», какъ то утверждаетъ г. Венгеровъ, но, на нашъ взглядъ, остался вѣренъ своимъ взглядамъ, до конца жизни. Возьмите его отношеніе хоть къ знаменитому произведенію Карамзина. Извѣстно, что, не взирая на свои злыя эпиграммы на Карамзина, Пушкинъ сталъ впослѣдствіи относиться къ нашему «исторіографу» совершенно иначе. Не то Бестужевъ. Онъ остается и въ тридцатыхъ годахъ на той же точкѣ зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на произведенія Карамзина въ началѣ двадцатыхъ. Въ письмѣ къ матери изъ Дербента (отъ 19-го января 1831 года) онъ писалъ:

«Вы обвиняете меня, что я рѣзокъ въ критикѣ. Я втрое пылче въ похвалахъ. Никогда не любилъ я бабушку Карамзина, человѣка безъ всякой философіи, который писалъ свою исторію страницу за страницей, не думая о будущей и не справляясь съ предыдущей. Онъ былъ пустозвонъ краснорѣчивый, трудолюбивый, мелочной, скрывающій подъ шумихою сентенцій чужихъ, свою собственную ничтожность. Не то Полевой» и т. д. *).

Такъ смотрѣли въ двадцатыхъ годахъ на трудъ Карамзина издатели «Полярной Звѣзды», такъ смотрѣлъ Пушкинъ, такъ смотрѣли нѣкоторые другіе. Это было обусловлено точкой зрѣнія, съ которой всѣ они смотрѣли на общественно-политическіе вопросы. Ее-то и сохранилъ во многомъ Бестужевъ и въ тридцатыхъ годахъ. О двадцатыхъ же и говорить нечего. Онъ не только интересуется извѣстными вопросами, но и дѣлаетъ ихъ именно «темами» своихъ произведеній.

Мы увидимъ далѣе, какъ сталъ относиться Бестужевъ къ Пушкину, когда муза Александра Сергѣевича стала издавать не тѣ звуки, издавать которыя ей надлежало по мнѣнію Бестужева, а между тѣмъ онъ глубоко любилъ Пушкина, былъ потрясенъ извѣстіемъ о его смерти и въ замѣчательномъ письмѣ, которое мы приведемъ ниже, клялся, что при первой же встрѣчѣ съ Дантесомъ, одинъ изъ нихъ не увидитъ больше свѣта...

Бестужевъ не былъ натурою цѣльною и глубокою, въ немъ было много порывистости, онъ готовъ былъ подчасъ на «военныя хитрости», на которыя былъ рѣшительно не способенъ его высокоблагородный братъ, въ его характерѣ были и тѣневыя стороны. Все это ясно выступаетъ при тщательномъ изученіи его біографіи, но видѣть въ Бестужевѣ лишь «случайнаго» участника движенія двадцатыхъ годовъ, какъ это дѣлаетъ г. Венгеровъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Характеры Николая и Александра Бестужевыхъ, — это въ нѣ-

*) «Александръ Бестужевъ на Кавказѣ». «Русскій Вѣстникъ», 1870 г., іюнь, стр. 506—507.

которомъ родѣ характеры Остапа и Андрея Бульбы. И Остапъ, и Андрей ненавидятъ бурсацкіе порядки, они оба способны на отважныя предпріятія, но, когда дѣло доходитъ до расплаты, Андрей, съ помощью гибкаго и изворотливаго ума своего, умѣетъ, если не совсѣмъ избавиться отъ бурсацкихъ лозъ, то хоть уменьшить ихъ число, тогда какъ Остапъ, отложивъ всякое попеченіе, преспокойно ложится въ этихъ случаяхъ на бурсацкій эшафотъ. «Выдать товарища, — замѣчаетъ Гоголь,—не могли заставить Остапа никакія лозы». Не выдавалъ ихъ и Андрей, но онъ не считалъ грѣхомъ избавиться отъ наказанія, если средства, которыя онъ для этого пускалъ въ ходъ, принося ему пользу, не усугубляютъ наказаніе товарищей. Подобно Остапу, Николай Бестужевъ не ждетъ себѣ пощады, не умаляетъ своей вины, молчитъ или отдѣлывается краткими отвѣтами: «нѣтъ», «не знаю» и пр. Подобно Андрею, Александръ, не выдавая товарищей, — на это онъ не способенъ, — пускается на военныя хитрости, говоритъ, что видѣлъ въ тайномъ обществѣ «одну игрушку», что «искалъ средства изъ него удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами», что для этого думалъ жениться и «ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу» и т. д. *). Служа впослѣдствіи на Кавказѣ и видя совершенно ясно цѣну многихъ изъ кавказскихъ героевъ, онъ куритъ имъ ѳиміамъ въ письмахъ, которыя, онъ полагаетъ, будутъ вскрыты и прочитаны не однимъ только адресатомъ. Существуетъ любопытное письмо Бестужева къ одному изъ парижскихъ пріятелей, написанное имъ еще третьяго марта 1824 года и затѣмъ опубликованное въ «Русской Старинѣ». Въ этомъ письмѣ личность Бестужева проявляется съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, въ качествѣ человѣка, чрезвычайно интересующагося «политикой» и во-вторыхъ, человѣка, крайне осторожнаго въ перепискѣ. «За мой винигретъ,—пишетъ Бестужевъ,—прошу заплатить, въ свою очередь, политикой и словесностью. Эти два пункта меня очень занимаютъ». Онъ засыпаетъ вопросами своего корреспондента: «Что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ? Каковъ духъ большей части французовъ? Доволенъ ли народъ? Пожалуйста, бросьте *при вѣрномъ случаѣ* нѣсколько строкъ объ этомъ». Подчеркнутыя слова особенно любопытны въ томъ отношеніи, что, говоря о самыхъ въ сущности невинныхъ вопросахъ политическаго характера, Бестужевъ, тогда еще ни въ чемъ незаподозрѣнный гвардейскій офицеръ и адъютантъ брата русской императрицы, уже остерегался «неисправности почты».

Читатель могъ убѣдиться, что мы нисколько не подкрашиваемъ характера Александра Бестужева. Именно такимъ, со всѣми свѣтлыми и темными сторонами своей личности принялъ онъ участіе въ обществен-

---

*) Донесеніе слѣдственной коммиссіи, стр. 52.

номъ движеніи своего времени. Теперь познакомимся не много подробнѣе и съ третьимъ изъ братьевъ Бестужевыхъ—Михаиломъ.

Онъ окончилъ хорошо курсъ въ морскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ офицеры. «Добрый К. П. Торсонъ,—разсказываетъ самъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—изъ любви къ брату и желая направить мои неопытные шаги на жизненномъ и служебномъ поприщѣ, взялъ меня подъ свою опеку: предложилъ мнѣ жить вмѣстѣ, склонилъ къ занятіямъ серьезнымъ и былъ моимъ дядькой и учителемъ» *).

Заграничное путешествіе и затѣмъ сравненіе европейскихъ порядковъ съ русскими произвели на Михаила Бестужева такое же впечатлѣніе, какъ и на остальную передовую молодежъ второго десятилѣтія XIX вѣка. Личная несправедливость къ нему и его другу Торсону со стороны начальства довершили дѣло.

Въ 1823 году Торсонъ составилъ проектъ объ усовершенствованіи русскаго флота. Ему было поручено реализовать этотъ проектъ вооруженіемъ корабля «Эмгейтена» и онъ пригласилъ къ себѣ въ помощники Михаила Бестужева. Цѣлую зиму провели молодые моряки въ холодныхъ зданіяхъ адмиралтейства, работая изо всѣхъ силъ надъ своей задачей. Когда все было готово, императоръ Александръ осмотрѣлъ корабль, пришелъ въ восторгъ и спросилъ морскаго министра Ф. В. Моллера, «отчего онъ тутъ видитъ то, чего прежде нигдѣ не видалъ?» Моллеръ не обмолвился ни однимъ словомъ о дѣятельности Торсона и Бестужева и всѣ похвалы принималъ, какъ должныя, на собственный счетъ. «Накипѣвшее у Торсона негодованіе,—говоритъ Михаилъ Бестужевъ,—не могло скоро уходиться. Въ частыхъ бесѣдахъ со мною Торсонъ раскрывалъ душевныя раны, и жалобы съ горечью изливались на существующія злоупотребленія, на гнетущій произволъ, на тлетворное растлѣніе всего административнаго механизма. «Надо положить этому конецъ», произносилъ онъ часто, останавливался, задумывался и перемѣнялъ разговоръ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, онъ открылъ мнѣ существованіе тайнаго общества, съ цѣлью «положить этому конецъ», и принялъ меня въ члены» **).

Изъ этого разсказа самого Михаила Бестужева видно, что его братъ Александръ былъ вовсе неповиненъ въ «увлеченіи» его на путь тайныхъ обществъ, какъ о томъ празднословитъ Гречъ, а вслѣдъ за нимъ Богдановичъ, но совершенно вѣрно, что, узнавъ о присоединеніи Михаила къ тайному обществу, Александръ совѣтовалъ и помогалъ ему утилизировать его силы наилучшимъ образомъ, въ цѣляхъ общества. Вскорѣ послѣ описаннаго случая съ Моллеромъ Торсонъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а вслѣдъ за нимъ совсѣмъ оставилъ флотъ и Михаилъ Бестужевъ. Онъ хотѣлъ перейти въ сухопут-

*) «Русская Старина» 1881 г., ноябрь, стр. 617.
**) Ibid., стр. 621.

ныя войска, но куда и какъ? «Братъ Александръ, которому я исповѣдовалъ состояніе моей души,—разсказываетъ Михаилъ Александровичъ, предложилъ мнѣ перейти на службу въ гвардію, объяснивъ мнѣ, что мое присутствіе въ полкахъ гвардіи, можетъ быть, будетъ полезно для дѣла тайнаго общества; я согласился. Онъ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ильею Гавриловичемъ Бибиковымъ, членомъ нашего общества, адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, который его уважалъ и любилъ, взялся за переводъ» *). Дѣло устроилось и такимъ образомъ морякъ Михаилъ Бестужевъ сдѣлался офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Это обстоятельство имѣло очень важныя для Бестужевыхъ, да и не однихъ только ихъ, послѣдствія. Извѣстно, что Московскій полкъ возмутили четырнадцатаго декабря въ сущности три человѣка: Александръ и Михаилъ Бестужевъ и князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій. Изъ офицеровъ этого полка, кромѣ послѣднихъ двухъ (Александръ не былъ офицеромъ Московскаго полка), осужденъ еще одинъ только прапорщикъ В. С. Толстой. Что касается Щепина-Ростовскаго, то онъ получилъ образованіе также въ морскомъ корпусѣ **), но когда и какимъ образомъ сдѣлался онъ офицеромъ Московскаго полка, мы не знаемъ. Принимая во вниманіе, что въ 1825 году ему было двадцать восемь лѣтъ, надо полагать, что онъ былъ почти однокурсникомъ въ морскомъ корпусѣ Михаила Бестужева, бывшаго въ описываемый моментъ двадцати шести лѣтъ. Въ запискахъ Михаила Бестужева, правда, совсѣмъ не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ, но, вѣдь, его записки опубликованы еще далеко не полностью ***).

Теперь остановимся немного на роли Бестужевыхъ въ томъ общественномъ движеніи, которое привело къ 14 декабря 1825 года.

Мы упоминали, что г. Венгеровъ считаетъ Александра Бестужева случайнымъ участникомъ движенія. Въ статьѣ, озаглавленной «Бестужевъ-Марлинскій», онъ говоритъ слѣдующее:

«Если обратиться къ прямымъ участникамъ революціонной организаціи, то въ духовной природѣ *значительной части ихъ* не трудно будетъ найти черты, которыя дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему они примкнули къ организаціи? Пестель съ своей натурой Кассія, дерзкій Каховскій, фанатикъ Рылѣевъ, вся поэзія котораго проникнута гражданскимъ духомъ, старшій братъ Марлинскаго, и въ Сибири только о томъ и думавшій, чтобы быть полезнымъ ближнимъ, Батенковъ,

*) «Русская Старина» 1870 г. іюнь, стр. 525.

**) У Богдановича въ приложеніи къ главѣ XXXI шестой книги «Исторіи царствованія Александра I» (стр. 62—72) находится списокъ осужденныхъ декабристовъ съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ въ 1825 году и полученнаго ими образованія.

***) Записки Бестужева печатались въ «Русской Старинѣ» отрывками въ іюньской и августовской книжкахъ за 1870 годъ (въ трехъ изданіяхъ: во второмъ добавлена глава объ изобрѣтенной М. Бестужевымъ въ крѣпости стѣнной азбуки. Третье ничѣмъ не отличается отъ второго) и ноябрьской 1881 года.

который высидѣлъ двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ всякой попытки смягчить свою участь, всѣхъ этихъ людей никакъ нельзя назвать случайными участниками движенія». Что же касается Марлинскаго, то онъ, по мнѣнію г. Венгерова, какъ «никогда не касавшійся соціальныхъ и политическихъ темъ, интересовавшійся почти исключительно областью чувства и любви, введенія зурѣ тридцатыхъ годовъ (отлично знавшей, что заговорѣ *только* государственнаго преступника), *очевидно*, участвовали, и потому, потому, что всѣ его близкіе и пріятской опасностью» *). что подпалъ обаянію, связа- далеко не *идеализируемъ* личность Мар-

Читатель видѣлъ, которыми обрисовалъ его г. Венгеровъ менѣе линскаго, но кр насъ удовлетворить. Мы уже указали, что предложенное всего спос- Венгеровымъ объясненіе причинъ вступленія Марлинскаго въ айное общество не вяжется съ тѣмъ фактомъ, что Марлинскій вступилъ въ общество *раньше* почти «всѣхъ его близкихъ и пріятелей». Не удовлетворяетъ насъ и критерій, на основаніи котораго г. Венгеровъ дѣлитъ участниковъ событія 14-го декабря на «случайныхъ» и «неслучайныхъ». Каховскій, по его словамъ, былъ «дерзокъ» и этой черты его «духовной природы» вполнѣ для г. Венгерова достаточно, чтобы ему стало «совершенно понятно», почему Каховскій вступилъ на извѣстную дорогу. Но, вѣдь, чѣмъ другимъ, а «дерзостью» одарила природа въ очень сильной степени и Марлинскаго. Самъ г. Венгеровъ приводитъ тому много примѣровъ. Отчего же «понятное» г. Венгерову въ Каховскомъ непонятно ему въ Марлинскомъ? Почему присутствіе одного изъ этихъ двухъ «дерзкихъ» людей въ движеніи явленіе «вполнѣ понятное», а на участіе въ томъ же движеніи другого надо смотрѣть, какъ на случайность? Если обладаніе «дерзостью» основаніе достаточное, чтобы то или иное изъ дѣйствующихъ лицъ было зачислено въ разрядъ неслучайныхъ, то въ общую категорію должны попасть и Каховскій, и Марлинскій; если же одной этой черты «духовной природы» для такого зачисленія еще недостаточно, то, значитъ, Каховскій обладалъ и еще чѣмъ-нибудь такимъ, что дѣлаетъ его участіе въ движеніи «вполнѣ понятнымъ». Но тогда надо рѣшить и другой вопросъ: не обладалъ ли тѣмъ же и Марлинскій?

Дѣло въ томъ, что *индивидуальныя* причины, толкнувшія въ движеніе его участниковъ, чрезвычайно разнообразны. Что общаго между психическимъ складомъ, напр., С. И. Муравьева-Апостола и А. И. Якубовича, князя А. П. Барятинскаго и Д. И. Завалишина, И. И. Горбачевскаго и В. К. Тизенгаузена? Это все люди разныхъ психическихъ міровъ, люди гораздо болѣе между собою далекіе, чѣмъ П. А. Каховъ-

*) «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» т. III, стр. 157.

скій и А. А. Бестужевъ, и, тѣмъ не менѣе, у всѣхъ ихъ было нѣчто общее, что заставило ихъ пропитаться атмосферой, господствовавшей въ передовыхъ кружкахъ военной молодежи двадцатыхъ годовъ. Это-то «нѣчто» и было побудительною причиною дѣятельности какъ Марлинскаго, такъ и многихъ другихъ изъ его товарищей. Если же взять только день 14 декабря 1825 года, то и тутъ надо будетъ сказать, что Марлинскій былъ случайнымъ участникомъ въ событіяхъ этого дня.

Событія двадцатые годы были въ нѣкоторомъ родѣ случайностью. Ни Бестужевъ, ни его друзья не предыдущаго, что *настроеніе* Бестужева въ такъ близка. Это вѣрно, по крайней мѣрѣ и въ помыслахъ, что развязка маго «сѣвернаго общества». Развѣ старый относительно такъ называемаго общества, одинъ изъ его руководителей, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, писалъ о политическомъ преобразованіи Россіи, какъ о событіи, которое рисовывалось предъ глазами членовъ общества «въ дали туманной, неопредѣленной?» Развѣ вѣрили въ успѣхъ своего дѣла въ самый день 14 декабря люди, игравшіе въ этотъ день наиболѣе активную роль: князь Е. П. Оболенскій, князь А. И. Одоевскій, князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій, Н. А. Бестужевъ и, наконецъ, самъ К. Ф. Рылѣевъ? Нѣтъ, они не вѣрили и все-таки пошли. А Марлинскій? И онъ не вѣрилъ, и все-таки пошелъ. Его психика *ничѣмъ* не отличалась въ этотъ день отъ психики его друзей.

Обратимся къ документальнымъ даннымъ.

Двадцать пятый годъ близился къ концу. Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ были поглощены заботами объ изданіи четвертаго выпуска «Полярной Звѣзды». Этотъ выпускъ такъ и не явился въ свѣтъ, но для него было приготовлено уже восемь печатныхъ листовъ *). Бестужевъ усидчиво работалъ надъ этимъ дѣломъ. Ему и въ голову не приходило, что уже напечатанные листы увидятъ свѣтъ лишь на страницахъ «Русской Старины» черезъ пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ ихъ изготовленія и сорокъ шесть послѣ его смерти... **).

Оболенскій разсказываетъ, что 1825 годъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ очень тихо. Возвратясь въ началѣ этого года изъ двадцативосьмидневнаго отпуска въ Москву, куда онъ ѣздилъ, «чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву», Оболенскій «нашелъ Рылѣева еще занятаго изданіемъ альманаха, а по дѣламъ общества все находилось въ какомъ-то затишьи. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга. Н. И. Тургеневъ былъ за границей Я. Н. Толстой тамъ же; И. И. Пущинъ переѣхалъ въ Мо-

*) «Отечественныя Записки», 1860 г., май, стр. 141.

**) Новый выпускъ «Полярной Звѣзды» долженъ былъ называться «Звѣздочкой» Уцѣлѣвшіе листы ея напечатаны въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» за 1883 г., стр. 45—100.

скву, кн. С. П. Трубецкой былъ въ Кіевѣ, Мих. Мих. Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ; такимъ образомъ наличное число членовъ общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить себѣ цѣль и намѣренія общества, а потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности черезъ постоянное взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные періодически назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 годъ» *).

Когда получено было извѣстіе о кончинѣ Александра, то «наканунѣ присяги (Константину),—разсказываетъ Оболенскій въ другомъ мѣстѣ,—всѣ наличные члены общества собрались у Рылѣева. Всѣ *единогласно* рѣшили, что предпринимать что-либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того, положено было дѣйствія общества на время пріостановить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а можетъ быть навсегда, отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни».

Когда же пришли слухи объ отреченіи Константина, то члены общества стали снова ежедневно сходиться на совѣщанія, на которыхъ Рылѣевъ настаивалъ на необходимости «воспользоваться междуцарствіемъ»... «Я и многіе со мною изъявили мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день (14 декабря) обществомъ, но неминуемость близкая, неотвратимая заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось общество впродолженіи столькихъ лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха,—едва ли кто-нибудь изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ. Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливой звѣздой, но при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ обществу исполнить данное слово, обязанъ исполнить свое назначеніе и съ этимъ чувствомъ, этимъ убѣжденіемъ, въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды».

Въ такомъ настроеніи духа явился на площадь Оболенскій, въ такомъ явились и многіе другіе, въ такомъ же и братья Бестужевы.

«За пять дней до 14 декабря,—разсказываетъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая жену Михаила Степановича Степоваго и уѣхалъ обратно въ Кронштадтъ, *по нашему настоянію*, за день до рокового дня. Каково же было мое удивленіе, когда 13 декабря, бывъ на совѣщаніи у Рылѣва, я, забѣжавъ навѣстить Ореста Сомова, больного и жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ,—неожиданно увидѣлъ брата Петра у него;

*) Евгеній Оболенскій. «Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ». «Девятнадцатый Вѣкъ». Историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ, стр. 320. О самомъ Оболенскомъ см. также статью г. Головинскаго «Декабристъ князь Е. П. Оболенскій» въ № 1 «Историческаго Вѣстника» за 1890 годъ, стр. 115—145

онъ бросился ко мнѣ на шею и умолялъ не говорить о своемъ возвращеніи старшимъ братьямъ. Что было дѣлать? Я согласился молчать,—и онъ явился на площадь, только что я привелъ Московскій полкъ» [1]). Такимъ образомъ, психологія Петра Бестужева была одинакова съ другими. Изъ другого отрывка «Записокъ» М. А. Бестужева, видно, что Петръ Бестужевъ былъ принятъ въ общество лейтенантомъ А. П. Арбузовымъ [2]), а изъ другихъ данныхъ, что самъ Арбузовъ примкнулъ къ обществу лишь за нѣсколько дней до 14 декабря. «Арбузовъ раздѣлялъ тогдашнее свободное настроеніе», но не былъ членомъ общества,—разсказываетъ А. П. Бѣляевъ,—«онъ какъ-то вошелъ случайно въ сношеніе съ кѣмъ-то изъ членовъ общества, когда уже присягнулъ Константину, и тутъ узналъ, что давно уже существуетъ такое общество».. [3])

Д. И. Завалишинъ говоритъ, что Арбузовъ познакомился съ Рылѣевымъ у него на квартирѣ незадолго до отъѣзда его, Завалишина, въ Казань [4]), т.-е. опять, таки, значитъ, въ декабрѣ 1825 года.

Наконецъ, относительно психики самого Александра Бестужева существуетъ любопытное указаніе уже въ цитированномъ нами нѣсколько разъ «Донесеніи».

Когда князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій, Михаилъ Бестужевъ и Александръ Бестужевъ возмутили Московскій полкъ, то, выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, Щепинъ сказалъ ему: «Что! вѣдь, къ чорту конституція», и Бестужевъ отвѣчалъ ему (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ): «Разумѣется, къ чорту [5]).

Такой обмѣнъ мыслей на тему, что «конституція» шла «къ чорту», т.-е., что предпріятіе не удалось въ самомъ началѣ дѣла, и рядомъ съ этимъ тотъ образъ дѣйствій, какой проявили въ этотъ день Щепинъ-Ростовскій и Александръ Бестужевъ [6]), ясно указываетъ на психическое состояніе и этихъ лицъ. Она ничѣмъ не отличалась отъ психическаго состоянія остальныхъ ихъ единомышленниковъ въ этотъ день.

Отсюда видно, какъ ошибается г. Венгеровъ, проводя рѣзкую грань между психикой Александра Бестужева и психикой «значительной части» другихъ заговорщиковъ.

Но намъ, пожалуй, могутъ возразить, что самопожертвованіе является чертою фанатиковъ, а Марлинскій, несомнѣнно, фанатикомъ не былъ. Такимъ мотивомъ могъ руководится въ своей дѣятельности Рылѣевъ, но не Марлинскій,—веселый, экспансивный человѣкъ, прославившійся своимъ донъ-жуанствомъ, дуэлями и т. п. вещами. Такое возра-

---

[1]) Изъ Записокъ М. А. Бестужева, «Русская Старина» 1870 г., іюнь стр. 522.
[2]) «Русская Старина.» 1881 г., ноябрь, стр. 622.
[3]) «Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ» стр. 165.
[4]) Завалишинъ «Декабристы». «Русскій Вѣстникъ» февраль 1884 г., стр. 841.
[5]) «Донесеніе слѣдственной коммиссіи» стр. 77.
[6]) Ibid., стр. 76—77

женіе вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что Марлинскій, дѣйствительно, не былъ человѣкомъ вполнѣ цѣльнымъ, натурою, способною отдаться чему-нибудь одному разъ навсегда, отдаться такъ, чтобы это «одно» поглотило безъ остатка все его существованіе; но противорѣчитъ ли хоть сколько-нибудь всему этому мотивъ «самопожертвованія» и у такихъ натуръ, разъ они считаютъ тотъ или иной вопросъ дѣломъ чести? А именно въ этой формѣ стоялъ вопросъ, по свидѣтельству многихъ декабристовъ, у Бестужева и его друзей. Смотря на свое предпріятіе, какъ на долгъ чести, они шли на него, закрывъ глаза на послѣдствія. Наконецъ, вѣдь, это были почти всѣ люди военные, воспитавшіеся въ атмосферѣ, еще насыщенной событіями 1812—1815 г. И такое настроеніе не только вполнѣ вязалось, но и должно было сосуществовать у многихъ изъ нихъ съ бурными проявленіями молодости въ другихъ сферахъ жизни: отсюда это донъ-жуанство, на которомъ такъ подробно останавливается въ характеристикѣ Марлинскаго г. Венгеровъ, отсюда безчисленныя дуэли, участниками которыхъ были многіе декабристы (не исключая и Рылѣева), отсюда и многое другое. Вспомнимъ, что Пушкинъ въ эпоху своего наибольшаго либерализма имѣлъ и наибольшее количество всякихъ «исторій», доходя въ нихъ до прямого бреттерства. Сюда же примыкаютъ по прямой линіи Полежаевъ, а затѣмъ Лермонтовъ. То была дань общественной атмосферѣ, въ которой жили передовые люди первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, дань эпохѣ, отъ которой они не могли освободиться, несмотря на свои выдающіяся умственныя и нравственныя качества. Марлинскій примкнулъ къ движенію подъ вліяніемъ Рылѣева,— это фактъ, но примкнулъ къ нему вполнѣ сознательно, зная, на что онъ идетъ. Повлекло его на этотъ путь чувство протеста противъ «аракчеевщины», а не только желаніе не отстать отъ «близкихъ и пріятелей» «да заманчивость романтической обстановки жизни заговорщика». Если даже Марлинскій интересовался «политическими и соціальными вопросами» менѣе другихъ, если онъ дѣйствовалъ больше по непосредственнымъ побужденіямъ своего пылкаго сердца, то вѣдь и тогда это еще далеко не равносильно желанію не отстать отъ другихъ да увлеченію одною внѣшнею стороною дѣла.

III.

Мы не будемъ касаться самыхъ событій 14-го декабря 1825 года. Они болѣе или менѣе общеизвѣстны. Минуя этотъ роковой для Бестужевыхъ день, мы прослѣдимъ за дальнѣйшею судьбою каждаго изъ нихъ и начнемъ съ Марлинскаго.

Очутившись передъ слѣдственной коммиссіей, Марлинскій, какъ мы упоминали, прибѣгалъ къ такимъ «военнымъ хитростямъ», которыхъ гнушались болѣе его благородные Николай и Михаилъ Бестужевы. Онъ

вообще много «разговаривалъ» съ коммиссіей. Думаютъ, что такое поведеніе на слѣдствіи было принято во вниманіе при опредѣленіи ему наказанія: тогда какъ его братья Николай и Михаилъ были отправлены въ каторжныя работы, Александръ попалъ прямо на поселеніе въ Якутскъ. Предположеніе о томъ, что въ немъ пощадили крупный литературный талантъ, едва ли можетъ имѣть за собою вѣроятность. Съ этой стороны Бестужевъ былъ совершенно неизвѣстенъ судьямъ. По крайней мѣрѣ извѣстная А. О. Смирнова занесла въ свои «Записки» такія строки: «Императоръ Николай говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣя, что не зналъ, что у Конрада Рылѣева такой талантъ и что даже Бестужевы поэты» *).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Якутска братьямъ Марлинскій писалъ: «Теперь я гражданинъ своего тулупа: никуда не хожу гулять и въ окошко гляжу только тогда, когда какой-нибудь якутъ закричитъ: «Балыкъ надо?» на что я ему обыкновенно отвѣчаю: *сохъ* (нѣтъ), единственное слово въ этомъ языкѣ, которое я знаю очень твердо; жаль, право, что я не затвердилъ его ранѣе».

Издатель писемъ Бестужева изъ Якутска М. И. Семевскій дѣлаетъ къ послѣднимъ словамъ этого письма такой коментарій:

«Очень можетъ быть, что этою шуткою А. Бестужевъ намекаетъ на свою говорливость при слѣдствіи по дѣлу 14-го декабря. Въ то время, когда братья его Николай и Михаилъ, въ твердой увѣренности, что ихъ ожидаетъ смертная казнь, сочли излишнимъ вдаваться при допросахъ въ многословіе и обыкновенно ограничивались отвѣтами: «не знаю», «нѣтъ» и т. п., Александръ, при его пылкомъ и живомъ темпераментѣ, вдался въ подробныя изъясненія цѣлей тайнаго общества и своего въ немъ участія. Откровенность его была причиной, что участь его была облегчена: вмѣсто каторжной работы, онъ былъ сосланъ на поселеніе, но это именно и разлучило его съ братьями и друзьями» **).

Очень можетъ быть, прибавимъ мы отъ себя, что именно «откровенность» Бестужева была причиной смягченія его участи, но очень можетъ быть, что это зависѣло и отъ другихъ обстоятельствъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ Бестужева къ Полевому находятся слѣдующія, какъ будто проливающія свѣтъ на это дѣло, строки:

«Грибоѣдовъ взялъ слово съ Паскевича мнѣ благодѣтельствовать, даже выпросить меня изъ Сибири у государя. Я видѣлъ на сей счетъ сдѣланную покойникомъ записку... благороднѣйшая душа!» ***).

---

*) «Записки А. О. Смирновой». ч. II, стр. 19.

**) «Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ». «Русскій Вѣстникъ» 1870 г., май, стр. 245—246.

***) Письма А. А. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ. «Русскій Вѣстникъ» 1861 г., мартъ, стр.321.

Извѣстно, что Грибоѣдовъ самъ привлекался къ дѣлу о тайномъ обществѣ и содержался въ заключеніи. Дѣло кончилось для него ничѣмъ. Будучи въ тѣсной дружбѣ съ Бестужевымъ и имѣя вліяніе на Паскевича, именно Грибоѣдовъ могъ облегчить своими хлопотами участь Марлинскаго.

Какъ бы то ни было, но, просидѣвъ еще нѣсколько времени послѣ объявленія приговора въ Петропавловской крѣпости, Александръ Бестужевъ былъ переведенъ въ ночь на шестое августа 1826 года вмѣстѣ съ И. Д. Якушкинымъ, М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, А. П. Арбузовымъ и А. И. Тютчевымъ въ фортъ Славу въ Финляндіи. Въ концѣ октября 1827 года, т.-е. черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ находился въ одиночномъ заключеніи этого форта, Бестужева отправили съ фельдъегеремъ въ Якутскъ. Проѣздомъ черезъ Иркутскъ Александръ Александровичъ увидался случайно съ своими братьями Николаемъ и Михаиломъ, которыхъ въ это же время отправляли изъ Шлиссельбурга въ Читинскій острогъ. Это была ихъ послѣдняя встрѣча.

Прибывъ въ Якутскъ, Бестужевъ употребляетъ всѣ средства, чтобы не пасть духомъ. Для такой натуры бездѣятельность была равносильна могилѣ. Онъ наблюдаетъ мѣстную жизнь, берется за нѣмецкій языкъ и отдается изученію его съ такимъ жаромъ, что уже черезъ два мѣсяца читаетъ Шиллера и Гете, увлекается естествознаніемъ, штудируетъ Царота, Гумбольдта, Франклина, Араго, пишетъ стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя были впослѣдствіи напечатаны, но все это было не то, чего просила душа. Для кабинетныхъ занятій Бестужевъ не былъ созданъ, ему нужна была дѣятельность, жизнь, полная впечатлѣній и также, какъ рыбѣ вода или птицѣ воздухъ. Прошлое было похоронено, а въ будущемъ виднѣлся лишь безконечный рядъ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ прозябанія въ Якутскѣ среди чуждой природы и чуждыхъ людей. Съ увлеченіемъ читаетъ Бестужевъ изрѣдка долетающія въ Якутскъ газеты съ извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Кавказѣ: тамъ жизнь, тамъ просторъ для алкающаго сильныхъ впечатлѣній человѣка, оттуда лежитъ можетъ быть то, о чемъ можно было думать въ положеніи Бестужева лишь въ самыхъ безумныхъ мечтахъ,—дорога на родину, къ горячо любимой имъ матери и безконечно любимымъ своимъ братьямъ, сестрамъ. Во всякомъ случаѣ, если дорога въ Россію и существуетъ, то,—Бестужевъ зналъ это очень хорошо,—она лежитъ черезъ Кавказъ. Отправка туда рядовымъ изъ Якутска же одного изъ товарищей по дѣлу и ссылкѣ, графа З. Г. Чернышева укрѣпила Бестужева еще больше въ надеждѣ выбить себѣ лучшую долю солдатскимъ штыкомъ. Онъ шлетъ письмо къ государю въ которомъ пишетъ, что душа его «рвется въ бой кровавый», получаетъ желаемое разрѣшеніе и лѣтомъ 1829 года вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ по ссылкѣ В. С. Толстымъ мчится по сибирскому

бездорожью съ такою быстротою, что въ августѣ того же года онъ уже на Кавказѣ и въ скоромъ времени дерется съ горцами.

«Путь мой верхомъ по берегамъ Лены былъ труденъ и опасенъ,— писалъ Бестужевъ братьямъ изъ Иркутска 27-го іюля 1829 года,— рѣдкій день проходилъ безъ приключеній, но каждый часъ сближаетъ меня съ битвами за правое дѣло и я благословляю судьбу» *).

Передъ Бестужевымъ открылась было на Кавказѣ, дѣйствительно, несравненно лучшая, чѣмъ въ Якутскѣ жизнь. Онъ былъ ласково принятъ начальствующими лицами, поддерживалъ дѣятельную переписку съ родными и неизмѣнно преданнымъ ему Н. А. Полевымъ, сталъ писать подъ старымъ псевдонимомъ Марлинскаго, скоро доставившіе ему огромную популярность, романы, сдѣлался кумиромъ многихъ женщинъ, ибо соединялъ въ себѣ рѣшительно все, что́ должно было доводить до восторга нашихъ бабушекъ: разжалованный въ солдаты недавно еще блестящій гвардеецъ и адъютантъ члена императорской фамиліи, узникъ Петропавловской крѣпости, невольный житель Якутска, знаменитый писатель, отъ котораго сходили съ ума даже никогда не видавшіе его въ глаза женщины, не только не пуританинъ, но человѣкъ, какъ Бестужевъ самъ о себѣ выражался, съ «перечнымъ темпераментомъ», наконецъ, безумно-смѣлый воинъ, до дерзости всегда и всюду отважный любитель сильныхъ ощущеній,—это ли еще не данныя, чтобы герои романовъ Марлинскаго, всѣ эти Гремины, Лидины и прочія «огнедышащія» натуры съ ихъ безчисленными приключеніями явились далеко не вымышленными лицами. Многое изъ ихъ похожденій было чуть не сколками съ событій изъ жизни самого Марлинскаго. Г. Венгеровъ совершенно вѣрно указалъ, что о фальсификаціи чувствъ, въ чемъ заподазривалъ Марлинскаго Бѣлинскій, не можетъ быть и рѣчи и что вообще оцѣнка, сдѣланная Бѣлинскимъ произведеній Марлинскаго, «нѣсколько односторонняя и лишена исторической перспективы».

Одно обстоятельство измѣнило вскорѣ круто жизнь Марлинскаго въ худшую сторону. Михаилъ Бестужевъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества и прощенный за чистосердечное раскаяніе, проживая, какъ начальникъ отряда, въ Тифлисѣ, наполнилъ свой штабъ большею частью изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. Прочихъ, не бывшихъ въ его штабѣ, онъ ласково принималъ въ своемъ домѣ. Отставной флотскій офицеръ фонъ-Д., мужъ премиленькой жены своей, воспитанницы Смольнаго монастыря и подружки одной изъ моихъ сестеръ, вышедшей съ нею въ тотъ же годъ, приревновалъ брата моего Александра и вмѣсто того, чтобы разсчитаться съ братомъ, наговорилъ матушкѣ при выходѣ изъ церкви дерзостей. Братъ вызвалъ его на дуэль,—онъ отказался. Рылѣевъ встрѣтилъ фонъ-Д. случайно на улицѣ и въ отвѣтъ на его дерзость

*) Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ. «Русскій Вѣстникъ», 1870. Май, стр. 263.

исхлесталъ его хлыстомъ, бывшимъ въ его рукѣ. Этотъ-то субъектъ и былъ назначенъ на Кавказъ, какъ чиновникъ-провіантмейстеръ, и какъ то попавъ на вечеръ къ Раевскому, увидѣлъ себя среди декабристовъ. Въ паническомъ страхѣ за свою жизнь, онъ на другой же день уѣхалъ безъ разрѣшенія въ Петербургъ, а тамъ, чтобы какъ нибудь оправдать свое безразсудство, подалъ доносъ, въ которомъ представлялъ Раевскаго, какъ измѣнника. Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ, а главнокомандующему на Кавказѣ приказъ: разослать всѣхъ окружающихъ Раевскаго и находящихся въ Тифлисѣ декабристовъ, по разнымъ крѣпостямъ съ тѣмъ, чтобы ихъ подвергнуть гарнизонной службѣ» *).

Это событіе, отразившееся самымъ трагическимъ образомъ на судьбѣ брата Марлинскаго, Петра Бестужева, о чемъ мы скажемъ ниже, имѣло и для самаго Марлинскаго очень тяжелыя послѣдствія. Съ него начинается то неприглядное, тянувшееся до самой смерти существованіе Бестужева на Кавказѣ, описаніемъ котораго полны его письма къ матери и братьямъ. Рядовой Бестужевъ участвуетъ въ безчисленныхъ походахъ и экспедиціяхъ, перестрѣлкахъ и сраженіяхъ, ведетъ невѣроятно-тяжелую борьбу съ убійственными климатическими и бытовыми условіями своей жизни, подвергается всевозможнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ со стороны разныхъ властей. Надо удивляться той силѣ духа, которую обнаруживалъ при этомъ Бестужевъ. Его стремленіемъ въ это время было заслужить солдатскій георгіевскій крестъ. Какое мелкое тщеславіе!— скажутъ незнакомые съ дѣломъ люди. Нѣтъ, не мелкое тщеславіе, отвѣтимъ мы имъ, а нѣчто несравненно болѣе серьезное. Дѣло въ томъ, что георгіевскій крестъ освобождалъ рядового отъ тѣлеснаго наказанія, а вѣдь самое ужасное въ жизни Бестужева и состояло въ томъ, что надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ, вѣчно висѣла угроза палокъ, розогъ, прогнанія сквозь строй... И Бестужевъ дерется съ горцами всегда впереди, всегда въ отрядахъ охотниковъ, вызываемыхъ для самыхъ рискованныхъ предпріятій, всегда въ самомъ жаркомъ огнѣ, въ самой густой сѣчѣ. Но ничто не помогаетъ. Солдаты присуждаютъ ему георгіевскій крестъ, но онъ его не получаетъ, мѣстное начальство представляетъ его къ наградамъ, но представленія остаются безъ результата. Въ письмахъ къ близкимъ Бестужевъ описываетъ свою жизнь въ такихъ, напр., строкахъ:

24 декабря 1831 года. «Я былъ въ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлахъ; всегда впереди, въ стрѣлкахъ, не разъ былъ въ мѣстахъ очень опасныхъ; но Богъ, который выводилъ меня изъ челюстей львиныхъ и прежде, не далъ укусить ни одной свинцовой мухѣ, а онѣ, впрочемъ, крѣпко до меня добирались: шинель моя пробита въ двухъ мѣстахъ

*) «Русская Старина» 1870 г. іюнь. стр. 522—523.

и,—это чуть не чудо,—ружье мое пострѣлено сквозь обѣ стѣнки, такъ что пуля изломала шомполъ. Такихъ случаевъ, впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ пять» *).

8 ноября 1835 года. «Никто бы не повѣрилъ увидѣвъ меня по возвратѣ изъ Пятигорска, чтобы я могъ выдержать военные труды и при хорошей погодѣ: до того я былъ худъ, блѣденъ, болѣзненъ; и что же? я вынесъ втрое противъ здоровыхъ, потому что баталіоны чередовались ходить въ дѣло, а я, прикомандированъ будучи къ черноморскимъ пѣшимъ стрѣлкамъ, для введенія у нихъ военнаго порядка, ходилъ безъ отдыха каждый день въ цѣпи съ утра до вечера, не зная, что̀ такое сухая одежда, и потомъ ночуя въ мокрой постели, потому что всѣ лагери тонули» **).

26 мая 1836 года. «Я опять очень боленъ, любезный Поль. Гиленджикъ меня уходитъ. Да и можно ли быть здоровымъ въ землянкѣ, гдѣ на ногахъ сапоги плѣсневѣютъ, гдѣ подъ поломъ лужа, а кровля—рѣшето... Смертность въ крѣпости ужасная; что день, то отъ 3 до 5 человѣкъ умираетъ» ***).

Такова лишь внѣшняя обстановка жизни Бестужева. Замѣтимъ при этомъ, что, по единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ Бестужева на Кавказѣ, никакого преувеличенія въ его письмахъ нѣтъ и слѣда, такъ что и въ этомъ отношеніи г. Венгеровъ не правъ, объясняя «чисто субъективною причиной—мрачное настроеніе» *) Марлинскаго на Кавказѣ.

Мы видѣли выше, какова была даже внѣшняя обстановка жизни Бестужева, но и ею далеко не ограничивались тѣ, по выраженію г. Венгерова, «не Богъ ужъ вѣсть какія большія непріятности», съ которыми встрѣтился Бестужевъ на Кавказѣ.

Гораздо вѣрнѣе объ этомъ предметѣ мнѣніе М. И. Семевскаго, который писалъ такія строки:

«Бестужевъ, какъ видно изъ его же писемъ, былъ человѣкъ съ желѣзною волею, способный перенести всевозможныя лишенія. И чего только не перенесъ этотъ благородный и талантливый человѣкъ, перенесенный судьбою изъ Петербурга въ Якутскъ, изъ Якутска въ Дербентъ! Но, видно, горько было, если мысль о самоубійствѣ приходила ему въ голову» ****).

Да, всѣ романы Бестужева, заставившіе гремѣть имя Марлинскаго на всю Россію, были имъ написаны именно въ такой обстановкѣ. Едва ли существуетъ этому другой такой же примѣръ. Конечно, романы Марлинскаго совершенно безъидейны; *какъ таковые*, они по справедливости забыты,

---

*) Михаилъ Семевскій. «Александръ Александровичъ Бестужевъ». «Отечественныя Записки». 1860 года, іюль, стр. 46.

**) Ib., стр. 51.

***) Ib., стр. 61.

****) «Критико-біографическій словарь». т. III, стр. 160.

но несправедливо было бы забывать, на этомъ основаніи, и самого автора, хотя бы потому уже, что и самъ онъ смотрѣлъ на свои романы, какъ на «побасенки».

Въ высшей степени интересной перепискѣ Бестужева съ Н. А. и К. А. Полевыми **) выясняется устойчивость его раннихъ воззрѣній.

Мы уже упоминали, съ какимъ постоянствомъ держался Бестужевъ своего мнѣнія о Карамзинѣ, и въ этомъ мы видимъ ясный «слѣдъ» его идей двадцатыхъ годовъ. Теперь прослѣдимъ за его взглядами на поэзію Пушкина.

9 марта 1833 года Бестужевъ писалъ Н. А. Полевому:

«Давно ли, часто ли вы съ Пушкинымъ? Мнѣ онъ очень любопытенъ; я не сержусь на него именно потому, что его люблю... Скажите ему отъ меня: ты надежда Руси—не измѣни ей, не измѣни своему вѣку; не топи въ лужѣ таланта своего, не спи на лаврахъ: у лавровъ для генія есть свои шипы—шипы вдохновительные, подстрекающіе; лавры лишь для одной посредственности мягки, какъ маки» ***).

Въ другомъ письмѣ:

«Я готовъ, право, схватить Пушкина за воротъ, поднять его надъ толпой и сказать ему: стыдись! Тебѣ ли, какъ болонкѣ, спать на солнышкѣ передъ окномъ, на пуховой подушкѣ дѣтскаго успѣха? Тебѣ ли поклоняться золотому тельцу, слитому изъ женскихъ серегъ и мужскихъ перстней,—тельцу, котораго зовутъ нѣмцы маммонъ, а мы, простаки, свѣтъ» ****).

Вспомнимъ, что Полевой неоднократно упрекалъ Пушкина за его преклоненіе передъ «свѣтомъ», понимая подъ этимъ его связи въ высшихъ сферахъ. О томъ же несомнѣнно, говоритъ и Бестужевъ.

Еще отрывокъ изъ письма:

«Про Пушкина пожимаю плечами. Ужели и за его душу пора пѣть панихиду? Я всегда зналъ его за безхарактернаго человѣка, едва ли не за безнравственнаго, mais c'est plus qu'un délit, c'est une faute».

Что это значитъ? Отчего такая немилость къ поэзіи и личности Пушкина, если бы у автора письма дѣйствительно «отъ прежнихъ идей не осталось и слѣда»?

Мы ясно поймемъ замѣчаніе Марлинскаго, если припомнимъ, что точь-въ-точь также относилось къ Пушкину по извѣстнымъ причинамъ все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ.

«Начинали поговаривать, но еще робко,—разсказываетъ Панаевъ,—что Пушкинъ старѣетъ, останавливается, что его принципы и воззрѣнія обнаруживаютъ недоброжелательство къ новому движенію, къ но-

*) «Отечественныя Записки». 1860 г. май, стр. 165.

**) Письма А. А. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ, писанныя въ 1831—1837 годахъ. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г. апрѣль, стр. 426—487.

***) Письма, стр. 436.

****) Ib., 429.

вымъ идеямъ, которыя проникали къ намъ изъ Европы, медленно, но все-таки проникали, возбуждая горячее сочувствіе въ молодомъ поколѣніи... И несмотря на то, что въ художественномъ отношеніи Пушкинъ достигалъ совершенства съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ, молодое поколѣніе начинало замѣтно охлаждаться къ поэту, и только неожиданная и трагическая смерть его возвратила ему общее горячее сочувствіе» *).

Замѣчательно, что горячее сочувствіе къ Пушкину возвратила и находившемуся на другомъ концѣ Россіи Бестужеву смерть великаго поэта. Письмо къ брату Павлу, въ которомъ описываетъ Бестужевъ свои впечатлѣнія отъ этой тяжелой вѣсти, въ высшей степени характерно во всѣхъ отношеніяхъ для этой замѣчательной личности русской исторіи.

Вотъ отрывки изъ этого письма:

«J'étais profondement affecté de la fin tragique de Poushkine, cher Paul; bien que cette nouvelle m'était communiquée par une femme charmante. Tout malheur imprévu ne penetre pas d'abord jusq'au fond du coeur, mais on dirait, qu'il attaque seulement son epiderme; mais quelques heures après dans la silence de la nuit et de solititude le venin filtre dedans et s'y dilate.—Je n'avais pas clos la paupière durant la nuit, et à l'aube du jour j'étais déjà sur le chemin escarpé, qui conduit au couvent de St.-David, que vous savez. Arrivé là j'appéle un священникъ et fais dire le service funèbre sur la tombe de Griboyedoff, tombe d'un pôete foulé par des pieds profanes, sans une pierre, sans inscription dessus! J'ai pleuré alors, comme je pleure maintenant, à chaudes larmes, pleuré sur un ami et un camarade d'armes, sur moi même: et quand le prêtre chanta: «за убіенныхъ боляръ Александра и Александра»,—j'ai sanglotté au point be me suffoquer—elle m'a parut cette phrase non seulement un souvenir, mais une prédiction... Oui, je sens, moi, que ma mort aussi sera violente, et extraordinaire, et peu eloigné—j'ai trop du sang chaud, du sang qui bout dans mes veines pour qu'il soit glacé par l'age...

«Vous accusez d'ailleurs trop Dantès—la morale ou plutôt l'immoraiité l'absout—d'après moi: son crime ou son malheur, c'est d'avoir tué Pouschkine—et c'est plus qu'assez pour en faire un outrage irremissible à mes yeux. Qu'il se tienne donc pour averti (Dieu m'est témoin que je ne plaisante pas) que lui ou moi ne reviendra pas de nôtre premièrerencontre»... **).

---

*) И. И. Панаевъ. «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ», стр. 187.

**) «Отечественныя Записки» 1860 г., іюнь, стр. 71. «Меня глубоко огорчила трагическая смерть Пушкина, дорогой Павелъ, несмотря на то, что эта вѣсть была сообщена мнѣ прелестной женщиной. Всякое неожиданное несчастье не проникаетъ сразу до глубины сердца, сначала оно затрагиваетъ, такъ сказать, его поверхность.

Въ этомъ письмѣ Бестужевъ весь со всѣми своими достоинствами и недостатками. Зная его жизнь и его характеръ, можно съ увѣренностію сказать, что если бы судьба свела его съ Дантесомъ, Бестужевъ непремѣнно исполнилъ бы свое слово! И какія сложныя чувства наполняютъ душу этого человѣка... Извѣстіе о смерти Пушкина, того самаго Пушкина, при чтеніи послѣднихъ произведеній котораго онъ еще недавно только «пожималъ плечами» или испытывалъ желаніе «схватить его за воротъ» и пристыдить, не поражаетъ Бестужева особенно глубоко. Тутъ сказалось и его охлажденіе вмѣстѣ со всею передовою частью русскаго общества къ великому поэту и спеціально «бестужевская» черта не обнаруживать никакихъ «слабостей» въ присутствіи «femmes charmantes». Но проходитъ нѣсколько часовъ, и Бестужевъ болѣе и болѣе проникается сознаніемъ великости утраты; онъ забываетъ грѣхи Пушкина и помнитъ только великаго поэта и своего «ami et un *camarade d'armes*»... Онъ не смыкаетъ глазъ въ теченіе всей ночи и едва блеснулъ лучъ разсвѣта онъ спѣшитъ уже... Куда?.. На могилу Грибоѣдова, другого «ami et un *camarade d'armes*», останавливается передъ нею, оскорбляется равнодушіемъ общества, не потрудившагося даже поставить надъ могилою памятникъ или хотя бы только сдѣлать надъ нею надпись и тѣмъ позволяющаго топтать священную землю «par des pieds profanes», зоветъ священника и плачетъ, плачетъ горькими слезами... А Бестужевъ былъ не изъ тѣхъ, у которыхъ легко исторгаются изъ глазъ слезы. Другой разъ онъ заплакалъ лишь при извѣстіи о томъ, что доведенный преслѣдованіями, разжалованный послѣ 14 декабря въ рядовые, его братъ Петръ сошелъ съ ума *). А тутъ еще странное совпаденіе: на могилѣ *убитаго Александра* Грибоѣдова по *убитомъ Александрѣ* Пушкинѣ служитъ панихиду *Александръ* Бестужевъ. Когда-то всѣ три Александра были въ большой друж-

---

Но черезъ нѣсколько часовъ въ тиши и одиночествѣ ночи ядъ проникаетъ въ глубину и разливается тамъ. Я не смыкалъ глазъ всю ночь и на зарѣ я уже ѣхалъ по скверной дорогѣ въ монастырь св. Давида, который ты знаешь. Пріѣхавъ туда, я зову священника и прошу его отслужить панихиду на могилѣ Грибоѣдова, могилѣ поэта, попираемой ногами толпы, безъ камня, безъ надписи. Я плакалъ тогда горькими слезами, какъ плачу теперь, надъ другомъ, надъ товарищемъ по оружію, надъ самимъ собой. И когда священникъ произнесъ слова: «за убіенныхъ боляръ Александра и Александра», я задыхался отъ рыданій—эта фраза показалась мнѣ не только воспоминаніемъ, но и предсказаніемъ... Да, я чувствую это, моя смерть тоже будетъ насильственной, необычной и близкой.—Кровь моя слишкомъ горяча, она кипитъ въ моихъ жилахъ, хотя должна была бы остыть отъ лѣтъ.

«Вы слишкомъ строго обвиняете Дантеса—его оправданіемъ, по моему, служитъ нравственность или, лучше сказать, безнравственность. Его преступленіе или его несчастіе въ томъ, что онъ убилъ Пушкина,—и этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы сдѣлать его вину непрощаемой въ моихъ глазахъ. Да будетъ же ему извѣстно (Богъ свидѣтель, что я не шучу), что онъ или я не переживемъ нашей первой встрѣчи»..!

*) «Отечественныя Записки» 1860 г., май, стр. 154.

бѣ, и вотъ теперь двухъ изъ нихъ уже не существуетъ, они убиты, и третьему Александру естественно приходитъ въ голову, что и ему недолго уже ждать своей очереди... Условія, при которыхъ протекаетъ его жизнь, способны навести на подобныя мысли и не при такой исключительной по своей мрачности обстановкѣ. И Бестужевъ рыдаетъ на могилѣ Грибоѣдова, рыдаетъ до удушья, рыдаетъ о немъ, рыдаетъ о Пушкинѣ, рыдаетъ о собственной погубленной жизни... Онъ чувствуетъ въ себѣ столько силъ, въ его жилахъ течетъ такъ много «du sang chaud», а между тѣмъ вотъ—уже двѣнадцать лѣтъ, какъ разбился о камни челнокъ, которымъ управлялъ смѣлый гребецъ, и съ тѣхъ поръ всѣ усилія ступить ногою на твердую почву не приводятъ ни къ чему. Безумная храбрость, качество, которое такъ цѣнится въ другихъ, не прокладываетъ ему дороги къ желанной цѣли. Онъ привыкъ къ жужжанію пуль и сверканію обнаженныхъ шашекъ, «свинцовыя мухи» до сихъ поръ не встрѣчались съ его грудью, но возможно ли, вѣроятно ли, чтобы это продолжалось вѣчно? Нѣтъ, видно, здѣсь придется и сложить буйную головушку... Молитва священника «за убіенныхъ боляръ Александра и Александра» значитъ не только «un souvenir», но и «une prediction»...

И Бестужевъ не ошибся въ своемъ предчувствіи... Но скажемъ сперва еще нѣсколько словъ объ умственныхъ интересахъ Бестужева въ кавказскій періодъ его жизни.

«Какой гвалтъ поднялся бы въ русской литературѣ,—говоритъ Шашковъ,—если бы Бестужевъ могъ свободно появиться въ ней въ роли критика и развить тѣ критическія замѣтки, которыхъ не мало встрѣчается въ его письмахъ!..» *) И это совершенно вѣрно. Одного отношенія Бестужева ко всей дѣятельности Карамзина и дѣятельности Пушкина послѣдняго періода жизни великаго поэта было бы уже достаточно для того, чтобы не согласиться съ мнѣніемъ г. Венгерова, но существуютъ тому и другія доказательства. «Пустозвону» Карамзину Бестужевъ противопоставляетъ Полевого, который въ своей «Исторіи Русскаго Народа» стоитъ, по мнѣнію Бестужева, на вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія. Въ «Исторіи» Полевого Бестужевъ «видѣлъ первую попытку создать истинно-русскую исторію» **). «Я зналъ Карамзина-хорошо,—писалъ онъ Полевому съ Кавказа,—и несмотря на заботы его поклонниковъ, рѣшительно отказался отъ знакомства съ нимъ» ***). За что же такая немилость къ знаменитому «исторіографу»? Да, очевидно, за тоже, за что наградилъ его и молодой Пушкинъ рѣзкимъ стихотвореніемъ. Что это именно такъ, доказательствомъ тому можетъ служить относящаяся еще къ 1823 году статья Бестужева о Карамзинѣ, въ которой онъ писалъ, что «время разсудитъ его (Карамзина), какъ

*) А. А. Бестужевъ-Марлинскій. «Дѣло» 1880 г., ноябрь, стр. 133.
**) Письма Бестужева. «Русскій Вѣстникъ» 1861 г., мартъ, стр. 286.
***) Ibid., стр. 333.

историка». Въ тридцатыхъ годахъ, не имѣя никакой возможности высказываться о такихъ щекотливыхъ вещахъ печатно, Бестужевъ повторялъ о Карамзинѣ въ частныхъ письмахъ тоже самое, но въ неизмѣримо болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Поэмы Пушкина Бестужевъ считаетъ «прелестными китайскими тѣнями»... Онъ указываетъ на полную оторванность литературы отъ жизни, скорбитъ о томъ, но не бросаетъ за это упрека въ честныхъ писателей, ибо находитъ, что бросать въ данномъ случаѣ слово осужденія все равно, что «наказывать человѣка за его поступки во снѣ». Но онъ съ прежнею страстью протестуетъ противъ развившихся въ русской литературѣ угодничества, безстыдства, наглости, пошлости и т. п. «талантовъ», которыми отличались Сеньковскіе и Булгарины въ русской журналистикѣ.

«Сеньковскій зазнался не путемъ,—писалъ Бестужевъ Ксенофонту Полевому 27 іюля 1834 года.—«Телескопъ» не съ того конца почалъ его: ему должно было доказать, что русская словесность и не думаетъ вертѣться отъ того, что онъ дуетъ въ нее въ два свистка; ему надобно было доказать его ничтожность и наглое самохвальство. Ему предрекаютъ, что онъ *испишется*,—я говорю, что онъ уже *исписался*, ибо ворованнаго станетъ ненадолго... У него есть смѣлость, есть манера, недостаетъ бездѣлки—души и другой бездѣлки—философіи. Его опредѣленіе романтизма—жалость и шалость вмѣстѣ. Общиплите его (я могу на свой пай показать, откуда онъ взялъ три четверти своихъ шутокъ и выраженій) и вы найдете, что оригинальнаго у него только безстыдство да нелѣпость» *).

Къ собственнымъ своимъ произведеніямъ Бестужевъ относится, какъ къ «игрушкамъ» и «побасенкамъ» **). Онъ не скрываетъ, что пишетъ ихъ почти исключительно изъ-за денегъ, а зачѣмъ ему такъ нужны были деньги, это не трудно установить. Марлинскимъ зачитывалась публика, Марлинскаго хвалили въ журналахъ, Марлинскаго превозносили друзья, но не Марлинскій, а Александръ Бестужевъ зналъ отлично цѣну своимъ «сказкамъ». «Какъ ни оправдывайтесь,—писалъ онъ Полевому,—въ своихъ похвалахъ *Марлинскому*, Александръ *Бестужевъ* отъ нихъ *отрицается*. Онъ чувствуетъ, что какъ ни дуренъ самъ, но во сто разъ лучше своихъ повѣстей. Перомъ моимъ торгуютъ въ Петербургѣ, хотятъ меня выдать, словно бѣдную невѣсту, за богатаго дурака. Не знаю какъ быть: невольникомъ стать не хочется, а пять тысячъ въ годъ деньги... Я имѣю братьевъ, которымъ «лишнее не лишнее». И, дѣйствительно, деньги были нужны Бестужеву, какъ рѣдко кому. Пусть ему пришлось бы жить въ противномъ случаѣ на солдатскомъ пайкѣ,—это было бы полгоря,—но у него была мать, три сестры и четыре брата, изъ которыхъ двое находились въ каторгѣ

*) Письма. «Русскій Вѣстникъ». 1861 г. апрѣль, стр. 460—461.
**) Ibid. мартъ 1861. стр. 292.

и, слѣдовательно, зарабатывать абсолютно ничего не могли, и двое другихъ, тянувшихъ такую же, какъ онъ, лямку на Кавказѣ. Въ довершеніе всего, одинъ изъ нихъ, Петръ Бестужевъ, не вынесъ солдатской жизни и сошелъ съ ума. Забота обо всѣхъ этихъ лицахъ легла на плечи Александра. И онъ писалъ, писалъ много, зарабатывая этимъ хорошія деньги. Писалъ онъ романы изъ кавказской жизни, надѣляя своихъ героевъ всякими чуть не сверхъ-человѣческими страстями; публика восторгалась этими романами, прекрасный полъ былъ безъ ума отъ таинственнаго романиста, скрывающагося подъ псевдонимомъ Марлинскаго, нерѣдко и начальствующія лица видѣли все-таки въ «нижнемъ чинѣ» Бестужевѣ не просто солдата, а и знаменитаго литератора. Все это несомнѣнно щекотало самолюбіе Бестужева, приносило ему въ его злополучной жизни нѣкоторую пользу, удовлетворяло, наконецъ, его неудержимую страсть къ писательству, но главнымъ мотивомъ его литературной дѣятельности этого рода были деньги. Скажемъ, впрочемъ, нѣсколько словъ и о страсти Бестужева къ писательству. Приведенные нами нѣсколько отрывковъ изъ кавказскихъ писемъ Бестужева дали, надѣемся, читателю довольно ясное представленіе о его житьѣ-бытьѣ на Кавказѣ. Казалась, какъ можно было писать при такихъ условіяхъ, но Бестужевъ умѣлъ писать даже и не при такихъ. Въ 1828 году въ Москвѣ появилась повѣсть въ стихахъ «Андрей, князь Переяславскій» безъ означенія именъ автора и издателя. Впослѣдствіи оказалось, что напечатана она также безъ вѣдома автора, очень удивившагося ея появленію въ печати. Авторомъ повѣсти былъ Бестужевъ. «Андрей Переяславскій»—писалъ Бестужевъ Полевому, изумляясь появленію повѣсти въ печати,—былъ написанъ въ 1827 году въ Финляндіи.

Но страсть страстью, а главнымъ мотивомъ литературной дѣятельности Бестужева на Кавказѣ было, повторяемъ, желаніе заработать побольше денегъ. Письма Бестужева къ братьямъ отличаются удивительною теплотою, сердечностью, заботливостью объ ихъ судьбѣ. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ, имѣя въ виду снабдить ихъ первоначальными средствами на обзаведеніе, когда кончится срокъ ихъ каторги и они выйдутъ на поселеніе. Его любовь къ находящимся далеко-далеко братьямъ доходила до полнаго предъ ними преклоненія, а воспоминаніе объ ихъ судьбѣ постоянно терзало его сердце.

«Для кого же я работаю, какъ не для братьевъ,—восклицаетъ Бестужевъ въ одномъ письмѣ,—это моя единственная отрада».

Но онъ также много помогалъ и другимъ, особенно «товарищамъ по несчастью», служившимъ тамъ же на Кавказѣ: «Не всякому открываю я сердце, но всякому кошелекъ», писалъ Бестужевъ.

И онъ работалъ, работалъ до поту на челѣ... Его извѣстность росла, но непосредственной отъ этого пользы получалась немного. Баронъ А. Е. Розенъ разсказываетъ, что Бестужевъ обратилъ своими произ-

веденіями на себя вниманіе оренбургскаго генералъ-губернатора В. А. Перовскаго, который и просилъ о переводѣ рядоваго-писателя въ Оренбургъ для описанія края.

Такое отношеніе сверху не предвѣщало для Бестужева ничего добраго... Постоянныя сраженія съ горцами манили, однако, надеждою на производство въ офицеры, а съ нимъ и на окончаніе, по крайней мѣрѣ, тѣхъ униженій, которымъ постоянно подвергался Бестужевъ въ качествѣ «нижняго чина». Но случилось событіе, которому страшно обрадовались многочисленные враги Бестужева, спавшіе и видѣвшіе какъ бы «вывести его въ расходъ» и почти лишившее его надежды на достиженіе цѣли. Въ числѣ слабостей Бестужева была его страсть къ женщинамъ. Покоряя на Кавказѣ высокопоставленныхъ красавицъ, одерживая надъ ними поистинѣ безчисленныя побѣды, онъ не пренебрегалъ, повидимому, женщинами и изъ другихъ слоевъ общества. Находился онъ въ Дербентѣ, гдѣ происходили постоянные разбои. «Каждую ночь слышалъ я,—писалъ Бестужевъ къ брату Павлу,—что разломали стѣну, приставили къ грудямъ кинжалы и обобрали все. Голодъ былъ тому первою виною, но, кромѣ того, видя у меня серебряныя бездѣлки, татары считали меня богачемъ: я не безъ основанія думалъ, что дойдетъ очередь и до меня — и пистолетъ былъ у меня на взводѣ» *). Зашла къ Бестужеву дочь унтеръ-офицера Ольга Нестерцова и, рѣзвясь въ его комнатѣ, наткнулась на лежавшій заряженный и со взведеннымъ куркомъ пистолетъ. Грянулъ выстрѣлъ, и несчастная дѣвушка была смертельно ранена. Она прожила, однако, еще пятьдесятъ часовъ и разсказывала матери, священнику, наряженному для производства слѣдствія офицеру и многимъ другимъ, какъ было дѣло и увѣряла въ полной невинности въ этомъ несчастномъ происшествіи Бестужева. Но начальство хотѣло во что бы то ни стало «доконать» Бестужева, подхватило пущенный кѣмъ-то изъ враговъ Бестужева, повторенный черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти г. Немировичемъ-Данченко и превосходно опровергнутый г. Венгеровымъ, нелѣпый слухъ, будто Бестужевъ застрѣлилъ Нестерцову въ порывѣ ревности, мучило его самыми унизительными допросами, старалось «упечь» его подъ судъ, придумывало для этого всевозможные «крючки», но не будучи въ состояніи достигнуть своей цѣли предъ явнымъ лицомъ истины, оставило обвиняемаго лишь «въ подозрѣніи». Дышащее искренность письмо Александра Александровича по этому поводу къ Павлу Бестужеву не оставляетъ ни тѣни сомнѣнія въ его полной невиновности. Это случилось въ началѣ 1833 года. Точно неизвѣстно, какъ взглянули на это дѣло въ Петербургѣ, но извѣстно, что, не взирая на огромное количество сраженій, въ которыхъ прини-

*) Александръ Александровичъ Бестужевъ. «Отечественныя Записки». 1860, май, стр. 161.

малъ участіе Бестужевъ, на его засвидѣтельствованную многими лицами храбрость, на представленія, дѣлавшіяся начальствомъ, производства въ первый офицерскій чинъ ему пришлось ждать еще почти четыре года. Но, вотъ, наконецъ, Бестужевъ снова прапорщикъ. Извѣщая братьевъ объ этомъ событіи, онъ писалъ такія строки:

«Перейти вдругъ отъ безымянной вещи въ лицо, имѣющее права, отъ совершенной безнадежности къ обѣтамъ семейнаго счастья, отъ униженія, которое я могъ встрѣтить отъ всякаго, къ неприкосновенности самой чести,—о, это не ребяческая была радость моего перваго офицерства, когда бѣлый султанъ и шитый воротникъ сводчли меня съ ума, когда я готовъ былъ расцѣловать перваго часового, который отбрякнулъ мнѣ на караулъ. Нѣтъ, тутъ открылась для меня частичка міра, хоть не рая, которую выстрадалъ я и выбилъ штыкомъ; тутъ сверкнулъ лучъ первой позволенной надежды, можетъ быть обманчивой, какъ прежнія, но все-таки позволенной надежды» *).

Производство въ офицеры, конечно, значительно облегчило судьбу Бестужева, но надежды его оставить совсѣмъ военную службу, покинуть Кавказъ и сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ не имѣли никакого основанія. Бестужевъ сталъ видимо отчаяваться и даже искать смерти. По прежнему дерется онъ съ горцами, по прежнему видитъ въ этомъ единственный путь, который, можетъ быть, приведетъ его къ желанному выходу, но это уже надежда человѣка, сознающаго, что носитъ въ груди своей смертельный недугъ, надежда утопающаго, хватающагося за соломенку. Еще лѣтомъ 1836 г. въ судьбѣ Бестужева принялъ живое участіе графъ Воронцовъ. Онъ ходатайствовалъ о переводѣ его въ статскую службу, въ Крымъ, или въ собственный штабъ для сношенія съ горцами. (Необходимо замѣтить, что изумительныя способности Бестужева проявились на Кавказѣ въ его быстромъ ознакомленіи съ восточными языками: онъ въ совершенствѣ сталъ говорить по-татарски и ознакомился основательно съ языками персидскимъ и арабскимъ). На всѣ эти ходатайства Воронцовъ получилъ изъ Петербурга отказъ.

23-го февраля 1837 г. Бестужевъ служилъ описанную нами панихиду по Пушкинѣ на могилѣ Грибоѣдова, а вечеромъ 30-го мая писалъ изъ Сухумъ-Кале свое *послѣднее* письмо къ матери и брату Павлу. Въ письмѣ этомъ онъ дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія касательно денежныхъ дѣлъ, обнаруживая чрезвычайную заботливость о судьбѣ его двоихъ, находившихся въ Сибири, братьевъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ ожидавшую его роковую участь. Экспедиція, въ которой принималъ теперь участіе Бестужевъ, имѣла цѣлью взятіе мыса Адлеръ. Высадка на этотъ мысъ должна была состояться седьмого іюня. Наканунѣ этого дня онъ написалъ уже настоящее духов-

*) «Русскій Вѣстникъ», 1870 г., іюль, стр. 67.

ное завѣщаніе: платье и бѣлье онъ завѣщалъ своему деньщику; находившіяся при немъ бумаги, вещи и деньги просилъ переслать брату Павлу. И замѣчательная черта характера Бестужева: видимо, готовясь къ смерти, ища ее, онъ не только былъ въ этотъ день бодръ духомъ, но занялся еще сочиненіемъ солдатской пѣсни и заставилъ ее разучить своихъ гренадеръ. Конечно, пѣсня, которую сочинилъ теперь Бестужевъ, не имѣла ничего общаго по содержанію съ пѣснями двадцатыхъ годовъ, но она характерна, какъ иллюстрація силы духа этого человѣка, всегда готоваго встрѣтить смерть съ улыбкою на устахъ.

Высадка совершилась 7-го іюня, стычка съ черкесами произошла посреди крайне неблагопріятныхъ для русскихъ обстоятельствъ; Бестужевъ былъ пораженъ пулями и изрубленъ шашками, его тѣло не найдено...

Для полноты картины приведемъ (неоднократно уже приводимыя разными писателями) выдержки изъ разсказа о смерти Бестужева отставного капитана Ѳ. Д. К.

Какъ только отрядъ высадился на берегъ, Бестужевъ сталъ проситься въ цѣпь.

«— Что вы дѣлаете, Александръ Александровичъ,—сказалъ ему генералъ:—отличиться или умереть вы всегда и вездѣ успѣете; чего же вы теперь-то лѣзете на явную смерть? Ваша жизнь дорога для Россіи; вы должны, вашъ долгъ беречь ее.

«— Нѣтъ, найдутся люди, что и порадуются моей смерти,—отвѣчалъ Бестужевъ на доводы начальника и товарищей.

«Начальство надъ горстью храбрыхъ стрѣлковъ принялъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Л. Л. Альбрантъ. Горцы безъ выстрѣла скрылись въ гущѣ лѣса. Бестужевъ и Альбрантъ быстро двинулись къ нему и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, уложили цѣпь въ тѣни деревъ. Между тѣмъ, высадилась на берегъ мингрельская милиція; за нею прибылъ на берегъ баронъ Розенъ со всѣмъ своимъ штабомъ и передовыми войсками главнаго отряда. Вдругъ раздался барабанный бой; Альбрантъ вскочилъ и спросилъ лежавшаго подлѣ него старика унтеръ-офицера: не слыхалъ ли ты сигнала къ наступленію? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Альбрантъ двинулъ съ Бестужевымъ цѣпь стрѣлковъ въ то время, какъ задній отрядъ не трогался съ мѣста. Въ глубинѣ непроходимой чащи завязалась самая жаркая перестрѣлка; пули сыпались справа и слѣва, тамъ и сямъ падали мертвые. Горцы отступали; стрѣлки прошли лѣсъ; показался плетень, раздался лай собакъ—все обличало близость аула.

«— Не зашли ли мы слишкомъ далеко? — проговорилъ капитанъ и просилъ Бестужева съ двумя рядовыми пробраться назадъ изъ лѣса къ отрядному командиру за новыми приказаніями. Бестужевъ преодолѣлъ всѣ трудности подобной ретирады подъ пулями горцевъ, кото-

рые, притаясь за толстыми стволами деревъ, не жалѣли пороха и пуль. Онъ, наконецъ, выбрался невредимымъ изъ чащи.

«Получивъ отъ генерала Вольховскаго приказъ отступать, безстрашный прапорщикъ пошелъ съ этимъ приказомъ къ Альбранту, Выстрѣлы раздавались безпрестанно; по всѣму лѣсу бродили черкесы; ежеминутно можно было столкнуться съ однимъ изъ нихъ лицомъ къ лицу. Приказаніе объ отступленіи дошло по назначенію. Цѣпь потянулась назадъ, обмѣнивая пулю на пулю. Много пало съ той и съ другой стороны, наконецъ, двѣ пули съ визгомъ вонзились въ Александра Александровича. Солдаты столпились и хотѣли взять на руки любимаго офицера.

«— Братцы, не хлопочите, не заботьтесь обо мнѣ... бросьте... бѣгите... Я все равно... умру... мнѣ не пережить... черкесы наступаютъ...

«Горцы, дѣйствительно, сильно наступали. Толпа ихъ набѣжала на упавшаго; солдаты бросились къ цѣпи, а на раненаго прапорщика Бестужева посыпались удары шашекъ»... *)

Разсказъ Ѳ. Д. К. вызвалъ другое сообщеніе очевидца смерти Бестужева подпоручика К. А. Давыдова. Сообщеніе это отличается многими подробностями, измѣняющими самый характеръ разсказа Ѳ. Д. К.

«Альбрантъ велъ свой отрядъ, что называется, очертя голову. Офицеръ Мищенко подошелъ къ Альбранту и сказалъ ему: Ротмистръ! Вы приказываете идти впередъ, мы уже далеко зашли, а подкрѣпленья не видать...

«— Что-жъ, вы трусите? А? Вы вѣрно трусите? Ей, ребята, впередъ, впередъ!

«И мы опять пошли впередъ, пробираясь по той же колючкѣ, папортнику и лѣсу. Само собою разумѣется, что не могло быть ни правильнаго движенія, ни порядка, ибо иногда въ двухъ шагахъ ничего не было видно, а ужъ о наблюденіяхъ, что дѣлается впереди, съ боковъ и сзади, на большое пространство, и говорить нечего.

«— Господинъ офицеръ,—крикнулъ Бестужевъ.—Господинъ офицеръ!

«— Что вамъ угодно,—отвѣчалъ я, оглядываясь и торопясь отвѣтомъ.

«— Куда вы идете? Куда?

«— Не знаю.

«— Какъ не знаете! Вы, вѣдь, офицеръ! Растолкуйте мнѣ хоть что-нибудь!

«— Что-жъ мнѣ толковать, когда ничего не знаю! А вотъ направо есть какой-то адъютантъ съ эполетами, а налѣво начальникъ цѣпи подпоручикъ Мищенко, они вамъ и растолкуютъ.

«— Да что же это такое: цѣпь или что другое?

«— Была первая цѣпь, а теперь что мы такое, не знаю.

---

*) «Отечественныя Записки» 1860 г., іюль, стр. 99—160.

«Бестужевъ пожалъ плечами, махнулъ рукой и отправился влѣво, гдѣ я ему указалъ Мищенко. Бестужевъ былъ совершенно одинъ, безъ всякаго конвоя...

«Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, послышалась сзади насъ жаркая перестрѣлка и въ то же время посыпались на насъ пули спереди. «Играй!» закричалъ я гарнисту и онъ протрубилъ сигналъ: строить кучки и каре. Увы! Это была послѣдняя пѣснь лебедя: вмѣстѣ съ послѣднею нотою гарнистъ упалъ къ моимъ ногамъ мертвый. Однакожъ, дѣло было сдѣлано и ко мнѣ начали собираться солдаты... Въ это страшное время, обстоятельства котораго и теперь мнѣ иногда снятся, принесли ко мнѣ на рукахъ прапорщика Запольскаго, раненаго въ животъ; также были жестоко ранены юнкера Цехницкій, Шенявскій, Панно, Домбровскій и другіе... Когда я, наконецъ, нѣсколько опомнился, я увидѣлъ, что Бестужевъ стоитъ, прислонившись къ дереву въ изнеможеніи и что грудь его въ крови. Въ это время бѣжитъ мимо него нѣсколько солдатъ. Я закричалъ имъ: «Эй, ребята, взять офицера!» Два человѣка отдѣлились и взяли Бестужева подъ руки; съ помощью ихъ онъ имѣлъ еще силу идти, но, помню, голова его клонилась уже долу. А пули сыпались и сыпались; черкесы все гикали и гикали.

«Мы все отступали и отступали шагъ за шагомъ... Но судьбѣ угодно было, чтобы люди, которые вели Бестужева, отбились по причинѣ колючки и лѣсу отъ главной толпы... И вотъ, выходя на маленькую поляну, гдѣ стоялъ огромный, обгорѣлый дубъ, я увидѣлъ, что черкесы бросились къ нему. Шашки ихъ засверкали на солнцѣ. Ко мнѣ оттуда прибѣжалъ юнкеръ Календо и еще какой-то косоглазый солдатъ и говоритъ:

«— Ваше благородіе, что намъ дѣлать? Мы вели офицера, котораго вы приказали взять, а вонъ около того дуба бросили: на насъ напало черкесовъ пропасть...

«— Ничего братцы, деритесь, деритесь! Авось Богъ донесетъ до своихъ,—отвѣчалъ я.

«И Богъ донесъ до своихъ» *).

На другой день въ «Вѣдомости» былъ показанъ въ числѣ убитыхъ «Черноморскаго линейнаго № 10-й баталіона прапорщикъ Бестужевъ»...

Не стало Бестужева, но долго не хотѣли вѣрить поклонники таланта Марлинскаго, что его больше нѣтъ въ живыхъ. О немъ сложились цѣлыя легенды: одни говорили, что онъ принялъ мусульманство и состоитъ главнымъ помощникомъ Шамиля, другіе, что это неправда и что Марлинскій командуетъ *только* всей черкесской артиллеріей. Было

---

*) «Русскій Вѣстникъ» 1870 г., іюль, стр. 80—82.

много и другихъ росказней въ томъ же родѣ. Говорили даже, что онъ въ горахъ издаетъ газету...

Нѣкто В. Савиновъ напечаталъ въ 1859 году разсказъ, подъ заглавіемъ: «Куда дѣвался Марлинскій?» Иронизируя надъ ходившими по этому поводу разными слухами, Савиновъ, однако, самъ, видимо, вѣрилъ, что съ Марлинскимъ случилось что-то изъ ряду вонъ выходящее. Его разсказъ построенъ на встрѣчѣ въ сороковыхъ годахъ нѣсколькими молодыми офицерами въ хуторѣ нѣкоего Петранди сумасшедшей дѣвушки-черкешенки, которая будто бы была взята девятилѣтнимъ ребенкомъ послѣ убійства ея отца казаками на воспитаніе Марлинскимъ и потеряла разсудокъ послѣ смерти ея пріемнаго отца.

Петранди разсказалъ, между прочимъ, офицерамъ слѣдующее: «Въ 1838 году пріѣзжаетъ Марлинскій, такой неспокойный... бумаги спросилъ... писалъ, почитай, всю ночь, а Нина (упомянутая дѣвочка-черкешенка) все около него... и руки-то цѣлуетъ ему и глаза... Оттолкнулъ и ее... Подошелъ Декабрь (собака) и тому пинка попало; ну, думаю, не хорошо!.. Что-нибудь такое особенное затѣвается... Не смигну-съ, думаю... Грѣхъ попуталъ—крѣпко заснулъ. Просыпаюсь, гдѣ, дескать, онъ?.. Нѣтъ-съ его. Гдѣ Нина? Нѣтъ и той. Что за пропасть! Въ вечеру поздно пришла Нина и плачетъ. «Что ты?—говорю.—Ничего. «Гдѣ Искандеръ» *)—Проводила,—говоритъ. «Гдѣ собака»? «Провожаетъ». Ну, думаю, что отъ дуры добьешься, собаки подожду... День прошелъ, два прошло, три прошло; приходитъ Декабрь, грязный, мокрый, голодный; визжитъ, только, вотъ, человѣческими слезами не плачетъ и за халатъ меня такъ и потягиваетъ. Пошелъ онъ, въ чемъ былъ у меня; его на берегу рѣки и оставилъ; а куда дѣвался... Декабрь знаетъ. Да-а! заключилъ Петранди» **).

Это и было въ русской литературѣ первое печатное извѣстіе фактическаго характера о судьбѣ Марлинскаго...

Но если въ средѣ общества долго еще послѣ смерти А. А. Бестужева ходили разныя басни и составлялись легенды, то родные братья его скоро узнали про его трагическую судьбу.

«Любезныя братья!—писалъ 5-го іюля Павелъ Александровичъ Бестужевъ къ своимъ братьямъ въ Петровскій острогъ.—Не стану долѣе скрывать отъ васъ горькой для насъ всѣхъ новости: братъ Александръ убитъ. Что мнѣ еще прибавить къ этому извѣстію? Довольно трехъ буквъ этого ядовитаго слова, чтобы прожечь и не братнюю душу» ***)...

Какъ громомъ поразило это извѣстіе Николая Александровича и Михаила Александровича Бестужевыхъ, хотя они и постоянно его ожидали.

---

*) Любопытно, что Искандеромъ, словомъ, значащимъ на персидскомъ языкѣ «Александръ», звали на Кавказѣ А. А. Бестужева.

**) «Семейный Кругъ» 1858—1859 гг. № 1, стр. 20—21.

***) «Русскій Вѣстникъ» 1870 г., іюль, стр. 83.

Вотъ что читаемъ мы въ отдѣлѣ третьемъ «Записокъ М. А. Бестужева», озаглавленномъ: «Вѣсть о погибели брата—Александра Бестужева».

«Смерть брата Александра, убитаго при высадкѣ на мысъ Адлеръ на Черноморскомъ берегу 7-го іюля 1837 года, произвела не только на насъ, но и на всѣхъ нашихъ товарищей какое-то потрясающее дѣйствіе, какъ будто происшествіе, внезапно постигшее насъ; тогда какъ всѣ, а особенно мы съ братомъ, были уже къ этому подготовлены и письмами его, въ которыхъ пробивалась его рѣшимость—искать смерти и уже замѣтнымъ намѣреніемъ *вывести его въ расходъ* (курсивъ подлинника). Братъ страдалъ молча, но страдалъ видимо. Я плакалъ впервые въ жизни и плакалъ, какъ ребенокъ, до того, что сдѣлалось воспаленіе глазъ: я не могъ смотрѣть на свѣтъ и сидѣлъ въ темной комнатѣ. Добрый товарищъ Вольфъ *) съ медицинскою помощью пролилъ въ душу мою цѣлебное успокоеніе и, выпросивъ мнѣ у коменданта позволеніе прогуливаться, доставилъ тѣмъ возможность нѣсколько разсѣяться. Я не могъ дать отчета своимъ чувствамъ: и прежде, и послѣ я испытывалъ неожиданные удары въ жизни, но никогда я не былъ такъ потрясенъ несчастьемъ, котораго мы ожидали со дня на день» **).

Мы кончили съ описаніемъ жизни Александра Александровича Бестужева-Марлинскаго. Прибавимъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи Бѣлинскаго къ произведеніямъ Марлинскаго. Зналъ ли Бѣлинскій истинное имя и судьбу того, кто скрывался подъ псевдонимомъ Марлинскаго? Безъ сомнѣнія. Бѣлинскій былъ слишкомъ литературно образованный человѣкъ и вращался въ слишкомъ освѣдомленной въ литературныхъ дѣлахъ средѣ, чтобы этого не знать. Извѣстно, съ другой стороны рѣзкое осужденіе Бѣлинскимъ произведеній Марлинскаго. Правъ ли онъ былъ въ этомъ? Правъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что боялся привитія и распространенія «марлинизма» въ русской литературѣ. Что было не только простительно Марлинскому при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ жилъ и работалъ, но и вполнѣ *свойственно* ему, какъ личности, какъ характеру, было чистѣйшимъ литературнымъ растлѣніемъ подъ перомъ «мошекъ и букашекъ». И Бѣлинскій ополчился на «марлинизмъ» со всею страстью своей натуры. Но Бѣлинскій былъ неправъ, заподозривши самую возможность существованіи на Руси людей со свойствами Греминыхъ, Лидиныхъ и прочихъ героевъ рома-

*) Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ былъ до осужденія штабъ-лѣкаремъ при главной квартирѣ второй арміи и принадлежалъ къ «Южному Обществу». Онъ скончался на поселеніи въ Тобольскѣ 24-го декабря 1854 года, не дождавшись амнистіи, которой воспользовались оставшіеся въ живыхъ декабристы при восшествіи на престолъ императора Александра Второго.

**) «Русская Старина» 1881 г., ноябрь, стр. 603.

новъ Марлинскаго. Самъ Бестужевъ носилъ въ себѣ многія черты его героевъ, а, живя въ Петербургѣ сороковыхъ годовъ, Бѣлинскій мѣрилъ петербургскимъ аршиномъ и характеры людей, сложившіеся при иныхъ условіяхъ существованія.

IV.

Послѣдуемъ теперь за судьбою братьевъ Александра Бестужева. Мы привели разсказъ Греча объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ арестованъ Николай Александровичъ, т.-е. о его попыткѣ бѣжать за границу, переодѣваніи матросомъ, комедіи съ чисткой картофеля на Толбухиномъ маякѣ и т. д. Весь этотъ разсказъ надо признать совершенно некритическимъ со стороны Греча воспроизведеніемъ ходившихъ въ обществѣ слуховъ и анекдотовъ.

Какъ произошло это событіе на самомъ дѣлѣ, мы, къ сожалѣнію, въ точности не знаемъ. Опровергая другой разсказъ Греча объ участіи, которое будто бы принималъ Н. А. Бестужевъ въ знаменитой оборонѣ капитаномъ Рудневымъ корабля «Всеволодъ» въ сраженіи 14-го августа 1808 года съ англичанами, М. И. Семевскій говоритъ: «Зная жизнь Н. Бестужева *изъ года въ годъ по самымъ достовѣрнымъ даннымъ* (курсивъ нашъ), мы прямо можемъ сказать, что ничего того не было, о чемъ баснословитъ Гречъ, равно какъ Бестужевъ никогда не могъ писать объ этомъ именно сраженіи» *).

Нельзя не пожалѣть, поэтому, что составленная Семевскимъ біографія Н. А. Бестужева доведена только до 1823—1824 года.

Это тѣмъ болѣе жаль, что въ примѣчаніи къ другой касающейся Бестужевыхъ статьѣ Семевскій писалъ: «Пишущій эти строки составилъ обширную біографію Николая Бестужева, которую онъ и надѣется напечатать въ скоромъ времени» **).

Такъ какъ это заявленіе напечатано Семевскимъ въ 1870 году, а составленная имъ статья о Николаѣ Бестужевѣ появилась въ 1869 году, то, очевидно, что рѣчь идетъ не объ этой біографіи, а о другой, при томъ «обширной», т.-е. о біографіи, которая до сихъ поръ еще не видѣла свѣта.

Удовольствуемся, поэтому, «сшиваніемъ» тѣхъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ «кусочковъ», которые касаются Николая Александровича Бестужева.

Мы сказали, что разсказъ Греча объ обстоятельствахъ, которыя сопровождали арестъ Н. А. Бестужева относится къ области чистаго празднословія. Утверждаемъ мы это на слѣдующихъ основаніяхъ: кто

---

*) «Заря». 1869 года, кн. 7, отд. II, стр. 38.

**) «Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ». «Русскій Вѣстникъ» 1870 г. май, стр. 217.

интересовался общественнымъ движеніемъ въ эпоху Александра Перваго и дальнѣйшею судьбою участниковъ этого движенія, тому, вѣроятно, бросилась въ глаза личность Дмитрія Иринарховича Завалишина. Переживши всѣхъ до единаго своихъ товарищей (умеръ 10-го мая 1892 года девяностолѣтнимъ старцемъ), этотъ человѣкъ на всемъ протяженіи своей долгой жизни, видимо, страдалъ той формой болѣзни, которую врачи-психіатры называютъ «mania grandiosa». Отъ юности, которую онъ началъ организаціей «Вселенскаго Ордена Возсоединенія» и до глубокой старости, когда состоялъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», Завалишинъ отличался именно маніей величія. Во всѣ свои писанія онъ вносилъ самую непріятную струю изумительнаго самовосхваленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаясь, видимо, замѣчательною памятью и вообще выдающимися способностями, Завалишинъ очень рѣдко ошибался въ передачѣ фактической стороны дѣла. По этой причинѣ, изъ его статей можно извлекать богатый матеріалъ фактическаго характера. Полемизируя съ А. П. Бѣляевымъ *) и восхваляя по обыкновенію себя, этотъ то Завалишинъ и писалъ въ одной изъ своихъ статей такія строки:

«Бѣляевъ не могъ не знать о той манифестаціи, которую дѣлало Сѣверное тайное общество относительно меня въ Кронштадтѣ; о той шумной поѣздкѣ моей въ Кронштадтъ, въ которой сопровождали меня трое братьевъ Бестужевыхъ (Николай, Александръ и Петръ), Вильгельмъ Кюхельбекеръ **), Рылѣевъ, Оржицкій ***), Каховскій, Глѣбовъ ****), Одоевскій *****), и другіе, которые всѣ *напряженно* (курсивъ Завалишина)

---

*) Александръ Петровичъ Бѣляевъ, авторъ обширныхъ воспоминаній, печатавшихся въ «Русской Старинѣ» съ 1880 по 1886 годъ и вышедшихъ въ изданіи Суворина отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ». Съ нимъ-то, а также съ Александромъ Филипповичемъ Фроловымъ, помѣстившемъ въ «Русской Старинѣ» нѣсколько статей («Воспоминанія и замѣтки» въ майской и іюльской книжкахъ 1882 года и возраженія Завалишину въ №№ 5 и 6-мъ 1885 года) и Петромъ Николаевичемъ Свистуновымъ («По поводу новой книги и статей о декабристахъ». «Русскій Архивъ» 1870 года № 8) и полемизируетъ Завалишинъ.

**) Извѣстный товарищъ Пушкина по Царскосельскому лицею, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, скончавшійся въ Сибири 11-го августа 1846 года. О немъ см., между прочимъ, статью г. Котляревскаго «Литературная дѣятельность декабристовъ» («Русское Богатство», 1901 г., мартъ).

***) Штабсъ-ротмистръ Николай Николаевичъ Оржицкій былъ за участіе въ тайномъ обществѣ разжалованъ въ рядовые и служилъ на Кавказѣ.

****) Колежскій секретарь Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ, по отбытіи каторжныхъ работъ въ Читинскомъ острогѣ, жилъ въ селѣ Кабаннахъ, Забайкальской области, гдѣ и скончался въ 1851 году.

*****) Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный поэтъ. По отбытіи каторжныхъ работъ, жилъ на поселеніи въ г. Ишимѣ, Тобольской губерніи, откуда переведенъ на службу на Кавказъ рядовымъ. Умеръ въ 1839 году на берегу Чернаго моря на рукахъ товарища по несчастью, Николая Александровича Загорѣц-

*

высказываемыми почтительными отношеніями ко мнѣ давали знать, что я тутъ считаюсь главнымъ лицомъ, и тѣмъ *наглядно* (курсивъ его же) свидѣтельствовали о данномъ мнѣ полномочіи дѣйствовать отъ имени Сѣвернаго общества въ Кронштадтѣ. Тамъ были уже члены этого общества, но они дѣйствовали вяло, и *одинъ изъ главныхъ прославился впослѣдствіи тѣмъ, что для спасенія себя хотѣлъ было задержать Николая Бестужева, бѣжавшаго 14-го декабря въ Кронштадтъ.* Мнѣ собственно поручалось тамъ не членовъ принимать, а подготовить общее мнѣніе къ тому, чтобы въ случаѣ успѣха переворота въ Петербургѣ, когда, по примѣру того, какъ было сдѣлано при переворотѣ 1762 года Екатериною II, будетъ посланъ извѣстный адмиралъ въ Кронштадтъ принять начальство, то ему подчинились бы безъ сопротивленія» *).

Подчеркнутое нами мѣсто изъ этой цитаты слѣдуетъ сопоставить со слѣдующею выдержкою изъ записокъ Михаила Александровича Бестужева:

«Старшій братъ Николай, послѣднее время своей службы въ Кронштадтѣ, жилъ вмѣстѣ со мною и младшимъ братомъ Петромъ на казенной квартирѣ, въ домѣ, который впослѣдствіи передѣланъ для главнаго командира кронштадтскаго порта. Рядомъ съ нами занимали комнаты капитанъ-лейтенантъ Павелъ Аѳанасьевичъ Дохтуровъ, а надъ нимъ была квартира Екатерины Петровны Абросимовой, вдовы штурманскаго офицера. Я упоминаю объ этихъ личностяхъ потому, что *первый игралъ незавидную роль при арестованіи брата Николая на квартирѣ второй личности, т.-е. Абросимовой*» **).

Изъ этого слѣдуетъ, что Николай Бестужевъ былъ арестованъ вовсе не на Толбухиномъ маякѣ, а, какъ совершенно опредѣленно говоритъ Михаилъ Александровичъ, въ квартирѣ Абросимовой при какомъ-то благосклонномъ участіи со стороны Дохтурова. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право считать весь разсказъ Греча вымысломъ, и уже выразили сожалѣніе по поводу того, что разсказъ этотъ повторенъ въ «Критико-біографическомъ словарѣ» г. Венгерова въ статьѣ «Николай Бестужевъ».

Съ сентября 1826 по сентябрь 1827 года Николай и Михаилъ Бестужевы пробыли въ Шлиссельбургѣ, а затѣмъ были отправлены въ Читу. Оттуда, въ 1830 году, вмѣстѣ съ другими заключенными Бестужевы были вмѣстѣ переведены въ Петровскій островъ, а въ 1840 г. вмѣстѣ же отправлены на поселеніе въ городъ Селенгинскъ, Забайкальской области. Въ заключеніи, какъ и на волѣ, братья Бестужевы

каго. Объ Одоевскомъ см. его біографію, составленную Сиротининымъ («Историческій Вѣстникъ», 1883 г., № 5), а также продолженіе вышеупомянутой статьи г. Котляревскаго («Русское Богатство», 1901 г., октябрь).

*) Дмитрій Завалишинъ. «Декабристы». «Русскій Вѣстникъ», 1884 года, февраль, стр. 840.

**) Изъ записокъ М. А. Бестужева. «Русская Старина», 1870 г., іюнь, стр. 519.

старались быть, на сколько возможно, полезными окружавшимъ ихъ людямъ. «Въ Читинскомъ острогѣ,—разсказываетъ М. А Бестужевъ,—брата Николая занимала задушевная его мысль, запавшая въ его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ посвятилъ себя морю. Эта завѣтная мысль, преслѣдовавшая его до послѣдней минуты жизни, была—*упрощеніе хронометровъ*. Слѣдя за развитіемъ мореплаванія, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что годъ отъ году крушеніе кораблей умножается, и главною причиною крушенія была, почти всегда, невѣрность опредѣленія пункта корабля въ критическій моментъ крушенія отъ неимѣнія хронометра, который по дороговизнѣ былъ доступенъ только богачамъ. Онъ замыслилъ упростить его и сдѣлать всѣмъ доступнымъ. Теперь время было вдоволь, но не доставало средствъ. Ободренный примѣромъ Загорѣцкаго, который съ помощью одного ножика и пилочки соорудилъ стѣнные часы изъ кострюль и картона еще до нашего прибытія, добылъ всякими неправдами также ножъ и маленькій подпилокъ, потому что намъ запрещены были всѣ орудія, наносящія смерть, вслѣдствіе чего намъ не давали ни ножей, ни вилокъ; даже кончики щипцовъ (инструментъ, которымъ снимали нагорѣвшіе фитили у сальныхъ свѣчей) были обломаны. Онъ началъ съ устройства токарнаго станка, необходимаго для устройства часовъ. Съ такими ничтожными средствами, посреди безчисленныхъ лишеній и препятствій отъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, онъ сдѣлалъ часы, соотвѣтственныя его идеѣ, и подарилъ ихъ à m-me Mouravieff *) въ благодарность за ея вниманіе къ его труду, въ благодарность за выписку полнаго часового инструмента, даже безъ его вѣдома. Комендантъ Лепарскій, сочувствуя дѣлу и ослабляя постепенно строгую инструкцію, позволилъ брату Николаю пользоваться инстументами» **).

Съ выходомъ на поселеніе въ Селенгинскъ Николай Бестужевъ продолжалъ энергично заниматься осуществленіемъ своей мысли.

«Въ Селенгинскѣ, располагая болѣе свободнымъ временемъ,—разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—Николай серьезно занялся своими хронометрами, устроилъ астрономическую обсерваторію для повѣрки часовъ по звѣздамъ. Печка, устроенная внутри, то нагрѣвала маленькую комнатку обсерваторіи до высокихъ градусовъ термометра, то вдругъ комнатка охлаждалась зимою до тридцати-градусныхъ морозовъ и, несмотря на такіе гигантскіе скачки температуры, его хронометры шли очень хорошо, особенно

---

*) Александра Григорьевна Муравьева, урожденная графиня Чернышева, была супругою заключеннаго въ Читинскомъ острогѣ Никиты Михайловича Муравьева. Тамъ же находился въ заключеніи и родной братъ ея графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ. Послѣдовавъ добровольно за мужемъ въ Сибирь, Александра Григорьевна скончалась въ Петровскомъ острогѣ 22 ноября 1833 года. (См. М. М. Хинъ—«Жены декабристовъ». «Историческій Вѣстникъ» .1884 г., № 12 стр. 670—673).

**) «Русская Старина». 1870 г. августъ, стр. 187.

послѣдній, еще не совсѣмъ устроенный предъ самою его смертью. Его ходъ былъ постоянное отставаніе на 1/10 секунды. Такой точности едва ли можно требовать отъ лучшихъ англійскихъ или французскихъ хронометровъ. Эти часы я подарилъ на память брата Петровскому заводу, и они въ богатомъ футлярѣ до сихъ не измѣняютъ хода. Много разобранныхъ часовъ осталось послѣ его смерти и участь ихъ—оставаться вѣчно въ такомъ положеніи, потому что въ дѣлѣ каждыхъ часовъ онъ преслѣдовалъ свою мысль: одинъ и тотъ же винтикъ имѣлъ двадцать дырокъ; гдѣ его настоящее мѣсто—про то зналъ одинъ хозяинъ. Какихъ трудовъ, какой настойчивости воли стоило ему устройство каждыхъ часовъ, вы можете судить изъ того, что онъ долженъ былъ латунь, назначенную для станинъ, наклепывать ручнымъ молоткомъ,—тогда какъ такая латунь, прокатанная черезъ вальки (плющильные), продавалась въ Россіи готовая, и онъ не могъ ее получить, многократно выписывая, и получилъ ее черезъ астронома Струве тогда, когда уже лежалъ въ могилѣ» *).

Про эти хронометры упоминаютъ и многіе другіе декабристы.

«Николай Александровичъ Бестужевъ,—говоритъ, напр., А. П. Бѣляевъ,—устроилъ часы своего изобрѣтенія. Это было истинное, великое, художественное произведеніе, принимая въ соображенія то, что изобрѣтатель не имѣлъ нужныхъ инструментовъ. Какъ онъ устроилъ эти часы,—это, поистинѣ, загадка. Помню, что эти часы были выставлены имъ въ полномъ ходу въ одной изъ комнатъ. Эта работа его показывала, какими необыкновенными, геніальными способностями обладалъ онъ» **).

Техническія способности Бестужева были, поистинѣ, изумительны: «На пути перехода изъ Читы въ заводъ,—разсказываетъ извѣстный этнографъ академикъ Максимовъ,—въ Тарбагатаѣ,—селеніи старовѣровъ, давно переселенныхъ изъ Вятки и извѣстныхъ подъ именемъ «семейскихъ»,—мимоходомъ Бестужевъ даетъ совѣты хозяину мельницы, какъ устроить плотину и сладить съ проклятымъ водяникомъ, который, за что-то, со зла разметывалъ ее. Послѣ мельникъ приходилъ въ Петровскъ съ подаркомъ благодарить и клапяться: «спасибо, наладилъ: и колеса вертятся и толчея стучитъ на всю деревню». Въ самомъ Петровскомъ казенномъ желѣзодѣлательномъ заводѣ стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла пильная мельница съ водянымъ приводомъ. Механизмъ ея испортился и всѣ считали ее непоправимою вовсе. Комендантъ отдалъ приказъ Бестужеву и Торсону: эти сходили посмотрѣть, и черезъ нѣсколько часовъ колеса завертѣлись и мельница начала пилить и пылить на удивленіе чиновниковъ и рабочихъ. На петровскихъ палатяхъ, какъ и на читинскихъ антресоляхъ, при-

*) «Русская Старина». 1881 г., ноябрь., стр. 626.

**) «Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ», стр 223.

думанныхъ Бестужевымъ для того, чтобы, разложившись съ инструментами, не тѣснить и не безпокоить въ тѣснотѣ помѣщенія товарищей, онъ продолжалъ дѣлать то же самое: чинилъ сапоги, шилъ крѣпкіе здоровые башмаки и даже устроилъ въ этомъ направленіи ремесленную школу для досужихъ и охотливыхъ изъ товарищей, а въ то же время писалъ литературныя статьи (воспоминанія) и рисовалъ акварелью портреты друзей для отправки въ Россію къ оставшимся тамъ ихъ роднымъ. Здѣсь же чинилъ онъ часы коменданту и дамамъ; напослѣдокъ сталъ даже ювелиромъ. Кромѣ того, вязалъ носки и чулки, кроилъ и шилъ фуражки въ товариществѣ съ братомъ Михаиломъ Александровичемъ, который преимущественно занимался переплетнымъ и картонажнымъ мастерствомъ. Наконецъ, онъ занялся усидчиво слесарнымъ мастерствомъ и въ одномъ родѣ издѣлій едва поспѣвалъ исполнять заказы. Онъ придумалъ дѣлать изъ кандаловъ (когда они, по волѣ начальства, были, наконецъ, сняты) браслеты, кольца и кресты, съ прокладкою и припайкою снизу золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ. Сначала онъ исполнялъ это для себя, разославъ такого рода сувениры всѣмъ своимъ знакомымъ въ Россіи, но изобрѣтеніе вошло въ моду въ Сибири до такой степени, что проявились поддѣлки и началась торговля фальшивыми издѣліями» *).

Когда Бестужевъ жилъ на поселеніи въ Селенгинскѣ, его мысль упорно заработала надъ усовершенствованіемъ печей. «Результатомъ соображеній и вычисленій,—говоритъ Максимовъ,—явилось новое изобрѣтеніе «бестужевская печь», какъ нѣкогда, еще до ссылки, сдѣлался извѣстнымъ «бестужевскій» способъ уборки и вооруженія корабля, примѣненный въ первый разъ при вооруженіи корабля «Эмгейтенъ» *).

Мы уже упоминали, что еще молодымъ человѣкомъ Бестужевъ написалъ обратившія на себя вниманіе «Записки о Голландіи». Въ Сибири онъ также занимался литературою. Сборникъ его статей изданъ въ 1860 году въ Москвѣ подъ заглавіемъ «Разсказы и повѣсти стараго моряка». Имъ же написана, кромѣ чрезвычайно интересныхъ «Записокъ», изъ которыхъ напечатаны только отрывки, также статья «К. Ѳ. Рылѣевъ», появившаяся въ первой книгѣ изданнаго Петромъ Бартеневымъ историческаго сборника «Девятнадцатый Вѣкъ» **).

На вопросъ М. И. Семевскаго, «когда написано Н. А. Бестужевымъ воспоминаніе о Рылѣевѣ?», М. А. Бестужевъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Воспоминанія брата Николая Александровича о К. Ѳ. Рылѣевѣ были имъ написаны въ Петровскомъ казематѣ въ первое время нашего

---

*) «Николай Александровичъ Бестужевъ». «Наблюдатель». 1883 г., мартъ, стр. 107—108.

**) Ibid., стр. 110.

***) К. Ф. Рылѣевъ. (Изъ записокъ Н. А. Бестужева) «Девятнадцатый Вѣкъ», стр. 338—350.

тамъ пребыванія, именно въ эпоху, когда у насъ много писалось... Его намѣреніе было написать полную біографію Рылѣева, но исполненіе откладывалось со дня на день; частью потому, что чтенія и механическія занятія поглощали почти все время, а частью изъ опасенія обысковъ, которые, уничтоживъ его труды, могли бы за собою повлечь непріятныя и стѣснительныя мѣры для всѣхъ. Равно у насъ съ нимъ было намѣреніе составить по возможности полныя біографіи всѣхъ нашихъ товарищей, и братъ имѣлъ намѣреніе приложить ихъ къ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ акварелью съ изумительнымъ сходствомъ, не смотря, что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія оригиналовъ на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ. Эта коллекція увезена сестрою Еленою Александровною *), а предполагаемыя біографіи унесены братомъ въ гробъ. Онъ нѣсколько разъ принимался писать ихъ въ Селенгинскѣ, гдѣ было болѣе свободнаго времени и менѣе опасности, но память намъ во многомъ измѣняла: происшествія и годы путались, а для объясненія недоумѣній надо было прибѣгать къ перепискѣ, которая шла или черезъ III-е Отдѣленіе или черезъ руки почтмейстеровъ обладавшихъ собачьимъ чутьемъ» **).

Сверхъ того, Николай Александровичъ написалъ присланную Михаиломъ Александровичемъ М. И. Семевскому статью «О свободѣ торговли» и занимался обработкою другихъ статей. По поводу послѣднихъ Михаилъ Бестужевъ писалъ Семевскому:

«Не могу постичь, куда дѣвались черновыя его капитальныхъ двухъ сочиненій—«Система міра» и «Упрощенное устройство хронометровъ». И то, и другое сочиненіе не было ни кончено, ни приведено въ порядокъ написанное. Но онъ мнѣ и многимъ изъ знакомыхъ читалъ довольно большіе отрывки, имѣвшіе полноту цѣлаго» ***).

Не смотря на крайне тяжелыя условія, въ которыя была поставлена переписка декабристовъ, Н. А. Бестужевъ переписывался часто съ жившими на поселеніи княземъ С. П. Трубецкимъ, княземъ С. Г. Волконскимъ, И. И. Пущинымъ, И. И. Горбачевскимъ, Г. С. Батеньковымъ, В. И. Бечасновымъ и другими. Обладавшій громадными связями, жившій на поселеніи въ Иркутскѣ, князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій имѣлъ возможность получать книги, проходившія въ то время въ Россію съ чрезвычайными затрудненіями. Получилъ онъ между прочимъ, и извѣстное произведеніе Н. И. Тургенева «La Russie

*) Похоронивъ трехъ братьевъ (Петра, Александра и Павла) и мать, Елена Александровна Бестужева отправилась вмѣстѣ съ другими сестрами къ двумъ еще остававшимся въ живыхъ братьямъ въ Селенгинскъ. Она скончалась 2-го января 1874 года. Два ея некролога, изъ которыхъ одинъ написанъ И. И. Свѣзевымъ, а другой барономъ А. Е. Розеномъ, напечатаны въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1874 годъ, стр. 575—578.

**) «Русская Старина». 1881 г., ноябрь, стр. 631.

***) Ibid., стр. 632.

et les Russes», выпущенное авторомъ въ Брюсселѣ въ 1848 году. Черезъ одного изъ друзей прислалъ Волконскій эту книгу въ Селенгинскъ Николаю Бестужеву и просилъ его сообщить ему свое о ней мнѣніе.

Наступила крымская война и запрыгало сердце въ груди стараго моряка и стараго общественнаго дѣятеля:

«Война, война со всѣхъ сторонъ! — пишетъ Бестужевъ въ письмѣ отъ 11-го марта 1854 года. Что-то будетъ? Въ интересное время мы живемъ, жаль только, что новости до насъ достигаютъ лишь тогда, какъ на мѣстѣ, гдѣ онѣ происходятъ, все уже перемѣнилось или давно сдѣлалось стариною... Сколько совершилось событій въ эти тридцать лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта, и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти. Теперь мы въ 5 лѣтъ болѣе проживемъ, нежели прежде въ 100 лѣтъ» *).

Увы, смерть была уже ближе къ Николаю Александровичу, нежели онъ это думалъ. Онъ болѣетъ, но борется съ недугами. Все вниманіе его устремлено на происходящія міровыя событія.

Николай Александровичъ Бестужевъ скончался въ Селенгинскѣ 15-го мая 1855 года шестидесяти четырехъ лѣтъ. Извѣстіе объ амнистіи декабристамъ уже не застало его въ живыхъ.

Въ Селенгинскѣ остался одинъ Михаилъ Александровичъ съ сестрами. Онъ женился на сибирячкѣ Селивановой, построилъ домикъ и оставался въ Сибири еще долгое время послѣ амнистіи. Менѣе одаренный отъ природы, чѣмъ Николай, Михаилъ Александровичъ, тѣмъ не менѣе, былъ личностью не дюжинною. Поработалъ онъ и на свой пай для блага окружавшихъ его людей. Такъ, имъ изобрѣтена особенная «бестужевская» повозка, или такъ называемая «сидѣйка», широко распространившаяся въ всей Забайкальской области, а потомъ и по другимъ частямъ Сибири.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, заинтересовавшись судьбою замѣчательныхъ братьевъ Бестужевыхъ, М. И. Семевскій вошелъ въ заочную переписку съ единственнымъ остававшимся тогда въ живыхъ изъ пятерыхъ братьевъ Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ. Переписка эта, не взирая на раздѣлявшіе корреспондентовъ шесть тысячъ верстъ, велась очень дѣятельно. Селенгинскій изгнанникъ оказался, по свидѣтельству М. И. Семевскаго, «человѣкомъ, исполненнымъ еще бодрости, энергіи и увлеченія, человѣкомъ въ высшей степени искреннимъ и откровеннымъ». Онъ же величайшей готовностью отвѣчалъ на всѣ задававшіеся ему Семевскимъ вопросы, присылалъ ему цѣлыя толстыя тетради собственныхъ воспоминаній, составившія драгоцѣнный источникъ для сужденія объ общественномъ движеніи въ александровскую эпоху и событіяхъ послѣдующаго времени, сообщалъ

*) «Наблюдатель. 1883 г. мартъ, стр. 112.

ему письма и другія любопытныя историческіе матеріалы, словомъ, внесъ массу свѣта въ недавнее прошлое русской исторіи.

Пріѣхавши изъ Сибири, еще бодрый старикъ внезапно скончался въ Москвѣ двадцать перваго іюня 1871 года.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ остальныхъ Бестужевыхъ, Петрѣ Александровичѣ и Павлѣ Александровичѣ.

Михаилъ Александровичъ описываетъ своего брата Петра такими словами:

«Братъ Петръ былъ нрава кроткаго, флегматичнаго и любилъ до страсти чтеніе серьезныхъ сочиненій; постоянно молчаливый, онъ былъ краснорѣчивъ, когда удавалось его расшевелить, и тогда говорилъ сжато, красно и логично» *).

Мы уже говорили, что въ дѣлѣ 14-го декабря Петръ принялъ участіе не только не «увлекаемый» ни Александромъ, ни другими братьями, а положительно противъ ихъ твердо выраженнаго желанія. Это обстоятельство опровергаетъ еще разъ повторенный Богдановичемъ разсказъ Греча.

Петръ не былъ сосланъ въ Сибирь, а, разжалованный въ рядовые, посланъ служить на Кавказъ. Тамъ служилъ онъ въ теченіе шести лѣтъ солдатомъ, участвовалъ во множествѣ сраженій, былъ тяжело раненъ и затѣмъ, не вынеся условій своего существованія, сошелъ съ ума. Вотъ что сообщаетъ по этому поводу Михаилъ Александровичъ:

«Несчастная судьба Петра бросила его въ лапы одного изъ тѣхъ животныхъ, которые носятъ названіе «бурбоновъ». Держа его въ кавказскіе жары въ полной аммуниціи, подъ ружьемъ въ раненой рукѣ, онъ его въ три мѣсяца доканалъ. Всѣ усилія братьевъ Александра и Павла возвратить разсудокъ Петру остались тщетны. Наконецъ, его прислали къ матушкѣ въ деревню въ окончательномъ сумасшествіи, которымъ онъ мучилъ и мать, и сестеръ цѣлыя семь лѣтъ. Болѣзнь доросла до ужасающихъ симптомовъ. Опасеніе за его, за собственную ихъ жизнь, опасеніе сгорѣть въ пожарѣ дома, что повторялось нѣсколько разъ, заставило мать обратиться съ просьбою къ начальнику штаба жандармовъ Бенкендорфу съ покорнѣйшею просьбою: помѣстить брата Петра въ заведеніе умалишенныхъ герцога, бывшее на 11-й верстѣ отъ столицы по петергофской дорогѣ. Но Бенкендорфъ рѣшилъ «въ просьбѣ отказать, такъ какъ это заведеніе очень близко отъ столицы». Впослѣдствіи, однако, дано было позволеніе матери помѣстить брата Петра въ это заведеніе. Онъ былъ тамъ помѣщенъ и черезъ три мѣсяца умеръ **).

Это было въ 1840 году.

Наконецъ, касательно Павла Александровича извѣстно слѣдующее: читатель припомнитъ разсказы Греча о причинахъ ссылки на Кавказъ

---

*) «Русская Старина». 1870, іюнь. Стр. 522.

**) Ibid., стр. 523.

послѣдняго Бестужева. Какъ и въ другихъ случаяхъ, въ разсказѣ Греча не оказывается ни слова правды. Въ дѣйствительности, дѣло происходило, по разсказу Михаила Бестужева, такъ: Павелъ Бестужевъ былъ въ декабрѣ 1825 года въ послѣднемъ классѣ артиллерійскаго училища. Черезъ нѣсколько времени послѣ декабрскихъ событій, великій князь Михаилъ Павловичъ, проходя по дортуарамъ, увидѣлъ развернутую книгу на одномъ изъ столиковъ, помѣщавшихся между двумя кроватями.

«Онъ беретъ книгу. То была «Полярная Звѣзда». Смотритъ, на чемъ она была развернута: это была «Исповѣдь Наливайки»,—извѣстное стихотвореніе Рылѣева.

«— Кто здѣсь спитъ?—спросилъ великій князь, указывая на одну изъ кроватей.

«— Бестужевъ, ваше высочество,—отвѣчали ему.

«— Арестовать его!

«Началось новое слѣдствіе, и Павелъ Бестужевъ, былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ онъ храбро велъ себя въ обѣихъ кампаніяхъ, персидской и турецкой, затѣмъ вышелъ въ отставку съ анненскимъ крестомъ за изобрѣтеніе прицѣла къ пушкамъ, который введенъ былъ во всей артиллеріи подъ названіемъ «Бестужевскаго прицѣла» *).

И въ Павлѣ, слѣдовательно, жила таже «бестужевская» изобрѣтательность, которая отличала все это даровитое семейство.

Впослѣдствіи Павелъ женился, жилъ въ деревнѣ и умеръ въ 1846 году, похоронивъ еще до своей кончины единственнаго своего сына Александра.

Въ 1886 году редакціей «Русской Старины» была издана книга «Русскіе дѣятели», въ которой было сказано по ошибкѣ, что «Павелъ Бестужевъ скончался въ сумасшествіи, а Петръ, также нѣсколько пострадавшій въ 1826 году, умеръ въ званіи артиллерійскаго офицера въ началѣ 1840 годовъ» **).

На это въ сентябрской книжкѣ того же журнала послѣдовало письмо, лично знавшаго въ 1843 году Павла Бестужева, артиллерійскаго офицера г. Шумилова, въ которомъ онъ указываетъ, что Павелъ никогда не былъ психически разстроеннымъ ***). Тутъ же онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности жизни Павла Бестужева. Онъ былъ, говоритъ г. Шумиловъ, «человѣкъ любезный, весьма умный и отличный разсказчикъ; у него была прекрасная библіотека русская и французская, множество книгъ историческихъ, которыхъ мы (артиллерійскіе офицеры), безъ знакомства съ Павломъ Александровичемъ, не имѣли бы возмож-

*) Ibid., стр. 524.

**) Русскіе дѣятели въ портретахъ. Изданіе журнала «Русская Старина». (второе собраніе) статья «Михаилъ Александровичъ Бестужевъ», стр. 86.

***) Напечатавъ письмо г. Шумилова, редакція «Русской Старины», разумѣется, немедленно исправила свою ошибку.

ности прочесть; отъ него мы пользовались всѣми тогдашними русскими журналами и вновь выходившими книгами по всѣмъ отраслямъ знанія и беллетристики. Куда дѣвалась эта громадная и отлично подобранная библіотека—мнѣ неизвѣстно.

«Павелъ Александровичъ Бестужевъ въ то время, когда я его зналъ, былъ человѣкъ больной, очень рѣдко выѣзжалъ изъ дому и то только почти исключительно въ Гавриловъ посадъ (Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи), къ кому-нибудь изъ насъ, офицеровъ. Мы его очень любили, онъ намъ платилъ тѣмъ же. Болѣзнь его была тяжелая и рѣдкій день онъ пользовался сноснымъ здоровьемъ; у него былъ ракъ въ желудкѣ, послѣдствіе желтой лихорадки, полученной имъ въ Сухумъ-Кале, куда онъ былъ сосланъ послѣ 14-го декабря за фамилію свою, не бывъ ни въ чемъ участникомъ, какъ говорилъ намъ» *).

Такъ сошли со сцены всѣ пятеро братьевъ Бестужевыхъ. Они не оставили послѣ себя потомства: Николай, Александръ и Петръ умерли холостыми, Павелъ, какъ сказано, похоронилъ еще при жизни своего единственнаго сына; послѣ Михаила Александровича остались сынъ и дочь, но и они, по свѣдѣніямъ «Русской Старины», вскорѣ послѣ смерти отца послѣдовали за нимъ въ могилу **).

В. Богучарскій.

---

*) Павелъ Александровичъ Бестужевъ. «Русская Старина». 1886 г., сентябрь, стр. 702.

**) «Русская Старина». 1881 г., ноябрь, стр. 592.

О ВОЛЬНОНАЕМНОМЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОМЪ ТРУДѢ ПРИ КРѢПОСТНОМЪ ПРАВѢ.

(Отвѣтъ г. Семевскому).

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» за текущій 1902 годъ В. И. Семевскій напечаталъ довольно обширную статью, подъ заглавіемъ «По поводу статьи г. Рожкова къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи». Такъ какъ моя статья, вызвавшая замѣчанія и возраженія г. Семевскаго, появилась на страницахъ «Міра Божьяго» (см. № 2 за 1902 г.), то я и позволяю себѣ отвѣтить на эти замѣчанія въ этомъ же журналѣ. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ совершенно случайнаго характера, я долго не могъ ознакомиться со статьей г. Семевскаго, почему и отвѣтъ мой является нѣсколько запоздалымъ. Но интересъ поднятаго вопроса и наличность нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, даетъ, какъ кажется, право воспользоваться въ данномъ случаѣ пословицей «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Прежде чѣмъ перейти къ существу дѣла, мнѣ хотѣлось бы устранить одно досадное недоразумѣніе, которому дали поводъ отдѣльныя мѣста моей статьи. Г. Семевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я не пояснилъ точно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать мое выраженіе, что «г. Струве заподозрилъ достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII вѣка»; поэтому, «читатель можетъ подумать, что есть какія-то другія, лучшія цифры», тогда какъ таковыхъ нѣтъ, и неточность получилась «по причинамъ, отъ изслѣдователя совершенно независящимъ, т.-е. по свойству самыхъ источниковъ» *). Второй упрекъ, который дѣлаетъ мнѣ г. Семевскій, заключается въ томъ, что я не замѣтилъ вкравшейся въ его книгу описки относительно процента барщинныхъ крестьянъ въ Воронежской губерніи XVIII вѣка: вмѣсто 36% ошибочно написано было 53% **), что и было замѣчено и исправлено г. Струве и г-жей Игнатовичъ. Выходитъ такимъ образомъ, что моя статья какъ будто набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на точность пріемовъ и правильность результатовъ работы г. Семевскаго. Вотъ это недоразумѣніе я и хочу устранить: охотно признаю неточность своего

*) «Русская Мысль», апрѣль 1902 г., стр. 122 и 123.

**) Тамъ же, стр. 123.

выраженія и просмотръ мною описки г. Семевскаго и спѣшу прибавить къ этому, что я и въ мысляхъ не имѣлъ набрасывать хотя бы малѣйшую тѣнь на ученую репутацію этого трудолюбиваго изслѣдователя исторіи русскаго крестьянства.

Обращаясь къ существу нашего спора, надо замѣтить, что онъ касается двухъ основныхъ пунктовъ, одного общаго и другого частнаго: первый—это вопросъ о томъ, былъ ли распространенъ вольнонаемный трудъ въ черноземной полосѣ Россіи передъ паденіемъ крѣпостного права; второй касается смысла и значенія приведеннаго мною свидѣтельства князя А. В. Мещерскаго. Остановимся сначала на этомъ второмъ вопросѣ, чтобы перейти затѣмъ къ первому, болѣе важному.

Содержаніе написаннаго въ 1873 году къ тогдашнему министру государственныхъ имуществъ П. А. Валуеву письма московскаго губернскаго предводителя дворянства князя А. В. Мещерскаго заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего авторъ письма указываетъ на «несомнѣнный, не отвергаемый теперь и правительствомъ упадокъ сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ, т.-е. не менѣе, какъ въ тридцати губерніяхъ». Причины этого коренятся, по мнѣнію князя Мещерскаго, въ особо-выгодныхъ условіяхъ, въ какія попало русское земледѣліе въ черноземныхъ степныхъ губерніяхъ. Эти выгодныя условія сводились, во-первыхъ, къ отсутствію всякой потребности въ удобреніи, такъ что сильно развитое здѣсь при крѣпостномъ правѣ скотоводство начало смѣняться земледѣліемъ, и даже тонкорунное овцеводство стало падать, что вызвало заботы о его поддержкѣ со стороны «управленія новороссійскаго генералъ-губернатора»; во-вторыхъ, «хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густо населенныхъ украинныхъ губерній»; въ-третьихъ, желѣзныя дороги, проведенныя въ глубь черноземной полосы, увеличили въ этой области выгодность земледѣлія. По этимъ причинамъ князь Мещерскій считаетъ неизбѣжнымъ сокращеніе запашекъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и находитъ необходимымъ здѣсь усиленіе скотоводства и расширеніе луговой земли на счетъ пашенной. Съ увеличеніемъ количества скота открывается возможность хорошаго удобренія и возстановленія полевого хозяйства. Цѣль содѣйствовать прогрессу скотоводства въ нечерноземныхъ губерніяхъ и преслѣдуется московскимъ обществомъ улучшенія скотоводства въ Россіи. Такъ какъ съ успѣхами этого общества тѣсно связаны интересы дворянскаго хозяйства нечерноземной полосы, а хозяйственный упадокъ дворянства можетъ повести къ паденію сословнаго строя въ Россіи и къ господству демократическаго духа, то необходимо оказать содѣйствіе обществу поощренія скотоводства въ видѣ ежегодной правительственной субсидіи, о назначеніи которой князь Мещерскій и ходатайствуетъ передъ министромъ.

Комментируя это письмо, я высказалъ мнѣніе, что «степными черноземъ-

ными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это — губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги» *). Г. Семевскій полагаетъ, что я ошибся: слова князя Мещерскаго, что «управленіе *новороссійскаго* генералъ-губернатора» стало заботиться о поддержкѣ овцеводства, свидѣтельствуютъ, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, что въ письмѣ рѣчь идетъ исключительно о новороссійскихъ губерніяхъ, которыя князь Мещерскій и называетъ степными-черноземными **). Я долженъ сознаться, что, дѣйствительно, не обратилъ надлежащаго вниманія на слова, подчеркнутыя г. Семевскимъ и, несомнѣнно, доказывающія, что къ числу степныхъ-черноземныхъ губерній авторъ письма относилъ и Новороссію. Но, несмотря на это, я и теперь не могу признать свой комментарій вполнѣ ошибочнымъ, а объясненіе г. Семевскаго совершенно правильнымъ. *Я думаю, что степными черноземными губерніями князь Мещерскій называлъ не только южныя—новороссійскія, но и юго-восточныя*, т. е., по крайней мѣрѣ, бо́льшую часть того района (между Окой, Дономъ и Волгой), на который я указывалъ въ своей статьѣ. И на это, мнѣ кажется, уполномочиваетъ самый текстъ разбираемаго письма: все время въ немъ противополагаются двѣ полосы — черноземная и нечерноземная, а извѣстно, что первая далеко не совпадаетъ съ предѣлами Новороссіи, но захватываетъ и и весь юго-востокъ Европейской Россіи; а затѣмъ, князь Мещерскій опредѣленно говоритъ о *тридцати* нечерноземныхъ губерніяхъ; нельзя же думать, что онъ противополагалъ имъ всего три губерніи — Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, игнорируя въ то же время рядъ другихъ черноземныхъ областей.

Итакъ, по моему мнѣнію, текстъ письма князя Мещерскаго, когда онъ говоритъ о черноземныхъ губерніяхъ, надо понимать гораздо шире, чѣмъ то раньше дѣлали мы—я, съ одной стороны, и г. Семевскій, съ другой. Но допустимъ на минуту, что г. Семевскій правъ, и я ошибался, что подъ черноземной полосой надо разумѣть только Новороссію. Значитъ ли это, что вопросъ о распространенности вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ другихъ черноземнымъ губерніяхъ—между Окой, Дономъ и Волгой—долженъ быть снятъ съ очереди? Г. Семевскій, повидимому, думаетъ, что на этотъ вопросъ можно дать только утвердительный отвѣтъ ***), я держусь обратнаго взгляда. Разсмотримъ соображенія г. Семевскаго.

Прежде всего г. Семевскій указываетъ, что, по даннымъ 70-хъ годовъ XIX-го в., крестьянскій отходъ на земледѣльческія работы по вольному найму имѣлъ направленіе изъ сѣверной полосы чернозема на югъ или юго-востокъ, что стоитъ въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ моимъ предположеніемъ, что земледѣльческіе рабочіе въ 50-хъ годахъ направлялись съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. «Подобный переворотъ въ направленіи движенія

*) «Міръ Божій», 1902 г., № 2, стр. 164.

**) «Русская Мысль», 1902 г., № 4, стр. 133.

***) «Русская Мысль» за 1902 г., № 4, стр. 137.

на заработки въ теченіе 15-ти лѣтъ совершенно невозможенъ» *). На это я имѣю возразить слѣдующее: во-первыхъ, въ теченіе 15—20-ти лѣтъ, когда, подъ вліяніемъ паденія крѣпостного права, совершился важный хозяйственный переворотъ, легко могли измѣниться и условія, и направленіе крестьянскаго отхода на земледѣльческіе заработки; во-вторыхъ, я вовсе и не думаю и не думалъ утверждать, что не существовало отхода на югъ и юго-востокъ: могли существовать два и болѣе скрещивающихся теченій. Вопросъ объ отходѣ на земледѣльческіе заработки, во всякомъ случаѣ, рано еще считать рѣшеннымъ, и каждое свидѣтельство объ этомъ явленіи слѣдуетъ цѣнить.

Мой почтенный оппонентъ не ограничивается, впрочемъ, указаніемъ на позднѣйшія явленія, а приводитъ также рядъ интересныхъ фактовъ по исторіи крестьянскаго отхода въ XVIII и XIX вѣкахъ: онъ указываетъ на отходъ крестьянъ на заработки въ XVIII в. изъ Рязанской провинціи, говоритъ объ отправленіи пензенскихъ крестьянъ тогда же въ Саратовъ и на Донъ и о приливѣ земледѣльческихъ рабочихъ въ Оренбургскую губернію, о томъ, что въ самомъ началѣ XIX-го в. тульскіе крестьяне уходили на земледѣльческіе заработки въ Малороссію, на Донъ, въ Таврическую и Екатеринославскую губерніи, что, наконецъ, крестьяне Тамбовской губерніи въ 1859 году промышляли извозомъ и по найму полевыми работами наиболѣе въ землѣ Войска Донского, а въ 40-хъ годахъ XIX-го в. широко примѣнялся вольнонаемный трудъ въ Херсонской губерніи **). Но, внимательно присматриваясь къ этимъ наблюденіямъ, мы не найдемъ въ нихъ ничего противорѣчащаго возможности прилива въ нѣкоторыя части тѣхъ же Рязанской, Пензенской и Тамбовской губерній, не говоря уже о другихъ областяхъ, и посторонннихъ рабочихъ: этому въ дѣйствительности сплошь и рядомъ не мѣшаетъ отходъ части мѣстнаго населенія на сторону; что касается отхода рабочихъ въ Оренбургскую губернію и Новороссію, то я и не думалъ отрицать этотъ отходъ, но нельзя всѣхъ и даже большую часть этихъ рабочихъ выводить изъ губерній въ родѣ Рязанской, Пензенской или Тамбовской; наконецъ, свидѣтельство объ отправленіи тульскихъ крестьянъ на земледѣльческіе заработки въ Малороссію относится къ *самому началу* XIX-го вѣка; 50 лѣтъ спустя хозяйственныя условія Малороссіи не только могли измѣниться, но, какъ извѣстно, и дѣйствительно очень сильно измѣнились. Повторяю: категорически я ничего не утверждаю, я ставлю только вопросъ и высказываю сомнѣнія, а разрѣшить первые и разсѣять вторыя—дѣло послѣдующей ученой работы, для которой открывается очень широкое поле, вслѣдствіе крайней скудости имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ.

Третій доводъ г. Семевскаго противъ распространимости вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ губерніяхъ между Волгой, Окой и Дономъ заключается въ томъ, что, по его наблюденіямъ надъ статистическими данными, собранными редакціонными коммиссіями въ 1860 году объ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, въ этихъ губерніяхъ оказалось только два имѣнія—Чаадаева въ

*) Тамъ же, стр. 128—129.
**) Тамъ же, стр. 129—131.

Нижегородской губ. и Александрова въ Рязанской, въ которыхъ примѣнялся вольнонаемный трудъ *). Нельзя не признать, что если бы собранныя редакціонными коммиссіями статистическія свѣдѣнія оказались въ данномъ вопросѣ вполнѣ достовѣрными въ смыслѣ полноты, то пришлось бы безусловно согласиться съ г. Семевскимъ и отказаться отъ безплодныхъ поисковъ вольнонаемнаго земледѣльческаго труда въ черноземныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ передъ паденіемъ крѣпостного права. Но дѣло въ томъ, что какъ разъ полнотой-то эти свѣдѣнія по данному вопросу и не отличаются по той, повидимому, причинѣ, что при собираніи ихъ обращали вниманіе въ отношеніи къ формамъ труда почти исключительно на то, на барщинѣ или на оброкѣ находились крѣпостные крестьяне, и наличность вольнонаемнаго труда обыкновенно игнорировалась. Это доказывается наличностью такихъ данныхъ о примѣненіи вольнонаемнаго земледѣльческаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ черноземнаго юго-востока между Дономъ, Окой и Волгой), какія не попали въ статистическія свѣдѣнія, собранныя редакціонными коммиссіями. Одно изъ свидѣтельствъ въ этомъ смыслѣ, относящееся къ Тамбовской губерніи, извѣстно г. Семевскому и приведено имъ: это—свидѣтельство князя В. И. Васильчикова, что въ Тамбовской губерніи передъ крестьянской реформой существовали помѣщичьи экономіи, пользовавшіяся для разработки помѣщичьей запашки вольнонаемнымъ трудомъ мѣстныхъ крестьянъ**). Я могу въ этомъ отношеніи представить два новыхъ наблюденія, относящихся къ Тульской губерніи. Въ моемъ распоряженіи находится общій итогъ изъ «Журнала ежедневныхъ работъ по хуторамъ Богородицкаго (Тульской губ.) имѣнія» графа А. П. Бобринскаго въ 1859 и 1860 годахъ (съ 1-го апрѣля 1859 по 1-ое апрѣля 1860 г.) ***). Въ этомъ въ высокой степени любопытномъ документѣ различаются, прежде всего, два вида работъ: 1) «работы хуторскими рабочими», 2) «работы вольнонаемныя». Но было бы ошибкой думать, что работы хуторскими рабочими производились не по найму: мы видимъ, что имъ выдавалась опредѣленная денежная заработная плата; такъ, вычислено, что въ теченіе указаннаго годового періода хуторскіе рабочіе были заняты воздѣлываніемъ земли 3.276$^1/_2$ рабочихъ дней, уборкой свекловицы 552 дня, молотьбой и вѣйкой 548 дней, каждый день цѣнился въ 23 коп., что, въ общемъ, составляло сумму заработка въ 1.006 р. 59$^1/_2$ к. (753 р. 59$^1/_2$ коп. за воздѣлываніе земли, 126 р. 96 к. за уборку свекловицы и 126 р. 4 к. за молотьбу и вѣйку). Повидимому, хуторскими назывались крѣпостные графа А. П. Бобринскаго, а вольнонаемными чужіе крестьяне, можетъ быть, и прихожіе со стороны, не мѣстные. Что касается вольнонаемныхъ работъ, то онѣ были въ отношеніи къ земледѣлію еще болѣе напряженными, чѣмъ работы хуторскихъ рабочихъ: нашъ документъ свидѣтельствуетъ, что на пахоту, бо-

*) Тамъ же, стр. 137.

**) Тамъ же, стр. 135—136.

***) За доставленіе этого документа приношу искреннюю благодарность преподавателю Богородицкаго средняго сельскохозяйственнаго училища Д. Н. Жаринову. Г. Жариновъ имѣетъ въ виду въ будущемъ подвергнуть хозяйственные документы этого имѣнія обстоятельному изученію.

роньбу и возку хлѣба вольнонаемные рабочіе потратили 1.848 конныхъ дней, $806^1/_2$ пѣшихъ и $266^1/_2$ женскихъ, всего на сумму 2.061 р. 10 к., на уборку картофеля 108 женскихъ дней на 10 р. 80 к., на уборку свекловицы 478 конныхъ дней, $85^1/_2$ пѣшихъ, $17.904^1/_2$ женскихъ на 2.265 р. 13 к., на молотьбу и вѣйку хлѣба $581^1/_2$ пѣшій день и 320 женскихъ на 176 р. 50 к. Правда, хозяйство гр. Бобринскаго было въ значительной степени промышленнымъ—существовалъ сахарный заводъ и разводились свекловичныя плантаціи, требующія интенсивной обработки, но наряду съ этимъ, какъ мы только что видѣли, существовало и зерновое земледѣльческое хозяйство и организовано было оно какъ разъ на основѣ вольнонаемнаго труда.

Другой примѣръ относится къ той же Тульской губерніи, именно къ Бѣлевскому уѣзду, гдѣ въ 50-хъ годахъ XIX-го вѣка, дворянинъ П. М. Хрущовъ владѣлъ селомъ Богородицкимъ—Жиморино тожъ *), причемъ до самаго конца 50-хъ годовъ хозяйство здѣсь велось на старой, крѣпостной основѣ, какъ показываютъ дошедшіе до насъ документы. Но въ 1857 и 1858 годахъ наблюдается перемѣна: покупаются молотильная машина въ 700 р., вѣялки въ 192 р. 50 к., сортировочная машина за 105 р. Это введеніе машинъ въ земледѣльческую работу повело, повидимому, къ существеннымъ перемѣнамъ и въ способѣ эксплуатаціи труда. Правда, прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ, потому что документы 1859 и начала 60-хъ годовъ не сохранились, но уцѣлѣлъ договоръ П. М. Хрущова съ его управляющимъ, крестьяниномъ Барышниковымъ, составленный 15-го ноября 1867 года. Тогда крестьяне были еще обязаны «производить хозяйственныя работы» на помѣщика «издѣльною повинностью по урочному положенію», т.-е. хозяйственныя условія имѣнія еще очень мало измѣнились сравнительно съ концомъ 50-хъ годовъ, но, несмотря на это, помѣщикъ предписываетъ управляющему также «нанимать» рабочихъ на годъ, полъ-года или подесятинно «съ платою деньгами, но не хлѣбомъ». Можно догадываться, что такая практика установилась тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ въ помѣщичье полевое хозяйство въ 1858 году машинъ.

Эти примѣры наглядно показываютъ, сколь многими сюрпризами насъ могутъ подарить неизданные и часто находящіеся въ забросѣ и подвергающіеся уничтоженію хозяйственные документы крѣпостной эпохи. И это слѣдуетъ замѣтить не только для вопроса о формахъ земледѣльческаго труда, но и по вопросу о техникѣ земледѣльческаго производства: вѣдь и приведенные мною сейчасъ примѣры расширяютъ имѣвшійся раньше въ рукахъ изслѣдователей запасъ фактическихъ данныхъ о техническомъ прогрессѣ земледѣльческаго хозяйства въ половинѣ XIX-го вѣка, но я не могу удержаться, чтобы, пользуясь случаемъ, не привести еще одного факта, очень важнаго въ данномъ отношеніи: въ моихъ рукахъ имѣются документальныя доказательства того, что тверской

---

*) Имѣніе это въ настоящее время принадлежитъ П. С. Ванновскому. Документы любезно доставлены мнѣ въ пользованіе В. А. Щербой, которому приношу искреннюю благодарность.

помѣщикъ Воробьевъ уже въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка производилъ у себя въ имѣніи систематическіе посѣвы клевера *).

Въ заключеніе своей статьи г. Семевскій ссылается для подтвержденія своего взгляда на одинъ очень высокій ученый авторитетъ,—именно на слова покойнаго Ю. Э. Янсона, что и въ пореформенной Россіи «хозяйствъ, которыя бы велись вольнонаемнымъ трудомъ, весьма немного въ трехпольной черноземной полосѣ. Всѣ помѣщичьи земли или обрабатываются по испольной системѣ, или за обработку (отработку), или сдаются мелкими участками въ аренду тѣмъ же крестьянамъ» **). Полагаю, что г. Семевскій напрасно сдѣлалъ эту ссылку: во-первыхъ, когда при господствѣ крѣпостныхъ юридическихъ отношеній идетъ рѣчь о вольнонаемномъ трудѣ, то нужно принимать во вниманіе не только вольнонаемный трудъ въ его совершенной, чистой формѣ, но и такія промежуточныя формы между крѣпостнымъ и вольнымъ трудомъ, какъ испольщина; во-вторыхъ, барская запашка при крѣпостномъ правѣ была обширнѣе, чѣмъ послѣ реформы, что требовало и бо̀льшаго напряженія силъ при ея эксплуатаціи; въ-третьихъ, нельзя игнорировать въ данномъ вопросѣ значенія, происшедшаго послѣ реформы, упадка хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ, упадка, гибельно отражающагося какъ разъ на помѣщичьемъ хозяйствѣ и подвигающаго это хозяйство вспять.

Такимъ образомъ, я продолжаю сохранять твердую увѣренность, что вопросъ о вольнонаемномъ трудѣ въ черноземныхъ юго-восточныхъ губерніяхъ Россіи—особенно между Окой, Волгой и Дономъ—имѣетъ чрезвычайно серьезное научное значеніе и требуетъ разработки на основаніи новыхъ источниковъ, главнымъ образомъ, на основаніи хозяйственныхъ документовъ крѣпостной эпохи.

Н. Рожковъ.

Материнство и умственный трудъ.

(По поводу одной книги ***).

Недавно появилась книга, освѣщающая женскій вопросъ съ новой стороны, съ которой на него мало обращали вниманія. Книга эта, озаглавленная «Материнство и умственный трудъ», принадлежитъ перу двухъ женщинъ: г-жи Аделаиды Гергардъ и г-жи Елены Симонъ и составлена на основаніи какъ историческаго матеріала, такъ въ особенности данныхъ, собранныхъ путемъ опроса большого числа женщинъ всѣхъ національностей, заявившихъ себя на томъ или

*) Документы по имѣнію Воробьева подарены мнѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ имѣнія В. Д. фонъ-Дервизомъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свою глубочайшую благодарность.

**) «Русская Мысль» за 1902 г., № 4, стр. 137.

***) *Adele Gerhard* und *Helene Simon*. „Mutterschaft und geistige Arbeit“. Eine psychologische und soziologische Studie auf Grundlage einer internationalen Erhebung mit Berücksichtigung der geschichtlicher Entwicklung. IX + 333 стр., Berlin, Verlag von Georg Reimer, 1901.

другомъ поприщѣ умственной дѣятельности. Авторшами были разосланы вопросные листы, на которые откликнулись 420 женщинъ, поименованныхъ въ особомъ приложеніи. Такимъ путемъ получился крайне интересный матеріалъ, пополненный еще многочисленными историческими справками. Вопросъ, который себѣ поставили г-жи Гергардъ и Симонъ, заключаются въ слѣдующемъ: совмѣстимо ли материнство съ самостоятельной и продуктивной умственной работой, нѣтъ ли здѣсь рокового душевнаго конфликта? Другими словами, можетъ ли женщина одновременно и одинаково успѣшно и добросовѣстно исполнять свое призваніе матери и плодотворно нести трудъ самостоятельнаго работника въ одной изъ областей культурной умственной дѣятельности?

Вопросъ о томъ, способны ли вообще женщины къ умственному творчеству и въ какой степени, дебатировался такъ часто, что его можно уже считать исчерпаннымъ и притомъ рѣшеннымъ въ пользу женщинъ. Въ первой части своего труда авторши дѣлаютъ лишь бѣглый его очеркъ и констатируютъ тотъ фактъ, что въ области драматическаго творчества, композиторства и архитектуры женщины еще почти вовсе себя не заявили, въ наукѣ, живописи, ваяніи и въ прикладныхъ знаніяхъ онѣ достигли значительныхъ успѣховъ, но все-таки еще не могутъ быть поставлены наравнѣ съ мужчинами, въ романѣ же, въ пѣніи, сценическомъ искусствѣ, въ общественной и политической дѣятельности ихъ заслуги имѣютъ не только относительную, но и абсолютную цѣнность. Первая глава начинается съ бѣглаго очерка вопроса объ особенностяхъ женскаго организма и о томъ, какъ могутъ отзываться эти особенности на умственной ихъ работоспособности. Далѣе слѣдуетъ обзоръ материнскихъ обязанностей, которыя авторши ставятъ очень высоко и къ которымъ онѣ предъявляютъ большія требованія. Материнство не ограничивается одними физіологическими процессами беременности, родовъ, кормленія грудью и физическимъ уходомъ за ребенкомъ въ первые годы жизни. Заботы матери должны распространяться на воспитаніе и обученіе дѣтей до достиженія ими того возраста, когда вліяніе матери и вообще родителей дѣлается менѣе непосредственнымъ и постояннымъ. Для раціональнаго воспитанія требуется много знанія и самовоспитанія, т.-е. значительная подготовка; успѣшность же воспитательной дѣятельности требуетъ, чтобы матери-воспитательницѣ былъ предоставленъ голосъ и внѣ предѣловъ ея семьи, во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, касающихся школы и воспитанія. Съ этой точки зрѣнія воспитаніе становится призваніемъ, особо важной и широкой умственной дѣятельностью, настолько поглощающей умственныя способности женщины, что вопросъ о томъ, совмѣстимо ли это призваніе съ другой умственной дѣятельностью возникаетъ самъ собою и является вполнѣ умѣстнымъ и логичнымъ.

Въ книгѣ попутно затронуты и незамужнія или бездѣтныя женщины, насколько это нужно для полноты изложенія; но не ими интересуются авторши разбираемаго изслѣдованія, такъ какъ онѣ непосредственно не имѣютъ отношенія къ разбираемому вопросу; онѣ приведены только для иллюстраціи успѣховъ, достигнутыхъ женщинами вообще въ различныхъ областяхъ умственной дѣятельности.

Вторая главная часть книги, озаглавленная «Отношеніе материнства къ различнымъ родамъ умственной дѣятельности», посвящена детальному разсмотрѣнію основного вопроса всей книги, а именно: совмѣстимо ли и насколько совмѣстимо съ творческой умственной работой добросовѣстное и полное исполненіе материнскихъ обязанностей? Изъ разсмотрѣнія по самому существу вопроса должны быть исключены тѣ случаи, когда умственная дѣятельность является невольной, вызванной необходимостью добыванія средствъ къ существованію и поддержанія семьи, и когда, слѣдовательно, материнскія обязанности страдаютъ поневолѣ. Вопросъ, которымъ задались авторши, относится къ тѣмъ женщинамъ, для которыхъ умственная дѣятельность является результатомъ внутренняго стремленія къ творчеству, а слѣдовательно, и выборъ между отдачею себя всецѣло материнскимъ заботамъ или умственной работѣ добровольнъ. Такъ какъ каждый родъ умственной дѣятельности обставленъ особыми, своими собственными условіями, то и приходится разсматривать въ отдѣльности театральное искусство, музыку, изящныя искусства, литературную дѣятельность, науку, наконецъ, политическую и общественную дѣятельность и журналистику.

Театральное искусство. Ранѣе и полнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ самостоятельной умственной дѣятельности, женщины завоевали себѣ равноправность съ мужчинами въ театральномъ искусствѣ, доказавъ, что онѣ способны достигать здѣсь такихъ же выдающихся успѣховъ, какъ и мужчины. Поэтому, сомнѣній о томъ, долженъ ли этотъ родъ дѣятельности быть открытъ для женщинъ, въ настоящее время уже быть не можетъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что театральные подмостки достались женщинамъ безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны, безъ борьбы. Изъ историческаго очерка, который приведенъ авторами, явствуетъ, что женщины являются по сценическому искусству равноправными всего лѣтъ 200—300; тѣмъ не менѣе, сцена теперь уже не можетъ обойтись безъ актрисъ, которыхъ прежде замѣняли актеры; театръ далъ намъ рядъ великихъ артистокъ, имена которыхъ долго будетъ хранить потомство. Изъ всѣхъ родовъ умственной дѣятельности, а таковой нельзя не считать игру выдающихся артистокъ, о которыхъ здѣсь только и идетъ рѣчь, театральное искусство требуетъ наибольшихъ жертвъ со стороны матери, благодаря тремъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, артистка нуждается для воплощенія воспроизводимыхъ ею художественныхъ образовъ во всѣхъ своихъ физическихъ и умственныхъ силахъ, во всѣхъ своихъ нервахъ и чувствахъ. Во-вторыхъ, необходимость ежедневнаго переживанія различныхъ чувствованій и страстей, хотя и искусственно вызываемыхъ, но дѣйствительно переживаемыхъ, обусловливаетъ сильное раздраженіе и напряженіе нервной системы. Чтобы вдуматься въ роль и соотвѣтственно себя настроить, артисткѣ нужно уединеніе и особое душевное настроеніе, которое несовмѣстимо съ обыденными и постоянными мелкими заботами матери. Наконецъ, и это, быть можетъ, особенно важно, сценическая дѣятельность требуетъ частыхъ отлучекъ изъ дому, а иногда и продолжительной разлуки съ дѣтьми, когда приходится отправляться на гастроли или въ артистическое турнэ. Въ виду этого, актрисѣ особенно трудно быть заботливой матерью, не пренебрегать дѣтьми. И дѣйствительно, театральное искусство является

такой дѣятельностью, которая чаще всего отрываетъ мать отъ дѣтей, которая заставляетъ женщину бросать своихъ дѣтей или стремиться къ тому, чтобы ихъ не имѣть. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что многія актрисы, стремящіяся быть хорошими матерями и считающія себя за таковыхъ, признаютъ вполнѣ нормальными продолжительныя разлуки съ дѣтьми. Этимъ же объясняется наклонность актрисъ къ пренебреженію своими материнскими обязанностями. Этому же, наконецъ, обязаны многія актрисы семейными горестями, каковы преждевременные роды, слабыя дѣти, отказъ отъ сценической дѣятельности, когда материнское чувство беретъ верхъ надъ стремленіемъ къ артистической карьерѣ, иногда уже увѣнчавшейся крупными успѣхами, и т. п.

Въ книгѣ приведено много интересныхъ примѣровъ, иллюстрирующихъ все вышесказанное. Нельзя, однако, не отмѣтить, что и актрисы иногда умѣютъ совмѣщать примѣрную материнскую заботливость съ кипучей артистической работой; интереснымъ примѣромъ такой женщины можетъ служить *Ристори*, которая была и великой артисткой, и вполнѣ добросовѣстной матерью, находившей даже возможнымъ кормить грудью своего младенца во время антрактовъ. Вотъ что она пишетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ: «Il est parfaitement exact que j'ai nourri l'un de mes bébés pendant mes représentations. Le berceau était porté dans ma loge; entre une scène et l'autre je pouvais accomplir une partie de ma mission de mère, et l'expérience m'a prouvé Dieu merci, qu'il n'eut pas à souffrir de ce système ni alors, ni ensuite». «Je n'ai jamais trouvé que l'amour mon art ait en rien diminué ma ¡profonde tendresse maternelle; j'ai adoré mon art, j'ai adoré mes enfants». Но такія заявленія слѣдуетъ считать исключеніями. Гораздо многочисленнѣе указанія другого рода, а именно, что беременность помѣшала артистической карьерѣ, что актриса прямо заявляетъ о своемъ нежеланіи имѣть дѣтей, такъ какъ это мѣшаетъ ея артистическому призванію. Повидимому, нельзя не признать, что для артистки, вообще говоря, сценическая дѣятельность и материнство являются антагонистами. Придя къ этому заключенію, авторши высказываютъ мнѣніе, что отъ великихъ артистокъ не слѣдуетъ требовать, чтобы онѣ бросали свое искусство ради дѣтей, такъ какъ онѣ своей артистической дѣятельностью вносятъ въ сокровищницу человѣческой культуры нѣчто настолько полноцѣнное, что оно можетъ уравновѣсить ту пользу, которую онѣ принесли бы, бросивъ искусство, чтобы стать примѣрными матерями.

Музыка. Въ интересномъ историческомъ очеркѣ сопоставлены данныя о роли женщинъ въ музыкѣ въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ. Оставляя этотъ очеркъ въ сторонѣ, нельзя не отмѣтить, что наибольшихъ успѣховъ женщины достигли въ пѣніи; концертныя и еще болѣе оперныя пѣвицы могутъ выставить рядъ громкихъ именъ и имѣютъ право гордиться достигнутыми ими здѣсь результатами. Женскій голосъ незамѣнимъ и завоевалъ себѣ полное право гражданства въ музыкѣ, несмотря на попытки вытѣснить женщину и отсюда; вспомнимъ, напр., уродливую попытку замѣны женскихъ голосовъ въ церковныхъ хорахъ кастратами, широко практиковавшуюся въ Италіи, въ XVII столѣтіи. Женщины-виртуозки, въ общемъ, уступаютъ мужчинамъ, а въ компози-

ціи заслуги женщинъ еще очень малы. Что касается вопроса о разладѣ между материнскими обязанностями и артистической дѣятельностью, то слѣдуетъ замѣтить, что у композиторшъ, виртуозокъ и концертныхъ пѣвицъ этотъ разладъ почти отсутствуетъ; зато съ тѣмъ бо́льшей силой проявляется онъ у оперныхъ пѣвицъ, къ которымъ вполнѣ, если не въ бо́льшей еще степени, примѣнимо все, что было сказано относительно актрисъ. Этотъ разладъ иногда ведетъ къ глубокому трагизму, какъ у знаменитой Девріенъ, къ преждевременной смерти, какъ у знаменитой Малибранъ. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются, однако, и здѣсь случаи полной гармоніи артистическихъ и материнскихъ или супружескихъ чувствъ, примѣромъ чего могутъ служить Арто, Віардо, Клара Шуманъ. Но, въ общемъ, вполнѣ вѣрно замѣчаніе г-жи Горленко-Долиной: «Il est extrêmement difficile d'être bonne artiste et une parfaite mère de famille en même temps».

Живопись и скульптура. Одинъ изъ историковъ искусства, Любке, говоритъ, что если бы исключить художницъ изъ исторіи искусствъ, это не отразилось бы замѣтнымъ образомъ на ходѣ развитія живописи и скульптуры. Такое невыгодное мнѣніе о художницахъ раздѣляется далеко не всѣми и безспорно слишкомъ рѣзко. Можно назвать не одно выдающееся имя и въ этой области, какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ новѣйшее время, хотя и нельзя не признать, что въ художествѣ женщина далеко еще не завоевала себѣ своими успѣхами равноправности съ мужчинами. Вспомнимъ такія имена, какъ Елена, дочь Тимона Египетскаго, Сабина, Виже-Лебрэнъ, Роза Бонэръ, Башкирцева, Анжелика Кауфманъ и др., свидѣтельствующія о томъ, что и на этомъ поприщѣ мы въ правѣ ожидать отъ женщинъ крупныхъ успѣховъ въ будущемъ. Правда, существуетъ мнѣніе, что женщина по природѣ мало художественна; но это мнѣніе основано на такихъ данныхъ, которыя могутъ быть истолкованы и иначе. Съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса художницы представляютъ отрадное гармоническое сочетаніе истинной материнской заботливости и высокаго творчества, глубокой преданности своему художественному призванію. Знаменитая Виже-Лебрэнъ, которая славилась не только какъ художница, но и какъ женщина рѣдкой красоты и изящества, признается, что никакіе успѣхи, никакое удовлетвореніе тщеславія не могутъ сравниться съ радостью, которую она испытала, когда, послѣ двухлѣтняго замужества, почувствовала, что она стала матерью. Современная художница Виргинія Демонъ-Бретонъ и нѣкоторыя другія не только отрицаютъ существованіе разлада между стремленіемъ къ творчеству и материнскими обязанностями, но, напротивъ, даже утверждаютъ, что семейныя радости вносятъ въ жизнь художницы особую прелесть, служатъ источникомъ новыхъ эмоцій и вдохновляютъ на новые сюжеты. На этомъ основаніи можно даже высказать предположеніе, что художественный талантъ развивается шире и полнѣе у женщины, которая жила полной половой жизнью и испытала семейныя радости. О какомъ бы то ни было конфликтѣ на почвѣ материнства не говоритъ ни одна художница.

Литературное творчество. Пеструю, но поучительную и любопытную картину представляетъ міръ писательницъ. Длинной вереницей проходятъ пе-

редъ нами выдающіяся писательницы, начиная съ Сафо и кончая Джоржъ Эліотомъ, Жоржъ Зандомъ, Бичеръ-Стоу и нашими современницами. Факты, заимствованные изъ біографій, и отвѣты на разосланные авторшами вопросы одинаково разнообразны, скажу даже противорѣчивы. Если принять во вниманіе, что среди писательницъ было много незамужнихъ, а въ числѣ замужнихъ немало бездѣтныхъ, что для статистическихъ выводовъ данныя, которыми пользуются авторы, не отличаются достаточной полнотой, то слѣдуетъ отнестись нѣсколько скептически или вѣрнѣе осторожно къ выводу, что въ мірѣ писательницъ конфликтъ между материнствомъ и творчествомъ имѣетъ даже болѣе острый характеръ, чѣмъ у актрисъ и пѣвицъ. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать серьезнаго значенія за тѣмъ обстоятельствомъ, что у писательницы сильно работаетъ фантазія, что она живетъ и должна жить въ мірѣ образовъ; а для этого ей нужно спокойствіе, нужна возможность уединенія, погруженія въ самое себя. Грубая реальность съ ея мелочами, постоянныя заботы о мелочахъ жизни, конечно, въ значительной мѣрѣ парализуютъ работу фантазіи, а потому вредно отражаются на производительности писательницы, на глубинѣ замысла и на образности изображенія. Съ другой стороны, физическое материнство, по увѣренію нѣкоторыхъ писательницъ, пагубно отражается на ихъ творчествѣ: въ періодъ беременности, а отчасти и кормленія грудью, умственныя силы слабѣютъ, творчество замедляется или даже пріостанавливается. Въ жизни и въ отвѣтахъ многихъ писательницъ ясно выражены жалобы на это: однѣ жалуются на материнство, но признаютъ брачную жизнь, другія, наоборотъ, жаждутъ «работы и ребенка», но рѣшительно возстаютъ противъ брачныхъ узъ и противъ радостей супружества. Зато, съ другой стороны не мало голосовъ раздается и въ защиту какъ материнства, такъ и супружества; не безъ основанія нѣкоторыя писательницы видятъ въ семейной жизни источникъ не только радостей, но и вдохновенія и вѣрнаго пониманія такихъ сторонъ человѣческаго сердца, которыя недоступны женщинѣ, не испытавшей радостей матери и супружескаго счастья, а тѣмъ болѣе недоступны мужчинѣ. За интересными примѣрами и цитатами отсылаю къ самой книгѣ; хотя тамъ собранъ довольно богатый матеріалъ, можно было бы пожелать, чтобы онъ былъ еще богаче, такъ какъ только при этомъ условіи можно будетъ съ достаточной достовѣрностью подтвердить или опровергнуть мнѣніе авторовъ разбираемой книги о существованіи у писательницъ-матерей глубокаго душевнаго конфликта между обязанностями матери и призваніемъ писательницы. А въ данномъ случаѣ вопросъ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ поработать и подумать, такъ какъ въ литературѣ женщины не только вполнѣ завоевали себѣ положеніе, но и оставили глубокій слѣдъ: значеніе Джоржъ Эліота, Жоржъ Занда, Елизаветы Беккеръ-Вольфъ и Агаты Деккенъ (творцы нидерландскаго романа), Бичеръ-Стоу и нѣкорыхъ другихъ можетъ быть поставлено наряду съ крупными мужскими именами.

Наука. Тотъ фактъ, что ни въ одной изъ областей научнаго знанія женщины не занимаютъ положенія, равнаго съ мужчинами, объясняется историческими и соціальными причинами, а отнюдь не особенностями умственной или

физической организаціи женщинъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ такія громкія имена, какъ Аспазія, Ипатія, Марія Соммервиль, Софья Ковалевская и много другихъ, не считая цѣлой плеяды менѣе громкихъ именъ. Оставляя вопросъ о томъ, что сдѣлано женщинами въ различныхъ областяхъ научнаго знанія, обратимся къ болѣе непосредственной цѣли разбираемаго изслѣдованія. Женщинъ, работающихъ научно или имѣющихъ отношеніе къ наукѣ теоретической или прикладной, слѣдуетъ для удобства разсмотрѣнія разбить на три группы: 1) женщинъ-ученыхъ по призванію, работающихъ исключительно надъ добываніемъ научныхъ истинъ, 2) ученыхъ профессіональныхъ, у которыхъ научная дѣятельность сопряжена съ извѣстной обязательной срочной работой, какъ, напр., профессура, и 3) женщинъ, посвятившихъ себя какой-нибудь области прикладного знанія, какъ напр., медицина, адвокатура и т. п. Каждый изъ этихъ трехъ родовъ дѣятельности предъявляетъ къ женщинѣ свои особыя требованія, и ко всѣмъ не можетъ быть приложена одна мѣрка. Наиболѣе свободны научно работающія женщины первой категоріи. Если материнство и семейныя заботы и отрываютъ ихъ временно отъ научной работы или отражаются на ея интенсивности, то во всякомъ случаѣ не въ такой степени, чтобы явиться серьезнымъ препятствіемъ для продолженія научной работы. Конечно, незамужнія или бездѣтныя женщины поставлены въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія; но и добросовѣстныя матери находятъ возможность дѣлить свои умственныя и нравственныя силы между наукой и семьей безъ явнаго ущерба для обѣихъ. Въ этомъ отношеніи интересно свидѣтельство знаменитаго математика, Маріи Соммервиль, которая принималась за научную работу не иначе, какъ сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія по дому и исполнивъ всѣ свои обязанности относительно дѣтей, причемъ эти послѣднія во всякое время могли отрывать ее отъ работы, т.-е. постоянно пользовались ея вниманіемъ и сердечнымъ отношеніемъ. Съ другой стороны, для женщинъ-ученыхъ есть еще и иная возможность совмѣщенія научной работы съ материнскими заботами, какъ показываютъ нѣкоторые примѣры, а именно: пока дѣти малы и требуютъ постоянныхъ заботъ и вниманія, женщина употребляетъ свои досуги на пріобрѣтеніе тѣхъ знаній, того матеріала, которымъ она пользуется для продуктивной научной работы уже впослѣдствіи, когда дѣти настолько подрастутъ, что является бо́льшій досугъ. Менѣе благопріятны условія для ученыхъ профессіональныхъ; женщины, занимающія каѳедры или иначе связанныя съ обязательной срочной научной работой, въ большинствѣ случаевъ говорятъ о трудностяхъ, съ коими сопряжено въ этихъ случаяхъ материнство. Наконецъ, въ самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ находятся женщины, имѣющія профессіональное занятіе въ области прикладного знанія (гдѣ на первомъ планѣ должны быть поставлены женщины-врачи, отчасти адвокаты, учительницы и т. п.). Здѣсь выступаютъ въ сильной степени нѣкоторыя изъ затрудненій, съ которыми мы познакомились у артистокъ. Большинство женщинъ этой категоріи высказывается противъ возможности соединенія такой дѣятельности съ идеальной семейной жизнью: однѣ при этомъ стоятъ за то, чтобы отдать предпочтеніе материнскимъ обя-

занностямъ, какъ болѣе высокимъ, и предоставить медицинскія и иныя свободныя профессіи или незамужнимъ и бездѣтнымъ, или хотя и матерямъ, но въ такой періодъ, когда онѣ уже менѣе связаны дѣтьми; другія видятъ возможность устраненія конфликта между материнствомъ и профессіей врача, адвоката и т. п. въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ соціальнаго строя, по программѣ соціалъ-демократовъ.

Въ результатѣ авторы дѣлаютъ выводъ, что для теоретической науки конфликтъ вполнѣ устранимъ, а въ прикладной онъ сильно даетъ себя знать.

Небезынтересно отмѣтить, что семейныя радости для женщинъ-ученыхъ, повидимому, не представляютъ той заманчивости, которую онѣ имѣютъ для артистокъ, писательницъ и художницъ: этимъ, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что женщины-ученыя, женщины-врачи и т. п. часто остаются дѣвушками и отнюдь не жалуются на это, и что незаконныя связи и дѣти, прижитыя внѣ брака, представляютъ здѣсь рѣдкое явленіе.

Политическая и общественная дѣятельность; журналистика. Способность женщинъ къ увлеченію новымъ ученіемъ, новой теоріей, способность ея къ горячей проповѣди, къ дѣятельной агитаціи и успѣшной пропагандѣ доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одна новая религія не обошлась безъ поддержки женщинъ, что въ движеніи на почвѣ женскаго вопроса, идей мира и соціальныхъ реформъ женщины играли и играютъ замѣтную роль. Точно также никто не станетъ оспаривать способности женщинъ къ журналистикѣ, къ газетной работѣ, къ пропагандѣ извѣстныхъ идей путемъ рѣчей и докладовъ въ публичныхъ собраніяхъ, путемъ статей, памфлетовъ и т. п. Вспомнимъ Олимпію де-Гужъ и г-жу Роланъ во время французской революціи, г-жу де-Сталь, дѣятельность которой всѣмъ достаточно хорошо извѣстна, Беттину фонъ-Арнимъ, Марію Вульстонкрафтъ, за которыми тянется цѣлая вереница болѣе или менѣе видныхъ именъ нашихъ современницъ. Арена общественной дѣятельности должна быть открыта для женщинъ, онѣ отъ нея никогда не откажутся. На первый взглядъ можетъ показаться, что этого рода дѣятельность должна пагубно отражаться на семейныхъ обязанностяхъ женщины, должна отрывать ее отъ семьи. На дѣлѣ оказывается какъ разъ обратное. За немногими исключеніями факты изъ жизни извѣстныхъ общественныхъ дѣятельницъ и многочисленныя, заявленія современницъ единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что общественная дѣятельность не только совмѣстима съ материнствомъ, какъ физическимъ, такъ и нравственнымъ, но что, напротивъ, женщина вполнѣ развертывается, получаетъ болѣе широкій кругозоръ и болѣе плодотворно дѣйствуетъ, когда она совмѣщаетъ въ себѣ оба рода дѣятельности—и общественную, и семейную. Указанія такого рода, что та или иная книга была напечатана или даже написана во время беременности, что произнесеніе 6.000 рѣчей не помѣшало добросовѣстному исполненію материнскихъ обязанностей, что семейная жизнь часто даетъ пищу для болѣе глубоко продуманной и прочувствованной пропаганды извѣстныхъ идей, что, съ другой стороны, развитіе, умственная дѣятельность и расширеніе кругозора, связанныя съ общественной дѣятельностью вносятъ и въ семью болѣе разумное и обдуманное отношеніе къ дѣтямъ—все это цѣнныя указа-

нія, краснорѣчиво говорящія противъ несовмѣстимости общественной дѣятельности съ призваніемъ матери воспитательницы. Если принять во вниманіе, что работа женщины по общественнымъ вопросамъ или въ журналистикѣ въ общемъ не является срочной, что въ ней всегда возможны перерывы, что она не требуетъ постояннаго напряженія воображенія, постояннаго поддержанія молодости и напряженія физическихъ силъ организма, напримѣръ, пластичности движеній, голоса, техники, какъ у артистокъ, выводъ, къ которому пришли авторши, становится вполнѣ понятнымъ. Поэтому, не должно удивлять насъ, что цѣлый рядъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятельницъ и писательницъ самыхъ разнообразныхъ направленій и различныхъ національностей высказались не только за возможность, но даже за желательность совмѣщенія такого рода умственной дѣятельности съ семейной жизнью.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ по группамъ вопросъ объ отношеніи материнства къ умственному труду, авторши въ послѣдней части своей книги даютъ общую сводку и выводы. Оставляя въ сторонѣ историческія данныя и обращаясь исключительно къ даннымъ экспертизы, мы видимъ, что въ числѣ 420 экспертовъ, приславшихъ отвѣты, находятся 207 матерей, т.-е. около 50%; изъ нихъ 147 имѣли болѣе одного ребенка, 108 сами кормили. Число матерей здоровыхъ дѣтей въ разныхъ профессіяхъ колеблется отъ 73 до 80%; вообще изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ можно сдѣлать выводъ, что умственный трудъ не отражается вредно ни на плодородіи, ни на здоровьѣ матери и дѣтей, ни на способности къ кормленію грудью. Точно также особенности женскаго организма, ежемѣсячныя кратковременныя недомоганія и беременность, существеннымъ препятствіемъ въ большинствѣ случаевъ служить не могутъ. Иное дѣло воспитаніе дѣтей. Здѣсь разныя категоріи умственнаго труда отражаются различно: тамъ, гдѣ требуются продолжительныя или частыя отлучки, какъ въ сценическомъ искусствѣ, въ медицинѣ, отчасти въ общественной или политической дѣятельности, конфликтъ между материнскими обязанностями и умственной работой неизбѣженъ; въ этихъ случаяхъ всегда будетъ страдать тотъ или другой родъ дѣятельности, и это часто должно вести къ глубокому душевному разладу. Точно также неизбѣженъ конфликтъ и тамъ, гдѣ какъ, напримѣръ, у писательницы, требуется постоянное душевное настроеніе; наоборотъ, у журналистки, у ученой, у художницы съ этой стороны разлада ожидать не приходится.

Прежде чѣмъ отвѣтить на общій вопросъ: совмѣстимо ли умственное творчество или вообще какой-либо родъ постоянной умственной дѣятельности съ добросовѣстнымъ исполненіемъ женщиной ея призванія, какъ матери, авторы исключаютъ изъ разсмотрѣнія тѣ случаи, когда матеріальныя условія вынуждаютъ женщину искать заработка въ формѣ какой-нибудь умственной дѣятельности, хотя бы это и заставило ихъ болѣе или менѣе пренебречь материнскими обязанностями. Тамъ необходимость, а потому нечего и заботиться о томъ, примиримы ли оба рода дѣятельности, или нѣтъ: оба одинаково необходимы. Остаются женщины, добровольно отдающіяся какой-нибудь профессіи, сопряженной съ умственнымъ трудомъ. Здѣсь, по мнѣнію авторовъ, въ той или иной

степени конфликтъ всегда будетъ и надо стремиться не къ его устраненію, что, впрочемъ, и недостижимо, а къ разрѣшенію вопроса о томъ, что важнѣе: умственная ли работа, или воспитаніе дѣтей. При такой постановкѣ вопроса, мѣриломъ выступаетъ культурная цѣнность умственной работы женщины: вкладъ выдающейся артистки или пѣвицы, выдающейся художницы, ученой, общественной дѣятельницы въ культурную жизнь человѣчества является полнымъ эквивалентомъ или даже по своей культурной цѣнности превышаетъ то, что онѣ дали бы, оставаясь лишь хорошими матерями. Требовать отъ такихъ женщинъ, чтобы онѣ принесли свое призваніе къ умственной дѣятельности въ жертву призванія матери, нельзя. Но зато слѣдуетъ помнить, что воспитательная дѣятельность матери сама по себѣ является высокимъ родомъ умственной дѣятельности и приноситъ человѣчеству бо́льшую пользу, чѣмъ посредственный профессіональный умственный трудъ или посредственная артистическая дѣятельность. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда невольное пренебреженіе материнскими обязанностями не вызывается матеріальной необходимостью и не оправдывается выдающимися способностями, женщина должна отдавать всѣ свои силы дѣлу воспитанія дѣтей.

Какъ признаютъ и сами авторши, приведеннаго у нихъ матеріала недостаточно для окончательныхъ выводовъ. Точно также невозможно, по нашему мнѣнію, дать своевременно отвѣтъ на вопросъ о томъ, будетъ ли вкладъ собирающейся умственно работать женщины настолько полноцѣннымъ, чтобы оправдать ея умственную дѣятельность въ ущербъ заботамъ о воспитаніи дѣтей или нѣтъ. Далѣе возникаетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли отъ женщины требовать, во всякомъ случаѣ, полной отдачи всѣхъ своихъ силъ дѣлу воспитанія дѣтей, чего мы отъ мужчинъ не требуемъ, наконецъ, остаются и нѣкоторые соціальные вопросы, которые должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи такъ называемаго женскаго вопроса. Все это данныя, которыя препятствуютъ считать вышеприведенные выводы г-жи Гергардъ и Симонъ окончательными. Но въ ихъ трудѣ цѣнно то, что онѣ съ новой стороны освѣтили вопросъ о возможности умственнаго труда и умственнаго творчества для женщины-матери и сдѣлано это ими безпристрастно и съ любовью къ дѣлу, безъ предвзятой точки зрѣнія. Цѣнно и то, что, ставя умственную дѣятельность женщинъ очень высоко, онѣ въ то же время выдвигаютъ и все значеніе призванія матери, и стараются предостеречь какъ отъ умаленія значенія материнства, такъ и отъ недостаточнаго признанія за умственнымъ трудомъ женщинъ высокаго культурнаго значенія.

Ф. Л.-Л.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Въ усадьбѣ Некрасова. Сотрудникъ «Саратовскаго Дневника» посѣтилъ деревеньку Чудовскую Луку (близъ станціи Чудово), гдѣ подолгу жилъ Некрасовъ въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни. Въ шестидесятыхъ годахъ поэтъ купилъ здѣсь маленькое имѣніе въ 162 десятины, построилъ небольшой, но удобный домикъ и часто наѣзжалъ сюда одинъ или съ гостями охотиться. Почти четверть вѣка прошло со дня смерти Некрасова, но въ имѣніи сохранилось кое-что цѣнное для памяти поэта.

Послѣ смерти Некрасова имѣніе раздѣлилось пополамъ: одна часть отошла къ брату покойнаго, а другая часть сестрѣ его Аннѣ Алексѣевнѣ Будкевичъ. Братъ продалъ свою часть, а г-жа Будкевичъ нашла для своего наслѣдства болѣе хорошее примѣненіе: свою часть имѣнія въ 82 десятины она отдала земству и прибавила къ этому 7 тыс. руб., полученныхъ отъ продажи сочиненій поэта, съ тѣмъ, чтобы земство открыло здѣсь для крестьянъ низшую ремесленную или сельскохозяйственную школу имени покойнаго поэта. Для этой же цѣли земство получило потомъ отъ Салтыкова и Краевскаго 6.673 руб., приходившихся на долю Некрасова по изданію «Отечественныхъ Записокъ». На эти средства, съ прибавленіемъ субсидій отъ министерства и земства, была открыта 1892 г. «Некрасовская сельскохозяйственная школа». Пригодился и охотничій домикъ Некрасова, и всѣ его постройки: здѣсь теперь помѣщаются преподаватели школы. Домъ поэта занятъ управляющимъ школы В. В. Немыцкимъ. Въ немъ три или четыре комнаты. Передняя часть дома перестраивалась, но кабинетъ поэта остался въ прежнемъ видѣ. Изъ вещей Некрасова почти ничего здѣсь не сохранилось. Остался только большой цѣнный портретъ его, написанный извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Ге въ Петербургѣ въ 1872 г. Есть еще любопытное воспоминаніе: надгробный памятникъ надъ... собакой. Это была любимая собака Некрасова. Убила ее нечаянно на охотѣ жена поэта. Здѣшніе крестьяне очень интересуются этимъ памятникомъ и разсуждаютъ, что подъ камнемъ зарыта не собака, а большой кладъ.

Въ деревенькѣ живетъ бывшій егерь Некрасова Иванъ Васильевичъ Мироновъ. Онъ много сохранилъ воспоминаній о «добромъ баринѣ Николаѣ Алексѣевичѣ» и всѣмъ охотно разсказываетъ, что помнитъ.

— Какъ-же, Николай Алексѣевичъ!—ухмыляясь, вспоминалъ онъ.—Бывало всѣхъ онъ насъ портвейномъ напоитъ, ежели охота веселая. Да, хорошій былъ баринъ! Всю жизнь, можно сказать, мы съ нимъ прожили. Онъ меня, вѣдь, и въ люди вывелъ. Какъ же, какъ же! пожили мы съ нимъ, славу Богу! Всего было! У насъ вся охота кругомъ была откуплена, верстъ на двадцать. Бывало, наѣдутъ къ намъ гости—вѣдь, къ нему какіе ѣздили? Министры, графы. Ну, съ собаками, съ ружьями, съ припасами, съ закусками, съ винами отправляемся. Разъ по первой порошѣ этакъ ѣздили, такъ сзади дѣвки загонщики съ пѣснями всю дорогу. Право! весело было. Ежели веселая охота, всѣхъ угощалъ. Народу много около него кормилось. Я вотъ 25 рублей въ мѣсяцъ по лѣтамъ получалъ. А были, которые круглый годъ получали. Да и прочимъ мужикамъ много перепадало. Добрый былъ, что и говорить. И супруга еге, Зиновея Николаевна, бывало все съ нимъ. Видали памятникъ-то? Это самая его любимая собака была. Они, бывало, вдвоемъ съ супругой за столъ и собакѣ тутъ же третій приборъ ставятъ. Что имъ, то и ей... Боже мой, что съ нимъ было, какъ застрѣлила-то она его! И какъ это случилось! Утромъ еще темно было, вышла Зиновея-то Николаевна изъ шалаша, а тутъ въ кустахъ тетеревъ, что-ли, она—трахъ! а Кадо какъ разъ изъ кустовъ тоже крался къ птицѣ; ну, взвылъ песъ и кувыркомъ! А она—батюшки! бросилась къ нему, потомъ къ Николаю Алексѣевичу, не знаетъ, что и сказать: «Ну, говоритъ, что хочешь, то и дѣлай теперь со мной!..» Она послѣ этого и охотиться перестала. Да, много всякихъ случаевъ было. Во всякую погоду и въ дождь, и въ стужу—лазили мы съ нимъ. Охота! что тутъ будешь дѣлать! Бывало, ужъ и нездоровъ, пойдемъ на ночевъ, укутаемъ его, накроемъ въ шалашѣ, кряхтитъ, охаетъ, дождь это, слякоть, и дичи-то никакой нѣтъ, а онъ все сидитъ да ждетъ. Да, а ужъ напослѣдокъ-то совсѣмъ плохъ сталъ, расхворался, пріѣдетъ больной, грустный, хмурый. Тутъ ему доктора для здоровья велѣли утромъ и вечеромъ въ рѣчкѣ купаться. Бывало возьметъ меня: «Раздѣнься, говоритъ, Мироновъ, попробуй, не холодна-ли очень». Ну, залѣзешь въ воду: «Ничего, кричишь, Николай Алексѣевичъ»,—хошь оно и холодная, да ужъ обманомъ его хочешь заманить, а то видно, что не хочется ему. «Эхъ, Мироновъ, скажетъ бывало, не то, что въ воду, въ огонь бы бросился, только бы по-прежнему здоровымъ быть». Да, совсѣмъ онъ плохъ потомъ сдѣлался, желтый весь, худой. А потомъ ужъ такъ и слегъ у себя на петербургской квартирѣ; тамъ и померъ... Хорошій былъ баринъ, что и говорить. Иной разъ пріѣдетъ, и словно что найдетъ на него, не говоритъ ни съ кѣмъ, запрется въ кабинетѣ и сидитъ дня три-четыре. Тутъ ужъ къ нему никто не могъ войти. Даже и Зиновея Николаевна. Дадутъ ему только въ дверь стаканъ чаю или поѣсть что, онъ возьметъ самъ въ дверь и опять затворится. Что ужъ онъ тамъ дѣлалъ, и не знаю.

Много еще въ этакомъ родѣ разсказывалъ бывшій егерь Мироновъ. Но, къ сожалѣнію, онъ только и могъ разсказать, какъ при немъ охотились, пили да въ карты играли. Онъ смотрѣлъ на Некрасова, какъ на ласковаго барина, любящаго поохотиться и отдохнуть въ своемъ имѣніи, а другого ничего о «ласковомъ баринѣ» не могъ разсказать. Сообщилъ Мироновъ, что къ нему уже многіе

обращались съ разспросами о покойномъ Некрасовѣ, и разъ какъ-то давно уже заходилъ къ нему и долго говорилъ съ нимъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Къ вопросу о грамотности среди рабочихъ. Постоянная коммиссія по техническому образованію при московскомъ отдѣленіи Императорскаго россійскаго техническаго общества получила въ свое распоряженіе отъ администраціи московскихъ казенныхъ винныхъ складовъ интересныя данныя о состояніи грамотности среди рабочихъ, занятыхъ производствами на складахъ. Напечатанныя въ обработанномъ видѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», данныя эти могутъ служить показателемъ степени грамотности среди извѣстной группы рабочаго люда, а также показателемъ стремленія къ знанію и развитію, наблюдаемаго среди рабочихъ разныхъ категорій и разнаго уровня развитія.

Казенные винные склады расположены по окраинамъ Москвы въ трехъ различныхъ пунктахъ. Рабочіе, занятые на нихъ, въ большинствѣ случаевъ перешли сюда съ частныхъ заводовъ, когда въ іюлѣ прошлаго года введена была винная монополія и частные заводы перестали функціонировать. По характеру своего производства винные склады не требуютъ отъ большинства рабочихъ какихъ-либо спеціальныхъ познаній, такъ какъ мытье посуды, разливка вина, укупорка бутылокъ, наклеиваніе ярлыковъ и т. п. принадлежатъ къ тѣмъ простымъ работамъ, которыя при нѣкоторомъ навыкѣ можетъ выполнить всякій. Главный контингентъ рабочихъ на складахъ, вслѣдствіе этого, вербуется преимущественно изъ среды того-чернорабочаго люда, который доставляется на рынокъ труда со стороны мелкаго городского мѣщанства и пригороднаго крестьянства. Всего на трехъ складахъ къ началу нынѣшняго года было занято, какъ видно изъ опросныхъ листовъ, 1.907 человѣкъ, причемъ число женщинъ нѣсколько преобладаетъ: женщинъ—987, мужчинъ—920.

Общій процентъ грамотности среди всѣхъ вообще рабочихъ 58,5. Въ этомъ отношеніи рабочіе винныхъ складовъ стоятъ нѣсколько выше общаго уровня грамотности всего московскаго населенія, взятаго въ цѣломъ, такъ какъ по переписи 1897 года грамотные среди московскаго населенія вмѣстѣ съ пригородными составляли лишь 56,3%. Если же сравнивать степень грамотности рабочихъ винныхъ складовъ съ таковою же среди фабричныхъ рабочихъ (мы имѣемъ въ виду изслѣдованіе П. М. Шестакова о грамотности среди рабочихъ на мануфактурѣ Э. Цинделя), то она окажется далеко не въ пользу первыхъ: процентъ грамотности среди цинделевскихъ рабочихъ 3 года тому назадъ равнялся 67,4, т.-е. превышалъ на 8,9. Далеко неравномѣрно распространена грамотность въ различныхъ возрастныхъ группахъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе рѣзкую грань представляетъ собой 30-ти-лѣтній возрастъ. Во то время, какъ процентъ грамотности среди рабочихъ до 30-ти-лѣтняго возраста равенъ 62,4, для рабочихъ старше этого возраста онъ спускается до 50-ти. Еще большая неравномѣрность въ распространеніи грамотности наблюдается между мужчинами и женщинами. Разница здѣсь получается поразительная, рѣзко бросающаяся въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи: число грамотныхъ среди мужчинъ составляетъ 80,8%, среди женщинъ—всего лишь 37,8%, иначе

*

говоря, грамотность среди мужчинъ распространена вдвое болѣе, чѣмъ среди женщинъ.

Приведенныя здѣсь цифры не могутъ дать, однако, достаточно яснаго представленія о положеніи дѣла. Для полноты картины необходимы еще данныя о степени грамотности. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что подъ рубрику *грамотныхъ* были занесены и лица съ самою примитивною степенью грамотности, т.-е. едва умѣющія читать и совсѣмъ не умѣющія писать. По степени образованія всѣхъ грамотныхъ можно подраздѣлить на 4 группы: 1) обучавшіеся дома, на военной службѣ или въ школѣ, но не окончившіе курса; 2) окончившіе курсъ начальной школы; 3) обучавшіеся въ школахъ 3-го разряда (уѣздныя, городскія, духовныя, техническія и т. п.), но не окончившіе въ нихъ курса, и, наконецъ, 4) окончившіе курсъ въ школахъ 3-го разряда. Число рабочихъ, относящихся къ 1-й группѣ, составляетъ 70% всѣхъ грамотныхъ, ко 2-й группѣ — 28,6, къ 3-й группѣ — 1, и къ 4-й — 0,4%. Если же мы возьмемъ процентное отношеніе названныхъ группъ къ общему числу всѣхъ вообще рабочихъ, то соотвѣтствующія цифры измѣнятся слѣдующимъ образомъ: неграмотные — 41,5%, обучавшіеся дома, на военной службѣ и т. д. — 40,8, окончившіе курсъ начальной школы — 16,8, обучавшіеся, но не окончившіе курсъ въ школахъ 3-го разряда — 0,65% и окончившіе курсъ въ школахъ 3-го разряда 0,25%.

Оказывается, стало быть, что даже въ такомъ крупномъ предпріятіи, какъ казенные винные склады, и въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Москва, изъ сотни рабочихъ только 16 человѣкъ окончили начальную трехгодичную школу; изъ 150 человѣкъ только одинъ поднимался выше этой школы и, наконецъ, изъ 400 только одинъ окончилъ школу 3-го разряда. Что же касается дальнѣйшихъ духовныхъ запросовъ рабочихъ, то учиться вновь и продолжать полученное уже образованіе пожелала лишь половина всѣхъ опрошенныхъ (50,4%), причемъ у мужчинъ стремленіе къ образованію значительно сильнѣе, чѣмъ у женщинъ: процентъ желающихъ учиться мужчинъ равенъ 57,7, тогда какъ процентъ желающихъ учиться женщинъ — только 43,6. Еще значительнѣе оказывается разница при сравненіи группы грамотныхъ съ группою неграмотныхъ: желающіе учиться среди грамотныхъ составляютъ 57,9%, среди же неграмотныхъ — только 39,9%. Такимъ образомъ, грамотность даже въ самой примитивной своей формѣ не только даетъ человѣку орудіе для пріобрѣтенія знаній, но и создаетъ стремленіе къ образованію, порождаетъ жажду знанія.

Значительное разнообразіе представляютъ отвѣты на вопросъ, «чему желаютъ учиться».

Здѣсь на ряду съ желаніемъ научиться первоначальной грамотѣ мы встрѣчаемся съ желаніемъ изучать ариѳметику, геометрію, исторію, географію, физику, механику, иностранные языки, грамматику, счетоводство, медицину, ремесла, а также заниматься музыкой, пѣніемъ, учиться чистописанію, кройкѣ, шитью, рѣзьбѣ по дереву, электротехникѣ и т. д. Словомъ, выражены самыя разнообразныя желанія. Нельзя обойти также молчаніемъ того факта, что число желающихъ учиться въ будни послѣ работы въ $3^1/_2$ раза превосходитъ число

желающихъ учиться только по праздникамъ, въ свободное время. Очевидно, тѣ, кто, дѣйствительно, желаетъ учиться, относятся къ этому желанію серьезно, ихъ не смущаетъ то обстоятельство, что рабочій день, вслѣдствіе этого, удлинится на 2—3 часа.

Если подраздѣлить желающихъ учиться на двѣ группы, изъ которыхъ въ первую войдутъ желающіе изучать предметы общеобразовательнаго характера, а во вторую—утилитарнаго, то получатся слѣдующіе выводы. Число лицъ, относящихся къ первой группѣ, составляетъ 57% всѣхъ желающихъ учиться, а ко второй группѣ—43%. Такимъ образомъ, большинство желающихъ учиться стремится преимущественно къ пріобрѣтенію грамотности и научныхъ знаній. Если же взять число желающихъ учиться общеобразовательнымъ предметамъ по отношенію къ общему числу рабочихъ, то получимъ всего лишь 29%. Явленіе грустное, но понятное, если принять во вниманіе ту незначительную степень грамотности въ общей массѣ рабочихъ, о которой было говорено выше.

Въ лучшемъ положеніи стоитъ вопросъ о чтеніи среди рабочихъ: изъ общаго числа грамотныхъ читающіе составляютъ 81%. Какъ видно изъ отвѣтовъ, для чтенія служатъ книги, газеты и журналы. Слѣдующія числа даютъ представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ пользуются рабочіе каждымъ изъ этого рода произведеній печати. Читающихъ книги, газеты и журналы 56,5%, читающихъ только газеты—1,5%. Источники, откуда получаются книги для чтенія, какъ видно изъ отвѣтовъ, бываютъ трехъ родовъ: собственныя книги, книги изъ библіотекъ и книги, взятыя у знакомыхъ. Собственныя книги оказались у 691 рабочаго, что̀ составляетъ 62% по отношенію къ общему числу грамотныхъ. Что касается библіотекъ, то ими пользуются всего 70 человѣкъ, т.-е. 6% всѣхъ грамотныхъ. Изъ отвѣтовъ не видно, каковы эти библіотеки, платныя или безплатныя. Значительное большинство беретъ книги у знакомыхъ; такихъ мы насчитали 580 человѣкъ, или 52% грамотныхъ.

Посмотримъ теперь, какъ пользуется рабочій праздничнымъ досугомъ. Употребляютъ ли они его на посѣщеніе образовательныхъ учрежденій (концертовъ, театровъ и т. п.)? Въ опросномъ листѣ для выясненія этого предложенъ слѣдующій вопросъ:

«Посѣщаетъ ли народныя чтенія, лекціи, театры, концерты, гулянья и т. п.?» Положительный отвѣтъ дали немного болѣе половины всѣхъ рабочихъ, а именно 53%.

Такимъ образомъ, 47% совершенно не пользуются праздничнымъ досугомъ для разумныхъ развлеченій и пополненія знаній. Причины непосѣщенія разнообразны, но наиболѣе часто встрѣчаются слѣдующія: неимѣніе времени, неимѣніе средствъ, «не пускаютъ родители или мужъ»; встрѣчаются и опредѣленныя указанія, что «не желаютъ» и «не интересуются». На вопросъ «что̀ посѣщаютъ?» большинство отвѣтовъ падаетъ на народныя чтенія, затѣмъ идутъ гулянья, театры, концерты и, наконецъ, лекціи. Послѣднія — въ очень незначительномъ количествѣ, всего семь отвѣтовъ.

Въ житницѣ Сибири. «Житницей Сибири» принято называть Минусинскій уѣздъ. И дѣйствительно, въ прежніе годы этотъ районъ давалъ огромное количество всякихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для вывоза отсюда въ разныя мѣста Сибири. Грузили огромныя баржи хлѣбомъ и сплавляли внизъ по Енисею до г. Красноярска и далѣе. Но теперь, по словамъ корреспондента «Сибирской Жизни», положеніе дѣлъ измѣняется. «Житница Сибири» пережила и переживаетъ серьезный хозяйственный кризисъ.

Двухлѣтніе неурожаи сильно отозвались на всей хозяйственной и экономической жизни здѣшняго населенія. Баснословно дешевыя цѣны на продукты сельскаго хозяйства 2—3 года тому назадъ кажутся совершенно невѣроятными по сравненію съ нынѣшними. Въ прежніе года пудъ ржаной муки стоилъ здѣсь 18—20 коп., теперь доходило до 1 руб. Безкормица, особенно этой зимы, сильно отразилась на уменьшеніи скота; зимою скотъ падалъ отъ голода, его подвѣшивали веревками или продавали за безцѣнокъ. Много лошадей было поскуплено разными барышниками; лошадей, купленныхъ за безцѣнокъ, уводили «на Усъ», «въ Сойоты». У большинства населенія (особенно сѣверной части уѣзда) еще зимой не было своего ни хлѣба, ни кормовъ, все приходилось пріобрѣтать «съ купли», а заработковъ мѣстныхъ никакихъ нѣтъ, такъ какъ, въ виду исключительно земледѣльческаго характера района, промыслы здѣсь въ зачаточномъ состояніи.

Хлѣба нѣтъ, денегъ тоже, и вотъ на этой почвѣ «оскудѣнія» за послѣдніе два года неимовѣрно увеличились по деревнямъ кражи. По преимуществу, это кражи изъ амбаровъ всевозможной натуры (мука, овесъ, крупа и т. п.) и, кстати, и другого, обыкновенно, хранящагося тутъ же, въ амбарахъ, крестьянскаго скарба, что подъ руки попадется. Крадутъ однодеревенцы, часто прямо сосѣди другъ у друга, до сихъ поръ не замѣченные «въ предосудительномъ поведеніи», крадутъ и другіе крестьяне, уже «замѣченные», крадутъ и профессіональные воры изъ крестьянъ и изъ ссыльно-поселенцевъ. Крадутъ и днемъ, и ночью, «со взломомъ» и «изъ обитаемыхъ строеній». Однимъ словомъ, воровство—злоба дня здѣсь и жгучій вопросъ, волнующій мирное населеніе. Несомнѣнно, что неурожаи послѣднихъ лѣтъ, нанеся непоправимый ущербъ благосостоянію населенія, сильно способствовали развитію воровства этого бича для хозяйствующаго населенія. Дѣло доходило прямо до какого то воровского террора. Населеніе чувствовало, да и теперь еще чувствуетъ себя въ какомъ то осадномъ положеніи отъ воровъ. Воровство и грабежи нерѣдко сопровождаются убійствами.

Общему хозяйственно экономическому состоянію края нанесенъ чувствительный ударъ: переведенъ скотъ, прожиты запасы и сбереженія, сократилась посѣвная площадь, вслѣдствіе большихъ недосѣвковъ за недостаткомъ сѣмянъ. Если бы урожай этого года былъ и очень хорошъ, все-таки, вслѣдствіе этого сокращенія посѣвовъ, нельзя ожидать особеннаго пониженія цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства; скотъ, нужно думать, вздорожаетъ, что и наблюдается уже сейчасъ въ виду обилія травъ, скотъ перестали рѣзать и сбывать такъ дешево, какъ это приходилось дѣлать при безкормицѣ.

Начинается страда; пора бы уже убрать сѣно и поспѣть хлѣбамъ, а между тѣмъ весь іюнь и пока іюль все лили дожди. Хлѣба все еще растутъ, тянутся и не зрѣютъ.

Въ добавокъ ко всему, здѣсь полосой прошелъ въ первыхъ числахъ іюля крупнѣйшій градъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно выбилъ хлѣбъ, «такъ что и соломы то не осталось, все съ землей смѣшалось, словно вспахано было». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появился на хлѣбѣ, коноплѣ и на огородныхъ растеніяхъ (капустѣ и табакѣ) червякъ.

Во всѣхъ описанныхъ бѣдствіяхъ и неудачахъ въ своей сельско-хозяйственной жизни населеніе предоставлено самому себѣ. Никакой агрономической помощи со стороны знающихъ дѣло людей ждать здѣсь не приходится. А между тѣмъ именно, здѣсь въ «житницѣ Сибири», необходимы компетентныя указанія людей съ спеціальнымъ агрономическимъ образованіемъ. Есть въ г. Иркутскѣ на всю Восточную Сибирь какой то одинъ чиновникъ-агрономъ, но что онъ населенію и что населеніе ему? Никто о его дѣятельности ничего не слышитъ и не знаетъ.

Таково положеніе дѣлъ въ «житницѣ Сибири», оскудѣвшей вслѣдствіе неурожаевъ 2 хъ послѣднихъ лѣтъ въ особенности. Хлѣбные запасы совершенно истощены, особенно въ сѣверной степной части. Ссуды, пособія и благотворительныя общественныя работы только палліативно достигаютъ, а иногда и совсѣмъ не достигаютъ цѣли. Будущее если не этого уже года, то слѣдующихъ лѣтъ въ неизвѣстности и въ исключительной зависимости отъ случайностей погоды и т. п. Продовольственное дѣло фактически находится главнымъ образомъ въ рукахъ невѣжественной низшей сельской и волостной администраціи и корыстныхъ писарей и номинально крестьянскихъ начальниковъ, у которыхъ и безъ того много всякой канцелярщины и разныхъ административныхъ и другихъ дѣлъ, и населеніе въ борьбѣ съ природой предоставлено только самому себѣ да волѣ судебъ.

Единственный исходъ изъ этого печальнаго положенія газета видитъ въ мѣстномъ самоуправленіи, которое одно могло бы пробудить къ самодѣятельности дремлющія силы населенія и возстановить падающее хозяйство.

«Запрещенная» книга. «Саратовскій Дневникъ» разсказываетъ исторію, которая, даже въ условіяхъ нашей провинціальной жизни, представляется совершенно фантастической. Дѣло въ слѣдующемъ. На-дняхъ въ Саратовѣ вышла вторымъ изданіемъ книга г. Осиповскаго «Сборникъ узаконеній, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту». Передъ выходомъ этой книги въ свѣтъ авторъ, онъ же и издатель, помѣстилъ объявленія въ наиболѣе распространенныхъ и дешевыхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ и въ «Сельскомъ Вѣстникѣ», издающемся при редакціи «Правительственнаго Вѣстника». Благодаря такой широкой публикаціи, къ автору-издателю поступило не мало требованій на книгу какъ отъ сельскихъ и волостныхъ управленій, такъ и отъ отдѣльныхъ крестьянъ разныхъ губерній. Но послѣднее время поступаютъ также

требованія о возвратѣ высланныхъ въ задатокъ за книгу денегъ, причемъ сообщается, что книгу эту крестьянамъ нельзя имѣть.

Такой очевидный абсурдъ имѣетъ, къ сожалѣнію, извѣстныя основанія, хотя «запретъ» на книгу исходитъ далеко не изъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ сферъ. Роль цензора взялъ на себя одинъ «доброволецъ»—почтово-телеграфный чиновникъ въ херсонской губерніи. Этотъ «просвѣщенный» по юридической части господинъ напустилъ на крестьянъ, сдававшихъ на почту деньги, такого страху, что они положительно опѣшили.

— Вы не имѣете права держать такія книги! Законы можетъ читать только тотъ, кто ихъ понимаетъ, а вы неучи, олухи, ослы и пр. въ этомъ родѣ.

За послѣднія слова ретивый охранитель мужицкаго невѣжества поплатился штрафомъ, ибо «ослы и олухи» не согласились безропотно принять на себя столь лестную характеристику и обратились къ защитѣ суда. Но судъ, вознаградивъ за грубость добровольца, не могъ все-таки выяснить крестьянамъ, что они не только могутъ, но и должны знать законы, ибо незнаніемъ закона никто отговариваться не можетъ.

Чиновникъ не унялся. Онъ грозитъ, когда получится на почтѣ книга и адресатъ явится за полученіемъ ея, что *онъ арестуетъ* и книгу, и адресата.

Напуганные крестьяне изъ-за боязни, «какъ бы чего не вышло», просятъ издателя вернуть деньги, а книги не высылать: Богъ съ ней совсѣмъ, бѣды еще наживешь.

Но какъ мы слышали, издатель не склоненъ умалчивать о такомъ самозванномъ «охранителѣ» и имѣетъ въ виду обратиться съ жалобой куда слѣдуетъ.

Любопытно, что невѣжественный почтово-телеграфный чиновникъ, такъ смѣло дѣйствующій и морочащій темныхъ людей, кажется, нашелъ въ комъ-то поддержку, что, очевидно, придало ему еще больше смѣлости. Вѣдь только при такой смѣлости возможно подобное нахальство.

Какъ бы то ни было, а «строгій» чиновникъ достигъ своего: «Сборникъ узаконеній» объявленъ имъ «запрещенной» книгой и крестьяне боятся получить эту книгу. «Мы, однако, увѣрены,—утѣшаетъ своихъ читателей «Саратовскій Дневникъ»,—что чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ не запечатываніе и распечатываніе постъ-пакетовъ, а дѣйствительно охраненіе права и законности, снимутъ «запрещеніе» съ книги г. Осиповскаго».

Къ тихорѣцкой исторіи. Въ прошлой книжкѣ «Міра Божія» мы разсказали (см. «Человѣкъ-звѣрь») со словъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о выходящемъ изъ ряда вонъ преступленіи, совершенномъ въ первыхъ числахъ мая на ст. Тихорѣцкой, Владикавказской желѣзной дороги. Вслѣдъ за этимъ ѣздилъ на мѣсто происшествія, корреспондентъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и, провѣривъ сообщеніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», подтвердилъ его, причемъ добавилъ что одинъ изъ участниковъ преступленія—помощникъ станичнаго атамана—уже отстраненъ отъ должности, а о подробностяхъ дѣла ведется слѣдствіе. Вскорѣ послѣ этого министерство юстиціи опубликовало итоги оффиціальнаго разслѣдованія дѣла, которые рисуютъ происшествіе совсѣмъ въ

другомъ свѣтѣ. По даннымъ министерства юстиціи оказывается, что «проститутка» Золотова по подозрѣнію въ кражѣ въ вагонѣ у кандидата на судебныя должности Добровольскаго свертка со шпагой и зонтикомъ, который былъ найденъ около занимаемаго ею мѣста, была арестована, такъ какъ не имѣла при себѣ документа, удостовѣряющаго ея личность.

Ей было предложено представить поручителей съ залогомъ въ 100 руб., а до этого она была посажена подъ арестъ. Такъ какъ на телеграммы, посланныя Золотовой своимъ знакомымъ о внесеніи за нее залога, отвѣта не получилось, то судебный слѣдователь сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ ея этапнымъ порядкомъ по мѣстожительству. Это извѣстіе очень поразило Золотову; не желая предстать предъ родными въ качествѣ подслѣдственной арестантки, она отъ стыда отравилась карболовою кислотой. Слѣдователь Пусепъ допрашивалъ Золотову только разъ и то въ присутствіи третьяго лица,—кандидата на судебныя должности Мантулина. Пусепъ отнюдь не скрылся тайно изъ Тихорѣцкаго хутора, а, сдавъ дѣла другому лицу, уѣхалъ въ отпускъ, ходатайство о коемъ онъ возбудилъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, никакого надругательства надъ Золотовою произведено не было.

Это разъясненіе, однако, ни мало не успокоило общественное мнѣніе, и въ газетахъ (въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Новостяхъ» и др.) по адресу министерства юстиціи предложенъ былъ рядъ вопросовъ, на которыхъ въ разъясненіи не находилось отвѣтовъ. Остается ждать судебнаго разслѣдованія, которое одно можетъ разрѣшить таинственную тихорѣцкую загадку.

Между прочимъ, вскорѣ послѣ загадочной исторіи съ несчастной Золотовой на ст. Тихорѣцкой произошло новое «недоразумѣніе». Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, на ст. Тихорѣцкой неожиданно заболѣла и на другой день умерла г-жа Коросько, которую здѣсь поспѣшили похоронить, не выяснивъ личности покойной. Когда родственники г-жи Коросько, наконецъ, узнали, что она скончалась на ст. Тихорѣцкой, то оказалось, что въ бывшихъ при покойной деньгахъ произошелъ значительный недочетъ. Сотрудникъ «Приазовскаго Края», посѣтившій по этому поводу ст. Тихорѣцкую, находитъ, что двѣ тихорѣцкія «загадки»,—трагедія Золотовой и недоразумѣніе съ покойною Коросько,—имѣютъ между собою нѣчто общее.

Прежде всего, обѣ эти «загадки» сближаютъ между собою одно и то же лицо, фамилія котораго фигурируетъ въ разъясненіи г. министра юстиціи. Это—жандармскій унтеръ-офицеръ Безхмѣльницынъ. Онъ—творецъ загадокъ.

Вотъ тоже лицо, которое сближаетъ двѣ различныя загадки, участвуя какъ въ первой, такъ и во второй. Врачъ Фишберъ осматривалъ отравившуюся Золотову; онъ же осматривалъ и Коросько.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ по закону нельзя было довольствоваться осмотромъ. Требовалось вскрытіе тѣла. Сама ли отравилась Золотова? Разумѣется. Вѣдь, она еще раньше покушалась удавиться...

Но все-таки... слѣдовало бы произвести вскрытіе и подробный осмотръ тѣла. Точно также и съ Коросько. Она умерла отъ паралича сердца, но не было ли причинъ, вызвавшихъ этотъ параличъ? Почему не было сдѣлано вскрытіе ея

тѣла? Коросько почувствовала себя дурно 5-го іюня, а умерла 6-го. Это мало похоже на параличъ сердца. Похоронили ее 7-го. Немного скоро.

Кореспондентъ говоритъ, что собралъ о личности Золотовой интересныя свѣдѣнія, которыми вскорѣ и намѣренъ подѣлиться съ читателями. Кстати. Не успѣли еще замолкнуть разговоры по поводу всѣхъ этихъ «загадокъ», какъ въ «Нов. Вр.» отъ 11-го августа телеграфируютъ:

Въ тихорѣцкомъ желѣзнодорожномъ почтовомъ отдѣленіи почтальонъ Атамановъ разрѣзалъ сумку, взялъ узелъ съ серебромъ на 1.000 р. и безслѣдно исчезъ. Узелъ пересылался въ Армавиръ и Сочи.

За мѣсяцъ. Въ прошлой книжкѣ журнала, отмѣтивъ открытіе дѣйствій мѣстныхъ комитетовъ, организованныхъ по постановленію особаго совѣщанія, мы остановились подробно на работахъ Суджанскаго уѣзднаго комитета. Теперь, сопоставляя дѣятельность этого послѣдняго съ дѣятельностью другихъ уѣздныхъ комитетовъ, отчеты о засѣданіяхъ которыхъ оглашены въ печати, мы можемъ признать постановку дѣла въ суджанскомъ комитетѣ типичной для большинства уѣздовъ. Въ уѣздныхъ комитетахъ Елецкомъ, Александровскомъ, Тамбовскомъ, Ковровскомъ, Лохвицкомъ, Ветлужскомъ, Костромскомъ, Аккерманскомъ, Бирскомъ и другихъ нужды сельскохозяйственной промышленности сводились главнымъ образомъ, къ общимъ потребностямъ культурнаго, правового и экономическаго характера, необходимость удовлетворенія которыхъ ставилась на первый планъ, а затѣмъ уже намѣчались мѣропріятія частнаго и техническаго характера.

Для того чтобы уяснить, какими собственно соображеніями руководствуются уѣздные комитеты, перенося центръ тяжести сельскохозяйственныхъ потребностей въ область мѣропріятій широкаго общественнаго значенія, приведемъ здѣсь въ извлеченіи, со словъ «Русскихъ Вѣдомостей», рѣчь, произнесенную проф. Н. А. Карышевымъ въ александровскомъ (Екатеринославской губ.) уѣздномъ комитетѣ, членомъ котораго онъ состоитъ. Всѣ тѣ вопросы, которые намѣчены программой особаго совѣщанія, имѣютъ—сказалъ г. Карышевъ—второстепенное значеніе и разрѣшеніе ихъ въ ту или иную сторону стоитъ въ широкой зависимости отъ разрѣшенія другихъ вопросовъ, не вошедшихъ въ программу. Въ настоящее время можно уже съ увѣренностью сказать, что періодъ натуральнаго хозяйства въ Россіи закончился; произведенія сельскаго хозяйства перестали быть мѣстнымъ продуктомъ, назначеннымъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ,—они сдѣлались товаромъ міровой торговли. Въ настоящее время идетъ борьба на міровомъ рынкѣ между государствами, и тяжело положеніе того народа, который выступаетъ на арену этой борьбы съ неравнымъ оружіемъ,—съ низкимъ уровнемъ умѣній и знаній, съ неправильною организаціей сбыта товаровъ, съ низкимъ уровнемъ общаго образованія, съ низкою производительностью труда. Г. Карышевъ, отмѣняя прежде всего огромное значеніе даже элементарнаго общаго образованія, приводитъ выводы доклада инженера Гавришова, который путемъ точнаго и строго-научнаго учета заработной платы, получаемой рабочими разныхъ степеней грамотности, пока-

залъ, въ какой тѣсной причинной связи находится производительность труда даже съ элементарной грамотностью. Оказывается, что рабочій, пробывшій хотя одинъ годъ въ народной школѣ, уже зарабатываетъ больше, чѣмъ вовсе не учившійся, пробывшій два года—еще больше, и т. д. Вторымъ, не менѣе важнымъ, орудіемъ въ успѣшной производительности и сбытѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ является кооперація. Н. А. Карышевъ иллюстрировалъ огромное значеніе кооперации многочисленными примѣрами изъ западно-европейской жизни: указано между прочимъ было на блестящіе результаты, достигнутые кооперациями мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи, кооперациями мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи, кооперациями мелкихъ владѣльцевъ виноградниковъ въ Западной Германіи, кооперацій сельскихъ хозяевъ Даніи по сбыту яицъ *) и проч. Третьимъ факторомъ, вліяющимъ на успѣхъ всякихъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій, является финансовая политика государства. Въ настоящее время только три государства въ Европѣ не ввели у себя подоходнаго налога—Франція, Турція и Россія. Положеніе послѣдней въ смыслѣ финансовой политики не можетъ быть признано благопріятнымъ. Какова бы ни была примѣнена система взиманія съ населенія средствъ для нуждъ государственныхъ (косвенные налоги, прямое обложеніе, подоходный налогъ), естественно, что сборы можно брать только съ чистаго дохода. У насъ же, если говорить о крестьянскомъ населеніи, этотъ основной принципъ нарушается: у насъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ крестьянинъ растрачиваетъ свой основной сельскохозяйственный капиталъ. Нужды нашей сельскохозяйственной промышленности приносятся въ жертву индустріи. По мнѣнію Н. А. Карышева, никакія улучшенія въ области сельскаго хозяйства невозможны, если не будутъ предприняты коренныя реформы въ упомянутыхъ выше сторонахъ государственной жизни. Такъ государство должно принять самыя энергичныя мѣры для введенія всеобщаго обученія. Въ этомъ случаѣ къ цѣли слѣдуетъ идти двумя путями, во-первыхъ, обращать на нужды начальнаго образованія средства казны въ несравненно большемъ размѣрѣ, чѣмъ это дѣлается теперь, во-вторыхъ,—что еще важнѣе,—измѣнить законодательство, касающееся народнаго образованія въ такомъ направленіи, чтобы въ этой сферѣ возможно было самое широкое примѣненіе частной и общественной инициативы. Для того, чтобы возможно было у насъ развитіе кооперацій, необходимо, чтобы всякая кооперація, товарищество и т. п. могли учреждаться не по особому утвержденію уставовъ, а явочнымъ порядкомъ. Но и это недостаточно. До тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ исключительные законы для крестьянъ,—до тѣхъ поръ развитіе самодѣятельности среди огромной массы населенія невозможно. Точно также необходимо и измѣненіе финансовой политики,—измѣненіе, которое бы равномѣрнѣе распредѣлило налоговое бремя между разными экономическими группами государства.

---

*) Въ эту кооперацію входятъ до $^2/_3$ всѣхъ сельскихъ хозяевъ Даніи. Благодаря успѣшному веденію дѣла, эта кооперація въ короткій сравнительно срокъ вытѣснила изъ лондонскаго рынка германскія яйца.

Комитетъ, согласившись съ мнѣніемъ Н. А. Карышева, принялъ соотвѣтствующую резолюцію и перешелъ затѣмъ къ обсужденію вопросовъ, намѣченныхъ въ программѣ.

— Вопросъ о средне-учебныхъ программахъ на наступившій учебный годъ разрѣшился Высочайше утвержденнымъ 22-го іюля новымъ распредѣленіемъ уроковъ для четырехъ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Новое распредѣленіе уроковъ утверждено на 1902—1903 учебный годъ, но должно оставаться въ силѣ и послѣ этого срока, впредь до введенія утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ окончательномъ видѣ опубликованныя таблицы росписанія уроковъ вводятъ преподаваніе латинскаго языка съ третьяго класса, а преподаваніе греческаго—въ 3-й петербургской, 5-й московской, 4-й варшавской, 2-й кіевской и юрьевской—съ четвертаго класса. При этомъ въ гимназіяхъ, гдѣ проходится только одинъ латинскій языкъ, число уроковъ его ограничено пятью; въ тѣхъ же гимназіяхъ, гдѣ должны преподаваться оба языка, каждому отводится по четыре недѣльныхъ урока. Новое распредѣленіе не распространяется на тѣ учебныя заведенія, программы которыхъ не подвергались измѣненію въ минувшій 1901—1902 учебный годъ.

— Въ Харьковѣ, 29-го іюля, въ саду «Тиволи», на жизнь харьковскаго губернатора кн. И. М. Оболенскаго было произведено покушеніе. Въ «Харьковскомъ Листкѣ» опубликованы слѣдующія подробности объ этомъ событіи.

«Въ антрактѣ послѣ 2-го дѣйствія малорусскаго спектакля губернаторъ стоялъ около закрытаго театра, у входа въ губернаторскую ложу, бесѣдуя съ супругою предсѣдателя губернской земской управы О. Н. Гордѣенко. Здѣсь же находились: М. Е. Гордѣенко, членъ уѣздной земской управы А. А. Альховскій и харьковскій полицеймейстеръ К. П. Безсоновъ. Въ это время къ губернатору быстро подошелъ неизвѣстный человѣкъ въ черной шляпѣ и темно-коричневой крылаткѣ и, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, на разстояніи не болѣе полутора шага, выстрѣлилъ изъ револьвера въ губернатора. Пуля пролетѣла мимо, причинивъ легкій ожогъ шеи его сіятельства. На звукъ выстрѣла стала сбѣгаться публика. Первый схватилъ за руку преступника капельдинеръ закрытаго театра. Въ это время раздался второй выстрѣлъ, не причинившій никому вреда. Стрѣлявшаго повалили на землю, стараясь его обезоружить. Преступникъ—человѣкъ средняго роста, съ бритымъ лицомъ, отличаясь, очевидно, большою физической силой, сопротивлялся очень энергично и одинъ разъ даже отбросилъ схватившихъ его. Во время борьбы раздались еще два выстрѣла, одинъ изъ которыхъ ранилъ полицеймейстера, бросившагося между губернаторомъ и преступникомъ. Пуля попала въ лѣвую ногу, выше колѣна. Г. Безсоновъ припалъ на раненое колѣно, но подхваченный присутствующими, былъ отведенъ въ павильонъ, куда немедленно явились для подачи медицинской помощи случайно бывшіе въ саду врачи. Преступника обезоружили и увели».

Некрологъ. Въ ночь на 10-е августа въ имѣніи Стржалкове скончался извѣстный художникъ *Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій*.

Семирадскій родился въ 1843 г. Учился онъ въ харьковской 2-й гимназіи, а затѣмъ въ харьковскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ, который окончилъ со степенью кандидата, полученнаго за диссертацію «Объ инстинктѣ насѣкомыхъ». И въ гимназіи, и въ университетѣ онъ съ любовью занимался живописью, которой посвятилъ себя цѣликомъ, поступивъ въ 1864 г., по окончаніи университета, въ академію художествъ. Удостоенный въ теченіе пребыванія въ академіи многихъ наградъ онъ, въ качествѣ пенсіонера академіи, въ 1871 г. уѣхалъ за границу, гдѣ продолжалъ работать, пользуясь совѣтами выдающихся профессоровъ. Въ 1873 г. за написанную имъ въ Римѣ большую картину «Христосъ и грѣшница» Семирадскій удостоенъ званія академика, широкую же европейскую извѣстность создала ему картина, извѣстная подъ названіемъ «Свѣточи Нерона». Эта картина обошла многія европейскія выставки; за нее академія художествъ присудила ему званіе профессора, а нѣкоторыя заграничныя академіи наградили его почетными дипломами на званіе члена. Отличавшійся рѣдкой производительностью Семирадскій написалъ затѣмъ цѣлый рядъ выдающихся, въ высокой степени изящныхъ и колоритныхъ картинъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующія: «Древній танецъ среди мечей», «Оргія временъ Тиберія на Капри», «Семейное счастье», «Искушеніе», «Шопенъ у князя Радзивилла», «Фрина на праздникѣ Посейдона въ Элевзисѣ» и др. Въ упрекъ Семирадскому ставятъ отсутствіе драматизма въ его картинахъ, но блестящая техника, искусная компановка фигуръ и мастерское распоряженіе красками заставляютъ забывать объ этомъ недочетѣ въ творчествѣ почившаго художника.

За границей.

Происхожденіе и развитіе народныхъ университетовъ во Франціи. Въ 1898 году, въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе популярныхъ парижскихъ газетъ начала печататься программа бесѣдъ устроенныхъ обществомъ «Coopération des idées» въ улицѣ Поль-Беръ въ Парижѣ. Бесѣды, подъ руководствомъ Дегерма, происходили по вечерамъ это были литературныя, историческія, соціальныя, научныя и порою философскія бесѣды. Публика, сходившаяся на эти бесѣды, преимущественно принадлежала къ рабочимъ классамъ. Эти бесѣды скоро пріобрѣли большую популярность среди рабочихъ, въ особенности тѣхъ, которые занимаются типографскимъ и художественнымъ ремеслами, такъ что организаторъ этихъ бесѣдъ Дегермъ могъ убѣдиться, что его идея имѣетъ успѣхъ. Каждый вечеръ въ улицѣ Поль-Беръ сходились люди послѣ дневныхъ трудовъ, чтобы послушать чтеніе какого-нибудь лектора и побесѣдовать о литературѣ или о какихъ нибудь соціальныхъ или философскихъ вопросахъ. Тогда Дегермъ обратился съ воззваніемъ къ трудящемуся люду Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, приглашая его вступить въ число членовъ общества Кооперації идей, и воззваніе это не было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Общество начало свою дѣятельность съ капиталомъ въ 200 фр., текущіе же ежемѣсячные расходы равнялись 80 фр.

и такъ какъ ежемѣсячный взносъ членовъ былъ 50 сантимовъ, то естественно эти взносы не могли покрыть всѣхъ расходовъ, но на помощь «Коопераціи идей» явились доброхотные жертвователи, въ числѣ которыхъ находился и писатель Морисъ Барресъ, приславшій сто франковъ.

Идея Дегерма нашла подражателей. Трое служащихъ: Полисъ, Дюшаринъ и Паиллье, приходившіе на вечернія собесѣдованія въ улицу Поль-Беръ, такъ заинтересовалась этимъ дѣломъ, что рѣшили устроить и въ своемъ кварталѣ что нибудь подобное этимъ конференціямъ для рабочихъ и служащихъ, носившихъ часто семейный характеръ. Такимъ образомъ благодаря ихъ стараніямъ возникла въ Батиньолѣ группа «Взаимнаго обученія» (Enseignement mutuel), но помѣщеніе, выбранное для этого общества, оказалось не совсѣмъ удачнымъ вначалѣ, когда же его перемѣнили, то дѣло стало быстро расти и «Взаимное обученіе» превратилось въ «народный университетъ XIII-го округа въ Парижѣ».

Рядомъ съ кварталомъ, гдѣ происходили конференціи «Коопераціи идей» возникло общество, также организованное рабочими—Soirées ouvrières,» которое достигло теперь значительнаго развитія. Исторія этого общества представляетъ нѣкоторыя особенности, на которыя стоитъ обратить вниманія: Въ 1893 г. нѣсколько отцовъ семействъ устроили въ Монтрейль су-Буа колонію труда, поселившись вмѣстѣ. Въ большой комнатѣ устроена была мастерская или общая зала, но каждое семейство имѣло свое отдѣльное помѣщеніе и члены колоніи раздѣлялись по ремесламъ, образуя отдѣльныя корпораціи, но всѣ работали для всѣхъ и при случаѣ помогали сосѣду. Однажды каменьщикъ и маляръ, состоявшіе членами колоніи, рѣшили исправить заново лавочку двухъ мѣстныхъ торговцевъ, которые не могли позволить себѣ такую роскошь, потому что торговля ихъ была самая мизерная. Въ другой разъ сапожникъ сшилъ сапоги крестьянамъ, и когда они хотѣли заплатить, то онъ отказался взять съ нихъ деньги и предложилъ имъ уплатить свой долгъ трудомъ. Конечно, крестьяне были очень удивлены сначала, но мало-по-малу члены колоніи внушили къ себѣ довѣріе и пріобрѣли сторонниковъ среди мѣстнаго населенія, которому они проповѣдывали, что люди должны обмѣниваться трудомъ и поддерживать другъ друга въ нуждѣ и болѣзни. Это было главнымъ правиломъ колоніи, существованіе которой было непродолжительно, но не вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, а часто внѣшнихъ обстоятельствъ. Колонія мирно просуществовала восемь мѣсяцевъ; она просуществовала бы и больше, если бы не то, что мирные монтрейльскіе утописты возбудили противъ себя подозрѣніе властей, и хотя маленькая колонія совершенно не занималась политикой и не раздѣляла взглядовъ анархистовъ, но ее заподозрили въ принадлежности къ этимъ послѣднимъ и такъ какъ времена были тревожныя въ 1884 г. и парламентъ вотировалъ законы, противъ анархистовъ то полиція, безъ дальнихъ разсужденій, закрыла колонію и заключила въ тюрьму ея главарей. За нихъ вступились, такъ какъ ихъ всѣ любили въ округѣ, но все было напрасно, и имъ пришлось отсидѣть свое время въ тюрьмѣ.

Послѣ освобожденія въ 1895 г. въ скромной мастерской одного изъ участни-

ковъ прежнихъ вечеровъ стали собираться каждую недѣлю по субботамъ вечеромъ трое его товарищей, такіе же рабочіе, какъ и онъ, и вмѣстѣ читали разныя книги. Спустя нѣсколько времени они пригласили принять участіе въ этихъ совмѣстныхъ чтеніяхъ семейства сосѣднихъ рабочихъ. По воскресеньямъ отправлялись вмѣстѣ въ «Jardin de plantes», въ зоологическій музей, и наиболѣе ученые и свѣдущіе въ наукахъ научали другихъ. Мало-по-малу стали прибывать желающіе принять участіе въ этихъ экскурсіяхъ и чтеніяхъ, и осенью пришлось устроить эти чтенія въ отдѣльномъ помѣщеніи въ одной кофейнѣ. Одинъ изъ членовъ, столяръ, сдѣлалъ шкафъ, куда запирались книги, составлявшія общую библіотеку. Но постепенно явилась потребность въ болѣе ученыхъ и свѣдущихъ лекторахъ, собственныхъ знаній оказывалось уже недостаточно, и тогда на помощь явился Дегермъ, который былъ друженъ съ однимъ изъ основателей этихъ вечеровъ. Онъ привелъ съ собою лекторовъ, и послѣ шести чтеній число желающихъ настолько увеличилось, что пришлось нанять другое, болѣе просторное помѣщеніе и выработать программу, такъ какъ раньше чтенія носили чисто случайный характеръ.

Съ этого времени «Рабочіе вечера», стали быстро развиваться и теперь уже имѣютъ настолько обширное помѣщеніе, что три раза въ недѣлю въ ихъ помѣщеніи устраиваютъ свои собранія два общества: музыкальное и фехтовальное. Стѣны залы конференціи украшены надписями въ подобномъ родѣ: «Разумъ, основанный на знаніи, представляетъ фундаментъ, на которомъ должно покоиться всякое общество». «Невѣжество и нужда—двѣ нераздѣльныя вещи» и т. п. Врачи Монтрейля поддержали первые шаги этого симпатичнаго общества, а лекторы изъ улицы Поль-Беръ охотно помогли ему своимъ содѣйствіемъ, такъ что «Soirées ouvrières» представляютъ настоящее дѣло дружбы и человѣческой солидарности.

Въ улицѣ Поль-Беръ дѣло также разросталось, и въ февралѣ 1899 г. было основано общество народныхъ университетовъ («Société des Universités populaires) и результатомъ явилось устройство перваго народнаго университета въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Вслѣдъ затѣмъ, въ Парижѣ и въ провинціи начали возникать подобныя же учрежденія. Въ Бельвиллѣ образовалось общество «Fondation universitaire», въ Гренеллѣ — другое «Emancipation», по образцу бельгійскихъ кооперативныхъ обществъ, совмѣстно съ народнымъ университетомъ, въ которомъ были организованы методическіе курсы съ установленною программой и подъ руководствомъ профессоровъ Сорбонны и нормальной школы. Администрація этого общества состоитъ наполовину изъ студентовъ и ремесленниковъ. Въ III-мъ парижскомъ округѣ также организовано ремесленниками общество взаимопомощи и обученія подъ названіемъ «Fraternelle»; въ I-мъ и II-мъ округѣ десять человѣкъ—изъ нихъ семь—ремесленники,—основали съ такими же цѣлями общество «Reveil», а въ Ля-Шапелль возродилось въ 1900 г. батиньольское общество «Взаимнаго обученія», въ которомъ на этотъ разъ, кромѣ прежнихъ членовъ, приняли участіе студенты. Въ улицѣ Веронезъ процвѣтаетъ общество «Solidarité», руководителями курсовъ въ этомъ обществѣ состоятъ: Сеньобосъ, Фаге, Дюкло, Бюиссонъ, Шарль Жидъ, Габріель Тардъ и др. выдающіеся лица. Оно также соединяется съ кооперативнымъ обществомъ.

Въ округѣ «Ternes» находится общество «Foyer du peuple», которое преслѣдуетъ такія же цѣли и сообща съ мѣстнымъ кооперативнымъ потребительнымъ обществомъ собирается учредить настоящій народный университетъ.

Примѣръ Парижа пробудилъ провинцію къ такой же дѣятельности и во многихъ мѣстахъ организованы уже университетскіе курсы. Повсюду мѣстное населеніе относится весьма сочувственно къ такимъ начинаніямъ и приходитъ на помощь иниціаторамъ, снабжая ихъ необходимою обстановкой и помѣщеніемъ. Въ Авиньонѣ, напр., торговецъ желѣзнымъ товаромъ сдѣлалъ печь въ помѣщеніи курсовъ, газовое общество сбавило плату за освѣщеніе, многіе жертвовали книги, а сами члены исполняютъ всѣ домашнія работы по устройству помѣщенія.

Борьба съ алкоголизмомъ. Въ Стокгольмѣ въ іюлѣ состоялся всемірный конгрессъ международнаго союза «друзей трезвости», носящаго оффиціальное названіе «The Independent Order of good Templars» («независимое общество добрыхъ хромовниковъ») такъ какъ начало этому движенію было положено въ Америкѣ. Конгрессъ отличался особеннымъ многолюдствомъ, и всѣ части свѣта имѣли тутъ своихъ представителей. Изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ земного шара съѣхались люди, чтобы поговорить о мѣрахъ противъ пьянства, Индія прислала ученаго въ тюрбанѣ по имени Хаурiанна, а съ Золотого берега пріѣхалъ чернокожій вождь Кукеръ. Это доказываетъ, конечно, что движеніе трезвости охватило весь земной шаръ въ настоящее время и что вездѣ начинаютъ вести борьбу съ алкоголизмомъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на конгрессѣ членовъ сказалъ: «Съ одной стороны мы должны радоваться тому, что идеи трезвости получаютъ такое распространеніе, съ другой же—присутствіе такой массы иноземныхъ представителей подтверждаетъ печальный фактъ, что вездѣ пьютъ!»

Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ Логергельмъ лично привѣтствовалъ конгрессъ, какъ очень важное міровое собраніе. Онъ говорилъ о результатахъ, достигнутыхъ «Орденомъ трезвости» въ разныхъ странахъ, и о его распространеніи. Въ февралѣ этого года орденъ насчитывалъ уже до полумилліона членовъ, распространенныхъ по всѣмъ частямъ земного шара. Но самое большое число членовъ этого общества находится въ Швеціи—103.997; Норвегія насчитываетъ 20.781 членовъ, Данія же только 5.697. Въ маленькой Исландіи 3.412 человѣкъ вступили въ орденъ трезвости и поклялись никогда не употреблять алкоголя. Въ Германіи движеніе возникло недавно, но уже насчитывается 14.014 «good templars», изъ нихъ 30 врачей. Очень большое распространеніе получило движеніе трезвости въ Англіи, гдѣ уже числится 113.347 членовъ; въ Шотландіи—89.346 членовъ, а въ Ирландіи 10.149 взрослыхъ и 13.772 подростковъ. Во Франціи движеніе началось очень недавно, а въ Бельгіи и Голландіи оно едва нарождается. Въ Швейцаріи профессоръ Форель основалъ ложу темпліеровъ, въ которой теперь уже имѣются 2.559 членовъ. Въ Венгріи профессоръ Вейнгернеръ вызвалъ движеніе трезвости, а въ Польшѣ

апостоломъ трезвости является писатель Латоелавскій. Въ Испаніи нѣтъ темпліеровъ, но въ испанской Америкѣ они уже есть.

«Если мы обратимся къ другимъ частямъ свѣта, прибавилъ Лагергельмъ,— то увидимъ, какъ распространяются идеи ордена. Въ Индіи орденъ темпліеровъ имѣетъ двѣ ложи съ 3.900 членами, онъ распространился уже въ Аравіи, въ Палестинѣ и въ Китаѣ. Волненія, возникшія въ Китаѣ въ 1900 году, пріостановили распространеніе идей трезвости. Вообще китайцы имѣютъ склонность къ спиртнымъ напиткамъ. Древніе китайцы были большіе пьяницы. Уже въ 1120 году до Р. Х. императоръ Ву-Вангъ вынужденъ былъ издать весьма строгій эдиктъ противъ пьянства—это самый старинный китайскій эдиктъ противъ алкоголизма. Но послѣ того какъ китайцы научились курить опіумъ, спиртные напитки отступили у нихъ на второй планъ и національнымъ зломъ въ Китаѣ является уже не пьянство, а куреніе опіума. Въ Африкѣ, гдѣ еще при Сезострисѣ Великомъ существовалъ союзъ противъ алкоголя—древніе египтяне и египтянки были вѣдь большими поклонниками Бахуса!—орденъ темпліеровъ имѣетъ довольно большое распространеніе и насчитываетъ нѣсколько ложъ въ Египтѣ, Лагосѣ, Сіерра Леоне, Либеріи, на Золотомъ берегу и во многихъ другихъ мѣстахъ чернаго континента. Самое большое число членовъ этого ордена трезвости находится въ западной части Южной Африки—3.792, затѣмъ слѣдуетъ Трансвааль, Оранжевая республика и Родезія съ 3.134 членами. Большинство членовъ—англичане, буровъ очень мало. Въ Кимберлеѣ орденъ трезвости выстроилъ свой домъ, но во время бомбардировки онъ былъ разрушенъ. Въ Австраліи орденъ темпліеровъ имѣетъ шесть ложъ, изъ которыхъ самая многолюдная находится въ Новомъ Южномъ Валлисѣ—16,967 членовъ.

Въ Сѣверной Америкѣ, родинѣ этого движенія, оно, страннымъ образомъ, пошло назадъ въ послѣднее время. Къ 1-му февраля 1900 г. насчитывалось въ Соединенныхъ Штатахъ 129.518 членовъ этого ордена, а въ 1902 г. къ этому же времени—всего 63.149. Орденъ имѣетъ свои ложи въ Канадѣ, на Филиппинахъ, въ Ардентинѣ, Чили, Ямайкѣ и многихъ вестъ-индскихъ островахъ. Но колыбель этого ордена находится въ штатѣ Нью Іоркъ, гдѣ въ 1851 году былъ организованъ союзъ іерихонскихъ рыцарей (Knights of Iericho). Отдѣленіе этого союза носило названіе «The good Templars», но въ 1852 г. часть членовъ этого послѣдняго отдѣлилась и основала нынѣ существующій и распространенный орденъ «The Independent Order ofgood Templars». Движеніе перенесено было Англію, въ 1868 г., и мало-по-малу орденъ получилъ огромное распространеніе по всему земному шару и сдѣлался очень важнымъ факторомъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ».

Демонстрація дѣтей въ Миланѣ Во всѣхъ странахъ положеніе маленькихъ учениковъ и ученицъ въ разнаго рода мастерскихъ часто бываетъ очень тяжелое. Хозяева не только эксплуатируютъ дѣтей, отданныхъ имъ въ ученіе родителями или родственниками, но зачастую очень дурно обращаются съ ними и морятъ ихъ голодомъ. Не разъ сострадательные люди и общества защиты дѣтей

отъ жестокаго обращенія вступались за учениковъ и ученицъ и принуждали хозяевъ лучше обращаться съ ними, но, въ общемъ, положеніе такихъ дѣтей все-таки остается очень тяжелымъ. Заработки ихъ самые грошовые, а между тѣмъ имъ приходится выполнять самую разнообразную работу и быть всегда въ распоряженіи хозяевъ. Однако, до сихъ поръ единственнымъ выраженіемъ протеста самихъ дѣтей противъ безсовѣстной эксплуатаціи хозяевъ были побѣги или мстительные поступки, и только въ Миланѣ произошелъ небывалый фактъ, сильно взволновавшій итальянскую печать: ученицы модныхъ мастерскихъ, дѣвочки отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ, извѣстныя подъ именемъ «piccinine», прибѣгли къ публичной демонстраціи, чтобы протестовать противъ эксплуатаціи своихъ силъ и потребовать увеличенія вознагражденія, которое онѣ получаютъ отъ своихъ хозяекъ. Около 200 дѣвочекъ собрались въ помѣщеніи палаты труда въ Миланѣ для выраженія своихъ жалобъ и недовольства. Секретарь палаты руководилъ ихъ собраніемъ и выслушивалъ ихъ претензіи. Почти всѣ жаловались на то, что ихъ хозяйки, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ ремеслу, пользуются ими для домашнихъ услугъ, заставляютъ ихъ выполнять самую черную работу, бѣгать по городу съ порученіями, разносить заказчицамъ платья и шляпы въ огромныхъ коробкахъ, няньчить дѣтей и т. п. Часто такія дѣвочки, поступившія въ ученіе къ портнихамъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исполняютъ обязанности домашней прислуги и служатъ на посылкахъ, вмѣсто того, чтобы учиться шитью. Между прочимъ выяснилось также, что дѣвочки часто служатъ для передачи любовныхъ записокъ и вообще исполняютъ совершенно неподходящія для ихъ лѣтъ порученія. Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ весьма трогательно жаловались на свою горькую судьбу: другія же въ горячихъ выраженіяхъ приглашали своихъ подругъ протестовать противъ такого обращенія съ ними и требовать болѣе справедливаго отношенія и платы за услуги. Одинъ изъ итальянскихъ журналистовъ, описывающій это собраніе, говоритъ, что оно дѣйствительно представляло небывалое зрѣлище. «Двѣсти дѣвочекъ, разныхъ возрастовъ, большинство изъ нихъ блѣдныя и изнуренныя, съ волненіемъ прислушивались къ рѣчамъ своихъ подругъ, которыя были выбраны ими для того, чтобы формулировать общія требованія,—говоритъ журналистъ,—и бурно выражали сочувствіе ихъ словамъ. Но тѣмъ не менѣе, во время собранія, порядокъ не былъ нарушенъ ни разу, дѣвочки не перебивали другъ друга и давали высказаться. Какъ и на собраніи взрослыхъ, въ концѣ была вотирована резолюція, выражающая желаніе ученицъ, которыя рѣшали образовать союзъ и отказаться отъ выполненія требованій хозяекъ, если имъ не будетъ увеличено содержаніе и если въ ихъ положеніи не будутъ произведены перемѣны къ лучшему».

Общественныя владѣнія и дома для рабочихъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ происходили въ Лондонѣ засѣданія общества «The Commons preservation socity», основаннаго съ цѣлью противодѣйствія застраиванію каждаго свободнаго клочка земли въ Англіи. Общество добивается того, чтобы обыватели могли пользоваться чистымъ воздухомъ и просторомъ полей. Первою

побѣдою общества было то, что оно настояло на открытіи для публики прекраснаго Эппингскаго лѣса, который находится у самаго Лондона и занимаетъ пространство въ 3.000 акровъ. Этотъ лѣсъ былъ осужденъ на гибель, его должны были вырубить и застроить на этомъ мѣстѣ дома. Но общество вступилось и начало воевать съ лордами, финансистами, муниципальными совѣтами и правительствомъ, доказывая что «каждый человѣкъ имѣетъ право на нѣкоторое количество свободнаго воздуха». Благодаря этому обществу, Чэмберленъ потерпѣлъ пораженіе въ своемъ родномъ городѣ Бирмингэмѣ, и больше 32.000 акровъ земли вокругъ Бирмингэма были отведены для общественнаго пользованія. Мало этого: недавно въ парламентѣ это же самое общество нанесло пораженіе военному министру, заставивъ отвергнуть предложенный имъ планъ маневровъ на 1900 годъ, такъ какъ по этому плану арміи предоставлялось пользованіе множествомъ общественныхъ владѣній и парковъ, которые, такимъ образомъ, закрывались для публики.

Вездѣ общество выступаетъ въ защиту свободнаго пространства и нѣсколько разъ уже возбуждало процессы съ разными крупными промышленниками и предпринимателями, пытавшимися завладѣть какимъ-нибудь участкомъ, принадлежащимъ общинѣ, чтобы застроить его. Такимъ образомъ, общество спасло уже нѣсколько площадей и парковъ отъ истребленія, и еще не было случая, чтобы общество проиграло процессъ. Въ Англіи, впрочемъ, довольно распространены такія общества, которыя преслѣдуютъ гигіеническія цѣли. Одно изъ нихъ, напримѣръ, заботится о томъ, чтобы во всѣхъ городахъ и селеніяхъ устраивались парки, скверы и сады для общественнаго пользованія или, по крайней мѣрѣ, если нѣтъ садовъ, то были устроены площади для прогулокъ. Общество это ведетъ постоянную войну съ муниципалитетами и оспариваетъ у нихъ право застраивать свободныя пространства, настаивая при этомъ на необходимости соблюдать правила общественной школы, требующія, чтобы постройки не были скучены и оставались бы мѣста для свободнаго обмѣна воздуха. Другое общество беретъ подъ свою защиту рѣки и каналы, которые постоянно приносятся въ жертву требованіямъ промышленности и становятся источниками болѣзней, благодаря загрязненію воды.

Въ такой промышленной странѣ, какъ Англія, рискующей превратиться въ единый гигантскій промышленный городъ, необходимо, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, заботиться о сохраненіи неприкосновенности общественныхъ владѣній, парковъ и площадей. Въ Англіи городское населеніе составляетъ 8% всего населенія страны, и сельское населеніе постоянно стремится въ города. Благодаря этому, квартирный вопросъ не только въ Лондонѣ, но и во всѣхъ городахъ Англіи принимаетъ острый характеръ. «Негдѣ жить!»—возгласъ, который раздается на большомъ пространствѣ. Въ Лондонѣ, вслѣдствіе отсутствія помѣщеній, скученность въ рабочихъ кварталахъ становится невообразимой, и, какъ всегда въ Англіи, печать, возбудившая вопросъ о недостаткѣ помѣщеній, вызвала общественное движеніе, также выразившееся въ организаціи обществъ, поставившихъ себѣ цѣлью устройство помѣщеній для рабочихъ. Многія частныя лица и крупные промышленники, по собственной иниціативѣ, занялись этимъ

*

вопросомъ, и въ Англіи теперь существуетъ нѣсколько образцовыхъ рабочихъ селеній и образцовыхъ домовъ для рабочихъ въ Лондонѣ и другихъ большихъ фабричныхъ центрахъ. Движеніе, однако, все распространяется, и къ нему уже примкнули многіе муниципалитеты, и, вѣроятно, Англія въ этомъ отношеніи покажетъ примѣръ другимъ промышленнымъ странамъ.

Американское исправительное заведеніе. Ученые криминологи давно уже спорили о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ считать преступниковъ больными людьми? Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно, но американцы, повидимому, склонны рѣшить его въ положительномъ смыслѣ, судя по тому, что въ штатѣ Нью-Іоркъ существуетъ одно изъ самыхъ обширныхъ исправительныхъ заведеній на свѣтѣ, которое руководствуется принципомъ, «что человѣкъ, совершающій преступленіе,—больной, котораго надо лечить». Это исправительное заведеніе носитъ символическое названіе «реформаторіи», и никогда никто не называетъ его тюрьмой. Точно также и заключенные въ этомъ заведеніи называются не арестантами, а «обитателями». Туда принимаются только мужчины, въ возрастѣ отъ 16 до 30 лѣтъ, и реформаторія можетъ вмѣстить 1500 человѣкъ. Не принимаются только тѣ, которые присуждены къ тюремному заключенію свыше двадцати лѣтъ.

Во главѣ этого учрежденія стоитъ человѣкъ, проникнутый убѣжденіемъ, что «преступники—это больные и что для общества гораздо выгоднѣе постараться ихъ излечивать, нежели ихъ наказывать». На этомъ принципѣ основанъ весь режимъ реформаторіи. Одинъ изъ французскихъ врачей, заинтересовавшійся этимъ своеобразнымъ заведеніемъ—«больницею преступниковъ», описываетъ въ «Temps» вынесенныя имъ впечатлѣнія: «Эльмира, гдѣ устроена реформаторія, находится на одиннадцатичасовомъ разстояніи отъ Нью-Іорка по желѣзной дорогѣ,—разсказываетъ врачъ.—Я прибылъ туда въ 8 часовъ утра, на холмѣ возвышалось обширное и роскошное зданіе, и еслибъ я не видѣлъ на стѣнахъ ограды часовыхъ, вооруженныхъ ружьями, то могъ бы принять это великолѣпное зданіе скорѣе за какой-нибудь замокъ, нежели за тюрьму. Громаднаго роста привратникъ провелъ меня къ директору, къ которому у меня было рекомендательное письмо, и этотъ послѣдній съ большою готовностью объяснилъ мнѣ правила и показалъ мнѣ устройство реформаторіи, усиливъ восхищеніе, которое всегда внушали мнѣ американцы, съ удивительнымъ спокойствіемъ и смѣлостью приступавшіе къ самымъ, повидимому, парадоксальнымъ вопросамъ и находившіе зачастую простое и остроумное разрѣшеніе этихъ вопросовъ.

«Каждый, вновь поступающій въ реформаторію, прежде всего, подвергается основательной «чисткѣ и дезинфекціи», послѣ чего онъ надѣваетъ форменную одежду чернаго цвѣта, затѣмъ его подвергаютъ весьма подробному и обстоятельному медицинскому изслѣдованію. Если вновь поступившій молодъ и врачъ найдетъ, что мышцы у него слабо развиты, и онъ не годится для постоянной работы, то его отправляютъ на болѣе или менѣе продолжительный періодъ въ гимнастическое заведеніе.

«Гимнастическій залъ реформаторіи, имѣющій въ длину 150 метровъ, отапливается зимой и снабженъ самыми усовершенствованными гимнастическими аппаратами и приспособленіями для развитія мышцъ и физической силы. Къ залѣ примыкаетъ бассейнъ, въ которомъ преподаются уроки плаванія. Купаніе, гимнастическія упражненія и массажъ составляютъ необходимую принадлежность режима, которому подвергаются заключенные, страдающіе ожирѣніемъ или слабо развитые въ физическомъ отношеніи и болѣзненные. Когда врачъ признаетъ ихъ достаточно сильными и заявитъ, что они могутъ работать, то директоръ призываетъ ихъ къ себѣ и спрашиваетъ, какимъ ремесломъ они хотятъ заниматься. Если кто-нибудь изъ нихъ выразитъ желаніе изучить то или другое ремесло, то реформаторія даетъ ему всѣ средства для этого. Онъ можетъ сдѣлаться каменьщикомъ, столяромъ, маляромъ или научиться слесарному или кузнечному дѣлу, токарному искусству и т. п. Желающіе избрать какое-нибудь болѣе тонкое ремесло могутъ, научиться типографскому искусству, стенографіи и работѣ на пишущей машинѣ, переплетному дѣлу и т. д. Однимъ словомъ, реформаторія даетъ возможность человѣку изучить какое угодно дѣло и ремесло и стать полезнымъ членомъ общества. Всѣ, выходящіе изъ реформаторіи, по окончаніи своего срока заключенія, легко находятъ занятіе и никогда не остаются безъ куска хлѣба.

«Но американцы имѣли въ виду не только профессіональную сторону вопроса. Вотъ что они придумали для нравственнаго улучшенія своихъ заключенныхъ.

«Каждый вновь прибывшій, какъ мы уже говорили, одѣвается въ черное платье. Его приводятъ въ канцелярію и тамъ, въ большой книгѣ, ему открываютъ текущій счетъ. По правиламъ реформаторіи, каждый «обитатель» зарабатываетъ полъ-доллара въ день и ежемѣсячно ему представляется счетъ всѣхъ его расходовъ и доходовъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ, если онъ велъ себя хорошо все это время, онъ перемѣняетъ свою черную одежду на синюю. Синій—это привилегированный цвѣтъ заведенія; онъ даетъ право носящему эту одежду питаться въ ресторанѣ реформаторіи, самому заказывать себѣ кушанья, которыя онъ хотѣлъ бы получить, и сидѣть за столомъ, накрытымъ скатертью, а также разговаривать со своими сосѣдями. Разумѣется, за обѣдъ онъ долженъ платить и такъ какъ онъ получаетъ только полъ-доллара въ день, то и старается въ большинствѣ случаевъ экономничать и не превышать своего бюджета. Если который нибудь изъ обитателей обнаруживаетъ чрезмѣрную расточительность, то директоръ призываетъ его къ себѣ и замѣчаетъ ему, что онъ напрасно дѣлаетъ долги, такъ какъ за каждые лишніе полъ-доллара онъ долженъ будетъ пробыть лишній день въ реформаторіи. Почти всегда этого аргумента бываетъ достаточно, чтобы внушить заключенному идеи бережливости, и нѣкоторые изъ нихъ становятся настолько экономными, что къ окончанію срока у нихъ скопляется небольшой капиталъ въ 500—600 долл., который они получаютъ на руки, выходя изъ реформаторіи. Но даже тѣ, которымъ не удалось ничего скопить, выходятъ изъ реформаторіи не съ пустыми руками; дирекція выдаетъ имъ 50 долларовъ на первое время, до пріисканія работы.

«Если же нравственность заключеннаго не улучшается, и онъ не только не получаетъ синей одежды черезъ шесть мѣсяцевъ, но обнаруживаетъ духъ непокорности, придирается къ своимъ товарищамъ, затѣваетъ ссоры и драки, то на него начинаютъ налагать денежные штрафы, которые вычитаются изъ его доходовъ. Если и это не помогаетъ, то на него надѣвается красная одежда, съ которой соединяется болѣе строгій режимъ. Носящіе красную одежду не имѣютъ права посѣщать ресторанъ заведенія, разговаривать, и надзоръ за ними очень строгій. Однако, для того, чтобы обитатели этой категоріи не приходили въ уныніе, они всегда могутъ надѣяться что въ день національнаго праздника, 4-го іюля, директоръ сократитъ срокъ ихъ наказанія, и они снова получатъ право облечься въ черную одежду.

Расходы по администраціи реформаторіи несетъ на себѣ бюджетъ штата Нью-Іоркъ. Военныя упражненія заключенныхъ совершаются подъ наблюденіемъ лицъ, избранныхъ изъ среды обитателей и облеченныхъ въ военное званіе. Въ реформаторіи есть военный оркестръ, составленный изъ заключенныхъ; подъ звуки этого оркестра и происходятъ военныя упражненія. Однако несмотря на то, что заключенные обнаруживаютъ весьма недурную военную выправку, все таки ихъ не принимаютъ въ армію по выходѣ изъ реформаторіи.

Камеры заключенныхъ находятся въ зданіи, имѣющемъ около тридцати метровъ въ вышину, шесть рядовъ камеръ помѣщаются одинъ надъ другимъ и соединяются желѣзною галлереей для удобства сообщенія. Каждую недѣлю заключенные принимаютъ теплый душъ, вообще соблюденіе чистоты строго наблюдается въ реформаторіи. Дирекція особенно заботится о развитіи у «обитателей» привычки къ чистотѣ, и дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ откровенно заявляютъ, что они не могутъ себѣ представить, какъ они могли прежде жить въ такой грязи!

Въ реформаторіи издается особый журналъ для «обитателей», въ которомъ печатаются всякія новости, политическія, научныя и др. вообще все, что можетъ интересовать обитателей, извлеченія изъ журнальныхъ статей и т. п., и только внимательно исключается все, что имѣетъ отношеніе къ какимъ нибудь преступленіямъ, воровствамъ и убійствамъ.

По словамъ дирекціи, реформаторія Эльмиры возвращаетъ обществу отъ 75 до 80% «больныхъ» совершенно «выздоровѣвшими» и превратившимся въ полезныхъ членовъ общества, «неизлѣчимыхъ» бываетъ не болѣе 20—25% по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ оффиціальные отчеты реформаторіи.

Выставка дѣтей въ Лондонѣ. Въ одномъ изъ населеннѣйшихъ и бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона, въ знаменитомъ Уайтъ-Чэпелѣ, организуются отъ времени до времени выставки дѣтей, причемъ выдается премія за самаго толстаго и наиболѣе тяжеловѣснаго ребенка. Въ Уайтъ-Чэпелѣ дѣтей очень много, можетъ быть больше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ лондонскомъ кварталѣ, и вслѣдствіе нищеты, господствующей въ этомъ кварталѣ, дѣти далеко не имѣютъ цвѣтущаго вида и не пользуются хорошимъ уходомъ. Но теперь, вслѣдствіе устройства выставки, явилось соревнованіе между уайтъ-чэ-

нельскими матерями, которыя стараются лучше питать своихъ дѣтей, чтобы ихъ можно было выставить. Корреспондентъ одной нѣмецкой газеты, посѣтившій недавно такую выставку, слѣдующимъ образомъ описываетъ ее: «Представьте себѣ большую залу, въ глубинѣ которой находится эстрада. Передъ эстрадой помѣщается маленькій оркестръ, а на эстрадѣ поставлены двѣ дюжины стульевъ, на которыхъ возсѣдаютъ двѣ дюжины матерей со своими дѣтьми. Затѣмъ тутъ же красуются громадные вѣсы, устроенные такимъ образомъ, чтобы дѣти, которыхъ взвѣшиваютъ, не испытывали никакихъ неудобствъ, чашка вѣсовъ устроена въ видѣ колыбели, куда кладутъ ребенка. Впереди стоитъ мистеръ Франкъ, организаторъ выставки и владѣлецъ залы. Онъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ директора и жюри, и такъ какъ онъ—любимецъ уайтъ-чэпельской публики, то его рѣчи слушаютъ со вниманіемъ. Онъ обѣщаетъ публикѣ полную справедливость оцѣнки при раздачѣ премій. Первая премія—полное дѣтское одѣяніе, вторая—плащъ, третья—бутылка молока. Объявивъ объ этомъ, мистеръ Франкъ объяснилъ публикѣ, что на конкурсъ допускаются дѣти шести и девятимѣсячныя и годовалыя. Эти три группы дѣтей взвѣшиваются и для каждой группы учреждены три преміи. Подъ звуки музыки начинается демонстрація и взвѣшиваніе дѣтей, которое, къ удивленію, проходитъ очень гладко. Дѣти совсѣмъ не кричатъ и нѣкоторыя даже смѣются во время этой процедуры. Мистеръ Франкъ громко сообщаетъ результаты взвѣшиванія, и если вѣсъ какого-нибудь маленькаго ребенка оказывается великъ, то публика буквально рычитъ отъ восторга. Но не обходится все-таки дѣло безъ нѣкотораго замѣшательства, такъ какъ многія матери путаютъ возрастъ своихъ дѣтей или, вслѣдствіе волненія, забываютъ свое имя и не откликаются, когда ихъ вызываютъ. Находятся и такія, которыя вступаютъ въ споръ съ Франкомъ относительно вѣса ребенка и пристаютъ къ нему, чтобы онъ перевѣсилъ его и укоряютъ его въ несправедливости. Но Франкъ какъ-то умѣетъ всѣхъ успокоить и мало-по-малу взвѣшиваніе благополучно приходитъ къ концу. Мистеръ Франкъ объявляетъ о присужденіи премій и получившія ихъ съ торжествомъ выносятъ своихъ дѣтей. Оркестръ играетъ «God save the King», а публика кричитъ «ура!» Торжество оканчивается и такъ какъ черезъ нѣкоторое время снова будетъ устроена выставка, то многія матери надѣятся къ тому времени подкормить своихъ дѣтей, чтобы получить премію, и, конечно, будутъ о нихъ больше заботиться».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Около Толстого». — Къ психологіи великихъ людей. — Послѣдствія трансваальской войны.

Подъ оригинальнымъ заглавіемъ «Около Толстого» («Autour de Tolstoï) г-жа Т. Бентцонъ описываетъ свою поѣздку въ Крымъ, прошлой зимою, на свиданье съ «великимъ писателемъ земли русской» (въ «Revue des deux Mondes»), 15-го августа. Французская писательница признается, что она рѣшилась на эту

поѣздку не безъ нѣкотораго предубѣжденія ко многимъ взглядамъ и мнѣніямъ Льва Николаевича, смущавшимъ ее своей парадоксальностью. Тѣмъ значительнѣе впечатлѣніе неотразимаго обаянія, которое произвелъ Левъ Ник. на постоянную сотрудницу «Revue des deux Mondes». Она «открыла», что у Толстого нѣтъ какой-нибудь опредѣленной системы, въ которой поэты и не нуждаются; что этотъ реформаторъ—великій поэтъ, остающійся неизмѣннымъ идеалистомъ даже тогда, когда онъ касается самыхъ грубыхъ сторонъ жизни. Г-жа Бентцонъ имѣла случай убѣдиться и въ безусловной искренности неутомимаго искателя правды, въ его личной скромности и строгомъ отношеніи къ самому себѣ, смѣломъ признаніи того, что онъ называетъ «своей слабостью» и что, по существу, вытекаетъ лишь изъ крайней деликатности и большой сердечности къ ближайшимъ окружающимъ его лицамъ. Умѣнье, не скрывая своихъ настоящихъ взглядовъ, высказывать ихъ такъ, чтобы не оскорбить человѣка, держащагося иного образа мыслей, выразилось и въ теченіе бесѣдъ по литературѣ Льва Николаевича съ пріѣхавшей къ нему гостьей. Эта терпимость, свойственная великимъ умамъ, въ обобщенной формулѣ, сводится къ главному пожеланію—«свѣта и свободы», въ которомъ Левъ Николаевичъ резюмируетъ величайшее благо людей. Что касается мнѣній и отзывовъ Толстого о разныхъ французскихъ писателяхъ, о значеніи критики и т. п., то, въ виду частыхъ наѣздовъ къ нему различныхъ «интервьюеровъ», уже сообщавшихъ въ печати подхваченныя на лету замѣчанія, высказываемыя къ тому же и непосредственно авторомъ въ своихъ статьяхъ объ искусствѣ, открытыхъ письмахъ и брошюрахъ, они во многомъ уже извѣстны.

Г-жа Бентцонъ начала дипломатично разговоръ съ Руссо, къ которому Левъ Ник. отнюдь не скрываетъ своихъ симпатій, сознавая, «при всемъ превосходствѣ своего характера» надъ Руссо, любезно вставляетъ г-жа Бентцонъ, несомнѣнное сродство настроенія: «оба писателя завѣщали потомству свою исповѣдь, съ равнымъ смиреніемъ; у обоихъ одинаковая страсть къ истинѣ, хотя бы они не всегда правильно судили о ней; наконецъ, каждый изъ нихъ далъ новый толчокъ отечественной литературѣ, поставивъ ее въ непосредственное и ближайшее отношеніе къ природѣ, къ человѣчеству, безъ всякихъ ходулей и парадныхъ одѣяній». Толстой попрежнему цѣнитъ геній Бальзака и «пренебрежительно» отзывается о Золя; восхищается Мопассаномъ, которому ставитъ въ укоръ лишь выборъ нѣкоторыхъ сюжетовъ, и равнодушенъ къ Альфонсу Доде. Гюисмансъ его интересуетъ, очевидно, своими исканіями религіозныхъ основъ жизни, какъ и Эдуардъ Родъ общими тенденціями моралиста. На томъ же основаніи цѣнитъ онъ и дѣятельность Брюнетьера, выражая сочувствіе заявленію французскаго критика о предѣльности человѣческаго знанія, повидимому, не отдавая себѣ вполнѣ отчета, насколько тушъ Брюнетьера о «банкротствѣ науки» не вяжется съ его собственнымъ вышеприведеннымъ девизомъ. Извѣстны особое сочувствіе Толстого къ Диккенсу и къ Джорджъ Эліотъ и его предубѣжденіе къ Киплингу; Полю и Виктору Маргеритъ, не касаясь оцѣнки ихъ таланта, онъ вмѣняетъ въ заслугу то, что они «облекли печалью свои описанія войны» (il leur sait

gré d'avoir enveloppé de tristesse leurs peintures de la guerre). Это полупризнаніе значенія писателей, за которыми трудно было бы установить художественныя или иныя идейныя заслуги, писателей, не возвышающихся надъ уровнемъ среднебуржуазнаго міросозерцанія, давало поводъ Толстому распространиться объ своихъ излюбленныхъ идеяхъ противъ милитаризма. Они достаточно извѣстны и много разъ изложены авторомъ въ непосредственной формѣ. Г-жа Бентцонъ застала его работающимъ надъ новымъ выраженіемъ своей проповѣди мира, согласно заповѣди «не убей», которую онъ старался приноровить къ уровню пониманія солдата, въ противовѣсъ культу воинственной отваги. Изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ Толстой выдѣлилъ произведеніе Рене Базэна, «La terre qui meurt», поразившее его многими аналогіями между земельнымъ вопросомъ во Франціи и въ Россіи. Что касается романовъ Бурже, то г-жа Бентцонъ сама спѣшитъ заявить, что Толстому еще не былъ извѣстенъ его послѣдній романъ «L'Etape», который, конечно, не могъ бы вызвать его сочувствія. И тутъ же, по поводу этого романа, въ которомъ его авторъ перешелъ явно на сторону реакціонно-клерикальной партіи, попутно упрекнулъ Толстого въ «непомѣрной гордыни» и его именемъ окрестилъ одно общество въ Парижѣ, изобразивъ его въ чертахъ сектантской нетерпимости и безразсуднаго своеволія,—г-жа Бентцонъ умѣстно напоминаетъ, что Толстой никогда не уполномочивалъ называть его именемъ какое-либо общество, что онъ даже не допускаетъ разспросовъ о *своемъ* ученіи, такъ какъ стремится къ общей, универсальной доктринѣ, истинной для всѣхъ. Онъ, по выраженію, г-жи Бентцонъ, «неутомимый» сѣятель идей, «причемъ и добрыя зерна, и пустоцвѣтъ представляются въ перемежку по прихоти слишкомъ независимаго и слишкомъ богато одареннаго генія, которому некогда выбирать. Вѣтеръ унесетъ то, что имѣло лишь кратковременное значеніе, но въ землѣ все же останутся сокровища». Между прочимъ, г-жа Бентцонъ спросила Толстого,—хотя почти не сомнѣваясь заранѣе въ отвѣтѣ, но въ виду различныхъ толкованій въ обществѣ,—къ кому слѣдуетъ отнести заглавіе «Воскресенія», къ Нехлюдову или къ Катюшѣ? Оказалось, конечно, къ первому. «Воскресеніе» или возрожденіе Катюши вышло какъ бы попутно. Однимъ изъ присутствующихъ при разговорѣ высказано было замѣчаніе, что въ воскресеніи Неклюдова нѣтъ достаточной увѣренности, что онъ готовъ былъ и возгордиться предлагаемой жертвой, и сожалѣть о буржуазномъ счастьѣ, и вообще соблазны міра готовы имъ во всякую минуту вновь овладѣть. «Это правда, сказалъ Толстой,—такъ какъ его исторія не докончена. Я намѣреваюсь какъ-нибудь къ ней вернуться, но столько другого мнѣ еще раньше нужно написать...»

И затѣмъ, улыбнувшись, онъ прибавилъ:

«Хватило бы еще на сорокъ лѣтъ!»

Этимъ шутливымъ замѣчаніемъ какъ нельзя лучше характеризуется бодрое настроеніе духа великаго старца, не чувствующаго ни бремени, ни усталости отъ исполнившейся полувѣковой дѣятельности неустаннаго «горѣнія мысли».

Въ «Revue des Revues» помѣщена статья доктора Феликса Реньо о слабостяхъ великихъ людей. Правдивыя біографіи разныхъ геніальныхъ людей указываютъ, что они не только не были свободны отъ многихъ человѣческихъ недостатковъ и слабостей, но эти слабости и недостатки проявлялись у нихъ иной разъ въ довольно сильной степени и зачастую они нисколько не возвышались надъ обществомъ, въ которомъ находились. «Довольно съ меня великихъ людей,—говорила Жоржъ-Зандъ,—пусть дѣлаютъ ихъ мраморные, бронзовые бюсты, но пусть о нихъ не говорятъ. Живые же они злы, взбалмошны, деспотичны, подозрительны...» Шопенгауэръ также не очень любезно отзывался о великихъ людяхъ. «Геніальные люди,—говоритъ онъ,—не только непріятны въ практической жизни, но обыкновенно у нихъ мало нравственнаго чувства и они злы. У такихъ людей не можетъ быть много друзей. На вершинахъ всегда царствуетъ уединеніе».

Многочисленныя біографіи разныхъ знаменитыхъ личностей до нѣкоторой степени какъ бы оправдываютъ такое строгое сужденіе. У великихъ людей, какъ и простыхъ смертныхъ, встрѣчаются самые обыкновенные недостатки. Одни бываютъ скупы, другіе расточительны, третьи необыкновенно равнодушны и холодны, четвертые развратны и т. д. Однако, всѣ эти недостатки не составляютъ привилегіи великихъ людей, они встрѣчаются у всѣхъ, но есть и такіе недостатки, которые являются какъ бы профессіональною особенностью великихъ людей, напр., гордость и высокомѣріе, которыя могутъ достигать у нихъ небывалыхъ размѣровъ. Но такая гордость часто имѣетъ свои основанія и бываетъ полезна. Она поддерживаетъ генія въ борьбѣ и не допускаетъ его складывать оружіе. Геній оскорбляетъ традиціи и обычаи, вноситъ новыя идеи, ниспровергающія прежнія вѣрованія, повергаетъ ницъ прежніе идолы и поэтому вызываетъ преслѣдованія. Идея, поглощающая умъ геніальнаго человѣка, часто заставляетъ его пренебрегать своими существенными потребностями, занимающими въ жизни обыкновенныхъ людей такое большое мѣсто. Геніальные люди зачастую не замѣчаютъ лишеній. Ньютонъ и многіе другіе ученые оставались всю жизнь цѣломудренными и изъ этого заключили, что они страдали безсиліемъ, но это невѣрно, ихъ воздержаніе было вполнѣ добровольнымъ. Часто можно наблюдать, что наука и любовь не уживаются вмѣстѣ и великіе люди вообще пользуются репутаціей очень плохихъ мужей. Когда какая-нибудь идея овладѣетъ умомъ геніальнаго человѣка, то все остальное перестаетъ для него существовать. Будетъ ли онъ заниматься своими обычными дѣлами, во время ѣды, прогулки и даже сна эта идея не покидаетъ его. Такіе геніальные люди, находящіеся во власти своей идеи, не замѣчаютъ окружающаго и поэтому ихъ часто принимаютъ за съумасшедшихъ. Ньютонъ, напр., въ теченіе двухъ лѣтъ, создавая свою знаменитую теорію, такъ былъ поглощенъ ею, что двигался совершенно автоматически. Иногда онъ вставалъ утромъ и принимался одѣваться, но вдругъ ему приходила въ голову какая-нибудь мысль и онъ машинально садился на кровать полуодѣтый и просиживалъ такимъ образомъ иногда нѣсколько часовъ, обдумывая свою идею. Дидро забывалъ часы, дни, мѣсяцы и

даже лицъ, съ которыми онъ началъ вести разговоръ. Стюартъ Миль, обдумывая свою систему, двигался, какъ автоматъ въ толпѣ, наполнявшей улицы, но не толкалъ никого, хотя движенія его и были безсознательными.

По окончаніи періода обдумыванія своей идеи геніальный человѣкъ можетъ вернуться къ обыденной жизни и возбуждать зависть и восхищеніе своими блестящими качествами. Но чаще всего геніальный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ стоитъ ниже уровня и повидимому въ мозгу его бываютъ развиты, въ ущербъ прочимъ центрамъ, интеллектуальныя центры—если онъ ученый, или же центры воображенія и чувствительности, если это артистъ. Преобладаніе одного какого-нибудь органа всегда бываетъ въ ущербъ другому. Къ числу психическихъ способностей, которыя всего чаще бываютъ ослаблены у геніальнаго человѣка, принадлежитъ воля. Великіе математики и великіе философы, Кантъ, Ньютонъ, Гауссъ, не вѣдали страсти, эмоцій, неожиданностей и ихъ образъ жизни отличался рутиннымъ однообразіемъ. Артисты же обладаютъ эмоціальностью, но зато они не въ состояніи, какъ Байронъ, поступать разсудительно, или же, какъ Моцартъ, всю свою жизнь нуждаются въ опекѣ. У многихъ совершенно отсутствуетъ то, что называется здравымъ смысломъ и многіе, за предѣлами своей спеціальности, полнѣйшіе невѣжды.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мозговое возбужденіе у геніальныхъ людей носитъ хроническій характеръ; оно вызывается тогда хроническою болѣзнью. У Кювье, Гельмгольца, Рубинштейна въ дѣтствѣ была небольшая водянка головного мозга. На вскрытіи тѣла Гельмгольца были найдены у него сращенія мозговой оболочки съ черепнымъ сводомъ и расширенные желудочки—остатокъ бывшей головной водянки. При жизни Гельмгольцъ былъ подверженъ обморочнымъ состояніямъ.

Многіе изъ геніальныхъ людей въ дѣтствѣ перенесли травматическія поврежденія черепа. Мабильонъ, бывшій глуповатымъ ребенкомъ, совсѣмъ измѣнился послѣ раны въ голову. Бертело серьезно ранилъ себѣ голову во время паденія, когда ему было семь лѣтъ. Иной разъ болѣзнь, поражающая геніальнаго человѣка, не только не ослабляетъ его умственныхъ качествъ, но даже какъ будто увеличиваетъ ихъ. Пастеръ сдѣлалъ всѣ свои главныя открытія именно послѣ приступа паралича. Даже такая серьезная болѣзнь какъ прогрессивный параличъ, уничтожающая дѣятельность нейроновъ вызываетъ благотворное возбужденіе, дозволяющее генію творить. Примѣромъ можетъ служить Мопассанъ. Авторъ разсказываетъ еще о двухъ врачахъ, имена которыхъ онъ умалчиваетъ, которые создали свои лучшія произведенія въ начальномъ періодѣ прогрессивнаго паралича, между тѣмъ какъ прежде ихъ произведенія были самыми посредственными.

Отношенія нервыхъ болѣзней къ геніальности человѣка носятъ, такимъ образомъ, весьма сложный характеръ. Нѣкоторыя изъ этихъ болѣзней, не измѣняющія нервной ткани, могутъ дѣйствовать благопріятно на производительность ума, тѣмъ возбужденіемъ, которое они вызываютъ. На первомъ планѣ надо поставить истерическій неврозъ; другіе неврозы, напр., неврастенія, мо-

гутъ имѣть такое же дѣйствіе. Хроническія страданія мозга, если они незначительны, могутъ оказывать такое же вліяніе. Къ другой категоріи принадлежатъ такія нервныя страданія, которыя хотя и не благопріятствуютъ генію, но и не мѣшаютъ его проявленіямъ. Такъ, напр., частичное помѣшательство можетъ существовать наряду съ геніальностью. Однако, еще болѣе многочисленны случаи, когда безуміе уничтожило геній. Припомнимъ Шумана, художника Мункачи, Фридриха Ницше, Свифта и др. Геніи дѣйствительно, часто страдаютъ помѣшательствомъ. Переутомленный мозгъ становится у нихъ «мѣстомъ наименьшаго сопротивленія». Геніальные люди скорѣе подвергаются инфекціоннымъ болѣзнямъ, тифозной горячкѣ, туберкулезу и въ особенности той болѣзни, носящей названіе секретной, которая ведетъ за собою прогрессивный параличъ и безуміе. Необыкновенно тонкій мозговой механизмъ генія можетъ разрушиться отъ малѣйшаго толчка. Сумасшествіе останавливаетъ всякую производительность мозга, временно—если оно излечивается и навсегда—если оно неизлѣчимо. Тассо, Дюма, Гуно, Огюстъ и Контъ написали свои шедевры по выходѣ изъ больницы для душевнобольныхъ, другіе, какъ, напр., Жераръ де-Нерваль, писали въ промежутки своихъ кризисовъ.

Въ «Fortnightly Review» напечатана статья анонимнаго автора, высказывающаго мнѣніе, что заключеніемъ мира въ Преторіи Англія завершила свою послѣднюю завоевательную войну и дошла до предѣла своего территоріальнаго распространенія. Авторъ, кромѣ того, клеймитъ имперіализмъ, прикрывающійся патріотическими чувствами и не останавливающійся передъ самыми пошлыми пріемами воздѣйствія на толпу. Бремя, которое взвалила себѣ Англія на плечи, слишкомъ велико и не соотвѣтствуетъ ея силамъ. Если бы весь англоамериканскій міръ соединился, чтобы нести это бремя, то пожалуй силы его оказались бы недостаточными для этого. Затративъ свои лучшія силы въ Индіи и Египтѣ, Англія не въ состояніи теперь справиться со своими задачами дома, въ области правительства, науки и въ дѣлахъ. Однако, по мнѣнію автора, война многому научила Англію. Война показала ей ея дурныя и хорошія качества. Англія стала серьезнѣе, умѣреннѣе, болѣе чувствительною къ стыду и болѣе жаждущей улучшенія. Врядъ ли какая-нибудь нація могла бы лучше держать себя, нежели Англія во время остраго періода кризиса. Настойчивость, разсудительность и единодушіе — вотъ тѣ качества, которыя проявили англичане, заслуживающіе названія самой разсудительной и спокойной расы. «Мы не выродились, но мы и не прогрессировали!..—восклицаетъ авторъ. — Другія страны, германская имперія, Соединенные штаты обнаруживаютъ большій прогрессъ въ сравненіи съ Англіей, но что гораздо серьезнѣе! — появились тревожные признаки, заставляющіе опасаться, что мы потеряли способность къ развитію. Англійская демократія сдѣлалась еще болѣе нерѣшительной, медлительной и менѣе способной настоять на исполненіи своихъ реальныхъ желаній, чѣмъ была аристократія или средніе классы, въ тѣ времена, когда кон-

троль государства находился въ ихъ рукахъ. Мы обнаруживаемъ признаки опасной снисходительности, даже по отношенію къ арміи. Въ сущности вѣдь только благодаря времени и численности войскъ намъ удалось возстановить потерянное. Армія только тамъ не потерпѣла пораженія, гдѣ пораженіе было бы несмываемымъ позоромъ. Мы сдѣлали въ три года то, что могли бы сдѣлать въ три мѣсяца при другихъ условіяхъ. Основною причиной нашей отсталости въ воспитательномъ отношеніи является отсутствіе кругозора. У насъ нѣтъ стремленія къ знанію и намъ не хватаетъ энергіи американцевъ, пылкости французовъ и стойкости нѣмцевъ».

Далѣе авторъ указываетъ на то, что южно-африканская война заставила Англію серьезно оглянуться на себя. Удары, нанесенные національной гордости и самолюбію, не пройдутъ безслѣдно; они заставятъ націю встряхнуться и приступить къ плодотворной работѣ. Въ заключеніе авторъ настаиваетъ на распущеніи стараго парламента осенью и созывѣ новаго, который долженъ будетъ заняться улаженіемъ колоніальныхъ вопросовъ и отношеній, занимающихъ теперь главное мѣсто въ національной политикѣ Англіи.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О вулканической катастрофѣ на о. Мартиникѣ.

8-го мая нов. ст. городъ Сенъ-Пьеръ на о. Мартиникѣ сдѣлался жертвой одной изъ тѣхъ величественныхъ и безжалостныхъ катастрофъ, которыя по временамъ напоминаютъ человѣку о всемогуществѣ силъ природы и о его безсиліи, несмотря на всѣ успѣхи науки и техники: въ 1—2 минуты погибъ цвѣтущій городъ со всѣмъ населеніемъ и опустошена значительная часть его окрестностей. Фактическая сторона событія, несомнѣнно всѣмъ еще хорошо памятна по многочисленнымъ сообщеніямъ періодической печати, а научныя экспедиціи *), снаряженныя французской академіей наукъ и разными учеными учрежденіями Англіи и Америки, не замедлятъ пролить свѣтъ на характеръ, механизмъ и вѣроятныя причины этого печальнаго событія. Въ ожиданіи всесторонняго научнаго отчета о мартиникской катастрофѣ, я полагаю, что не безынтересно сопоставить имѣющіяся въ настоящее время въ литературѣ данныя, пополнивъ ихъ нѣкоторыми соображеніями.

Ни по своей разрушительности, ни по числу жертвъ, ни даже по быстротѣ дѣйствія катастрофа на Мартиникѣ не является въ геологическихъ лѣтописяхъ безпримѣрной въ историческое время. Въ числѣ вулканическихъ изверженій, а еще чаще землетрясеній, можно найти цѣлый рядъ случаевъ, которые ничуть не уступаютъ извержению Лысой Горы или даже превосходятъ его. Для при-

*) Въ составъ экспедиціи французской академіи наукъ вошли проф. минералогіи въ парижскомъ естественно-историческомъ музеѣ (Museum d'Histoire Naturelle) Лакруа (Lacroix), морской инженеръ-гидрографъ Ролле де-Лиль (Rollet de-Lile) и палеонтологъ Жиро (Giraud). Изъ Америки отправились: отъ Вашингтонскаго геологическаго общества геологъ американскаго геологическаго комитета Гиль (Hill), профессоръ мичиганскаго университета Рёссель (Russell) и извѣстный антарктическій изслѣдователь Борхгревинкъ (Borchgrevinck). Кромѣ того, туда же отправились прив.-доц. Джэггаръ (Jaggar) изъ гарвардскаго университета, консерваторъ нью-іоркскаго естественно-историческаго музея Ховей (Hovey), проф. Гейльпринъ (Heilprin) изъ Филадельфіи и нѣк. др. Мартинику посѣтила также экскодиція, снаряженная Лондонскимъ Королевскимъ Обществомъ для изслѣдованія изверженія вулкана Суффріеръ (Souffrière) на о. Св. Винцента; въ составъ этой экспедиціи вошли гг. Андерсонъ и Флеттъ (Flett):

мѣра можно упомянуть изверженіе Кракатоа въ Зондскомъ проливѣ, въ 1883 г., стоившее жизни 40.000 человѣкъ; Лиссабонское землятрясеніе 1755 г., погубившіе свыше 30.000 человѣкъ; землетрясенія въ Сициліи (1693 г.) и въ Сиріи и Малой Азіи (536 г.), число жертвъ которыхъ опредѣляется въ 60.000 и 120.000 человѣкъ; изверженія нѣкоторыхъ японскихъ вулкановъ, гдѣ въ одномъ случаѣ (Міяма) было до 50.000 жертвъ; землетрясеніе съ циклономъ въ устьѣ Брамапутры, отъ котораго погибло будто бы до 300.000 человѣкъ, и нѣкоторыя другія. По величественности мартиникское изверженіе, несомнѣнно, уступаетъ такимъ грандіознымъ явленіямъ, какъ лавовое озеро Килауэа на Гавайи, какъ трещинныя изверженія на Исландіи, не говоря уже о другихъ изверженіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошлыя геологическія эпохи. По своему геологическому значенію изверженіе Лысой Горы (Montagne Pelée) на Мартиникѣ также не является исключительнымъ; можно даже сказать, что оно въ этомъ отношеніи уступаетъ многимъ менѣе замѣтнымъ по своей медленности, но гораздо болѣе дѣйствительнымъ по своей продолжительности процессамъ, каковы, напр., медленныя вѣковыя перемѣщенія морскихъ береговыхъ линій, незамѣтныя явленія горообразованія и болѣе замѣтныя явленія размыванія. Но мартиникская катастрофа, тѣмъ не менѣе, привлекаетъ къ себѣ по справедливости взоры какъ ученыхъ, такъ и всей образованной публики, во-первыхъ, потому, что это одно изъ тѣхъ безжалостныхъ проявленій жизни неодушевленной природы, при которыхъ всегда какъ-то возмущается нравственное чувство человѣка; во-вторыхъ, потому, что механизмъ этихъ эксплозіонныхъ пароксизмовъ вулканической дѣятельности далеко не изученъ и не установленъ съ желательной достовѣрностью и полнотой; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что съ попытками разъясненія подобныхъ явленій связаны такія основныя проблемы, какъ причины и механизмъ горообразованія, возникновенія и гибели материковъ и морей, вопросъ о состояніи ядра земного шара—проблемы, къ разгадкѣ которыхъ направлены усилія не однихъ только геологовъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, еще надолго останутся неразгаданными.

Какъ извѣстно, первая половина текущаго ознаменовалась цѣлымъ рядомъ землетрясеній и вулканическихъ изверженій въ различныхъ частяхъ свѣта, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, возможно, что мы пережили или еще переживаемъ періодъ временнаго усиленія дѣятельности подземныхъ силъ. Такъ смотритъ, повидимому, знаменитый астрономъ Локкайеръ (Lockyer), который приводитъ это обстоятельство въ связь съ солнечными пятнами. По мнѣнію Локкайера, основанному на изученіи соотвѣтствующихъ явленій за послѣднія семь десятъ лѣтъ, наиболѣе сильныя и разрушительныя изверженія и землетрясенія совпадаютъ приблизительно съ періодами максимумовъ и минимумовъ солнечныхъ пятенъ. Такъ, напр., съ періодомъ минимума 1867 г. совпали изверженія Мауна-Лоа, Формозы, Везувія и св. Ѳомы; на максимумъ 1871—1872 гг. приходятся разрушительныя явленія на Мартиникѣ и на о. св. Винцента; максимумъ 1883 г. ознаменовался изверженіемъ Кракатоа. Въ настоящее время мы находимся въ періодѣ минимума, значеніе котораго усиливается еще тѣмъ, что онъ приходится на имѣющій, повидимому, значеніе тридцатипятилѣтній

періодъ: нынѣшній рѣзкій минимумъ является черезъ 35 лѣтъ послѣ рѣзкаго минимума 1867 г. Не отрицая возможной связи между солнечными пятнами и вулканической дѣятельностью, я думаю, однако же, что имѣющихся данныхъ слишкомъ мало, чтобы считать эту связь установленной; кромѣ того, мнѣ кажется, что событія послѣднихъ мѣсяцевъ врядъ ли можно разсматривать какъ доказательство усиленія, хотя бы и временнаго, вулканической дѣятельности; быть можетъ, число и сила вулканическихъ и сейсмическихъ явленій послѣднихъ мѣсяцевъ не сильнѣе и не многочисленнѣе многихъ другихъ годовъ: то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли мѣсто въ населенныхъ мѣстахъ и стоили жизни многимъ тысячамъ людей, могло вызвать въ насъ чисто субъективное представленіе объ усиленной плутонической дѣятельности, которому можетъ и не соотвѣтствовать объективная реальность.

Бельгійскій астрономъ Дириксъ (Dierickx) въ Антверпенѣ указываетъ на другое астрономическое явленіе, съ которымъ совпала Мартиникская катастрофа и въ которомъ, по его мнѣнію, быть можетъ кроется и одна изъ причинъ ея. Дѣло въ томъ, что луна и солнце находились въ день изверженія въ перигеѣ, т.-е. были наиболѣе приближены къ землѣ. Кромѣ того, въ моментъ изверженія луна и солнце проходили черезъ зенитъ и изверженіе случилось въ моментъ полнаго солнечнаго затменія. Другими словами, луна и солнце въ моментъ изверженія находились въ такомъ положеніи, что еслибъ опустить съ солнца черезъ луну отвѣсъ на землю, онъ попалъ бы какъ разъ на Антильскіе острова. Слѣдовательно, въ это время при тяженіе луны и солнца было направлено одновременно въ одно и то же мѣсто, и притомъ оба свѣтила были значительно приближены къ землѣ, особенно луна. Поэтому, если притяженіе небесныхъ тѣлъ на земную кору и ея внутреннее содержимое имѣетъ какое-нибудь геологическое значеніе, расположеніе луны и солнца въ моментъ изверженія было особенно благопріятно для такого воздѣйствія.

Приведенное наблюденіе, безспорно, интересно; значеніе же констатированнаго Дириксомъ факта не можетъ быть обосновано съ большей или меньшей увѣренностью.

Съ февраля по іюнь имѣли мѣсто слѣдующія, особенно замѣтныя, плутоническія явленія, къ которымъ впослѣдствіи, несомнѣнно, можно будетъ прибавить еще и другія: 1) землетрясенія: 13-го февраля *) въ Шемахѣ, 18-го апрѣля въ Гватемалѣ, 6-го мая на восточномъ берегу Испаніи, 14-го мая въ Пиренеяхъ (Олоронъ), 17-го мая въ Арадѣ въ Австріи, 25-го мая въ Венгріи (Темесваръ), 4-го іюня въ Италіи (Веллетри), 13-го и 15-го іюня въ Сициліи, 19-го іюня въ Гималаяхъ, 20-го іюня въ Тиролѣ; 2) вулканическія изверженія, кромѣ изверженій на Мартиникѣ и на о. св. Винцента: 15-го іюня вулканъ Колима въ Мексикѣ, 8-го іюня Такама въ Гватемалѣ, 4-го іюня изверженіе грязевого вулкана въ Баку. Большинство этихъ явленій не находится въ осязательной связи съ изверженіемъ Лысой Горы (Montagne Pelée); но для оцѣнки моментовъ, имѣющихъ значеніе для выясненія непосредственной причины этого ужаснаго изверженія,

*) Всѣ даты по новому стилю.

существенно отмѣтить, что изверженіе Лысой Горы не является изолированнымъ фактомъ, а совпадаетъ съ проявленіями плутонической дѣятельности на другихъ Антильскихъ островахъ, также какъ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ частяхъ американскаго материка. Быстро слѣдующія другъ за другомъ проявленія плутонической дѣятельности въ разныхъ частяхъ Карибскаго моря и сосѣднихъ участковъ земной коры наводятъ на мысль, что катастрофа на Мартиникѣ является не случайнымъ взрывомъ отдѣльнаго вулкана, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, а признакомъ болѣе глубокаго плутоническаго процесса, ареной котораго служатъ дно и берега Карибскаго моря.

Катастрофа Сенъ-Пьера была мгновенной и представляетъ рѣдкій случай уничтоженія вулканическимъ изверженіемъ цѣлаго города со всѣмъ его населеніемъ буквально въ нѣсколько минутъ. Причина этого кроется въ томъ, что разрушительнымъ агентомъ явилась не лава, которой въ данномъ случаѣ не было, и даже не пепелъ, а раскаленные газы, страшнымъ ураганомъ пронесшіеся надъ злополучнымъ городомъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что катастрофа и наступила мгновенно, безъ всякихъ предвѣстниковъ, и что не было возможности уйти отъ нея. Напротивъ, предвѣстниковъ было много, они были продолжительны и лишь нѣкоторой безпечности жителей, быть можетъ, отчасти нѣкоторому легкомыслію и недостаточной научной компетентности коммиссіи, назначенной губернаторомъ для опредѣленія степени предстоящей опасности, въ особенности же психологически легко объяснимому нежеланію жителей покинуть городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою дѣятельность, въ виду *возможной* катастрофы, которая *можетъ и не случиться*, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что жители С.-Пьера остались глухи къ многочисленнымъ тревожнымъ предвѣстникамъ и не покинули своего города, какъ большинство жителей Помпеи въ 79 г. Вулканъ Лысая Гора находился въ состояніи Сольфатары. Такъ называютъ, по имени вулкана Сольфатары около Неаполя, ту стадію вулкана, когда его дѣятельность ограничивается доставкой на земную поверхность газовъ, преимущественно сѣрнистаго ангидрида и водяныхъ паровъ. Такое состояніе, которое въ однихъ случаяхъ совпадаетъ лишь съ временной передышкой въ дѣятельности вулкана, въ другихъ является конечной фазой его жизни, послѣ которой онъ совершенно потухаетъ, можетъ продолжаться очень долго; но оно отнюдь не служитъ ручательствомъ, что не можетъ настать возвратъ къ другой, болѣе энергичной фазѣ дѣятельности. А что на Лысой Горѣ мы имѣли дѣло не съ окончательнымъ, а лишь съ временнымъ затишьемъ, это вытекало уже изъ того обстоятельства, что она въ историческое, и притомъ не очень отдаленное отъ насъ, время извергала лаву и пепелъ, т.-е. находилась въ такъ называемой везувіальной фазѣ дѣятельности: послѣдняя попытка изверженія относится къ 1851 г., а послѣднее значительное изверженіе—къ 1792 г. Тѣмъ болѣе тревожными должны были, слѣдовательно, показаться признаки усиленія дѣятельности и измѣненія ея характера. А признаковъ этихъ было много и они были достаточно продолжительны, чтобы дать возможность избѣгнуть смерти. Правда, характеръ и разрушительность подготовлявшейся катастрофы нельзя было предвидѣть; но ожидать катастрофы

въ томъ или другомъ видѣ было полное основаніе. Тревожныя явленія начались еще 3-го апрѣля, когда на вершинѣ Лысой Горы появился столбъ чернаго пепла, сопровождаемый подземными звуками и сотрясеніями почвы. Въ послѣдующіе дни усилилось выдѣленіе удушливыхъ газовъ, заставлявшее жителей, расположенныхъ на склонахъ горы жилищъ, спускаться къ городу. Тревожными должны были показаться и измѣненія въ теченіи рѣчекъ и ручьевъ, изъ которыхъ одни изсякли, другіе превратились въ грязевые потоки. Въ послѣдующіе дни пепелъ долеталъ уже до Сенъ-Пьера и покрывалъ тонкимъ слоемъ крыши домовъ, а 23-го апрѣля послѣдовалъ сильный взрывъ, на высотѣ 600 метровъ открылась большая трещина на мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Сухого Пруда (Etang Sec), въ изобиліи на мѣстность Ле-Прэшеръ (Le Prêcheur) посыпался пепелъ. Затѣмъ, съ нѣкоторыми перерывами тревожныя явленія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ: 2-го мая шло усиленное изверженіе пепла и камней на Сенъ-Пьеръ изъ мелкихъ кратеровъ, или боккъ, на западномъ склонѣ горы; 6-го мая грязевой потокъ уничтожилъ сахарный заводъ Герэна, причемъ были уже человѣческія жертвы. Животныя начали обнаруживать признаки явнаго безпокойства, но люди оставались спокойными. Этому, вѣроятно, отчасти содѣйствовали успокоительныя завѣренія коммиссіи, на которую было возложено опредѣленіе степени предстоящей опасности. Въ концѣ апрѣля было распубликовано, какъ результатъ совѣщанія коммиссіи, въ составъ которой входилъ и извѣстный метеорологъ Сюлли (Sully), погибшій 8-го мая вмѣстѣ съ остальными жителями Сенъ-Пьера, и губернаторъ, успокоительное воззваніе; въ немъ, между прочимъ, было сказано: 1) что кратеръ вулкана достаточно открытъ, чтобы дать свободный выходъ парамъ и грязи, безъ опасенія землетрясенія или изверженія лавы; 2) что причиною многочисленныхъ взрывовъ, которые раздаются со стороны горы, являются водяные пары въ горѣ, а не провалы почвы; 3) что относительное расположеніе кратеровъ, а также долинъ и овраговъ, направленныхъ къ морю, даютъ право считать безопасность Сенъ-Пьера обезпеченной. Въ основу этого мнѣнія, очевидно легло представленіе, что потоки лавы, если появятся, польются по оврагамъ въ море, что городъ защищенъ отъ нихъ холмами старыхъ лавъ. Но при этомъ было упущено изъ виду, что пароксизмъ могъ и, по аналогіи съ извѣстными случаями, даже почти долженъ былъ начаться со взрыва съ изверженія газовъ и пепла. И дѣйствительно, оказалось, что холмы не могли уберечь городъ отъ раскаленнаго газоваго урагана.

Нельзя также не упомянуть, что въ оффиціальномъ отчетѣ объ изверженіи 1851 г. можно было найти указанія на такія явленія, имѣвшія мѣсто и тогда, въ которыхъ слѣдовало усмотрѣть роковыхъ предвѣстниковъ угрожающаго характера. Безспорно, было основаніе ожидать катастрофу, но предвидѣть ея размѣры и направленіе, конечно, было невозможно. И если жители Сенъ-Пьера не покинули своего города, то врядъ ли можно сваливать всю вину на вышеупомянутую коммиссію: гораздо бо́льшую роль игралъ въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, психологическій моментъ: нежеланіе покинуть городъ, пока не наступила крайность.

8-го мая въ 7 ч. 50 м. утра, какъ показали, остановившіеся башенные часы, города С.-Пьера и его жителей не стало.

Характерными особенностями мартиникскаго изверженія, кромѣ его мгновенности, являются огромное количество удушливыхъ и горючихъ газовъ и горизонтальное или даже наклонное сверху внизъ направленіе потока этихъ газовъ и выброшенныхъ вмѣстѣ съ ними пепла, раскаленныхъ камней и полужидкой горячей грязи. Огненножидкой лавы не было; она вся была разбрызгана, превращена въ пепелъ и песокъ. Гигантскій ураганъ раскаленныхъ и удушливыхъ газовъ, увлекающихъ за собою пепелъ, раскаленные камни и т. п. продукты изверженія—вотъ что, такъ сказать, скосило весь городъ со всѣмъ его населеніемъ въ одно мгновеніе. Въ этомъ отношеніи съ мартиникскимъ изверженіемъ сходно изверженіе вулкана Бандаи въ Японіи, имѣвшее мѣсто 15-го іюля 1888 г. Скорость этого раскаленнаго урагана, по вычисленію брюссельскаго профессора Принца (Prinz), не менѣе 110 до 130 метр. въ секунду, что равняется скорости самыхъ сильныхъ урагановъ. Этимъ объясняются чисто механическія разрушенія многихъ зданій, предшествовавшія ихъ воспламененію.

Смерть во многихъ случаяхъ послѣдовала отъ удушья, какъ свидѣтельствуютъ позы труповъ: люди, видимо, старались отвернуться отъ этого адскаго вихря, закрыть ротъ и ноздри руками, часто судорожно сжатыми въ кулакъ; они во многихъ случаяхъ попадали лицомъ на землю, убѣгая отъ жгучаго урагана. Но все это было дѣломъ одной-двухъ минутъ; во многихъ случаяхъ,—но не во всѣхъ,—смерть наступила мгновенно, какъ свидѣтельствуютъ о томъ спокойныя позы нѣкоторыхъ жертвъ; въ другихъ случаяхъ причиною смерти явились ожоги, пораненія раскаленными камнями, которыми нѣкоторые трупы сильно изуродованы, горячій пепелъ и т. п. Положеніе труповъ, деревьевъ, вырванныхъ съ корнемъ, и развалины нѣкоторыхъ изъ построекъ—все свидѣтельствовало о томъ, что пронесся смертоносный ураганъ по направленію отъ горы къ городу. Этимъ же объясняется, что многіе люди и животныя были опрокинуты и оглушены и въ мѣстности Карбэ (le Carbet), отстоящей отъ Сенъ-Пьера на двѣ мили и отдѣленной отъ него холмами, которые могли бы задержать лавовые потоки, но не въ состояніи были преградить путь газовому урагану.

Раны во многихъ случаяхъ тождественны съ тѣми, которыя наблюдаются при взрывахъ рудничныхъ газовъ.

Въ этомъ вихрѣ раскаленныхъ и удушливыхъ газовъ имѣется, во всякомъ случаѣ, вполнѣ достаточная и вполнѣ естественная причина мгновенной гибели многихъ тысячъ людей и животныхъ, и нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи новыхъ, гипотетическихъ факторовъ, какъ дѣлаетъ это, напр., нѣкто Такэнъ (Taquin), приписывающій эту смерть электрическимъ разрядамъ между облаками и заряженными электричествомъ водяными парами, которые были выброшены изъ вулкана,—какъ бы электрической казни, устроенной въ гигантскихъ размѣрахъ самой природой. Извѣстный парижскій геологъ Лаппаранъ (de Lapparent) отрицаетъ возможность видѣть причину смерти многихъ жертвъ въ электричес-

кихъ разрядахъ, между тѣмъ какъ другой парижскій геологъ Велэнъ (Vélain) говоритъ объ этомъ, какъ о фактѣ.

Что касается выброшенныхъ вулканомъ газовъ, то, кромѣ водяныхъ паровъ, въ ихъ составъ, несомнѣнно, въ большомъ количествѣ входили сѣрный ангидридъ, вѣроятно, углекислота, сѣроводородъ, хлористый водородъ, повидимому, также окись углерода, б. м. ацетиленъ и другіе углеводороды и гремучій газъ. Присутствіе этихъ послѣднихъ я вывожу гипотетически изъ того факта, что упоминаются горючіе газы и что воспламененіе зданій, а быть можетъ и нѣкоторыхъ судовъ, повидимому, было вызвано горючими или даже горящими и взрывчатыми газами. Надо надѣяться, что снаряженныя Франціей и Америкой экспедиціи соберутъ, по мѣрѣ возможности, данныя и по этому вопросу. Если бы предположеніе о значительномъ содержаніи углеводородовъ въ газообразныхъ продуктахъ Лысой Горы подтвердилось, то получила бы подтвержденіе нижеслѣдующая моя догадка, пока вполнѣ гипотетическая, объ одной изъ причинъ этого страшнаго взрыва. Мнѣ думается, что причиной взрыва могли быть не водяные пары или не одни водяные пары, а также и карбиды. Карбидами называются соединенія нѣкоторыхъ металловъ, напр., кальція, магнія, желѣза, алюминія и др. съ углеродомъ. Эти карбиды съ водою или съ водяными парами легко взрываютъ и даютъ углеводороды; такъ, напр., карбидъ кальція даетъ ацетиленъ, который въ настоящее время получилъ довольно широкое распространеніе въ качествѣ освѣтительнаго матеріала. Присутствіе карбидовъ въ лавахъ не только можетъ быть предположено теоретически, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже непосредственно и доказано; на карбиды, какъ на возможную причину взрывообразныхъ вулканическихъ изверженій, уже указывали нѣкоторые ученые, напр., Штехеръ, Готье.

О составѣ газовъ мартиникскаго изверженія мы знаемъ еще очень мало. Больше данныхъ имѣется о составѣ пепла и лавъ, какъ прежнихъ, такъ и послѣдняго изверженія. Прежнія лавы Мартиники принадлежатъ къ дацитамъ, гиперстеновымъ андезитамъ и къ андезитобазальтамъ. Андезиты представляютъ одинъ изъ чрезвычайно распространенныхъ типовъ изверженныхъ породъ, какъ потухшихъ, такъ и нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ; какъ показываетъ самое названіе, эти лавы широко распространены въ Андахъ; у насъ въ Россіи можно указать на Араратъ, Казбекъ, Эльбрусъ и нѣкоторыя другія вершины Кавказа и Арменіи, сложенныя изъ этихъ лавъ. Къ гиперстеновымъ же андезитамъ принадлежитъ и пепелъ послѣдняго изверженія; о составѣ этого пепла имѣются, между прочимъ, свѣдѣнія отъ парижскаго профессора Лакруа, командированнаго на Мартинику Парижской академіей наукъ, отъ Утрехтскаго профессора Вихмана, отъ Флетта въ Лондонскомъ Геологическомъ Обществѣ, отъ Фальконера въ англ. журналѣ «Nature». Пепелъ состоитъ изъ стекловатыхъ и пористыхъ обломковъ лавы, изъ кристалловъ полевыхъ шпатовъ (плагіоклазовъ), гиперстена, авгита, иногда роговой обманки; нѣкоторые образцы содержатъ большое количество кристалловъ магнитнаго желѣзняка (титаномагнетита). Интересно, что этотъ пепелъ во многихъ случаяхъ состоитъ цѣликомъ изъ хорошо образованныхъ кристалловъ, которые, очевидно, имѣлись уже въ готовомъ видѣ въ той жидкой лавѣ, отъ разбрызгиванья и пульверизаціи которой

и получился пепелъ. Остатковъ стекла вокругъ этихъ кристалловъ во многихъ случаяхъ совершенно нѣтъ, что свидѣтельствуетъ о полной и сильной пульверизаціи жидкой части лавы.

Атмосферными теченіями пепелъ былъ разнесенъ на большія разстоянія; въ большомъ количествѣ онъ выпалъ на Барбадосѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что часть пепла попала въ высокіе слои атмосферы и, будучи подхвачена атмосферными теченіями, можетъ быть перенесена въ значительныя широты и сравнительно долго остаться въ атмосферѣ, какъ это имѣло мѣсто, напр., послѣ изверженія Кракатоа въ 1883 г. или Тараверы въ Новой Зеландіи въ 1885 г. Впрочемъ, благодаря наклонному движенію матеріаловъ главнаго взрыва, пепелъ въ данномъ случаѣ врядъ ли въ большомъ количествѣ можетъ попасть въ очень высокіе слои атмосферы, какъ въ двухъ упомянутыхъ случаяхъ, когда столбъ выброшенныхъ вулканомъ продуктовъ достигалъ высоты 11 и 13 километровъ.

Уничтоживъ Сенъ-Пьеръ, Лысая Гора не успокоилась. Въ теченіе нѣкотораго времени она продолжала сравнительно спокойно выбрасывать пепелъ, и 20-го мая снова произошелъ взрывъ того же характера и того же направленія, уничтожившій то, что еще не было уничтожено въ этой части острова и нѣсколько восточнѣе. 9-го іюля снова произошелъ сильный взрывъ такого же характера, какъ и 8 го мая. По сообщенію англійскихъ изслѣдователей Флетта и Андерсона, которые были свидѣтелями этого новаго взрыва, скорость и сила потока горячихъ газовъ и раскаленнаго песка были такъ значительны, что не устояло бы ни одно зданіе и не спаслось бы ни одно живое существо, если бы они оказались на пути этой огненной лавины. Въ результатѣ, на протяженіи 20 килом. весь островъ засыпанъ продуктами изверженія и совершенно преобразованъ. Если сопоставить съ этимъ разрушительную дѣятельность вулкана Суфріеръ (La Soufrière) на островѣ св. Винцента, усиленіе дѣятельности вулкана Колима въ Мексикѣ и вулкана Момотомбо въ Никарагуѣ, землетрясенія въ Гватемалѣ, на всѣхъ островахъ отъ Тринидата до Ямайки, исчезновеніе кратернаго озера на Доминикѣ, повышеніе температуры сѣрныхъ источниковъ Тринидата — Ямайки, исчезновеніе нефтяныхъ источниковъ въ Техасѣ и *нѣ*которыя другія явленія, то станетъ яснымъ, что въ связи съ изверженіемъ Лысой Горы находятся измѣненія въ подземныхъ трещинахъ довольно значительнаго участка земной коры.

Изъ явленій, сопровождавшихъ изверженіе Лысой Горы особенно интересно отмѣтить магнитныя возмущенія, зарегистрированныя въ двухъ американскихъ обсерваторіяхъ, а именно въ Чельтенгамѣ (Cheltenham), 27 клм. къ юго-востоку отъ Вашингтона, и Бальдуинъ (Baldwin) въ Канзасѣ. По сообщеніямъ наблюдателей Шультца и Бауера въ обѣихъ обсерваторіяхъ магнитныя пертурбаціи наступили одновременно, а именно, въ 7 ч. 54 мин., т.-е. какъ разъ въ моментъ взрыва Лысой Горы (какъ извѣстно, башенные часы въ Сенъ-Пьерѣ остановились въ 7 ч. 50 м.). Это были чисто магнитныя, а не механическія явленія, такъ какъ сейсмографы не отмѣтили никакихъ сотрясеній. Такія же магнитныя пертурбаціи были отмѣчены обсерваторіями Юккля (Uccle) и Лёвена

(Louvain) въ Бельгіи и Валь-Жуайе (Val Joyeux) и нѣкоторыхъ другихъ во Франціи; Лагранжъ обращаетъ вниманіе на то, что и въ бельгійскихъ обсерваторіяхъ сейсмографы не отмѣтили никакихъ сотрясеній, такъ что эти магнитныя пертурбаціи были совершенно независимы отъ сейсмическихъ колебаній, какъ это было установлено въ 1883 г. и относительно изверженія на Кракатоа. По сообщенію Муадрэ (Moidrey) въ 7 ч. 58 м. утра зарегистровано магнитное возмущеніе также въ ЦиКа-Вей въ Китаѣ; эта мѣстность является антиподомъ Мартиникѣ, т.-е. лежитъ на противоположномъ меридіанѣ. Магнитная пертурбація совпала съ изверженіемъ Лысой Горы и не сопровождалась сотрясеніями почвы; а черезъ 4 часа 27 мин. произошло сотрясеніе почвы. Магнитныя пертурбаціи ощущались и въ океанѣ на далекомъ разстояніи отъ Мартиники: есть свѣдѣнія о томъ, что во время изверженія или вскорѣ послѣ него буссоли на многихъ судахъ обнаружили сильныя пертурбаціи, «шалили».

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ возможныхъ причинахъ мартиникской катастрофы, обратимся вкратцѣ къ геологическому строенію Антильскаго моря и окаймляющихъ его острововъ. Дуга Малыхъ Антильскихъ острововъ представляетъ узкій гребень, раздѣляющій двѣ абиссальныя (глубоководныя) морскія области: со стороны Карибскаго моря крутые береговые обрывы, на небольшомъ разстояніи отъ которыхъ глубина моря достигаетъ 3000 метровъ; со стороны Атлантическаго океана острова окаймлены неширокой береговой и подводной платформой, за которой на разстояніи не болѣе 12—15 кил. тянется абиссальная океаническая зона съ глубиною до 5000 метровъ. Карибское море приблизительно продолговато-овальной формы и окаймлено двумя цѣпями горъ; отъ острова Троицы черезъ Каракасъ тянется къ озеру Валенціи Карибская Кордильера; на сѣверѣ границей служатъ Антильскія Кордильеры, идущія отъ Барбадоса на Гондурасъ и Гватемалу, и къ западу распадающіяся на три цѣпи. Эти Кордильеры принадлежатъ къ складчатымъ, не вулканическимъ горамъ. Съ двухъ сторонъ Карибское море окаймлено цѣпями вулкановъ: на востокѣ цѣпью Малыхъ Антильскихъ острововъ, на юго-западѣ рядомъ дѣйствующихъ вулкановъ, растянувшихся отъ Коста-Рико до Гватемалы. Какъ по географическому положенію, такъ и по геологическому строенію Карибское море принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ срединземныхъ морей, типомъ которыхъ можетъ служить западная часть нашего Средиземнаго моря, Эгейское море и нѣкоторыя другія; происхожденіемъ своимъ эти моря обязаны опусканіямъ, провалamъ болѣе или менѣе значительныхъ участковъ земной коры по трещинамъ. Такое опусканіе произошло не сразу по всей площади моря и не мгновенно, а по частямъ и очень медленно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно продолжается и понынѣ. Всякое такое опусканіе проявляется землетрясеніями на сосѣднихъ берегахъ или на островахъ и во многихъ случаяхъ вулканическими изверженіями, которыя могутъ быть приписаны выжиманію огненножидкихъ массъ давленіемъ опускающихся участковъ. Антильскіе острова представляютъ остатки Антильскаго материка, который въ третичный періодъ соединялъ Сѣверную Америку съ Южною. Реконструкціей этого материка, а также изслѣдованіемъ многочисленныхъ признаковъ поднятій и опусканій въ различныя эпохи третичнаго періода и въ

постпліоценовую эпоху мы обязаны американскому геологу Спенсеру. Движенія земной коры, т.-е. опусканія и поднятія, продолжаются въ Карибскомъ морѣ, несомнѣнно, и въ настоящее время. Изверженію Лысой Горы предшествовало такое движеніе морского дна вдоль одной или нѣсколькихъ трещинъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что до изверженія былъ порванъ телеграфный кабель. По даннымъ французскаго кабельнаго судна «Pouyer-Quertier», морское дно опустилось у южной части острова съ 300 ф. до 3300 ф.

Ходъ событій до изверженія можно представить себѣ такимъ образомъ. Вдоль старой или же вновь образовавшейся трещины произошло опусканіе, благодаря которому вода получила болѣе или менѣе свободный доступъ къ подземному огненножидкому очагу, находящемуся подъ Лысой Горой. Началось изверженіе пепла и паровъ, которое могло бы продолжаться болѣе или менѣе продолжительное время безъ разрушительныхъ взрывовъ, еслибъ весь притокъ воды или паровъ находилъ себѣ свободный выходъ черезъ кратеръ. Но представимъ себѣ, что въ сосѣдствѣ съ лавой происходитъ въ подземномъ резервуарѣ или въ рядѣ трещинъ накопленіе паровъ, упругость которыхъ все растетъ и растетъ, пока она не будетъ въ состояніи преодолѣть сопротивленіе породъ загражданщихъ путь парамъ. Или представимъ себѣ, что, вслѣдствіе подземнаго провала, промыва или вслѣдствіе образованія новой трещины, подземный резервуаръ или подземный потокъ воды приходитъ сразу въ соприкосновеніе съ раскаленной массой лавы и мгновенно превращается въ пары. Въ обоихъ случаяхъ получается необычайная паровая сила, которая выталкиваетъ въ видѣ громаднаго поршня твердыя породы, загражданщія ей путь; если нѣтъ свободнаго выхода, этотъ поршень разрываетъ земную поверхность въ видѣ трещины, по которой и выталкиваетъ съ невѣроятной силой все что находится передъ нимъ. —Если постепенно происходитъ закупорка отверстій, черезъ которыя выходятъ пары и пепелъ, пробкой застывшей лавы, то черезъ нѣкоторое время долженъ снова произойти взрывъ и т. д., что и показываютъ взрывы 20-го мая и 9-го іюля. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не прекратится протокъ паровъ или не произойдетъ окончательная закупорка отверстій, которую пары уже не въ силахъ преодолѣть. Представимъ себѣ далѣе, что изъ карбидовъ, заключенныхъ въ лавѣ или окружающихъ ее породахъ, въ контактѣ съ горячей водой или парами получается еще новое количество газовъ и притомъ горючихъ и удушливыхъ. Представимъ себѣ, что разъ трещина образовалась и газы по ней устремились, то съ ними не вырвутся и тѣ газы, которые были заключены въ жидкой лавѣ, причемъ часть ея они разбрызжутъ и превратятъ въ пепелъ, а другая начнетъ выливаться по готовой трещинѣ. Представимъ себѣ далѣе, что столбъ паровъ и пепла вырвался не кверху, а сбоку, гдѣ оказалось мѣсто меньшаго сопротивленія, и отраженный отъ верхнихъ стѣнокъ подземнаго канала, закупореннаго у вершины горы, устремился по наклонному направленію сверху внизъ. Представимъ себѣ наконецъ, что все, что здѣсь описано, случилось почти одновременно и, во всякомъ случаѣ, скорѣе, чѣмъ можно это описать—и передъ нами будетъ картина механизма мартиникскаго изверженія,

правда гипотетическая, но вполнѣ правдоподобная и даже вѣроятная. Что первой причиной изверженія явилось движеніе морского дна, объ этомъ свидѣтельствуетъ также и то обстоятельство, что изверженіе Лысой Горы не явилось единичнымъ изолированнымъ событіемъ: одновременно обнаружили усиленную дѣятельность и нѣкоторые другіе вулканы, какъ на Антильскихъ островахъ, такъ и на материкѣ Америки. Слѣдовательно, первая причина катастрофы лежитъ глубоко въ нѣдрахъ земли и относится къ категоріи такъ называемыхъ тектоническихъ процессовъ, т.-е. тѣхъ, благодаря которымъ возникаютъ и растутъ горы, моря и материки.

Повидимому, произошло или еще совершается одно изъ тѣхъ тектоническихъ движеній, изъ совокупныхъ усилій которыхъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени возникаютъ существенныя измѣненія въ конфигураціи материковъ и морей. Взрывы Лысой Горы 8-го и 20-го мая и 9-го іюля, является лишь однимъ изъ показателей совершающагося въ Карибскомъ морѣ тектоническаго процесса. И еслибъ не ужасъ мгновенной смерти многихъ тысячъ людей, мы, несомнѣнно, отнеслись бы болѣе равнодушно къ этому явленію, которое, взятое въ отдѣльности и безъ отношенія къ человѣку, представляется мимолетнымъ поверхностнымъ процессомъ въ жизни земной коры.

Проф. Ф. Левинсонъ-Лессингъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Изслѣдованія атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ.—Выдѣленіе подчелюстной железы.—Дѣйствіе синильной кислоты на сѣмена.

Изслѣдованія атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ. Почти одновременно *Р. Ассманнъ* и *Л. Тейсеранъ де-Боръ* (Teisserenc de-Bort) опубликовали результаты своихъ наблюденій надъ температурой высокихъ слоевъ воздуха.

Хотя Берсону и Зюрингу удалось и ранѣе достигнуть на воздушномъ шарѣ высоты въ 11.000 метр., но наблюденія ихъ относятся только къ слоямъ воздуха, находящимся на высотѣ 9 километр., такъ какъ выше оба наблюдателя впали въ обморочное состояніе. Для изслѣдованія болѣе высокихъ слоевъ воздуха Эрмитъ и Безансонъ предложили пускать небольшіе шары, на которыхъ помѣщались только самопишущіе аппараты. Но такія изслѣдованія все же не могли дать точнаго представленія о температурѣ верхнихъ слоевъ атмосферы, такъ какъ сила подъема подобныхъ шаровъ съ высотой уменьшалась и, наконецъ они совершенно останавливались, причемъ естественная вентиляція, конечно, падала до нуля, вліяніе же солнечнаго лученспусканія возрастало, и

термометры не показывали истинной температуры воздуха. Для устраненія этого неудобства Ассманъ вмѣсто употреблявшагося до тѣхъ поръ бумажнаго шара, началъ приготовлять «шары-зонды» изъ эластическаго каучука; такой шаръ, съ увеличеніемъ скорости поднятія, увеличивается въ объемѣ, но, въ концѣ концовъ, лопается и падаетъ на землю. Благодаря измѣняемости объема каучуковаго шара онъ не останавливается на одной высотѣ, а происходящая, вслѣдствіе подъема вверхъ, естественная вентиляція съ высотою даже увеличивается. Ассманнъ вычислилъ, что такъ какъ на высотѣ въ 15.000 метровъ объемъ каучуковаго шара вдвое больше чѣмъ тотъ, какой онъ имѣлъ на землѣ, а плотность воздуха уменьшается съ бо́льшею скоростью, чѣмъ поверхность шара, то и скорость поднятія возрастаетъ почти вдвое. Термометръ, которымъ снабженъ шаръ Ассманна, защищенъ отъ прямого дѣйствія солнечныхъ лучей двойной хорошо отполированной трубкой. Такимъ образомъ, при поднятіи и паденіи шара происходитъ измѣненіе силы вентиляціи, уравновѣшивающее вліяніе солнечнаго лучеиспусканія, и термометръ, благодаря этому, показываетъ истинную температуру воздуха.

Цѣлымъ рядомъ опытовъ, поставленныхъ въ 1901 г., Ассманну удалось съ помощью такихъ шаровъ-регистраторовъ установить, что выше 10-ти километровъ наблюдается всегда поворотъ температуры. При поднятіи же шара 4-го іюля (въ $2^3/_4$ ч. по пол.) и 1-го августа (въ $3^1/_2$ ч. по пол.) замѣчено еще болѣе интересное явленіе: сначала въ нижнихъ слояхъ воздуха съ высотой увеличивалась и температура, но въ слояхъ воздуха, находящихся выше 1.000 метр., эта аномалія исчезала и, по мѣрѣ поднятія шара, температура начинала падать; при этомъ въ иныхъ слояхъ воздуха это паденіе идетъ быстро, въ другихъ же крайне медленно—температура почти не измѣняется.

На высотѣ между 5—7-ю километр. во всѣхъ опытахъ термометръ сильно и равномѣрно опускался, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ между 6—10-ю киломе. пониженіе это было сильнѣе, чѣмъ на 1° на каждые 100 метр. поднятія. Выше же 10-ти километровъ паденіе температуры останавливалось совершенно или даже наступало болѣе или менѣе сильное ея повышеніе. Такъ, напримѣръ, 10-го апрѣля температура воздуха на высотѣ 13 километровъ была такая же, какъ и на высотѣ въ 7.700 метр., и въ то же время на 9,4° выше, чѣмъ на высотѣ 9.500 метр.; 4-го іюля этотъ поворотъ температуры зарегистрованъ на высотѣ въ 11 километровъ, при градіентѣ въ +0,34°, который затѣмъ увеличился до +1°, но на высотѣ въ 12 километровъ снова упалъ до +0,3°. Въ очень теплый день 31-го іюля поворотъ температуры наступилъ только на высотѣ между 12 и 13-ю километрами; между же 17 и 18-ю километрами высоты, гдѣ, къ сожалѣнію, записывающее перо отстало отъ бумаги, шаръ, по всей вѣроятности, приблизился къ верхней границѣ теплаго воздушнаго теченія.

На основаніи этихъ изслѣдованій, Ассманнъ приходитъ къ выводу, что выше 10, 12-ти километр. находится относительно теплое воздушное теченіе.

Тейсеранъ де-Боръ занимался подобными же изслѣдованіями. Въ его распоряженіи находился матеріалъ, собранный, благодаря поднятію 500 шаровъ-

зондовъ. Этотъ ученый, также какъ и Ассманнъ, утверждаетъ, что выше 10-ти километр. паденіе температуры идетъ крайне медленно, что подобные малые температурные градіенты начинаются при циклональной погодѣ на высотѣ 10-ти килом., а при антициклональной погодѣ на высотѣ 13-ти килом. Нужно замѣтить, что Тейсеранъ де-Боръ, для устраненія прямого солнечнаго нагрѣванія термометровъ, производилъ свои наблюденія въ ночное время.

Изъ 236-ти наблюденій Тейсерана, произведенныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, въ различное время года, съ помощью балоновъ-зондовъ, поднявшихся на высоту не менѣе 11-ти килом. (74 шара достигли даже 14-ти килом.), могутъ быть сдѣланы слѣдующіе выводы: величина паденія температуры воздуха, начиная съ нижнихъ слоевъ, растетъ съ высотой и достигаетъ иногда даже 1^0 на 100 метровъ, затѣмъ, нѣкоторое время держится на этомъ максимумѣ паденія, а на высотѣ около 11-ти килом. (въ нашихъ широтахъ) это паденіе температуры почти совершенно прекращается. На высотѣ, измѣняющейся сообразно состоянію погоды отъ 8 до 12-ти килом., начинается воздушный слой, который характеризуется незначительнымъ паденіемъ температуры или даже небольшимъ повышеніемъ ея. Толщину этого слоя нельзя еще опредѣлить вполнѣ точно, но Тейсеранъ оцѣниваетъ ее въ нѣсколько километровъ.

Выдѣленіе подчелюстной железы. Извѣстно, что профессоръ Павловъ и его ученики въ цѣлой серіи выдающихся работъ доказали существованіе тѣсной связи между пищей и количествомъ, качествомъ и условіями выдѣленія пищеварительныхъ соковъ *).

Малуазель поставилъ аналогичные опыты, относящіеся къ выдѣленію подчелюстной железы собаки. Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ постоянную фистулу подчелюстной железы, отдѣливъ кусочекъ слизистой оболочки рта, захватывающей и отверстіе Вартонова протока, и прикрѣпилъ его къ кожѣ подъ нижней челюстью. Когда такимъ образомъ была сдѣлана операція, и операціонныя раны зажили, стало возможнымъ наблюдать измѣненія въ выдѣленіи и собирать слюну, выдѣляемую подъ вліяніемъ той или другой пищи.

Собакамъ, надъ которыми производились опыты, Малуазель давалъ ѣсть сырое мясо, сахаръ, морскую соль, разбавленную уксусную кислоту, сѣрнокислый хининъ и песокъ; или же только показывалъ пищу, но не давалъ имъ ѣсть; или же, наконецъ, заставлялъ ихъ нюхать сильно пахучія вещества въ родѣ гвоздики и эссенціи лаванды. Всѣ эти опыты показали ему, что существуетъ различіе: 1) во времени между принятіемъ того или другого рода пищи и выдѣленіемъ слюны; 2) въ количествѣ выдѣленной слюны; 3) въ качествѣ (особенно въ вязкости) слюны.

Такъ, послѣ принятія хлористаго натрія (поваренная соль), уксусной кислоты, сѣрнистаго хинина, слюна появляется спустя нѣсколько секундъ, тогда какъ сахаръ вызываетъ слюну только черезъ 2 минуты. Видъ куска мяса

---

*) Одинъ изъ ближайшихъ «Научныхъ обзоровъ» «Міра Божія» будетъ посвященъ работамъ проф. Павлова. *Ред.*

производитъ выдѣленіе слюны черезъ 8—10 секундъ, запахъ эссенціи лаванды—только черезъ $1^1/_2$ минуты.

Достаточно положить нѣсколько капель уксусной кислоты или немного соли, или же сѣрнистаго хинина на языкъ собаки, чтобы вызвать 4—6 куб. с. слюны, но надо дать ей съѣсть 100 грам. сырого мяса, чтобы вызвать выдѣленіе слюны въ количествѣ 4 куб. с.

Слюнотеченіе, вызванное обоняніемъ, останавливается послѣ выдѣленія приблизительно 1 куб. с. слюны. Подъ вліяніемъ соли, сѣрнокислаго хинина, того или другого запаха, слюна подчелюстной железы становится очень жидкой, прозрачной, какъ вода, чуть липкой на ощупь, при этомъ она даетъ едва замѣтную муть отъ прибавленія уксусной кислоты, слѣдовательно, содержитъ незначительное количество муцина (0,01 на 6 куб. с.). Слюна же, выдѣленная подъ вліяніемъ мяса, наоборотъ, очень вязкая, густая, мутная, богата муциномъ (0,02 на 1 к. с.).

Интересно отмѣтить также слѣдующее явленіе. Слюна измѣняется въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ очень быстро. Такъ, напримѣръ, если сначала дать собакѣ мяса, то слюна получается вязкая и очень активная, но сейчасъ же послѣ пріема хинина слюна становится жидкой и мало активной; если, затѣмъ, дать собакѣ мяса, то оно вновь вызываетъ вязкую и активную слюну. Такимъ образомъ Генри и Малуазель доказали своими опытами точность выводовъ, установленныхъ Павловымъ и его учениками.

Дѣйствіе синильной кислоты на сѣмена. Синильная кислота является драгоцѣннымъ средствомъ для уничтоженія насѣкомыхъ и другихъ паразитовъ, встрѣчающихся на зернахъ пшеницы, ржи и другихъ сѣмянъ, при храненіи ихъ въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ. Но вставалъ вопросъ, не вредитъ ли этотъ ядъ, столь успѣшно убивающій паразитовъ, и самимъ сѣменамъ. Опыты, недавно произведенные Townsend'омъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно. Прежде всего надо замѣтить, что Townsend вычисляетъ не вѣсъ синильной кислоты, употребляемой въ опытахъ, но вѣсъ ціанистаго калія, изъ котораго, при дѣйствіи на него сѣрной кислоты, и выдѣляется синильная кислота. Вѣсъ ціанистаго калія колебался въ опытахъ Townsend'а отъ 3 миллигр. до $1^1/_2$ гр. на кубическій футъ зерна. Оказалось, что сухія сѣмена отлично выдерживаютъ въ теченіе часа ядовитую атмосферу синильной кислоты. Такія сѣмена произрастаютъ въ пропорціи 100 на 100, не смотря на то, что количество ціанистаго калія (1,5 грама на кубич. ф.) въ шесть рязъ больше количества, употребляемаго энтомологами для уничтоженія паразитовъ сѣмянъ.

Другими опытами было установлено, что сѣмена, находившіяся въ атмосферѣ паровъ синильной кислоты (1 гр. на куб. футъ) впродолженіи 15 дней, все еще прорастали отлично (100 на 100) и даже скорѣй, чѣмъ повѣрочныя сѣмена: послѣднія проросли черезъ 24 часа, тогда какъ первыя всего черезъ 6 часовъ. Слѣдовательно, атмосфера синильной кислоты не только не вредитъ, но даже благопріятствуетъ произрастанію. Конечно, это вѣрно только до извѣ-

стной степени. Такъ, сѣмяна, содержавшіяся 60 дней въ атмосферѣ синильной кислоты, хотя и прорастали скорѣй обыкновенныхъ, повѣрочныхъ (въ 14 час. вмѣсто 24-хъ), но вліяніе этой кислоты вредно отражалось на дальнѣйшемъ ихъ ростѣ, пребываніе же сѣмянъ въ теченіе 365 дней въ такой атмосферѣ даже совершенно остановило произрастаніе. Но если количество синильной кислоты въ 3 раза меньше (0,333 gr. ціанистаго калія на куб. футъ), то сѣмена могутъ оставаться въ атмосферѣ ея паровъ безъ всякаго вреда даже впродолженіи года. Все вышесказанное относится къ сухимъ сѣменамъ.

Сѣмена же, которыя находились до опыта 24 часа въ водѣ, не прорастаютъ, если ихъ подвергать дѣйствію атмосферы, даже сравнительно бѣдной синильной кислотой (3 миллигр. ціанистаго калія на куб. футъ). Если же они находились въ водѣ только 12 часовъ, то прорастаніе идетъ въ атмосферѣ довольно богатой синильной кислотой (5 сантиграм. ціанистаго калія на куб. фунтъ сѣмянъ).

Для того, чтобы сѣмена сохранили способность произрастать, ихъ нужно послѣ дѣйствія на нихъ синильной кислоты промыть въ водѣ и высушить. Въ такомъ случаѣ имъ не вредитъ даже дѣйствіе 25-ти сантигр. ціанистаго калія на куб. футъ сѣмянъ впродолженіи 6 часовъ.

Изъ дальнѣйшихъ опытовъ оказалось также, что сѣмена, выдержанныя въ атмосферѣ синильной кислоты даже гораздо дольше, чѣмъ это нужно для уничтоженія паразитовъ, совершенно безвредны для животныхъ и людей. Опять таки это касается сухихъ сѣмянъ, сырыя же сѣмена, извлеченныя изъ атмосферы синильной кислоты, стали для животныхъ ядовитыми.

В. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Сентябрь 1902 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая.—Соціологія.—Психологія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. —Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Луговой. «Умеръ талантъ». «*А. Чеховъ*». «Островъ Сахалинъ». «Разсвѣтъ» Сборникъ.

Умеръ талантъ!.. Повѣсть А. А. Лугового. Спб. 1902 г. Названіе «повѣсть» не вполнѣ подходитъ къ настоящему произведенію г. Лугового, которое скорѣе представляется памфлетомъ на разные вопросы взаимоотношеній писателя и его среды, изложеннымъ въ формѣ діалога между авторомъ и «умершимъ талантомъ», которому при жизни приходилось все время бороться съ тяжелыми условіями необезпеченнаго существованія и съ трудностями завоевать себѣ независимое положеніе въ литературѣ. Послѣ его смерти, его собратья по перу, собравшіеся у его могилы, повторяли одинъ за другимъ: «Да, умеръ талантъ!.. Новая потеря... Рѣдѣютъ наши ряды», но, по замѣчанію автора, при жизни никто не позаботился о томъ, «чтобы предохранить это народное достояніе отъ преждевременной гибели». И вотъ теперь авторъ вспоминаетъ разговоръ съ покойнымъ писателемъ, который, оказывается, самъ, еще при жизни, поставилъ діагнозъ всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ дѣятельности литератора, какъ бы предчувствуя свою преждевременную гибель. Воспроизводя эту бесѣду, авторъ все время заставляетъ говорить покойнаго писателя, изрѣдка лишь подавая ему реплики, иногда смягчая его рѣзкіе отзывы, чаще всего соглашаясь съ нимъ. Въ виду этого трудно отдѣлить личныя мнѣнія автора отъ высказываемыхъ «умершимъ талантомъ» сужденій, и личность послѣдняго не обрисовывается съ достаточнымъ рельефомъ. Передъ вами не характеръ, не типъ, не индивидуальность, а какой-то отвлеченный писатель-неудачникъ, обвиняющій и общество и сотрудниковъ по перу, и редакторовъ періодическихъ изданій, и критиковъ, и рецензентовъ въ недостаточномъ сочувствіи дѣятельности писателя и отсутствіи истинной *любви къ литературѣ* (курс. подлинника). Возмущаясь ходячими толками объ упадкѣ современной литературы, покойный писатель, однако, признаетъ до нѣкоторой степени этотъ упадокъ, только приписывая его недостаточному будто-бы уваженію къ авторскому труду въ редакціяхъ журналовъ и недоброжелательству критики, относящейся слишкомъ партійно къ литературнымъ произведеніямъ. О, если бы дѣйствительно только редакторы и критики были повинны въ общемъ пониженіи литературной производительности! Какъ бы обрадовались такому открытію искренніе и, несомнѣнно, талантливые писатели, которыми отнюдь не оскудѣло и наше время, но вѣроятно и они сами чувствуютъ, принимаясь за менѣе значительные сюжеты, часто даже размѣниваясь на мелочи, что причины, не благопріятствующія въ

настоящее время созданію міровыхъ произведеній, заключаются не въ редакціяхъ и не въ рецензентахъ, каковы бы ни были «своенравіе» первыхъ и предвзятость вторыхъ. Вѣдь какъ разъ наоборотъ, именно отъ молодыхъ, сильныхъ и дѣйствительно выдающихся дарованій мы недавно слышали сѣтованія по поводу того, какъ вредно отражается на самомъ писателѣ слишкомъ быстрый и слишкомъ шумный успѣхъ, и даже упреки за слишкомъ усердные похвалы критиковъ именно начинающимъ писателямъ. Герой повѣсти г-на Лугового, очевидно, попалъ въ другую полосу и, потерпѣвъ неудачи, подвергся участи, быть можетъ, весьма несправедливой которая роднитъ его съ жертвами, представленными въ раннемъ произведеніи того же автора, доставившемъ ему наибольшую извѣстность «Pollice verso». Какъ пѣвецъ, которому недоброжелательное отношеніе публики помѣшало высказать свои настоящія голосовыя средства, и онъ умираетъ осмѣянный и опозоренный въ больницѣ, какъ докторъ, который вслѣдствіе подвоха со стороны завистливаго коллеги сдѣлалъ неудачную операцію и затѣмъ покончилъ съ собой, не встрѣтивъ справедливаго отношенія къ себѣ въ обществѣ,—такъ и писатель въ повѣсти «Умеръ талантъ...» принадлежитъ къ той же категоріи неудачниковъ, которымъ внѣшнія условія не дали возможности высказать въ полнотѣ свои дарованія. Быть можетъ, нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія этого преждевременно погибшаго таланта, которому не повезло, не лишены справедливости: совокупность условій дѣятельности писателя, т.-е. матеріальная обстановка, конкуренція, читатели, критики, издатели и т. п.—все это, конечно, представляетъ изъ себя зачастую рядъ препятствій, съ которыми не каждому дано справиться. Но, въ концѣ концовъ не столь интересенъ самый фактъ *признанія*, какъ внутренняя жизнь художника, мыслителя, писателя, его духовная эволюція, въ которой отношеніе къ успѣхамъ въ обществѣ занимаетъ или должно занимать второстепенное мѣсто, такъ какъ *признаніе* рано или поздно настанетъ. Эта идейная сторона жизни писателя не затронута въ разсказѣ объ «умершемъ талантѣ». Взяты только внѣшнія отношенія писателя къ обществу, въ широкомъ смыслѣ слова (такъ какъ и редакторы и критики представители того же общества). Хотя въ настоящемъ произведеніи г. Лугового его герой не подвергается какой-нибудь аваріи, какъ въ упомянутыхъ очеркахъ «Pollice verso», служащей ближайшимъ поводомъ въ примѣненію жестокаго девиза—«горе побѣжденнымъ», но послѣднее все же звучитъ между строкъ, и характерно постоянство, съ которымъ авторъ возвращается къ темѣ, намѣченной въ его раннемъ произведеніи, прояснить отношенія человѣка, выступающаго передъ обществомъ въ той или другой роли (безразлично какая роль—древняго гладіатора, виртуоза или современнаго общественнаго дѣятеля или писателя), къ тѣмъ его чаяніямъ и ожиданіямъ отъ этого самаго общества, служенію которому онъ себя посвящалъ.

Ѳ. Бат—овъ.

Антонъ Чеховъ. Островъ Сахалинъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Ц. 1 р. 50 к. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1902 г. Т. X. Полное собраніе сочиненій А. П. Чехова, предпринятое фирмою г. Маркса, понемногу подвигается впередъ. Въ вышедшихъ десяти томахъ помѣщены—8 томовъ (убористой печати) повѣстей и разсказовъ, томъ драматическихъ произведеній и «Островъ Сахалинъ», составившій отдѣльный десятый томъ. По мѣрѣ выхода этого капитальнаго изданія твореній нашего первокласснаго художника, мы неоднократно говорили о нихъ, какъ въ библіографическомъ отдѣлѣ, такъ и вообще на страницахъ нашего журнала. Поэтому, позволимъ себѣ только привлечь вниманіе читателей на новое изданіе превосходныхъ очерковъ высокоталантливаго автора, явившихся плодомъ его поѣздки на островъ Сахалинъ лѣтъ десять тому назадъ. Очерки Сахалина не представляютъ ученаго изслѣдованія, но они и не бѣглыя «путевыя замѣтки», какъ скромно называетъ ихъ авторъ,—они даютъ гораздо

больше, такъ какъ въ нихъ, наряду съ исчерпывающей полнотой научнаго, этнографическаго и географическаго, статистическаго и бытового матеріала, мы имѣемъ великолѣпное художественное описаніе жизни этого «гиблаго» мѣста. Раскрывъ эту книгу, вы уже не можете оторваться, увлеченные прелестью разсказа, удивительнаго по сжатости, чистотѣ и цѣломудренной сдержанности языка, что придаетъ отдѣльнымъ мѣстамъ, особенно яркимъ по содержанію, глубоко трагическій оттѣнокъ. Описываетъ, напр., авторъ празднество, бывшее по случаю пріѣзда генералъ-губернатора въ портъ Дуэ, и все описаніе сжато въ двадцати строкахъ,—но какое безотрадное чувство втиснуто въ эти строки! «Вечеромъ была иллюминація. По улицамъ, освѣщеннымъ плошками и бенгальскимъ огнемъ, до поздняго вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Рѣка Дуйка, всегда убогая, грязная, съ лысыми берегами, а теперь украшенная по обѣ стороны разноцвѣтными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались въ ней, была на этотъ разъ красива, даже величественна, но и смѣшна, какъ кухаркина дочь, на которую для примѣрки надѣли барышнино платье. Въ саду генерала играла музыка и пѣли пѣвчіе. Даже изъ пушки стрѣляли, и пушку разорвало. И все таки, несмотря на такое веселье, на улицахъ было скучно. Ни пѣсенъ, ни гармоники, ни одного пьянаго; люди бродили, какъ тѣни, и молчали, какъ тѣни. Каторга и при бенгальскомъ освѣщеніи остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышитъ человѣкъ, который никогда уже не вернется на родину, наводитъ только смертельную тоску» (стр. 34). И такими безподобными, хватающими за сердце описаніями переполнена эта объемистая книга въ 25 листовъ плотной печати. Мы не говоримъ уже о получившихъ всемірную извѣстность страницахъ, на которыхъ, съ мастерствомъ достойнымъ геніальнаго художника, изображено тѣлесное наказаніе каторжника,—это класическія страницы, мало равныхъ себѣ имѣющія даже въ нашей литературѣ.

«Островъ Сахалинъ», безспорно, классическое произведеніе, на ряду съ которымъ можно поставить развѣ «Фрегатъ Паллада» Гончарова, и, какъ таковое, онъ долженъ бы войти въ составъ всякой образовательной библіотеки. По яркости языка очерки г. Чехова не уступаютъ пластичности гончаровскихъ описаній, но они превосходятъ ихъ содержательностью и живостью темы. Къ тому же, очерки производятъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе благодаря тому, что авторъ, въ противность олимпійской холодности Гончарова, нигдѣ не скрываетъ своего отношенія къ описываемымъ ужасамъ. Не подчеркивая и отнюдь не стараясь ставить точки надъ і, авторъ превосходной группировкой фактовъ и личныхъ наблюденій вырисовываетъ такую потрясающую картину жизни на Сахалинѣ, что совершенно подавленный и глубоко пристыженный закрываешь книгу и долго не можешь отдѣлаться отъ полученнаго впечатлѣнія. Если бы г. Чеховъ ничего не написалъ болѣе, кромѣ этой книги, имя его навсегда было бы вписано въ исторію русской литературы и никогда не было бы забыто въ исторіи русской ссылки. Сказаннымъ достаточно опредѣляется огромное общественное значеніе его книги, тѣмъ болѣе, что лучшей книги о Сахалинѣ до сихъ поръ не было и нѣтъ. *А. Б.*

Разсвѣтъ. Сборникъ русскихъ писателей и писательницъ. Книга вторая. Изд. Н. К. де-Лазари. 1902 г. Спб. Ц. 1 р. Одно время въ Парижѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, были такъ называемые «salons des refusés», т.-е. выставки произведеній отвергнутыхъ художниковъ, не принятыхъ жюри на выставку въ академіи или въ обычный «весенній»—выставочный «салонъ». Изъ этихъ «отвергнутыхъ» нѣкоторые потомъ стали болѣе или менѣе извѣстными новаторами въ живописи, а ихъ «салоны»—выставками произведеній новѣйшей живописи. Большинство, впрочемъ, такъ и кануло въ Лету, ничего не прибавивъ ни къ искусству, ни къ своему имени. Нѣчто въ родѣ такого «са-

лона для отвергнутыхъ» вздумали устроить гг. Кузьминъ и де-Лазари, выпустившіе два сборника «русскихъ писателей и писательницъ», произведенія которыхъ нигдѣ не были приняты. Цѣль свою они опредѣляютъ такъ въ предисловію ко второму сборнику «Разсвѣтъ»: «Цѣль этой книги—дать молодымъ и неопытнымъ силамъ возможность ознакомить публику со степенью дарованія ихъ еще неокрѣпшаго пера. Почти всѣ авторы помѣщенныхъ произведеній совершенно неизвѣстны публикѣ, они впервые отдаются ея суду... Намъ кажется, что этимъ книга пріобрѣтаетъ большій интересъ для публики въ смыслѣ новизны и что эти молодыя произведенія даютъ большій просторъ для критики. Конечно, мы говоримъ не о тѣхъ менторахъ критики, которые вотъ уже около четверти вѣка занимаются перевариваніемъ своихъ ветхихъ идей. Они не замѣтятъ нашей книги, какъ они не замѣчаютъ вообще всего, что молодо. Мы говоримъ о той критикѣ, которая чутко прислушивается къ молодому лепету, и въ немъ надѣясь найти зачатки будущихъ силъ». Нельзя отказать идеѣ гг. Кузьмина и де-Лазари въ оригинальности, но, даже подъ страхомъ быть зачисленнымъ въ разрядъ «менторовъ критики», я не могу признать ихъ идею основательною и заслуживающею одобренія. «Лепетъ» ребенка всегда милъ и пріятенъ, ласкаетъ сердце родителей и подкупающе дѣйствуетъ на всякаго своей невинностью и наивностью. Но совершенно иное впечатлѣніе производитъ тотъ же ребенокъ, если онъ начинаетъ глупо подражать взрослымъ и берется за «перо», не выучившись предварительно грамотѣ. А именно такое впечатлѣніе производитъ «Разсвѣтъ». Несмотря на претенціозное названіе, ни проблеска таланта нельзя открыть въ этихъ пятидесяти ничтожныхъ повѣстушкахъ, каждая размѣромъ отъ трехъ до восьми разгонистыхъ страничекъ. О достоинствѣ «стихотвореній», «басенъ» (есть даже и басни!), «стихотвореній въ прозѣ» и прочихъ твореній можно сказать одно: даже для творчества гимназистовъ третьяго класса они плохи. Все это, дѣйствительно, «лепетъ» въ самомъ подлинномъ значеніи этого слова, и ни малѣйшаго отношенія къ литературѣ этотъ лепетъ неумныхъ «скороспѣлокъ» не имѣетъ.

Если салоны «отвергнутыхъ» въ свое время сыграли нѣкоторое значеніе, выдѣливъ и тѣмъ опредѣливъ скорѣе и яснѣе новое направленіе въ искусствѣ, то изданіе отвергнутыхъ произведеній не имѣетъ и такого значенія. Во-первыхъ потому, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, а есть лишь безсильное и безталанное подражаніе, въ большинствѣ случаевъ крайне неумное, а подчасъ до жалости дѣтское. Во-вторыхъ, потому, что «неокрѣпшее перо» авторовъ сборника обнаруживаетъ въ нихъ только одно: охоту смертную, но участь горькую. И потому вся затѣя гг. Кузьмина и де Лазари окажетъ плохую услугу «неопытнымъ силамъ», внушивъ имъ надежду ни на чемъ не обоснованную. Сколько иллюзій въ настоящемъ они возбудятъ и сколько разбитыхъ надеждъ въ непосредственномъ будущемъ. Въ тысячу разъ лучше было бы для всѣхъ безъ исключенія авторовъ «Разсвѣта» претерпѣть операцію «отказа» и навсегда излечиться отъ зуда авторства, чѣмъ увидѣть свое имя въ «Разсвѣтѣ» только затѣмъ, чтобы навѣки потомъ потонуть во мракѣ неизвѣстности. Ибо много званыхъ, но мало избранныхъ. Если же кто имѣетъ счастье родиться «избраннымъ», тому не нужно предварительныхъ чистилищъ, въ родѣ «Разсвѣта», и сколько бы ни стояло на его пути «менторовъ критики», онъ займетъ свое мѣсто въ литературѣ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

В. Величко. Вл. «Соловьевъ. Жизнь и творенія». — *К. Борискій.* «Театръ».— *М. Ватсонъ.* «Алессандро Манцони».

Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія. Очеркъ В Л. Величко. 1902 г. Авторъ названнаго очерка приходитъ къ заключенію, что «Владиміръ Соловьевъ больше, чѣмъ кто-либо другой былъ бы вправѣ повторить слова французскаго поэта: «Je suis venu trod tarp, dans un siècle trop vieux». Не только по міросозерцанію, но и по духовному складу и по темпераменту онъ болѣе подходилъ, смотря по овладѣвшимъ имъ настроеніямъ, то къ первымъ вѣкамъ христіанства, то ко временамъ крестовыхъ походовъ. Несомнѣнно, что если бы онъ появился не позже среднихъ вѣковъ, то его имя сразу просіяло бы ярче, его дѣло встрѣтило бы бо̀льшій откликъ» и пр. (стр. 172). Не значитъ ли это, другими словами, что тотъ, кто пришелъ слишкомъ поздно, могъ бы и совсѣмъ не приходить? Странная оцѣнка дѣятельности человѣка въ устахъ біографа, который въ другомъ мѣстѣ указываетъ, что «громадная теософическая работа почившаго философа является лучшимъ образцомъ именно русской самобытности въ области (философіи) (стр. 101)». Неужели эта «самобытность» такъ-таки не ко времени? Правда, нѣсколько дальше авторъ дѣлаетъ оговорку, что хотя Соловьевъ пришелъ *не въ свое время* (курс. въ подл.): «*либо* слишкомъ рано, *либо* слишкомъ поздно! Онъ думалъ, что послѣднее вѣрнѣе и, вѣроятно, былъ правъ» (стр. 173). Итакъ, все-таки вѣрнѣе, что слишкомъ поздно, и по мнѣнію автора брошюры, потратившаго не мало труда на то, чтобы представить Владиміра Соловьева исключительно въ роли правовѣрнаго поборника русской «истинно-національной партіи» и русскаго мессіанства, наперекоръ многимъ цитатамъ и заявленію того же автора, что къ философу, избравшему основнымъ началомъ своего ученія *идеалъ абсолютнаго единства*, не можетъ быть приложенъ «масштабъ, примѣнимый къ публицистическимъ вопросамъ» — «славянофильство или западничество, или матеріализмъ, или вообще что-нибудь сравнительно узкое» (64). Признаніе о запоздалости весьма характерно, но не столько для самого философа, который слишкомъ много сказалъ своевременнаго, умѣстнаго и теперь, справедливаго и въ будущемъ, чтобы относить его всецѣло къ прошлой исторической эпохѣ, какъ для автора брошюры, который повидимому, проговорился незамѣтно для самого себя. Не особенно удачны и его аргументы въ объясненіе «патріотической» дѣятельности Владиміра Сергѣевича. Такъ, напримѣръ, г. Величко сообщаетъ, что лѣтъ 5—6-ти Соловьевъ «былъ буквально влюбленъ въ кучера, здоровеннаго дѣтину съ большой бородой, отъ котораго дышало *русскою простонародной силой* (курс. нашъ). Бывало, вырвется мальчуганъ во дворъ—и шмыгъ въ сарай, къ своему другу: бросается къ нему на грудь, обнимаетъ, цѣлуетъ...» (10). Выражено картинно, но не проще ли объяснить этотъ эпизодъ ранняго дѣтства Владиміра Сергѣевича обычной склонностью дѣтей бѣгать въ конюшню, на скотный дворъ и т. п., причемъ и животныя и приставленные къ нимъ люди пріобрѣтаютъ особый ореолъ въ дѣтскомъ воображеніи. Врядъ ли пятилѣтній Соловьевъ могъ имѣть представленіе о «русской простонародной силѣ» и искать ея олицетворенія въ кучерѣ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ того же автора, «въ періодъ отъ 6-ти до 7-ми лѣтъ онъ (уже) любилъ воображать себя испанцемъ». Неубѣдительна и попытка автора объяснить наслѣдственностью стремленіе философа къ соединенію церквей и его національную терпимость: г. Величко полагаетъ, что такъ какъ «родная бабка Владиміра Сергѣевича съ материнской стороны, урожденная Бжеская,

происходила изъ хорошей польской фамиліи», то этимъ самымъ «*органически* (курс. подл.) объясняются извѣстныя симпатіи нашего философа къ полякамъ и католичеству» (22). Однако, авторъ ниже вполнѣ правильно указываетъ самъ, что «по мнѣнію Соловьева, всякая народность имѣетъ право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ же правъ другихъ народностей. Тѣмъ бо̀льшаго уваженія и неприкосновенности достойны самобытныя народныя силы, ярко проявившіяся и продолжающія проявляться во многихъ областяхъ человѣческаго духа» (87). Всѣ народности имѣютъ равное право на существованіе и, именно исходя изъ этого общаго принципа справедливости, покойный философъ выражалъ особыя симпатіи къ тѣмъ національностямъ и народамъ, которые въ силу тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ находятся въ нѣкоторомъ угнетеніи, къ полякамъ, какъ и къ евреямъ, не въ силу «органической» принадлежности по происхожденію къ той или другой расѣ, а по идейному сочувствію принципу племенной независимости. Его широкое пониманіе идеи національности извѣстно; онъ не принималъ этой идеи, какъ своего рода предопредѣленіе, не считалъ ее исчерпанной въ прошломъ исторической жизни народа, на которое обращали слишкомъ исключительное вниманіе даже славянофилы стараго типа. И г. Величко напоминаетъ, что «по мнѣнію Соловьева, внѣевропейская или противоевропейская самобытность наша—пустая претензія» (83). Національность вырабатывается изъ сложныхъ элементовъ; она создается, а не предсуществуетъ и въ концѣ концовъ, представляетъ лишь разныя формы общечеловѣческаго единства. «Чтобы проявить истинную народную самобытность,—формулируетъ и г. Величко основную мысль Соловьева по національному вопросу,—отнюдь не нужно устремлять всѣ силы къ распознанію и упроченію особенностей расоваго типа, а надо прилагать эти силы къ дѣлу. Высшее же дѣло—водвореніе правды Божіей на землѣ. Это дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и патріотичное въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова» (84). Отсюда вытекаетъ слѣдствіемъ, что тотъ, кто ставитъ себѣ цѣлью проводить не общую правду, а преслѣдуетъ своекорыстныя задачи—съ точки зрѣнія индивидуальнаго или племеннаго эгоизма,—является съ точки зрѣнія Соловьева, *псевдо* патріотомъ, какъ бы онъ ни драпировался въ мантію національной исключительности и правовѣрной нетерпимости. Не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно, а вполнѣ своевременно явился Соловьевъ, чтобы сбросить маску съ многихъ такихъ «псевдопатріотовъ» и напомнить о нѣкоторыхъ вѣчныхъ истинахъ, которыя нужно неустанно повторять. И г. Величко признаетъ, что «религіозно-политическіе взгляды Владиміра Соловьева могутъ быть приняты—*какъ идеалъ*, къ которому *необходимо* стремиться», правда съ оговорками: «*лишь* какъ идеалъ», «стремиться *постепенно*», «не какъ программа, выполнимая немедленно» (78), но всѣ эти оговорки не нарушаютъ теоретической правильности религіозно-политическихъ воззрѣній покойнаго философа даже въ глазахъ не сочувствующаго ему въ примѣненіи правильной теоріи на практикѣ его біографа.

Впрочемъ, названіе «біографа» едва ли соотвѣтствуетъ автору брошюры, слишкомъ поспѣшившему придать многообѣщающее заглавіе—«жизнь и творенія» своему очерку, который цѣненъ лишь по нѣкоторымъ сообщеннымъ въ немъ эпизодамъ изъ жизни философа, эпизодамъ анекдотическаго характера. «Творенія» разсмотрѣны весьма поверхностно, преимущественно по чужимъ переложеніямъ, что, впрочемъ, отнюдь нельзя поставить въ укоръ автору, скромно укрывшемуся за такими авторитетами, какъ проф. Лопатинъ, Э. Л. Радловъ, кн. С. Н. Трубецкой и др. На ряду съ этими именами есть, правда, и менѣе значительныя, которыя, однако, цитуются съ равнымъ вниманіемъ, и Владиміръ Сергѣевичъ оказывается поставленнымъ не всегда въ лестномъ для него сосѣдствѣ, хотя и съ эпитетомъ «свѣтлой личности». Авторъ не очень оттѣняетъ самостоятельность его духовнаго развитія, такъ какъ допускаетъ

смолоду вліяніе на него одного изъ товарищей, будто бы «достигшаго впослѣдствіи какой-то дутой популярности отрицательными тенденціями и смолоду уже бывшаго ярымъ нигилистомъ въ скверномъ смыслѣ этого слова (15)». Пріятно узнать, что авторъ такимъ образомъ признаетъ «нигилистовъ» и въ хорошемъ смыслѣ этого слова... хотя, все-таки, анонимное обвиненіе отзывается личнымъ пристрастіемъ и такимъ вскользь брошеннымъ кому-то вызовомъ не объясняется эволюція духовной жизни Соловьева. Эту жизнь предстоитъ еще написать. Она конечно полна высокаго интереса у геніально одаренной натуры, съ какой бы сдержанностью мы ни отнеслись къ нѣкоторымъ сторонамъ усвоеннаго имъ міросозерцанія. Значительна именно эволюція его идей, при неустанномъ и глубокоискреннемъ исканіи правды. Въ оцѣнкѣ въ частности произведеній Владиміра Сергѣевича, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ, г-на Величко, что послѣдняя брошюра Соловьева—«Три разговора» представляетъ—«строго говоря, съ точки зрѣнія беллетристической самое интересное и серьезное произведеніе русской литературы за послѣдніе 10—15 лѣтъ (121)». Именно, «строго говоря»,—оно не занимаетъ такого положенія въ современной русской «беллетристической» литературѣ, ибо этотъ памфлетъ, мѣстами остроумный, часто парадоксальный, и во всякомъ случаѣ на три четверти публицистическій, имѣетъ по преимуществу лишь біографическій интересъ, очень субъективнаго характера. Неужели оно значительнѣе хотя бы «Воскресенія» Л. Н. Толстого и послѣднихъ произведеній Чехова, чтобы не вдаваться въ болѣе подробный разборъ нашей беллитристики за указанныя 10—15 лѣтъ и ея художественной оцѣнки? Не вполнѣ понятно какимъ образомъ г. Величко устанавливаетъ *замѣну* «западнаго», по его мнѣнію, формальнаго принципа—«свобода, равенства и братство», который онъ считаетъ «поддѣльнымъ, мертвеннымъ суррогатомъ», сердечной вѣрой русскаго народа въ тріединыя «благо, истину и красоту» (108), ибо развѣ «благо и истина» исключаютъ свободу и равенство, и развѣ красота противорѣчитъ братству? Этого, конечно, не думалъ нашъ философъ, горячій проповѣдникъ идеи любви, а какая же любовь безъ братства, какая истина безъ свободнаго отношенія къ ней, какая справедливость безъ равенства, которое не есть тожество? Г. Величко, очевидно, во многомъ расходится со взглядами Соловьева, но мы поспѣшимъ согласиться съ авторомъ по крайней мѣрѣ въ одномъ выводѣ: Владиміръ Соловьевъ былъ «и въ основѣ гораздо болѣе русскимъ, нежели многіе изъ тѣхъ, кто съ нимъ полемизировалъ во имя русской идеи». Брошюра издана весьма изящно. *Ѳ. Бат—овъ.*

Театръ. Лекціи Карла Боринскаго. Переводъ съ нѣмецкаго съ тремя дополнительными статьями и примѣчаніями приватъ доцента с.-петербургскаго университета Б. В. Варнеке. Спб. 1902 г. 144 стр. Ц. 1 р. Наша литература о театрѣ очень бѣдна, и потому переводъ популярныхъ лекцій Боринскаго является кстати. Самъ Боринскій не связанъ съ театромъ своей спеціальностью: онъ не драматургъ и не театральный критикъ, а соціологъ, оттого то нѣтъ и ничего мудренаго, что онъ не занимаетъ своихъ читателей ни вопросами эстетическаго порядка, ни спеціально-сценическими. Его болѣе интересуютъ широкія перспективы общей исторіи драматическаго творчества: цѣлыхъ двѣ лекціи (изъ 8) Боринскій посвящаетъ общественному значенію театра. Это имѣетъ свою отрицательную сторону, конечно, хотѣлось бы иногда болѣе внимательнаго анализа или пересказа тѣхъ великихъ произведеній человѣческаго духа, которыя связаны съ подмостками, какъ напр. «Прометей» Эсхила, но лекторъ говоритъ о нихъ нѣсколько довольно небрежныхъ словъ, зато онъ прекрасно обрисовываетъ значеніе греческаго театра, какъ учрежденія, въ отличіе отъ современной сцены.

Боринскій читалъ для нѣмцевъ, и самъ онъ нѣмецъ. Это создаетъ въ его книгѣ особыя перспективы: нѣмецкая сцена у него, конечно, на первомъ планѣ.

*

итальянцевъ нѣтъ вовсе, испанцевъ и французовъ почти нѣтъ (Расинъ заслужилъ едва 4 строки). Много говорится, положимъ, о Шекспирѣ, но Боринскій отмѣчаетъ при этомъ то обстоятельство, что Шекспиръ уже «1½ вѣка является общественнымъ достояніемъ нѣмецкаго народа» (стр. 43). Лессингъ, Гёте и Шиллеръ стоятъ въ центрѣ изложенія, но не разъ указываются и второстепенные нѣмецкіе драматурги, какъ Клейстъ и Грильпарцеръ.

Въ этомъ есть одно неудобство. На античную трагедію и вообще античность авторъ лекцій смотритъ съ точки зрѣнія Шиллера и Лессинга, не считаясь съ современными изслѣдованіями. Къ счастью для русскихъ читателей, переводчикъ книги Боринскаго, г. Варнеке, спеціалистъ-классикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ (рѣдкое соединеніе!) прекрасный знатокъ исторіи и техники театра, исправляетъ односторонность нѣмецкаго лектора. Онъ даетъ очень точный и обстоятельный анализъ еврипидовской «Медеи» (стр. 126—133), и такимъ образомъ читатель можетъ самъ убѣдиться, насколько невѣрно утвержденіе Боринскаго, будто Шекспиръ первый сталъ придавать дѣйствіямъ драматическихъ героевъ психологическую мотивировку.

Отдѣльныя страницы книги г. Боринскаго положительно прекрасны: напр., начало четвертой лекціи, посвященной трагедіи, гдѣ говорится о книгѣ Іова, этой первой и глубочайшей трагедіи человѣчества и ея параллели въ новой литературѣ, «Фаустѣ». Тема, затронутая популяризаторомъ, даже слишкомъ богата содержаніемъ для тѣхъ крупныхъ штриховъ, которыми написана самая книга.

Очень хороша тоже 5 ая лекція, объ исторической драмѣ, гдѣ авторъ искусно связываетъ основанную на миѳахъ драму античнаго міра, съ хрониками Шекспира, и черезъ произведенія Шиллера и Гёте доводитъ историческую трагедію до сценическихъ построеній Грильпарцера. Можетъ быть, драмы Виктора Гюго дополнили бы эту перспективу съ успѣхомъ для ея наглядности и широты.

Примѣчанія г. Варнеке важны во 1-хъ, тѣмъ, что они исправляютъ нѣкоторыя неточности въ изложеніи автора, не спеціалиста въ театральномъ мірѣ; во 2-хъ, они даютъ библіографическія указанія. Но, самое важное то, что русскій издатель до нѣкоторой степени связываетъ книгу г. Боринскаго съ современнымъ театромъ и тѣми нарождающимися явленіями драматической литературы, которыхъ г. Боринскій не касался вовсе. *И. А.*

М. Ватсонъ. Алессандро Манцони. Критико - біографическій очеркъ. (Итальянская библіотека). Спб. 1902 г. Манцони не принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ писателямъ, геній которыхъ преодолѣваетъ всѣ преграды, воздвигаемыя между народами естественными границами языка и національной психологіи и искусственными перегородками таможенныхъ кордоновъ. Если выдѣлить изъ его литературной дѣятельности все, что имѣетъ значеніе лишь какъ извѣстная, пережитая, уже стадія въ исторіи новой итальянской литературы, въ исторіи итальянской общественной и политической мысли, то общечеловѣческаго элемента очистится весьма мало. Вслѣдствіе этого, Манцони будетъ всегда чтимъ своими соотечественниками,—хотя это почтеніе, кажется, уже давно относится къ его имени и не основывается на любви къ его произведеніямъ,—для всѣхъ же остальныхъ народовъ, которые не имѣли несчастія испытывать гнетъ австрійскаго владычества, которые равнодушны къ притязаніямъ ультрамонтанскаго католицизма, которые имѣли свой ложно-классицизмъ и свой романтизмъ, Манцони никогда не станетъ близкимъ и дорогимъ. Само собою разумѣется, что для всякаго, кто хотя сколько-нибудь интересуется судьбами итальянской литературы, необходимо имѣть ясное представленіе о роли, какая въ ней принадлежитъ Манцони, и поэтому г-жа Ватсонъ, задавшись цѣлью оживить и систематизировать тѣ немногочисленныя свѣдѣнія объ итальянской литературѣ, которыми обладаетъ русская читающая публика, вполнѣ основательно удѣляетъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ серіи своихъ монографиче-

скихъ очерковъ. Однако, нужно замѣтить, что именно тѣсная связь его дѣятельности не только съ современной ему эпохой, но и съ предшествовавшей представляетъ для русскаго біографа большія трудности въ виду того, что онъ не имѣетъ права предполагать у своихъ читателей серьезнаго знакомства съ этой областью фактовъ. Эти трудности г-жа Ватсонъ, по нашему мнѣнію, не всюду счастливо преодолѣла. Быть можетъ, въ зависимости отъ предѣловъ, которыми авторъ ограничиваетъ свои очерки, ему не удается нарисовать общую картину предшествовавшей Манцони эпохи итальянской литературы, а также установить его отношеніе къ современникамъ; такимъ образомъ, характеристика, лишенная фона, не можетъ получить достаточнаго рельефа. Недостаточно сказать, что писатель геніаленъ, оригиналенъ, что онъ открылъ новые пути,— все это для читателя не имѣетъ опредѣленнаго содержанія, если путемъ историко-сравнительнаго метода не дать ему въ руки конкретный масштабъ. Дабы не быть голословными, поясникъ нашу мысль примѣромъ. «Допустимъ,—говоритъ авторъ,—что, какъ историческія трагедіи, оба произведенія Манцони «Карманьола» и «Адельки», несмотря на всѣ свои литературныя достоинства, не достигли цѣли (?). Тѣмъ не менѣе, для итальянской драмы онѣ имѣли выдающееся значеніе: Манцони является въ нихъ новаторомъ. У него дѣйствующія лица впервые говорятъ простымъ, человѣческимъ языкомъ, и дѣйствіе не подчинено аристотелевскому правилу единства времени и мѣста». Оставимъ въ сторонѣ неудачное выраженіе, которое могло бы заставить читателя думать, что Манцони писалъ свои двѣ драмы съ сознательною *цѣлью* создать въ Италіи школу исторической трагедіи; къ тому же это ошибочное мнѣніе учебниковъ «словесности», что создать школу лучше, чѣмъ написать прекрасное произведеніе, хотя бы оно и осталось одиноко. Но какъ можетъ читатель почувствовать силу утвержденія автора, что персонажи у Манцони говорятъ «человѣческимъ» языкомъ, если ему не дано возможности самому сравнить стихъ Манцони и его предшественниковъ? Что касается отказа отъ аристотелевой теоріи драмы, то это имѣетъ также только историческое, а не абсолютное значеніе: если бы г-жа Ватсонъ писала о Расинѣ, то въ числѣ его заслугъ она должна была бы указать, что онъ такъ блестяще проводилъ правило о трехъ единствахъ. Надо было, слѣдовательно, пояснить, *почему* во времена Манцони «три единства» уже не обусловливали собою художественнаго характера драмы. Выбранное нами мѣсто не стоило бы подчеркивать, если бы рядомъ съ нимъ не было многихъ другихъ подобныхъ же общихъ сужденій и не подкрѣпленныхъ фактами приговоровъ. Такимъ образомъ, лучшимъ по нашему мнѣнію, изъ появившихся до сихъ поръ очерковъ г-жи Ватсонъ остается первый, объ Адѣ Негри: тамъ можно было въ бо́льшей степени удовольствоваться выраженіемъ личныхъ мнѣній и впечатлѣній. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ф. Рокэнъ. «Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII в.».—*П. Ардашевъ.* «Абсолютная монархія на Западѣ».

Феликсъ Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. 1715—1789 гг. Переводъ съ французскаго. Спб. 1902. 570 стр. Цѣна 2 р. 60 коп. Книга Рокэна имѣетъ внѣшность самостоятельнаго изслѣдованія, и предисловіе автора также можетъ внушить о ней это ложное представленіе. Ложное, потому что на самомъ дѣлѣ, за вычетомъ очень немногихъ страницъ, вся работа представляетъ собою суммарный пересказъ нѣкоторыхъ

(очень впрочемъ, многочисленныхъ) мѣстъ изъ Марэ, Сенъ-Симона, Барбье, Бюва, д'Аржансона и Башомона,—шести самыхъ плодовитыхъ и интересныхъ мемуаристовъ XVIII го столѣтія. Немногія ссылки на другія давно извѣстныя и давно использованныя работы (Гримма, Вольтера, Гарди*) и др.) въ смыслѣ «новизны» также прямо примыкаютъ къ вышеназваннымъ шести источникамъ, такъ что зачѣмъ автору понадобилось на новизнѣ сообщаемыхъ фактовъ такъ настаивать въ предисловіи,—неизвѣстно. Такіе «новые» (съ ссылками рукописи), правда, тоже находятся въ его книгѣ, но просто смѣшно говорить объ ихъ важности или хотя бы значительности ихъ описанія: мы бы сказали, что для ихъ привлеченія къ дѣлу изслѣдованія не стоило труда подниматься во второй этажъ парижской національной библіотеки и тревожить рукописный ея отдѣлъ... Но все это еще было бы полъ бѣды, особенно для русскаго читателя научно-популярныхъ книгъ (для котораго, вѣроятна, и предназначенъ русскій переводъ Рокэна). Вся бѣда въ томъ, что вышеперечисленныхъ мемуаристовъ авторъ компилируетъ слишкомъ односторонне. Возьмемъ, напримѣръ, Матье Марэ, къ которому Рокэнъ обращается почти на каждой страницѣ первой части своего труда (а на многихъ страницахъ по два, три и болѣе разъ). Развѣ изъ Марэ возможно извлечь только факты, касающіеся ссоръ между правительствомъ и духовенствомъ, только придворныя мелочи? Рокэнъ, не говорящій ни о немъ и характерѣ его произведенія, ни объ остальныхъ своихъ руководителяхъ ни единаго слова, чрезвычайно хорошо сдѣлалъ бы, если бы оцѣнилъ по достоинству слова Лескюра, которому мы обязаны лучшимъ изданіемъ Марэ**): онъ говоритъ, что въ Марэ можно видѣть характерное для XVIII-го вѣка (т.-е. его начала) явленіе,—*зарождающееся общественное мнѣніе* ***). Это писатель разносторонній, и кому же его обстоятельно и использовать, какъ не автору, выбравшему разностороннюю и обширную тему? И однако цѣлый рядъ важныхъ фактовъ, приводимыхъ Марэ остался внѣ кругозора Рокэна. Напримѣръ, поминаетъ ли Рокэнъ хоть единымъ звукомъ приводимые Марэ факты и замѣчанія, касающіяся Ло и его банка (стр. 262—263 I-го тома указаннаго изданія Лескюра, стр. 356 и сл. того же тома), или государственныхъ долговъ (ibid. 440—441), или гибели Ло (II, стр. 5—30, passim)? Почему столь же гробовымъ молчаніемъ пройденъ характерный разсказъ объ испорченномъ хлѣбѣ въ Бордо и о ссорѣ по этому поводу интенданта съ парламентомъ, на почвѣ покровительства, оказываемаго со стороны интенданта недобросовѣстнымъ булочникамъ (I, 458)? Всѣ факты, касающіеся хоть отдаленно соціально-экономическаго состоянія Франціи, старательно обойдены Рокэномъ. Такъ же точно распорядился онъ и съ Барбье, и съ Сенъ-Симономъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ журналъ въ приложеніи далъ выдержки изъ обширныхъ (мы ссылаемся ниже на изданіе въ *21* томъ—Mémoires complets etc. du duc de Saint-Simon, Paris, 1830) и интересныхъ мемуаровъ герцога Сенъ-Симона. Эти записки относятся, главнымъ образомъ, къ Людовику XIV-му но послѣдними ихъ томами, гдѣ рѣчь идетъ уже о регентствѣ, Рокэнъ пользуется, и точь-въ-точь, какъ и по отношенію къ Марэ, онъ остается глухъ почти ко всему, что не касается спеціально церковной и парламентской фронды. 20-я глава XVIII-го тома (указ. изд.), гдѣ говорится о финансовомъ положеніи королевства послѣ бѣгства Ло, 11, 12 и 13-я главы XIX-го тома, гдѣ анализируется классовая структура Испаніи (ricos hombres и др. сословія) сравнительно съ французскими сословными дѣленіями,—словомъ,

*) Его рукописью много пользуется, между прочими, Aubertin, въ своемъ «Esprit public au XVIII siècle».

**) Journal et mémoires de Mathieu Marais avocat au parlement de Paris sur la régence et le règne de Louis XV, publiés... par M. de Lescure. Paris, 1863—1869.

***) Ed. cit., t. I, стр. 81.

важнѣйшія страницы Сенъ-Симона, вовсе и не упоминаются Рокэномъ, будто ихъ и на свѣтѣ не существуетъ. То же повторяется и съ Бюва, и съ д'Аржансономъ. Изъ Бюва не приведенъ фактъ объ угрозѣ правительства регента сослать «aux deux extrémités du royaume» двухъ лицъ, если они будутъ упорствовать» въ непринесеніи поздравленій архіепископу Бурнсскому по поводу производства въ слѣдующій чинъ («Journal de la régence», dar Jean Buvat, изд. Em. Campardon, Paris, 1865, т. II, стр. 9); не приведены и нѣкоторые другіе, характерные и *нужные* для темы Рокэна, факты *). О Башомонѣ, къ сожалѣнію, говорить въ точности затрудняемся по той истинно изумительной причинѣ, что его *не оказалось* въ спб. публичной библіотекѣ, а посему и свѣрить съ нимъ текстъ Рокэна мы не могли. (Не можемъ не вспомнить по этому поводу прекрасныхъ изданій Болотова и *всѣхъ* томовъ «Сборника Императорскаго русскаго историч. общества», находящихся въ парижской національной библіотекѣ; а Башомонъ для французскаго XVIII-го вѣка отнюдь не менѣе важенъ, чѣмъ Болотовъ и «Сборникъ» для русскаго).

Это самоограниченіе Рокэна въ пользованіи называемыми имъ, правда, немногочисленными, но обстоятельными авторами объясняется коренною чертою его книги, составляющей, вмѣстѣ съ тѣмъ, главный ея недостатокъ: авторъ долженъ былъ бы назвать свою книгу не такъ, какъ онъ ее назвалъ, ибо она представляетъ рядъ не всегда между собою связанныхъ очерковъ изъ исторіи ультрамонтанской, янсенистской свободомыслящей партіи, ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ правительству. Настоящаго, цѣльнаго и полнаго изображенія всего «Движенія общественной мысли» наканунѣ революціи мы здѣсь не видимъ вовсе. У Рокэна есть предшественники; укажемъ, напримѣръ, на Обертэна, который вовсе не устарѣлъ и, думаемъ, еще долго не устарѣетъ. Его увлекательно написанная книга («L'esprit public au XVIII-e siècle») **) не только даетъ въ каждой изъ своихъ четырехъ частей анализъ соотвѣтствующихъ источниковъ, но и пользуется онъ этими источниками такъ, что, дѣйствительно, получается довольно выпуклая картина наростанія революціонныхъ чувствъ во французскомъ обществѣ XVIII вѣка (хотя его работа далеко не такъ детальна, какъ книга Рокэна въ частяхъ, касающихся отношеній церкви къ государству) Есть и другая, несравненно болѣе талантливая работа, нежели трудъ Рокэна: это также старая, но замѣчательно интересная книга Chassin'a «Génie de la revolution», дающая въ еще большей степени, нежели Обертэнъ, понятіе о томъ, какъ и въ чемъ выражалась французская общественная оппозиція въ XVIII вѣкѣ (особенно въ концѣ его).

И, тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя назвать книгу Рокэна совсѣмъ напрасно написанной: онъ подчеркнулъ одну сторону въ общественныхъ движеніяхъ XVIII-го столѣтія, которая обыкновенно совсѣмъ остается въ тѣни. Борьба «янсенистовъ» съ «іезуитами» (будемъ называть обѣ боровшіяся группы столь же обще, какъ они сами другъ друга называли) имѣла очень серьезное значеніе вътеченіе всей первой половины XVIII столѣтія: она взростила и сомкнула кадры тѣхъ принципіальныхъ противниковъ церкви и абсолютизма, которые выступили на сцену съ поколѣніемъ энциклопедистовъ. Въ этомъ—ея главное историческое значеніе, хотя, конечно, понятіе «янсенистъ» съ понятіемъ «свободомыслящій» вовсе не совпадаетъ ни въ какомъ отношеніи, кромѣ того, что за одно поколѣніе до энциклопедистовъ, янсенисты боролись съ тѣмъ же врагомъ, съ какимъ потомъ должны были считаться свободомыслящіе. Въ детальной разработкѣ этой стороны дѣла и лежитъ центръ тяжести всей книги, и назови авторъ свое произведеніе болѣе точнымъ и соотвѣтствующимъ образомъ,—ни-

*) Особенно во II томѣ.
**) Paris, 1873 (Aubertin).

чего нельзя было бы возразить. Вторая же часть работы совсѣмъ ужъ неоригинальна ни въ разработкѣ, ни въ построеніи. Но и тутъ попадаются любопытныя цитаты, мелкіе, но характерные, хотя и не новые, факты и анекдоты, приводятся всегда кстати и всегда удачно выдержки изъ корреспонденціи. Словомъ, кто прочтетъ книгу Рокэна до конца, тотъ не сможетъ сказать себѣ, что онъ совсѣмъ ужъ даромъ потерялъ время; но сдѣлать это,—прочесть ее,—не особенно легко, ибо изложеніе довольно монотонное. Рокэнъ не научитъ полному и всестороннему пониманію того, какъ начинались и крѣпли въ обществѣ революціонныя настроенія; но онъ напомнитъ то, что часто забывается и чего забывать не слѣдуетъ: что передъ нападеніемъ общаго врага, церковь и правительство во Франціи дѣйствовали очень часто съ прямою цѣлью другъ другу повредить и другъ друга компрометировать, и что дѣлали они такъ по мелкимъ, близорукимъ, минутнымъ и всегда строго эгоистическимъ соображеніямъ; Рокэнъ дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе объ одной любопытной сторонѣ общественной жизни Франціи, о борьбѣ янсенистовъ съ церковью въ ту эпоху, которую, дѣйствительно, можно было бы опредѣлить словами Чернышевскаго: «Прологъ къ прологу», т.-е. въ эпоху, начавшуюся смертью Людовика XIV-го и окончившуюся выступленіемъ энциклопедистовъ. За эту первую часть работы и за указанныя мелкія, но весьма не лишнія черточки, попадающіяся во второй части, читатель долженъ простить автору и его односторонность, и, можетъ быть, даже его *570* страницъ. Когда Додэ показалъ Флоберу одинъ свой новый, только что отпечатанный романъ,—Флоберъ, взглянувъ на увѣсистый томъ, сокрушенно воскликнулъ: «Trop de papier, mon fils, trop de papier!» Безжалостнымъ отношеніемъ къ бумагѣ *) грѣшитъ и Рокэнъ, но все-таки совѣтуемъ нашему читателю не смущаться ни этимъ, ни другими отмѣченными недостатками; трудъ чтенія, повторяемъ, даромъ не пропадетъ.

Къ книгѣ приложенъ очень интересный, полезный и впервые являющійся въ полномъ видѣ списокъ книгъ, подвергнувшихся осужденію съ 1715 по 1789 годъ. Отъ одной особенности только въ этомъ спискѣ на насъ пахнуло стариной: противъ очень многихъ нумеровъ обозначено, что они сожжены (какъ тогда было принято,—рукою палача). Палачъ, такимъ образомъ, принужденъ былъ дѣлить свои силы между двумя вѣдомствами: юстиціи и цензуры. Впрочемъ, ему удавалось, повидимому, исполнять свои обязанности такъ старательно, что до потомства не дошло ни одного упрека по адресу палача, ни отъ котораго изъ его двухъ начальствъ.

Переводъ книги хорошъ; изданіе очень изящное. Замѣтимъ только переводчику, что, предназначая книгу для русскихъ читателей, онъ долженъ былъ бы потрудиться всюду, гдѣ Рокэнъ называетъ лишь автора въ своихъ ссылкахъ, прибавлять и полное библіографическое указаніе—полное названіе книги, годъ изданія, имя издателя и пр. Это не сдѣлано даже относительно Сенъ-Симона, Барбье и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, легшихъ, какъ сказано, въ основу изложенія Рокэна. Читатель, который прочтетъ Рокэна, очень можетъ пожелать познакомиться и другими подходящими работами и источниками, на которые онъ ссылается, и то, что понятно для французскаго образованнаго общества у, насъ можетъ затруднить неспеціалиста и заставить его наводить особыя справки. У насъ, напримѣръ ссылка «Соловьевъ, XIV, стр. 50» вполнѣ понятна въ историческомъ произведеніи, а для иностранца (опять-таки, не для спеціалиста) она покажется точно также съ перваго взгляда абракадаброй. Объ этихъ соображеніяхъ переводчикамъ слѣдовало бы почаще вспоминать. *Евг. Тарле.*

---

*) Принимая во вниманіе узость дѣйствительной постановки задачи въ его трудѣ; если бы тема *оправдывалась* содержаніемъ, 570 страницъ было бы вовсе не много.

П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время. Изданіе акц. общ. «Брокгаузъ-Ефронъ» подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Цѣна 1 руб. Въ политической исторіи Европы новаго времени вплоть до великой революціи абсолютная монархія представляетъ наиболѣе видное явленіе и реагируетъ рѣшительно на всѣ стороны общественной жизни. Хозяйство, право, соціальный укладъ, религія, литература—всѣ эти отношенія такъ или иначе отражали на себѣ вліяніе основныхъ принциповъ абсолютной монархіи; абсолютная монархія выработала правила практической политики и догматы политической философіи, которымъ приносила въ жертву всѣ другія соображенія и болѣе или менѣе успѣшно подчиняла всѣ чужіе интересы; государственная опека проникала въ мельчайшіе изгибы общественной и частной жизни.

Абсолютная монархія появилась въ Европѣ тогда, когда сословная перестала удовлетворять государственнымъ нуждамъ и всюду, кромѣ Англіи, приводила къ противорѣчію между идеей сословности и ея практическимъ осуществленіемъ: сословія враждовали между собою и вмѣсто того, чтобы сообща отстаивать свои прерогативы и сообща вести борьбу съ центральной властью, вступали съ нею въ союзъ, которому удавалось побѣждать оппозицію сословій по частямъ. Кромѣ того, сословное представительство оказалось не въ силахъ справляться съ усложнившимися вопросами государственной жизни; а такъ какъ подъ вліяніемъ частью идейныхъ, частью соціально-экономическихъ условій въ разныхъ частяхъ Европы создавались новыя формы монархической власти и подновлялись полузабытыя античныя традиціи принципата и абсолютной имперіи, то королевская власть на континентѣ, которая къ тому времени уже успѣла сокрушить феодальную оппозицію и чувствовала себя болѣе свободной, мало-по-малу отдѣлалась и отъ тѣхъ стѣсненій и ограниченій, которыя были связаны съ существованіемъ сословнаго представительства.

Ни одна страна въ Европѣ, не исключая и Англіи, не избѣгла болѣе или менѣе продолжительнаго господства абсолютной монархіи. Разница заключалась въ томъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ она установилась раньше или держалась дольше, или была больше прикрыта призрачными конституціонными формами; самая его основа всюду была одинакова и съ характерными моментами абсолютизма знакома вся Западная Европа.

Авторъ книжки, заглавіе которой выписано выше, съ самаго начала ограничиваетъ свою задачу. Онъ отказывается излагать исторію абсолютной монархіи на Западѣ во всемъ ея объемѣ, и слѣдить только за тѣми ея формами, которыя господствовали въ XV—XVI вв. въ Италіи, въ XVI—XVII въ Испаніи и XVII—VIII во Франціи. Такой планъ обусловленъ не одними техническими, а и принципіальными соображенія. Г. Ардашевъ правильно замѣчаетъ въ предисловіи, что объ абсолютной монархіи въ германскихъ странахъ (онъ, повидимому, имѣетъ въ виду исключительно континентальныя государства, ибо правленіе Тюдоровъ и Стюартовъ въ Англіи сюда не относится) удобнѣе говорить въ связи съ «просвѣщеннымъ абсолютизмомъ» XVIII-го в.; къ этой же эпохѣ легко пріурочивается исторія испанской монархіи XVII го вѣка; что касается до французскаго абсолютизма послѣ Людовика XIV-го, то изъ его характеристики, какъ полагаетъ авторъ, удобнѣе всего сдѣлать введеніе къ исторіи великой революціи. Такимъ образомъ, читатель найдетъ въ книгѣ г. Ардашева характеристику только трехъ историческихъ типовъ абсолютизма: итальянскаго принципата, монархіи Габсбурговъ въ Испаніи и французской монархіи, до Людовика XIV-го включительно. Но выдѣленіе романскихъ странъ имѣетъ у г. Ардашева и другія причины, кромѣ чисто техническихъ. Въ предисловіи къ II-ой главѣ книги онъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ. Идейная

основа абсолютной монархіи новаго времени восходитъ къ римскимъ государственно-правовымъ традиціямъ. Въ новой исторіи принципъ абсолютизма находитъ практическое осуществленіе, прежде всего, въ романскихъ странахъ. Въ Италіи онъ зародился, въ Испаніи выросъ, во Франціи окончательно окрѣпъ. Только въ романскомъ мірѣ нашли себѣ воплощеніе оригинальные типы европейскаго абсолютизма, въ германскихъ же странахъ онъ былъ явленіемъ наноснымъ и до конца сохранилъ печать заимствованія и подражанія.

Исторія абсолютной монархіи въ очерченныхъ только что рамкахъ изложена у автора въ трехъ главахъ. Обширное введеніе посвящено вопросу о происхожденіи абсолютизма. Г. Ардашевъ выдвигаетъ двѣ основныхъ причины, которыя, по его мнѣнію, обусловливаютъ появленіе въ Европѣ абсолютной монархіи; одна изъ нихъ идейная; это—возрожденіе римской государственной идеи; другая—матеріальная: разложеніе феодализма и вышедшей изъ него сословной монархіи. Авторъ подробно останавливается на главнѣйшихъ явленіяхъ, сопровождающихъ появленіе и постепенное упроченіе абсолютизма въ Европѣ: экономическій переворотъ и связанный съ нимъ подъемъ городовъ и буржуазіи, усиленіе вліянія ученыхъ юристовъ (легисты, летрады). Процессъ возникновенія абсолютизма представленъ авторомъ, если не говорить о мелкихъ фактическихъ недочетахъ, хорошо и съ внѣшней стороны очень живо. Такъ же живо и хорошо написана вся книга. Г. Ардашевъ не только слѣдитъ за политическими фактами, опредѣляющими тотъ или иной моментъ въ исторіи европейскаго абсолютизма; онъ прослѣживаетъ вліяніе его на всѣ главныя сферы общественной жизни и особенно тщательно замѣчаетъ идейныя отраженія абсолютной формы монархіи въ ученіяхъ публицистовъ: говоря объ итальянскихъ князьяхъ, онъ останавливается на ученіи Макіавелли, говоря о французской монархіи въ своихъ мѣстахъ говоритъ о Боденѣ и Боссюэтѣ и довольно подробно излагаетъ собственныя теріи Ришелье и Людовика XIV-го. Книга г. Ардашева оставляетъ цѣльное впечатлѣніе. Результаты, къ которымъ въ разныхъ странахъ приводили видоизмѣненные принципы римскихъ юристовъ, получились у него необыкновенно краснорѣчивые, хотя онъ всюду былъ вполнѣ безпристрастенъ и, повидимому, сознательно оставался всегда ниже дѣйствительныхъ фактовъ и прослѣживалъ эти результаты не во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Къ книгѣ приложенъ обширный библіографическій указатель, который облегчитъ желающимъ самостоятельное изученіе въ высшей степени интереснаго и весьма поучительнаго вопроса объ абсолютизмѣ въ Европѣ. *А. Дживелеговъ.*

СОЦІОЛОГІЯ.

Б. Кроче. «Историческій матеріализмъ».

Бенедетто Кроче. Историческій матеріализмъ и марксистская экономія. Критическіе очерки. Переводъ П. Шутякова. Изданіе 1902 года. Экономическая система Маркса, ея философскія и соціологическія основанія въ Западной Европѣ, да и у насъ въ Россіи, въ настоящее время, продолжаютъ подвергаться всесторонней критикѣ. Одну изъ такихъ попытокъ критическаго пониманія марксизма представляетъ недавно переведенная на русскій языкъ книга Бенедетто Кроче, состоящая изъ ряда очерковъ, затрогивающихъ разные вопросы и проблемы марксизма. Хотя эти очерки написаны авторомъ въ разное время, однако всѣ они объединяются тѣмъ единственно, по его мнѣнію, научнымъ пониманіемъ историческаго матеріализма, которое онъ называетъ реалистическимъ

и которое и служитъ внутреннимъ основаніемъ всѣхъ его частныхъ сужденій и взглядовъ на рѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ Марксомъ и его школою.

Исходя изъ реалистическаго воззрѣнія на научное познаніе, изъ взгляда, что всякая наука абстрактна и потому не въ силахъ охватить конкретнаго; что между конкретнымъ, истинно-дѣйствительнымъ и абстрактнымъ нѣтъ моста, потому что абстрактное не есть дѣйствительное, а схема мышленія, такъ сказать, сокращенный способъ мышленія дѣйствительности, и что, слѣдовательно, изъ сѣтей абстракціи и гипотезъ сквозь широкія петли ихъ ускользаетъ конкретная дѣйствительность, тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ и движемся,— Кроче въ частности по отношенію къ исторіи, представляющей собою самое дѣйствительность, неизбѣжно приходитъ къ выводу, что свести къ понятію ея теченіе, какъ это должна дѣлать философія исторіи или вообще научная теорія исторіи, немыслимо. Сводить теченіе исторіи къ понятію возможно только однимъ путемъ, разлагая историческую дѣйствительность на составные элементы, разлагать же ее на составные элементы, значитъ разрушать, уничтожать ее, какъ конкретное явленіе. Пониманіе исторіи не можетъ быть ни матеріалистическимъ, ни спиритуалистическимъ, ни дуалистическимъ, ни монистическимъ: здѣсь нѣтъ налицо элементовъ, и, вслѣдствіе этого, нельзя разсуждать философски, сводится ли одно явленіе къ другому и могутъ ли они объединяться въ конечномъ принципѣ. Словомъ, по мнѣнію автора, съ реалистической точки зрѣнія, никакая философія исторіи, никакая теорія исторіи невозможны, и, слѣдовательно, историческій матеріализмъ, какъ философія исторіи, немыслимъ, т.-е. онъ не можетъ быть научною теоріею исторіи. Онъ можетъ быть лишь новою точкою зрѣнія, выведенной изъ многочисленныхъ наблюденій и дающій намъ возможность ориентироваться въ конкретномъ хаосѣ явленій исторіи, недоступныхъ научному познанію, иными словами, онъ является лишь вспомогательнымъ средствомъ для исторіографіи, дополняя ея прежнюю вспомогательную теорію факторовъ новымъ взглядомъ — разсматриваніемъ ихъ, какъ звеньевъ единаго процесса, въ основѣ котораго лежатъ производственныя отношенія, т.-е. экономическія условія, которыя опредѣляютъ раздѣленіе классовъ, образованіе государства, право и идеологію. Такъ какъ этотъ новый взглядъ на исторію не-есть строго-научное положеніе, а лишь приблизительное наблюденіе, то онъ и долженъ служить историку лишь въ качествѣ руководящей нити, долженъ имѣть значеніе лишь до извѣстныхъ границъ, допуская наряду съ экономическими условіями значеніе расы, темперамента, личности и дѣлъ тѣхъ великихъ людей, которые являются если не деміургами исторіи, то, по крайней мѣрѣ, ея сотрудниками. Однимъ словомъ, историческій матеріализмъ есть реалистическое пониманіе исторіи.

Таково пониманіе Б. Кроче историческаго матеріализма, какъ соціально-философскаго воззрѣнія. Оно настолько близко стоитъ къ обычному сознанію и даже къ современно-научному мышленію, что кажется гораздо правильнѣе и обоснованнѣе всѣхъ прежнихъ толкованій этого ученія. Однако, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи не трудно показать, что дѣло здѣсь обстоитъ совершенно иначе.

Основной пунктъ, изъ котораго исходитъ Кроче, какъ мы уже видѣли, есть вопросъ о соотношеніи науки и дѣйствительности. По его мнѣнію, наука— абстрактна, она не въ силахъ понять вполнѣ конкретнаго, которое ускользаетъ изъ сѣтей абстракціи, поэтому дѣйствительность, какъ она дается непосредственному сознанію, гораздо богаче той дѣйствительности, которая получается въ результатѣ научнаго изслѣдованія. Однако, что такое дѣйствительность, противостоящая абстрактному научному познанію, и каково ихъ отношеніе между собою, таково ли оно, какъ представляетъ его себѣ Кроче? Дѣйствительность, говоритъ Кроче, есть то, что воспринимается, міръ воспріятій. Не «воспріятіе

безъ понятія слѣпо», сказалъ еще Кантъ, ибо опредѣленіе воспріятію даетъ понятіе: каждое опредѣленіе происходитъ только съ точки зрѣнія всеобщаго, каждый отвѣтъ на вопросъ, что̀ такое данное воспріятіе, возможенъ только въ общихъ выраженіяхъ, черезъ всеобщія опредѣленія качества, количества, черезъ всеобще-выраженныя отношенія къ другимъ уже познаннымъ воспріятіямъ. Слѣдовательно, и воспринимаемая дѣйствительность, которую Кроче противопоставляетъ тому, что является результатомъ научнаго познанія,—дѣйствительности, познанной въ понятіяхъ,—также не можетъ избѣжать сѣтей абстракціи: воспринимаемая дѣйствительность, разъ она воспринимается *опредѣленной*, уже неизбѣжно мыслится въ абстрактныхъ понятіяхъ, здѣсь мы необходимо имѣемъ дѣло тоже съ познаніемъ только болѣе низшаго рода, чѣмъ научное. Это было бы ясно и для самого Кроче, если бы онъ не упустилъ изъ виду, что дѣйствительность, поскольку она можетъ существовать для насъ, существуетъ только въ познаніи, другого же органа познанія, кромѣ познанія въ понятіяхъ, въ абстракціяхъ, выражаясь словами Кроче, нѣтъ, и поэтому, если мы отвлечемъ отъ явленія всѣ понятія, мы лишимъ его всякой опредѣленности и въ результатѣ получится нѣчто вполнѣ неопредѣленное, невыразимое. Конечно, можно называть эту воспринимаемую дѣйствительность истинною дѣйствительностью, но утверждать, что она реально богаче и конкретнѣе, понимая слово «конкретность» въ его истинномъ значеніи, какъ полноту опредѣленій, чѣмъ дѣйствительность, познанная въ понятіяхъ,—значитъ не ясно представлять себѣ процессъ познанія. Нельзя понимать научный процессъ познанія такимъ образомъ, будто путемъ абстракціи мы отвлекаемся отъ извѣстныхъ опредѣленностей явленія и сосредоточиваемъ вниманіе на другихъ, благодаря чему явленіе послѣ познанія становится бѣднѣе по содержанію; при такомъ пониманіи упускаютъ изъ виду, что то, отъ чего отвлекаются при познаніи есть лишь субъективность явленія, его измѣнчивость, неустойчивость, а не его объективное опредѣленіе, которое, напротивъ, всегда есть результатъ научнаго познанія и, слѣдовательно, безъ абстракціи невозможно. Поэтому, чѣмъ дальше проводится абстракція, тѣмъ все полнѣе и полнѣе опредѣляется явленіе; вполнѣ же полное опредѣленіе явленіе получитъ тогда, когда оно будетъ познано, какъ случай закона. Такимъ образомъ, соотношеніе научнаго познанія и дѣйствительности совсѣмъ не таково, каковымъ представляетъ его Кроче,—оно скорѣе обратное: воспринимаемая дѣйствительность, какъ не подвергшаяся полной научной обработкѣ, а потому менѣе опредѣленная, чѣмъ дѣйствительность, познанная въ понятіяхъ, является болѣе бѣдной и менѣе конкретной, чѣмъ послѣдняя.

Въ частности обращаясь къ исторіи, мы находимъ въ ней то же уже установленное нами вообще, отношеніе между научнымъ познаніемъ и дѣйствительностью. Здѣсь также историческая дѣйствительность, противоставляемая Кроче научному познанію, не есть «конкретное» въ истинномъ смыслѣ этого слова, конкретное, которое, по мнѣнію Кроче, наука, не будучи въ силахъ охватить въ понятіяхъ, при познаніи искажаетъ; она есть также абстрактно-познанная дѣйствительность, при этомъ познанная не научнымъ способомъ. Поэтому приписываемая исторической дѣйствительности Кроче «конкретность», т.-е. ея разнообразіе и измѣнчивость, отнюдь не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ невозможности ея научнаго познанія, скорѣе она служитъ лишь признакомъ того, что историческое познаніе стоитъ на очень низкой ступени развитія. Разъ возможно «воспринимать» историческую дѣйствительность, описывать ее вѣдь это тоже извѣстнаго рода абстрактное ея пониманіе,—почему невозможна научная теорія исторіи? Напротивъ, даже само описаніе историческихъ явленій, исторіографія, неизбѣжно предполагаетъ и пользуется теоріей исторіи, безъ которой оно даже само немыслимо, ибо описаніе исторіи должно давать связь фактовъ, извѣстнымъ образомъ группировать, обобщать ихъ, а это

уже предполагаетъ установленіе общей формальной закономѣрности исторической жизни. Установленіе послѣдней и есть задача теоріи или философіи исторіи, потому что связь явленій, ихъ закономѣрность не воспринимается въ явленіяхъ, а привносится разсудкомъ, благодаря чему исторіографія не въ силахъ установить ее. Такимъ образомъ утвержденіе Кроче, что философія исторіи невозможна, не только необосновано, но и неправильно, поэтому необоснованнымъ также является и его утвержденіе, что историческій матеріализмъ не есть научная теорія исторіи такъ какъ историческій матеріализмъ пытается установить закономѣрность соціальной жизни, ту точку зрѣнія, съ которойдолжно происходить пониманіе, а также и описаніе исторіи, то онъ правимо претендуетъ и можетъ быть только философіею исторіи. Считать его просто новымъ взглядомъ на исторію, имѣющимъ гипотетическое значеніе и выведеннымъ изъ эмпирическихъ наблюденій, значитъ лишать его всякаго научнаго значенія, ибо «въ сужденіяхъ чистаго разума (къ таковымъ принадлежатъ сужденія устанавливающія возможность научнаго опыта), гдѣ все необходимо, мнѣнія и гипотезы недозволительны» *).

Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, насколько удачно справляется историческій матеріализмъ со своею задачею, насколько онъ отвѣчаетъ требованіямъ истинной научной теоріи исторіи, во всякомъ случаѣ мы должны признать то пониманіе, которое Кроче вноситъ въ историческій матеріализмъ, и его критику этого ученія построенными на шаткомъ основаніи; его критика, опирающаяся на наивно-реалистическое воззрѣніе, оказывается догматической, некритической.

Безъ сомнѣнія тотъ же некритическій догматизмъ, то же наивно-реалистическое воззрѣніе, которое лежитъ въ основаніи его соціально-философскаго пониманія историческаго матеріализма, отразились на всѣхъ его частныхъ сужденіяхъ относительно тѣхъ или другихъ вопросовъ марксизма. Идетъ ли вопросъ объ отношеніи научнаго познанія къ соціальнымъ программамъ или къ этикѣ, вездѣ научное познаніе противоставляется конкретной дѣйствительности, вездѣ провозглашается безсиліе перваго отвѣтить на вопросы конкретной жизни идетъ ли вопросъ о теоріи цѣнности, тотъ же самый разладъ науки и конкретной дѣйствительности даетъ Кроче кажущуюся возможность согласить между собой двѣ непримиримыя теоріи цѣнности — Маркса и гедонистовъ на томъ основаніи, что первая не научна, близка къ конкретному, а вторая научно-абстрактная и, слѣдовательно, между ними не можетъ быть никакого соотношенія и никакой противоположности. *N. N.*

ПСИХОЛОГІЯ.

В. Б. Друммондъ. «Дитя, его природа и воспитаніе».

В. Б. Друммондъ. Дитя, его природа и воспитаніе. Переводъ съ англійскаго А. Г. Каррикъ и С. Л. Федоровичъ. С.-Петербургъ. Издательское т-во «XX-ый вѣкъ». 1902 г. Ц. 1 р. Стр. 252. Книга эта предназначена авторомъ для интеллигентныхъ матерей и воспитательницъ, но она касается не только вопросовъ дошкольнаго, но и школьнаго воспитанія и образованія и прочесть ее было бы не безполезно многимъ нашимъ педагогамъ: можетъ быть, ихъ «сердечное попеченіе» о дѣтяхъ и юношахъ получило бы бо́льшую законченность и опредѣленность, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вызвалъ бы подражаніе, напримѣръ, слѣдующій фактъ, разсказанный авторомъ. Въ одной американской

*) Кантъ, Критикъ чистаго разума.

школѣ производились изслѣдованія, какіе предметы нравятся ученикамъ, какіе нѣтъ. 79% учениковъ одного класса объявили, что не любятъ геометріи. Тогда учитель перемѣнилъ систему преподаванія и обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы двигаться впередъ лишь тогда, когда всѣ ученики овладѣвали пройденнымъ. «Три мѣсяца спустя онъ повторилъ опросъ, и на этотъ разъ 75% учениковъ его класса объявили, что они особенно любятъ геометрію». Счастливыя американскія дѣти и счастливые учителя, такъ искренно сознающіе свои ошибки и такъ мужественно ихъ исправляющіе. Не безполезно въ наше смутное въ области образованія и воспитанія время повторять старыя истины, повторять такъ просто и ясно, какъ это дѣлаетъ авторъ. Песталоцци дѣйствовалъ 100 лѣтъ тому назадъ, но многимъ ли и теперь ясно, что «прежде всего должно имѣть въ виду не преподаваемую науку, а субъектъ, которому она преподается», что «всѣ нормальные импульсы, наклонности, интересы дѣтей служатъ указаніями на какую-нибудь неудовлетворенную потребность и заставляютъ предполагать присутствіе дѣятельной силы», «что задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы направить эту силу къ желаемой цѣли, показавъ ребенку, какимъ способомъ онъ можетъ удовлетворить своимъ импульсамъ». Авторъ подробно выясняетъ значеніе для подрастающаго поколѣнія свѣжаго воздуха и физическихъ упражненій, указываетъ на необходимость достаточнаго отдыха, на опасность переутомленія; при этомъ онъ совершенно правильно подчеркиваетъ, что «переутомленіе происходитъ не столько отъ излишка работы, сколько отъ того, что она исполняется несвоевременно и какъ попало». Все это, конечно, мы прекрасно знаемъ, но такое знаніе не мѣшаетъ намъ морить нашихъ дѣтей непосильной 10-часовой работой, заставляя ихъ до одури зубрить латинскія и греческія «исключенія», не мѣшаетъ, вмѣсто ежедневныхъ игръ на свѣжемъ воздухѣ и раціональныхъ физическихъ упражненій, прописывать имъ военные артикулы въ душныхъ и пыльныхъ «гимнастическихъ залахъ», не мѣшаетъ нашимъ «интеллигентнымъ матерямъ» отдавать своихъ дѣтей въ классическія гимназіи. Надо всюду доказывать, убѣждать, кричать, если это возможно, о томъ, что дѣти наши должны быть здоровы и самодѣятельны; это ихъ право и нашъ долгъ. И съ этой точки зрѣнія книгу Друммонда нельзя не рекомендовать всѣмъ, у кого «теоретическое знаніе» этихъ истинъ не превратилось еще въ практическую вѣру. Авторъ разбираетъ всевозможные вопросы, касающіеся воспитанія ребенка, подробно останавливается на уходѣ за ребенкомъ, на развитіи его мышцъ, чувствъ, эмоцій, разума, воли, на созданіи и значеніи привычекъ и т. п. Совершенно правильно подчеркиваетъ Друммондъ важность первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенка, что въ нашемъ обычномъ воспитаніи упускается даже и интеллигентными родителями. «Индивидуальная память каждаго изъ насъ, говоритъ онъ, между прочимъ, начинается не съ того инцидента, который мы можемъ припомнить, но съ первыхъ опытовъ младенчества. Многія явленія, представляющіяся намъ въ послѣдующіе годы жизни чѣмъ-то въ родѣ смутныхъ умозрѣній (?), многія симпатіи и антипатіи, многія черты эмоціональнаго характера, по всей вѣроятности, стоятъ въ тѣсной связи съ впечатлѣніями, испытанными нами при такихъ инцидентахъ (?), которые мы не въ состояніи припомнить» (стр. 161). Кромѣ основной своей темы—воспитанія ребенка, авторъ дѣлаетъ экскурсы и въ другія области, напримѣръ, въ область общественной санитаріи. Здѣсь онъ придерживается также гуманныхъ взглядовъ и борется, между прочимъ, съ тѣми, кто утверждаетъ, что общія улучшенія условій жизни, облегчая борьбу за существованіе, «подготовляетъ обществу только лишнее бремя въ будущемъ, давая возможность выживать слабымъ». Авторъ совершенно резонно замѣчаетъ, что «не стали же англичане слабѣе, какъ нація, отъ фактическаго (?) изгнанія изъ этой страны эпидеміи оспы или холеры путемъ не естественнаго отбора, а искусственной за-

щиты». Смертность дѣтей — самый вѣрный показатель санитарныхъ условій страны. Высокая цифра этой смертности показываютъ, «что и выживающія дѣти растутъ въ условіяхъ невозможныхъ для здоровой человѣческой жизни. Естественный отборъ, несомнѣнно, выталкиваетъ неприспособленныхъ, но въ то же время создаетъ расу, которая, быть можетъ, будетъ приспособлена къ жизни въ трущобахъ и ни къ чему лучшему».

Нѣсколько слабѣе экскурсіи автора въ область чистаго естествознанія. Напримѣръ, на стр. 11-ой и 12-ой, онъ приписываетъ ученымъ мнѣніе, что ребенокъ «заимствуетъ четвертую часть у каждаго изъ своихъ родителей и одну шестнадцатую у каждаго изъ своихъ дѣдовъ и бабокъ», а на стр. 104-й утверждаетъ, «что изъ всѣхъ внѣшнихъ стимуловъ, доходящихъ до мозга, $^9/_{10}$ приносятся органомъ зрѣнія». Слишкомъ ужъ простая и категорическая ариѳметика! Такого же рода категоричность проявляетъ авторъ и въ нѣкоторыхъ своихъ гигіеническихъ указаніяхъ. Таково, напримѣръ, рѣзкое осужденіе (хотя и со словъ «весьма авторитетнаго въ медицинѣ лица») искусственнаго вскармливанія дѣтей; въ результатѣ такого вскармливанія—и «умственныя уклоненія», и «нравственная извращенность» и «какая-то неустойчивость во всемъ». Опять-таки ужъ слишкомъ сильно. Мы знаемъ многихъ дѣтей, вскормленныхъ искусственно и въ то же время время вполнѣ здоровыхъ и нравственно, и физически.

Но повторяемъ, ни элементарность большинства проповѣдуемыхъ авторомъ истинъ, ни нѣкоторая излишняя категоричность его не мѣшаетъ пожелать разбираемой нами книгѣ самаго широкаго распространенія.

Переводъ, въ общемъ, удовлетворителенъ, только нѣкоторые термины переведены не совсѣмъ удачно. Отмѣтимъ также, что англійское слово «бэби» вмѣсто русскаго дитя, ребенокъ производитъ нѣсколько комическое впечатлѣніе.

В. Агафоновъ.

ГЕОГРАФІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

Ал. Харузинъ. «Боснія - Герцеговина».—*М. Лялина.* «Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло по Западному Китаю».—*В. Львовъ.* «Первое знакомство съ географіей Россіи».—*К. Богдановичъ.* «Очерки Чукотскаго полуострова».

Ал. Харузинъ. Боснія - Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро - Венгріи (съ картою). Спб. 1901 г. Ц. 2 р. (III + 305 стр. 8°). Самъ авторъ охарактеризировалъ содержаніе своей книги словомъ «очерки», и, повидимому, трудно было бы найти болѣе подходящую характеристику, потому что это слово достаточно неопредѣленно, чтобы включать въ себѣ самое разнообразное содержаніе: географическое, этнографическое, археологическое, историческое и т. д. Нельзя сказать, чтобы изложеніе было систематическое, и потому авторъ нерѣдко повторяется. Мы постараемся, однако, познакомить читателя какъ съ планомъ, такъ и съ содержаніемъ книги. Первыя шесть главъ, повидимому, представляютъ описаніе тѣхъ мѣстностей, которыя посѣтилъ самъ авторъ. Я говорю «повидимому», такъ какъ авторъ самъ объ этомъ не говоритъ ни слова. Во всякомъ случаѣ, это мнѣ кажется вѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ началѣ I-ой главы г. Харузинъ говоритъ: «Желающему посѣтить Босну-Герцеговину и не имѣющему въ своемъ распоряженіи много времени не слѣдуетъ придерживаться того маршрута, который кажется наиболѣе простымъ и который рекомендуется всѣми... Очень простой, не длинный и богато вознаграждающій путешественника маршрутъ слѣдующій: изъ Буда-Пешта (или Вѣны) на Загребъ (Аграмъ), оттуда по желѣзной дорогѣ въ Ба-

нялуну (въ Босніи)...» И далѣе описаніе идетъ какъ разъ по тому маршруту, который рекомендуетъ авторъ. Намъ кажется, что наше предположеніе прекрасно объясняетъ, почему авторъ не описываетъ мѣстностей, лежащихъ по первому, «наиболѣе простому», маршруту: вѣроятно онъ тамъ не былъ.

Описаніе совершеннаго авторомъ путешествія носитъ характеръ подробнаго путеводителя съ указаніемъ достопримѣчательностей, съ нѣкоторыми практическими совѣтами, съ историческими и другими справками. Авторъ останавливается въ нѣкоторыхъ пунктахъ и изъ нихъ совершаетъ экскурсіи по окрестностямъ ихъ, которыя и описываетъ. Здѣсь дѣло идетъ по большей части о молчаливыхъ свидѣтеляхъ старины: мостахъ, дорогахъ, мечетяхъ, храмахъ, ратушахъ или о томъ, что̀ такъ или иначе касается путешественника; напр., о гостинницахъ, музеяхъ, табакѣ, пивѣ, кофе, «сливовицѣ» (боснійской водкѣ) и т. п. Какъ видитъ читатель, описаніе всюду какое-то молчаливое, какъ будто авторъ только смотрѣлъ да читалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. О томъ, что авторъ много читалъ, свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, обширные перечни «литературныхъ источниковъ», приложенные къ концу первой главы.

Начиная съ VII-ой главы характеръ книги значительно мѣняется: каждая глава разсматриваетъ систематически какой-либо отдѣльный вопросъ; такъ, VII-ая глава касается археологіи Босніи («Доисторическій и римскій элементы въ Босніи и Герцеговинѣ»); VIII-ая глава представляетъ «очеркъ политической исторіи Босны-Герцеговины»; IX ая глава озаглавлена «Къ вопросу о средневѣковой культурѣ въ Босніи и Герцеговинѣ»; X-ая—«Аристократизмъ»; XI-ая—«Землевладѣніе и благосостояніе страны»; XII-ая—«Религіи и Церкви»; XIII ая—«Народное образованіе». Каждый изъ обозначенныхъ здѣсь вопросовъ разбирается исторически, конечно, въ самыхъ краткихъ чертахъ. Къ сожалѣнію, и это систематическое обозрѣніе Босніи и Герцеговины оказывается также очень бѣглымъ и оставляетъ много вопросовъ безъ отвѣта. Передавать содержаніе этихъ главъ мы не станемъ, а остановимся только на характеристикѣ взглядовъ автора, которые высказываются по всевозможнымъ поводамъ почти на каждой страницѣ.

Авторъ прекрасно знаетъ, что въ исторической оцѣнкѣ важнѣе всего безпристрастіе, и, поэтому, нерѣдко дѣлаетъ упрекъ многимъ изслѣдователямъ за то, что они преслѣдуютъ «политическія цѣли» (напр., стр. 139) и потому затрудняютъ «строго безпристрастное рѣшеніе» вопроса. Жаль только, что самого г. Харузина вовсе нельзя назвать безпристрастнымъ. Требованія безпристрастія выставляются имъ только по отношенію къ противникамъ, а мнѣнія единомышленниковъ, даже самыя пристрастрастныя, обыкновенно принимаются безъ всякой критики. Конечно, въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, часть вины лежитъ не на авторѣ, а на тѣхъ, чье пристрастіе авторъ только отражаетъ; тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ, на нашъ взглядъ, въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ даже одно *дѣйствительно* безпристрастное отношеніе было бы весьма драгоцѣнно для читателя, слышащаго обыкновенно только самые рѣзкіе отзвуки партійной борьбы. Г. Харузинъ, очевидно, славянофилъ, и всѣ его воззрѣнія окрашены рѣзко славянофильскимъ цвѣтомъ; но здѣсь, конечно, нужно оговориться относительно значенія этого термина: г. Харузинъ симпатизируетъ славянамъ, но не всѣмъ, а только православнымъ. Насколько сильна его симпатія къ православнымъ славянамъ, настолько же рѣшительна его антипатія къ славянамъ-католикамъ. Этимъ вполнѣ опредѣляется отношеніе автора ко всѣмъ вопросамъ, и я постараюсь рельефнѣе охарактеризовать этотъ видъ пристрастія, отмѣчая при этомъ самыя рѣзкія противорѣчія его.

Очень рѣзко сказывается различіе въ отношеніи автора къ сербамъ и хорватамъ. Эти двѣ народности говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ, но сербы—православные, а хорваты—католики, и этого достаточно: всѣ симпатіи

автора, конечно, на сторонѣ сербовъ, а хорваты представляются какими-то злокозненными людьми, только и думающими о томъ, чтобы охорватить босняковъ (см. стр. 34 и сл.). Сербы по представленію автора олицетворяютъ православіе. «Правительство Австро-Венгріи зарекомендовало себя заядлымъ врагомъ всего сербства или, на что сводится вся суть дѣла, православія», говоритъ г. Харузинъ на стр. 36. И всюду, гдѣ рѣчь заходитъ о хорватахъ, дѣло представляется не въ ихъ пользу. Такъ, напримѣръ, на стр. 148 говорится о томъ времени, когда «хозяевами Босніи являются представители хорватской фамиліи Субичъ». «Присвоеніе ими власти,—продолжаетъ авторъ,—было самовольное... Значеніе Субича было громадно, оно основалось (sic) менѣе на владѣніи областями, предоставленными ему верховною властью венгерскаго короля, чѣмъ на его фактическомъ могуществѣ». Если мы правильно понимаемъ автора, онъ хочетъ сказать, что могущество Субича основывалось на матеріальной силѣ; но вѣдь такъ, бываетъ всегда, и подчеркиваніе этого обстоятельства только показываетъ, что авторъ несправедливъ ко всему хорватскому. До какихъ крайностей доходитъ эта несправедливость къ католичеству, видно особенно изъ того, что, по мнѣнію г. Харузина, «наиболѣе подходящимъ для распространенія ислама контингентомъ являлись во всѣ времена католики. Они отчуждались отъ идеи сербской народности и не имѣли, *слѣдовательно*, тѣхъ глубокихъ основаній стоять за свою религію, какъ православные» (249). Мы нарочно подчеркнули въ этой фразѣ слово «слѣдовательно». Автору кажется, что онъ аргументируетъ, доказываетъ, между тѣмъ, вся сила доказательства заключается только въ положеніи, что католичество—вѣра не настоящая. Несмотря на всю трогательную наивность этого убѣжденія, мы не можемъ не выразить сомнѣнія, дѣйствительно ли *въ жизни* Босніи и Герцеговины вѣроисповѣдный вопросъ играетъ такую первенствующую роль, какую *въ теоріи* придаетъ ему нашъ авторъ? Что въ этомъ можно сомнѣваться, видно даже изъ указаній самого г. Харузина. На стр. 67 онъ говоритъ: «Дрежницы отличаются еще тѣмъ, что католики и мусульмане живутъ не только мирно между собою, но даже дружно». Авторъ не можетъ надивиться этому необыкновенному явленію, между тѣмъ, на нашъ взглядъ, такіе факты должны бы были заставить автора призадуматься надъ правильностью своей теоріи. Очевидно, въ жизни Босніи вѣроисповѣдные вопросы вовсе не стоятъ такъ рѣзко, какъ это представляется славянофиламъ.

Не хорошо въ Босніи не только все католическое, но и все, что дѣлаетъ католическое правительство. Авторъ не можетъ не признать, что правительство австро-венгерское сдѣлало въ Босніи много хорошаго, но ему кажется, что и это хорошее сдѣлано не хорошо, съ дурными цѣлями, на показъ и т. д. Въ этомъ опять авторъ явно несправедливъ. Я приведу только одинъ примѣръ: «Въ дѣятельности мѣстныхъ властей,—говоритъ г. Харузинъ,—надо съ похвалою указать на организованное сельскохозяйственное обученіе... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить учрежденій чисто показного характера: образцовыхъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, опытныхъ станцій и т. п.» (217). Прямо недоумѣваешь, что можно найти показного въ такихъ «образцовыхъ» учрежденіяхъ, которыя для того и создаются, чтобы учить примѣромъ, а вѣдь этого безъ «показа» сдѣлать нельзя. Авторъ, повидимому, хочетъ сдѣлать упрекъ этимъ учрежденіямъ въ томъ, что они идутъ впереди потребностей населенія; но намъ кажется, что такъ и быть должно: вѣдь хуже же было бы, если бы эти учрежденія отставали отъ потребностей жизни.

Насколько неудачны оказываются иногда восторги автора по поводу успѣховъ въ Босніи христіанства вообще и православія въ частности, этому я приведу одинъ примѣръ. На стр. 74 г. Харузинъ такъ повѣствуетъ о борьбѣ христіанства съ мусульманствомъ: «Въ городахъ было ближе до властей, кото-

рыя при постоянномъ сожитіи иногда поддавались вліянію, *а главное подкупу*. Наконецъ, оперившіеся горожане христіанскаго вѣроисповѣданія получали *при помощи денегъ же*, ходъ до сильныхъ людей, не исключая и тѣхъ, которые жили въ Стамбулѣ. Эти обстоятельства, при содѣйствіи наиболѣе заинтересованныхъ европейскихъ державъ (Россіи и Австро-Венгріи), облегчали христіанскому населенію достиженіе своихъ цѣлей. Борьба эта шла медленно и скрытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны христіанъ необыкновенно твердо и приводила ихъ постепенно къ ряду побѣдъ...» И это повѣствованіе совершенно неожиданно заключается восторгами по поводу «побѣды христіанъ надъ магометанами, побѣды, достигнутой не насиліемъ, не разрушеніемъ, а *мирнымъ путемъ*, благодаря *твердости* и *глубокой вѣрѣ въ свою правоту* представителей христіанскихъ вѣроисповѣданій». Авторъ уже забылъ о томъ, что самъ онъ нѣсколькими строками раньше писалъ о «главномъ» вліяніи «подкупа» въ этомъ дѣлѣ. Если припомнить это, то нѣсколько странны должны показаться восторги автора по поводу «твердости» христіанъ въ подкупѣ и побѣды, достигнутой «мирнымъ путемъ».

Останавливаться долѣе на характеристикѣ воззрѣній автора мы не будемъ. Его тенденціозность въ значительной мѣрѣ портитъ его трудъ. Въ заключеніе не можемъ, однако, не указать на нѣкоторыя погрѣшности въ русскомъ языкѣ, которыя встрѣчаются нерѣдко, и, что всего удивительнѣе, даже прямо германизмы, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ русскаго славянофила; напр., «мысль эта лежитъ близко» (9, 94)—это чистѣйшій германизмъ, понятный только знающему нѣмецкій языкъ. Другія погрѣшности я просто отмѣчу: «сліяніе, *такъ сказать*, среди города, двухъ рѣкъ» (5), «природа, *такъ сказать*, не осквернена» (14), «босняками самими, *такъ сказать*, домашнимъ способомъ, изготовляется... сливовица» (15), «по причинѣ разныхъ вѣроисповѣданій» (16), литературные источники «*несутъ* общій характеръ» (21). «Тогда она обратилась къ содѣйствію Гассанъ-бега Ресульбеговича, *назначенному*, Али-пашею каймакамомъ въ Мостарѣ» (75), «земледѣлобрабатывающій классъ» (194), «воевать... боснійское дворянство было привычно» (196) и т. д.

Самое цѣнное въ книгѣ — это обильныя литературныя указанія въ концѣ отдѣльныхъ главъ. Съ внѣшней стороны книга издана очень опрятно и снабжена хорошею картою. *Д. К.*

Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло по Западному Китаю. Обработано М. А. Лялиной. Съ рисунками, 2-мя портретами и картой. Петербургъ. Изд. Девріена. Въ этой книгѣ описано послѣднее путешествіе нашего извѣстнаго энтомолога и путешественника Гр. Еф. Грумъ-Гржимайло, совершенное имъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ по Восточному Тянь-Шаню и сѣверо-восточнымъ склонамъ Тибета. Братья покинули Петербургъ въ февралѣ 1889 г. и вернулись обратно въ январѣ 1891 г. Персоналъ экспедиціи состоялъ всего изъ 11 человѣкъ, обошлась она всего 10.000 рублей, и, несмотря на это, результаты ея были блестящи. Главное географическое значеніе этого путешествія заключалось въ открытіи котловины, лежащей ниже уровня моря (Лукгунская впадина) и въ описаніи части Гоби, лежащей между Тянь-Шанемъ и Нань-Шанемъ. Кромѣ того, были произведены обширныя метеорологическія наблюденія, опредѣлены астрономическіе пункты и абсолютныя высоты мѣстностей и собраны богатыя коллекціи геологическія, ботаническія и зоологическія, заключающія много неизвѣстныхъ видовъ; между прочимъ, были добыты 4 хорошихъ экземпляра дикой лошади (Equus Przewalskii). Общая длина маршрутной съемки этого путешествія равнялась почти 8.000 верстъ. Въ настоящее время Гр. Еф. Грумъ-Гржимайло выпущены уже I й и II-й томы «Описанія путешествія въ Западный Китай». III-й томъ, въ который должно войти описаніе обратнаго пути и нѣкоторыя научныя изслѣдованія, еще не

вышелъ въ свѣтъ. Г-жа Лялина добросовѣстно выполнила взятую на себя задачу: факты переданы вѣрно, наиболѣе существенное отмѣчено съ большей подробностью, одного она не въ силахъ была достигнуть—это яркости и занимательности изложенія, оно тускло и конспективно. Лучшія мѣста принадлежатъ перу самого путешественника, къ счастью для читателя, такихъ мѣстъ очень много. Но, съ другой стороны, эти выписки, оживляя изложеніе, нарушаютъ единство и придаютъ книгѣ нѣсколько пестрый характеръ. Во всякомъ случаѣ, передѣлка г. Лялиной не для юношей: у нихъ не хватитъ терпѣнія одолѣть этотъ томикъ, хотя въ немъ и менѣе 300 страницъ. Издана книга прекрасно. *В. Аг.*

В. Львовъ. Первое знакомство съ географіей Россіи. Для воскресныхъ и народныхъ школъ. Съ рисунками и картами. Цѣна 1 руб. Эта книга вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію—служить пособіемъ къ первоначальному ознакомленію съ географіей Россіи. Къ ея недостаткамъ слѣдуетъ, прежде всего отнести невыдержанность ея на уровнѣ дѣтскаго пониманія, а засимъ и встрѣчающіяся въ ней противорѣчія и ошибки; такъ, напримѣръ, на стр. 27 поясняется, что «степью» называется «большой лугъ, покрытый травой» (точно можетъ быть лугъ, не покрытый травой), что, конечно, невѣрно, а на стр. 39 —«сухая равнина, поросшая травой», что точнѣе; далѣе, на стр. 57, перечисляя главнѣйшія древесныя породы, составляющія лѣса Архангельской и Вологодской губерній, В. Львовъ называетъ дубъ и кедръ, на стр. же 168 дубъ имъ уже выкидывается (что и правильно), а кедръ причисляется къ числу рѣже попадающихся породъ; впрочемъ, въ Среднемъ Уралѣ, кедръ, по мнѣнію В. Львова, вновь занимаетъ выдающееся мѣсто и вмѣстѣ съ лиственницей и елью слагаетъ главную массу лѣсовъ, тогда какъ въ дѣйствительности кедръ если въ настоящее время и попадается въ Среднемъ Уралѣ, то крайне рѣдко. Въ смущеніе можетъ привести ученика и сообщеніе, что ледники спускаются *со вспхъ* снѣговыхъ вершинъ и что моренами называются каменныя глыбы, отламываемыя ледникомъ отъ скалъ при поступательномъ движеніи книзу. Въ отдѣлѣ, составляющемъ хрестоматію, тяжелы для пониманія ребенка двѣ статьи, составленныя самимъ авторомъ, а именно: «Въ нефтяномъ царствѣ» и «Въ соляной шахтѣ». Кстати, въ книгѣ, предназначенной для школы, едва ли можно ограничиться поясненіемъ, что «нефть» есть «минеральное масло», «коксъ» оставить безъ всякаго объясненія и т. д. Надо надѣяться, что всѣ эти и другіе недочеты будутъ исправлены В. Львовымъ въ послѣдующемъ изданіи «Перваго знакомства съ географіей Россіи», появленію коего мы будемъ очень рады, такъ какъ оно послужитъ доказательствомъ, что книга В. Львова имѣла успѣхъ. Что касается рисунковъ, то нѣкоторые изъ нихъ должны быть замѣнены другими, болѣе художественно и вѣрнѣе исполненными; таковы, напримѣръ, «Ненасытецкій порогъ на Днѣпрѣ», «Семья самоѣдовъ», «Тундра» и др. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

К. И. Богдановичъ. Очерки Чукотскаго полуострова (съ картой, 2 планами, 20 табл. автотипій и рисунками въ текстѣ). С.Петербургъ 1901 г. Хотя книга К. И. Богдановича вышла и въ прошломъ году, но мнѣ довелось познакомиться съ нею только недавно, чѣмъ и объясняется нѣсколько запоздалое появленіе настоящей замѣтки.

Имя автора «Очерковъ Чукотскаго полуострова», стяжавшаго себѣ извѣстность превосходными геологическими изслѣдованіями въ Средней и Восточной Азіи, служитъ уже достаточной гарантіей въ томъ, что содержаніе этой книги представляетъ значительный научный интересъ. Дѣйствительно, читатель найдетъ въ ней сводку всего того, что до послѣдняго времени было извѣстно объ орографіи и геологіи сѣверо-восточной оконечности Азіатскаго континента, значительно дополненную личными изслѣдованіями ея автора предпринявшаго столь

*

отдаленное путешествіе въ цѣляхъ опредѣленія золотоносности Чукотскаго полуострова къ сѣверу и востоку отъ устья рѣки Анадырь. Неблагопріятно сложившіяся обстоятельства помѣшали К. И. Богдановичу выполнить программу работъ въ той мѣрѣ, какъ она задумана была въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе ему удалось выяснить геологическое строеніе западнаго побережья Берингова моря и пролива настолько, чтобы дать будущимъ изслѣдователямъ прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ, болѣе детальныхъ, изысканій. Особенно важны его указанія, относящіяся къ береговому участку между мысомъ Дежнева и мысомъ Литке, гдѣ въ береговыхъ розсыпяхъ онъ подмѣтилъ тѣ же черты, которыя отличаютъ розсыпи на американскомъ берегу, близъ Номе. Правда, пробные шурфы показали здѣсь среднее содержаніе золота всего лишь въ $1^1/_2$ золотника на 100 пудовъ песка, но такъ какъ этихъ шурфовъ пробито было только три, то и полученные результаты не отвергаютъ возможности открытія богатыхъ гнѣздъ, подобныхъ тѣмъ, которыя составляли главный источникъ золота на Номскомъ берегу. К. И. Богдановичъ рекомендуетъ также направлять поиски внутрь страны, въ область распространенія метаморфизованныхъ осадочныхъ породъ. Не останавливаясь на другихъ его указаніяхъ практическаго характера, которыя дѣлаютъ разсматриваемую книгу особенно цѣнной для будущихъ искателей золота на полуостровѣ, и переходя къ той главѣ «Очерковъ» которая посвящена экономическому положенію населенія Чукотскаго побережья и морской охранѣ послѣдняго, я прежде всего отмѣчаю тотъ фактъ, что Богдановичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ на необходимости правительственной опеки надъ полуостровомъ, въ чемъ онъ впрочемъ вполнѣ сходится съ Гондатти, Ревиномъ, докторомъ Слюнинымъ, Прохоровымъ и другими современными изслѣдователями этого отдаленнаго края. «У насъ, говоритъ онъ, на всемъ побережьѣ Чукотскаго полуострова имѣется всего только одинъ правительственный постъ при устьѣ р. Анадырь—Ново-Маріинскій портъ. Сухопутный постъ на побережьѣ не можетъ имѣть, конечно, никакого значенія, и сфера его дѣятельности ничтожна, а вся роль ограничивается сохраненіемъ и доставкой припасовъ съ устья Анадыра въ селеніе Марково». Такъ далѣе продолжаться не можетъ, и связь Чукотскаго побережья съ Россіей, которая до сихъ поръ носила лишь случайный характеръ, должна сдѣлаться органической. Этого требуютъ прежде всего интересы мѣстнаго населенія, всецѣло предоставленнаго нынѣ эксплуатаціи американцевъ, а затѣмъ и интересы государственные, ибо опытъ американцевъ въ Номе показалъ, что въ настоящее время никакія климатическія условія не могутъ служить препятствіемъ для возникновенія крупной горной промышленности. Поставить крестъ на наше побережье Берингова моря и пролива было бы непростительной экономической ошибкой, которая повлекла бы за собой самыя неожиданныя осложненія, если бы промышленное значеніе и этихъ пустынныхъ береговъ было доказано американцами; между тѣмъ совокупность геологическихъ фактовъ и непосредственные результаты изслѣдованій К. И. Богдановича даютъ полное основаніе вѣрить, что рано или поздно это экономическое значеніе Чукотскаго полуострова и смежныхъ съ нимъ пространствъ будетъ фактически и безповоротно доказано. Также совершенно кстати упоминаетъ Богдановичъ и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, коими правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ пыталось, и съ полнымъ успѣхомъ, связать бывшую русскую Америку съ метрополіей всѣ эти мѣропріятія могли бы быть съ неменьшимъ, конечно, успѣхомъ примѣнены и у насъ.

Вообще «Очерки Чукотскаго полуострова» полны содержанія и заслуживаютъ вниманія не только спеціалистовъ, но и вообще лицъ, интересующихся судьбами нашего далекаго сѣверо востока.

Книга издана превосходно и снабжена довольно полнымъ библіографическимъ указателемъ литературы о Чукотскомъ полуостровѣ и прилежащихъ моряхъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Грантъ-Алленъ. «Въ тайникахъ природы» —*Линдеманъ.* «Энтомологія».—*Бытнеръ.* «Народный университетъ».

Грантъ-Алленъ. Въ тайникахъ природы. Борьба, защита, работа и сонъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Перев. М. П. Волошиновой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. Въ зоологіи и ботаникѣ наиболѣе благодарною темою для популяризаціи являются вопросы біологическаго характера и для широкаго круга читателей эти вопросы являются въ то же время и едва ли не наиболѣе интересными и образовательными. Съ этой точки зрѣнія Грантъ-Алленъ извѣстный англійскій популяризаторъ, выбралъ для своихъ очерковъ темы очень удачныя—онъ разсматриваетъ цѣлый рядъ въ высокой степени интересныхъ біологическихъ явленій, притомъ подходитъ къ нимъ нерѣдко съ очень оригинальной стороны. Такъ, интересны его сближенія между нѣкоторыми явленіями въ животномъ и въ растительномъ царствѣ,—въ очеркѣ «Ежи животнаго и растительнаго царства», онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ разительно сходныхъ приспособленій защиты при помощи иглъ у животныхъ и у растеній; въ очеркѣ «Ловкіе обманщики» доказываетъ, что способность прибѣгать для защиты къ обману свойственна не только животнымъ, но и растеніямъ. Нѣкоторые очерки посвящены фактамъ и явленіямъ, если и не совсѣмъ новымъ, то все же мало извѣстнымъ и потому могутъ быть не безъ интереса прочтены даже и натуралистомъ, таковы, напр., очерки объ образѣ жизни уховертки и гессенской мухи; другіе очерки касаются явленій, уже неоднократно трактовавшихся въ популярныхъ книгахъ (напр., мимикрія, устрашающая окраска, сонъ, заботы о потомствѣ и т. п.), но надо отдать справедливость Грантъ-Аллену,—онъ умѣетъ и о такихъ вопросахъ говорить очень увлекательно и заинтересовывать читателя нерѣдко совершенно неожиданными сопоставленіями и выводами. Съ послѣдними, впрочемъ, не всегда можно согласиться. Такъ, напр., врядъ ли (стр. 285) болотныя насѣкомоядныя растенія потому «ухитряются брать въ плѣнъ насѣкомыхъ, высасывая изъ нихъ необходимый имъ жизненный матеріалъ», что «живутъ на сырой и болотистой почвѣ, гдѣ они не могутъ получить достаточно пищи обыкновеннымъ путемъ»,—объясненіе довольно наивное! Рѣжутъ глаза также иногда черезчуръ антропоморфическія сопоставленія и выраженія въ родѣ «мудрое растеньице» (стр. 294),—безъ нихъ вполнѣ можно было бы обойтись!

Переводъ сдѣланъ довольно гладко, но жаль, что онъ не былъ проредактированъ спеціалистомъ,—въ результатѣ масса неточностей, искаженій и прямо грубѣйшихъ ошибокъ противъ научной терминологіи. Чтобы не быть голословными, приведемъ слѣдующіе курьезы: «тли» вездѣ (стр. 2 и слѣд.) превратились въ «зеленыхъ *мушекъ*» или «афидій», какъ ихъ никто не называетъ; растительные соки (стр. 11) «богато *насыщены* водородомъ и углеродомъ... но имѣютъ относительный недостатокъ *азотныхъ матеріаловъ*»: «пхневмоны» (почему не «наѣздники?») оказываются не перепончатокрылыми, а мухами (стр. 18); для ротовыхъ частей насѣкомыхъ (стр. 109) переводчица совсѣмъ не нашла русскихъ терминовъ, хотя они имѣются давнишніе и твердо установившіеся—она приводитъ мало понятные англійскіе «labial palpi», «maxillary palpi» и т. д.; на стр. 286 въ качествѣ насѣкомояднаго растенія приводится «*кувшинка*», подъ каковымъ названіемъ подразумѣвается обыкновенно Nuphar luteum—дѣло идетъ вѣроятно о росянкѣ (Drosera); мимикрія смѣшивается съ «мимикой животныхъ» (стр. 324); жужжальца мухъ превратились въ «равновѣсы» (стр. 212) и т. д., и т. д. Такими ошибками пестритъ вся книга и

объ этомъ можно только пожалѣть—такая небрежность перевода значительно уменьшаетъ значеніе книги, которая, въ общемъ, все же заслуживаетъ вниманія.

П. Ю. Шмидтъ.

Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію, подъ редакціей В. В. Битнера. Доисторическій человѣкъ. Изд. Сойкина. Книга эта могла бы быть очень хорошей, если бы В. В. Битнеръ отнесся строже къ принятой на себя задачѣ—дать въ популярномъ изложеніи историческій очеркъ первобытной культуры; теперь же она производитъ впечатлѣніе исполненной на спѣхъ работы и обнаруживаетъ въ авторѣ ея компилятора, не вполнѣ освоившагося съ предметомъ. Такъ, въ заключительной главѣ, трактующей о томъ, «откуда и какъ пошла русская земля», Битнеръ, неумѣло воспользовавшись гипотезой Шафарика, что слово «скифъ» можетъ быть лишь греческой передѣлкой слова «чудь», выводитъ отсюда ложное заключеніе, что скифы были славянами, ибо подъ именемъ «чудь» извѣстны-де были въ древности новгородцы. Не возражая на этотъ парадоксъ, я привожу его его лишь какъ яркое доказательство неумѣнія В. В. Битнера критически разобраться въ матеріалѣ, подлежавшемъ его обработкѣ.

Опечатокъ, ошибокъ и противорѣчій въ книгѣ, къ сожалѣнію, также немало; но крупнѣйшій ея недостатокъ заключается въ томъ, что написана она настолько скучно, что неспособна пробудить въ читателѣ особаго интереса къ изученію древнихъ культуръ. Иллюстраціи нѣсколько оживляютъ содержаніе и, пожалуй, даютъ даже читателю больше, чѣмъ самый текстъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

К. Э. Линдеманъ. Общія основы энтомологіи. Съ 1.080 фигурами на 323 рисункахъ. С.-Петербургъ. Изд. Маркса. 1901. Ц. 4 р. 25 к. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось разбирать трудъ того же автора, носящій заглавіе «Основы общей зоологіи», и мы принуждены были отмѣтить въ немъ цѣлый рядъ удивительнымъ «открытій», вродѣ «организмовъ безъ органовъ», «грегаринъ на волосѣ человѣка» или происхожденія морскихъ ежей отъ гребневиковъ. Ясно было, что авторъ, по спеціальности энтомологъ, никогда не занимался общими зоологическими вопросами и, выступая въ этомъ сочиненіи впервые въ качествѣ зоолога-теоретика, не далъ себѣ труда ознакомиться съ общей зоологической литературой, хотя бы по учебникамъ.

Теперь передъ нами лежитъ еще болѣе обширный трудъ и на этотъ разъ уже спеціально энтомологическій. Признаемся, мы приступали къ просмотру его съ убѣжденіемъ, что ужъ здѣсь-то авторъ въ той области, въ которой онъ работалъ всю жизнь, окажется вполнѣ неуязвимымъ,—но увы! намъ пришлось жестоко разочароваться,—г. Линдеманъ остался вѣренъ себѣ. Въ новомъ его произведеніи мы опять буквально на каждой страницѣ наталкиваемся или на грубѣйшія ошибки, простекающія отъ удивительной небрежности, или же на полное незнаніе элементарнѣйшихъ научныхъ теорій и фактовъ.

Такое обвиненіе, направленное противъ «бывшаго профессора петровской академіи», какъ значится на обложкѣ разбираемой нами книги, разумѣется, должно быть подкрѣплено фактами, и мы не замедлимъ привести ихъ цѣлый рядъ.

Уже на первой страницѣ введенія (стр. 7) мы находимъ совершенно невѣрное утвержденіе, что «число нынѣ существующихъ видовъ насѣкомыхъ опредѣляется въ 200.000», тогда какъ извѣстно, что число это доходитъ до 1.000 000. Еще удивительнѣе утвержденіе, что «въ классѣ млекопитающихъ теперь насчитывается всего только 180 (*сто восемьдесятъ*!) видовъ, въ классѣ птицъ мы знаемъ 1.600 видовъ, въ классѣ *земноводныхъ* (класса пресмыкающихся авторъ, повидимому, не признаетъ) 1.160 видовъ». Въ дѣйствительности, по счисленію видовъ, произведенному А. Гюнтеромъ еще въ 1881

году, было извѣстно млекопитающихъ 2.300 видовъ, птицъ—11.000 видовъ, пресмыкающихся—2.600 видовъ, а земноводныхъ всего лишь 800 видовъ. Въ настоящее время числа эти должны быть значительно увеличены.

Переворачиваемъ страницу и находимъ опять поразительную ошибку—оказывается, что «можно назвать только два или три вида насѣкомыхъ, встрѣчающихся исключительно въ моряхъ» (стр. 10). Если бы г. Линдеманъ заглянулъ хотя бы въ Synopsis Лейниса, то онъ уже тамъ увидалъ бы, что представителей морского рода *Halobates* извѣстно 14 видовъ (въ дѣйствительности гораздо больше). Тутъ же приводится въ качествѣ второго морского обитателя «жукъ изъ семейства *Gyrinidae*, именно *Oribates*»—этого жука г. Линдеманъ просто выдумалъ; такого рода нѣтъ не только среди жуковъ, но и вообще въ зоологической системѣ. Есть родъ *Oribata*, но и онъ относится къ клещамъ и къ тому же къ сухопутнымъ.

Оставляя въ сторонѣ совершенно неудачное введеніе, переходимъ къ общей части, и тутъ уже положительно нѣтъ страницы на которой не обнаруживалось бы какого нибудь, иногда прямо невѣроятнаго, курьеза,—перечислить ихъ всѣхъ нѣтъ никакой возможности, мы укажемъ лишь самые яркіе. Оказывается, напр. (стр. 24), что «грудная область насѣкомыхъ построена не изъ трехъ сегментовъ, какъ это обыкновенно принимаютъ, а изъ болѣе значительнаго числа сегментовъ, именно изъ шести»—на томъ основаніи, что наружный покровъ состоитъ на спинѣ изъ нѣсколькихъ «отдѣльныхъ участочковъ»; какъ будто наружнаго расчлененія достаточно для того, чтобы признать данный отдѣлъ тѣла состоящимъ изъ нѣсколькихъ сегментовъ! Далѣе узнаемъ, что между «парными отростками сегмента проходитъ *нервный центръ*» (стр. 25), что число члениковъ челюстныхъ щупалецъ «колеблется отъ 1 до 6» (стр. 35), тогда какъ ихъ у *Machilis* 7, что у сѣноѣдовъ (*Psocus*) «нѣтъ губныхъ щупалецъ» (стр. 36), тогда какъ они имѣются, хотя и одночленистыя, что у жуковъ нѣтъ «ни малѣйшаго намека» на парное происхожденіе нижней губы (стр. 38), тогда какъ очень явственный намекъ имѣется даже у жужелицы. На стр. 49 авторъ сообщаетъ, что «совершенно отсутствуютъ глаза лишь у весьма немногихъ насѣкомыхъ»,—рекомендуемъ ему взять любое сочиненіе о пещерной фаунѣ (хотя бы Hamann'a), онъ найдетъ тамъ множество слѣпыхъ форма (отнюдь не одного только жучка *Adelops*, котораго онъ приводитъ), кромѣ того многочисленныя безглазыя формы извѣстны между насѣкомыми, живущими подъ корою, подъ камнями, въ муравейникахъ и т. д. Совершенно невѣрно, будто «отсутствіе глазъ указываетъ на значительную древность происхожденія насѣкомыхъ»,—напротивъ, ни одинъ органъ не утрачивается такъ быстро при подходящихъ условіяхъ какъ глаза, и присутствіе или отсутствіе глазъ у насѣкомыхъ находится иногда даже въ предѣлахъ индивидуальной варіаціи одного и того же вида. Недурно замѣчаніе автора, что «у личинокъ *многихъ* мухъ, живущихъ внутри растеній, вовсе нѣтъ глазъ» — интересно было бы узнать у какихъ личинокъ *мухъ* (*Brachycera*) имѣются глаза, и на чемъ эти глаза сидятъ,—какъ извѣстно даже и не энтомологамъ, личинки мухъ не имѣютъ не то что глазъ—головы!

О глазахъ насѣкомыхъ у г. Линдемана вообще довольно странныя представленія, такъ, на стр. 50 оказывается, что «сложные глаза состоятъ изъ многочисленныхъ *зрительныхъ трубочекъ*», а на стр. 95 мы находимъ новую и поразительную теорію г. Линдемана, по которой «сложные глаза служатъ для воспринятія впечатлѣній отъ отдѣльныхъ цвѣтныхъ лучей»! Впрочемъ, кажется, автору и самому эта дикая мысль показалась сомнительной и онъ въ скобкахъ прибавляетъ: «(можетъ быть!)». Еще забавнѣе доводъ «въ пользу такого взгляда на роль сложныхъ глазъ»—«эти глаза у многихъ насѣкомыхъ бываютъ ярко и пестро окрашены!»

Исторія развитія насѣкомыхъ до вылупленія изъ яйца въ произведеніи г. Линдемана совершенно игнорируется, какъ будто и нѣтъ такой области науки, тамъ же, гдѣ авторъ мимоходомъ пытается коснуться ея, онъ обнаруживаетъ полное незнаніе; такъ, на стр. 51 мы узнаемъ, что у зародыша жука *Hydrophilus* замѣчаются зачатки *четырехъ* паръ ногъ! Очевидно, авторъ въ глаза не видалъ не только монографіи Гейдера, но и ни одного изъ новѣйшихъ учебниковъ зоологіи, гдѣ постоянно приводятся рисунки зародышей *Hydrophylus* съ зачатками конечностей на *каждомъ* сегментѣ туловища (всего 12 паръ зачатковъ кромѣ ротовыхъ).

Недурно открытіе автора, что ноги у насѣкомыхъ могутъ, пожалуй, и на спинѣ вырастать, именно, цилиндрическіе зачатки заднихъ крыльевъ у самцовъ червецовъ (*Coccidae*), которыхъ авторъ вопреки установившейся терминологіи, называетъ почему-то «тлями» (стр. 58), служатъ по его мнѣнію, «подтвержденіемъ взгляда, будто *крылья вообще суть видоизмѣненныя конечности*!» Впрочемъ, и тутъ авторъ устыдился и замѣчаетъ: «Должно признаться, что другихъ доказательствъ въ пользу такого взгляда... привести нельзя».

Совершенно невѣрно, что слюнныя железы у насѣкомыхъ имѣются въ числѣ отъ *одной до трехъ паръ* (стр. 72),—г. Линдеманъ не знаетъ, что у пчелъ, напр., Шименцъ нашелъ 5 сложныхъ системъ слюнныхъ железъ. По мнѣнію, автора, «снарядъ(!) кровеобращенія построенъ у насѣкомыхъ по *плану*, *глубоко* отличающемуся отъ извѣстнаго намъ... у близкихъ насѣкомыхъ ракообразныхъ» (стр. 77)—любопытно было бы знать, чѣмъ именно?.. Что «у осъ (*Polistes gallica*) изъ неоплодотворенныхъ яичекъ происходятъ *самки*» (стр. 104), также совершенно непостижимая ошибка, откуда г. Линдеманъ это взялъ, или это его собственныя наблюденія? Въ послѣднемъ случаѣ ихъ слѣдовало бы опубликовать не въ популярной книгѣ, такъ какъ это замѣчательное открытіе совершенно переворачиваетъ всѣ наши воззрѣнія на значеніе оплодотворенія и партеногенеза у перепончатокрылыхъ! Невѣрно также, что сѣменныя нити насѣкомыхъ не имѣютъ утолщенія на концѣ (стр. 106); рекомендуемъ г. Линдеману посмотрѣть учебникъ Кольбе (стр. 631), онъ увидитъ тамъ какъ разъ обратное! Забавно утвержденіе автора (стр. 109), что у насѣкомыхъ «борьбы между самцами изъ-за обладанія самками не бываетъ»,—каждому собирающему жуковъ гимназисту извѣстно, что самцы жуковъ-оленей (да и не одни они!) жестоко дерутся между собою. Книга г. Линдемана предназначена и для «учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ» (стр. 5), и авторъ рискуетъ подобными заявленіями поставить себя въ очень неловкое положеніе передъ молодежью.

Мы никогда не кончили бы, если бы вздумали перечислять всѣ ошибки, проистекающія или отъ незнакомства автора съ научной литературой, или отъ какого-то непостижимаго стремленія дать непремѣнно «отсебятину», какъ бы она ни была мало обоснована.

Относительно спеціальной части книги можно только сказать, что она не лучше общей. Систематическое раздѣленіе насѣкомыхъ у автора, конечно, собственное—принять установившееся въ наукѣ дѣленіе было бы недостойно такого крупнаго спеціалиста, какъ г. Линдеманъ. И вотъ, напр., первый же отрядъ безкрылыхъ дѣлится авторомъ на: 1) родъ(?) *Campodea* (вмѣсто сем. *Campodeidae*); 2) сем. *Poduridae*; 3) сем. *Lepismatidae*; такимъ образомъ, почему-то родъ противопоставляется двумъ семействамъ! Кромѣ того, родъ *Japyx*, очень интересный по своей организаціи, совершенно не упоминается, хотя и дается рисунокъ его (стр. 167). Во второмъ отрядѣ—*Parasita*—авторъ для оригинальности соединяетъ въ одинъ отрядъ пухоѣдовъ со вшами, и чтобы оправдать такое соединеніе, онъ пускается даже на подтасовку и утверждаетъ, что у вшей «ротовыя части приспособлены къ откусыванію твердыхъ частицъ пищи».

Невозможно въ рецензіи перечислить длинный рядъ ошибокъ и неточностей въ описаніяхъ, синоптическихъ таблицахъ (которыя, кстати, совершенно непригодны для опредѣленія), данныхъ о географическомъ распредѣленіи — вся книга пестритъ ими. Авторъ нигдѣ не приводитъ источниковъ, откуда онъ почерпаетъ свѣдѣнія. Вообще, во всей книгѣ нѣтъ ни одной ссылки на какого-либо автора, кромѣ самого г. Линдемана, и начинающій можетъ подумать, что всю энтомологію одинъ г. Линдеманъ сдѣлалъ.

Что касается «1.080 фигуръ на 323 рисункахъ» (недурной и совершенно новый рекламный пріемъ!), то онѣ сносны... но, во-первыхъ, большинство заимствовано и очевидно изъ какого-то американскаго сочиненія (источникъ, конечно, не указанъ), такъ что изображаютъ не русскихъ, и даже не европейскихъ, а американскихъ насѣкомыхъ, а во-вторыхъ... они, въ большинствѣ случаевъ, не подходятъ къ тексту и неизвѣстно, что иллюстрируютъ. Говорится, напр., что насѣкомыя ярко окрашены, а на цитируемомъ рисункѣ—черный-пречерный жукъ (стр. 11), говорится, что насѣкомыя размежевали сферы своихъ интересовъ—и опять африканскій жукъ, неизвѣстно какую сферу себѣ отмежевавшій (рис. 7), наконецъ—это лучше всего!—говорится, что «можно назвать *только одинъ видъ* паразитическаго жука — *Rhipidius Blattarum*» и двумя строчками выше (стр. 323) приводится рисунокъ *второго* жука паразита—*Platypsyllus castoris*; ссылка на этотъ рисунокъ отнесена, однако, къ описанію жужелицы, портящей земляннику. Подобныхъ примѣровъ сколько угодно.

Послѣ всего сказаннаго, думаемъ, заключеніе о новомъ произведеніи г. Линдемана читатели выведутъ сами. Мы все же считаемъ долгомъ подчеркнуть, что книга эта не только не можетъ «служить руководствомъ для изученія насѣкомыхъ всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ основаніе интересоваться этимъ классомъ животныхъ», но, наоборотъ, для спеціалистовъ—безполезна, а для начинающихъ прямо вредна.

П. Ю. Шмидтъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюля до 15-ое августа 1902 г.).

Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Вып. I. Нижній. 1902 г.

Бокинъ Подвижныя игры. Спб. Изд. Маркса. 1902 г.

Викъ. 1798—1898. Украинская поэзія. 3 тома.

Шиппель. Современная бѣдность и современ. перенаселеніе. Изд. Доровятовскаго и и Чарушникова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Булгаковъ. Изъ жизни средневѣк. ремесленниковъ. Изд. то-же. Ц. 50 к.

Пахомовъ. Анатомія и физіологія. Оренб. 1902 г.

Зиминъ. Озонированіе воды. Мск. 1902 г.

Моргаузи. Хаосъ міровъ. Съ рис. Перев. съ англ. Спб. Изд. Большакова и Голова. 1902 г.

Бѣляевъ. Д-ръ Штокманъ (драма Ибсена). Г. Уральскъ. Изд. газ. «Уральскій Листокъ».

Фр. Паульсенъ. Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Кіевъ, Таценко 1902 г. Ц. 1 р.

Гессенъ. Узаконеніе, усыновленіе и внѣбрачн. дѣти. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Смирновъ. Передъ некрасовск. днями. Яросл. 1902 г. Ц. 25 к.

Страховъ. Критическія статьи. Т. II. Изд. Матченко. Кіевъ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вольтке. Законы о пограничн. жителяхъ. Спб. 1902 г. Ц. 35 к.

Э. Ренанъ. Собраніе сочиненій. Т. V Кіевъ. Изд. Фуксъ. 1902 г. Ц. за 12 т. 6 р.

Крепелинъ. Въ зеленомъ саду. Мск. Изд. Кушнерева. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Часы жизни. Перев. и Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Жена мудреца. Изд. то же. Ц. 80 к.

Борецкій. Милліонъ. Разсказъ. Изд. ред. «Образованіе». Спб. Ц. 25 к.

Сталевичъ. Повѣсти и разсказы. Спб. «Книговѣды». 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Богоявленскій. Въ новомъ мірѣ. Ром. Кіевъ. Изд. Таценко 1902 г. Ц. 75 к.

Гоголь. Юбилейный сборникъ сочиненій. Изд. сарат. з-ства 1902 г. Ц. 40 к.

Эрастовъ. Открытое письмо Максиму Горькому. Спб. Изд. Митюрникова. 1902 г. Ц. 15 к.

Ф. Голубой. Замокъ коварства и любви. Поэма. Спб. 1902 г. Ц. 15 к.

Головинъ (Орловскій). Т. IV. Спб. «Трудъ». 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маркевичъ. Крымъ въ русской поэзіи. Сб. стихотвореній. Изд. Синани. Симферополь. 1902 г. Ц. 75 к.

Луи Бурдо. Вопросы о жизни. Перев. Предтеченскаго. Ц. 1 р. 75 к. Спб. Изд. Большакова и Голова.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Мск. Изд. Сытина. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Жигинъ. Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. Изд. подъ ред. Горбунова-Посадова.

Зубрилинъ. Какъ живетъ растеніе. Мск. Ц. 4 к. Изд. подъ ред. Горбунова-Посадова.

Пермская губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи. Вып. II. 1902 г.

Коземъ. Собраніе формулъ. Пособіе гимназистамъ. Спб. 1902 г. Ц. 25 к. Изд. «Помощь».

Мартинъ Корчинскій. Богданъ Залѣсскій. Житомиръ. 1902 г.

Головачевъ. Взаимное вліяніе русск. и инородч. населенія Сибири. Мск. 1902 г.

Сборникъ технич. статей. Изд. экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ. Спб. № 1.

Теречанинъ. «Тифлисскій Листокъ». Тифл. 1901 г.

Герасимовъ. Учит. календарь. Ч. II. Ц. за обѣ части 80 к.

Хозяйств. статистич. обзоръ Уфимск. губ. за 1900—1901 г. Вып. II. Ц. 1 р. 25 к.

Холевинскій. О фальсификаціяхъ пищев. продуктовъ и напитковъ. Астрахань. 1902 г. Ц. 20 к.

Стрижовъ. Природн. условія. Промышл. Терской области. Владик. 1902 г.

Б. Шапировъ. Пріемъ новобранцевъ. Спб. 1902 г.

Агафоненко. Посѣвъ и уборка красн клевера. Прилуки. 1902 г.

Статистич. ежегодникъ Тверск. губ. за 1901 г. Изд. тверского з-ства за 1902 г.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Перев. и Изд. Юргенсона. Мск. 1902 г.

Балталонъ. Пособіе для литерат. Бесѣды и письмен. работы. Ц. 70 к. Мск. 1902 г.

Обзоръ сельск. хозяйства въ Полт. губ. за 1901 г. Полтава.

Записки Приамурск. отд. Т. VI Вып. I. Хабаровскъ. 1902 г.

Отчетъ о-ва «Помощь» при Вологодской безплатной б-кѣ за 2 г. существ. 1902 г.

Соломоновскій. Тетради словъ и фразъ для перев. упражненія въ русск. чтеніи. Кіевъ. 1902 г. Ц. 5 к.

Соломоновскій. Наставл. о томъ, какъ учить русск. грамотѣ. Кіевъ 1902 г. Ц. 6 к.

Безчинскій. Путеводитель по Крыму. Съ рис. карт. планами. Мск. Изд. Кушнерева. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Берлинъ. Для ѣдущихъ въ Ѳеодосію. Справ. книжка. Ц. 85 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Warrior Woman*» *A short history of fighting Women by E. Vizetelly. Price 2 s. 6 d* (*Treherne*). (*Женщина-воинъ*). Книга заключаетъ въ себѣ краткую исторію женщинъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ. Авторъ начинаетъ съ амазонокъ и кончаетъ бурскими женщинами, которыя защищали съ оружіемъ въ рукахъ свою родину и независимость во время послѣдней южно-африканской войны.

(Morning Post).

«*Across Many Seas*» *by Alfred Kinnear* (*Arrowsmith*). (*Черезъ многія моря*). Сорокъ лѣтъ путешествія по всему земному шару, отъ Лондона до Перу и др. мѣстъ, могли доставить автору возможность собрать богатый матеріалъ наблюденій и приключеній. Область воспоминаній автора очень обширна; онъ описываетъ свое путешествіе на «Грэтъ-Истернѣ» черезъ Атлантическій океанъ, блокаду во время войны сѣвера и юга, приключенія въ Китаѣ и Россіи, походъ противъ ашантіевъ, эпизоды изъ послѣдней южно-африканской войны и т. д. (Bookseller).

«*The Worlds of the Earth*» *by Captain John Spenur Hall* (*Digby, Long and C°*). (*Міры земли*). Въ этой книгѣ обсуждается прошедшее, настоящее и будущее земной экономіи. Первая часть книги заключаетъ въ себѣ популярно изложенный трактатъ по геологіи. (Morning Post).

«*India and its Problems*» *by William S. Lilly* (*Sandsand C°*). (*Индія и ея проблемы*). Авторъ говоритъ, что, собираясь писать о британской Индіи, онъ былъ пораженъ обширностью предмета. Индія даетъ такой богатый матеріалъ для изслѣдованія въ географическомъ, климатическомъ и этнографическомъ отношеніи, но въ то же время выдвигаетъ на сцену такія сложныя проблемы, что трудно придерживаться какихъ бы то ни было заранѣе поставленныхъ рамокъ. Впрочемъ, авторъ находитъ излишнимъ касаться нѣкоторыхъ проблемъ, напр., религіозной проблемы, находя разрѣшеніе ея невозможнымъ при данныхъ условіяхъ. Поэтому, авторъ посвящаетъ свое вниманіе только тѣмъ вопросамъ, которые выдвигаются на первый планъ при современномъ положеніи вещей. Онъ подробно изучаетъ тѣ условія, которыя созданы въ Индіи британскимъ управленіемъ и посвящаетъ нѣсколько интересныхъ главъ кастовому вопросу, домашней жизни въ Индіи и положенію женщины.

(Bookseller).

«*Religions Progress of the Century*» *by W. H. Withrow* (*Wand R. Chambers*). (*Религіозный прогрессъ вѣка*). Это первый томъ изданія «Nineteenth Century Series», посвященнаго исторіи прогресса прошлаго столѣтія въ религіи, искусствѣ, наукѣ, воспитаніи и т. д. Всѣхъ томовъ этой серіи будетъ пять. Изданіе будетъ носить популярный характеръ. Въ вышедшемъ томѣ заключаются слѣдующія главы: «Контрасты XVIII и XIX вѣка», «Миссіонеры», «Прогрессъ различныхъ церквей въ теченіе XIX вѣка», «Прогрессъ религіозной мысли» и «Спеціальная религіозная дѣятельность и благотворительность въ XIX вѣкѣ». (Bookseller).

«*The Relationships of Life*» *by C. Silvester Horne* (*Allenson*). (*Отношенія въ жизни*). Въ этой книгѣ обсуждаются отношенія между родителями и дѣтьми, между супругами, между господами и слугами и т. д. и изслѣдуется вліяніе соціальнаго строя на эти отношенія.

(Bookseller).

«*Light from the East*» *being Selections from the Teachings of the Buddera Arranged With an introduction by Edith Word. With Foreword by Annie Besant.* (*Свѣтъ съ востока*). Въ предисловіи къ этой книгѣ, заключающей въ себѣ избранныя мѣста изъ ученія Будды, говорится, что «это ученіе обладаетъ свойствомъ обращать враговъ въ друзей и печаль—въ радость!» Предисловіе написано извѣстною послѣдовательницею теософскаго ученія Анни Безантъ. (Bookseller).

«*Democracy and Social Etics*» *by Jane Adams.* (*Macmillan*) *5 s.* (*Демократія и соціальная этика*). Авторъ этой книги многіе годы самоотверженно работалъ въ трущобахъ Чикаго и, поэтому, хорошо изучилъ современную жизнь большихъ городовъ во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Въ шести очеркахъ, заключенныхъ въ этой книгѣ, авторъ говоритъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вноситъ въ соціальную жизнь новое пониманіе демократіи. По мнѣнію автора, мы переживаемъ въ настоящее время переходный періодъ. Наша соціальная этика опередила наши экономическіе методы. Нашъ вѣкъ требуетъ соціальной, а не индивидуалистической нравственности, и мужчины, и женщины въ одинаковой степени стремятся удовлетворить этому требованію. Наше понятіе о жизни измѣнилось, но эта перемѣна еще не успѣла выразиться въ соціальныхъ реформахъ и получить законный характеръ. Но авторъ вѣритъ, что время это приближается и что этому содѣйствуютъ индивидуальныя усилія людей, стремящихся къ возстановленію идеаловъ, къ реформамъ воспитанія, къ уничтоженію соціальныхъ противорѣчій и лучшей организаціи семьи и общества. Въ своей книгѣ авторъ гово

ритъ о томъ, что уже сдѣлано въ Америкѣ въ этомъ направленіи.
(Review of Reviews).

«*De Lesseps intime*» *par M. Bathedat* (*Juven*). (*Жизнь Лессепса*). Исторія геніальнаго творца Суэзскаго канала заключаетъ въ себѣ много интересныхъ страницъ. Лессепсъ провелъ свою молодость большею частью внѣ Франціи, въ Португаліи, Испаніи, Египтѣ и Италіи и входилъ въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными сферами, съ дипломатическимъ и политическимъ міромъ, со свѣтскими салонами и съ революціонными кружками. Въ своей молодости Лессепсъ сталкивался съ самыми различными людьми; онъ зналъ маршала Прима, Эспартеро и Мацдини и хорошо былъ знакомъ съ египетскимъ пашей, но позднѣе его великій проектъ прорытія Суэзскаго канала заставилъ его вступить въ сношеніе съ царствующими монархами, Наполеономъ III, королевою Викторіей, и выдающимися государственными дѣятелями, Гладстономъ и др. Поддерживаемый одними и подвергавшійся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны другихъ, Лессепсъ обнаружилъ при этихъ обстоятельствахъ многія выдающіяся качества, вѣру въ свое дѣло, дипломатическое умѣнье, энергію и ту привѣтливость и добродушіе, которыя всегда привлекали къ нему сердца. Авторъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка, очевидно, имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень богатый матеріалъ. (Temps).

«*From Slave to College President*» *by G. Holden Pike* (*Unwin*) *1 s. 6 d.* (*Отъ раба до президента*). Въ этой книгѣ, кромѣ исторіи жизни выдающагося негритянскаго дѣятеля въ Соединенныхъ Штатахъ Букера Вашингтона, бывшаго раба, а теперь президента коллегіи, подробно излагается современное положеніе негритянскаго вопроса въ Сѣверной Америкѣ и разныя схемы, имѣющія цѣлью улучшенія положенія негровъ. (Times).

«*Parliament Past and Present*» *by Arnold Wright and Philip Smith* (*Hutchinson and C°*) *7 s. 6 d.* (*Парламентъ въ прошедшемъ и настоящемъ*). Вышелъ первый томъ этого въ высшей степени интереснаго и популярнаго описанія англійскаго парламента, его исторіи и политическихъ ассоціацій, находящихся съ нимъ въ связи. Очень хорошо исполнены воспроизведенія старинныхъ рисунковъ и картинъ, служащія дополненіемъ къ тексту книги.
(Manchester Guardian).

«*The Phantom Millions; the story of the Great French Fraud*» *by S. P. O'Connor* (*Simpxin Maerhall*) *1 s.* (*Призрачные милліоны*). Авторъ собралъ всѣ свѣдѣнія и документы, относящіеся къ замѣчательному дѣлу о наслѣдствѣ Эмберъ-Крофордъ и освѣтилъ его съ философско-нравственной точки зрѣнія. Разбросанныя и отрывочныя свѣдѣнія, помѣщаемыя въ газетахъ, не даютъ такого полнаго представленія объ этомъ грандіозномъ мошенничествѣ и его общественномъ значеніи, какое даетъ очеркъ автора.
(Manchester Guardian).

«*Fridtjof Nansen*» *ein Lebensbild von Engen von Ensberg, mit porträt* (*Hermann Seemann*) *Leipzig.* (*Фритіофъ Нансенъ*). Эта біографія энергичнаго изслѣдователя полярныхъ странъ входитъ въ составъ серіи изданій подъ общимъ именемъ «Männer der Zeit». Она написана очень живо и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній изъ жизни Нансена и его знаменитыхъ путешествій. (Die Zeit).

«*Ernst Haeckel*», *ein Lebensbild von Wilhelm Bölsehe. Mit Porträt* (*Seemann*). (*Эрнстъ Геккель*). Въ этомъ очеркѣ авторъ старается охарактеризовать личность знаменитаго ученаго и изслѣдователя Эрнста Геккеля, имя котораго пользуется такимъ глубокимъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ. Геккель всегда имѣлъ восторженныхъ послѣдователей своего ученія и много враговъ, въ особенности среди ортодоксальныхъ теологовъ, возставшихъ противъ его ученія. Въ личности Геккеля совмѣщался ученый изслѣдователь природы, философъ и художникъ, и авторъ съумѣлъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ изобразить всѣ эти сложныя стороны, составляющія главную особенность знаменитаго ученаго, отличившагося широтою своихъ взглядовъ и разносторонностью своего ума. (Frankfurt. Zeitung).

«*Ueber die allgemeinen Beziehungen zwischen Gehirn und Seelenleben*» *von prof. Dr. Ziehen. Zweite Auflage* (*Ambrosius Barth*) *Leipzig.* (*Объ общей связи, существующей между мозгомъ и духовною жизнью*). Въ своемъ историческомъ изслѣдованіи борьбы человѣческаго духа и его стремленія къ познанію, авторъ указываетъ, что еще Діогенъ, Альхмеонъ, Гиппократъ занимались вопросомъ о локализаціи психическихъ функцій и выказывали стараніе разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу головного мозга. Поразительно то, что уже Эразистратусъ, за 300 лѣтъ до Р. Х., признавалъ верхнюю поверхность головного мозга сѣдалищемъ души и предугадывалъ значеніе мозговыхъ извилинъ для психическихъ функцій. Эти геніальныя предвидѣнія не могли быть подтверждены вслѣдствіе недостатка соотвѣтствующихъ анатомическихъ и физіологическихъ изслѣдованій и только спустя 2.000 лѣтъ вопросъ этотъ подвергся новой разработкѣ. Авторъ дѣлаетъ историческій и критическій обзоръ стремленій философовъ разрѣшить загадку человѣческаго мышленія и попытки человѣческаго духа понять и объяснить самого себя, начиная отъ древнихъ вплоть до новѣйшихъ философовъ. (Die Zeit).

«*Das Jahrhundert des Kindes*» von *Ellen Key* (*Fischer*). (*Вѣкъ дѣтей*). Чрезвычайно интересная и тепло написанная книга, касающаяся въ высшей степени важныхъ современныхъ вопросовъ о взаимномъ положеніи дѣтей и матерей въ современномъ обществѣ, о женскомъ трудѣ и материнствѣ, о правахъ женщины и т. д. Авторъ обсуждаетъ не только права и обязанности матери по отношенію къ ребенку, но и обязанности отца, государства и общества, затѣмъ авторъ говоритъ о правахъ ребенка и въ главѣ «Das Recht des Kindes seine Eltern zu wählen» разсуждаетъ объ обязанностяхъ родителей по отношенію къ не родившемуся поколѣнію. Эта глава одна изъ самыхъ интересныхъ, и авторъ предсказываетъ, что въ текущемъ столѣтіи будутъ установлены обязанности родителей и общества и будетъ оказано большое вниманіе грядущему поколѣнію какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Съ своей стороны авторъ очень много вниманія удѣляетъ вопросу о наслѣдственности, который имѣетъ огромное значеніе для государства. (Die Zeit).

«*Right Hon. Joseph Chamberlain*», *A study of his Character asa Statesman by H. C. Pedder* (*Elliot Stock*). *2 s. 6 d.* (*Достопочтенный Джозефъ Чэмберленъ; его характеристика, какъ государственнаго дѣятеля*). Герой этого очерка Чэмберленъ возбуждаетъ къ себѣ самое разнообразное отношеніе въ современномъ обществѣ и подвергается самой рѣзкой критикѣ, авторъ же стремится до нѣкоторой степени оправдать его отъ взводимыхъ на него обвиненій и доказываетъ, что онъ является воплощеніемъ прогрессивныхъ силъ политики и имперіализма Англіи. Авторъ говоритъ, что, глубже изслѣдуя его политическую карьеру, можно разсмотрѣть логическое развитіе его идей, такъ что связь между его демократическимъ прошлымъ и имперіалистскимъ настоящимъ, несомнѣнно, существуетъ.
(Morning Post).

«*The Uganda Protectorate*» *by Sir Harry Johnston. 2 vols* (*Hutchinson and C°*). (*Протекторатъ Уганды*). Страна, которая, подобно Угандѣ, еще такъ недавно была совершенно неизвѣстна европейцамъ и теперь открыта для европейской цивилизаціи, конечно, должна представлять огромный интересъ для путешественниковъ и изслѣдователей. Дѣйствительно, эта страна заслуживаетъ названія «страны чудесъ»; зоологи, считавшіе, что всѣ четвероногія уже давно открыты и описаны, были поражены открытіемъ, которое сдѣлалъ авторъ этой книги. Онъ нашелъ въ Угандѣ новое, доселѣ неизвѣстное, четвероногое и описалъ его. Вообще міръ животныхъ очень богатъ въ Угандѣ и, по словамъ автора, путешественникъ, проѣзжающій по новой желѣзной дорогѣ, пролегающей теперь черезъ Уганду, можетъ наблюдать въ окна своего вагона настоящій зоологическій садъ. Авторъ описываетъ природу Уганды, ея населеніе и администрацію этого протектората. Очень хороши также фотографическіе снимки, которыми изобилуетъ книга. (Athaeneum).

«*Nature Study and Life*» *by Clifton F. Hodge* (*Ginn*). (*Изученіе природы и жизнь*). Авторъ настаиваетъ на томъ, чтобы изученіе природы составляло необходимую принадлежность всякаго воспитанія, такъ какъ прогрессъ человѣчества находится въ непосредственной зависимости отъ изученія природы. Въ первой главѣ авторъ говоритъ объ отношеніяхъ дѣтей къ животнымъ и ихъ любимцахъ въ животномъ мірѣ. Очень большое вниманіе авторъ удѣляетъ также насѣкомымъ и указываетъ на огромное значеніе, которое они могутъ имѣть въ экономической жизни народа. (Athaeneum).

«*The Story of Jost England*» *by Beckles Willson* (*Georges Newness*). (*Исторія погибшей Англіи*). Этотъ томъ входитъ въ составъ библіотеки полезныхъ разсказовъ (Library of Useful Stories). Авторъ разсказываетъ въ немъ исторію береговъ Великобританіи, постепенно дѣлающихся добычею океана. По его словамъ, никакъ не менѣе тридцати четырехъ городовъ и деревень, вмѣстѣ съ сотнями миль береговой территоріи были поглощены океаномъ. Книга иллюстрирована.
(Bookseller).

«*The Conquest of the Air*» *by John Alexander. With a Prefaee of sir Hiram Maxim* (*Partridge and C°*). (*Побѣда воздуха*). Живо и интересно написанная и хорошо иллюстрированная исторія воздухоплаванія, начиная отъ первыхъ попытокъ человѣка сдѣлаться «господиномъ воздуха» и кончая послѣдними опытами Сантосъ-Дюмона и другихъ воздухоплавателей. (Bookseller).

«*The Life of Richard Cobden*» *by John Morley* (*Fisher unwin*). (*Жизнь Ричарда Кобдена*). Эта біографія Кобдена, выходящая популярнымъ изданіемъ, представляетъ въ данный моментъ особенный интересъ въ виду большого вниманія, которое удѣляется въ настоящее время вопросамъ свободы торговли и протекціонизма. Въ предисловіи къ этому популярному изданію, авторъ говоритъ, что онъ не выпустилъ никакихъ подробностей, имѣющихъ значеніе для характеристики личности Кобдена и его взглядовъ и заключавшихся въ первомъ большомъ изданіи его біографіи. (Bookseller).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Двѣ знаменательныя годовщины: столѣтіе смерти Радищева и пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Льва Толстого.—Значеніе Радищева: «На зарѣ русской общественности» (изъ сборника г. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества»).—Міровое значеніе Толстого.—Общій взглядъ на его литературную дѣятельность.

Сто лѣтъ тому назадъ покончилъ всѣ разсчеты съ жизнью одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ современникахъ возбуждаютъ страхъ и недоумѣніе.

Таковъ былъ Радищевъ, который въ ночь на 12-е сентября 1802 года покончилъ съ собой. «Радищевъ умеръ,—писалъ одинъ изъ младшихъ его современниковъ (Борнъ въ альманахѣ «Свитокъ музъ» *),—и, какъ сказываютъ, насильственною произвольною смертью. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостью философа, покоряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи, будучи отчужденнымъ круга родныхъ и друзей? Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели? Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества». Внезапная смерть не могла не поразить современниковъ, не знавшихъ всѣхъ обстоятельствъ. Г. Мякотинъ, посвятившій лучшую изъ статей своего замѣчательнаго по глубокому интересу сборника—«Изъ исторіи русскаго общества», памяти Радищева («На зарѣ русской общественности»), объясняетъ эту трагическую развязку просто и правильно. По возвращеніи изъ ссылки еще при Павлѣ I, Радищевъ съ восторгомъ встрѣтилъ «дней Александровыхъ прекрасное начало» и даже принялъ дѣятельное участіе въ коммиссіи о составленіи законовъ. Не ограничиваясь ролью совѣтника въ коммиссіи, онъ вскорѣ подалъ обширный проектъ общихъ реформъ законодательства, встрѣченный, однако, предсѣдателемъ коммиссіи (графомъ Завадовскимъ) очень сурово. Хотя существеннѣйшую часть своихъ взглядовъ онъ заимствовалъ у западныхъ мыслителей, преимущественно у французскихъ энциклопедистовъ, но, по словамъ г. Мякотина, онъ съумѣлъ придать имъ вполнѣ оригинальную стройность и цѣльность, обнаруживъ рѣдкій талантъ изложенія въ сильныхъ и яркихъ образахъ, не потерявшихъ даже и въ наши дни своей обаятельности. Какъ стилистъ и художникъ слова, онъ задолго до Карамзина началъ писать великолѣпнымъ русскимъ языкомъ, по выразительности гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ языкъ Карамзина.

*) Цитир. по книгѣ г. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества», 1902 г.

Это одно уже даетъ ему право на вѣчную память въ русской литературѣ, гдѣ онъ долженъ занять мѣсто не только перваго по времени русскаго публициста, но и одного изъ первыхъ по художественности и силѣ слога.

Что касается его основныхъ идей, то Радищевъ является предтечею цѣлой плеяды русскихъ величайшихъ писателей, боровшихся за уничтоженіе крѣпостного права и за гуманность.

Въ лицѣ его чрезвычайно удачно сочеталось теоретическое знаніе, просвѣщеніе «съ вѣкомъ наравнѣ» и глубокое знаніе русской жизни, умѣніе наблюдать и изъ наблюденій дѣлать вѣрныя обобщенія. Въ его «Путешествіи» дана такая широкая картина тогдашней жизни, какую ни до него, ни долго послѣ него мы не встрѣчаемъ въ литературѣ. Все, что касается жизни крѣпостнаго крестьянства, помѣщичьяго быта, злоупотребленій мѣстной администраціи, начертано имъ живо, ярко и съ вѣрнымъ пониманіемъ причинъ и слѣдствій. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что до Гоголя не появляется такихъ художественныхъ и вѣрныхъ картинъ изъ быта деревни и провинціи. Въ особенности его занимало положеніе крестьянства. «Мысль объ этомъ жалкомъ положеніи,—говоритъ г. Мякотинъ,—неустанно преслѣдуетъ писателя. Даже зрѣлище богатствъ родины вызываетъ у него лишь минутную радость, быстро увядающую при воспоминаніи о томъ, что «въ Россіи многіе земледѣльцы не для себя работаютъ» и, слѣдовательно, самое изобиліе плодовъ земли доказываетъ лишь «отягченный жребій ея жителей». Рядъ разбросанныхъ въ книгѣ фактовъ посвященъ изображенію «отягченнаго жребія» крестьянства, и эти факты ярко освѣщаютъ весь ужасъ наиболѣе темныхъ сторонъ крѣпостнаго права. «Путешествіе» возсоздаетъ передъ глазами читателя своего рода портретную галлерею типовъ, порожденныхъ крѣпостничествомъ.

Всѣ главныя темы будущихъ произведеній нашихъ величайшихъ писателей начиная съ Пушкина съ его «Деревней» и до Салтыкова съ его «Пошехонской стариной», заключаются въ путешествіи, въ которомъ Радищевъ съ непосредственностью великаго таланта затронулъ самыя больныя стороны русской жизни не только своего времени. Онъ далъ мотивы для всей послѣдующей литературы, въ теченіе цѣлаго почти вѣка разрабатывавшей ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ и нѣчто большее, чѣмъ рядъ простыхъ указаній на темныя стороны, онъ далъ теоретическую критику, съ опредѣленіемъ послѣдствій и выводовъ изъ всего имъ описаннаго. Онъ выступилъ первымъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ «совершеннаго уничтоженія рабства», далеко опередивъ не только всѣхъ русскихъ современниковъ, но и большинство западныхъ мыслителей той эпохи.

«Исторія въ одномъ горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти», этими словами заканчиваетъ г. Мякотинъ свой разборъ «Путешествія».

Не многіе изъ современниковъ Радищева понимали все его значеніе. «Друзья!—писалъ Борнъ въ некрологѣ Радищева.—Посвятимъ слезу сердечную памяти Радищева. Онъ любилъ истину и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жаждало

озарить всѣхъ своихъ собратій симъ немеркнущимъ лучомъ вѣчности; жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ зналъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости—и сошелъ въ гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи—и сошелъ въ гробъ, въ сердцахъ благодарныхъ патріотовъ да сооружится ему памятникъ, достойный его!» Памятникъ этотъ есть все послѣдующее движеніе, неизмѣнно шедшее по указанному имъ направленію, и въ лучшемъ памятникѣ Радищевъ не нуждается *). И чѣмъ дальше будетъ развиваться общественная жизнь въ Россіи, тѣмъ выше, и непоколебимѣе станетъ этотъ памятникъ, самой жизнью воздвигнутый великому публицисту.

Другая годовщина имѣетъ болѣе радостный характеръ: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ сентябрьской книгѣ «Современника» въ 1852 г. появилось «Дѣтство» Льва Николаевича Толстого. Это былъ первый выходъ великаго писателя, выходъ, достойный всей послѣдующей его необъятной и неоцѣнимой дѣятельности. На протяженіи полустолѣтія мы видимъ поистинѣ необычайное явленіе, не имѣющее примѣра въ міровой литературѣ,—постоянный и неизмѣнный ростъ писателя, надъ которымъ время какъ-бы потеряло свое вліяніе. И черезъ пятьдесятъ лѣтъ Толстой, уже старецъ, также свѣжъ и могучъ, какъ писатель, каковъ онъ былъ и въ началѣ своей работы. Расширяется только захватъ его генія, который, не останавливаясь, продолжаетъ свое исканіе истины и неизмѣнно двигается впередъ. Одинъ только образъ невольно напрашивается на сравненіе, это великій старецъ Гёте, на закатѣ доканчивающій свое великое произведеніе, надъ которымъ онъ работалъ всю жизнь, и съ юношескою живостью интересующійся движеніемъ научной мысли. Но отъ чрезмѣрнаго олимпійскаго спокойствія Гёте вѣетъ на насъ холодомъ, какъ съ вершины гигантской горы, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ среди недосягаемыхъ облаковъ. Толстой, не уступая Гёте въ жизненности творчества и неутомимой бодрости духа, ближе къ намъ, бѣднымъ и малымъ дѣтямъ земли, съ которыми онъ находится въ постоянномъ общеніи, мучимый общими сомнѣніями и жаждой истины.

Съ перваго вступленія на литературное поприще его не покидаетъ то «святое недовольство» собой, которое чувствуется затѣмъ такъ ярко, въ каждомъ новомъ произведеніи все усиливаясь, пока не разражается въ цѣлую бурю къ моменту перелома въ началѣ 80-хъ годовъ. Недовольство собой и исканіе правды придаютъ необычайную цѣльность творчеству Толстого и его гигантской личности, какъ бы заполняющей собой полъ-вѣка жизни русской мысли. Въ его удивительной личности есть, дѣйствительно, что-то символическое. Все, казалось бы, соединилось въ его жизни, чтобы дать ему возможное для человѣка счастье и удовлетвореніе. Могучій талантъ, мощный организмъ, личное счастье при полной матеріальной обезпеченности, общее преклоненіе предъ геніальнымъ художникомъ, не знающимъ соперниковъ,—и въ то же время неустанно гложущій червь сомнѣнія и недовольства, не дающій ни минуты покоя.

*) Въ Саратовѣ, на родинѣ Александра Николаевича Радищева, устроенъ музеи его имени, очень поучительный и интересный. Къ сожалѣнію, лѣтомъ, когда пріѣзжая публика больше всего могла-бы его осматривать,—онъ закрывается.

Никто не выразилъ въ XIX вѣкѣ съ большей силой той безпокойной жажды вѣчной истины, которая мучитъ человѣчество съ перваго дня его сознательнаго существованія.

Когда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ появилось первое произведеніе Толстого, какая громадная разница была съ тѣмъ, что мы видимъ теперь. Читающая Россія вся заключалась въ небольшомъ кругѣ интеллигенціи, состоявшемъ почти исключительно изъ передового дворянства. Очень просвѣщенный, этотъ кругъ былъ въ сущности очень невеликъ по количеству. Не только масса народа не имѣла доступа къ книгѣ, къ просвѣщенію, но и разночинецъ только-только еще выдѣлялся, какъ особый общественный слой. Крѣпостное право, хотя уже пошатнувшееся, сдерживало въ желѣзныхъ оковахъ всѣ проявленія русскаго общественнаго духа. Даже очень дальновидные люди не предвидѣли еще близости зари новой русской жизни. Гоголь только что умеръ, Грановскій сталъ только тѣнью прежняго великаго учителя на университетской каѳедрѣ. Никто, конечно, читая удивительно свѣжія и яркія страницы новаго произведенія на страницахъ «Современника», не могъ и подумать, что это—первый блестящій выпадъ великаго писателя.

Прошло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ, и какая разница въ общихъ условіяхъ жизни народа, въ положеніи русской литературы на міровой аренѣ. Бодрое настроеніе, жадное исканіе новыхъ путей къ истинѣ, оживленная жажда вѣры и знанія придаютъ нашему времени характеръ настоящей весны. Гибель крѣпостного права и послѣдовавшее затѣмъ огромное измѣненіе экономическихъ условій произвели коренной переворотъ въ положеніи народной массы, жадно ищущей просвѣщенія и выдвигающей съ каждымъ годомъ новаго массоваго читателя, который набрасывается на весь нашъ огромный запасъ знаній, накопленныхъ, но еще не использованныхъ. И трудно даже отдаленнымъ образомъ предвидѣть, каковы будутъ результаты этого массового просвѣщенія, которое стало лозунгомъ нашего времени. Наконецъ, русская литература изъ узко-русской стала міровой, завоевавъ себѣ право не только на уваженіе наряду съ литературами другихъ народовъ, но и на преклоненіе предъ самыми выдающимися двумя ея писателями—Толстымъ и Достоевскимъ. Теперь въ каждой почти книжкѣ любого иностраннаго журнала можно встрѣтить переводы изъ нашихъ писателей, а о нѣкоторыхъ, какъ, напр., о Горькомъ, создалась уже цѣлая литература.

И во всѣхъ этихъ перемѣнахъ роль Толстого огромна.

Можно отмѣтить три періода въ жизни великаго писателя. Первый начинается «Дѣтствомъ и отрочествомъ» и продолжается до «Войны и мира». Въ теченіе его Толстой ведетъ самую разнообразную жизнь, это его «Sturm und Drangperiode», когда огромныя силы, скрытыя въ немъ, бросаютъ его во всѣ стороны. Онъ и писатель, и храбрый солдатъ, и помѣщикъ, искренно задумывающій облагодѣтельствовать своихъ крестьянъ. Внутренняя неустанная работа проявляется одновременно и въ дѣйствіи, и въ творчествѣ. Вслѣдъ за «Дѣтствомъ» идутъ «Севастопольскіе разсказы», въ которыхъ запечатлѣлось пережитое Толстымъ въ пылу страшной военной борьбы. Затѣмъ идетъ жизнь въ кругу литераторовъ въ столицѣ, гдѣ онъ съ такою же необузданною страстью, какъ и во всемъ, отдается но-

вымъ впечатлѣніямъ, чтобы забросить все это «съ отвращеніемъ и досадою». Его неуравновѣшенная, не поддающаяся никакимъ ограниченіямъ кружковыми или партійными взглядами, натура не могла ужиться ни съ передовой частью тогдашней литературы, ни съ консервативной, и въ шестидесятые годы, когда каждый такъ или иначе примыкалъ къ тому или иному лагерю, Толстой одинъ остался внѣ лагерей. Сначала за границей, гдѣ ему ничто не понравилось, потомъ у себя въ Ясной Полянѣ онъ отдавался больше всего внутренней своей жизни, выработкѣ взглядовъ на людей и ихъ взаимоотношенія, которыя вылились потомъ съ такой яркостью и силой въ «Войнѣ и мирѣ». Цѣлый рядъ произведеній служитъ отраженіемъ этой внутренней жизни. «Утро помѣщика», «Три смерти», «Люцернъ», «Поликушка», «Холстомѣръ» показываютъ, какъ писателя все время волнуютъ вопросы, имѣющіе вѣчное значеніе. Странное впечатлѣніе должны были произвести эти произведенія въ періодъ самой жаркой борьбы различныхъ направленій, когда злобы дня отодвигали все на задній планъ. Къ тому же періоду относятся «Семейное счастье» и «Казаки». Любопытно, что первое изъ нихъ, въ которомъ уже слышатся отзвуки мыслей, потомъ съ такою страстностью развитыхъ въ «Крейцеровой сонатѣ», написано Толстымъ еще неженатымъ человѣкомъ, въ періодъ очень бурной холостой жизни. «Казаки» по времени первое изъ произведеній Толстого, въ которомъ проявляется его геніальный талантъ художника-мыслителя. Въ немъ впервые дана несравненная картина «дѣтей природы», пожалуй, не только въ русской, но и міровой литературѣ. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ отыскать аналогіи его Ерошкѣ, Маріанкѣ, Лукашкѣ. «Дѣти природы» изображены не съ предвзятой точки зрѣнія—возвеличить или принизить ихъ, не съ цѣлью дать намъ образцы для подражанія, а просто даны живые люди, настолько сливающіеся своей жизнью съ природой, что по отношенію къ нимъ, какъ и къ природѣ вообще, отпадаютъ вопросы о добрѣ или злѣ. На фонѣ такой «естественной» жизни, безъ «думы роковой», безъ рефлексіи и вѣчнаго копанія въ своей душѣ, особенно ярко выступаетъ слабость и безсиліе «культурнаго» человѣка Оленина, въ лицѣ котораго, можетъ быть безсознательно, сказалось отрицательное отношеніе Толстого къ «прогрессу цивилизаціи».

«Казаками» заканчивается бурный періодъ исканія. Съ середины шестидесятыхъ годовъ начинается второй—время спокойнаго творчества, давшаго два величайшихъ романа—«Войну и миръ» и «Анну Каренину». Нельзя охватить однимъ взглядомъ огромный міръ образовъ, положеній, характеровъ и типовъ, заключающійся въ «Войнѣ и мирѣ». Тутъ, кажется воспроизведена сама жизнь, какъ она есть, причемъ отъ императорскаго дворца до лагерной палатки все выписано съ художественной тщательностью, отчего вся картина живетъ и дышетъ. Психологія народа объединяетъ эту многообразную картину и придаетъ ей нетлѣнное значеніе. Историо-софическіе взгляды самого автора проведены здѣсь не только въ видѣ отступленій и отдѣльныхъ мыслей (они были выдѣлены потомъ Толстымъ въ особую часть), но главнымъ образомъ въ геніально изображенныхъ подробностяхъ, сценахъ и типахъ. Основные взгляды Толстого ясно видны уже въ «Войнѣ и мирѣ», его признаніе

главной силы за стихійностью и отрицаніе значенія отдѣльныхъ личностей. Въ противопоставленіи Наполеона и Кутузова, Каратаева и Безухова чувствуется то же, что и въ «Казакахъ»: огромное подавляющее значеніе безсознательнаго, стихійнаго начала въ жизни и исторіи. Платонъ Каратаевъ—вотъ истинный мудрецъ, всецѣло живущій не личною жизнью и личными усиліями мысли, а сливающейся всѣмъ существомъ съ жизнью міровой. Онъ «круглый», т.-е. ни одна черточка въ немъ не выдѣляется въ силу индивидуальнаго значенія, а все слито и оформлено по типу «міра» и «природы», съ которыми Каратаевъ безсознательно ощущаетъ полную духовную связь и единеніе. Отчасти то же мы видимъ и въ характерѣ Кутузова, который силенъ этимъ безсознательнымъ ощущеніемъ своей непосредственной связи съ стихійнымъ настроеніемъ народа и солдатъ, чего именно нѣтъ въ Наполеонѣ, придающемъ исключительное значеніе своимъ личнымъ талантомъ и своей все подавляющей личности.

Общій тонъ этой великой эпопеи, не имѣющей равной себѣ ни въ одной литературѣ, отличается радостнымъ, свѣтлымъ настроеніемъ, которое такъ рѣзко оттѣняетъ это произведеніе при сравненіи съ послѣдующими твореніями Толстого. Въ «Аннѣ Карениной» преобладаетъ пессимистическое настроеніе, мѣстами безотрадное, доходящее почти до отчаянія, когда Левинъ теряетъ смыслъ жизни. Описаніе смерти брата Николая уже близко къ смерти Ивана Ильича. Общій смыслъ всего романа—безцѣльность жизни, отсутствіе радости въ самыхъ, повидимому, законныхъ чувствахъ человѣка. Только сближеніе съ стихійнымъ чувствомъ народа вноситъ нѣкоторый миръ и удовлетвореніе въ смятенную душу Левина. «Нечѣмъ жить»—этимъ воплемъ завершился второй періодъ великой работы совѣсти въ геніальномъ авторѣ, и начался третій, продолжающійся и понынѣ.

Художественная дѣятельность третьяго періода не уступаетъ по значенію, величію содержанія и объему его прежней творческой работѣ. Такія произведенія, какъ «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Власть тьмы» и, наконецъ, «Воскресеніе»—не только не уступаютъ по художественной красотѣ прежнимъ, но и превосходятъ опредѣленностью и страшною важностью поднимаемыхъ вопросовъ. И прежде Толстой не былъ никогда писателемъ по профессіи, вопросъ, *какъ* написать то или другое, уступалъ для него всегда другому вопросу—*что* сказать. Отсюда кажущаяся небрежность формы, грубоватость отдѣлки, придающія его произведеніямъ такую характерность—силы и безыскусственности. Въ произведеніяхъ третьяго періода эта черта еще усилилась въ его манерѣ работы, которая производитъ иногда впечатлѣніе усилій почти нечеловѣческихъ—съ ясностью самой жизни возсоздать внутренній міръ человѣка до послѣдней черточки, до того предѣла, гдѣ исчезаетъ граница, отдѣляющая искусство отъ жизни. Сущность вытѣсняетъ форму, которая только мѣшаетъ великому творцу уловить недостающія подробности, чтобы выявить истину во всей ея подавляющей наготѣ. Нельзя сказать, что въ томъ или другомъ изъ его произведеній нехудожественно: искусство, добро и правда слиты въ полной гармоніи. Этимъ и объясняется впечатлѣніе каждаго изъ его послѣд-

нихъ произведеній, которыя, какъ сама жизнь, очаровываютъ и подавляютъ. Стоитъ, напр., вспомнить отдѣльные моменты въ «Смерти Ивана Ильича» или въ «Воскресеніи» и сравнить ихъ съ лучшими страницами «Войны и мира» или «Анны Карениной», чтобы видѣть, насколько искусство теперешняго Толстого, не уступая въ красотѣ, превосходитъ его прежнюю манеру, если можно такъ выразиться, углубленностью содержанія.

А значеніе его теперь, безспорно, неизмѣримо выше по сравненію съ прежнимъ временемъ. Тогда онъ былъ достояніемъ только небольшого круга интеллигенціи, теперь онъ, несомнѣнно, *народный* писатель, имя котораго также популярно среди массы, какъ и интеллигенціи. Говорить о распространеніи его произведеній невозможно, такъ какъ цифръ для этого нѣтъ, но безспорно одно, что общая сумма его произведеній, распространенныхъ въ массѣ, во много разъ превышаетъ общую цифру произведеній всей русской литературы. Одно «Воскресеніе» разошлось почти въ милліонѣ экземпляровъ, а его мелкіе разсказы циркулируютъ сотнями тысячъ. Эта распространенность Толстого дѣлаетъ его значеніе, какъ народнаго писателя, не поддающимся никакому сравненію и учету. Предъ нами литературное явленіе, заслоняющее собой все остальное по громадности общественнаго значенія.

Результаты этой гигантской пятидесятилѣтней работы не могутъ быть теперь даже приблизительно учтены, но все же вторую половину девятнадцатаго, въ особенности послѣднюю четверть его, можно назвать вѣкомъ Толстого: едва ли въ міровой литературѣ нашего времени можно указать болѣе характерную и вліятельную личность.

Удивительна судьба русской литературы! Сто лѣтъ тому назадъ покончилъ съ собой первый русскій великій публицистъ, изъ книги котораго вышла вся послѣдующая передовая часть русской литературы: «У Радищева юный Пушкинъ учился ненависти къ крѣпостному праву», говоритъ г. Мякотинъ. А теперь во главѣ литературы всего міра стоитъ русскій писатель, несомнѣнно болѣе сильный и болѣе значительный. Путь, пройденный за этотъ вѣкъ, отдѣляющій кончину Радищева отъ пятидесятилѣтія Толстого, безпримѣренъ въ исторіи мысли по огромности добытыхъ результатовъ. Какъ ни многотруденъ былъ этотъ путь, но русская литература, можетъ, съ надеждою и вѣрою въ себя, смотрѣть въ будущее...

А. Б.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г. г. Редакторъ

Въ іюльскомъ нумерѣ вашего почтеннаго журнала я нахожу замѣтку г. Кудрявскаго о второмъ изданіи переведеннаго мною «Краткаго народовѣдѣнія» Шурца, которая, вѣроятно, должна смутить постоянныхъ читателей вашего журнала. Авторъ замѣтки обвиняетъ меня въ неудачныхъ примѣчаніяхъ, «разрушающихъ систему автора» («М. Б.», 1902 VII, 95) и въ «небрежности въ самомъ языкѣ русскаго перевода», причемъ «непріятное впечатлѣніе производятъ неудачныя выраженія и неточности перевода» (тамъ же, 96). Я полагаю, что такой отзывъ не можетъ не удивить вашего читателя, если онъ помнитъ отзывъ, помѣщенный въ X № «Міра Божія» за 1895 г., въ которомъ объ этомъ же переводѣ сказано: «Переводъ сдѣланъ такимъ знатокомъ вопросовъ по народовѣдѣнію и культурѣ, какъ г. Коропчевскій, добавившій въ примѣчаніяхъ цѣнныя поясненія» (Библіогр. отдѣлъ, стр. 22—23). Я увѣренъ, что читателя, даже и «внимательнаго» можетъ затруднить задача, возлагаемая на него г. Кудрявскимъ, который предлагаетъ ему самому «исправить неточности перевода». Это тѣмъ труднѣе ему сдѣлать, что г. рецензентъ ни одной неточности не указываетъ. Съ своей стороны, я прибавлю только, что я предоставляю г. Кудрявскому быть какого угодно мнѣнія о моихъ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ къ книгѣ Шурца, но думаю, въ чемъ, конечно, и вы со мной согласитесь, что говоря о неточности и небрежности перевода ему, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы указать примѣры съ соотвѣтственными мѣстами нѣмецкаго текста, такъ какъ иначе обвиненіе его является голословнымъ и бездоказательнымъ.

Я надѣюсь, что вы не откажете въ помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ уважаемомъ журналѣ. Д. Коропчевскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Признавая вполнѣ справедливость требованія г. Коропчевскаго—указать примѣры неточности, приводимъ ихъ ниже, причемъ должны замѣтить, что эти примѣры *были* приведены нашимъ рецензентомъ въ первоначальномъ текстѣ, но редакція не помѣстила ихъ только потому, что и самъ авторъ рецензіи, и редакція не придавали этимъ неточностямъ особаго значенія въ общей оцѣнкѣ этой хорошей книги. Тѣмъ болѣе, что рецензія уже второй разъ помѣщается о книгѣ Шурца.

Вотъ эти примѣры, приведенные г. Кудрявскимъ;

«На стр. 43 кипяченіе воды раскаленными камнями названо «обычаемъ»; на стр. 44 сказано: «Приготовленіе древнѣйшаго опьяняющаго напитка арійцевъ, сомы, къ сожалѣнію, не можетъ быть *указано*». Здѣсь, конечно, слово «указано» неумѣстно; о чемъ рѣчь идетъ въ подлинникѣ, мы, къ сожалѣнію, не могли справиться. На стр. 45 говорится «о разнообразномъ размноженіи» одежды; на стр. 59—рыбъ «*оглушаютъ* ядовитымъ веществомъ»; на стр. 117 говорится о дорогахъ «къ янтарнымъ берегамъ Балтійскаго моря»; на стр. 136 приводится типичный примѣръ «существованія блуждающаго»; на стр. 173 сказано: «Въ костюмъ марутсовъ, по преимуществу *состоящему* изъ шкуръ, входятъ...»; на стр. 234: «Въ теченіе весьма *обширнаго* промежутка времени» и т. д. Кромѣ того нельзя не отмѣтить, что по-русски обыкновенно говорятъ «гарпунъ» въ мужскомъ родѣ, а не «гарпуна» въ женскомъ (58 стр.). Вопросъ о томъ, можно ли употреблять форму «*кушаньевъ*» (стр. 42—43) вмѣсто кушаній, я уже предоставляю рѣшить будущему законодателю нашего правописанія».

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Въ контору журнала „Міръ Божій“ (Спб., Разъѣзжая, д. № 7), поступили въ продажу:

Сочиненія Глѣба Успенскаго

въ трехъ томахъ, съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. К. Михайловскаго. Изданіе Ф. Ѳ. Павленкова 1896 и 1898 гг. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Выписывающіе черезъ контору журнала за пересылку не платятъ.

Имѣются въ продажѣ сочиненія **Глѣба Успенскаго** и въ восьми томахъ, изданія Ф. Ѳ. Павленкова:

Первый томъ: 1. Нравы Растеряевой улицы.— 2. Растеряевскіе типы и сцены.— 3. Столичная бѣднота. (Первый томъ весь разошелся).

Второй томъ: Разоренье. 1. Наблюденія Михаила Ивановича.—2. Тише воды, ниже травы.—3. Наблюденія одного лѣнтяя.

Третій томъ. Разсказы: 1. Книжка чековъ.—2. Неплательщики.—3. Хочешь—не хочешь.—4. На старомъ пепищѣ.—5. Неизлечимый.—6. Не воскресъ.—7. Голодная смерть.—8. Три письма.—9. Больная совѣсть.

Четвертый томъ. Разсказы: Будка.—Спустя рукава.—Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ.—Прогулка.—Тяжкое обязательство.—На постояломъ дворѣ.—Изъ записокъ маленькаго человѣка.—Хорошая встрѣча.—Съ конки на конку.—Норовилъ по совѣсти.—Умерла за «направленіе».—Письма изъ Сербіи.—Мелочи.

Пятый томъ: 1. Изъ деревенскаго дневника.—2. Непорванныя связи.—3. Овца безъ стада.

Шестой томъ: 1. Малые ребята.—2. Очерки, разсказы, письма.—3. Богъ грѣхамъ терпитъ.—4. Волей-неволей.

Седьмой томъ: 1. Крестьянинъ и крестьянскій трудъ.—2. Власть земли.—3. Безъ своей воли.—4. Изъ разговоровъ съ пріятелями.—5. Не случись.—6. Пришло на память.

Восьмой томъ: 1. Скучающая публика.—2. Черезъ пень-колоду.—3. Очерки.

Цѣна каждаго тома **1 р. 50 к.**

Книгопродавцамъ уступка: за 3-хъ-томное изданіе 20%; за 8-е—30% съ цѣны каждаго тома.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „МІРЪ БОЖІЙ“:

Вальтеръ Безантъ. Тайна богатой наслѣдницы. Ц. 50 к.
Реклю. Исторія земли. Ц. 2 р.
Бородинъ. Процессъ оплодотворенія растеній. Ц. 1 р. 50 к.
Павловъ. Морское дно. Ц. 60 к.
Его же. Вулканы на землѣ. Ц. 40 к.
Павлова. Ископаемые слоны. Ц. 40 к.
Морисъ Вилькомъ. Чудеса микроскопа. Ц. 1 р.
Челпановъ. О памяти и мнемоникѣ. Ц. 60 к.
Его же. Мозгъ и душа. Ц. 1 р. 50 к.
Випперъ. Общественныя ученія. Ц. 1 р.
Сизеранъ. Рёскинъ и религія красоты. Ц. 80 к.
Фаминцынъ. Современное естествознаніе и психологія.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.
„ „ „ „ „ Ч. II. Ц. 1 р. 75 к.
„ „ „ „ „ Ч. III. Ц. 75 к.
Ивановъ. Писемскій. Ц. 1 р.
Его же. Ив. Серг. Тургеневъ. Ц. 2 р.
Его же. Исторія русской критики. Ч. I и II. Ц. 2 р.
„ „ „ Ч. III и IV. Ц. 2 р
Его же. Изъ западной культуры. Сборн. I. Ц. 2 р.
„ „ „ Сборн. II. Ц. 60 к.
Его же. Поэзія и правда міровой любви. Ц. 75 к.
Его же. Новая культурная сила. Ц. 2 р.
Богдановичъ. Современный Китай. Ц. 75 к.
Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора. Ц. 1 р. 50 к.
Смирнова. Маха-Бхарата. Ц. 50 к.
Острогорскій. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Ц. 40 к.

Складъ изданій: контора журнала „Міръ Божій“ и книжный магазинъ Карбасникова. Спб. Литейный просп., д. 46.

ГЛАВА XVII.

Глубоководныя работы.—Діего-Гарсія.—Флора и фауна.—Населеніе.

Покинувъ атоллъ Суадива, мы направили нашъ курсъ на самую южную изъ группъ коралловыхъ атолловъ, которыя, начинаясь Лакедивскими островами, оканчиваются архипелагомъ Хагосъ. Въ теченіе четырехъ дней пути, 20-го—23-го февраля, мы предприняли серію изъ пяти промѣровъ, которые дали намъ важный въ географическомъ отношеніи результатъ, именно, доказали существованіе подводнаго хребта, связывающаго острова Хагосъ съ Малединскими. На западъ и на востокъ отъ обоихъ названныхъ коралловыхъ атолловъ уже прежнія экспедиціи показали присутствіе глубокаго моря въ 4—5.000 метровъ глубиною. Наши промѣры дали по прямой линіи, связующей Малединскіе острова съ островами Хагосъ, менѣе значительныя глубины, именно 2.253, 2.524, 2.926 и 3.376 метровъ. Такимъ образомъ, вся система коралловыхъ архипелаговъ, выдвинутыхъ въ центральный Индійскій океанъ и тянущихся съ сѣвера на югъ, оказывается, представляетъ изъ себя одно цѣлое, которое расчленяется, правда, довольно широкими и глубокими каналами на отдѣльныя группы. Температура на днѣ была 1,7—1,8°, грунтъ дна состоялъ изъ бѣлаго глобигериноваго ила, въ которомъ при промывкѣ оказывались глобигерины и многочисленныя кремневыя раковинки радіолярій. Ловы замыкающимися сѣтями, производившіеся нами почти вплоть до самаго дна, доставляли намъ, наравнѣ съ живыми вѣтвистоусыми рачками и сагиттами съ краснымъ кишечникомъ, такое количество пустыхъ радіоляріевыхъ и глобигериновыхъ раковинокъ, что уловъ казался бѣлымъ и мутнымъ. Хорошая погода позволила намъ произвести не только многочисленные ловы вертикальными сѣтями, положительно завалившими насъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ, но и предпринять два раза работу траломъ на глубинѣ 2.253 и 2.919 метровъ. Фауна дна въ этой части моря развита не особенно богато, но содержитъ все же большое количество интересныхъ формъ. Между ними бросались въ глаза красивѣйшіе представители рода *Umbellula*, морскія перья, роговые кораллы, фіолетовые морскіе ежи (*Dermatodiadema*), морскія звѣзды и особенно замѣчательныя плеченогія. У послѣднихъ замѣчается удивительное приспособленіе къ существованію на глобигериновомъ илѣ, именно у нихъ совершенно необычнымъ образомъ развивается нога. Въ противоположность къ родственному роду *Terebratulina*, она сильно вытянута и снабжена многочисленными тонкими боковыми вѣтвями, при помощи которыхъ оплетаются или же прободаются насквозь корненожки-глобигерины.

Какъ сообщаетъ мнѣ проф. Блохманнъ, подобное измѣненіе ноги не было до сихъ поръ найдено ни у одного изъ плеченогихъ.

Въ теченіе первыхъ дней послѣ отъѣзда съ Маледивскихъ острововъ, мы находились подъ экваторомъ, и погода была томительно жаркой. Мы прошли 20-го февраля самый южный изъ Маледивскихъ острововъ островъ Пхуа-Мулаку, замѣтный издали и имѣющій видъ низкаго и поросшаго кокосовыми пальмами коралловаго рифа. Туземцы, повидимому, давно уже не видали ни одного парохода, такъ какъ на сигналъ свисткомъ сбѣжались со всѣхъ концовъ цѣлыми сотнями. Отъ берега отвалила лодка съ краснымъ флагомъ, и мы остановились, чтобы подождать ее. Къ сожалѣнію гребцы, вѣроятно, заподозрили насъ въ дурныхъ намѣреніяхъ и не рѣшились приблизиться къ судну, такъ что мы, не производя здѣсь высадки, продолжали свой путь.

До сихъ поръ наблюдался или полный штиль, или легкій западный вѣтеръ, но теперь, съ 21-го февраля, началъ становиться все сильнѣе и сильнѣе сѣверо-западный муссонъ. Онъ разразился грозою и сильными ливнями 22-го и 23-го февраля и обусловилъ очень чувствительное теченіе по направленію къ юго-востоку.

23-го февраля, послѣ обѣда, мы замѣтили островъ Діего-Гарсія, но уже стемнѣло, прежде чѣмъ намъ удалось подойти ко входу въ его внутреннюю лагуну. При сильномъ волненіи намъ казалось не особенно пріятнымъ крейсеровать всю ночь передъ атолломъ, и капитанъ рѣшился, руководствуясь превосходной картой англійскаго адмиралтейства, войти въ лагуну при свѣтѣ полной луны, несмотря на то, что входные знаки были удалены нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Населеніе Діего-Гарсія было не мало изумлено, когда увидѣло на слѣдующее утро въ лагунѣ большой пароходъ, стоящій на якорѣ. Скоро отъ главнаго поселенія отвалила лодка съ чернокожими гребцами въ красивыхъ матросскихъ костюмахъ. Главный администраторъ острова м-ръ де-Кайла самъ сидѣлъ на рулѣ и былъ, казалось, удивленъ, когда на его вопросъ, нѣтъ ли у насъ больныхъ на пароходѣ и какова цѣль нашего прибытія, ему отвѣтили съ мостика, что мы хотимъ посмотрѣть его островъ и купить свиней. Взойдя на палубу, онъ, впрочемъ, скоро понялъ, какова цѣль нашей поѣзди, и вызвался со свойственной французу-южанину любезностью служить намъ лоцманомъ при дальнѣйшемъ проходѣ черезъ лагуну къ мѣсту якорной стоянки противъ главнаго населеннаго пункта. При этомъ онъ не могъ не сдѣлать нѣсколькихъ комплиментовъ нашему капитану по поводу удачно выполненнаго имъ рискованнаго входа въ лагуну ночью, на что не рѣшалось ни одно изъ судовъ, посѣщавшихъ островъ до тѣхъ поръ.

Прежде чѣмъ коснуться своеобразныхъ соціальныхъ условій этого одинокаго острова, заброшеннаго въ глубинѣ тропическаго Индійскаго океана и въ настоящее время отрѣзаннаго отъ мірового торговаго пути, да будетъ намъ позволено охарактеризовать его форму, растительность и фауну, насколько намъ съ ними удалось познакомиться въ теченіе двухъ съ половиною дней нашего пребыванія тамъ. Островъ Діего-Гарсія располагается подъ 7°13′ южн. шир. и 72°23′ восг. долг.; онъ представляетъ изъ себя типичный коралловый атоллъ, неправильной трехъугольной формы, острый конецъ котораго направленъ на югъ, а основаніе на сѣверо-западъ. Полоса суши шириною не болѣе одной мили и мѣстами значительно уже; она окружаетъ огромную лагуну, сообщающуюся съ океаномъ на сѣверо-западѣ. Входъ въ лагуну дѣлится тремя островами: Восточнымъ, Среднимъ и Западнымъ, на 4 про-

лива, изъ которыхъ наиболѣе удобнымъ для судоходства является проливъ между Среднимъ и Западнымъ острозомъ; здѣсь имѣются глубины въ 10—12 метровъ и могутъ проходить даже большіе океаническіе пароходы. Отсюда тянется глубокій извилистый фарватеръ между подводными коралловыми рифами вплоть до якорной стоянки противъ главнаго поселенія Истъ-Пойнта и такимъ образомъ лагуна представляетъ изъ себя превосходную и удивительно хорошо защищенную гавань. Протяженіе Діего-Гарсія съ сѣвера на югъ составляетъ 12½, съ востока на западъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ—7 морскихъ миль. Поверхность острова плоска и поднимается лишь на нѣсколько метровъ надъ уровнемъ моря. Островъ сложенъ изъ коралловыхъ полипняковъ и коралловаго песка, который юго-восточнымъ пассатомъ, дующимъ съ апрѣля по сентябрь, наметается кое-гдѣ въ дюны вышиною въ 8—10 метровъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ островъ покрытъ богатой растительностью, опавшая листва и скорлупа кокосовыхъ орѣховъ образуетъ плодородный перегной. Къ лагунѣ берегъ спускается очень полого, къ открытому же морю суша опускается обрывистѣе и окаймлена краевымъ рифомъ, который обнажается во время отлива и представляетъ изъ себя полосу въ $^1/_4$—$^1/_2$ мили шириною. Лагуна въ серединѣ достигаетъ 20 метровъ глубины, самая же большая глубина, измѣренная въ ней,—30 метровъ. На самомъ южномъ заостренномъ концѣ она, повидимому, за послѣдніе десятки лѣтъ обнаруживаетъ медленное обмеленіе. Нѣтъ словъ, чтобы описать красоту окраски воды внутри лагуны—поднимающіеся съ глубины коралловые рифы обусловливаютъ на основномъ голубомъ фонѣ ея самые различные переходы къ бѣлому, зеленому и желто-красному цвѣту. Какъ внутри лагуны, такъ и снаружи рифа произрастаютъ, главнымъ образомъ, мадрепоры, звѣздчатые кораллы, меандрины, миллепоры и грибовидные кораллы. На краевомъ рифѣ, который къ тому же во время отлива лишь мѣстами покрытъ водою, не растетъ никакихъ живыхъ коралловъ,—вѣтви ихъ большею частью обломаны и чашечки стерты, но зато здѣсь часто находятся свободно лежащіе обломки коралловыхъ полипняковъ.

Островъ Діего Гарсія очень малъ по сравненію съ коралловой банкой Хагосъ, располагающейся на сѣверъ отъ него и оканчивающейся на сѣверномъ и южномъ краю двумя небольшими приподнимающимися надъ водою атоллами, именно островомъ Сиксъ-Эйландомъ и островомъ Терросъ-Банхосъ. Эта банка Хагосъ имѣетъ въ длину не менѣе 95 морскихъ миль при ширинѣ 65 миль и представляетъ изъ себя гигантскій, погрузившійся въ воду, атоллъ, край котораго лежитъ на 7—18 метрахъ подъ водою, тогда какъ во внутренней лагунѣ его замѣчаются глубины до 82 метровъ. Вмѣстѣ съ Діего-Гарсія и двумя вышеназванными атоллами банка Хагосъ представляетъ одно цѣлое, называемое островами Хагосъ. Въ теченіе южной зимы островъ Діего-Гарсія, обвѣваемый юго-восточнымъ пассатомъ, несмотря на обиліе здѣсь дождей, считается мѣстностью очень здоровой. Малярія на немъ неизвѣстна, но зато европейцамъ приходится жаловаться на болѣзни печени, развивающіяся при продолжительномъ пребываніи на островѣ.

Островъ покрытъ роскошной растительностью. Для изучающаго распредѣленіе растеній, однако, здѣсь непріятный сюрпризъ въ томъ отношеніи, что мѣстныхъ, эндемичныхъ, формъ растеній нѣтъ совершенно, и встрѣчаются лишь такія, которыя распространены по всему тропическому поясу на коралловыхъ островахъ. Но между тѣмъ, на очень немногихъ атоллахъ встрѣчаемъ мы столь же роскошное разви-

тіе растительнаго покрова, какъ на Діего-Гарсія. Преобладаетъ здѣсь кокосовая пальма, встрѣчающаяся въ милліонахъ экземпляровъ и придающая характерный отпечатокъ физіономіи острова. Пальмовые лѣса образуютъ такія густыя заросли, что совершенно затѣняютъ островъ. Мѣстами еще выше ихъ перистыхъ верхушекъ поднимаются казуарины съ ихъ тонкой листвою, напоминающей тамариск.

Около факторій растутъ превосходныя *Calophyllum inophyllum* и баррингтоніи, которыя, повидимому, посажены уже давно. Роскошное старое дерево *Calophyllum*, называемое здѣсь обитателями острова «татамака», какъ оно называется и на Сейшелльскихъ островахъ, является дивнымъ украшеніемъ. По всей вѣроятности, принесенъ сюда человѣкомъ и крупный баньянъ *(Ficus bengalensis)*, встрѣченный нами въ Истъ-Пойнтѣ и занимающій своими укореняющимися въ землѣ воздушными корнями огромную поверхность. Какъ на внутреннемъ, такъ и на наружномъ берегу тѣснятся еще терминаліи, а именно, представители родовъ *Hernandia*, *Scaevola* и *Tournefortia*. Оба послѣдніе рода образуютъ на наружномъ берегу почти непроницаемую заросль изъ-за которой гордо поднимаются верхушки кокосовыхъ пальмъ. На деревьяхъ часто паразитируютъ *Asplenium nidus*, тогда какъ почва покрыта папоротниками изъ рода *Gleichenia* и плаунами *Psilotum*.

Если на этомъ отдаленномъ островкѣ и не имѣется свойственныхъ ему исключительно растеній, то зато здѣсь можно познакомиться съ тѣми факторами, которые обусловили столь обильное заселеніе атолла всемірно распространенными въ тропической полосѣ и хорошо защищенными отъ вредныхъ вліяній вѣтра, волнъ, песка и морской соли представителями тропической растительности. Мы знаемъ, что многія сѣмена растеній приспособлены для распространенія при помощи вѣтра, тогда какъ другія распространяются птицами, проходя черезъ ихъ кишечникъ или же прилипая къ ихъ ногамъ и оперенію. Для тропической береговой флоры, какъ было признано еще Линнеемъ, гораздо большее значеніе имѣетъ перенесеніе плодовъ морскими теченіями. На плоскихъ морскихъ берегахъ находятся нерѣдко, вмѣстѣ съ выброшеннымъ деревомъ, цѣлыя банки плодовъ тѣхъ растеній, которыя именно и обусловливаютъ физіономію береговой полосы. Болѣе подробныя изслѣдованія показали, что плоды эти не утрачиваютъ способности прорастанія, несмотря на то, что приносятся волнами часто изъ очень далекихъ странъ. Сѣмена бываютъ обыкновенно окружены оболочками, которыя не только выдерживаютъ вредное вліяніе морской воды, но и представляютъ изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ весьма плавучія части растеній, такъ какъ клѣтки ихъ содержатъ воздухъ. Въ области интересующей насъ индомалайской береговой флоры проф. Шимперъ познакомилъ насъ недавно съ очень разнообразными приспособленіями къ такому способу переселенія, сказывающимися, прежде всего, въ развитіи приспособленной для плаванія ткани. Толстыя и богатыя воздухомъ оболочки кокосовыхъ орѣховъ, четырехгранные плоды баррингтоній, именно широко распространенныхъ *Terminalia Katappa, Tournefortia, Scaevola, Calophyllum*, и плоды всѣхъ другихъ формъ, характерныхъ для тропической береговой флоры, являются для географическаго распространенія растеній въ высокой степени важными.

Не менѣе флоры приковываетъ къ себѣ вниманіе и высшій животный міръ Діего-Гарсія. Уже при приближеніи къ острову бросаются въ глаза цѣлыя тучи бѣлыхъ и сѣрыхъ морскихъ ласточекъ,

которыхъ здѣсь три вида; онѣ гнѣздятся преимущественно на островахъ, лежащихъ при входѣ въ лагуну.

Впервые встрѣтили мы здѣсь въ большомъ количествѣ характерную для тропическаго пояса Индійскаго и Тихаго океановъ бѣлоснѣжную ласточку *(Gygis candida)*, она составляетъ какъ бы pendant къ антарктическимъ бѣлоснѣжнымъ буревѣстникамъ и соперничаетъ съ ними въ красотѣ и граціозности какъ полета, такъ и своей внѣшности. Чудное зрѣлище представляетъ изъ себя стайка этихъ замѣчательныхъ летуновъ, блещущихъ своимъ опереніемъ, когда она поднимается съ темной зелени тропическихъ пальмъ или другихъ деревьевъ. Въ противоположность ко всѣмъ своимъ родичамъ, ласточки эти гнѣздятся на деревьяхъ, гдѣ самка откладываетъ свое единственное яйцо между развилками вѣтвей. Большимъ сюрпризомъ было для меня, когда я позднѣе нашелъ этихъ же бѣлоснѣжныхъ морскихъ ласточекъ на Сейшельскихъ островахъ тамъ, гдѣ ихъ можно было всего менѣе ожидать, именно на верхушкахъ деревьевъ дѣвственнаго лѣса, покрывающаго высокіе горные хребты.

Вмѣстѣ съ морскими ласточками лагуну оживляютъ также глупыши *(Sula)*, тогда какъ по берегу бродитъ большое количество голенастыхъ, между которыми бросаются въ глаза особенно два вида цапель—болѣе крупная и маленькая карликовая цапля. При разсмотрѣніи коллекціи привезенныхъ нами птицъ оказалось, что карликовая цапля является новымъ видомъ, который Рейхеновъ назвалъ *Butorides albolimbatus*. Изъ сухопутныхъ птицъ здѣсь былъ найденъ до сихъ поръ лишь превосходно окрашенный ткачъ *(Foudia madagascariensis)*, относящійся къ мадагаскарской области. Послѣднее время на Діего-Гарсія пробылъ довольно долго очень способный англійскій наблюдатель Борнъ и чрезвычайно странно, какимъ способомъ онъ могъ не замѣтить голубей, которыхъ мы довольно часто видѣли на верхушкахъ деревьевъ. Голубь этотъ также оказался новымъ видомъ, имѣющимъ тѣмъ большій интересъ, что это единственная эндемичная наземная птица на островахъ Хагосъ. Она также относится къ мадагаскарской группѣ голубей и была описана Рейхеновымъ, какъ новый видъ рода *Homopelia*. Голубь этотъ напоминаетъ мадагаскарскаго *H. picturata*, но темнѣе окрашенъ и на расплывчатомъ основномъ красноватомъ фонѣ, переходящемъ мѣстами въ сѣрый, выдѣляется черный ошейникъ, какой наблюдается и у ближайшихъ родственниковъ этого вида.

Если принять во вниманіе, какъ мало мы пробыли на островѣ, то все же можно не безъ удовлетворенія замѣтить, что мы добавили кое-что къ его его фаунѣ,—именно, открыли два новыхъ вида птицъ и изъ нихъ единственный эндемичный сухопутный видъ!

Кому приходилось ходить по кокосовому лѣсу, тотъ не мало будетъ изумленъ, найдя здѣсь множество живыхъ существъ, которыхъ обыкновенно принято считать морскими обитателями,—это безчисленные сухопутные крабы, принадлежащіе къ роду *Gecarcinus* и находящіе себѣ обильную трапезу въ валяющихся всюду на землѣ плодахъ. Самаго оригинальнаго представителя ракообразныхъ, однако, не удается встрѣчать здѣсь днемъ—это распространенный по кокосовымъ лѣсамъ всѣхъ коралловыхъ рифовъ пальмовый воръ *(Birgus latro)*—ракъ, отличающійся своимъ сильно развитымъ брюшкомъ отъ крабовъ. Негры умѣютъ очень ловко находить его между корнями пальмъ, въ глубокихъ норкахъ, куда онъ прячется днемъ, и доставили намъ великолѣпнѣйшіе экземпляры, длиною около 35 сант.

Какъ сухопутные крабы, такъ и пальмовый воръ снабжены дыхательнымъ аппаратомъ, приспособленнымъ для дыханія на воздухѣ, именно у нихъ жабры помѣщаются въ особой мантійной полости. Яйца, однако, эти ракообразныя, откладываютъ въ воду. Лишь по окончаніи метаморфоза выходитъ пальмовый воръ на сушу, гдѣ своими сильными клешнями очень ловко срѣзаетъ верхушки кокосовыхъ орѣховъ, чтобы получить доступъ къ ядру. Нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что онъ поднимается даже самъ на пальмы, но какъ европейцы, такъ и чернокожіе увѣряли меня, что никода не видали пальмоваго вора лазающимъ по деревьямъ. Съ другой стороны, однако, они указали на любопытное явленіе,—нерѣдко имъ попадалась посреди лѣса скорлупа кокосовыхъ орѣховъ, наполненная морскою водою, и они увѣряютъ, что это не можетъ случиться никакимъ другимъ способомъ, кромѣ какъ путемъ перенесенія воды пальмовымъ воромъ.

На бѣломъ коралловомъ пескѣ между рифомъ и кустарниками держатся нерѣдко во множествѣ песчаные крабы (*Ocypoda*), образующіе глубокіе ходы и выстилающіе эти ходы, чтобы они не спадались, листьями.

Насѣкомыя на Діего-Гарсія также имѣются, хотя количество видовъ и не особенно велико. Въ извѣстное время года появляются огромнѣйшими массами мухи—явленіе тѣмъ болѣе непріятное для туземцевъ, что одновременно у всѣхъ начинается воспаленіе глазъ. Не отсутствуютъ здѣсь и москиты, а также и встрѣчающіеся всюду муравьи, термиты, пчелы и бабочки изъ семейства данаидъ. Сильный вредъ кокосовымъ пальмамъ наносятъ, на ряду съ крысами, также особые кокосовые жуки изъ семейства усачей—ихъ личинки выѣдаютъ ядро кокосовыхъ орѣховъ.

Намъ пришлось бы написать цѣлое сочиненіе, если бы мы вздумали перечислять всѣ морскіе организмы, водящіеся между подводными дворцами и гротами, образуемыми коралловыми полипняками. Скажемъ лишь, что лагуна необыкновенно изобилуетъ рыбою и даетъ неграмъ чрезвычайно цѣнныхъ съѣдобныхъ рыбъ изъ семейства рыбъ-попугаевъ. Къ нимъ присоединяются также угри, нѣкоторые изъ представителей которыхъ, именно виды муренъ, удивительно красивы, — все тѣло ихъ покрыто коричневыми и желтыми узорами. На наружномъ рифѣ обитаютъ омары, являющіеся настоящимъ деликатесомъ, и, кромѣ того, здѣсь появляются, хотя и не такъ часто, какъ на Мальдивскихъ островахъ, огромныя черепахи и, между прочимъ, драгоцѣнная черепаха-каретта, одинъ экземпляръ которой мы получили въ подарокъ. Цѣлые часы проводили мы на рифахъ за сборомъ различныхъ низшихъ организмовъ, населяющихъ лужи между коралловыми полипняками и отчасти внѣдряющихся внутрь самихъ полипняковъ. Здѣсь безчисленное множество голотурій, морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей и кольчатыхъ червей.

Быть можетъ, читателю будетъ не безынтересно узнать, какъ слагаются на такомъ удаленномъ отъ міра, одинокомъ коралловомъ островкѣ соціальныя условія и какъ протекаетъ здѣсь мирная жизнь безъ всякаго вмѣшательства чиновниковъ, судей и охранителей закона.

Экономическая жизнь Діего-Гарсія сводится почти исключительно къ использованію превосходныхъ зарослей кокосовыхъ пальмъ. Еще въ прежнія времена нѣкоторые изъ владѣльцевъ устроили на островѣ факторіи, позднѣе факторіи эти мало-по-малу перешли въ руки находящейся на островѣ св. Маврикія компаніи, во главѣ которой стоялъ во время посѣщенія острова молодымъ англійскимъ натуралистомъ Борномъ, т.-е.

въ 1887 году, г. Жюль Лекомтъ, а во время нашего посѣщенія—его пасынокъ г. Филиппъ де-Кайла. Въ настоящее время имѣютъ значеніе лишь двѣ большія факторіи, изъ нихъ одна—Пойнтъ-Марріанъ—находится на западной сторонѣ, другая—Истъ-Пойнтъ—на восточной. Въ виду того, что Діего-Гарсія находится подъ англійскимъ покровительствомъ и причисленъ къ округу св. Маврикія, на Пойнтъ-Марріанъ, при появленіи «Вальдивіи», былъ поднятъ англійскій флагъ, и туда мы сдѣлали нашъ первый визитъ. Деревянные мостки вели черезъ коралловый рифъ, къ поселенію, затѣненному могучимъ деревомъ *Calophyllum*, оно напоминаетъ наши дубы, но усѣяно бѣлыми цвѣтами, пахнущими, какъ апельсинные. Подъ сѣнью этого великана растительнаго царства помѣщался домъ съ широкими верандами, окруженный складами и постройками, въ которыхъ перерабатывалась копра. Во время нашего посѣщенія факторія эта принадлежала англичанину м-ру Миннингсу; ее окружалъ чудный садъ изъ тропическихъ растеній, къ которому непосредственно примыкали насажденія кокосовыхъ пальмъ съ растущими между ними высокими казуаринами. Огромный хлѣвъ служитъ для помѣщенія большого количества свиней, которыя прекрасно откармливаются отбросами копры. Уже здѣсь способъ веденія хозяйства производилъ впечатлѣніе очень разумнаго и энергичнаго, и впечатлѣніе это усилилось еще болѣе, когда мы посѣтили важнѣйшій изъ обитаемыхъ пунктовъ острова, Истъ-Пойнтъ, передъ которымъ «Вальдивія» стала на якорь. Здѣсь деревянные мостки были недавно разрушены бурею и какъ разъ строились новые желѣзные, съ проложеннымъ по нимъ рельсовымъ путемъ. Здѣсь также имѣется аллея роскошныхъ деревьевъ, въ концѣ которой располагается домъ владѣльца. Налѣво и направо отъ него расположены постройки для храненія кокосоваго масла въ огромныхъ желѣзныхъ бакахъ, конюшни для лошадей и ословъ, кузница и склады для храненія копры. Нѣсколько далѣе, вглубь острова, располагается небольшой домикъ, въ которомъ живетъ семейство одного изъ служащихъ, г. Мюльніе, и къ нему примыкаютъ маленькія хижинки, построенныя цѣликомъ изъ кокосовыхъ пальмъ, гдѣ живутъ чернокожіе. Во время нашего посѣщенія, все населеніе Діего-Гарсія, съ дѣтьми включительно, состояло изъ 527 душъ. Главный контингентъ образуютъ негры, къ которымъ присоединяются немногочисленные индусы. На плантаціяхъ Истъ-Пойнта работало 143 мужчины и 85 женщинъ, въ Пойнтъ-Марріанъ около половины этого числа. Нѣкоторые изъ рабочихъ и, какъ увѣряли, наиболѣе способные изъ нихъ являются уроженцами острова, тогда какъ остальные нанимаются по контракту на три года. Мужчины получаютъ въ мѣсяцъ 8, женщины 6 рупій жалованья и работаютъ они съ 6 часовъ утра до 5 вечера. Изъ этого жалованья у нихъ вычитается стоимость риса, который продается имъ по умѣреннымъ цѣнамъ, и другихъ жизненныхъ припасовъ, но, кромѣ того, они получаютъ ежедневно полбутылки, а по субботамъ цѣлую бутылку краснаго вина. Работа обусловлена контрактомъ такимъ образомъ, что каждый долженъ въ теченіе недѣли выполнить извѣстное количество работы, и такимъ образомъ болѣе способный работникъ можетъ успѣшно выработать все требуемое количество работы еще до конца недѣли и затѣмъ заниматься рыбной ловлей, различными домашними дѣлами или же отдыхать. Интересно, что на островѣ имѣются лишь четыре семейства европейцевъ и они умѣютъ поддержать порядокъ средй чернокожаго населенія, это обусловливается, конечно, исключительно тактичностью и энергіею администраторовъ. Возстанія негровъ, какія случа-

лись ранѣе, за послѣднее время не повторяются. Этому помогаетъ также то обстоятельство, что въ выдачѣ вина соблюдается большой порядокъ и добывать себѣ инымъ путемъ спиртные напитки за послѣднее время негры совершенно не могутъ. Всѣ живутъ въ такомъ между собою согласіи, что даже зачинщики прежнихъ возстаній оказываются теперь вполнѣ исправными рабочими и сдѣланы надсмотрщиками съ болѣе высокимъ содержаніемъ.

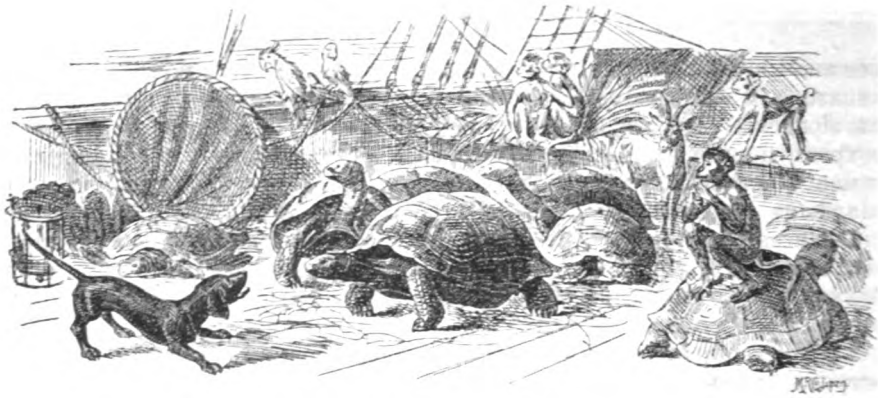
Дѣятельность факторіи вращается около выработки копры и побочныхъ продуктовъ. Хотя запасы кокосовыхъ пальмъ и поддерживаются сами собою безъ подсаживанія, все же за послѣднее время примѣняется болѣе раціональный способъ хозяйства, именно, бо́льшія пространства засаживаются молодыми пальмами. Отъ кокосовой пальмы не остается ни одна часть не использованной: стволъ даетъ прочное твердое дерево, тогда какъ листья идутъ на крыши и на различныя плетенія, въ которыхъ особенно искусны негритянки, выдѣлывающія изъ нихъ превосходные маты. Обрѣзанные молодые побѣги листьевъ доставляютъ превосходную овощь—пальмовую капусту, но должно замѣтить, что отрѣзаніе побѣговъ стоитъ пальмѣ жизни, и потому мы не безъ сожалѣнія уничтожали за обѣдомъ салатъ, какой врядъ ли можно получить гдѣ-нибудь еще, кромѣ какъ здѣсь, на кокосовыхъ островахъ. Вся обработка сводится, главнымъ образомъ, къ использованію орѣховъ, которые собираются чернокожими подъ предводительствомъ надсмотрщика и съ большою ловкостью очищаются отъ толстой кожуры. Для этого рабочій втыкаетъ въ землю инструментъ въ родѣ копья и при помощи его удаляетъ кожуру, примѣняя очень немного силы. Собранные орѣхи доставляются затѣмъ въ факторію, гдѣ женщины и дѣти разбиваютъ ихъ и раскладываютъ на солнцѣ. Прежде всего ихъ подвергаютъ легкому броженію на воздухѣ, тщательно оберегая отъ нерѣдкихъ здѣсь ливней; для защиты отъ послѣднихъ служатъ особые навѣсы, которые могутъ быть привезены на колесикахъ и разставлены надъ орѣхами. Когда затѣмъ ядра орѣховъ окажутся готовыми, превратятся въ копру, ихъ помѣщаютъ въ кокосовыя мельницы самаго примитивнаго устройства, приводимыя въ движеніе ослами. Въ обширныхъ конюшняхъ фермы стоитъ болѣе сотни ословъ, кормящихся отбросами копры и кое-какими травами, растущими на островѣ. Во время двухчасовой работы на мельницѣ ихъ припрягаютъ съ завязанными глазами по четыре или по шести къ большой балкѣ, которая приводитъ въ движеніе жерновъ. Вытекающее изъ раздавленныхъ орѣховъ масло собирается въ бочки, фильтруется и затѣмъ сохраняется въ большихъ желѣзныхъ бакахъ. Парусное судно, принадлежащее хозяину, разъ въ полъ года перевозитъ масло на островъ св. Маврикія, гдѣ оно употребляется неграми для приготовленія кушаній и для вымазыванія тѣла. Европейцы мало пользуются кокосовымъ масломъ, которое не можетъ сравняться съ оливковымъ ни по вкусу, ни по запаху. По сообщенію главнаго управителя, на островѣ Діего-Гарсія добывается въ три мѣсяца 170.000 литровъ кокосоваго масла. Все, что нужно для построекъ, всѣ инструменты и нужныя починки производятся на самомъ островѣ. Кузнецы и плотники заняты постоянно и прямо приходится удивляться ихъ технической ловкости и многосторонимъ талантамъ. Кому приходилось видѣть сдѣланныя на островѣ изящныя лодки, тотъ, несомнѣнно, вынесетъ о чернокожихъ мастерахъ самое высокое мнѣніе.

Нѣкоторое время казалось, что Діего-Гарсіа получитъ немаловаж-

ное значеніе какъ станція на большомъ торговомъ пути между Суэцкимъ каналомъ и Австраліей. Восточная пароходная компанія и фирма Лундъ въ Лондонѣ устроили здѣсь угольную станцію, и нѣкоторое время на островѣ царило оживленіе, подававшее обитателямъ его надежды на самое блестящее будущее. Надежды эти, впрочемъ, не осуществились, главнымъ образомъ, въ виду того обстоятельства, что цѣна угля—60 шиллинговъ за тонну—получалась слишкомъ высокая. Во время нашего посѣщенія всѣ морскіе знаки были опять сняты, за исключеніемъ одного буйка, и лишь 60 тоннъ угля лежало на одномъ изъ островковъ передъ входомъ въ атоллъ.

Такимъ образомъ, на Діего-Гарсія снова воцарилась тишина и снова островъ сталъ отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ. Съ другой стороны, однако, здѣсь наступило опять полное спокойствіе и мирное теченіе жизни. Негры были лишены возможности добывать спиртные напитки, и отрядъ полицейскихъ, переведенный сюда въ 1885 году съ Цейлона, былъ отозванъ обратно.

Съ того времени, какъ Форстеръ и Шамиссо впервые описали мирную жизнь на коралловыхъ островахъ Тихаго океана, неоднократно выражалась въ поэтической формѣ мысль, что тотъ лишь испытываетъ истинное счастье, кто проводитъ жизнь въ созерцаніи природы, далеко отъ сутолки міра, на островкѣ, обрамленномъ пальмами, среди первобытнаго и мирнаго населенія. Новѣйшее время, однако, глядитъ болѣе трезво на вещи, и первобытныя народности разсматриваются уже не съ той точки зрѣнія, какъ во времена великихъ открытій и въ XVIII вѣкѣ,—рѣже и въ поэзіи, и въ прозѣ выражается стремленіе переселиться на уединенный отъ мірской суеты островъ. Здѣсь на Діего-Гарсія соединены всѣ условія, которыя должны были бы дѣлать существованіе самымъ завиднымъ: здоровый климатъ, роскошная растительность, несравненная красота тропической природы, оживленная дѣятельность мирныхъ чернокожихъ, дѣлящихъ со своими господами горе и радость,—все должно было бы доставлять полное удовлетвореніе. Мнѣ кажется, однако, врядъ ли я ошибался, подмѣчая отъ времени до времени въ разговорѣ со своими любезными хозяевами прорывавшееся у нихъ невольно чувство тоски и одиночества, и думаю, что это то и заставляло ихъ оказывать такой горячій пріемъ людямъ, для нихъ въ сущности совершенно чуждымъ. Съ большою признательностью приняли они медицинскіе совѣты нашего врача и были, очевидно, очень рады, что хоть на нѣсколько дней у нихъ возстановились снова сношенія съ внѣшнимъ міромъ.



На палубѣ «Вальдивіи».

ГЛАВА XVIII.

Работы въ морѣ.—Сейшелльскіе острова.—Островъ Маэ.—Поѣздка на о. Праслинъ.

Передъ тѣмъ какъ мы пришли на Діего-Гарсія, дулъ такой сильный сѣверо-западный муссонъ, достигавшій временами 7 балловъ, что мы не могли производить болѣе тонкихъ изслѣдованій. Тотъ же вѣтеръ не прекращался и во время нашего пребыванія на островѣ, сопровождаясь по временамъ сильнѣйшими потоками ливня. Потому, чтобы попасть къ Сейшелльскимъ островамъ, мы избрали не южное направленіе черезъ банку Сая-де-Мала, а сѣверо-западное, надѣясь встрѣтить здѣсь опять болѣе благопріятныя условія погоды. Этимъ мы, правда, приближались къ линіи прежнихъ промѣровъ, именно промѣровъ, произведенныхъ экспедиціей судна «Энтерпризъ», но, съ другой стороны, представлялась возможность пополнить наши біологическія наблюденія, а въ нихъ-то, главнымъ образомъ, и лежалъ центръ тяжести экспедиціи.

Въ общемъ наша надежда не обманула насъ. Вѣтеръ сталъ слабѣе, но все же, переходя постепенно съ сѣверо запада на сѣверъ, имѣлъ силу около 4 балловъ и лишь около самыхъ Сейшелльскихъ острововъ наступилъ полный штиль, и море стало гладко, какъ зеркало. Вслѣдствіе того, что теченіе первоначально было либо прямо навстрѣчу вѣтру, либо подъ прямымъ къ нему угломъ, мы имѣли то преимущество, что судно наше, сильно выдававшееся изъ воды, благодаря уменьшившимся запасамъ угля, сносилось во время промѣровъ и другихъ работъ не такъ значительно, какъ мы ожидали.

Что касается до промѣровъ, произведенныхъ на этомъ пути, то они показали, что рельефъ дна здѣсь сильно складчатый. Черезъ день послѣ нашего отъѣзда съ Діего-Гарсія, мы нашли въ 20 миляхъ на западъ отъ большой банки Хагосъ 2.127 метровъ, а на слѣдующій день глубина была уже 4.129 метровъ. Изъ этого слѣдуетъ, что банка обрывается на западѣ прямо въ очень глубокое море, которое, однако, не сохраняетъ равномѣрную глубину, а позволяетъ замѣтить подводный хребетъ. Между обоими промѣрами 27-го февраля и 2-го

марта, давшими глубины болѣе 4.000 метровъ (2-го марта—4.599 метровъ), вклинивается возвышеніе дна, гдѣ мы нашли 2.743 метра. Грунтъ дна на глубинахъ оказался состоящимъ изъ бѣлаго глобигериноваго ила, и температуры на самыхъ большихъ глубинахъ были +1,8°. Болѣе тонкія біологическія наблюденія можно было предпринять лишь на третій день по выходѣ съ Діего-Гарсіа. Въ особенности мы поставили себѣ задачей изслѣдовать здѣсь горизонтальное распредѣленіе плавающихъ организмовъ замыкающимися сѣтями и, стоя на одномъ мѣстѣ, производили обыкновенно цѣлую серію подъемовъ такихъ сѣтей. Такъ, напримѣръ, 2-го марта мы были въ состояніи предпринять шесть лововъ замыкающимися сѣтями, при помощи которыхъ мы послѣдовательно разсмотрѣли распредѣленіе организмовъ отъ 1.600 метровъ глубины до поверхности.

Превосходные результаты дали опять ловы вертикальными сѣтями, которые иногда приносили формы, имѣющія даже большой общій интересъ. Изъ такихъ формъ мы опять должны упомянуть глубоководныхъ рыбъ—между ними попались рыбы, замѣчательныя телескопообразнымъ измѣненіемъ своихъ глазъ, а одна изъ рыбъ представляетъ изъ себя положительно едва ли не самое курьезное изъ всѣхъ позвоночныхъ, такъ какъ глаза ея сидятъ на чрезвычайно длинныхъ стебелькахъ. Далѣе бросалось въ глаза при этихъ ловахъ, что мы получали здѣсь тѣхъ пелагическихъ глубоководныхъ животныхъ, которыя раньше попадались намъ въ Атлантическомъ океанѣ. Менѣе обильные результаты получили мы отъ спуска трала 28-го февраля на глубинѣ 2.743 метровъ. Несмотря на то, что мы находились далеко отъ рифовъ и по всѣмъ нашимъ прежнимъ опытамъ могли съ увѣренностью разсчитывать, что дно ровное, сѣть наша все же черезъ нѣкоторое время застряла и лишь съ большимъ трудомъ удалось намъ послѣ часовой работы стцѣпить ее. Когда тралъ былъ поднятъ, то, къ нашему удивленію, онъ оказался совершенно сохраннымъ, но зато тросъ былъ завернутъ въ узлы, указывавшіе на то, что онъ какимъ то способомъ застрялъ между скалами. Результаты этого трала были довольно скудны,—попалась лишь одна офіура, два экземпляра упомянутыхъ выше плечоногихъ и два коралла.

Утромъ 5-го марта насъ окружилъ рой сѣрыхъ морскихъ ласточекъ и зеленоватая окраска моря съ обильнымъ количествомъ саргассовъ указывала на близость Сейшелльскихъ острововъ. При восходѣ солнца вынырнули передъ нами изъ моря круто поднимающіеся острова, которые, послѣ видѣнныхъ нами все время низменныхъ коралловыхъ атолловъ, производили особенно сильное впечатлѣніе. Эти гранитные обломки древняго материка лежали передъ нами покрытые густымъ покровомъ пальмовыхъ лѣсовъ. Направо отъ насъ располагался островъ Ла-Дикъ, островъ Маріи-Анны, островъ Фелиситэ и островъ Праслинъ, налѣво виднѣлся одинокій островъ Фрегатъ и, выдаваясь надъ всѣми ними, самый большой островъ Маэ, съ пропадающею въ облакахъ вершиною Морнъ-Сейшеллуа.

Группа Сейшелльскихъ острововъ состоитъ приблизительно изъ 29 острововъ, изъ которыхъ, впрочемъ, лишь семь достигаютъ болѣе значительной величины, тогда какъ остальные представляютъ изъ себя лишь маленькіе островки. Они распредѣляются на протяженіи двухъ градусовъ широты и обнимаютъ поверхность въ 264 кв. километра,

причемъ на главный островъ Маэ приходится 117, на второй—Праслинъ—40 километровъ. Что всѣ эти острова представляютъ изъ себя одно цѣлое, въ этомъ насъ убѣждаетъ рельефъ дна—всѣ они располагаются на банкѣ въ 18—80 метровъ глубины, и банка эта, какъ по направленію къ сосѣднимъ коралловымъ рифамъ Амирантскихъ острововъ, такъ и къ банкамъ Сая-де-Мала и Назаретской, лежащимъ на юго востокъ, спускается очень круто. Отъ Амирантскихъ острововъ ее отдѣляютъ глубины, по крайней мѣрѣ, въ 2.000 метровъ, отъ обѣихъ послѣднихъ банокъ и острововъ Маврикія и Реюньонъ море въ 3.000 метровъ глубиною. Еще болѣе значительное пониженіе дна замѣчается по направленію къ Мадагаскару, гдѣ наблюдаются глубины болѣе 4.000 метровъ.

Если предполагать здѣсь существованіе въ прежнія времена опустившагося теперь подъ поверхность моря континента—«Лемуріи», къ которому пріурочивалось многое и который, между прочимъ, считался и колыбелью человѣчества, то должно сознаться все же, что огромныя глубины, наблюдаемыя здѣсь, представляютъ большія затрудненія для такого соединенія Мадагаскара и Маскаренскихъ острововъ съ Сейшелльскими. Въ геологическомъ отношеніи, правда, послѣдніе представляютъ гораздо больше сходства съ Мадагаскаромъ, чѣмъ съ вулканическимъ островомъ св. Маврикія и островами Реюньонъ. Сейшелльскіе острова сложены сплошь изъ гранита, который лишь кое-гдѣ на берегу прикрытъ слоями коралловаго известняка, поднятаго на 25 метровъ. Когда мы около полудня подходили къ Маэ, уже общій видъ острова убѣждалъ насъ въ томъ, что происхожденіе его не вулканическое. Здѣсь нѣтъ конусовидныхъ вершинъ или зигзагообразныхъ краевъ кратера и вмѣсто того имѣются прямо поднимающіяся изъ моря массивы, нерѣдко превращенныя какъ бы въ бастіоны. Положительно поражаетъ изобиліе красивѣйшихъ ландшафтовъ! Притомъ весь островъ до самыхъ вершинъ покрытъ лѣсомъ, по склонамъ видны обработанныя поля и плантаціи, въ ущельяхъ шумятъ горные ручьи, тогда какъ съ моря островъ окаймленъ береговымъ рифомъ.

Подходъ къ гавани Портъ-Викторія довольно затруднителенъ, хотя фарватеръ и обозначается морскими знаками, маяками и буйками. Руководимая лоцманомъ «Вальдивія» вошла въ узкій фарватеръ между рифами и стала, наконецъ, на якорь недалеко отъ выдвинутой въ море дамбы.

Во время входа поражаетъ богатство красокъ и красота краевъ коралловаго рифа, спускающихся на глубину 7—9 саженъ. Мадрепоры съ ихъ голубоватыми концами вѣтвей, коричневатыя меандрины и звѣздчатые кораллы просвѣчиваютъ чрезъ синеватые слои воды и придаютъ бухтѣ такой измѣнчивый колоритъ, что тщетны были бы старанія художника передать его въ краскахъ. Ближе къ сушѣ условія для произрастанія коралловъ становятся менѣе благопріятными, такъ какъ часть рифа при отливѣ обнажается. Наконецъ, коралловый песокъ получаетъ преобладаніе и окаймляетъ бѣлой полосой воды, рѣзко выдѣляясь на темной зелени береговой флоры. На берегу живописно расположенъ главный городъ Сейшелльскихъ острововъ—Маэ (Mahé). Когда пройдешь дамбу, построенную изъ коралловыхъ обломковъ, то, прежде всего, бросаются въ глаза необыкновенно изящныя виллы живущихъ тамъ англичанъ и богатыхъ креоловъ и великолѣпіе садовъ, переполненныхъ самыми лучшими произведеніями тропической флоры. Свойственная англичанамъ наклонность разбивать всюду парки, ска-

зывается и здѣсь, именно, вокругъ зданія островного управленія разбиты превосходныя аллеи, скрывающія постройки, и выдаются верхушки одной изъ красивѣйшихъ пальмъ—лодойцеи. Тамъ мы были приняты главнымъ правителемъ м-ромъ Кокбернъ-Стюартомъ съ той предупредительной любезностью, которая свойственна всѣмъ образованнымъ англичанамъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ нашихъ соотечественниковъ, встрѣченными тамъ, онъ постарался сдѣлать намъ пребываніе на островѣ возможно болѣе пріятнымъ.

Городъ, похожій на колонію виллъ, переходитъ съ одной стороны въ широкую тѣнистую улицу, идущую вдоль берега моря. Окружающіе ее домики становятся постепенно все бѣднѣе и бѣднѣе и, наконецъ, смѣняются бамбуковыми хижинами негровъ съ крышами изъ листьевъ кокосовой пальмы.

Чтобы понять, изъ какихъ элементовъ слагается пестрое населеніе города, говорящее бо́льшею частью на креольскомъ нарѣчіи, должно сказать нѣсколько словъ объ исторіи Сейшелльскихъ острововъ. Несмотря на то, что острова эти въ геологическомъ отношеніи очень древни и представляютъ, быть можетъ, отрывки прежняго континента, знакомы мы съ ними ближе лишь съ 1742 г. Въ этомъ году дѣятельный губернаторъ Иль-де-Франса и острова Бурбона, Маэ-де-Лабурдоннэ, командировалъ капитана Лазара Пико для изслѣдованія располагающихся сѣвернѣе Сейшелльскихъ острововъ. Пико донесъ, что острова заслуживаютъ вниманія и былъ вторично командированъ въ 1744 году, чтобы окончательно присоединить ихъ ко владѣніямъ короля Людовика XV. Въ честь губернатора онъ назвалъ архипелагъ Лабурдонэ, а самый большой изъ острововъ—Маэ. Во время этого перваго изслѣдованія на Сейшелльскихъ островахъ не было, повидимому, вовсе обитателей. Лабурдоннэ впалъ впослѣдствіи въ немилость, и преемникъ его, Магонъ, послалъ въ 1756 году лейтенанта Морфэ, который перемѣнилъ наименованіе архипелага и назвалъ острова Сейшелльскими, по всей вѣроятности въ честь генеральнаго контролера Моро-де-Сейшелль. Черезъ 12 лѣтъ снова былъ посланъ французскій капитанъ Маріонъ-дю-Френъ, чтобы продолжить работы своихъ предшественниковъ, при этомъ случаѣ второй по величинѣ островъ получилъ названіе Праслина, въ честь военнаго министра герцога де-Праслина. Первые колонисты французы перешли на Сейшелльскіе острова съ острововъ Иль-де Франса и Бурбона въ 1770 году. Лѣтъ черезъ 20 все населеніе острова состояло изъ 20 европейцевъ и 230 чернокожихъ рабовъ.

Англія уже довольно давно задумала воспользоваться внутренними безпорядками во Франціи и пріобщить Сейшелльскіе острова къ британскимъ владѣніямъ. Первый опытъ, однако, въ 1794 году былъ неудаченъ, и еще въ 1801 году Наполеонъ Бонапартъ сослалъ на Сейшелльскіе острова 71 лицо, заподозрѣнное въ участіи въ покушеніи на его жизнь при помощи адской машины. Лишь въ апрѣлѣ 1811 года подпали окончательно Сейшелльскіе острова, вмѣстѣ съ островомъ Иль-де Франсъ, названіе котораго было измѣнено въ островъ св. Маврикія, подъ англійскій протекторатъ. Англійское правительство обязалось, однако, не предпринимать здѣсь ничего противъ сложившихся уже обычаевъ и французскаго языка, и это сказывается до сихъ поръ—острова производятъ впечатлѣніе французской колоніи.

Основу населенія представляютъ изъ себя креолы, переселившіеся сюда съ острова св. Маврикія и жившіе первоначально доходами съ

эксплоатаціи лѣсовъ—лишь подъ англійскимъ вліяніемъ они перешли къ земледѣльческому хозяйству. Ихъ считаютъ гостепріимными, общественными и любезными въ обращеніи, но въ то же время всѣ знакомые со страною указываютъ на отсутствіе у нихъ энергіи и наклонность ихъ къ вину и развлеченіямъ. Благодаря этому, плантаціи туземныхъ креоловъ хотя и не приходятъ въ упадокъ, все же не могутъ выдержать сравненія со владѣніями обитателей острова св. Маврикія и переселившихся сюда европейцевъ.

Цвѣтное населеніе состоитъ преимущественно изъ негровъ, которые были перевезены на острова съ Мозамбикскаго берега, затѣмъ здѣсь встрѣчаются мадагаскарцы, индусы и, въ качествѣ дѣятельныхъ торговцевъ, китайцы. Креолы и свободные негры представляютъ изъ себя элементъ мало способный къ дальнѣйшему культурному развитію. Англійскому правительству довольно трудно поднять уровень населенія, тѣмъ болѣе, что обученіе, вслѣдствіе приверженности населенія къ католицизму, находится въ рукахъ французскихъ миссіонеровъ, содержащихъ здѣсь 24 школы. Можно упомянуть еще, кстати, что по произведенной въ 1891 г. переписи все населеніе Сейшелльскихъ острововъ состояло изъ 16.440 лицъ—число сравнительно небольшое, если принять въ разсчетъ обширное протяженіе этихъ здоровыхъ для жизни и плодородныхъ острововъ.

Подъ англійскимъ владычествомъ здѣсь стало все болѣе и болѣе развиваться плантаторское хозяйство, и дѣвственный лѣсъ, уничтоженный въ значительной степени уже первыми поселенцами, постепенно оттѣснялся все далѣе и далѣе. Онъ сохранился въ полной неприкосновенности лишь въ наиболѣе отдаленныхъ высокихъ областяхъ въ окрестностяхъ горы Моунтъ-Гаррисонъ и въ южной части острова. Туда мы совершили одну изъ пріятнѣйшихъ и наиболѣе поучительныхъ экскурсій пѣшкомъ, которая была тѣмъ болѣе привлекательна, что одинъ изъ нашихъ сотоварищей по путешествію, д-ръ Брауеръ, пробылъ раньше на Сейшелльскихъ островахъ цѣлый годъ и былъ потому прекраснымъ путеводителемъ. Съ разсвѣтомъ мы отправились въ дорогу и при утренней свѣжести наслаждались великолѣпнѣйшими видами, открывавшимися направо на крутые обрывы главнаго хребта, прорѣзанные ущельями, и налѣво—на море съ наклоняющимися къ нему кокосовыми пальмами и тонкими казуаринами. Послѣ почти часовой ходьбы по большой дорогѣ, приходится идти далѣе по тропинкѣ, описывающей зигзаги и направляющейся къ вершинамъ, покрытымъ плантаціями.

Первые поселенцы культивировали кокосовыя пальмы и сахарный тростникъ, позднѣе, когда производство сахара стало невыгоднымъ, начали разводить корицу и гвоздику, которыя были ввезены сюда еще въ 1771 году съ Зондскихъ острововъ. Въ послѣднее время появились много обѣщающія плантаціи шоколадныхъ деревьевъ, которыя здѣсь превосходно выдерживаютъ. Разведенію шоколадныхъ деревьевъ препятствуютъ лишь завезенныя сюда крысы, которыя, несмотря на всѣ мѣры предосторожности потребляютъ такъ сильно плоды, что мѣстами пришлось бросить культуру этого растенія. Зато послѣднее время начали разводить ваниль, культура которой все болѣе и болѣе разрастается. Будущее покажетъ, оправдаются ли тѣ ожиданія, которыя возлагаются на это растеніе, — ваниль сильно колеблется въ цѣнѣ и къ тому же произрастаетъ успѣшно лишь при такихъ условіяхъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ естественнымъ условіямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ она водится въ дикомъ состояніи. Правительство само устроило нѣ-

сколько плантацій ванили, плоды которой отмѣчаются наколами, чтобы не было поддѣлки.

Дорога по мѣрѣ приближенія къ вершинамъ принимаетъ все болѣе и болѣе сильную красную окраску, обусловленную латеритомъ—характерной для тропиковъ выв'ѣтривающейся породой гранита. На гранитныхъ обломкахъ, которые частью скатились съ горы Морнъ-Сейшеллуа, частью происходятъ изъ еще болѣе отдаленныхъ мѣстъ, д-ръ Брауеръ показалъ мнѣ вертикальные желобки, проточенные въ теченіе тысячелѣтій дождевою водою и увлекаемыми ею зернышками кварца. Особенно привлекателенъ дальнѣйшій путь вверхъ по склонамъ тѣмъ, что еще мѣстами сохранились остатки прежняго лѣса въ видѣ пандануссовъ, стоящихъ какъ на ходуляхъ, и пальмъ. По склонамъ Морнъ-Сейшеллуа онѣ образуютъ еще иногда рощицы, обрамленныя настоящими лугами изъ типичныхъ для тропиковъ папоротниковъ, относящихся къ семейству глейхеній.

Въ болѣе прохладной верхней полосѣ зажиточные обитатели Маэ построили элегантныя и окруженныя прекрасными садами лѣтнія виллы, которыя групируются вокругъ хребта, называемаго Ла-Мизеръ.

Видъ, открывающійся отсюда,—одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ подъ тропиками. Взоръ скользитъ надъ виллами, садами и плантаціями и останавливается на гордо вздымающемся Морнъ Сейшеллуа, вершина котораго кажется болѣе высокой, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ на ней постоянно лежатъ облака. Справа вытянулись въ рядъ три вершины, называемыя Тремя Братьями, слѣва круто поднимается Морнъ-Бланъ и обрывается на западномъ берегу. Передъ всѣми этими вершинами расположены покрытыя лѣсомъ округлыя предгорья, въ видѣ бастіоновъ съ крутыми стѣнами.

Открывается видъ и на далеко вдающуюся въ Индійскій океанъ и окруженную бѣлой полосой прибоя сѣверную часть острова. Ясно различаются бѣлыя массы домовъ Маэ, гавань Викторія и наша «Вальдивія», стоящая передъ нею на якорѣ. Ландшафтъ напоминаетъ береговые ландшафты Италіи, но превосходитъ ихъ сочностью красокъ и великолѣпіемъ тропической растительности.

Климатъ Сейшелльскихъ острововъ вполнѣ справедливо славится своей равномѣрностью и отсутствіемъ чрезмѣрныхъ жаровъ. Средняя годовая температура здѣсь +27—29° при ежедневныхъ колебаніяхъ въ 6—7°; въ болѣе высокихъ областяхъ она опускается до 20°. Слава этого архипелага, какъ здоровой климатической станціи въ тропикахъ, основывается еще и на томъ обстоятельствѣ, что малярія здѣсь почти неизвѣстна. Это стоитъ, по всей вѣроятности, въ связи съ тѣмъ, что многочисленные горные ручьи, низвергающіеся изъ гранитныхъ ущелій, благодаря крутымъ склонамъ острова, нигдѣ не образуютъ болотъ,—послѣднія встрѣчаются лишь на плоской южной части Маэ, которая въ санитарномъ отношеніи и является гораздо худшей. Хребты и вершины горъ почти постоянно закрыты облаками и эта вѣчная влажность обусловливаетъ сохраненіе горныхъ ручьевъ, которые никогда не пересыхаютъ. Несмотря на то, что мы попали на островъ во время южнаго лѣта, именно въ періодъ дождей, длящихся съ декабря по апрѣль, все же въ тотъ годъ мы застали какъ разъ ненормальныя условія, такъ какъ въ теченіе 7 недѣль не выпадало дождя. Было, дѣйствительно, нестерпимо жарко, когда мы около полудня приближались по совершенно открытымъ ущельямъ къ Моунтъ-Гаррисонъ. Съ большимъ удовольствіемъ сдѣлали мы привалъ у одного изъ горныхъ

ручьевъ между густыми кустами тропическихъ папоротниковъ и скромно позавтракали. Мы попробовали здѣсь, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно, половить раковъ, которые водятся въ ручьяхъ Сейшельскихъ острововъ. Особенно цѣнится здѣсь одна изъ крупныхъ креветокъ съ сильно удлиненными черными передними ногами (*Bithynis*), которая изъ моря переселилась въ прѣсную воду горныхъ ручьевъ.

Мы прошли еще недалеко и передъ нами открылся видъ на лѣсистые склоны Моунтъ-Гариссона, покрытые гигантскими капуциновыми деревьями (*Sideroxylon*), стволъ которыхъ, шириною въ 5—6 метровъ, поднимается въ вышину до 50 метровъ. Надъ этими деревьями носились во множествѣ красивыя тропическія птицы и здѣсь же мы съ удовольствіемъ привѣтствовали нашихъ старыхъ знакомыхъ—миловидныхъ бѣлоснѣжныхъ морскихъ ласточекъ (*Gygis*). Затѣмъ тропинка повела насъ мимо нѣсколькихъ засохшихъ деревьевъ, вытягивавшихъ свои вѣтви, какъ привидѣнія, въ таинственный полумракъ дѣвственнаго сейшельскаго лѣса.

Лѣсъ этотъ чрезвычайно своеобразенъ и представляетъ такія характерныя черты, какихъ мы не встрѣчали ни въ одномъ другомъ тропическомъ дѣвственномъ лѣсѣ. Особенно поражаетъ здѣсь присутствіе пандануcовъ (*Pandanus Hornei* и *P. Seychellarum*), которые обыкновенно привязаны къ береговой полосѣ. Къ нимъ примыкаютъ свойственныя лишь Сейшельскимъ островамъ пальмы, интересныя въ томъ отношеніи, что они стоятъ какъ бы на ходуляхъ. Общее впечатлѣніе такое, какъ если бы попалъ въ переполненную тропическими растеніями оранжерею—едва можешь подвигаться впередъ среди этого лабиринта роскошныхъ представителей флоры! Отъ времени до времени встрѣчается граціозный древовидный папортникъ *Cyathea Seychellarum*, поверхность же земли во многихъ мѣстахъ покрыта высокими циперацеями (*Hypolytrum latifolium*), образующими сплошныя заросли. Солнце едва проникаетъ чрезъ густую крышу листвы пальмъ и папоротниковъ, почва покрыта чернымъ перегноемъ, царитъ зеленоватый полусвѣтъ и воздухъ наполненъ своеобразнымъ ароматомъ дѣвственнаго лѣса, обусловленнымъ разлагающимися растительными веществами и пахучими папоротниками.

Кромѣ пальмъ, панданусовъ и папоротниковъ, дѣвственный сейшельскій лѣсъ хранитъ въ своихъ нѣдрахъ большое количество лиственныхъ породъ. Креолы даютъ имъ множество названій и различаютъ ихъ лучше, чѣмъ ботаники, которыми многія изъ породъ еще не опредѣлены точно. Администрація острова подарила намъ собраніе изъ 40 различныхъ сортовъ дерева, нѣкоторые между ними отличались тяжестью и прочностью.

Жизнь животныхъ въ дѣвственномъ лѣсѣ развита не особенно богато, но все же мы собрали нѣкоторое количество характерныхъ для Сейшельскихъ острововъ улитокъ и насѣкомыхъ. Между послѣдними нашлись представители прямокрылыхъ фазмидъ, здѣсь не замѣчалось, впрочемъ, тѣхъ изъ нихъ, которыя называются бродячими листьями (*Phyllium siccifolium*),—ихъ собираютъ на островѣ мальчишки на болѣе солнечныхъ мѣстахъ и охотно продаютъ ихъ европейцамъ. Эти прямокрылыя такъ удивительно напоминаютъ своей окраской и формой зеленыя листья, что даже и на растеніи, находящемся въ комнатѣ, трудно различить насѣкомое, если оно сидитъ смирно. Наиболѣе своеобразными представителями сейшельской фауны являются червяги, которыя, однако, встрѣчаются не только въ перегноѣ и въ гніющихъ ство-

лахъ дѣвственнаго лѣса, но и спускаются въ сырой землѣ вплоть до береговой области. Это амфибіи (одинъ изъ видовъ относится къ роду *Cryptopsophis* и два—къ роду *Hypogeophis*), которыя утратили, благодаря приспособленію къ подземному образу жизни, не только глаза, но и конечности, и по внѣшности напоминаютъ мѣдяницу. Замѣчательное развитіе и образъ жизни этихъ древнихъ формъ выяснены изслѣдованіями д-ра Брауера на Сейшельскихъ островахъ и братьями Саразинъ на Цейлонѣ.

Въ ботаническомъ саду Пераденіи, на Цейлонѣ, директоръ показывалъ намъ, какъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ экземпляровъ, пальму лодойцею—экземпляръ этотъ является, однако, карликомъ по сравненію съ тѣмъ огромнымъ деревомъ, въ тѣни котораго располагается зданіе островного управленія въ Маэ. Когда я разсматривалъ съ изумленіемъ эту удивительную пальму съ висящими гигантскими плодами, меня увѣряли, что и она даетъ лишь слабое представленіе о тѣхъ великанахъ, которые находятся въ ея естественныхъ условіяхъ. Мѣстность, гдѣ она встрѣчается, впрочемъ, чрезвычайно ограничена, именно она находится лишь на островѣ Праслинъ и на сосѣднемъ островѣ Кюріёзъ, да и тамъ лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нашъ сотоварищъ проф. Шимперъ хотѣлъ посѣтить это мѣсто, составляющее такую достопримѣчательность Сейшельскихъ острововъ, и мы съ большой охотою къ нему присоединились. Кто не видалъ лодойцеи въ уединенныхъ долинахъ, покрытыхъ дѣвственнымъ лѣсомъ, тотъ, можно сказать, не видалъ ничего на Сейшельскихъ островахъ! Инспекторъ лѣсоводства м-ръ Бати вмѣстѣ со своей супругою и ея братомъ сопутствовали намъ, когда мы 8-го марта, еще до восхода солнца, подняли якорь и по морю гладкому, какъ зеркало, и оживляемому рыбами и дельфинами, направились къ острову Праслину. Послѣ трехъ часовъ хода, этотъ зеленый островъ сталъ вырисовываться все яснѣе и яснѣе, и наконецъ мы остановились на якорѣ въ заливѣ св. Анны съ восточной стороны острова и съѣхали на паровомъ катерѣ на берегъ, лавируя между рифами, заросшими саргассовыми водорослями. На песчаномъ берегу насъ ожидали негры и мы съ большимъ удовольствіемъ отдохнули отъ палящихъ лучей солнца въ тѣни небольшой хижинки, покрытой пальмовыми листьями. Красная латеритовая тропинка поднималась вверхъ къ сѣверо-восточной сторонѣ острова, гдѣ и растутъ пальмы, всего лишь въ двухъ ущельяхъ.

Трудно передать то первое впечатлѣніе, которое получаешь, когда при неожиданномъ поворотѣ тропинки открывается видъ на ущелье, гдѣ выдѣляются могучіе стволы пальмъ. Роскошное развитіе вѣерообразныхъ листьевъ, красота и граціозность очертаній пальмъ, оригинальное ограниченное распространеніе ихъ, наконецъ, легенды, связанныя съ ними, все это невольно волнуетъ наблюдателя, видящаго эти чудныя деревья впервые. Легко понять, почему Линней назвалъ эти пальмы «князьями» (principes) и поставилъ ихъ во главѣ своей системы,—проникнутый величественностью ихъ внѣшняго вида, онъ не рѣшался отнести ихъ къ какому-либо другому классу растительнаго царства.

Толстые свѣтлые стволы поднимаются прямо, какъ свѣчи, до высоты 40 метровъ, тогда какъ рядомъ молодыя пальмы развиваютъ свои листья чуть не прямо изъ земли—листья эти достигаютъ 7 метровъ въ вышину при ширинѣ въ 4 метра. Эти молодыя пальмы кажутся,

положительно, еще красивѣе старыхъ, высоко поднимающихъ свои кроны надъ другими деревьями. Плодниковыя пальмы средней величины покрыты сплошь огромными плодами, которые напоминаютъ собою гигантскіе жолуди и сидятъ на черешкахъ. Какъ листъ, такъ и плодъ этой пальмы является наиболѣе крупнымъ изъ произведеній растительнаго царства. Плоды заключены въ толстую лубяную оболочку подобно кокосовымъ орѣхамъ, и подъ скорлупой, нѣсколько сердцевидно вырѣзанной, располагается ядро; отполированная скорлупа совершенно черна, какъ черное дерево.

Эти замѣчательные плоды, вѣсомъ около половины центнера, приносились отъ времени до времени теченіями къ Малединскимъ островамъ и къ западнымъ берегамъ Индіи и возбуждали тамъ съ давнихъ поръ вполнѣ понятное изумленіе. Происхожденіе ихъ было неизвѣстно и ихъ считали даже продуктами моря, называя и теперь еще употребительнымъ названіемъ морскихъ кокосовыхъ орѣховъ (coco de mer). Имъ приписывались цѣлебныя свойства и потому они цѣнились почти на вѣсъ золота: разсказываютъ, что графъ Рудольфъ Габсбургскій за одинъ такой плодъ заплатилъ 4.000 золотыхъ гульденовъ. Лишь въ 1769 году, при изслѣдованіи Сейшельскихъ острововъ, предпринятомъ по иниціативѣ герцога де-Праслина, была открыта инженеромъ Баррэ пальма, приносящая эти плоды. Лаббилардьеръ далъ этой пальмѣ остающееся и до сихъ поръ названіе *Lodoicea Seychellarum*. Баррэ былъ настолько непредусмотрителенъ, что нагрузилъ цѣлый корветъ морскими кокосами и отправилъ его въ Индію, гдѣ, разумѣется, уже при одномъ видѣ такой массы ихъ, цѣна сразу значительно и навсегда упала.

Пальма эта раздѣльнополая и, благодаря этому то обстоятельству, размноженіе ея и происходитъ такъ медленно, что обусловливаетъ ея рѣдкость. На ряду съ женскими пальмами, мы замѣтили вскорѣ и мужскія, которыя несутъ кисть цвѣтовъ длиною около метра, но цвѣты ихъ мелки, желтоваты, невзрачны и пахнутъ копрой или ароновымъ жезломъ.

Кромѣ своей внѣшности и размѣровъ пальма интересна и многими другими свойствами. Плоды ея требуютъ для своего созрѣванія не менѣе 7 лѣтъ; посаженные въ землю они даютъ лишь черезъ годъ ростокъ, который сперва ползетъ нѣсколько метровъ подъ поверхностью земли, прежде чѣмъ появляется на поверхности. Лишь черезъ 35—40 лѣтъ развиваются цвѣты, и трудно сказать, какого возраста могутъ достигнуть могучія деревья. Если уже у кокосовой пальмы каждая часть дерева идетъ въ прокъ и цѣнится, то еще болѣе драгоцѣнна въ этомъ отношеніи лодойцея. Дерево ея стволовъ черновато и противустоитъ вліянію внѣшнихъ условій не хуже желѣза. У германскаго консула д-ра Брукса я видѣлъ въ гостинной нѣсколько стволовъ лодойцеи,—дерево производило впечатлѣніе не менѣе цѣннаго и стойкаго, какъ канарскій лавръ. Листья пальмы употребляются туземцами Праслина для устройства крышъ на хижинахъ, тогда какъ изъ волоконъ листьевъ приготовляются плетенія и изящно сработанныя дамскія шляпы, а твердая скорлупа плодовъ идетъ на выдѣлку различныхъ сосудовъ. Подъ твердой скорлупой у зрѣлаго плода находится студенистая мякоть (эндосперма), хотя и освѣжающая, но имѣющая слишкомъ пѣсный сладковатый вкусъ, у болѣе старыхъ, полежавшихъ плодовъ она затвердѣваетъ въ твердую бѣлую массу. Пальма эта была бы по всей вѣроятности уже окончательно истреблена, еслибы заслуженный директоръ на островѣ св. Маврикія Джонъ Хорнъ не настоялъ въ 1875 году на

энергичномъ вмѣшательствѣ правительства въ пользу ея защиты. Одна изъ долинъ острова Праслина, гдѣ росли самые красивые экземпляры, и сосѣдній островъ Кюріёзъ были объявлены государственной собственностью и путемъ строгихъ мѣръ было устранено истребленіе остальныхъ пальмъ. Въ обоихъ долинахъ Праслина лодойцея встрѣчается не въ видѣ густыхъ лѣсовъ, а разбросана между остальными деревьями дѣвственнаго лѣса. Самый лѣсъ сухъ и отличается богатствомъ другими пальмами, между которыми выдѣляется встрѣчающееся лишь на Сейшелльскихъ островахъ дерево пальмистъ (*Deckenia nobilis*) своею красотою. Здѣсь, какъ и на Маэ, бросаются также въ глаза своими огромными листьями стевенсоніи и изъ лиственныхъ деревьевъ такъ называемое красное дерево (*Wormia*); ближе къ морю вмѣстѣ съ лодойцеями попадаются казуарины и превосходные экземпляры *Callophyllum*, называемаго здѣсь татамака. Кое гдѣ попадался и одинъ изъ видовъ пандануса.

Подъ могучею листвою лодойцей состоялся завтракъ, завершившій первую часть нашей прогулки. Съ понятнымъ интересомъ попробовали мы плоды пальмы и за ними послѣдовалъ чисто лукулловскій деликатесъ, какой простымъ смертнымъ можетъ случиться ѣсть развѣ лишь разъ въ жизни,—именно пальмовая капуста изъ лодойцеи, обладающая вкусомъ нѣсколько напоминающимъ миндаль. Мы получили ее и въ подарокъ, и ѣли ее еще нѣсколько разъ на суднѣ—это было положительно самое вкусное блюдо, какое намъ пришлось попробовать за все время пути!

Въ заключеніе нашей экскурсіи по Праслину мы должны были по страшной жарѣ перейти черезъ хребетъ на сѣверный берегъ, гдѣ насъ очень любезно приняли живущіе тамъ креолы и негры, которые доставили насъ затѣмъ въ лодкахъ на наше судно.

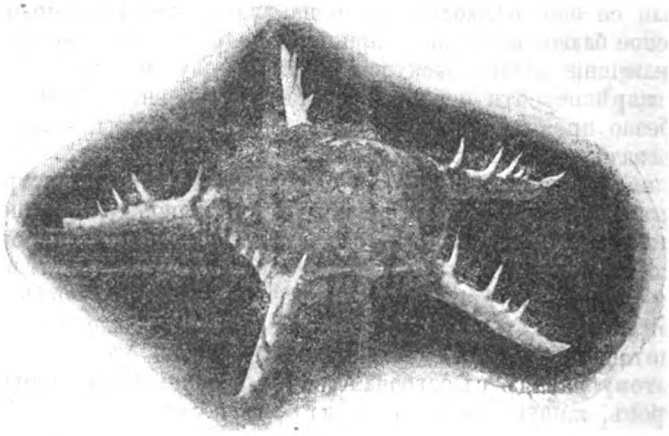
Здѣсь насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Владѣлецъ острова Фелиситэ м-ръ Гаральдъ Бати отправился въ сопровожденіи нашего штурмана на паровомъ катерѣ къ своему острову и привезъ оттуда, съ небольшого располагающагося передъ островомъ рифа, одну изъ огромнѣйшихъ и наиболѣе старыхъ слоновыхъ черепахъ (*Testudo elephantina*), которую онъ поднесъ экспедиціи въ подарокъ. Это было, дѣйствительно, почти допотопное чудовище, оно было перевезено сюда болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ съ острова Альдабры—еще дѣдъ одного изъ старыхъ негровъ, живущихъ на Фелиситэ зналъ эту черепаху. Кромѣ того м-ръ Бати далъ намъ еще двухъ другихъ болѣе молодыхъ черепахъ, а д-ръ Бруксъ присоединилъ еще одинъ экземпляръ, предназначенный для германскаго императора,—такимъ образомъ на палубѣ «Вальдивіи» образовалась цѣлая коллекція этихъ тупоумныхъ чудовищъ. Слоновыя черепахи на Сейшелльскихъ островахъ были неизвѣстны при первомъ посѣщеніи острововъ, ихъ привезли сюда съ острова Альдабры, гдѣ онѣ и посейчасъ водятся, благодаря удаленности этого острова,—онѣ скрываются тамъ въ густыхъ кустарникахъ въ довольно большомъ количествѣ. Ввезенныя на Сейшелльскіе острова черепахи размножались очень свободно и теперь почти на каждой фермѣ имѣется нѣкоторое количество черепахъ,—при особенно торжественныхъ случаяхъ онѣ доставляютъ креоламъ праздничное блюдо.

Намъ было разрѣшено стрѣлять на островѣ рѣдко встрѣчающихся тамъ эндемичныхъ птицъ, и коллекціи наши значительно увеличились цѣнной добычей. По всей вѣроятности Сейшелльскіе острова уже давно отдѣлились, такъ какъ почти каждая группа наземныхъ животныхъ содержитъ нѣкоторое количество свойственныхъ исключительно этимъ

островамъ формъ. Въ особенности это касается голубиныхъ птицъ, между которыми на островѣ Фели:итэ былъ застрѣленъ великолѣпнѣйшій экземпляръ *Alectroenas pulcherrium*.

Когда мы вернулись вечеромъ въ Портъ-Викторію, нагруженные ботаническими и зоологическими сокровищами, и высадили нашихъ любезныхъ спутниковъ, мы могли имъ отплатить за гостепріимный пріемъ, встрѣченный нами на Сейшелльскихъ островахъ, лишь очень скромною услугою. Уже 6 недѣль ни одинъ пароходъ не заходилъ на Маэ и потому мы съ удовольствіемъ взялись принять на судно почту и доставили ее затѣмъ аккуратнѣйшимъ образомъ въ Занзибаръ.

Торговыя сношенія съ Сейшелльскими островами за послѣднее время сильно уменьшились, благодаря тому, что пароходная компанія Messageries Maritimes прекратила заходъ на Маэ и на островъ св. Маврикія. Лишь изрѣдка, не болѣе раза въ мѣсяцъ, заходитъ сюда въ Портъ-Викторію англійскій пароходъ и только англійскія и наши германскія военныя суда, останавливающіяся здѣсь въ виду здороваго климата острововъ, вносятъ нѣкоторое оживленіе въ однообразное существованіе жителей.



Морская звѣзда *Styracaster* съ 2.492 метр. глубины.

ГЛАВА XIX.

Теченія. — Даръ-эсъ-Саламъ. — Растительность.—Занзибаръ.—Послѣднія работы.— Аденъ.

По возвращеніи съ Праслина мы вечеромъ 8-го марта подняли якорь и вышли, направляясь на западъ и оставляя Амирантскіе острова съ лѣвой стороны. Погода была очень тихая и на небѣ не было ни одного облачка. Въ теченіе восьми дней пути до восточно-африканскаго берега дулъ самый слабый вѣтеръ, поворачивающій постепенно къ сѣверо-востоку, и стояла превосходная ясная погода, при которой море было гладко, какъ зеркало.

Чтобы понять явленія на морской поверхности во время этого отдѣла пути и въ особенности отсутствіе ясно выраженнаго теченія здѣсь, слѣдуетъ познакомиться съ общей картиной распредѣленія теченій въ Индійскомъ океанѣ во время южнаго лѣта, т.-е. сѣверной зимы; намъ придется при этомъ вернуться и къ нѣкоторымъ изъ явленій, о которыхъ мы уже говорили неоднократно ранѣе при описаніи нашего пути въ области Индійскаго океана. Должно прежде всего выяснить условія вѣтра и теченій на югъ отъ экватора и затѣмъ уже перейти къ наблюдаемымъ на сѣверъ отъ него. Южный отдѣлъ Индійскаго океана образуетъ удивительную параллель распредѣленію теченій въ южномъ Атлантическомъ океанѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь имѣется огромный круговоротъ воды, движеніе котораго направлено противъ движенія часовой стрѣлки. Въ области западныхъ вѣтровъ, которую мы проходили какъ послѣ отхода изъ Капштата, такъ и во время нашего пути къ Кергуэльскимъ островамъ и острову св. Павла, сильными западными вѣтрами, переходящими нерѣдко въ бурю, обусловливается могучее теченіе къ востоку. Часть холодной воды доходитъ до западнаго берега Австраліи, отклоняется здѣсь къ сѣверу и сѣверо-западу и образуетъ такъ называемое Западное Австралійское холодное теченіе, соотвѣтствующее Бенгуельскому теченію юго-западнаго берега Африки. Это теченіе теряется въ Южномъ Экваторіальномъ теченіи, которое возникаетъ подъ вліяніемъ юго-восточныхъ пассатовъ; въ противоположность къ соотвѣтствующему теченію въ Атлантическомъ океанѣ, Экваторіальное теченіе не переходитъ за экваторъ въ сѣверное полушаріе, а сказывается во время сѣверной зимы приблизительно до 10° юж. шир., а во время сѣвернаго лѣта лишь нѣсколько далѣе, до 5° южн. широты. Такимъ образомъ въ теченіе сѣвернаго лѣта архипелагъ Хагосъ находится въ области юго-восточнаго пассата и Южнаго Экваторіальнаго теченія, идущаго съ востока на западъ. Быстрота этого теченія незначительна,—лишь мѣстами, напримѣръ, вблизи сѣверной

оконечности Мадагаскара, у мыса Амберъ, теченіе это получаетъ скорость болѣе двухъ морскихъ миль въ часъ. Далѣе это теченіе доходитъ на уровнѣ приблизительно 10° южн. шир. до восточно-африканскаго берега и раздѣляется здѣсь на двѣ вѣтви—одну болѣе слабую, захватывающую Занзибаръ и направленную сперва къ сѣверу и затѣмъ къ сѣверо-востоку, и другую, болѣе значительную—такъ называемое Агуласское теченіе, которое у мыса Дельгадо получаетъ южное, а затѣмъ юго-западное направленіе. Агуласское теченіе соотвѣтствуетъ Бразильскому теченію въ Атлантическомъ океанѣ, но является въ то же время гораздо болѣе сильнымъ, болѣе обширнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ постоянныхъ теченій, которыя намъ извѣстны. Въ своей начальной части оно называется Мозамбикскимъ теченіемъ, скорость его постепенно возрастаетъ, оно проходитъ мимо Наталя, имѣя здѣсь юго-западное направленіе, минуетъ

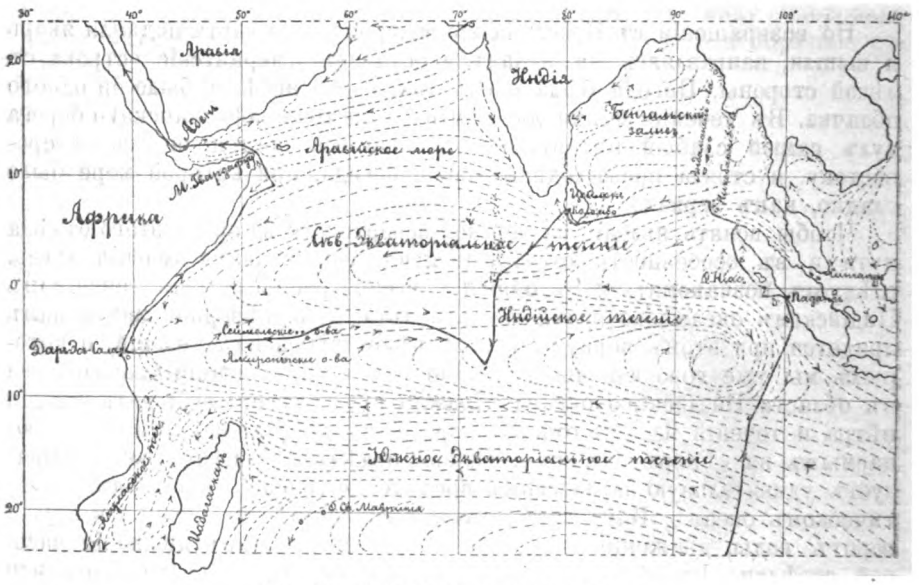


Рис. 73. Теченія Индійскаго океана.

Агуласскую банку и, какъ было уже ранѣе сказано, разбивается, наконецъ, на множество вѣтвей, теряющихся въ теченіи, вызванномъ западными вѣтрами. У южнаго Капланда быстрота этого теченія настолько велика, что здѣсь корабли сносятся имъ въ сутки уже на сто миль къ западу.

Что касается до теченій Индійскаго океана, располагающихся на сѣверъ отъ экватора, то они въ такой степени подвержены вліянію муссоновъ, что мѣняютъ два раза въ годъ свое направленіе. Во время сѣверной зимы, когда дуетъ сильный сѣверо восточный муссонъ, почти всѣ водныя массы направляются на западъ, тогда какъ во время сѣвернаго лѣта, при нерѣдко переходящихъ въ бурю юго-западныхъ муссонахъ, вода поверхности направляется къ востоку, обусловливая тѣмъ нерѣдко сильное смѣщеніе судна. Съ полной справедливостью указываютъ обыкновенно на эту перемѣну теченія подъ вліяніемъ перемѣны вѣтра, какъ на наиболѣе блестящій примѣръ тому, что теченія обу-

словливаются прежде всего господствующими вѣтрами. Въ виду того, что мы проходили по Индійскому океану во время сѣверной зимы и весны, насъ интересуютъ здѣсь главнымъ образомъ теченія, сказывающіяся въ это время года. Подъ вліяніемъ сѣверо-восточнаго муссона водныя массы направляются какъ въ Бенгальскомъ заливѣ, такъ и въ Арабскомъ морѣ и, наконецъ, на параллели сѣверной оконечности Суматры, Цейлона и во всей части океана между Малединскими островами и восточно-африканскимъ берегомъ къ западу. Мы назовемъ все это западное теченіе Сѣвернымъ Экваторіальнымъ теченіемъ. Впрочемъ, несмотря на такое общее направленіе воды, какъ въ сѣверо-западной части Бенгальскаго залива, такъ и въ Аденскомъ заливѣ и подъ берегомъ Аравіи замѣчаются теченія въ противоположномъ направленіи именно на сѣверо-востокъ или ONO. Наконецъ, между Бомбеемъ и Каликутъ, вдоль западнаго берега Индіи, замѣчается теченіе вдоль берега, направленное на югъ. Сѣверный и южный берега Цейлона омываются Сѣвернымъ Экваторіальнымъ теченіемъ, которое здѣсь и на сѣверной оконечности Малаккскаго пролива достигаетъ наибольшей быстроты. Въ западной части Индійскаго океана между экваторомъ и 8° южн. шир. наблюдаются лишь очень измѣнчивыя и слабыя движенія воды. Только далѣе къ востоку, по направленію къ западному берегу Суматры, становится постепенно замѣтнѣе восточное теченіе, которое направляется въ концѣ концовъ къ югу-востоку и при сильномъ сѣверо-западномъ муссонѣ достигаетъ нерѣдко значительной быстроты. Это восточное теченіе, какъ не трудно въ этомъ убѣдиться, соотвѣтствуетъ въ Атлантическомъ океанѣ Гвинейскому теченію. Мы уже упоминали о немъ, когда говорили о приближеніи къ Суматрѣ.

Между этими двумя огромными круговоротами потоковъ, приблизительно въ центрѣ образуемаго ими вихревого движенія, располагаются области, лишенныя теченій и характеризующіяся штилями и иногда высокимъ атмосфернымъ давленіемъ. Такую область, лишенную теченій, мы прошли южнѣе экватора, покинувъ островъ св. Павла и Новый Амстердамъ, и въ такую же точно область мы вступили теперь, покинувъ Сейшелльскіе острова и вплоть до прихода къ восточно-африканскимъ берегамъ.

Днемъ наступало обыкновенно безвѣтріе и лишь ночью дулъ легкій бризъ, небо было безоблачно, и стояла страшная жара. Термометръ на солнцѣ показывалъ 50°, тогда какъ въ тѣни онъ колебался между 28° и 32°. Это, положимъ, температуры, которыя нерѣдко встрѣчаются и у насъ на континентѣ и не производятъ тамъ впечатлѣнія невыносимой жары. Если же онѣ здѣсь, подъ тропиками, среди океана, такъ угнетаютъ, то это обусловливается тѣмъ, что воздухъ насыщенъ влагою до крайняго предѣла. Потъ совершенно не испаряется на тѣлѣ, и всякая работа становится вдвое труднѣе. Никогда мы не чувствовали себя такими слабыми, какъ именно теперь, въ области экватора. Уже на слѣдующій день по выходѣ съ Сейшелльскихъ острововъ, 9-го марта, мы имѣли случай наблюдать въ полдень курьезное явленіе,—палка, поставленная вертикально, не отбрасывала никакой тѣни.

Свободно дышать можно было лишь тогда, когда, послѣ стоянія въ теченіе многихъ часовъ подъ палящимъ солнцемъ, наше судно съ окончаніемъ работъ пускалось снова полнымъ ходомъ впередъ. Всѣ завидовали капитану, который устроилъ себѣ изъ распиленной бочки

сѣдалище, куда клалъ ледъ изъ холодильника. Нельзя было особенно изумляться, когда подъ вліяніемъ жаровъ нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи пробовали вечеромъ въ серьезъ дѣлать моментальные снимки облаковъ при вспышкѣ магнія.

Промѣры, которые мы предприняли на этомъ пути, показали намъ, вскорѣ послѣ того какъ мы покинули Сейшелльскую банку, 9-го марта, 2.377 метровъ глубины (4° 34′ южн. шир. и 53° 43′ вост. долг.), а 11-го марта мы нашли удивительно большую глубину въ 5.071 метръ (4° 45′ южн. шир. и 48° 59′ вост. долг.). Температура на днѣ на 5.000 метрахъ была +1,2°, и дно оказалось состоящимъ изъ желтовато-бѣлаго глинистаго глобигериноваго ила. Въ виду того, что сѣти и проволока при промѣрахъ стояли почти вертикально, мы использовали эту часть пути насколько только могли, чтобы получить возможно больше температурныхъ серій и улововъ замыкающимися сѣтями. Когда была найдена огромная глубина въ 5.071 метръ, намъ показалось интереснымъ узнать при помощи замыкающейся сѣти, какіе организмы плаваютъ надъ самымъ дномъ. Замыкающаяся сѣть была опущена на 5.000 метровъ и, какъ можно было заключить по небольшому количеству ила на винтѣ, коснулась дна. Сѣть эта устроена, однако, такъ, что не могла открыться, даже если бы лежала на днѣ, и потому организмы, заключавшіеся въ ней, могли происходить лишь изъ глубокихъ слоевъ воды надъ самымъ дномъ, именно, изъ слоевъ около 60 метровъ надъ дномъ. Когда мы ее подняли, въ сѣти оказались мелкіе рачки-копеподы съ ихъ личинками и радіоляріи изъ семейства чэлленжеридъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поражало обиліе пустыхъ раковинокъ тинтиннидъ, радіолярій и глобигеринъ. Это показываетъ, что на такой глубинѣ скопляются въ особенно большомъ количествѣ пустыя раковинки различныхъ организмовъ надъ самымъ дномъ. Интересные результаты дали также уловы вертикальными сѣтями. Мы добыли здѣсь цѣлый рядъ новыхъ глубоководныхъ рыбъ, характерныхъ бо́льшею частью совершенно черною окраскою и присутствіемъ свѣтящихся органовъ. Наиболѣе курьезной находкой между рыбами были здѣсь тѣ личинки рыбъ, у которыхъ глаза располагаются на длинныхъ стебелькахъ—мы будемъ о нихъ говорить еще позднѣе. Не могу не привести здѣсь также моментальнаго снимка, полученнаго нами съ одного изъ самыхъ чудовищныхъ представителей семейства лофіидъ—*Melanocoetus*, который пришелъ живымъ на по-

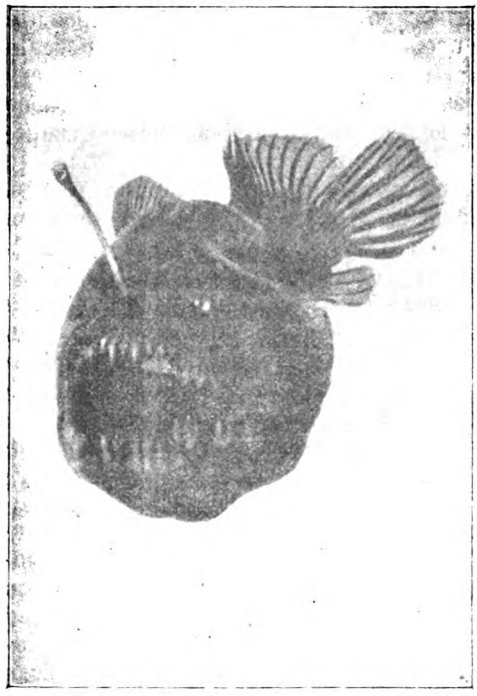


Рис. 74. Живой *Melanocoetus* (моментальный снимокъ).

верхность и прожилъ у насъ въ охлажденномъ аквaріумѣ еще два часа. Къ рыбамъ присоединялись головоногія, также со стебельчатыми глазами, и цѣлый рядъ ракообразныхъ, между которыми находились гигантскіе и совершенно къ тому же прозрачные представители рода *Thaumatops*. Мы добыли здѣсь также и замѣчательныхъ голотурій,—чрезвычайно нѣжныхъ и похожихъ на актиній *Pelagothuria*.

Поверхность моря не выказывала особенно богато развитой жизни. Но зато насъ съ самыхъ Сейшельскихъ острововъ провожали цѣлыя стада дельфиновъ и летучія рыбы, которыя вылетали изъ воды такими густыми роями, какихъ мы нигдѣ не видали. Во время остановки судна, однако, около него собирались обыкновенно въ такомъ количествѣ огромныя акулы, что мы не рѣшались спускать нашу маленькую лодочку для лова на поверхности. Мы прилежно занимались стрѣльбою по нимъ, бросая имъ въ качествѣ приманки разбитыя бутылки или сохранявшееся въ спиртѣ мясо, которое онѣ тѣмъ не менѣе съ успѣхомъ проглатывали. Изслѣдованіе содержимаго желудковъ нѣсколькихъ экземпляровъ, пойманныхъ на крюкъ, показало, что акулы въ состояніи проглатывать иногда и сидящихъ на нихъ прилипалъ (*Echeneis*). Свѣченіе моря, какъ и вообще въ Индійскомъ океанѣ, было здѣсь относительно мало развито и обусловливалось преимущественно мелкими ракообразными (*Lucifer*, *Pleuromma*).

Когда мы 14-го марта приблизились уже къ восточно-африканскому берегу и измѣрили глубину въ 2.959 метровъ (6° 13′ юж. шир. и 41° 17′ вост. долг.), мы рѣшились, наконецъ, произвести ловъ траломъ. Мы ожидали найти здѣсь на этой глубинѣ почти въ 3.000 м. лишь бѣдную фауну и были потому пріятно изумлены огромнымъ количествомъ видовъ, которое было поймано. Мы добыли здѣсь нѣкоторое количество раковъ-отшельниковъ, выставляющихъ изъ раковинъ свои клешни, покрытыя длинными осязательными щетинками, усоногихъ изъ рода *Scalpellum*, пикногоновъ, желтыхъ офіуръ и морскихъ звѣздъ изъ рода *Styracaster*, червей, губокъ-гексактинеллидъ и нѣкоторое количество слизистыхъ комковъ, покрытыхъ глобигериновыми раковинками,—по всей вѣроятности, гигантская форма корненожекъ. Уловъ этотъ укрѣпилъ насъ въ намѣреніи изслѣдовать впослѣдствіи подробнѣе восточно-африканскій берегъ, обѣщающій обильную добычу.

Утромъ 15-го марта мы увидѣли восточно-африканскій берегъ. Съ большимъ напряженіемъ вглядывались мы въ даль, стоя на палубѣ и разсматривая маленькіе коралловые-островки, одинъ изъ которыхъ былъ превращенъ въ карантинную станцію, тогда какъ на другомъ, Макатумбе, находился маякъ съ бѣлыми и черными полосами. Низменный мысъ, надъ которымъ поднимались вдали исчезающія въ синевѣ неба горы Пуху, огромные баобабы, столь характерные для чернаго континента, и просвѣчивающее между пальмами зданіе, похожее на дворецъ, оказавшееся позднѣе огромнымъ госпиталемъ,—таковы были первыя впечатлѣнія, полученныя нами отъ нашихъ восточно-африканскихъ владѣній. Вскорѣ мы замѣтили на располагающейся нѣсколько южнѣе возвышенности, живописное зданіе католической миссіи и затѣмъ вступили по извилистому, намѣченному буйками фарватеру, въ глубоко врѣзающуюся въ континентъ бухту. Намъ рѣдко приходилось во время нашего пути видѣть такіе чудные ландшафты, какъ видъ на огромную и тихую лагуну Даръ-эсъ-Салама, развернувшійся передъ нами внезапно послѣ крутого поворота узкаго фарватера. Мы никогда не представляли себѣ сто-

лицу нашихъ восточно-африканскихъ колоній такою красивою! На сѣверной сторонѣ обширной котловины располагается масса правительственныхъ построекъ. Прямо поражаешься, сколько здѣсь сдѣлано въ теченіе тѣхъ немногихъ лѣтъ послѣ умиротворенія послѣдняго возстанія! За правительственными зданіями, прячущимися въ пальмахъ, виднѣются домики чиновниковъ, отель «Германскій императоръ», строенія германской восточно африканской компаніи, таможня, казенныя мастерскія и строящіяся католическая и протестантская церкви. Множество маленькихъ лодочекъ оживляетъ бухту, въ ней мы замѣтили стоящаго на якорѣ нашего стараго знакомаго по Капштату—германскій крейсеръ «Ласточка». На южной сторонѣ лагуна сильно расширяется, окаймлена мангровыми зарослями и невысокими холмами, по которымъ разбросаны поля и плантаціи, баобабы и зонтичныя акаціи. Рѣдко гдѣ принимали германскую экспедицію съ такимъ почетомъ и радушіемъ, какъ здѣсь, въ восточной Африкѣ. Городъ украсился флагами, и какъ губернаторъ, генералъ фонъ-Либертъ, такъ и всѣ чиновники и мѣстные коммерсанты наперерывъ старались сдѣлать наше пребываніе здѣсь интереснымъ для насъ и пріятнымъ. Поѣздка по Даръ-эсъ-Саламу, совершенная въ день прибытія вмѣстѣ съ губернаторомъ послѣ обѣда, показала намъ, что рядъ красивыхъ зданій, стоящихъ на берегу лагуны, отнюдь не представляетъ изъ себя декораціи, скрывающей бѣдныя хижины и непригодную для культуры страну. Можно было только высказать свое полное удовлетвореніе при видѣ солидныхъ и, для тропическихъ условій, грандіозныхъ сооруженій въ остальныхъ частяхъ города. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, госпиталю и находящейся подъ руководствомъ д-ра Шульмана агрономической станціи. Широкія улицы, окаймленныя виллами и группами деревьевъ ботаническаго сада, прорѣзаютъ европейскую часть города и позволяютъ видѣть отовсюду темно-голубую поверхность моря. На берегу поднимается одиноко, рѣзко вырисовывающаяся на фонѣ кокосовыхъ пальмъ пальма «думъ», со своими многократно дѣлящимися вѣтвями и торчащими во всѣ стороны вѣерообразными листьями.

Съ тѣхъ поръ, какъ туземцы убѣдились, что нигдѣ они не могутъ найти столь полной защиты и спокойствія, какъ вблизи города, арабская часть города, и въ особенности негритянская, разростаются постепенно все болѣе и болѣе.

Проходя по длиннымъ улицамъ, окаймленнымъ основательно построенными хижинами туземцевъ, невольно проникаешься убѣжденіемъ, которое сложилось уже на Суматрѣ и въ особенности на Малединскихъ островахъ,— именно, замѣчаешь, что магометанство имѣетъ, несомнѣнно, благотворное вліяніе на народности, относящіяся къ его вѣроученіямъ безъ особаго фанатизма, но исполняющія все же его религіозныя предписанія,—вліяніе это можетъ быть формулировано тремя словами: чистоплотность, трезвость и честность. Эти три основныя добродѣтели соединяются, обыкновенно, съ широкимъ гостепріимствомъ и дѣлаютъ пребываніе между такими магометанскими народностями особенно пріятнымъ. Такими чертами рѣзко отличаются и негры восточно-африканскаго берега отъ другихъ первобытныхъ племенъ западной Африки,— послѣднія своей нечистоплотностью, пьянствомъ и постоянными обманами вызываютъ къ себѣ, положительно, непріязненное чувство. Получивъ лишь наружный лоскъ цивилизаціи, они становятся порою настоящей каррикатурой европейцевъ. Съ другой стороны, негръ-магомета-

нинъ производитъ симпатичное впечатлѣніе уже при первомъ взглядѣ своимъ красивымъ восточнымъ нарядомъ.

Мудрое распоряженіе, чтобы чиновники и европейцы, при сношеніяхъ съ туземцами, говорили на языкѣ «кизуахели», не мало способствуетъ тому, что населеніе тѣснѣе связывается съ администраціей. Съ другой стороны, и послѣдней легче при этомъ проникать въ образъ мыслей населенія,—она скорѣе понимаетъ его нужды и какъ бы приближаетъ туземцевъ къ себѣ.

Окрестности Даръ-эсъ-Салама такъ часто уже описывались болѣе компетентными наблюдателями, что мы ограничимся указаніемъ лишь на то, что особенно бросается въ глаза натуралисту. Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе растительность, которая развита гораздо богаче, чѣмъ можно было бы ожидать, и придаетъ мѣстности особенно типичную физіономію. Губернаторъ хорошо зналъ, что̀ можетъ произвести на насъ наиболѣе сильное впечатлѣніе, и по его предложенію мы уже на слѣдующій день, рано утромъ, отправились верхами въ «Саксонскій лѣсъ» Даръ-эсъ-Салама. Былъ періодъ смѣны муссоновъ, и затягивавшееся по временамъ облаками небо, послѣ долгой и мучительной засухи, которая внутри страны обусловила даже голодъ, посылало, отъ времени до времени, потоки дождя. На широкой дорогѣ, ведущей внутрь страны, царило большое оживленіе. Встрѣчавшіеся намъ туземцы привѣтствовали насъ радушно словомъ «ямбо». Между ними попадались субъекты, поразительно исхудавшіе и свидѣтельствовавшіе о томъ, какое ужасное время пережило населеніе. Съ другой стороны, объѣденные листья кокосовыхъ пальмъ, печально стоящихъ съ оставшимися лишь средними черешками, говорили о другомъ пережитомъ бѣдствіи,—о нашествіи саранчи.

Чѣмъ далѣе подвигались мы внутрь страны, тѣмъ болѣе сказывался характеръ кустарниковой саванны, которая чередовалась съ кустарниковыми зарослями,—она является очень характерной для восточно-африканскаго побережья. Лѣсъ располагается лишь въ плоскихъ впадинахъ, гдѣ въ періодъ дождей скопляется вода. Тамъ же, гдѣ грунтовыя воды въ сухое время года отсутствуютъ, получаетъ перевѣсъ саванна. Она представляетъ изъ себя покрытыя травою поверхности, усѣянныя большимъ количествомъ мелкихъ деревьевъ и кустарниковъ. Между жесткими пучками травы, достигающей до колѣна, разрастается въ періодъ дождей богатый коверъ цвѣтущихъ растеній. Въ большинствѣ случаевъ группы древесныхъ растеній вырастаютъ на старыхъ покинутыхъ гнѣздахъ термитовъ, которыя имѣютъ видъ округлыхъ холмиковъ. Самымъ высокимъ деревомъ саваннъ является *Erythrophyllum guineense*, цѣнимое за свою древесину, которая похожа на красное дерево; это дерево высотою до 30 метровъ, съ прямымъ стволомъ и широкой зонтикообразной кроной. Наравнѣ съ нимъ значительныхъ размѣровъ достигаетъ также дерево тамариндъ, которое растетъ исключительно на старыхъ гнѣздахъ термитовъ. Къ нимъ присоединяется множество мало извѣстныхъ, быть можетъ, даже не описанныхъ деревьевъ изъ семейства мотыльковыхъ и акаціи, которыя не выше нашихъ фруктовыхъ деревьевъ и нерѣдко даютъ очень цѣнное поддѣлочное дерево. Всѣ эти древесныя породы вѣчно зелены и обладаютъ особенностями, свойственными растеніямъ сухихъ тропическихъ областей, именно, кожистыми, маленькими или средней величины листьями, которыя нерѣдко перисты, относительно толстой чешуйчатой корой на стволѣ и густыми волосками на почкахъ. У многихъ была

уже развита молодая зелень красноватыхъ или желтоватыхъ оттѣнковъ. Вслѣдствіе того, что время цвѣтенія совпадаетъ съ серединой сухого времени года, мы были въ состояніи собрать лишь плоды; послѣдніе приспособлены отчасти къ распространенію при помощи вѣтра, отчасти къ распространенію животными, причемъ въ данномъ случаѣ наибольшее значеніе могутъ, повидимому, имѣть столь часто встрѣчающіеся въ саваннахъ голуби. Нерѣдко низкіе кустарники и деревья бывали сплошь затянуты однимъ изъ паразитическихъ растеній изъ семейства лавровыхъ, именно *Cassytha filiformis* съ кирпично-красными или зеленоватыми нитями стеблей.

Послѣ часовой ѣзды кустарниковая саванна перешла постепенно въ кустарниковый лѣсъ—«Саксонскій лѣсъ»,—это одна изъ наиболѣе привлекательныхъ окрестностей Даръ-эсъ-Салама. Мы посѣтили здѣсь домъ лѣсничаго, получившій названіе «Фридрихсруэ», и были тамъ встрѣчены высокимъ рыжебородымъ индусомъ, который провелъ насъ къ хозяину. Здѣсь владѣнія лѣсничаго г. фонъ-Брухгаузена, который съ большою любезностью принялъ насъ и въ особенности своего коллегу по наукѣ проф. Шимпера. При дальнѣйшей характеристикѣ растительности я буду, какъ и выше, придерживаться тѣхъ указаній, которыя были мнѣ даны моимъ сотоварищемъ ботаникомъ.

Мы давно уже перестали разсматривать тропическій лѣсъ примѣнительно къ нашимъ европейскимъ, но здѣсь къ этому восточно-африканскому кустарниковому лѣсу приходилось примѣнять опять совершенно иную мѣрку, чѣмъ по отношенію къ влажнымъ лѣсамъ Камеруна и Суматры.

Тамъ, гдѣ почва и воздухъ одновременно насыщены влагою, тропическій лѣсъ поражаетъ, прежде всего, обиліемъ ліанъ и паразитическими растеніями,—изъ нихъ первыя привязаны къ влажной почвѣ, тогда какъ вторыя—къ влажному воздуху. Здѣсь, въ Саксонскомъ лѣсу, ліаны тоже не только не отсутствовали, но и находились даже въ поразительно большомъ количествѣ—онѣ поднимались очень высоко и обладали иногда довольно толстыми стволами. Нахожденіе ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что лѣсъ стоитъ на почвѣ, обильной влагою. Зато почти полное отсутствіе высшихъ паразитическихъ растеній, изъ которыхъ мы замѣтили лишь двѣ небольшія орхидеи, указываетъ на то, что влаги въ воздухѣ недостаточно даже для существованія здѣсь довольствующихся очень немногимъ папоротниковъ. Древесныя породы въ лѣсу бо́льшею частью иныя, чѣмъ въ саваннѣ, но благодаря ихъ значительной вышинѣ и густотѣ лѣса онѣ труднѣе различимы. У нихъ также нѣтъ кроны, непроницаемой для солнечныхъ лучей, и вѣроятно именно этому-то обстоятельству и должно приписать, что кустарниковыя породы, благодаря обилію свѣта, получаютъ здѣсь особенно роскошное развитіе. Наиболѣе часто встрѣчались между кустарниками нѣкоторыя мареновыя и *Sanseviera*. Во всякомъ случаѣ, условія существованія для кустарниковъ подъ этимъ рѣдкимъ покровомъ листвы деревьевъ, черезъ который проникаетъ достаточно свѣта, являются болѣе благопріятными, чѣмъ для самихъ деревьевъ,—кроны послѣднихъ въ сухое время года непосредственно подвергаются дѣйствію солнечныхъ лучей, и въ то же время онѣ защищаютъ отъ этихъ жгучихъ лучей растущіе между деревьями кустарники. Многіе кустарники находились въ полномъ цвѣту—цвѣты были по бо́льшей части бѣлые, съ длинными трубчатыми вѣнчиками, оканчивающимися звѣздообразно.

Они распространяли сильный ароматъ и, надо предполагать, были приспособлены для опыленія ночными бабочками.

Совершенно иной характеръ носитъ растительность у Даръ-эсъ-Салама ближе къ берегу и на небольшихъ, располагающихся передъ нимъ коралловыхъ островкахъ. На самомъ берегу лагуны развивается обширная мангровая растительность, образованная преимущественно деревьями *Sonneratia acida* средней величины. Во время отлива ихъ многочисленные побочные корни, вышиною въ нѣсколько футъ, торчатъ прямо изъ земли, какъ спаржа, и производятъ крайне оригинальное впечатлѣніе. Они служатъ «пнейматофорами», т.-е. доставляютъ запасъ кислорода подземнымъ частямъ дерева и встрѣчаются и у другихъ мангровыхъ деревьевъ, за исключеніемъ ризоферъ.

Тамъ, гдѣ отсутствуютъ мангровыя деревья, развиваются на берегу пандануса, тогда какъ далѣе внутрь страны характерный отпечатокъ ей придаютъ баобабы. Мы встрѣтили ихъ ранѣе въ саваннахъ Конго безлистыми и съ вѣтвями, вытянутыми, какъ у привидѣній, здѣсь же они теперь были покрыты богатѣйшей зеленью и производили впечатлѣніе курьезныхъ гигантовъ, выше которыхъ поднимаются лишь кокосовыя пальмы. Между всѣми остальными растительными формами являются характерными низкія степныя пальмы (*Hyphaene*), зонтичныя акаціи и отдѣльныя деревья *Sideroxylon*. То тамъ, то здѣсь простираются болѣе или менѣе обширныя травяныя поверхности, на которыхъ пасется скотъ танганайкской породы, отличающійся огромными рогами. Самыми удивительными растительными формами, однако, являются древовидные молочаи съ ихъ вѣтвями, поднимающимися вертикально, какъ гигантскіе канделябры. У нѣкоторыхъ видовъ замѣчаются на правильныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга твердыя ромбическія расширенія. Молочаи сообщали особенно характерный видъ флорѣ коралловыхъ островковъ.

На южномъ берегу лагуны, благодаря стараніямъ д-ра Штульмана, устроены плантаціи алоэ, мало, впрочемъ, привлекательныя на видъ, такъ какъ онѣ представляютъ изъ себя вытянутые, какъ по линеечкѣ ряды растеній. Польза этихъ плантацій, однако, значительна: черезъ каждые два года листья обрѣзаются и раздавливаются машинами для добыванія изъ нихъ длинныхъ лубяныхъ волоконъ. Обработка очень проста, и въ результатѣ получается бѣлый волокнистый матеріалъ, который по прочности не уступаетъ манильской пенькѣ. Нерѣдко на этихъ плантаціяхъ причиняютъ опустошенія тѣ немногіе гиппопотамы, которые еще сохранились здѣсь кое-гдѣ. Однажды утромъ я собрался съ капитаномъ и отправился на паровомъ катерѣ, чтобы попробовать подобраться на выстрѣлъ къ этимъ чудовищамъ. Намъ, дѣйствительно, удалось видѣть двухъ гиппопотамовъ, выставлявшихъ надъ водою около мангровыхъ зарослей свои неуклюжія головы, но еще задолго до того, какъ мы подошли на выстрѣлъ, они нырнули подъ воду и исчезли. Зато мы имѣли возможность насладиться видомъ восхитительнаго солнечнаго восхода,—картины особенно привлекательной среди окружающей восточно-африканской природы. Темныя кроны баобабовъ и зонтичныхъ акацій, вѣерообразные листья пальмъ «думъ» и кокосовыхъ окрасились лучами восходящаго солнца въ такіе разнообразные тона, что ихъ не передать никакому художнику.

Торжественный пріемъ, оказанный намъ въ Даръ-эсъ-Саламѣ, завершился ночнымъ празднествомъ, которое намъ устроили въ акаціевомъ лѣсу на берегу лагуны. Пестрые лампіоны и бенгальскіе огни

освѣщали широкую площадку, на которой собрались всѣ представители германской колоніи и иностранцы. Вполнѣ цивилизованный вали города и бывшій занзибарскій султанъ Саидъ-Халедъ положительно очаровали насъ своимъ обращеніемъ. Въ павильонѣ для музыки былъ данъ настоящій концертъ капеллою гоанезцевъ подъ управленіемъ дирижера фельдфебеля Кнауста. Все общество усѣлось за длинные ряды столовъ и, подъ покровомъ усѣяннаго міріадами звѣздъ тропическаго неба, прислушивалось къ звукамъ марша изъ «Лоэнгрина». Отъ времени до времени небо освѣщалось ракетами, которыя пускали съ «Вальдивіи», стоявшей на якорѣ. Всѣ были настроены по праздничному и наслаждались прохладительными напитками, какъ вдругъ мирная бесѣда была прервана совершенно неожиданнымъ, сперва даже перепугавшихъ насъ ревомъ тысячи голосовъ... Между рядами столиковъ вдругъ прорвались сотни чернокожихъ фигуръ въ какихъ-то фантастическихъ одѣяніяхъ, съ палками въ рукахъ... Въ тотъ же моментъ въ темнотѣ раздался бѣглый огонь, встрѣтившій это неожиданное нападеніе. Это намъ сдѣлали сюрпризъ, устроивъ африканскую военную игру,—черезъ нѣсколько минутъ побѣжденные чернокожіе съ адскимъ ревомъ обратились въ бѣгство. За ними послѣдовали отряды аскаріевъ, прошедшіе мимо гостей безупречнымъ церемоніальнымъ маршемъ. Чернокожее населеніе также не хотѣло отставать отъ всеобщаго веселья и затѣяло пѣніе и танцы, сопровождавшіеся невообразимымъ шумомъ. Даже когда уже забрезжило утро, и «Вальдивія» приготовлялась сниматься съ якоря, по тихимъ водамъ лагуны все еще разносились ритмическіе звуки негритянскихъ пѣсенъ, сопровождавшихъ танцы.

Послѣдній день нашего пребыванія мы рѣшили употребить на работы траломъ въ окрестностяхъ Даръ-эсъ-Салама. Насъ сопровождали при этомъ губернаторъ, командиръ «Ласточки» съ офицерами и нѣкоторые гости. Присоединился къ намъ и вали, очень внимательно слѣдившій за всѣми операціями и затѣмъ задавшій вполнѣ естественный вопросъ: зачѣмъ мы измѣряемъ глубину тамъ, гдѣ нѣтъ никакой опасности для судна, и къ чему мы добываемъ съ такими издержками животныхъ съ глубины, которыя совершенно безполезны. Данные ему отвѣты, повидимому, совершенно сбили его съ толку,—вскорѣ, по крайней мѣрѣ, мы нашли его задремавшимъ въ одномъ изъ креселъ.

Промѣры показали на югъ отъ Занзибара относительно небольшую глубину—404 метра, но два улова траломъ, произведенные нами здѣсь, поразили насъ не менѣе, чѣмъ тотъ, который мы произвели, не доходя восточно-африканскаго берега, обиліемъ интереснѣйшихъ, до сихъ поръ не встрѣчавшихся глубоководныхъ животныхъ. Намъ попались въ этихъ уловахъ нѣсколько чрезвычайно курьезныхъ глубоководныхъ рыбъ, головоногія изъ рода *Cirrotheutis*, губки-гексактинеллиды и замѣчательныя креветки.

Рано утромъ 21-го марта мы покинули гостепріимный Даръ-эсъ-Саламъ и его живописную лагуну, сопровождаемые горячими пожеланіями счастливаго плаванія нашихъ соотечественниковъ. Вскорѣ передъ нами показался низменный берегъ Занзибара, окаймленный коралловыми островами, покрытыми лѣсомъ.

Нѣмецкая колонія пригласила насъ посѣтить Занзибаръ, и мы не преминули воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Черезъ три часа

ходу показались бѣлыя строенія города, и вскорѣ мы разглядѣли украшенный флагами и скрытый въ зелени пальмъ нѣмецкій клубъ. Передъ нами развертывались постепенно скученныя глинянныя жилища негровъ, низенькіе каменные домики и высокія зданія консульствъ, затѣмъ, завернувъ за выдающійся треугольный мысъ, мы увидѣли и весь городъ съ превосходными зданіями, съ рейдомъ, оживленнымъ коммерческими пароходами, военными судами и лодками туземцевъ. Развалины большого дворца воскрешаютъ и посейчасъ воспоминанія о недавней бомбардировкѣ города англійскими судами въ августѣ 1896 г. Этимъ закончился тотъ рядъ переворотовъ, благодаря которымъ султаны, повелѣвавшіе нѣкогда всей восточной Африкой отъ мыса Гвардафуя до Мозамбикскаго пролива, сдѣлались лишь послушными орудіями въ рукахъ англійскихъ министровъ. Новичокъ въ Занзибарѣ совершенно теряется среди царящаго тамъ невѣроятнаго смѣшенія африканскихъ и азіатскихъ народностей, да и дѣйствительно трудно разобраться въ этомъ живомъ этнографическомъ музеѣ, гдѣ перемѣшаны маскатскіе и суннитскіе арабы, белуджи, персы, индусы-магометане, индусы-веддисты, парсіи, католики-гоанезы, малайцы, китайцы, коморенцы, суданцы и, наконецъ, чернокожее населеніе, обнимающее чуть ли не всѣ племена центральной Африки. Прямо поразительна та увѣренность, съ которою мѣстные жители различаютъ по какимъ-то неуловимымъ физіономическимъ чертамъ, представляетъ ли изъ себя данный субъектъ индуса-магометанина или же шеита изъ секты коясовъ или бохорасовъ, является ли онъ парсіемъ или же гоанезцемъ и произошелъ ли негръ изъ озерной области или же изъ Ваніасса или Маніема! И если бы это все были еще представители чистыхъ расъ,— но тамъ нерѣдко все между собою такъ скрестилось и смѣшалось, что, въ концѣ концовъ, и самый тонкій знатокъ этнографіи не можетъ разобрать, выступаетъ ли у даннаго субъекта наружу больше негръ, арабъ или индусъ! Все это населеніе шумитъ и толчется по улицамъ, жуетъ что-нибудь или же сидитъ передъ домами и лавками, изощряя свое остроуміе, или степенно шествуетъ по улицамъ, или поклоняется Магомету, калифу Али, Буддѣ, Сивѣ, огню, фетишамъ или, наконецъ, христіанскому Богу. Хотя и приходилось читать, что Занзибаръ представляетъ изъ себя базаръ восточной Африки, но все же надо посмотрѣть его собственными глазами, видѣть передъ собою эту пеструю толпу и понаблюдать, какая здѣсь происходитъ борьба за существованіе между хитрыми и имѣющими мало понятія о чести торговцами Африки и Азіи, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе подобнаго торжища!

Наши соотечественники въ честь прибытія «Вальдивіи» закрыли свои торговыя конторы и приготовили намъ торжественную встрѣчу въ клубѣ Шамба. Имъ мы обязаны, что познакомились со страною и людьми здѣсь, насколько это позволялъ нашъ короткій визитъ. Поѣздка, которую мы предприняли по живописнымъ окрестностямъ города, позволила намъ полюбоваться роскошными полями и плантаціями по холмамъ, парками, садами, рощами и насажденіями гвоздики.

Послѣдній разъ посидѣли мы здѣсь подъ тѣнью кокосовыхъ пальмъ, которыя въ Занзибарѣ развиваются особенно богато. Когда, недѣлю спустя, мы приблизились къ сомалійскому берегу и имѣли передъ своими глазами печальное однообразіе пустыни, у многихъ изъ насъ шевельнулось желаніе увидѣть снова эти чудныя созданія тропической флоры!..

Обращаясь къ описанію послѣдняго отдѣла нашего пути, я долженъ сказать, что глубины въ 1.000—1.500 метровъ, находящіяся въ 15—20 миляхъ отъ восточно-африканскаго берега, оказались особенно благопріятными для работы траломъ. Мы предприняли отъ Занзибара до Адена 25 спусковъ большого трала и получили удивительно богатое количество самыхъ своеобразныхъ формъ глубоководной фауны. По количеству и по качеству фаунистическіе сборы экспедиціи стоятъ здѣсь не ниже ни въ какомъ случаѣ тѣхъ сборовъ, которые были произведены нами у Суматры и Никобарскихъ острововъ. Хотя и замѣчались нѣкоторыя черты, общія съ глубоководной фауной впадины Ментавей и Бенгальскаго залива, но все же здѣсь нашлось на этой незатронутой еще почвѣ огромное количество совершенно необычныхъ формъ, такъ что временами казалось, что передъ нами раскрывается новый и въ высокой степени интересный подводный міръ.

Къ берегу мы приблизились лишь разъ, 26-го марта, на 1° сѣв. шир. Онъ поднимается здѣсь въ видѣ довольно высокаго пустыннаго плато, красная латеритовая почва котораго была явственно замѣтна издали. Передъ нимъ располагались плоскіе холмы и монотонныя песчаныя дюны, на которыхъ кое-гдѣ виднѣлись сѣрые кусты и одиночныя зонтичныя акаціи. Мы подошли какъ разъ къ маленькому укрѣпленію Брава и были отъ него всего лишь въ двухъ морскихъ миляхъ; на фортѣ былъ поднятъ итальянскій флагъ вмѣстѣ съ флагомъ султана. Около города располагалось нѣсколько каравановъ на отдыхѣ, и неподалеку отъ него тянулись длиннымъ рядомъ нагруженные дромадеры, выдѣлявшіеся на желтоватомъ фонѣ пустыни.

Нѣкоторые дни было положительно невыносимо жарко и душно, и мы очень обрадовались, когда, начиная отъ 2° южн. шир., задулъ сѣверо-восточный муссонъ; хотя погода оставалась ясною, воздухъ сталъ все же нѣсколько свѣжѣе. Закончивъ нашу обильную результатами, но порою и утомительную, дневную работу, мы наслаждались по вечерамъ созерцаніемъ великолѣпнаго тропическаго неба. Нерѣдко намъ бросался въ глаза замѣчавшійся на западѣ зодіакальный свѣтъ, который отъ горизонта распространялся до Плеядъ и иногда даже до Ріона. Когда мы удалились на нѣсколько градусовъ къ сѣверу отъ экватора, мы, случалось, наблюдали иногда почти всѣ неподвижныя звѣзды первой и второй величины, какъ сѣвернаго, такъ и южнаго звѣзднаго полушарія одновременно, и любовались созвѣздіями, начиная отъ Большой Медвѣдицы и кончая Южнымъ Крестомъ и Магеллановымъ облакомъ.

Теченіе, зависящее отъ сѣверо-восточнаго муссона, было замѣчено нами въ видѣ сильной струи, направленной на юго-западъ, лишь недалеко отъ континента. На 2° 30' южн. шир. струя эта встрѣчаетъ отклоненныя къ сѣверо-востоку вѣтви Южно-экваторіальнаго теченія.

На поверхности показалась обильная фауна. Цѣлая стая золотистыхъ макрелей (*Coryphaena*) слѣдовала огромными прыжками за судномъ и доставляла преинтересное зрѣлище, благодаря необычайной прозрачности воды. Рыбы, почти въ метръ длиною, отливающія всѣми оттѣнками золотистаго, зеленаго и синяго цвѣта, быстро неслись, граціозно извиваясь, за блестящими жестяными рыбками нашихъ удочекъ. Еще прежде, чѣмъ удочка достигала поверхности воды, онѣ нерѣдко выскакивали и хватали рыбку на воздухѣ, такъ что въ нѣсколько минутъ мы наловили большое количество рыбъ, съ силою ударявшихъ своими хвостами по палубѣ.

Удивительно сильна была измѣнчивость окраски этихъ рыбъ: голу-

бой цвѣтъ ихъ уступалъ мѣсто золотистому, по которому распространялись то голубыя пятна, то серебристо-сѣрыя тѣни. Вскорѣ рыбы сдѣлались, однако, осторожнѣе, въ особенности послѣ того, какъ нѣсколько изъ нихъ сорвалось съ крючка; хотя онѣ и долго еще плавали вокругъ судна, но ни одна не хватала больше удочки. Немного спустя, къ нимъ присоединились два ската и рыба-молотокъ со своей удивительной расширенной въ стороны головою. Онѣ, однако, не соблазнялись нашими удочками и поймать ихъ не удалось, но зато мы застрѣлили пять акулъ, которыхъ выманивали на поверхность брошенными имъ бутылками. Страшно извиваясь, съ повернутымъ кверху брюхомъ, опускались онѣ на дно и еще на большой глубинѣ можно было слѣдить за ними глазами.

Послѣ послѣднихъ станцій въ открытомъ морѣ, мы направили нашъ курсъ на мысъ Гвардафуй и Аденъ. Вечеромъ наканунѣ Пасхи, 2-го апрѣля, показались высокіе хребты, вытягивающіеся вдоль мыса, и вскорѣ измѣненіе окраски воды и солености ея, превысившей 36 на 1.000 показало намъ, что мы вступили въ область, которая представляетъ изъ себя уже переходъ къ Красному морю. Въ Аденскомъ заливѣ мы сдѣлали еще два лова траломъ на 1.840 и 1.470 метровъ глубины, давшіе превосходные результаты. Наконецъ, 15-го апрѣля открылся живописный видъ на высокія вулканическія горы, господствующія надъ Аденскимъ заливомъ. Вся мѣстность черновато-сѣрая, пересѣченная красноватыми и бѣловатыми полосами, она кажется совершенно пустынной и печальной для тѣхъ, кто еще недавно наслаждался роскошной тропической растительностью. Когда мы сошли на берегъ и любовались съ возвышеннаго мѣста Аденомъ съ его внушительными укрѣпленіями и знаменитыми водохранилищами, мы убѣдились въ томъ, что и здѣсь растительность не совершенно отсутствуетъ. Путешественники, считающіе Аденъ каменистой пустыней, врядъ ли могутъ заподозрить, что въ дѣйствительности находятся въ настоящемъ ботаническомъ Эльдорадо, такъ какъ здѣсь, на Аденскомъ полуостровѣ, не менѣе 95 эндемичныхъ видовъ растеній. Въ виду того, что въ теченіе 7 недѣль до нашего прибытія шелъ дождь, часть этихъ растеній, въ высокой степени интересныхъ своими приспособленіями къ засухѣ, находилась въ цвѣту. Забавно видѣть, что арабы и сомали, смотрящіе на цистерны, въ которыхъ скопляется драгоцѣнная влага, почти съ благоговѣніемъ, указываютъ, какъ на наибольшую достопримѣчательность Адена, на баньяны (*Ficus bengalensis*), затѣняющіе эти цистерны!

Мы цѣлыми мѣсяцами шли по областямъ, гдѣ лишь рѣдко проглядываетъ солнце, затѣмъ испытали тропическіе ливни и томительную жару на экваторѣ, наконецъ, теперь попали въ мѣстности, гдѣ каждая капля живительной влаги почти священна для человѣка. Хотя мы и находились еще южнѣе тропика на 11°, намъ все же казалось, что мы навсегда распростились съ роскошью и великолѣпіемъ тропической природы. Нѣсколько грустное настроеніе наше было обусловлено еще и тѣмъ, что съ приходомъ въ Аденъ мы закончили одну изъ важнѣйшихъ задачъ экспедиціи, именно—изслѣдованіе глубинъ Индійскаго океана. Торопясь домой, мы быстро прошли затѣмъ Красное и Средиземное море...

Прежде чѣмъ разстаться съ океаномъ, мы въ слѣдующихъ главахъ поговоримъ о тѣхъ научныхъ сокровищахъ, которыя мы имѣли возможность добыть изъ глубинъ океана.

ГЛАВА XX.

Фауна глубинъ.

Мы попытаемся въ этой главѣ познакомить читателя съ нѣкоторыми типами глубоководныхъ организмовъ, причемъ будемъ придерживаться, главнымъ образомъ, матеріала, добытаго нами на восточно-африканскомъ берегу, гдѣ сборы наши были особенно обильны. Кто ожидаетъ здѣсь, однако, найти хоть сколько-нибудь исчерпывающее описаніе собранныхъ нами матеріаловъ, тотъ, навѣрное, разочаруется. Коллекціи наши только что розданы еще отдѣльнымъ спеціалистамъ, и пройдутъ годы, прежде чѣмъ будетъ возможно дать сколько нибудь законченное описаніе ихъ. Здѣсь мы даемъ лишь характеристику наиболѣе типичныхъ глубоководныхъ организмовъ, на основаніи нашихъ собственныхъ впечатлѣній во время пути.

Намъ кажется при этомъ желательнымъ раздѣлить глубоководные организмы на двѣ группы—на тѣхъ, которые живутъ на днѣ, и на ведущихъ пелагическій образъ жизни, т.-е. свободно плавающихъ въ глубокихъ слояхъ воды. Благодаря примѣненію вертикальныхъ сѣтей, наша экспедиція имѣла возможность рѣзче разграничивать эти двѣ группы, чѣмъ это дѣлалось ранѣе. Многіе глубоководные организмы, которые считались ранѣе водящимися на днѣ и приспособленными къ жизни въ илу, оказались въ дѣйствительности пелагическими формами. Они попадались прежде случайно въ тралы при прохожденіи послѣднихъ чрезъ выше лежащіе слои воды, и вполнѣ естественно, что ихъ пріурочивали къ гораздо бо́льшимъ глубинамъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ они въ дѣйствительности водятся. Впрочемъ,—должно оговориться,—рѣзкое разграниченіе придонныхъ животныхъ отъ пелагическихъ все же затруднительно. Относительно большого количества ракообразныхъ и оригинальнѣйшихъ глубоководныхъ рыбъ нельзя съ увѣренностью сказать, живутъ ли онѣ на днѣ или въ выше лежащихъ слояхъ.

Точно такъ же трудно рѣшить, съ какой глубины слѣдуетъ считать животныхъ глубоководными. Въ прежнее время считали границей между глубоководными и неглубоководными организмами линію стосаженной глубины, но позднѣе выяснилось, что такая граница совершенно условна. Въ арктической и антарктической области на глубинѣ ста саженъ, т.-е. около 180 метровъ, господствуетъ температура около 0, тогда какъ въ тропическихъ областяхъ на этой глубинѣ еще настолько тепло, что нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ не поселиться здѣсь животнымъ, водящимся ближе къ поверхности.

Въ общемъ можно лишь сказать, что глубоководная фауна начинается тамъ, гдѣ, съ одной стороны, уменьшеніе количества свѣта препятствуетъ растеніямъ къ ассимиляціи, и гдѣ, съ другой—темпера-

тура выказываетъ значительную разницу по сравненію съ поверхностной. Для арктическихъ и антарктическихъ областей является существеннымъ лишь первый факторъ, тогда какъ для тропическихъ и умѣренныхъ водъ—оба фактора вмѣстѣ. Въ областяхъ умѣренной полосы съ ихъ сильно колеблющимися температурами поверхности, глубоководная фауна начинается лишь тамъ, гдѣ температура становится постоянной и соотвѣтствуетъ приблизительно средней температурѣ поверхности во время зимы.

Наши изслѣдованія надъ распредѣленіемъ растительнаго планктона показали, что ниже 350 метровъ нѣтъ ассимилирующихъ организмовъ. Главнѣйшая масса послѣднихъ скопляется въ слояхъ до 80 метровъ глубины и лишь немногія формы спускаются до 350 метровъ, образуя такъ называемую «тѣневую флору». Является, слѣдовательно, вовсе не удивительнымъ, что въ антарктической области уже на относительно небольшой глубинѣ, благодаря сильному ослабленію свѣта, добываются организмы, которые носятъ характеръ глубоководныхъ. Въ тропической полосѣ граница смѣшенія между поверхностными и глубоководными формами лежитъ глубже. Нерѣдко намъ приходилось бывать въ затрудненіи, когда мы поднимали тралъ съ 300 метровъ глубины, свойственъ ли добытымъ организмамъ болѣе характеръ поверхностныхъ формъ или же—глубоководныхъ. Въ общемъ, можно, однако, сказать, что въ теплыхъ моряхъ ниже 400 метровъ находятся уже почти исключительно глубоководныя формы.

I. Придонная фауна глубинъ.

На морскомъ днѣ водится огромное количество простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ. Настоящими глубоководными формами между ними являются корненожки-фораминиферы, раковины которыхъ состоятъ, хотя и не всегда, изъ углекислой извести. Довольно трудно отдѣлить эти мелкіе организмы въ пробѣ грунта отъ тѣхъ, которые являются на днѣ въ видѣ отмершихъ раковинокъ, опустившихся съ поверхности. Благодаря тому, однако, что мы получали въ стеклянной трубкѣ, прикрѣпленной къ нашему лоту, до нѣкоторой степени какъ бы вертикальный разрѣзъ чрезъ поверхностные слои дна, являлось возможнымъ въ верхнихъ слояхъ этихъ пробъ добыть живыхъ фораминиферъ. Многія изъ нихъ поселяются, кромѣ того, на другихъ глубоководныхъ животныхъ, именно на кораллахъ и на корневыхъ пучкахъ губокъ-гексактинеллидъ, притомъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что, случается, образуютъ настоящую кору. Нѣкоторыя необыкновенно крупныя формы обладаютъ раковинками въ видѣ колчана, или же, развѣтвленными или округлыми изъ склеившихся вмѣстѣ частичекъ глубоководнаго ила. Такія крупныя корненожки изъ рода *Rhabdamina* были нами встрѣчены на атлантической сторонѣ Агуласской банки на глубинѣ 564 метровъ. На восточно-африканскомъ берегу мы нашли на глубинѣ 2959 метровъ студенистые диски, которые также были совершенно покрыты остатками раковинокъ глобигеринъ и частичками ила. Прежде подобныя формы считались за губки, но возможно, что онѣ представляютъ изъ себя голыхъ фораминиферъ.

Къ красивѣйшимъ представителямъ глубоководныхъ организмовъ относятся нѣкоторыя губки. Мы имѣемъ при этомъ въ виду не тѣ виды, скелетъ которыхъ состоитъ изъ известковыхъ иголъ или роговыхъ волоконъ (известковыя и роговыя губки свойственны болѣе

мелководнымъ областямъ), а такъ называемыя кремневыя или стеклянныя губки, называемыя также гексактинеллидами—у нихъ удивительно нѣжный скелетъ, сотканный изъ тончайшихъ иглъ чистаго кремнезема. При дальнѣйшемъ изложеніи я буду придерживаться данныхъ, сообщенныхъ мнѣ Ф. Э. Шульце, знаменитымъ знатокомъ этой группы, обрабатывающимъ теперь матеріалъ «Вальдивіи».

Названіе гексактинеллидъ дано этимъ губкамъ вслѣдствіе того, что кремневыя части скелета ихъ образованы шестилучевыми иглами (гексактинами) или же легко производимыми отъ нихъ формами. Иногда эти иглы встрѣчаются въ различной и по большей части очень изящной формѣ, изолированными, иногда же образуютъ прочный слившійся скелетъ въ видѣ тончайшей рѣшеточки.

Прослѣдимъ маршрутъ «Вальдивіи». Прежде всего на сѣверо-западъ отъ Шотландіи на 1.326 метровъ глубины были добыты полученныя уже прежними экспедиціями гексактинеллиды, затѣмъ въ большомъ количествѣ стали попадаться между Канарскими островами и островами Зеленаго Мыса тѣ же виды и нѣкоторыя новыя формы, близкія къ *Euplectella aspergillum*.

На Агуласской банкѣ, на юго-востокъ отъ Мыса Доброй Надежды, была добыта на относительно небольшой глубинѣ въ 100—120 метровъ новая форма съ мѣшкообразнымъ тѣломъ, усѣяннымъ нѣжными иголочками.

Область Бувэ не дала никакихъ гексактинеллидъ, но зато вблизи земли Эндерби мы добыли съ глубины 4.636 метровъ новыхъ представителей двухъ родовъ *Holascus* и *Caulophacus*, которые являются типичными обитателями самыхъ значительныхъ морскихъ глубинъ. У *Holascus* тѣло въ видѣ гладкой губки, сидящей пучкомъ кремневыхъ иглъ въ илу, тогда какъ *Caulophacus* грибовидной формы съ дискообразнымъ тѣломъ которое прикрѣплено къ почвѣ прирастающимъ къ ней стебелькомъ. На всемъ пути черезъ южную часть Индійскаго океана мы добыли кремневыхъ губокъ лишь вблизи острова св. Павла, но и то были уже извѣстные представители, водящіеся на скалистомъ грунтѣ.

Чрезвычайно богатый сборъ былъ полученъ на западномъ берегу Суматры, гдѣ было выловлено траломъ множество представителей самыхъ разнообразныхъ видовъ и, между прочимъ, въ особенно большомъ количествѣ изящныя тонкостѣнныя чашечки съ радіально выдающимися и имѣющими видъ перчатки выростами—*Aphrocalistes*, стѣнки у нихъ поддерживаются тончайшею кремневою сѣточкою съ мелкими шестиугольными ячеями. Такое же обиліе стеклянныхъ губокъ самыхъ разнообразныхъ формъ было найдено и нѣсколько далѣе къ сѣверу, у Никобарскихъ острововъ, гдѣ на одномъ только мѣстѣ, именно у западнаго входа въ каналъ Сомбреро, на глубинѣ 805 метровъ было добыто пять различныхъ видовъ,—изъ нихъ нѣкоторые были очень крупны, между прочимъ около 30 губокъ было величиною съ кулакъ и даже съ голову—это была *Pheronema raphanus*, имѣющая форму рѣдьки и добытая прежними экспедиціями въ Бенгальскомъ заливѣ. На сосѣдней станціи, на глубинѣ 752 метровъ, были добыты болѣе мелкіе экземпляры того же вида и замѣчательная новая форма въ видѣ античной чаши: еще далѣе къ югу на 362 метрахъ, мы добыли гигантскіе экземпляры вытянутой цилиндрической *Semperella* (рис. 76) длиною до 80 сант. и съ прекрасно сохранившимися сѣточками иголъ. По пути отъ Никобарскихъ острововъ черезъ Индійскій океанъ и вплоть до африканскаго берега мы встрѣчали мало стеклянныхъ губокъ, но

Рис. 75. Стекляная губка *Monorhaphis* (съ глубины 1644 метр.).

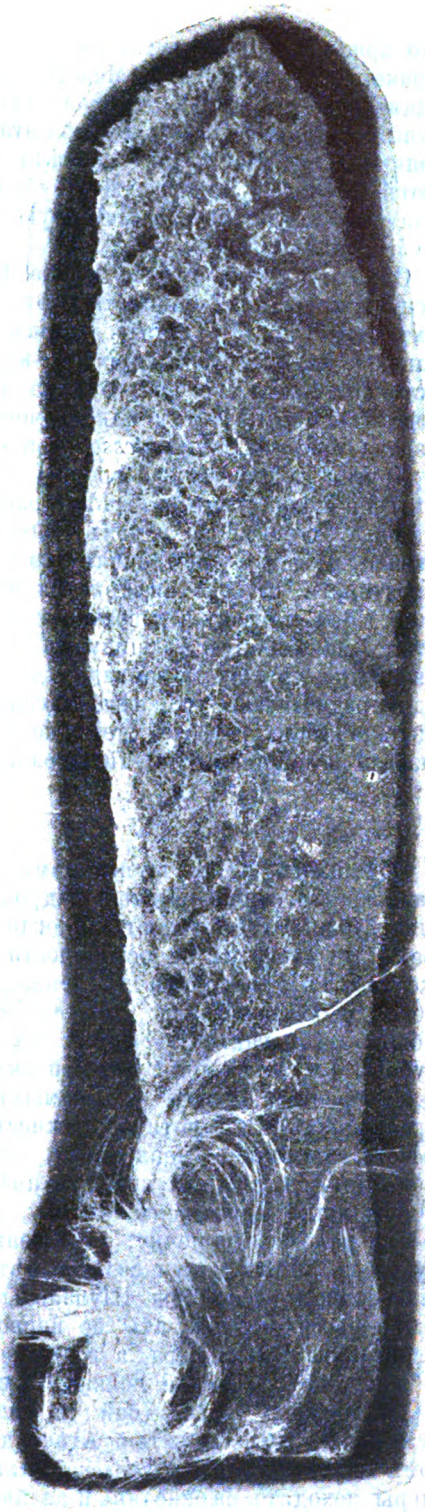


Рис. 76. Стекляная губка *Semperella* (съ глубины 362 метр.).

зато прямо подавляющее количество ихъ было добыто вблизи самого африканскаго побережья. Между собранными здѣсь многочисленными видами особенно замѣчательны двѣ новыя формы, относящіяся къ группѣ *Amphidiscophora*. Группа эта характеризуется изящными микроскопическими двойными якорьками (амфидисками), которые пронизываютъ тысячами мягкое тѣло губки и иглами въ видѣ елочки (пинулами) покрывающими всю свободную поверхность и защищающими животное отъ нападенія.

Одна изъ этихъ губокъ имѣла форму огромной чаши съ нѣсколько загнутыми краями ковша. Отъ рукоятки ковша, представленной нижнимъ отросткомъ, отходитъ пучокъ длинныхъ иголъ толщиною съ вязальныя; иглы эти, расширяясь на концѣ въ два зубца, образуютъ настоящіе якоря, которыми губка держится на морскомъ днѣ. За свое сходство съ ковшомъ и одновременно съ камбалой губка эта будетъ названа *Platylistrum platessa* (ковшъ-камбала).

Другая форма той же группы *Monorhaphis* (рис. 75) представляетъ изъ себя цилиндрическое тѣло толщиною въ руку, отъ нижняго края котораго отходитъ не пучокъ тонкихъ кремневыхъ иголъ, какъ обыкновенно, а одна единственная толстая и длинная игла, которая, по всей вѣроятности, глубоко внѣдряется въ морское дно. Полученная съ глубины 1.644 метровъ и довольно хорошо сохранившаяся игла этого вида имѣетъ наибольшую толщину въ 5 мм. при длинѣ въ 1,5 метра. Обломокъ иглы другого экземпляра достигаетъ толщины мизинца и потому надо предполагать, что цѣлая игла не короче трехъ метровъ. Эти гигантскія формы губокъ, нерѣдко усаженныя кораллами и актиніями, вызвали всеобщее изумленіе зоологовъ.

Обращаясь теперь къ полипамъ глубинъ, мы должны прежде всего указать, что самые нѣжные гидроидные полипы спускаются на огромныя глубины и достигаютъ иногда положительно гигантскихъ размѣровъ. Это касается въ особенности одиночнаго полипа, который былъ уже добытъ экспедиціей Чэллендера на большихъ глубинахъ Тихаго океана и былъ названъ *Monocaulus imperator*. Намъ также удалось добыть эту гигантскую форму на восточно-африканскомъ берегу, на глубинѣ 1.019 метровъ. Первый экземпляръ, добытый нами, былъ въ то же время и однимъ изъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе роскошно окрашенныхъ. Въ противоположность къ гексактинеллидамъ, которыя имѣютъ постоянно невзрачный желтоватый оттѣнокъ, *Monocaulus* проявляетъ роскошный подборъ цвѣтовъ красныхъ оттѣнковъ: стволъ его, сидящій основаніемъ въ илу, достигаетъ въ длину 1,15 метра и несетъ наверху чашечку, окруженную двумя рядами ярко красныхъ щупалецъ. Между ними сидятъ вѣтвистые стебельки, несущіе органы размноженія—гонофоры. Щупальцы располагаются не радіально, какъ можно было предполагать по первому описанію экземпляра, добытаго экспедиціею Чэллендера, а двусторонне-симметрично. Кромѣ того, мы добыли еще три болѣе мелкихъ экземпляра съ глубины 628 метровъ у Сомалійскаго берега—они по своей внѣшности совершенно напоминали экземпляръ, добытый Агассицомъ и неправильно принятый Маркомъ за актинію (*Branchiocerianthus*). По окраскѣ и формѣ наши экземпляры походятъ на описанный недавно съ береговъ Японіи и названный проф. Митсукури *Branchiocerianthus imperator*.

Особенно много удалось намъ добыть тѣхъ изъ полиповъ, у которыхъ вокругъ глотки находятся перегородки и имѣется 8 щупалецъ, т.-е. полиповъ изъ альціонарій. Обрабатывающій эту группу проф. Кюкенталь сообщаетъ мнѣ, что среди матеріала, добытаго «Вальдивіей», не только имѣются всѣ наиболѣе важные изъ изв стныхъ до сихъ поръ типовъ, но и поразительное количество новыхъ и замѣчательныхъ своимъ строеніемъ.

Мы уже указывали выше на тѣ превосходныя альціонаріи изъ рода *Umbellula*, которыя были первоначально найдены въ сѣверныхъ моряхъ. Еще въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія онѣ были добыты капитаномъ корабля «Британія» Адріаанцемъ у береговъ Гренландіи лотомъ съ глубины 300 саженъ. Сходные съ извѣстными намъ съ сѣвера роскошные экземпляры добывались нами какъ на островѣ Бувэ, такъ и на всемъ протяженіи нашего пути по Индійскому океану. Всѣ они положительно приковываютъ къ себѣ вниманіе, такъ какъ полипы окрашены обыкновенно въ превосходный темно-фіолетовый или шеколадно-коричневый цвѣтъ. Формы эти, относящіяся къ многочисленнымъ новымъ видамъ, мало отличаются отъ уже извѣстныхъ, но зато наши ловы на восточно-африканскомъ берегу познакомили насъ съ совершенно новымъ типомъ, родственнымъ тѣмъ же *Umbellula*. Это полипы около метра въ длину, съ тонкимъ стебелькомъ, который не оканчивается отдѣльной головкой, а несетъ какъ бы мутовки изъ двухъ-трехъ сидящихъ вмѣстѣ отдѣльныхъ полиповъ, находящіяся одна отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи (рис. 77). На тоненькомъ, почти вытянутомъ въ волосокъ концѣ полипняка сидитъ самый крупный и самый старый полипъ. На колоніяхъ этихъ можно прекрасно прослѣдить законъ почкованія, свойственный этому полипу.

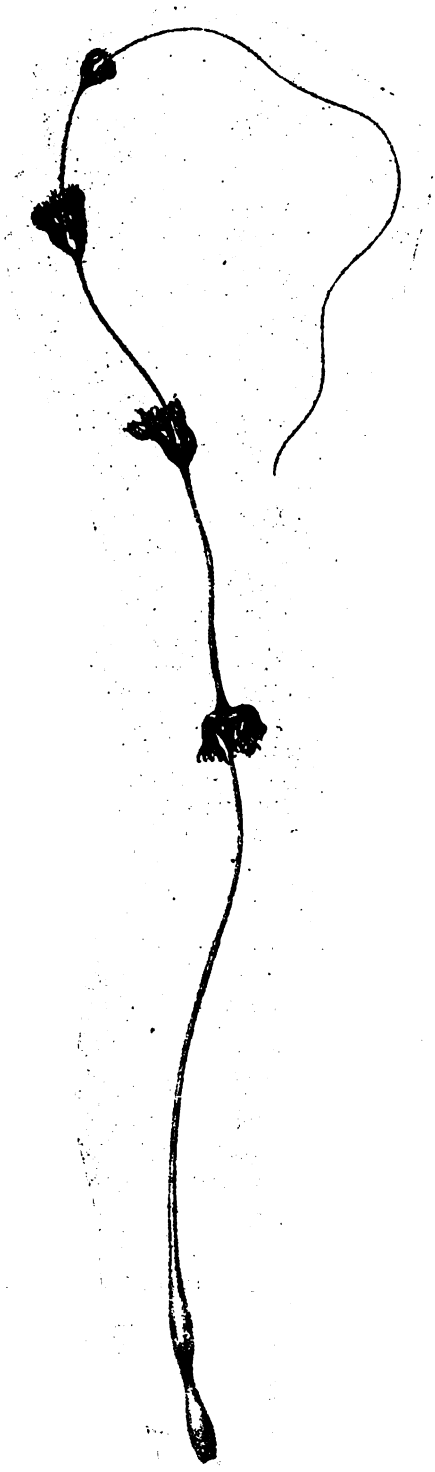


Рис. 77. Колонія альціонарій (съ глубины 865 метр.).

Очень обильно количество роговыхъ коралловъ горгонидъ, которые представлены въ нашей коллекціи родами *Isis*, *Isidigorgia*, *Dasygorgia*, *Septoptilum* и *Chrysogorgia* съ превосходными оранжевыми, красными или бѣлыми полипами. Особенно красивы виды послѣдняго рода, у которыхъ основной стебель завитъ спирально и отливаетъ, также какъ и боковыя вѣтви, золотистымъ металлическимъ блескомъ.

На ряду съ горгонидами было добыто небольшое количество новыхъ видовъ морскихъ перьевъ *(Pennatula)*, въ особенности во впадинѣ Ментавей и на Сомалійскомъ берегу.

Къ этому большому количеству восьмилучевыхъ альціонарій присоединяется порядочное число мясистыхъ одиночныхъ полиповъ—актиній, которыя особенно поражали насъ въ антарктическихъ водахъ своей замѣчательной ярко-красной окраской. Относящійся къ актиніямъ родъ *Cerianthus* представляетъ изъ себя обитателя наиболѣе значительной глубины въ 5.248 метровъ. Экземпляры, добытые на такой глубинѣ, отличались замѣчательно красивой фіолетовой окраской щупалецъ. Интересно, что животныя эти сидятъ въ длинныхъ трубкахъ, сдѣланныхъ изъ особой войлокообразной массы.

Чтобы покончить съ кишечнополостными морскихъ глубинъ, укажемъ, что и каменные кораллы не отсутствуютъ въ глубоководной области. Матеріалъ, добытый «Вальдивіей», не можетъ похвастаться особымъ изобиліемъ видовъ каменныхъ коралловъ, но, по сообщенію фонъ-Маренцеллера, представляется особенно цѣннымъ для изученія географическаго распространенія ихъ. Мы захватывали совершенно незатронутыя еще области, и этимъ объясняется, что существовавшія до сихъ поръ представленія по распредѣленію глубоководныхъ коралловъ значительно расширяются нашими сборами. Въ особенности должно подчеркнуть то обстоятельство, что значительное количество коралловъ, извѣстныхъ до тѣхъ поръ лишь изъ Атлантическаго океана, распространено и въ Индійскомъ. Вестъ-индскіе виды, добытые прежде Пурталэ, напримѣръ *Amphihelia rostrata*, оказываются вдругъ найденными у Никобарскихъ острововъ, и особенно цѣнными являются наши сборы коралловъ у острова св. Павла и Новаго Амстердама, такъ какъ именно здѣшніе кораллы указываютъ на связь атлантической и индійской глубоководной фауны. У этихъ одиноко лежащихъ въ океанѣ острововъ мы нашли *Solenosmilia variabilis*, *Desmophyllum crista galli*, *Lophohelia prolifera* и *Caryophyllia paradoxa*. Красивый коралл *Solenosmilia variabilis*, найденный во время второй поѣздки «Поркупинъ» у береговъ Португаліи и позднѣе «Чэлленжеромъ» у острововъ Тристанъ д'Акунья и Принца Эдуарда, былъ нами найденъ снова у острова св. Павла, причемъ найденные экземпляры оказываются совершенно тожественными съ тѣми, которые были добыты «Инвестигаторомъ» у Траванкоре и неправильно описаны подъ другимъ названіемъ. Точно также добытый нами у Новаго Амстердама *Stenocyathus vermiformis* тожественъ съ коралломъ, открытымъ Пурталэ у береговъ Вестъ-Индіи. Изъ новыхъ видовъ, добытыхъ «Вальдивіей», замѣчателенъ также одинъ изъ представителей рода *Flabellum*, поперечникъ чашечки котораго 95 мм., такъ что полипъ этотъ является настоящимъ гигантомъ между родственными формами.

Очень выдающуюся роль въ составѣ глубоководной фауны играютъ иглокожія. Почти въ каждомъ поднятомъ тралѣ находились представители голотурій, морскихъ звѣздъ, офіуръ и морскихъ ежей. Рѣже

стр.

17. За границей. Происхожденіе и развитіе народныхъ университетовъ во Франціи.— Борьба съ алкоголизмомъ.— Демонстрація дѣтей въ Миланѣ.—Общественныя владѣнія и дома для рабочихъ.— Американское исправительное заведеніе. — Выставка дѣтей въ Лондонѣ. 29
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Около Толстого».—Къ психологіи великихъ людей.—Послѣдствія трансваальской войны. 39
19. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О вулканической катастрофѣ на о. Мартиникѣ. Проф. Ф. Левинсонъ.-Лессинга. 46
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Изслѣдованія атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ. — Выдѣленіе подчелюстной железы.—Дѣйствіе синильной кислоты на сѣмена. В. А. . . . 56
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая.— Соціологія. — Психологія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 61
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. . . . 92
23. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Двѣ знаменательныя годовщины: столѣтіе смерти Радищева и пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Льва Толстого.—Значеніе Радищева «На зарѣ русской общественности» (изъ сборника г. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества»).— Міровое значеніе Толстого.— Общій взглядъ на его литературную дѣятельность. А. Б.. . 95
24. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Д. Коропчевскаго. 102

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 231
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ *редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

RETURN TO: CIRCULATION DEPARTMENT
198 Main Stacks

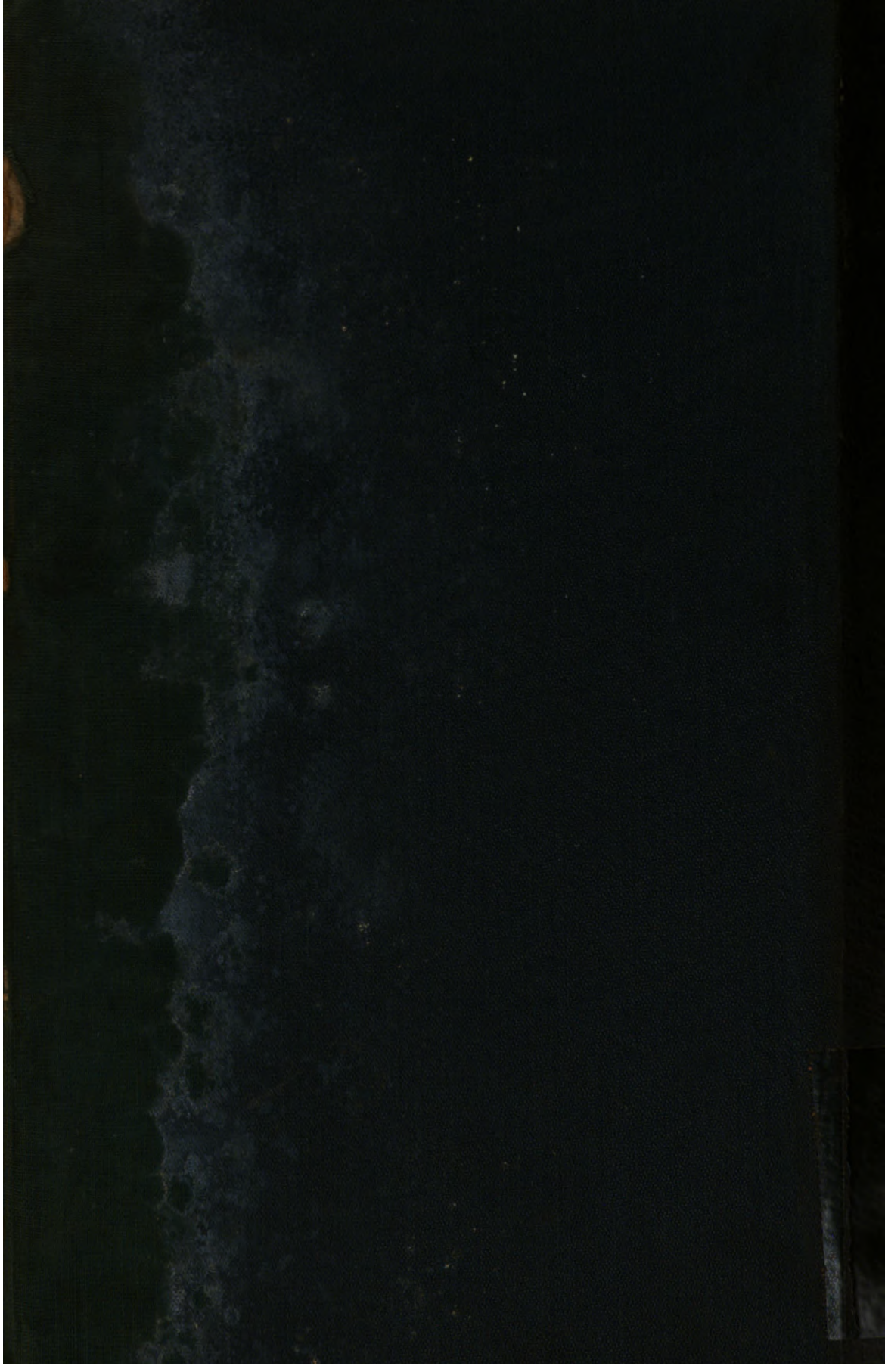
LOAN PERIOD 1 Home Use	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS.
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW.

OCT 0 1 2003		

FORM NO. DD6
50M 5-03

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
Berkeley, California 94720–6000

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637015